СПРЭГ ДЕ КАМП

БЕЗУМНЫЙ МИР

БЕЗУМНЫЙ МИР

СПРЭГ ДЕ КАМП

БЕЗУМНЫЙ МИР

НИКТО, КРОМЕ ЛЮЦИФЕРА

КОРОЛЕВА ОБОРВАНЦЕВ

СОЗДАТЕЛИ КОНТИНЕНТА

РАССКАЗЫ

ЗУБЫ ИНСПЕКТОРА ФИСЕСАКИ

ЛЕТНИЕ ОДЕЖДЫ

ВСЕ ХОРОШО, ЧТО ХОРОШО КОНЧАЕТСЯ

ГАЛТОНСКИЙ СВИСТОК

МАГИЧЕСКИЕ КРЕКЕРЫ

А НУ, ВПЕРЕД, ТЕЛЯТКИ!

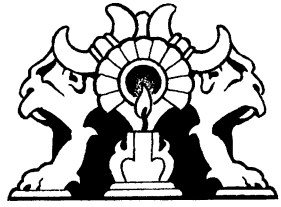
ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ

ATL

СПРЭГ

ДЕ КАМП

БЕЗУМНЫЙ МИР



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2015

ББК 84 (7 Сое)-44
Д 28

Составитель А. Лидин

Роман С. де Кампа и Ф. Пратта «Безумный мир» во многом созвучен с кэрроловской «Алисой в Стране Чудес». После того, как Фред Барбер выпил молока, которое хозяева оставили для эльфов из Англии времен Второй мировой, его, как младенца из ирландских легенд, похищают эльфы и переносят в волшебный мир, который живет по своим законам. Там, чтобы обрести свое истинное «я», Барберу, вооруженному лишь волшебной палочкой, предстоит совершить массу подвигов: победить кобольдов, обрести любовь древесной феи, избежать мести дикой сливы и коварных обольщений фермера-переселенца, вернуть себе истинный облик, сбежав из колдовских вод реки, победить орду диких орлов и осознать свое реальное место в мире.

Роман С. де Кампа и Г. Голда «Никто, кроме Люцифера» — своеобразная интерпретация «Фауста» Гёте. Отыскав современного Люцифера, который мало напоминает выходца из Ада, герой романа сначала становится компаньоном Повелителя мух и, добившись искомого, начинает совершать одну ошибку за другой…

Роман С. де Кампа «Королева оборванцев» — одно из первых произведений научной фантастики, посвященное взаимоотношению полов. Де Камп рисует мир, где человечество (точнее, существа, очень похожие на людей) образуют общество, напоминающее общество муравьев… И все это на фоне головокружительных приключений, где герои то и дело попадают из огня да в полымя…

Повесть «Создатели континента» и большая часть рассказов принадлежат к серии де Кампа «Межпланетные туры», которая рассказывает о туристическом бюро «Viagens Interplanetaria» («Межпланетные туры» по-португальски; в близком будущем доминирующей политической силой на Земле станет Бразилия), организующем экскурсии на планеты Вишну, Ганеша и Кришна, обращающиеся вокруг звезды Тау Кита.

Д 28

Л. Спрэг де Камп. — СПб.: «Издательство «Северо-Запад», 2015. — 832 с. — (Желтая серия). Тираж 50 экз.

ISBN 978-5-93835-558-3972-9-

КЛУБНОЕ ИЗДАНИЕ

ISBN 978-5-93835-558-372-9

© Перевод: К.Юрченко, А.Бурцев, 2015
© Перевод «Издательство «Северо-Запад» 2004
© Оформление
ООО «Издательство «Северо-Запад», 2015

БЕЗУМНЫЙ МИР

Land of Unreason

(роман написан в соавторстве с Флетчером Праттом)

Журнал «Unknow», №10, 1941

Глава 1

Луна вырвалась на свободу из темницы облаков. Окруженная их клочьями, она напоминала лодку, плывущую сквозь топкие болота. «Неудивительно, что в мифах гавайцев и ассирийцев, таких разных и далеких друг от друга народов, Луна считалась небесным кораблем,» — подумал Фред Барбер.

Ночь выдалась теплой. Сидевший рядом мистер Гертон закашлялся, сплюнул куда-то в заросли шиповника и потянулся к дверному косяку, чтобы выбить пепел из трубки. Несколько последних живых искр красными огоньками закружились в темноте, прежде чем погаснуть.

— Да, было времечко, — заметил мистер Гертон, — когда я бы сказал, что это выглядит красиво. А нынче только и думаешь, как бы эти проклятые фрицы не свалились на наши головы.

Словно доказывая, что есть в мире вещи гораздо важнее, нежели «фрицы», из дома донесся женский голос:

— Супчик готов.

Фред раздавил свой окурок и шагнул к двери. Обернувшись, он поймал краем взгляда явно чужеродное мерцание в небе, залитом лунным светом. Пристально всмотрелся и тяжело вздохнул, увидев темно-багровые пятна, вспыхивающие друг за другом над ночным горизонтом.

— Лидс зацепило, — как-то подчеркнуто спокойно заметил мистер Гертон.

Они стояли и смотрели вдаль, пока до них не долетел унылый отзвук взрывов — *бум, бум, бурурумм*, — прокатившийся вдоль долины Эйра. Только тогда мистер Гертон открыл дверь, словно этот гул освободил его от чар.

Сзади продолжало грохотать. Гертон отодвинул занавеску светомаскировки и вошел в прихожую, освещенную скудной полоской света из гостиной. Впустив Барбера, он подоткнул ткань.

— Утопят в крови этот прекрасный мир, черти, — пробормотал он.

Миссис Гертон — женщина с худым лицом, завязанными в пучок волосами и нервно трясущимися руками, — встретила их в дверях гостиной.

— Тише, Джок, не забывай, сегодня канун Святого Иоанна, — напомнила она. — Говорят, можно испортить ребенку всю жизнь, коли припутаешь нечистую силу.

Она улыбнулась, посмотрев на Барбера, но, судя по ее интонации и тому, как она оправила свой передник, говорила она серьезно.

Гертон кисло улыбнулся в ответ.

— Нет, старушка моя, — вздохнул он с терпением человека, давно привыкшего к спорам. — Это все глупые предрассудки. Что бы сказал на это викарий? — он вновь вздохнул. — Те вспышки, которые мы видели, отнюдь не волшебные огни.

Бум. Бумбум. Бум.

— До Брэтфорда добрались, — заметил мистер Гертон.

А потом он начал по обыкновению ворчать. Он бормотал о том, почему эти чертовые войны не могут оставить его в покое; о том, что ему с лихвой уже одной войны хватило...

Выслушивая это каждый вечер, Барбер начинал жалеть, что не уехал в Шотландию, как планировал, а позволил юному Личу уговорить его до полного выздоровления остаться здесь, в этом частном йоркширском пансионе: «Я знаю, вам здесь будет лучше». Черт бы побрал этого Лича и его набитую благими намерениями задницу! Все эти внушающие доверие благодетели только и умеют, что создавать реальные проблемы, пусть даже и не злонамеренно. Взять того же Чемберлена...

Мистер Гертон звякнул ножом о тарелку и посмотрел на часы. Они показывали без четверти одиннадцать.

БУ-У-УМ!

Зазвенела посуда.

От гренок с маленькими тощенькими сардинками пикантно пахло луком, которым они были обильно сдобрены.

— Я положила вам побольше зелени, мистер Барбер, — заметила госпожа Гертон.

— Премного благодарен, — ответил он.

Мистер Гертон схватил свой ломтик поджаренного хлеба, прижав сардинку длинными, узловатыми, почерневшими от мазута пальцами, и быстро отправил в рот, не дожидаясь, пока с тоста упадет хотя бы перышко лука.

«От лука лукавят», — всплыло вдруг в голове Барбера.

Его разум казался разделенным надвое. Одна часть сознания вызывая тревогу, отчаянно вращалась вокруг большой черной дыры, которую представляла собой война и все остальное, что из этого вытекало. С другой стороны, Барбер пытался отвлечь себя вопросом, почему Лука считался более острым на язык, чем другие евангелисты. Почему Лука-вят? Почему не Матфей-вят? Не Иоанн-вят, не Марк-вят? Почему именно так говорят, если на то пошло? Почему не Адольф-вят, которому слово «лукавый» подходило больше всего, гореть бы ему в аду...

Буум! Бу-у-у-ум!

Мистер Гертон встал и надел мятую мешковатую фуражку, казавшуюся безразмерной, так как скрывала почти все его лицо, худое, как у мертвеца, оставляя снаружи только длинный подбородок.

— Не волнуйтесь, мистер Барбер. Если они так будут сыпать до Кейли, нас не затронет. Поверьте мне.

Когда он вышел из-за стола, чтобы достать велосипед и укатить на работу, его бодрый шаг едва выдавал хромоту.

Миссис Гертон спокойно ухаживала за мужем. Но, как только за ним захлопнулась дверь, с языка хозяйки, как будто его освободили из плена, хлынули потоки слов.

— Война, война... — Голос женщины пытался пробиться в сознание Барбера, слух которого почти не воспринимал ее монотонную речь. — ... Джок-то был совсем молодым, когда ушел на ту войну. Там она его чуть и не доконала, война-то. Джок под обстрел не раз попадал, а однажды на них аэроплан бомбу-то как сбросит... они в окопах сидели, несчастные, и завтракали разве что сливами да яблочками, и вдруг как бабахнет, громче, чем машина выхлопной трубой. А он еще смеется, когда рассказывает: мол, если бы ему давеча не перебежала дорогу черная кошка...

Тук-тук.

Миссис Гертон открыла дверь. Тусклая лампа высветила маленького мальчика, обычного, ничем не примечательного

английского мальчишку, а еще — его велосипед и возбужденное, обеспокоенное лицо.

Прежде чем произнести хотя бы слово, он вынужден был отдышаться. «Усыпите их бдительность беседой ни о чем, прежде чем перейти к дипломатическим разговорам», — вспомнил Барбер наставления своего шефа из Государственного департамента, когда тот поручал ему первое задание, отправляя вице-консулом в Севилью.

Наконец мальчик взволнованно заговорил.

— Мам, скорее, там бомба упала рядом с домом Винстли. Там миссис Винстли, она, кажется, ранена... и еще доктор Тоули, просит, чтобы ты пришла...

— Сейчас, — ответила миссис Гертон.

Барбер заметил, как она обернулась, взглянув на него, схватив шаль.

Он встал, но слишком быстро, так что запульсировало в висках.

— Я бы... — начал он.

— Нет-нет, мистер Барбер, даже и не думайте. Доктор велел вас не беспокоить. Отправляйтесь-ка лучше в постель, и будете молодцом.

Миссис Гертон уже стояла в дверях и, прежде чем Барбер вступил в спор, исчезла в теплой ночи, спеша кому-то на помощь, туда, где продолжало грохотать.

Буум-буум.

Барбер опустился на неудобный табурет, расставил ноги, чтобы не упасть. Ныла голова. Он успел привыкнуть к смерти, которой, как понял, боишься лишь до тех пор, пока та не становится привычным компаньоном. Ведь невозможно жить и все время ждать, когда тебе срежет голову осколком шрапнели, — он понял это в ту ночь, когда, покинув посольство, попал под налет немецких бомбардировщиков. А может, это были британские самолеты? Немецкие или британские? Ведь кто-то же сбросил в ту ночь бомбы, осколок одной из которых задел ни в чем не повинного американца. «Вот и говори после этого о пользе дипломатического иммунитета, — рассуждал он, — чистая иллюзия в этом реальном мире».

Барбер вдруг почувствовал острое сожаление о том, что...

Буум. Буум.

Ради бога! Почему они не уймутся? Почему не прекратят?

Если бы он больше доверял Кайе, где бы она ни была той ночью, когда налетели бомбардировщики, то не ушел бы из посольства. И не страдал бы сейчас. Он позволил мыслям своим задержаться на приятном образе Кайи. На ее рыжих волосах и длинных ногах с нежной кожей, и на том факте, что, хотя у нее был прямой нос и венгерское имя, — она утверждала, что родилась в Будапеште, — Кайя, бесспорно, была еврейкой.

Кайя. Думать о ней было приятно, он обрел такую легкость, что хотелось взлететь. В голове вдруг зазвучал фрагмент из модного шлягера: «Интересно, кто целует ее теперь?..» Он криво усмехнулся. Наверное, любой, кто в состоянии купить ей достаточно виски. Кайя предпочитала виски шампанскому. Замечательный напиток, виски. Отличное средство, когда тяжело уснуть.

Он встал, медленнее, чем в предыдущий раз, достал бутылку виски и от души плеснул в стакан. Покрутил его в руках, гоняя по стенкам бледно-оранжевую жидкость. Поднес ко рту.

Бурурум.

И поставил его обратно. В его памяти как-то сам собой вдруг всплыл образ миссис Гертон. Когда хозяйка собиралась выйти во двор. В ее руках, кажется, было что-то вроде миски. Молоко? У Гертонов была кошка. Но зачем выносить молоко на улицу?

И тут Фред Барбер вспомнил, что миссис Гертон упоминала о кануне дня Святого Иоанна, двадцать третьего июня. О, да, как это сказано в «Золотой ветви»[1]: в эту ночь вы должны оставить молоко для маленьких человечков, особенно если в доме есть ребенок, поскольку, если маленький народец не получит свою дань, они, скорее всего, украдут ребенка и оставят подменыша. Занятное поверье. Кто бы мог подумать, что эта женщина, муж которой работает за сверлильным станком на заводе по производству боеприпасов и которая готова ухаживать за раненой соседкой, оставляет молоко под дверью для эльфов. Это, пожалуй, стоит того, чтобы написать небольшую язвительную заметку, послать в «Нью-Йоркер», получить за это чек и потратить его на скотч для Кайи.

[1] «Золотая ветвь. Исследование магии и религии» — труд известного британского ученого Джеймса Фрэзера (1854—1941), посвященный мифам и религия разных народов *(Здесь и далее прим. перев.)*

Фред Барбер обожал молоко. Сей факт он старательно скрывал от своих лондонских знакомых. Он был воспитан на обязательной кружке молока перед сном. Она помогала ему уснуть. Но с приходом войны молоко начали выдавать по норме, и этот напиток стал для него, как и для многих других, редким лакомством. Конечно, миссис Гертон получала молоко для ребенка. Но зачем отдавать молоко каким-то там эльфам? Фред Барбер с усмешкой заметил про себя, что он и сам ничуть не хуже любого эльфа. Миссия волшебных человечков состояла в том, чтобы приносить подарки, а он платил Гертонам целый фунт стерлингов каждую неделю.

Молоко. Одна только мысль о том, чтобы выпить его вместо виски, вернула Барберу силы и чувство собственного достоинства. Он мысленно вернулся в прошлое, в тот миг, когда только начинал свою карьеру. Если бы он мог обрести хотя бы часть своей прежней бодрости духа, небольшая трещина в черепе уже не имела бы значения. Он решил продемонстрировать твердую веру в себя, вспомнить о смысле жизни. К черту виски, и Кайю тоже! Он подошел к двери, преисполненный решимости, оправдывая себя тем, что в качестве снотворного молоко все же лучше, чем виски.

Лунный свет падал на миску, ее бледный круг отчетливо виднелся рядом с одним из цветочных горшков, расставленных вдоль задней стены дома. Барбер макнул палец и попробовал его на вкус. В блюдце действительно было молоко — хозяйка не обманула его ожиданий. Он поставил стакан с виски и, не обращая внимания на яростную бомбежку вдали, схватил миску обеими руками и медленно, с удовольствием, начал пить.

Над краем тарелки он видел красное зарево над Брэдфордом и тянущиеся ввысь лучи прожекторов, похожие на мерцающую паутину. Что же теперь делать бедным, несчастным эльфам в канун дня Святого Иоанна, оставшимся без молока в тот час, когда на их головы сыплются бомбы? Фред Барбер поставил миску обратно, а затем усмехнулся в темноте, как маленький мальчик, которому пришла в голову шкодливая идея. Возможно, их устроит... Скотч!

Он вылил всю порцию в чашку, наблюдая, как оставшиеся капли молока растворяются в виски, и усмехнулся при мысли о том, как изумится миссис Гертон, когда увидит, во

что превратилось молоко, которого она лишила собственного ребенка. За эти дни Фред истосковался по долгожданному чувству истомы, предвещавшей крепкий сон, которого он лишился с тех пор, как был ранен. Но теперь он был уверен, что это ощущение придет. Его наполняло умиротворение.

После ранения даже тусклый свет вызвал у него раздражение, но сейчас он не стал выключать ночник. Сладко растянувшись в постели, он дотянулся до полки над головой и нащупал лежавшую там книгу. Почему бы не почитать, прежде чем уснуть, — идея эта пришла сама собой. Что же это за книга?

Он осмотрел ее под светом ночника. Это был изрядно потрепанный номер «Пустомели»[2], принадлежавший, вероятно, старшему из детей Гертонов, который в настоящее время болтался где-то в холодной Атлантике на борту одного из кораблей флота Его Величества. Что же, за неимением детективного романа, с помощью которого всегда можно легко уснуть, сойдет и «Пустомеля». Он открыл страницу наугад и начал читать сверху, с середины какого-то рассказа о крестовых походах:

«...чтобы скорее перебраться на другую сторону реки, и не желая искать мост, он заставил свою лошадь прыгнуть в воду и попытался достичь берега вплавь. Но Фридрих был одет в тяжелую броню, а река оказалась глубже, чем он думал. Всадника и лошадь понесло течением, и предполагается, что они погибли.

Однако тело его так и не нашли, и в Германии верят, что он никогда не умирал. Говорят, что Фридрих Барбаросса, этот великий рыжебородый король, пребывает в своем замке Вартбург, где восседает на престоле, погрузившись в сон, а борода его стала такой длинной, что обвивает трон. Вороны кружатся вокруг замка. Раз в сто лет Фридрих просыпается и приказывает своим слугам узнать, не нуждается ли в нем мир, а когда узнает, что его момент еще не настал, он... «

[2] «Chatterbox» (Пустомеля, Болтун), еженедельная газета для детей старшего возраста, основанная в 1866 году британским священником Джоном Эрскином Кларком.

Барбер отложил книгу. «Как странно, что мальчик, который читал эту германскую легенду, теперь должен воевать против немцев», — подумал он. Но это были другие немцы, совершенно непохожие на того благородного короля, который пошел в крестовый проход против силы, подобной той, которую представляла собой современная Германия.

И Барбер погрузился в дрему: перед его мысленным взором скользили туманные образы фей, крестоносцев, Кайи и Гертонов.

Тиик.

Едва слышно заскрипели петли, словно кто-то пытался войти в комнату. И через несколько мгновений снова: *...тик-тик-тик...тик...тиииик, трииииик...*

Барбер, теперь полностью проснувшись, посмотрел на дверь. Та была открыта, и что-то проскользнуло в комнату. Барбер был не совсем уверен в этом, однако во мраке ему почудилось, что он увидел лицо, невероятную физиономию, как будто сошедшую со страниц комикса. Длинные губы, растянутые в такой широкой ухмылке, что не видно уголков рта. Барбер, пожалуй, сказал бы, что при такой улыбке они должны сходиться где-нибудь за спиной, как у Шалтая-Болтая. Огромные уши болтались по бокам физиономии, а на лысой макушке виднелась пара набалдашников, похожих на усики антенн.

«Ну, а почему бы и не антенны?» — пробормотал Фред про себя, испытывая странную двойственность от восприятия реальности — состояние, которое приходит на грани сна. А потом он окончательно уверился в том, что на самом деле спит, и снова скользнул в пустоту.

Глава 2

В синеватом лунном свете он лежал на боку, подложив одну руку под голову. Как вдруг...

Ему почудилось, что он лежит не в постели, а на траве. Барбер приподнял голову, уже полностью проснувшись. И увидел в собственных ногах ту самую, «приснившуюся» ему физиономию с ухмылкой и с шишками антенн, похожих на рожки улитки, которые настойчиво тыкались в него. Где-то позади существа теснились другие едва различимые фигуры. Он попытался прислушаться к тому, что говорил шишкорогий:

— ...Да, это будет невехкая ваботенка. — Шишкорогий развел руки, покачивая кистями, словно канатоходец. — Он свишком тяжевый... Ик...

Из легкой ряби подавленных смешков, раздавшихся из-за спины странного существа, Барбер отчетливо выделил нежное контральто:

— Витольд! Разве тебя так учили разговаривать с нашим Королевским Величеством? Что ты там мямлишь?

Подвижные черты лица физиономии из усмешки сложились в комичное выражение мрачной угрюмости.

— Я гововю: он тяжевый.

— Как же. Это я прекрасно разобрала и без твоих ослиных ушей. Что ты сказал после этого?

Барбер повернул голову. Контральто принадлежало дамочке с весьма ладно скроенной фигуркой, напоминающей силуэт танцовщицы из шоу, которое он когда-то видел и которое совершенно справедливо рекламировалось как «Десять потрясающих шведок-сердцеедок». Правда, в темноте он мог четко разглядеть только аристократичный профиль носа, волевой подбородок и диадему в виде светящегося полумесяца в темных волосах.

Существо с рожками ответило:

— Да ницево я не сказав. Ик...

Барбер испытал странное ощущение, словно шестое чувство подсказывало ему, что человечек был не совсем уверен в собственных словах. У высокой дамы, похоже, таких сомнений не было:

— Ах! Когда же это прекратится! — воскликнула она с надрывом. — Когда мой муж перестанет назначать посыльными болванов, которые умеют только беззастенчиво лгать! Когда я спросила, ты вновь позволил себе издевательскую насмешку в адрес своей доброй госпожи. Ты сказал: «Ик!»

Человечек с рожками переступил с ноги на ногу, открыл рот, намереваясь ответить, и вдруг упал. Остальные человечки окружили его, щебеча, бормоча и отпихивая друг друга.

Некоторые из маленьких людей были такого же роста, как шишкорогий, другие еще ниже, едва доставали ему до колен, а внешний вид их был столь же разнообразен, как и размеры. У многих, особенно у мелких, имелись крылья; другие были приземистыми и коренастыми, как будто чья-то могучая рука припечатала их, пока они находились в полужидком состоянии. Один человечек, с бородой и выпученными глазами, которые придавали ему выражение бесконечного удивления, был одет как брауни с картинок Палмера Кокса[3]; другие носили замысловатые одежды, не хуже, чем у короля Ричарда II, на третьих одежды было не больше, чем у бильярдного шара.

«Мне мерещатся чертики, или я схожу с ума?» — подумал Барбер. Одна часть его сознания испытывала крайнее удивление, в то время как вторая пыталась объективно разобраться в произошедшем.

— Ну и что там с этим мужланом? — требовательно спросила царственная особа, которая одна не соизволила присоединиться к толпе.

Брауни обернулся.

— Он спит. Валяется, как вяленая рыба, и храпит.

Раздались и другие голоса:

— Вероятно, волшебство... Наверное, это проделки лепреконов, они преследуют короля... Какие глупости, это коварство грязных кобольдов...

[3] Палмер Кокс — канадский художник-иллюстратор, писатель и поэт. Автор комиксов о приключениях вредных, но добрых сказочных существ — брауни, родственников домовых.

— Замолчите! — резкое контральто заставило всех заткнуться.

Фигурка вытянула руку, и Барбер увидел в ней тонкий прутик, около фута длиной, с пучком света на кончике.

— Если здесь волшебство, мы его сейчас расколдуем. Азам-манчесту-монеджалма-чпок!

Пучок света сорвался с кончика прутика и, плавно скользя. поплыл по воздуху. Он опустился на лоб шишкорогого, а затем растекся по его лицу, которое, казалось, засветилось изнутри. Спящий проворчал что-то и перевернулся на бок, глупая улыбка расплылась по его физиономии, но он даже не проснулся.

Высокая леди опустила руку с прутиком.

— Фи! — протянула она. — Как вяленая рыба, вы сказали? Скорее бревно, и никакого волшебства здесь нет, это чучело гороховое его просто недостойно. Да, уж услужил! — Она повернулась к Барберу, и ее нежное лицо скривилось от презрения. — Привел нас к этому глупому уродливому существу и, вне всяких сомнений, самому страшному подменышу за все время нашего царствования.

Барбер осмотрелся вокруг.

— Думаете, Его Светлейшество примет этот дар? — с сомнением спросил кто-то.

Высокая леди вздохнула.

— Ну, мы хоть попробуем. Быть может, эта злая шутка послужит нам хорошим уроком. Займитесь этим жалким типом. Мы должны вернуться в течение часа.

И она унеслась прочь, в небольшую рощу деревьев, где меж стволов еще недолго мерцало исходящее от нее сияние.

Из толпы выделилась крылатая девушка ростом примерно в четыре фута. Она склонилась над Барбером, посмотрела на его пижаму.

— Нужна пеленка, — объявила она. — Давайте сюда.

Небольшой квадрат белой ткани был передан из рук в руки. «Четырехфутовочка» свернула лоскут по диагонали, явно рассчитывая завернуть в него Барбера.

— Эй! — запротестовал он. — В чем дело?

— Подменыш разговаривает! — удивленно воскликнул кто-то. — Вера и сила! — ответил другой с восторгом. — Вот

так скороспелость! Его Светлейшество будет очень рад.

И полдюжины человечков разразились звенящим хохотом.

Барбер не видел никакой причины и повода для этого смеха, но ему даже не дали возможности возразить, в ту же секунду он был схвачен дюжиной настойчивых рук. Они попытались спеленать его. Затея эта была столь неудачной, что теперь он и сам едва сдерживался от хохота.

— Подумать только, сколько проблем с этим крепким малышом, — с полной серьезностью произнесла «четырехфутовочка». — Ну, а вы, что, впервые большого ребенка видите?! Вспомните хотя бы Велунда. Или Бриана Борна[4]. Я вас уверяю, они были ничуть не меньше. Не отчаивайтесь, друзья, это просто необычайно умный и плохо воспитанный мальчишка, который говорит, как будущий юрист, то есть не знает ничего, кроме собственной выгоды. Ему не нравится, что мы закутываем его поверх его собственных штанов, когда его просто нужно раздеть. Ну-ка, давайте!

Она подпрыгнула и, рассерженно взмахнув крыльями, взлетела вверх на несколько ярдов. Барбер с удивлением открыл рот, следя за ней взглядом, и на мгновение позабыл о множестве рук, державших его за пижаму. Наконец, он вырвался, выкрутился, освободившись, — даже самый крупный из человечков не смог бы противостоять его силе — и на четвереньках отполз к ближайшему дереву. Ночные штаны превратились в лоскуты разорванной ткани.

Несколько существ, из тех, что были с крыльями, тут же поднялись в воздух. Он слышал их шелест крыльев, как вдруг чьи-то холодные пальцы, маленькие, как у ребенка, щипнули его сзади за шею, пытаясь ухватить ворот пижамы.

— Послушайте! — заорал Барбер. — Надеюсь, это не один из тех ночных кошмаров, когда ты голым расхаживаешь по Пятой Авеню... Меня зовут Фред Барбер, и, пожалуйста, не надо снимать с меня штаны! Не хватало мне еще такого позора. Может быть, кто-нибудь скажет мне наконец, что здесь происходит, и зачем вам пеленать меня в эту тряпку?

[4] Велунд — персонаж древних британских и скандинавских легенд. Бриан Борн (Бору) — последний верховный король Ирландии (941-1014).

Он показал на расписанный узорами подгузник. Вновь выскользнув из рук человечков, он лежал теперь, весь измятый, в траве. Воцарилось молчание, а через мгновение крылатые существа плавно опустились на землю, обдав Барбера потоками воздуха, словно стайка голубей.

Один из брауни с выпученными глазами подошел к нему и отвесил земной поклон.

— Досточтимый малыш, — произнес он высоким писклявым голосом. — Вы говорите с такой большой рассудительностью, которая превосходит все разумные пределы, и посему я, будучи старшим над этими дураками, как мыслитель и философ, готов дать объяснение происходящему. Что касается вашего первого замечания о том, сон это или нет, то сие замечание относится к непознаваемой природе вещей, поскольку сам сон не может представить доказательства, по которым он мог бы быть оценен. Согласитесь, досточтимый малыш, что с юридической точки зрения все это не имеет смысла, потому что в отношении самого себя нельзя быть судьей, обвинителем и присяжным одновременно. Посему...

Его пространная речь была прервана крылатой девушкой.

— Фу ты, ну ты! Никогда не вступайте в беседу с философами, мастер Барбер. Они демонстрируют гораздо больше пустословия, чем сообразительности! Этот балбес может проговорить целый час или даже два, вместо того чтобы сразу сказать вам, что вас должны доставить во дворец короля Оберона...

— Как положено всем смертным... — нараспев произнесли коротышки.

— И о том, что вы должны быть принесены в дар Его Светлейшеству, — добавила фея.

— Так я что, в Волшебной стране? — с недоверием спросил Барбер.

В ответ раздался взрыв хохота. Кто-то из маленьких человечков схватился за бока, другие захлопали себя по коленям, третьи покатились от смеха на землю, стукаясь друг о дружку. Как-то сами собой их движения превратились в чехарду с немыслимыми кувырками, и все это время эльфы не переставали смеяться.

— А где же еще, как вы думаете? — спросила наконец крылатая дамочка.

— Не знаю. Но, послушайте, я вовсе не желаю быть подарком королю Оберону. Все это похоже на... э-э...

Он хотел найти какое-нибудь подходящее сравнение, которое могло бы наиболее емко охарактеризовать весь этот бред, похожий на какой-то особый вид галлюцинации.

— Это сущее безумие, — неубедительно закончил он.

Она всплеснула своими небольшими ручками, на пальцах которых сверкали искры драгоценных камней.

— О-ля-ля, сэр Детка! Вы подвергаете сомнению волю самого короля? Сказано, предстанете, значит, так и будет, и это совершенно естественно, точно так же, как рождение или наличие двух ног. У вас нет выбора. Ни один смертный не может противиться желанию короля Волшебной страны.

И снова Барбер получил подсказку от всезнающего шестого чувства. Определенно, было что-то неверное в самой формулировке этого заявления. Но теперь это была его партия, а он прекрасно обучен словесным баталиям. Даже если вся эта нелепая компания — иллюзия, лучше будет, если он скорее убедится в этом.

— Не сомневаюсь, что я могу быть полезным, — спокойно объявил он. — Но почему именно я? Уверен, найдутся десятки людей, готовых пойти в услужение к королю Оберону. Вы говорите, что это естественно. Значит, есть какие-то законы, и я хотел бы знать, по какому праву был похищен. Ведь я не малыш.

Вновь раздался общий взрыв смеха со всеми последующими выкрутасами. Одна только крылатая дамочка оставалась в недоумении и, казалось, вот-вот расплачется. Но философ брауни, вырвавшись из рук карлика, попытавшегося заткнуть ему рот, вышел вперед и раскланялся.

— Я протестую, леди Виоланта, — начал он. — С вашего позволения, продолжу свою речь, ибо я отлично владею этим искусством, а перед нами мудрый малыш и настолько последовательный и логичный в своих рассуждениях, что ваша нежная натура бессильна против него, все равно что бабочка против быка. Позвольте же мне взамен вас выступить в роли матадора.

Поклонившись, он обратился к Барберу:

— Упрямый малыш, вы глубоко заблуждаетесь в том, что говорите, а именно: каждый пункт вашего высказывания столь же сомнителен, как засиженная мухами падаль. Прежде всего, вы смеете протестовать против своего возраста, который является предметом относительным, особенно в сравнении с нами, включая всех, кого вы видите. Вы — всего лишь зародыш, невылупившийся эмбрион. Следовательно, мы отклоняем ваше фундаментальное заявление, поскольку вы не обладаете достаточным возрастом и мудростью и не вправе критиковать принципы мироустройства, которые для вас пока еще пустой звук и требуют зрелого философского осмысления. Далее, и это очевидно: особенность всех людей, включая больших и малых, считать, что окружающий мир прост и логичен. Действительно, несмотря на то, что безмятежность имеет место быть, касаемо отдельных событий, — это всего лишь кажущаяся видимость, такая же, как кожа на гнилом яблоке, представляющаяся целой, пока плод не трогают. Теперь, что касается ссоры между нашим королем и королевой, то она может быть предотвращена только принятием в дар подменыша от Ее Великолепия Его Светлейшеству. Упомянутый подменыш должен всем сердцем испытывать радость и благодать от того, что вернулся в мир. Часть гармонии в свою очередь не может не отразиться на нем самом...

— Да, но...

— Я настоятельно прошу не перебивать, — брауни поклонился. — Пункт третий. Касательно вашего естественного права знать, почему выбраны именно вы. Согласно установленному старому обычаю, смертные, с коими мы вступаем в контакт, могут лишиться ребенка, если не откупятся миской молока в канун дня Святого Иоанна. Итак, уважаемый малыш, поскольку ваши родители не смогли исполнить свой долг, храпящий вон там Снеккет имел полное право совершить обмен.

— Да уж, — послышался возглас крылатой феи. — Этот рехнувшийся идиот не нашел ничего лучше, как принести в дар такое большое, уродливое и неповоротливое создание.

«Какие-то безумные речи», — подумал Барбер. Было такое впечатление, что его разум подбрасывает в топку галлюцинации все то, что было накоплено в памяти Барбера за время

учебы. И не было никакого смысла спорить с карликом-чудаком, который мог бы заговорить зубы кому угодно.

— Не бередите душу, — отмахнулся Барбер. — Я и так знаю, что не красавец. К тому же я голоден.

— Ну, эту проблему мы легко исправим, — заверила фея. — Найдется у кого-нибудь бутылочка?

Молочная бутылка с соской тут же оказалась в руках Барбера. Он внимательно посмотрел на нее, затем усмехнулся и, сорвав соску, опустошил в несколько больших глотков. Это было молоко, настоящее, вне всяких сомнений. Ура! Он почувствовал себя лучше. Эльфы удивленно зашептались.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Но я все еще голоден. У вас найдется настоящая еда?

— Конечно, нет, только молоко. А вы разве уже приучены к твердой пище?

— Еще как. Я приучен к яичнице с беконом и кофе на завтрак. Как насчет этого?

— Кофе? Ох, этот мошенник Снеккет. Он сказал нам, что народ вашей земли пьет чай.

— Чай тоже. И еще много чего. Но я предпочитаю кофе, — настаивал Барбер. Мысль о чае только усилила раздражение из-за постоянных нападок по поводу его младенчества. Даже на службе, где он рисковал получить должность старшего консула только вкупе с седыми волосами и разрушенной от алкоголя печенью, его называли не иначе как «малыш Барбер».

Виоланта пожала плечами и обратилась к толпе. Вскоре вперед выступил долговязый эльф с заостренными волосатыми ушами. Он держал в руках поднос, на котором не было ничего, кроме нескольких розовых лепестков.

— И что это, черт возьми?! — воскликнул Барбер.

— Ваша яичница и кофе, сладкий малыш... Если можно, смертное дитя, я бы называл вас Лапулей?

— Не советую, если дорожишь своим здоровьем. Может быть, для вас это еда, но по мне так просто бутоны. Не буду я это есть, что я — кролик?

— Протяните руку.

Он так и сделал. И тотчас лепестки роз превратились в натуральный завтрак на блюде из серебра — завтрак вполне

подходящий для приличного общества. Барбер взял чашку с кофе и с подозрением принюхался. Пахло настоящим кофе. Тогда Барбер присел на корточки, положил поднос на колени и попробовал напиток на вкус. Определенно, это был великолепный кофе, с тонким душистым ароматом лепестков розы, как его подают в индийских ресторанах, и острое ощущение страха тотчас пронзило его, как только он подумал о том, что перед ним прекрасный образец галлюцинации — по сути одно, а в действительности совсем другое.

Виоланта заметила выражение тревоги на его лице.

— Прошу прощения, добрый и славный Барбер-малыш, если вкус кажется вам недостаточно совершенным, — начала она. — Злые эманации сводят наше мастерство к нулю, и мы вынуждены питаться одними цветками да листьями.

— Не очень питательно, я бы сказал, — заметил Барбер, жадно принюхиваясь и думая о том, что последний отвратительный ужин в Йоркшире теперь кажется событием тысячелетней давности.

— А что касается этого угощения, не бойтесь. Оно напоит и насытит вас в полной мере, ведь это же не змеиный яд.

«От вас чего угодно можно ждать», — подумал Барбер, наслаждаясь вкусом и сладкими ароматами. По крайней мере, по ощущениям это была реальная яичница с беконом. Он закончил и с легким звоном водрузил нож с вилкой обратно на поднос. В эту же минуту из рощи вернулась коронованная особа. Барбер отодвинул поднос и, поднявшись, изобразил самый изысканный поклон, который только мог сделать в порванной пижаме, придерживая рукой свисающие лохмотья.

— Осмелюсь предположить, что я имею честь обращаться к Ее Блистательному Величеству, королеве Титании[5]? — поинтересовался он, стараясь говорить в своей самой лучшей дипломатической манере. — Могу ли я предложить свои услуги в меру скромных возможностей?

Дама была столь польщена, что строгое выражение лица сменилось жеманством.

— Такой молодой и так хорошо воспитан! — воскликнула она. — Вижу, моя дорогая Виоланта, что ты не напрасно

[5] Титания — в древних преданиях королева эльфов, супруга короля Оберона. Один из персонажей пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь».

тратила время. А что касается вас, друг мой, ваше предложение будет принято нами с большой радостью, и вы станете моим посланником дружбы перед Его Светлейшеством. Вы довольны?

Барбер поклонился снова.

— Не могу представить ничего лучше, — он решил подыгрывать во всем и вести себя так, как будто вся эта безумная история — такая же реальность и неизбежность жизни, как, скажем, стаи люфтваффе, бомбящие Лондон.

— Тогда в путь, — объявила королева. — Карету мне, карету!

Какой-то большеротый бесенок в синей накидке с затейливыми узорами вышитых серебром полумесяцев повис на ветке дерева, в листве которого прятался, и закричал голосом, удивительно зычным для его крохотного роста:

— Хэй! Карету королеве!

И тут же среди деревьев другой голос подхватил этот клич, а за ним следующий, и так далее:

— Карету королеве!.. Карету королеве!..

И прежде чем замолк последний крик, на поляну въехала карета, вроде тех, что использовались в пышных процессиях лорд-мэра Лондона, только гораздо более роскошная, богато усыпанная золотом и запряженная шестью белыми лошадьми.

Два лакея спрыгнули с облучка. Барбер с удивлением заметил, что это были огромные лягушки, точно такие же на вид, как те, которых изобразил Тенниел в своих иллюстрациях к «Алисе в Стране Чудес», но поскольку Барбер был дипломатом, он тактично скрыл изумление и шагнул вперед, чтобы подать руку королеве Титании.

Та любезно улыбнулась и только собралась что-то сказать, верховой, сидевший рядом с кучером, поднял трубу и разразился серией пронзительных звуков. Королева жестом дала знак Барберу присоединиться к ней. Он следом за королевой протиснулся в карету. Лошади тронулись. Позади остались толпы неугомонно кричащих, бегущих или летящих за каретой эльфов. Барбер видел философа брауни, который выписывал по дороге потрясающие кульбиты «колесом», стараясь не отставать от экипажа.

Глава 3

Роща, через которую они ехали, выглядела, словно театральные декорации искусственного парка, где с математической точностью посаженные огромные цветы на длинных стеблях чередовались с вязами и кленами, росшими в огромных цветочных горшках. Не было никакой дороги, но кучер-лягушка, похоже, знал, куда править, так что ехали без затруднений. Как только экипаж остановился, снова раздались завывания трубы, и лягушки-лакеи открыли двери. Барбер вышел первым и подал руку королеве.

За рядами деревьев, растущих в цветочных горшках, возвышалась башня, похожая на фабричную трубу, на верхушке которой безвольно висел желто-голубой флаг.

— Ну вот и прибыли, — объявила королева. — Его Величество во дворце. Идемте, детка.

И она первой направилась к башне.

Идти пришлось по траве, сквозь лабиринты фонтанов, брызги которых играли лунной радугой. От одного из них внезапно раздался голос, натуральный basso pro-fundo[6]:

— Спиии моя раааадость, усниииии!

Барбер подумал, что бомбежка, видимо, очень плохо подействовала на его нервы. Струи фонтана вдруг приняли очертания человека, похожего на прозрачного снеговика с глазами без век. Барбер отпрянул и отскочил к королеве Титании, чуть не сбив ее с ног.

— Чтоб мне пересохнуть, это же смертный! — пробулькал голос. — И он увивается за королевой! Ах ты, мешок с потрохами! Вот уж я проучу тебя!

Вытянулась прозрачная рука, норовя схватить Барбера за лицо. Он поднырнул и, как в боксе, вскинул кулаки, чтобы защититься, да неловко толкнув, все-таки сбил королеву с ног. Оба упали, и вода обрушилась на них фонтаном.

[6] Бассо-профундо — очень низкий басовый голос.

Оставшаяся часть чудовища нырнула в воду, издал рев, достойный Нептуна:

— Вы видели, как он испугался? Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха! — раздался взрыв смеха других фонтанов, а тот, который плеснул в Барбера, затянул глубоким голосом очередную партию:

— Пятнадцать человек на сундук мертвеца, йо-хо-хо, и бутылка рома! Пей, и дьявол тебя доведет до конца...

— Йо-хо-хо... — подхватили хором остальные фонтаны.

Поднявшись на ноги, Барбер подал руку королеве Титании. Но та с презрением отвергла его жест и встала сама. Всю ее доброту как водой смыло.

— Вы просто чурбан, безмозглый, неотесанный болван! — отчитывала она ледяным голосом. — Если бы вы были просто человеком, а не подарком для господина, я бы отправила вас на дыбу. Я бы...

Барбер поклонился.

— Тысяча извинений, Ваше Великолепие! Я только хотел...

Полыхая злобой, она надвинулась на него с кулаками.

— Хотели! Да я вас под суд отдам, в застенках сгною!..

Барбер отступил, посмотрев назад, чтобы удостовериться, что ему больше ничего не грозит со стороны живых фонтанов, которые продолжали распевать за его спиной.

И в этот момент, обернувшись, он увидел маленького человека с жиденькими волосами, рыжеватыми усами, с шеи которого свисала толстая золотая цепь с шестидюймовым бриллиантом.

Титания тоже увидела его и опустила руки, едва коротышка поспешил к ним.

— Как же, как же! — воскликнул он. — Да ведь это мой сладкий первоцвет, моя красавица и подруга жизни, с взъерошенными перышками, как у дохлого голубя! Что...

— Оставьте ваши издевки, милорд, — отрезала королева. — Забирайте своего подменыша и катитесь-ка подобру-поздорову! Только прежде верните мне моего малютку Гоша!

Король Оберон посмотрел на Барбера.

— Вот этот великовозрастный увалень и есть ваш подменыш?

— Да, и я с радостью дарю вам его. Он, конечно, немного неуклюж и уронил на дорожку наше королевское достоинство.

— Ха-ха! Да я видел! Чем же вам так не нравится этот жеребчик, или вы просто не умеете его готовить?

— Да вы... вы... жалкое ничтожество...

Но тут Титания, казалось, внезапно вспомнила, что приехала сюда вовсе не ссориться, а чтобы получить то, что ей хотелось. Ее лицо молниеносно переменилось.

— Поверьте, сударь, он не такой уж бесполезный и жалкий человек, он даже умеет спорить и рассуждать как завзятый философ. Так берете вы его или нет, черт возьми? Можем ли мы, наконец, мирно решить наши дела? Мой милорд ведь прекрасно знает, чем грозят очередные инсинуации.

Король почесал подбородок.

— Прекрасно знаю, согласен. Я хотел наколдовать себе охотничий домик, но взамен получил эти дурацкие живые источники. Конечно, я по-прежнему не согласен с вами, что именно наша ссора породила это творение. Но совершенно очевидно, что чем дальше мы затягиваем с примирением, тем хуже: одни мы не можем бороться с этой заразой. И раз так, моя госпожа, пусть между нами будет мир, если вам так угодно.

Толпившиеся вокруг эльфы приветствовали это заявление криками восторга и снова начали выписывать безумные выкрутасы, уже знакомые Барберу. Улыбка Титании хоть и выглядела доброй, но все же казалась натянутой.

— А где мой маленький Гош? — спросила она.

Оберон вздохнул и позвал строгим голосом:

— Гош!

Ответа не последовало. Он крикнул еще раз. И снова тишина.

— Геральд! — позвал он кого-то.

Один из эльфов, невероятно похожий на того бесенка, который вызывал карету королевы, только с накидкой из вышитых солнц, открыл свой большой рот и прокричал:

— Чандра Холкар Рагхунатх Типпу Вижьянагар Рао Джасвант Раштракута Лаллабхаи Гош, черт возьми! Выходи, ты, маленькое гнусное отродье, выкормыш ехидны, ты...

— Я здесь, сэр, — воскликнул темнокожий мальчик лет десяти, появившись невесть откуда. — Вы желали меня видеть, о жемчуг премудрости?

— Желал? — удивился король. — Да, но в последний раз. Забирайте своего сопляка, моя леди, и позвольте нам больше не видеть его.

Чандра Холкар Рагхунатх Типпу Вижьянагар Рао Джасвант Раштракута Лаллабхаи Гош стоял, беззастенчиво ухмыляясь, расставив ноги и заткнув за пояс большие пальцы обеих рук.

Он поклонился Титании.

— Я теперь буду снова вашим, о Звезда Красоты и Королева Счастья? Правда?

— Да, — протянула Титания. — Ну, мой малыш, теперь мы можем отправиться в наши покои.

Мальчик подмигнул Барберу.

Оберон внезапно воспротивился.

— Я не думаю, что это возможно, — неожиданно объявил он.

— Почему же?

— Боюсь, они сейчас не вполне пригодны для вас.

Барбер, уже в третий раз и сильнее чем раньше, поддался интуиции, которая подсказывала ему, что король лжет. Меж тем Оберон поспешил объясниться:

— Я бы приготовил апартаменты, если бы узнал о вашем возвращении, но опасаюсь, там слишком грязно, и вам не понравится их новый вид. Так как вы покинули мое ложе...

— Клянусь, оно недолго оставалось холодным, — фыркнула Титания, начиная грозно постукивать ногой.

Кулаки Оберона сжались, и алмаз затрясся на его груди.

— Тьфу! Ха-ха! Бесстыдная дочь Вельзевула, да ты на себя посмотри, кто ты такая, чтобы сметь говорить так, бесстыдная девка с подменышем, которому давно пора усы брить и у которого кулаки больше футбольного мяча! Да чтоб все звали меня кобольдом, если он не хорош для тех игр, в которых отнюдь не хороводы водят!

И прежде чем Титания успела возразить, Оберон подскочил к Барберу.

— Эй ты, сударь! Ну-ка! Сколько времени ты знаешь мою жену? Быстро говори, или я превращу тебя в лягушку!

— Если вы имеете в виду, как долго, то с того момента, как я встретил леди, — ответил Барбер, и шестое чувство подсказало ему, что в этой вспышке королевской ярости было что-то фальшивое. — Если же вы имеете в виду...

— Хватит. Пусть так все и будет. Меня вполне устраивает твой ответ.

— Зато меня нет, — фыркнула Титания. — Пойдем, Гош, посмотрим, что мой лорд так желает скрыть от меня.

И в сопровождении мальчишки она по-королевски величаво направилась к заводской трубе.

Оберон пробормотал вслед ей:

— Принесла же нелегкая. Да еще этот паршивец нашел вкус к преступному волшебству... Ох, талантливый молодой пройдоха... И все же, что нам теперь делать?

Он нервно посмотрел по сторонам, затем схватил Барбера за руку.

— Твое имя, приятель?

— Барбер.

— Святые силы, в этой чрезвычайной ситуации сейчас самое время рассчитывать на неотложную помощь человека, который заслуживает доверия. Доверия, понимаешь? — Он еще теснее прижался к «похищенному», дыша ему в лицо, и торопливо продолжил: — Независимо от того, что лучше: быть обреченным из-за отсутствия доверия или ошибиться в доверии, нужно действовать. Внемли мне, друг Барбер. Есть два входа в апартаменты моей госпожи: по лестнице или через наши королевские покои. Ты поспешишь коротким путем, в то время как мы с ее светлостью отправимся более длинным. Увидишь там распутную девку... кхм, опустим детали... я вижу, ты меня понимаешь. Так вот, гони ее взашей. Любым возможным способом. Пошли!

Продолжая сжимать руку Барбера и буквально волоча его за собой, король побежал по лужайке вслед за Титанией.

Наконец они попали в башню, которая внутри казалась больше, чем снаружи. Винтовая лестница круто уходила вверх.

— Черт бы побрал эти проклятые лестницы! — сипел, задыхаясь, Оберон, когда они поднялись. — Я даже не могу воспользоваться старым добрым способом Волшебной страны — сказать заклинание и взлететь. Уф!

Он остановился напротив какой-то тяжелой двери, и, убедившись, что их никто не видит, вложил ключ в руку Барбера.

— Действуй без промедления, — прошептал он, прежде чем отправиться вслед за королевой.

На двери не оказалось никакого замка, даже намека на замочную скважину. Удивившись, зачем ему дали ключ, Барбер толкнул дверь. Шагнув за порог, он оказался в комнате, похожей на гостиную. Стены вокруг были украшены гобеленами, за исключением тех мест, где располагались сводчатые арки с проходами. Каждый из них вел в соседние комнаты, располагавшиеся на разных уровнях, какие-то выше, какие-то ниже. Барбер бегал от двери к двери, не находя ничего, что напоминало бы королевские покои, пока наконец не очутился в комнате, посреди которой стояла золоченая кровать с четырьмя столбиками и накрытая балдахином. За ней, в противоположной стене, виднелась еще одна дверь. Быть может, та самая?

Но зачем ключ? На этой двери тоже не было никаких замочных скважин. Казалось, она была заперта с другой стороны. Барбер постучал. Доски издали глухой звук, свидетельствующий об их прочности, но ответа не последовало. Тогда он постучал снова, уже ключом. Дверь распахнулась сама собой. Он увидел большую комнату с огромным зеркалом, перед которым сидела чрезвычайно хорошенькая девушка в полупрозрачном платьице и вплетала в свои волосы что-то сверкающее. За ее спиной виднелись крылья.

При звуке открывшейся двери, красавица повернулась к Барберу. Выглядела она испуганной.

— Королева идет! — крикнул Барбер. — Оберон говорит, вы должны удалиться.

Девушка хотела что-то ответить. Но внезапно, приглушенный другой дверью, послышался голос Титании. Фея вскочила с места и бросилась к шкафу. В считанные секунды в одной руке ее оказалась охапка шелковистой одежды и несколько пар модной обуви в другой. Фея стремглав пробежала мимо Барбера, пока тот придерживал для нее дверь. Как только она выскочила, он последовал за ней и захлопнул дверь.

— Закрывайте, быстрее! — воскликнула фея. — У вас есть ключ?

Барбер тупо посмотрел на незапертую дверь, затем на ключ в своей руке.

— Ах, глупый, — вскрикнула она. Она выхватила ключ из его пальцев, просунула его через петлеобразную ручку, одновременно что-то ворча. Наконец, повернулась к нему она внимательно осмотрела с головы до ног.

— Могу поклясться, ты — младенец-подменыш, раз не знаешь таких простых вещей, — проговорила она.

Барбер ощутил прилив раздражения за эти постоянные указки на его младенчество.

— Вы, конечно, можете называть меня подменышем, но я вовсе не ребенок... — холодно ответил он. — Никоим образом. Я Фред Барбер. Из...

Чтобы представиться самым официальным образом, он сделал шаг назад, собираясь поклониться. Но вместо этого стукнулся о край стула и плюхнулся на него. К счастью, падение прошло без последствий, если не считать таковым потерю достоинства.

Выражение удивления промелькнуло на лице незнакомки, после чего она прыснула от смеха.

— Да, сэр Подменыш, — вздохнула она. — Так обмануть бедную девушку. Никакой вы не малыш, разумеется, но прямо Дон Купидон. Хорошенький...

Склоняя голову то в одну сторону, то в другую, словно птичка, она внимательно рассмотрела Барбера.

— Видела я у разных лордов губы и покрасивее ваших, так что...

— Что?

Девушка бросив ворох одежды на пол, сделала два быстрых шага и очутилась на коленях Барбера, обвив его шею обеими руками.

— Поосторожнее с моими крыльями, — предупредила она. От ее волос исходил сладкий аромат.

— Эй, — воскликнул Барбер, хотя отнюдь не был рассержен ее выходкой. — Что я сделал, чтобы заслужить это?

Глаза девушки округлились от удивления.

— Неужели вы такой невежа? Ох, милый простачок, я все время забываю, что вы — чужак. Почему же вы заняли единственный стул, а мне даже не предложили сесть? Куда я должна была сесть, по-вашему, на пол? В соответствии с обычаями нашего королевства, вы, можно сказать, прямо

в лужу угодили. — Как вам не стыдно! Думаете, я не знаю, о чем вы на самом деле подумали? — Ее лицо вдруг стало пунцовым.

Раздался стук в дверь.

— Это Оберон, — пробормотал Барбер. — Я действительно подумал, но...

— Эй, Барбер! — вновь послышался приглушенный голос короля.

— Подумал, что «очень-даже-может-быть»... Увы, — сказала девушка и поцеловала его.

— Эй, Барбер, приятель! Открывайте! — доносилось из-за двери.

Девушка выскользнула из объятий Барбера, подхватила свое платье и туфельки и в едином легком движении очутилась у окна, прыгнув на подоконник. Барбер устремился за ней, но не успел. Фея скрылась, только ее тонкие крылышки еще недолго блестели, едва сверкнув в мрачном лунном свете. Тогда Барбер вернулся к двери и постучал по ней ключом. Та отворилась, у порога стоял Оберон, дружески разговаривавший с Титанией, и рядом с ними был Гош.

— Какой все-таки сегодня замечательный день, любовь моя, — объявил король. — Просто великолепный.

Он поклонился, вошел в комнату и закрыл за собой дверь, после чего похлопал Барбера по спине.

— С умом сработано, приятель! Мы благоволим вам. Но, тсс, прислушайтесь к совету пожилого человека: если хотите повеселиться с какой-нибудь куколкой из Волшебной страны, выбирайте тех, у кого нет крыльев.

— Почему? — удивился Барбер, задаваясь вопросом, догадывается ли Оберон о странном инциденте со стулом, и если да, то откуда он мог об этом узнать.

— А вы подумайте, приятель. Просто поразмыслите.

— О...

— Ну, а теперь перейдем к следующему пункту. Ваша одежда. Она совершенно не годится для двора. Ну-ка, стой, не шевелись.

Оберон сделал серию быстрых пассов руками, произнеся нараспев:

— Раз, два, три, четыре,
Камзол, рукав пошире .
Икси, лкокси, колми, неля,
Разрежем, сошьем, померим.
Ичи, ничи, санти, шить,
Оденем лучше, чем может быть...

Фред Барбер ощущал слабые прикосновения. Он посмотрел на себя и к ужасу обнаружил, что покрыт, наверное, сотней древесных лягушек, плотно облепивших его с головы до ног. Он вскрикнул и подпрыгнул. Лягушки посыпались с него, разливаясь волнами по полу, по мебели, по королю, который затрясся от гнева.

— Десять тысяч чертей! — завопил он. — Чума, ящур, лихорадка, катастрофа с этими проклятыми вонючими заклятиями и метаморфозами. Чтоб мне...

Барбер пришел в себя первым, стараясь не наступить на скачущих земноводных. Дипломатический опыт заставил его вспомнить о том, что отвлечь внимание — первый шаг для лечении подобной ярости.

— Я прошу прощения у Вашего Величества за доставленное беспокойство. Но, если бы я мог побеспокоить вас и дальше, не могли бы вы объяснить мне, что это за заклинания, о которых все говорят? Если я должен служить Вашему Величеству, наверное, я должен это знать.

Гнев Оберона сменился удивлением. Он почесал подбородок.

— Это проклятие нашей земли и позор нашего Величества, приятель. Если вам хватит хитроумности смертного, чтобы все исправить, можете рассчитывать на половину королевства. Теперь слушайте... Вы прибыли из земли, где законы природы точно так же неизменны, как пути планет. Но в нашем несчастном королевстве ничто не постоянно, и время от времени обязательно все меняется, чего ни коснись, естественно, без всяких предупреждений. Но вы не переживайте, сейчас мы позовем королевского портного...

— Так эти изменения и называются заклинаниями?

— Да, вы схватываете все на лету. Существует древнее пророчество, дающее надежду. В нем говориться, что

появится герой с рыжей бородой, который все изменит, но я сильно сомневаюсь в этом. К тому же с каждым заклинанием положение дел становится все более горестным, даже хуже горчицы, понимаешь? Например, эльфы из свиты королевы если уж начинали веселиться, то могли прыгать от радости хоть всю ночь. Теперь они быстро устают, их приходится заставлять радоваться, поскольку это делает счастливой королеву, которая любит, когда ее развлекают. А вот, например, мой большой драгоценный камень. После недавних метаморфоз он потерял все свои свойства... Ой, кстати, где эта побрякушка?

Оберон осмотрел свой сверкающий камзол.

— Я так и знал! Этот маленький индус, паршивец, грязный злодей, вор-карманник! Я ограблен! Я, король, — ограблен в собственном дворце!

Оберон запрыгал по комнате, как одна из его древесных лягушек.

— Чтоб его черти сожгли! Скорпионы изжалили! Чтоб его поджарили молнии! Черномазый маленький жулик, вонючий подлец!

Барбер вынужден был заткнуть пальцами уши. Когда поток брани иссяк, он опустил руки и спросил:

— Наверное, Вашему Величеству не стоит оставлять это просто так? Мне кажется, ему не помешал бы урок дисциплины.

— Дисциплина? Титания безумно любит его и печется о нем до крайности. Я ничего не могу с ним поделать, а ведь он еще совершит какое-нибудь гнусное злодейство, учитывая, какое беззаконие творится на нашей осквернённой земле. Эх, тьфу! Никогда не носите корону, друг мой Барбер. Она делает блестящим лоб, но не ум, да и на сердце тяжесть, — он зевнул. — Пора спать. А вы можете идти в свою комнату. Третья арка слева. Если она, конечно, еще на месте после этого дерьмового заклинания. Эльф проводит тебя.

Король принялся расшнуровывать свои башмаки. Барбер оставил его, слыша, как Оберон довольно бодро напевает:

— Когда я был и глуп и мал —
И дождь, и град, и ветер,

Я всех смешил и развлекал,
А дождь лил каждый вечер...[7]

Комната оказалась на месте, но там не было ни стекол на окнах, ни занавесок, и лучи утреннего солнца беспрепятственно растекались по полу. Видимо, для эльфов спать днем было так же естественно, как для смертных ночью. Барбер задался вопросом, сможет ли он перестроиться на такой же режим, и, утвердительно ответив себе, улегся в огромную, покрытую шелком кровать, занимавшую почти целиком всю комнату. В голову пришла вдруг мысль о том, что при любой форме безумия нешуточное желание заснуть, скорее всего, не проявило бы себя. Это придало ему чувство уверенности в реальности происходящего, пока он не вспомнил слова Оберона о том, что ни в чем нельзя доверять здешним законам природы. Пытаясь понять, нет ли здесь логического противоречия, он незаметно задремал.

[7] Песня шута из финала пьесы Шекспира «Двенадцатая ночь, или Что угодно» (Пер. Э. Линецкой).

Глава 4

Разбудил его звук похожий на полоскание горла, негромкий и затяжной, как от крошечного будильника. Барбер проигнорировал его вначале, но, поняв, что ему придется так или иначе проснуться, открыл глаза. У кровати стоял маленький, сухонький эльф с кожаной сумкой в руке.

— С до-о-обрым утром, уважаемый господин, — протянул человечек. — Я королевский портной. Их Светлейшество велели мне позаботиться о вас.

Барбер встал с кровати, пальцами ног по привычке отыскивая тапочки, которых, естественно, не оказалось. Эльф вытащил рулетку, отметки на которой располагались неравномерно, как будто указанные на ней дюймы были разной длины.

— Хм-м-мм, — протянул портной. — Какой вы, однако, крупный смертный. Но ничего, я справлюсь, уж не сомневайтесь, смастачим вам и штаны, и камзол.

Он стал вынимать из сумки одежду: нижнее белье, рубашку, короткие и широкие в бедрах кальсоны. Все подходило по размеру, до тех пор пока Барбер не начал примерять камзолы с сильно зауженной талией и окорокообразными рукавами, которые никак не подходили для его почти квадратного, не имеющего талии торса.

— Какое большое брюхо, — проворчал эльф, затолкал самый большой из камзолов обратно в сумку, пробормотал что-то и вынул снова.

На сей раз талия оказалась в порядке, но Барбер все равно нашел к чему придраться:

— Он все еще узкий в плечах.

Эльф помог снять жакет и ощупал лопатки Барбера. Когда пальцы человечка коснулись спины Барбера, тому показалось, что он ощутил что-то вроде жжения на каждой лопатке.

— Фьють! — присвистнул портной. — Да у вас будет нехилая пара крыльев, прежде чем успеете состариться! Пожалуй, придется сшить камзол поширше.

— Что?

— Придется сделать камзол свободнее, на вырост, — повторил эльф. — И еще надобен воротник.

Портной вынул из сумки накрахмаленный гофрированный воротник, который был, наверное, десяти дюймов в толщину и добрых тридцать в диаметре.

— Вот это воротник? Или я должен носить его вокруг пояса? — возмутился Барбер.

Морщинистое лицо эльфа осталось беспристрастным.

— Воротник. Надеваете и застегиваете на эти крючочки.

— Да уж, — проворчал Барбер. — Я представал без обуви перед Сыном Неба[8], надевал белый фрак ради президента Третьей Республики и шелковые бриджи для короля Испании. Полагаю, смогу выдержать и это.

Портняжка помог ему надеть воротник, встав на цыпочки, чтобы застегнуть его.

— Как, черт возьми, вы в этом кушаете?

— Приходится тянуть шею повыше, чтоб не испачкаться в подливке.

— Как тебя зовут? — спросил Барбер.

— Ангус, господин.

— Сколько тебе лет, Ангус?

Барберу до сих пор казалось, что он окунулся в какой-то ненастоящий мир, однако, несмотря на всю его нелогичность, все выглядело удивительно реальным.

— Одна тысяча двести пятьдесят лет, господин.

И снова, еще сильнее, чем когда-либо, у Барбера возникло ощущение, что ему беззастенчиво врут. Он усмехнулся.

— А в действительности сколько, Ангус?

Почтительный взгляд сменился гримасой беспокойства.

— Ну-у, ваша юная светлость, может, я и убавил чуток. Одна тысяча пятьсот девяносто и еще один год, с тех пор как...

— Да ладно. Ты выглядишь не старше, чем на тысячу. — Эта маленькая победа дала Барберу утешительное чувство

[8] Сын Неба — императорский титул в Китае и Японии.

превосходства. — Ну что ж, расскажи мне что-нибудь об этой стране. Насколько простираются ее границы?

— Ширина, что ли?

— Что находится, к примеру, к северу отсюда? А так-же на востоке, на юге и западе.

— А это смотря, где север. Иной раз он находится прямо. Давеча указывал на Кобольдские холмы.

— И что это за Кобольдские холмы?

Ангус, замявшись, сунул за пазуху зеркало, которое исчезло там, даже не оставив выпуклости.

— Холмы, где живут кобольды, — ответил он.

— Ну и кто же они, эти кобольды[9], — допытывался Барбер, смутно вспоминая, что в юности слышал это слово, но позабыл его значение.

— Я понятия не имею, честно, господин. — Глазки портного забегали, и ложь была столь очевидной, что даже сам эльф понимал это. — Если ваша одежда понравилась вам, дозвольте мне уйти.

И, не дожидаясь ответа, он выскользнул из комнаты.

— А как насчет бритвы? — крикнул Барбер вслед, но портного уж и след простыл.

Он потер пальцами щетину, обыскал мебель, но не обнаружил ничего, что могло бы помочь ему исправить ситуацию, поэтому пожал плечами и отправился на поиски короля.

Сводчатые залы королевских апартаментов были пусты, но вскоре Барбер услышал звуки голосов и направился в их сторону, справедливо предположив, что там находится трапезная. Она оказалась длинным залом с высоким потолком и огромными арками окон, тоже без стекол. «Неужели сюда никогда не попадает дождь, и никто не простужается?» — подумал он. Удивительно яркий лунный свет Волшебной страны проникал в центр комнаты, освещая обитателей дворца, изволивших завтракать.

Стол длиной в двадцать футов был покрыт скатертью из дамасского шелка, спадающей до самого пола. На дальнем конце восседала Титания. Увидев Барбера, она величественно улыбнулась. Позади нее стояли Гош и философ брауни, оба в лакейской одежде. С другой стороны, спиной к Барберу, сидел

[9] Кобольд — в германской мифологии — нечистый дух, обитающий в шахтах, злой гном.

Оберон, также с двумя прислужниками по бокам. Король только что доел какое-то кушанье, и один из лакеев быстрым движением убрал из-под его носа золотую тарелку. В этот момент четверо высоких гоблинов, стоявших вдоль стола по обе стороны, вытянулись в струнку, подняли серебряные трубы и, надув огромные щеки, громко протрубили. Барберу показалось, что этот мотив он однажды уже слышал на коронации Георга IV.

Титания приветственно махнула ему. Оберон повернулся.

— Ха, приятель Барбер! — воскликнул он. — Ну, соня, проходи, проходи!

Еще одно блюдо появилось перед королем. Тот переложил часть содержимого на другую тарелку и передал лакею.

— Для Барбера, с нашими королевскими благодарностями, — сказал он.

Один из трубачей тут же ответил трубными завываниями, похожими на испорченный военный марш.

Барбер осмотрелся в поисках стула. Но, кроме тех, на которых сидели король и королева, в комнате больше ничего не нашлось, и он понял, что придется есть стоя. В тарелке оказалось что-то бледно-синее, густо приправленное лепестками фиалки. Барбер, который никак не мог привыкнуть к английской привычке есть сласти на завтрак, счел блюдо совершенно отвратительным. К счастью, его желудку не грозили наихудшие последствия королевской щедрости: не успел он сделать и пары глотков, как Оберон поманил его пальцем.

— Внемли сюда, Барбер...

Все, что король хотел сказать, утонуло в очередном реве хора трубачей. Титания знаком велела забрать у Барбера блюдо. Оберон скривился и стукнул кулаком по столу, но как только трубный глас прекратился, королева не замедлила ответить.

— Повелитель и возлюбленный друг мой, — подобно колокольчику прозвучал ее голос. — Вы совсем не думаете о госте. Существо, которое отбрасывает тень, нуждается в более питательной еде.

Она протянула тарелку одному из своих лакеев.

— С нашей королевской любезностью, мастеру Барберу, быть может, он предпочтет именно это блюдо.

Барбер попробовал угощение, оно оказалась со вкусом стейка.

Оберон хлопнул себя ладонью по лбу.

— О, мои извинения, Барбер, мы жаждем вашей милости. Теперь по поводу этих, как их, кобольдов.

— А что такое? — спросил Барбер, перестав жевать.

— Мы опасаемся, что они куют мечи, чтобы погубить наше королевство. От их холмов доносятся удары молотов о наковальни, но звучат так подозрительно, как будто они не старую добрую бронзу куют, а самое настоящее... железо.

Последнее слово он произнес медленно и тихо, и в этот момент один из лакеев выронил тарелку.

— Я все еще не понимаю... — протянул Барбер.

— Да останови же их, помешай им, разрушь их плутовские козни! Тебе, смертному, легко будет управиться с этим.

Философ брауни на другом конце стола задергался, как чертик из табакерки.

— Ну, хорошо, говори, разрешаю, — вздохнула Титания. — Но учти, не дольше двух минут.

— Милостивый государь, милостивая государыня, — пропищал он. — Совершенно ясно, что этот подменыш, стоящий перед вами, разбирается в сложившейся ситуации не лучше, чем свинья в яблоках. Что делать, спрашивается? Ведь Ваше Светлейшество не сможет отдавать ему приказы, когда этот малыш поймет, какое тяжкое на него ложится бремя.

Он поклонился Барберу и запищал дальше:

— Эти кобольды — племя, которое перестало с нами общаться, и они чересчур трудолюбивые. Я бы вывел из этого...

— Гм! — громко произнес Оберон.

Философ брауни поспешно поклонился три раза.

— Сейчас в умах этих скотов царит уверенность, что они одни во всей Волшебной стране обладают властью над железом. Они испытывают от обработки этого металла чрезмерное тщеславие, предпочитая его всем другим, из-за чего...

Титания молча подняла два пальца.

— Да, милостивая государыня... В общем, при первой же возможности они могут пустить в ход свои мечи. И если они сделают это, Волшебную страну ждет самый ужасный раздор и кровопролитие, по сравнению с которыми даже частые формирования...

Бац! Кулак Оберона ударил по столу.

— Хватит болтать! Вот в чем проблема. Мы, эльфы чистой крови, не можем идти к Кобольдским холмам, от которых смердит этим проклятым металлом. Таким образом, мы отправляем туда тебя в качестве нашего полномочного представителя.

Барбер уловил легкий акцент на слове «чистой».

— Хотите сказать, что у меня нечистая волшебная кровь? — спросил он с сомнением.

— С чего ты это решил, верный Барбер? — Оберон засмеялся, но его смех резко оборвался, когда он увидел серьезные лица остальных.

— А кем была ваша мать, господин? — спросила Титания нежным контральто.

— Я... не знаю, — ответил Барбер. Он, конечно, предполагал, что у него, как у любого человека, кроме родителей, должны быть бабушки и дедушки. Однако безуспешные попытки разузнать свою родословную грозили свести его с ума, а стать пациентом психушки он пока не спешил.

Оберон продолжил объяснять.

— С момента последних метаморфоз там оказалось полным-полно ручьев, которые невозможно преодолеть лицам благородной крови, разве только мухам да вам, смертным. Так что отправляйтесь, такова наша воля. Будьте нашим послом, нашим шпионом.

— И если я все сделаю, я смогу вернуться обратно? В конце концов, у меня есть работа...

— Да как ты смеешь торговаться с Королевским Светлейшеством, законным правителем Волшебной страны, ты, непроклюнувшееся яйцо, подкидыш кукушки? Отправляйся! Или...

Философ брауни извивался в страстном желании снова толкнуть речь, но Титания сделала ему знак молчать. Оберон, заметив это, чтобы досадить королеве, разрешил эльфу говорить, но коротко.

Философ брауни выдохнул, как будто до этого ему приказано было не только молчать, но и не дышать.

— Фууу! Милостивый государь, милостивая государыня! — Он суетливо поклонился в один конец стола, затем в другой. — Верьте этому подменышу. Я имел возможность наблюдать за

его способностью думать. Он умеет судить ушами и может отличить неправду от правды всякий раз, когда кто-либо говорит.

Оберон откинулся на спинку стула и неожиданно взорвался смехом. Все лакеи и трубачи гоблины последовали его примеру. Один из гоблинов смеялся, не убрав трубы от губ, и произвел серию квакающих звуков, чем вызвал смех самого Барбера. Только Титания и Гош никак не отреагировали. Барбер заметил, как последний, яростно жестикулируя, начал что-то быстро жевать. При этом горка синей еды на тарелке Оберона исчезла.

— Хо-хо-хо, это замечательно, давно я так не смеялся, — выдохнул Оберон, постепенно успокаиваясь. — Ну, моя ласковая красавица, что ты теперь думаешь о нашей сделке? У тебя есть свой маленький уголовник, ха-ха, но и я получил советника, который вычислит все ваши проделки на раз. Скажите-ка мне, верный Барбер, какое ваше ремесло?

— Я состою на дипломатической службе.

— Вот как, — удивилась Титания. — Это самое полезное занятие среди всех тех, которые к нам попадали. Хотя мне кажется, что некоторым следовало бы поучиться убедительно врать. — Она уныло улыбнулась. — Будем надеяться, что Умник, как всегда, попал в точку, мой господин, и этот подменыш умеет справедливо судить о происходящем

Слушая ее, Оберон взял в руки вилку, и взгляд его вдруг упал на пустую тарелку перед ним.

— А вот мы сейчас и узнаем, — протянул он и указал на Гоша. — Ты, чертенок! Это ты сейчас сожрал мой завтрак? Ну-ка проверьте его, верный Барбер.

На темном личике Гоша появилось выражение оскорбленной невинности.

— О, Жемчужина Славы... — начал было он, но Титания пришла ему на помощь.

— Мой благородный Владыка, что же мы будем тратить время на споры, когда нас ждут дела государственной важности? Нашему Барберу, утвержденному послу, не терпится скорее отправиться в путь, а мы тут сидим и только переливаем из пустого в порожнее... Гош! Сходи за моей волшебной палочкой, я оставила ее в своей комнате.

Мальчик отправился к одной из дверей, шмыгая носом,

всем видом выражая полную непричастность. Когда он проходил мимо короля, Оберон прорычал:

— Шевелись живее, сгнивший корень мандрагоры!

Барбер поспешил погасить грядущую ссору своим замечанием.

— Вы хотите дать мне вашу волшебную палочку? Но как я смогу ею пользоваться?

— Это очень просто, — фыркнула королева. — Там даже учиться нечему.

— Точно, — добавил Оберон. — И запомни, Барбер, что бы ни случилось, не используйте против кобольдов физическую силу.

— Почему?

— Вы в меньшинстве, один против тысяч. Тем не менее есть и другая причина. Эти скоты, как считается, обладают долготерпением и до определенного предела не склонны к насилию. Если же начать говорить с ними с позиции силы, они ответят тем же, возможно, в еще большей степени. Так что пытайтесь все решить мирно.

— Но как же так! — возмутился Барбер. — Вы хотите, чтобы я помешал им делать мечи, но я не могу применить силу. При этом вы не хотите сказать мне, как именно я должен поступить. И даже, как пользоваться палочкой.

— Это же вы назвали себя дипломатом, а не мы. Конечно, если вы жалкий профан в своем деле и не решали таких задач прежде... Ага, вот и палочка!

Король взял ее у Гоша и вручил Барберу. Палочка выглядела совсем не так, как вчера, когда Титания пыталась расколдовать ею Снеккета. Теперь она походила на трость из слоновой кости с резной ручкой в виде змеи.

— Береги ее, — предупредила Титания. — В этой палочке волшебство, и если с ней что-нибудь случится, то нас всех, включая вас, ожидают самые жестокие страдания, какие только можно представить. А теперь отправляйтесь. И да пребудет с вами удача!

Глава 5

Парк с причудливыми деревьями в горшках и цветами выше человеческого роста тянулся от башни много дальше, чем предполагал Барбер.

К кому бы Барбер ни обращался, никто не мог дать ему хотя бы мало-мальски здравомыслящего совета, как пройти к Кобольдским холмам.

— Идите дальше, как придете, спросите, — отвечали ему. — Палочка вам поможет.

Куда «дальше»? Кого спросить и когда?

Тем не менее в какой-то момент желание осведомиться у кого-нибудь стало насущной необходимостью. Шагая по аллее, образованной двумя плотными рядами живых изгородей, он достиг развилки, перед которой раскинулась круглая клумба, засаженная огромными цветами. За клумбой живая изгородь расходилась в стороны, так что он должен был выбрать между тем, чтобы свернуть направо или налево. Трава не давала никаких подсказок. В обоих направлениях она казалась одинаково высокой и нетоптанной. Вокруг было тихо, луна сияла холодным светом, ни звука, ни движения, ни малейшего ветерка.

— Эй! — крикнул Фред Барбер.

Никакого ответа. Ни даже эха, поскольку листва приглушала его голос.

Равнодушие этого пейзажа действовало на нервы. Он обратился к цветкам циннии, возвышавшимся над его головой на длинных стеблях.

— Хоть бы вы сказали мне, как найти Кобольдские холмы, — сказал он громко.

Как будто цветы могли ему ответить. Будь оно все проклято! Как это несправедливо. Он вспомнил давнишний случай из жизни в колледже, когда кто-то высыпал чихательный порошок в вентиляцию столовой, где в тот момент готовился обед.

Очень смешной случай. Но не для Фреда Барбера, который был старостой и знал, что если этот юный подлец не признается, никому в колледже не разрешат уехать в родительский день. В итоге ему пришлось взять вину на себя.

Он осуждающе направил трость из слоновой кости на циннию.

— Черт возьми, разве вы не понимаете, что даже в ущерб себе можно помочь всем? Так в какой стороне Кобольдские холмы?

Цинния вежливо склонила свои головки вправо. Барбер внимательно посмотрел на другие цветы, росшие рядом. Ни один из листочков, ни один цветок не качнулся, да и ветра не было.

Он указал палочкой на лютик размером с ковбойскую шляпу.

— Ты подтверждаешь это? — требовательно спросил он.

Огромный цветок выдержал его взгляд, оставшись неподвижным и безразличным. Что и требовалось доказать.

У Барбера вдруг зачесались лопатки, да еще там, куда трудно было дотянуться. Он потер их набалдашником волшебной палочки, явно нащупывая бугорки, которые, если верить Ангусу, были не чем иным, как растущими крыльями. Фред Барбер с крыльями! Можно вообразить, какой поднимется переполох в посольстве, если он заявится с парой огромных, украшенных перьями отростков, торчащих из его плеч. Заодно представил противный смех старого Хаутона, самодовольное лицо которого вечно похоже на морду овцы. Интересно, крылатый человек имел бы право старшинства на обеде у военного атташе? Насколько он разбирался в чиновниках собственного посольства, этот вопрос мог вызвать нешуточные дебаты на целый рабочий день.

«Увы, этот вопрос придется отложить, и как бы не навсегда», — подумал он, замечая, что живая изгородь впереди опять расходится в две стороны. На самой развилке, рядом с цветами, росшими вперемешку с деревьями в горшках, он увидел человека, или, по крайней мере, человекоподобное существо, стоявшее на голове. Голова его была неправдоподобно большой, так что этому типу, казалось, было весьма

удобно стоять на ней, сложив руки и ноги. Услышав шаги Барбера, существо открыло большой зеленый глаз.

— Прошу прощения, — сказал Барбер. — Не могли бы вы мне подсказать дорогу к Кобольдским холмам?

— А зачем тебе туда? — спросило существо.

— Дело государственной важности, — для значимости ответил Барбер.

Существо зевнуло — это выглядело весьма забавно в его положении — и открыло второй глаз.

— Неоригинальное уточнение, друг мой. Я это слышал вот уже от сорока девяти смертных, что были здесь. У всех них были дела государственной важности. Сорок девять. Семь раз по девять. С меня достаточно.

— Вы плохо знаете арифметику. А за каким делом я иду, это мое дело. Так как мне туда попасть?

Существо открыло третий глаз посреди лба.

— Все не так. Это в тебе говорит любовь смертных к точности и порядку. Никто лучше меня не знает о борьбе Оберона с кобольдами. Это мартышкин труд. Пустая трата времени. Кстати, ты заблуждаешься и насчет красок вокруг. Вон та синюшная трава в овощной лавке называется зеленью.

У Барбера возникло стойкое ощущение, что его пытаются запутать, но он нашел в себе твердость вернуться к главному вопросу.

— Почему бороться с кобольдами — пустая трата времени? Они могут причинить бедствия, если их не остановить, разве нет?

Существо закрыло два из его трех глаз.

— Большие бедствия, — охотно согласилось оно. — Они превратят страну в руины. Либо полностью уничтожат ее. Смотря какой вариант тебе по душе. Главное, не ошибись в выборе.

— И что же, никто не сможет помешать им?

— Это неизбежная переходная стадия, перед тем как создать что-то лучшее. Если бы твой ум был полноценным, ты понял бы, что кобольдам суждено уничтожить старый прогнивший порядок.

— О каком прогнившем порядке идет речь?

— Ты продолжаешь гнуть свою линию, да? Ну что же, хорошо. Тогда скажи, существует ли совершенство?

— Ну-у-у, — протянул Барбер с сомнением. — Если в теории, то, я так полагаю, в некотором смысле...

— Или вещь существует, или ее нет. Если она существует в каком-то смысле, значит, она существует во всех смыслах... Вот, например, ты. Не просто смертный немаленького роста, но еще и горбатый смертный...

— Не отвлекайся, — сказал Барбер.

— Хорошо. Если совершенство существует, то, очевидно, оно стоит того, чтобы за него бороться, верно?

— С этим я совершенно согласен.

— Прекрасно. Теперь я уверен, что ты признаешь и тот факт, что Оберон не является совершенным. Он постоянно ссорится со своей женой и водит фей в свою опочивальню.

— Я полагаю, это едва ли можно назвать совершенством.

— Ага! И поскольку к совершенству стоит стремиться, то за Оберона, при всем его несовершенстве, бороться не стоит. Он испорченный, и место ему на помойке. Квод эрат дэмонстрандум. Что и требовалось доказать.

— Ну, а кобольды представляют собой совершенство?

— Ничуть не большее, чем Оберон. Они превосходят подданных Оберона численностью, тысяча к одному. Но даже если взять количество их совершенства, приходящееся на одного отдельно взятого индивидуума, и сложить в общую массу, это все равно окажется недостаточным. Улавливаешь?

— Послушайте, — с некоторым раздражением произнес Барбер. — Я мог бы стоять здесь с вами и мудрствовать хоть целую ночь, но лично у меня есть работа. Так в какой стороне Кобольдские холмы?

— Значит, ты признаешь, что я прав?

— Я готов признать что угодно, если окажусь на верном пути.

— Тогда, — спокойно сказало перевернутое существо, — признавая, что я прав, ты невольно признаешь, что ты не прав. Поэтому тебе лучше не ходить к кобольдам.

— И, тем не менее, я иду. Так в какую сторону?

Оставшийся глаз лениво закрылся, и голос перешел в бормотание.

— В любую, какая тебе больше нравится... или... возможно, в обе. Да, точно... тебе лучше идти в обе стороны.

Барбер отвернулся и решительно направился влево, поскольку вправо взял в предыдущий раз. Он не знал, что из этого выйдет, но подумал, что самым верным решением будет делать полностью противоположное тому, что успешно проделано прежде. В этом направлении дорожка тянулась прямо и просматривалась вперед достаточно далеко, хотя, когда он обернулся, развилку не было видно, и это только добавляло запутанности к происходящему. Вскоре с небольшим уклоном дорожка пошла вниз, Барбер спустился и... опять очутился на развилке, в центре которой красовалась клумба, а рядом, перед цветами, — существо, стоявшее на голове.

— Я же говорю тебе, это бессмысленно, — заметил трехглазый, когда Барбер подошел к нему. — На самом деле ты не хочешь идти к Кобольдским холмам.

— Еще как хочу. Я выбрал неправильную дорожку в прошлый раз, и вы тут ни при чем, так что теперь я пойду в другую сторону.

И Барбер решительно шагнул вправо.

Два из трех зеленых глаз открылись.

— Обожди. Со своей стороны считаю честным предупредить тебя, мой друг, что, если ты пойдешь направо, то все равно вернешься сюда. Но только путь будет гораздо длиннее и утомительнее. Лучше пойди налево. Ты хотя бы быстрее вернешься сюда.

Барбер оставил без внимания его слова и без колебаний направился по правой дорожке. Пройдя некоторое расстояние, он вынужден был признать, что трехглазый оказался прав. Идти действительно было гораздо тяжелее. Дорожка резко пошла вверх. Он запнулся о камень и глянул назад — вместо травянистой местности, по которой только что поднимался, увидел почти голую поверхность с чахлыми редкими пучками желтоватой растительности, а над ней — зубчатые скалы. Ничего не оставалось, кроме как идти дальше. Живую изгородь будто подменили: плотные кусты стали намного выше, достигая по меньшей мере двадцати футов, и не оставляли никакой надежды пробраться сквозь них. Поворотов тоже не было, только небольшие изгибы, на одном из которых Барбер чем-то оцарапал тыльную сторону

ладони. Глядя на выступившие капельки крови, он заметил, что у здешних кустов росли шипы.

Он начал карабкаться дальше. Немного не доходя до вершины, живая изгородь вдруг резко разошлась в стороны, и взгляду его открылась песчаная площадка. Посреди нее, в нескольких метрах от места, где Барбер остановился, он увидел еще одного туземца, с длинным лошадиным лицом и в странной одежде из материала, похожего на твид, с красной шелковой лентой, переброшенной через грудь. Туземец держал обеими руками кривую палку и яростно бил ею по песку, поднимая небольшие фонтаны песчинок.

— Привет, — сказал Барбер.

Туземец посмотрел на него через монокль, после чего замахнулся палкой через плечо и снова резко опустил...

Свиищь-буумп!

— Тридцать четыре, шестьдесят два, — сказал туземец, и в этот момент в глаз Барбера угодила песчинка.

— Извиняюсь, — коротко бросил незнакомец, чуть повернулся и снова ударил палкой, так что следующие брызги песка улетели в другом направлении.

— Тридцать пять, шестьдесят семь, — пробубнил он.

Барбер проморгался и спросил:

— Прошу прощения, вы не сможете показать мне дорогу к Кобольдским холмам?

Свиищь-буумп!

— Тридцать три, шестьдесят один.

Барбер повысил голос:

— Эй, вы можете мне сказать...

Лицо с моноклем повернулось к нему, словно перископ подводной лодки.

— Уважаемый смертный, я вовсе не глухой.

— Тогда почему не отвечаете?

— Не могу.

— Вы хотите сказать, что не знаете?

— Конечно, я знаю. Но я не могу сказать вам.

— Почему нет?

— Потому что я вас не знаю. Мы не были представлены. А между тем вдруг вы какой-нибудь негодяй?

Борясь между смехом и раздражением, Барбер ограничился сердитым фырканьем.

— Послушайте, — сказал он. — Я на государственной службе.

Он взмахнул палочкой.

— Вот моя верительная грамота. Теперь предположим, что...

— Бесполезно, старина. Мне очень жаль и все такое прочее. Ничего личного.

— Но это важно...

— Несомненно. Вполне понимаю. Безопасность королевства и все такое прочее. — Он поднял руку и постучал по своему лбу указательным пальцем. — Ах, придумал! Найдите старого Джиба. Он живет внизу дороги. Начитанный малый, ему все равно с кем разговаривать. Он может познакомить нас.

Он повернулся к Барберу спиной и замахнулся снова.

— Сорок один. Пятьдесят восемь.

Живая изгородь резко пошла вниз и, повернув, опять стала прежней — зеленые кусты и травы. Барбер прошел несколько сотен ярдов, и, наконец, оказался перед той самой развилкой, где его поджидал головастый софист, у которого был открыт один из его трех зеленых глаз.

— Ты делаешь успехи. Теперь, когда ты понял неоспоримую логику ситуации, почему бы не сделать следующий шаг? — поинтересовался трехглазый. — Откажись от своего похода и присоединись к силам прогресса. Для достижения великой цели требуется совсем немного временного насилия.

Барбер крепче сжал в руках палочку из слоновой кости и мрачно двинулся к трехглазому.

— Послушайте, — сказал он. — Я иду к кобольдам, и если вы не скажете мне, как туда добраться, то прямо сейчас произойдет акт насилия!

Существо подняло все три брови... или, точнее, опустило их, поскольку находилось в перевернутом состоянии.

— Ты угрожаешь мне, смертный?

— Вы чертовски прозорливы, да, я угрожаю вам!

— Очевидно, ты ничего не добьешься в борьбе с кобольдами.

— Почему же?

— Недовольство — это последствие использования инструментов силы, не так ли? Даже старый невежественный нимфоманьяк Оберон понимает это.

— Ну да, — признал Барбер, против своей воли втягиваясь в разговор.

— Чтобы начать борьбу против кобольдов, тебе приходится использовать инструмент силы против меня, — торжествующе продолжил трехглазый. — Таким образом, ты берешь на вооружение методы кобольдов. В более глубоком смысле, который выходит за рамки внешности, ты и сам — кобольд. Таким образом, ты не можешь препятствовать им, потому что в итоге препятствуешь самому себе. Квод эрат дэмонстра... Ай!..

Барбер ткнул в него концом палочки, но, прежде чем та вступила в контакт с толстым брюхом перевернутого интеллектуала, она испустила длинный разряд голубого огня. И как только Барбер коснулся трехглазого, тот весь покрылся фосфоресцирующим сиянием.

— Хорошо, я скажу тебе! — задыхаясь, заохал головастый. — Только убери эту штуку. Я составная часть силы... Ты не можешь уйти от меня, пока не предложишь задачу, для которой я не смогу найти логического решения... Фу-у, впрочем, я не думаю, что ты сможешь придумать ее, — добавил он, когда Барбер убрал палочку. — Смертным недостает сообразительности.

Улыбка самодовольства расплылась по его перевернутому лицу.

— Только не спрашивай про Ахиллеса и черепаху. Это мне порядком надоело.

Барбер в замешательстве потер пальцами подбородок, думая, что бы такое спросить. Его недавно открывшаяся способность определять ложь давно никак не проявляла себя; по-видимому, это странное существо говорило правду, утверждая, что его нужно переспорить. Но как это сделать?

Его пальцы погладили уже начавшую курчавиться щетину. За две ночи и один день она отросла намного длиннее, чем это следовало ожидать. Неплохо бы найти брадобрея или парикмахера с бритвой. Мысль об этом напомнила Барберу

до оскомины набившую шутку, когда его в детстве дразнили «Севильским цирюльником»[10].

Существо приоткрыло один из своих трех глаз.

— Я так и думал, — заметил он. — Лучше откажись от своей затеи.

«Цирюльник! — подумал Барбер. — Да, именно так. Отличный парадокс Бертрана Рассела про брадобрея».

— Ни в коем случае, — сказал он, обращаясь к трехглазому. — Значит, так. Предположим, существует деревушка, в которую никто не приходит и из которой никто не выходит. В этой деревушке только один парикмахер, он мужчина и чисто выбрит. Этот парикмахер может брить в деревне только тех мужчин, которые не бреются сами, и не может брить никого из тех, кто бреет себя сам. Тогда как бреется сам парикмахер?

— Я должен заметить, что смертные, которые пытаются запутать меня, обычно терпят неудачу, и я превращаю их во что-нибудь вроде червей, — предупредило существо. — Не желаешь снять вопрос?

— Я рискну, — объявил Барбер, твердо сжав палочку. Хоть какая-то защита, на всякий случай.

— Ну, хорошо, — глаза закрылись. — Давай подумаем. Если он побреет самого себя... о, Геката, значит, он будет тем, кто бреется сам... а если он не будет себя брить, то, значит...

Барбер отвернулся, чтобы скрыть волну радости, и вдруг заметил новую тень в свете луны у правой стороны изгороди. Там виднелся узкий разрыв, который он прежде не замечал, и более сочная зелень как будто манила его. Он последовал туда, но не успел отойти от перекрестка больше чем на двадцать шагов, как сзади молнией блеснула яркая голубая вспышка.

Буум! Удар от взрыва чуть не сбил его с ног.

Как только зрение вернулось к нему после яркой вспышки, Барбер помчался обратно к развилке. Трехглазый исчез.

Барбер снова вернулся на ту дорожку и, спустившись по пологому склону, увидел какое-то сооружение, издали

[10] Игра слов. «Il Barbiere di Siviglia» — «Севильский цирюльник» (итал.). Барбер (Barber) — в пер. с англ. парикмахер, брадобрей, цирюльник.

напоминающее большую шляпную коробку. В ней были окна со всех сторон, и слабый гул, словно от каких-то механизмов, исходил изнутри. А в траве перед коробкой на корточках сидел лысый толстенький эльф. У него был задумчивый вид, левая рука его лежала на открытой странице какой-то книги. Замысловатый козырек, сделанный из мелких прутьев, был пристроен к дереву, растущему в горшке, под козырьком висела клетка, в которой было не меньше полудюжины светлячков. По-видимому, они должны были светить на книгу, чему препятствовало глухое дно клетки. Сей факт, казалось, совершенно не смущал эльфа. Его губы двигались быстро, пока он скользил взглядом по тексту, другой рукой что-то деловито записывая на листах бумаги, разложенных перед ним, не обращая внимания на то, что его перо давно высохло и не оставляло за собой никакого следа.

— Простите меня, — сказал Барбер. — Вы, случайно, не Джиб?

— Да, да, — сказал эльф. — Чем я могу быть полезен? Только быстро, я записываю свои мысли о данной книге. Я уверен, это будет самая важная моя работа.

— Прошу прощения, что отвлекаю вас. Вы знаете дорогу к Кобольдским холмам?

— Нет, нет, не сейчас. Я, конечно, знаю, но эти путешествия кажутся мне такими утомительными. А ведь мне еще очень много нужно сделать, чтобы направить потоки своих мыслей в верное русло. Кстати, вам бы стоило почитать мои комментарии к данной книге. Это теория обратных ценностей.

— А вы не могли бы рассказать мне все это по дороге и представить меня тому парню с красной лентой, который не разговаривает с незнакомцами?

— Да, да, хорошо. С удовольствием. Авторская мысль звучит интересно, но он допускает ряд ошибок в теории обоснования обратной стоимости, в результате чего приходит к неправильным выводам. Мои комментарии должны разъяснить этот вопрос.

— Да в чем, собственно, проблема?

— Как? Да ведь это теория обратных ценностей! — воскликнул эльф и, сунув том под мышку, последовал за Барбером. — Мы можем доказать, что ни у одного предмета нет ценности.

— Что?

— Конечно. Смотрите: совершенно очевидно, что два апельсина стоят дороже, чем один апельсин.

— Ну да.

— И каждый из них стоит вдвое меньше, чем два. То есть ценность пропорциональна количеству.

— Понимаю, — кивнул Барбер, полагая, что только так сможет чего-то добиться — во всем потакая этому полезному, но склонному к дискуссиям эльфу.

— Значит, как только количество уходит в бесконечность, ценность становится ничтожной. У тысячи кубических футов воздуха нет никакой ценности. А ведь количество воздуха, практически говоря, бесконечно. Но что, если бы в Волшебной стране стало бы бесконечным количество апельсинов? Представьте, говорю я вам, ну, вот представьте.

— Я представил, да. И что тогда?

— Ну так вот: апельсины — это фрукты. Вы добавляете к числу апельсинов все существующие фрукты, будь то лимоны, гранаты, персики, яблоки и так далее, все фрукты, которые имеют хотя бы предположительную ценность. В результате вы получите фактически бесконечное общее количество, как в случае с воздухом. Таким образом, у всех этих взятых вместе фруктов должна быть обратная ценность, то есть вообще никакой, как мы это определили с воздухом. А если у общей суммы нет ценности, то и у ее отдельных частей, например апельсинов, аналогично нет ценности. Это последнее замечание к моему комментарию.

— Прошу прощения, но нет ли ошибки в ваших рассуждениях... — покачал головой Барбер.

— Вовсе нет, нисколько, голубчик. Это чистая теория, прекрасно отточенная работа. А! Вот и Сирил.

Они дошли до вершины, и Барбер увидел уже знакомого ему эльфа, бьющего палкой по песку и бормочущего:

— Сорок четыре, восемнадцать.

Очевидно, они пришли сюда какой-то другой дорогой, которую Барбер так и не заметил в хитросплетениях колючего терновника.

— Как вас зовут? — спросил Джиб. — Барбер? Эй, Сирил! Я хочу познакомить тебя с моим старым приятелем Барбером.

— Как я рад! — с энергичной сердечностью откликнулся туземец в твидовом костюмчике. — Восхитительно! Очаровательно! Чем я могу вам помочь?

Барбер повторил уже начавший надоедать ему вопрос.

— Конечно, — согласился Сирил. — Буду только рад. Топайте вон по той дорожке и держитесь правой стороны, но... позвольте-ка, хм-м-м... а если понедельник, то куда? Ага, значит, вы должны повернуть налево на первой же развилке. Дальше пойдете прямо, пока не достигните леса. Но, правда, я боюсь, вам там снова придется спросить дорогу. Все эти метаморфозы путают лесные тропинки. Послушайте, может быть, вы хотите, чтобы я сопровождал вас?

— Это было бы неплохо, но ведь вы заняты?

— Ну, немного. Я только-только подобрался к новому мировому рекорду. Но ради друга старого Джиба...

— Я и не думал беспокоить вас. Кстати, что вы подразумеваете под лесом?

— Лес как лес. Обычный лес. Всего хорошего!

Они обменялись рукопожатиями, и эльф снова продолжил бить по песку. Джиб присел на корточки и, положив свою книгу на колени, начал читать и что-то записывать, совсем позабыв, что при нем вовсе нет ни чернил, ни пера, ни бумаги.

Глава 6

Дорога петляла между небольшими склонами, живая изгородь иногда раздвигалась, но только для того, чтобы показать очередную клумбу. Длинные тени пересекали дорожку, сообщая о том, что луна скоро закатится. Барбер вспомнил, что провел всю ночь без еды. Королевский гофмейстер, вручая ему волшебную котомку, всегда полную еды, напомнил, что путешественникам по Волшебной стране лучше использовать ее до восхода солнца. Даже единственный луч солнца, упавший на какой-нибудь предмет, мог вызвать какие-нибудь изменения в заклинании.

Поев, Барбер смахнул крошки с коленей и встал. За это время тени стали еще длиннее, а луна у самого края горизонта стала похожа на обкусанное печенье. Тем не менее не было никаких признаков восхода солнца, которое быстро прогнало луну предыдущей ночью. Возможно, даже эфемериды Волшебной страны не следовали четкому графику. В тусклом лунном свете стало труднее идти. Напрягая взгляд, Барбер шагал в темноте почти вслепую. Лучше бы отдохнуть. Он приблизился к изгороди и, как только лег в мягкую траву, понял, что давно надо было так и поступить.

Проснувшись, он заметил, что солнце находится так же низко над горизонтом, как и луна прежде. Через несколько минут ходьбы он достиг развилки, о которой, вероятно, и упоминал Сирил. «Идти налево, так как будет понедельник», — вспомнил Барбер. Эти безумные рассуждения казались Барберу столь характерными для страны, где он очутился, что он на всякий случай спросил себя, точно ли сейчас понедельник, и если нет, то в каком направлении идти. Наконец, направился по левой дорожке, надеясь на то, что Сирил внес поправку на время, потраченное, чтобы прийти сюда.

Теперь дорога пошла по длинной, изогнутой кривой, выгнулась в крутом подъеме и вывела на гребень низкого холма

с широким лугом, за которым виднелась темно-зеленая стена. Это, вероятно, был лес. Солнце уже наполовину спряталось за вершинами деревьев.

Фред Барбер глубоко вздохнул и решительно направился через луг в сторону утопавших во мраке деревьев. Он чувствовал, как чешутся небольшие припухлости на спине, где пробивались крылья. Казалось, там, на ребрах, росли новые мышцы.

Лес оказался полон огромных деревьев, старых как мир, но под ними, куда ни кинь взгляд, не было ни травы, ни кустов. Это походило на искусственный лес где-нибудь в Германии, однако морщинистые складки на рубчатой коре придавали каждому дереву сходство с подобием человеческого лица. Как будто нахмуренные взгляды и скорбно опущенные рты приветствовали путника, входящего во мрак подлеска.

Свет лишь местами пробивался сквозь листву, но по ровной земле идти было совсем не трудно. Барбер всматривался вперед, иногда озираясь, желая не пропустить ни одного туземца, который мог бы подсказать ему правильное направление. Но вокруг никого не было. По сравнению с парком у дворца Оберона, этот лес казался немым и вымершим. Казалось, что он принадлежит той безмолвной, золотой для всех зеленых обитателей земли, эре, когда в мире существовали одни только деревья. Они поглощали собой все вокруг. Барбер боролся с мыслью, что они могут поглотить и его, и тогда он превратится в такой же морщинистый ствол с руками-ветвями. В этой безумной стране казалось вероятным все что угодно.

Барбер старался идти по прямой, присматриваясь к деревьям, растущим далеко впереди и позади него, но не был уверен, что не ходит по кругу.

Вдруг ему почудилось какое-то движение.

В прежнем старом добром мире это могло оказаться животное и, возможно, опасное. Будь то хищник или травоядный зверь, Барбер рассчитывал, что волшебная палочка Титании защитит его. Он начал уважать эту трость из слоновой кости, с тех пор как та блеснула молнией. Увидев далеко впереди фигуру, он побежал к ней. Теперь Барбер был уверен, что это человек.

— Эй! — крикнул он.

Фигура остановилась. Это оказалась старуха. Наклонив голову, она стояла, облокотившись на палку в руках, из-под краев ее шляпы виднелись только карикатурные длинный нос и изогнутый подбородок, едва ли не соединявшиеся друг с другом.

Барбер поклонился.

— Прошу покорно извинить, мэм, но не могли бы вы подсказать мне путь к Кобольдским холмам?

Голова не поднялась.

— Не вздумай спать рядом с яблоней. И слив остерегайся тоже, — произнес голос, так похожий на голос миссис Гертон, когда та принималась ворчать.

— Благодарю за совет, — ответил Барбер. — И все же, не могли бы вы сказать мне, как добраться до...

— Не вздумай спать рядом с яблоней. И посматривай за сливами, — с этими словами старуха отвернулась от него и заковыляла прочь между темными стволами.

Барбер заколебался. Если старуха не хотела ему рассказывать, то у него оставалось только одно средство разговорить ее — палочка... Сама она, по крайней мере, шла куда-то, и уж точно не петляла кругами, как он. Барбер развернулся и поспешил за старухой, но та двигалась с удивительной проворностью и казалась теперь не более чем крохотной, мерцающей в лунном свете далекой фигуркой, которая мелькнула еще раз и исчезла вовсе.

Бесполезно. Барбер вернулся к тому месту, где встретил старую ведьму, или это ему так казалось, что он вернулся именно туда. Впрочем, дуб, в чертах которого просматривалось лицо какого-нибудь злодея-епископа, казался похожим именно на то дерево, которое он видел прежде. Черт! Барберу пришла в голову мысль, что для Волшебной страны было бы полезнее, если бы его миссия состояла в том, чтобы помогать Джибу писать его комментарии. Подумав так, он заулыбался, но в ту же секунду страх пробежал по его хребту — из лунно-синего мрака донесся хруст ветвей.

Что-то там двигалось, параллельно с ним. Сами ветки не могли издать этот звук. Тихий хруст повторился довольно близко, сообщая о чьем-то присутствии. Барбер напряг

все свое внимание, чтобы разобрать, есть ли там кто-то. Разыгралось воображение? Но нет, почти незаметный шелест как будто преследовал его, когда он шел, и замирал, стоило остановиться. Возможно, все-таки — воображение? Или не воображение? Разве кто-то мог бы так точно и синхронно двигаться с его собственными движениями. Барбер не мог представить, что такое возможно даже в этой странной Волшебной стране, где не действуют привычные физические законы. Это просто курам на смех.

— Курам на смех, — он поймал себя на том, что произнес это вслух.

Наверное, стоило промолчать, если он не хотел, чтобы его сцапали. Впереди, где сквозь деревья пробивались косые лучи лунного света, виднелось свободное пространство. Он помчался туда, добежал до кромки светового пятна и остановился, успокаивая дыхание, но тут же отпрыгнул от страха, увидев преследующую его фигуру. Нечто в бесформенном одеянии двигалось к нему. Он сжал палочку обеими руками, как будто это была бейсбольная бита.

— Да ведь ты напуган! — трелью раздался веселый голосок, а затем тонкий смех. — Не бойся меня, смертный. Я услышала в лесу твои шаги и поспешила помочь. Ты что-то ищешь?

Мышцы Барбера расслабились, и он опустил палку, когда фигура подплыла ближе. Лица не было видно — его скрывал венок из листьев.

— Да, ищу, — признался он. — Я пытаюсь добраться до Кобольдских холмов. Возможно, вы поможете мне найти дорогу?

Снова переливы смеха.

— Ну, конечно. Ах, никто без феи голубых кровей не может найти путь через лес... Ничего не могут сделать без чужой помощи. Пойдем.

Фея приблизилась и взяла его ладонь в свою, маленькую и прохладную. Волны страха все еще прокатывались по спине Барбера, но спутница казалась легкой, словно пушинка, и было что-то волнующее и приятное в том, как она сжимала его руку и уверенно вела за собой через ряды темных деревьев. Неожиданно Барбер запнулся о торчащий корень и

оказался рядом с ней совсем близко, плечо к плечу, бедро к бедру.

— Простите, — пробормотал Барбер.

Она повернулась и — как почудилось ему в темноте — улыбнулась.

— Все в порядке, ты же не знаешь эту тропинку, как и я... А ты очень сильный...

— Никогда не думал об этом, — вздохнул Барбер и, поскольку он нашел свой ответ не совсем любезным для продолжения разговора, добавил: — Это ужасно мило с вашей стороны... что вы решились помочь мне.

— Ничего особенного. Мы очень одиноки в лесу. Это так сладко — чувствовать дружеское прикосновение...

Ее пальцы на мгновение еще крепче сжали его руку.

Она, должно быть, видела в темноте словно кошка: так быстро вела его за собой. Барбер хотел продолжить разговор, побольше узнать об этой таинственной и довольно притягательной особе, от которой веяло сладким нежным ароматом духов. «Кто она? Взглянуть бы на нее на свету», — подумал он, внезапно испытав обычную предосторожность дипломата: но только достаточно ярком свету, дабы удостовериться, что у нее нет выступающих изо рта зубов и ноги не кривые, как у рояля.

Его спутница внезапно остановилась перед большим деревом, ствол которого был рассечен трещиной.

— Ах, — воскликнула она. — Вот здесь я и живу. Не хотите задержаться, немного передохнуть? — и, пока Барбер пытался подыскать слова оправдания и отказаться от настоятельного приглашения, фея жалобно протянула: — Если не ради себя, то хотя бы ради меня. Я что-то так устала...

Сигнал тревоги зазвенел в голове Барбера. Это была ложь. Фея нисколько не устала. Но Фред Барбер уже окончательно потерял ориентиры в этом огромном лесу, и если его таинственная проводница врала ему, значит, могла увести далеко от нужного пути. Единственное, что оставалось — самому обмануть ее и разузнать дорогу.

— Ну, я даже не знаю, — протянул он. — Мне нужно идти...

— Ах, понимаю, — отпустив его руку, фея наклонила голову. — Я всего лишь бедняжка из леса, а вы привыкли к великолепию двора...

Ее голос прозвучал с легким намеком на слезы, которые вот-вот хлынут из ее глаз.

— Нет. Я как раз собирался сказать, что мне нужно идти дальше, но я довольно притомился сегодня, так что несколько минут отдыха мне тоже не помешают.

Тогда фея взяла его за руку и сделала еще несколько шагов. Трещина зияла глубокой чернотой, но тут его спутница нагнулась и отодвинула что-то вроде занавески из листьев. Теплые лучики желтого света вырвались во тьму, высветив небольшой коридорчик, в дальнем конце которого Барбер

увидел комнату. Последовав за спутницей, он нырнул в трещину. Первой очутившись в комнатке, фея повернулась к нему и схватила его за руки, радостно смеясь.

Не было у нее ни лошадиных зубов, ни кривых ног. Она оказалась удивительно хорошеньким созданием, в легком воздушном платье. Тонкую талию обтягивал поясок, украшенный драгоценными камнями, сверкавшими красными, желтыми, зелеными огоньками. У нее была белокурая головка, слегка румяные щечки и яркие, с поразительно зеленым оттенком, глаза. В особенности хороши казались полные губы. Барбер не смог сдержать улыбки одобрения.

Зеленые глаза широко раскрылись в ответ, улыбка засветилась на лице феи, когда она скользнула в объятия к Барберу, заставив его ладони сомкнуться на ее спине. Тонкие пальчики, лаская руки Барбера, достигли плеч. Слегка запрокинув голову, хозяйка жилища в возбуждении обвила шею своего гостя.

— Мы тут в лесу так одиноки, так одиноки, — едва дыша, пробормотала она и наградила поцелуем. — Какой ты сильный! Я не знала, что смертные бывают такими сильными.

При виде ее дрожащих век у Барбера встал комок в горле. Аромат ее волос действовал опьяняюще.

Не был ли такой быстрый натиск слишком легкомысленным с ее стороны? Девушка вдруг вздохнула и притянула к себе его голову, чтобы снова встретиться с ним губами.

— Было бы неплохо узнать твое имя, — поинтересовался Фред Барбер.

— У меня нет имени, любовь моя.

Опять сработал тревожный звонок, на этот раз более громко и отчетливо. Она врала. Но зачем? Впрочем, не все ли равно, когда ты рядом с таким прелестным видением, медленно кружащимся перед тобой на грани сна и яви. Барбер вспомнил, как ему часто приходилось со злостью швыряться в будильник обувью. К сожалению, в этот момент он всегда просыпался, так и не получив ответа на самый главный вопрос: что будет дальше.

Фея снова прижалась к нему.

— Нет, правда, как тебя зовут?

— Ты можешь называть меня Малацеей. Ах, милый...

Другой колокольчик, с особенным тембром, зазвучал в голове. Наверное, это имя что-то означало, но Барбер не мог заставить себя вспомнить. В безнадежном отчаянии, между затяжными поцелуями, он поспешил спросить:

— Как ты живешь? Я имею в виду, ты всегда живешь здесь?

— Сам увидишь. Ты останешься со мной... Мы можем быть так счастливы, ты и я, вместе.

«Она лжет».

— Но ведь раньше ты как-то жила сама по себе?

— Пока не появился ты. — «И это ложь». — Но теперь мы будем вместе... навсегда. — «И снова вранье».

Она откинула голову назад. Между ними проскользнула струйка света, необычного света, который без видимого источника исходил от небольшого углубления в коре. Барбер испытал нервное потрясение, когда вдруг заметил, что хозяйка жилища отчасти прозрачна. Это было неправильно. Он отстранился, пытаясь хоть что-то понять, и внезапно упал на кровать изо мха.

«Соображай быстрее, Барбер!»

— Послушай, дорогуша, — начал он, протянув руки, и сдерживая Малацею. — Право, не знаю, как сказать. Мне обещали ужасные последствия, если я не потороплюсь выполнить свою миссию, и я в это охотно верю. Может быть, мы вместе прогуляемся до Кобольдовских холмов? Это не займет много времени. А затем мы сможем сюда вернуться. Мне нравится твой лес.

Ее глаза забегали. Скривились уголки рта, делая ее лицо уже не таким привлекательным.

— Не уходи, — попросила она и горько всхлипнула.

Но Барбер заметил, что пальцы ее руки, касавшейся деревянной подпорки, нервно отбивают дробь, словно телеграф, и она слегка наклонила голову, как будто, прислушиваясь, ждала ответных звуков.

— Разве я могу остаться? Ведь тебе не хочется, чтобы я превратился в лягушку прямо в твоих объятиях?

В ответ на ее «сигналы» раздался приглушенный гул, как будто кто-то медленным, тяжелым шагом приближался к пещере.

Свободной рукой Малацея выхватила у Барбера волшебную палочку и помчалась к выходу.

Он вскочил на ноги и побежал за ней. С хрустом пробравшись сквозь занавесь листьев, он выскочил наружу, где на мгновение остановился, ослепленный резким контрастом между светом в комнате и темнотой леса, в котором можно было различить только несколько крохотных пятнышек отраженного лунного света. Из этой черноты донесся голос девушки:

— Нет... Нет. Пожалуйста! Вот твоя волшебная палочка... Это все, что тебе нужно... О-ох!

Только теперь он смог разглядеть девушку. Он видел, как она упала, словно кто-то с силой отшвырнул ее. Между деревьями задвигалась тень, которая на фоне луны, казалось, состояла из одних только сучковатых ветвей и была похожа на огромную скрюченную руку. И эта тень стремительно приближалась к нему.

Барбер пригнулся и посмотрел вверх.

Между ним и луной возвышалась призрачная фигура, в два раза выше его ростом, похожая на дерево и человека одновременно. Глаза пылали мертвым огнем, источая ненависть. Когтистые кривые руки потянулись к нему.

Барбер развернулся и побежал. Так быстро, как никогда в своей жизни, — словно загнанный олень среди высвеченных луной стволов. Сплетенные корни попали под ноги, он вынужден был совершить три больших прыжка и чуть не потерял равновесие, но нашел силы устоять. Все ближе и ближе раздавался треск за спиной; он уже слышал дыхание нагонявшего его чудища.

Пробегая мимо какого-то дерева, Барбер вдруг с размаху приложился головой о его нижнюю ветвь, да с такой силой, что в глазах засверкали искры. Он не упал, но все же пришлось на мгновение замедлить бег, пока в глазах не прояснилось.

Это досадное происшествие, должно быть, стоило ему нескольких ярдов того расстояния, которое отделяло его от чудовища. Обернувшись, на фоне огромной луны он увидел тень руки с растопыренными пальцами и ощутил, как на спине инстинктивно задрожали обрубки еще нерождённых крыльев, совершенно бесполезных сейчас. И в эту же секунду у него открылось второе дыхание.

Помчавшись еще быстрее, он позволял себе только изредка оборачиваться. В какой-то момент увидел: корявая рука уже совсем близко, вот-вот схватит.

И вдруг лес перед ним расступился. Он увидел сверкающую поверхность реки, преградившей путь. В полной неизвестности о ее глубине, Фред Барбер вложил в прыжок все свои силы.

Выбравшись на другой берег, оказавшись босиком, Барбер распластался на берегу. Однако инстинкт самосохранения заставил его встать на колени, он пошарил руками вокруг, пытаясь найти хоть что-то, чем можно защищаться.

Чудище, стоявшее на другом берегу, злобно вращало глазами и гневно скрежетало зубами. Сквозь его тело протекал поток лунного света, и видно было, что эта огромная туша состоит из хитросплетения тонких ветвей. В течение нескольких секунд человек и жуткий призрак смотрели друг на друга через бурный поток. Барбер, наконец, нащупал рукой камень подходящего размера.

Чудовище неожиданно развернулось и исчезло между деревьями. Тумб-тумб — слышались его шаги, приглушенные палыми листьями. Можно было швырнуть камень вслед, но если Его Прозрачность вознамерилась отступить, Фред Барбер не возражал. К тому же он сейчас был не в том настроении, чтобы преследовать удирающего противника. Только когда чудовище окончательно исчезло и все стихло, Барбер вспомнил слова Оберона, когда тот говорил про многочисленные ручьи, которые невозможно преодолеть лицам благородной крови, разве только перелететь, подобно мухе, или обойти источник. Вот почему чудище не стало его преследовать. Оно, возможно, отправилось искать обход через верховье речушки.

Барбера качало, голова его кружилась. После нешуточного удара на лбу вскочила большая болезненная шишка.

Он сделал не больше десятка шагов, как вдруг перед глазами все завертелось и поплыло. Последнее, что он ощутил, прежде чем потерять сознание, это был запах духов Малацеи. Аромат цветущей яблони.

Глава 7

Его обморок, вероятно, перешел в здоровый сон, которого жаждали истощенные нервы и мышцы. Придя в себя, Барбер обнаружил, что лежит на спине, и посмотрел вверх. Невероятная луна уже потеряла часть своего сияния, растворенного в бледнеющем небе. Барбер чувствовал голод, боль и опустошенность. От долгого пребывания на илистом берегу ныла спина, и голова болела ужасно, но все могло быть гораздо хуже.

«Это уж точно», — сказал сам себе Барбер, продолжая лежать и глядеть на испещренную пятнами спутницу Земли, уже не делая попыток сменить положение, чтобы не вызвать новый приступ головной боли. Факт оставался фактом: едва не став жертвой призрачного людоеда, словно явившегося из кошмара, он извлек полезный опыт, окончательно осознав реальность мира, в который попал. А так же поверил в способность своих телесных чувств доподлинно воспринимать эту реальность, хотя бы она даже не соответствовала его прежним представлениям о том, как все должно быть на самом деле.

Да, все это было настолько очевидно, что он не сомневался: сучковатые пальцы монстра, едва не сомкнувшиеся на его шее, были совершенно реальны. Реальной была и Малацея, когда он целовал ее, хотя она и казалась полупрозрачной. Так вот почему лесная ведьма предупреждала его насчет яблони... кто бы мог знать?

В этот момент его размышления прервал голос, который он узнал бы безошибочно, тихий и взволнованный, чем-то напоминавший протяжное блеяни крохотного бекаса.

— Пусть он очнется. Пусть он очнется до рассвета...

Барбер сел и с шипением потрогал шишку на голове. Увидел Малацею на другой стороне реки. Девушка вскочила на ноги.

— Мой возлюбленный смертный! — воскликнула она. — Вернись, я знаю заклинание, которое снимет твою боль.

— Да? — с враждебностью в голосе протянул Барбер. — Я уже видел, как ты это делаешь... ты и твой дружок Дракула чуть не прикончили меня. Еще немного — и мне больше не пришлось бы никогда страдать от головной боли.

Свет, исходящий то ли от луны, то ли от подступающего дня, был достаточно ярким, чтобы увидеть две большие слезы, прокатившиеся по щекам феи.

— Ах, ни за что, клянусь! Мое сердце разрывалось от счастья, когда ты спасся от лап демона Сливы.

— Демона кого?

— Сливы. Я не смею перечить ему, делаю так, как он приказывает. Все сливы жестокие и злые, но этот хуже всех. Его сердце высохло, и он жаждет крови смертных.

— И ты помогаешь ему в этом?.. Замечательно. — Барбер был неумолим.

— О... — она заломила пальцы рук, — Как я могу доказать свою чистоту перед тобой? Откуда мне было знать, что среди смертных, которые проходят через этот лес, окажется мой собственный возлюбленный? Ах, вернись и помоги мне искупить вину, доказать, что мне можно верить!

Барбер огляделся, высматривая среди высокой травы свою пропавшую обувь, одновременно прислушиваясь к своему внутреннему голосу, чтобы распознать ложь. Внутренний голос молчал. Либо Малацея действительно говорит правду, либо его новое шестое чувство не срабатывало, повелось на эмоции.

— Спасибо, — наконец выдавил он. — Я лучше побуду здесь, чтобы не встречаться с твоим приятелем. Что стало с моей палочкой?

— Ты не должен его бояться. Послушай, я докажу свою честность, раскрыв его тайну. Дождись солнца. Дневной свет не позволяет ему отойти от своего дерева. Ты должен вкусить его плодов, и тогда он уже не сможет навредить тебе. Если пройти сто пятьдесят шагов вверх по течению, придешь к дереву, у которого отломана макушка, ты его сразу заметишь.

— Ага! — Барбер нашел свою обувь и надел. Она оказалась мокрой. — Хорошо, я дождусь утра и попробую.

— А сейчас иди ко мне. Поспеши! — Фея посмотрела на небо, ставшее ярко-розовым по всему горизонту. — Сейчас

разгориться рассвет, а я должна вернуться к своему собственному дереву.

— Что стало с моей палочкой? — повторил Барбер.

— Я не знаю.

— Лжешь.

Фея заплакала, теперь уже совершенно откровенно. Барбер имел достаточный опыт и ночной клубной жизни, и дипломатии, чтобы выработать некоторый цинизм в отношении женских слез. Не глядя на Малацею, он принялся стряхивать с себя засохшую грязь.

Фея топнула ножкой:

— Слива забрал палочку, а куда дел, я не знаю. И теперь, раз уж у тебя есть мое полное признание, не хочешь ли ты...

— Не хочу, — ответил Барбер.

Казалось, что его внутреннее чутье разрывалось между ощущением правды и неправды одновременно. Вероятно, Малацея подозревала, где находится палочка, но не знала точно. Увидел упавший ствол, Барбер опробовал его на прочность и сел, достал мешок с провизией. Еда уцелела. Наспех перекусив, он поинтересовался:

— Если ты действительно хочешь исправить мое впечатление о тебе, тогда скажи, как добраться до Кобольдских Холмов.

— Иди прямо. За лесом будет равнина, по ней еще час или два ходьбы, и когда увидишь холмы на горизонте, значит, ты уже рядом. В той земле обитают странные и дьявольские существа. Это все, что я знаю.

Барбер нахмурился. Скорее всего, Малацея говорила правду. Пристально наблюдая за ним с того берега, она вдруг развеселилась.

— Ты вернешься, теперь я точно знаю! Я — твоя судьба, а ты — моя. Мы с тобой созданы друг для друга, хотя ты смертный, а я всего лишь фея дерева, которую можно увидеть только при свете луны. А теперь — до встречи! Надеюсь, до скорой.

— Прощай, — Барбер немного смягчился. В конце концов, фея оказалась не настолько плохой.

— Нет, не прощай. Мы встретимся снова и странно... — Звенящий смех, который сопровождал ее речь, начиная с первого разговора, когда они только встретились, словно пробежался

по нотам, сначала вверх, затем вниз. — Ты будешь обласкан судьбой, смертный, но перед тем тебе придется потерять себя в поисках самого себя.

Она удалилась в гущу деревьев и скрылась, но некоторое время до Барбера еще доносилось ее прерываемое ветром пение:

И к нам вернется благодать
Когда он трех коснется.....

И вдруг, едва только первый луч солнца блеснул над рекой, голос ее резко смолк, а в лесу стало совершенно тихо.

Барбер, лениво доедая остатки завтрака, думал о том, что прямолинейность этой дочери природы, возможно, была обусловлена определенными правилами взаимоотношений, не столько между разными народами, сколько межличностными. Было что-то специфичное в этих связях между обитателями Волшебной страны. Во всяком случае, так он решил, вспомнив крылатую фею во дворце Оберона, а теперь столкнувшись с этой особой — обе они фактически бросились на него. А ведь он не мог польстить себе, решив, что причиной этому стала его особая привлекательность, данная от рождения.

Еще были Джиб и Сирил, оба невероятно занятые, они с готовностью бросили свои никчемные дела только тогда, когда он попросил их об этом правильным образом. Все происходило так, будто психологическая реакция жителей Волшебной страны работала, как торговый автомат: ты бросаешь в него монетку, и если она не поддельная, получаешь жвачку. Впрочем, нет, не совсем. Кажется, были некоторые отклонения от стандартной реакции. Он вспомнил, как Титания менялась в лице в ответ на колкости Оберона, и как настроение Малацеи металось от слез до счастливой улыбки. Это было скорее похоже на игру в шахматы. Ты делаешь ход королевской пешкой по своему личному желанию, а твой противник, хоть и не обязан поступать именно так же, должен выбирать ход из серии стандартных, чтобы не оказаться под угрозой.

Если это верно, и верно все то, что он делал до сих пор, Малацея только что подсказала ему ход ферзем. Съесть несколько высохших слив — и сам черт ему будет не страшен.

Сейчас он как никогда нуждался в защите, после того как потерял палочку Титании. А ведь в своих словах царственной леди о «жестоких страданиях и ниспровержениях», которые последуют в результате ее потери, он не сомневался. Действуй!

Слива росла именно там, где сказала Малацея. Дерево стояло в сторонке, само по себе — быть может, потому что ни одно из ветвистых обитателей леса не желало приблизиться к чудовищу. Это было очень старое сухое дерево, сплошь усыпанное розовыми пятнами грибка, покрывавшего даже его редкие листья.

Барбер перебрался через ручей и осторожно приблизился, готовый в любой момент броситься назад. Какое-то время ушло на то, чтобы вообще разглядеть хотя бы какие-то плоды на ветвях. После долгих поисков он обнаружил, наконец, две сухие, морщинистые, но все-таки сливы. Палочку же он так и не увидел. «Возможно, слива полая, и палочка спрятана внутри», — подумал он. Было бы интересно это узнать, как, впрочем, неплохо было бы срубить само дерево, а то и вовсе превратить мистера Сливу в груду щепок. Но у него не было топора, и даже ножа или спичек, чтобы ради эксперимента спалить это жуткое существо дотла, а его опыта бойскаута, к сожалению, недоставало для того, чтобы добыть огонь трением.

Вскоре Барбер убедился, что дотянуться до слив невозможно. Осмотревшись, нашел сухую ветку, но та оказалась недостаточно длинной. Он несколько раз запустил ею, надеясь сбить плоды, но безуспешно.

Тогда Барбер отшвырнул ветку, поплевал на ладони и, обхватив ствол, пополз наверх. Кора, казалось, шевелилась под его руками — вероятно, разыгралось воображение. Но уродливые листья зашелестели над головой, а старый, но крепкий ствол закачался, как будто пребывая во власти штормового ветра. Слушая гневный скрип, Барбер уже не сомневался, что именно его попытка взобраться стала тому причиной.

Ветка с плодами была самой верхней, и, чтобы дотянуться до нее, Барберу пришлось принять неудобную позу, скрестить ноги и опереться рукой на ветвь пониже. Он подтянул к себе верхнюю ветку и все равно не смог дотянуться до слив. Пришлось отпустить руку, которой он держался за

ствол, и попытаться достать плоды. Но сливы, будто нарочно, уплывали из его пальцев. С четвертой попытки все же получилось, и он сразу спрятал их в карман. Еще одно секундное усилие — и Барбер спрыгнул на землю.

Вблизи сливы выглядели еще более неаппетитными, чем на расстоянии, опробовав их на зуб, он убедился, что на вкус они еще хуже, чем самый кислый чернослив. Но, что поделаешь, раз уж надо...

Хр-руусь! Он вовремя посмотрел вверх: здоровенная сухая ветка, сорвавшись с верхушки пораженного болезнью дерева, летела прямо на него. Он отпрыгнул, как кузнечик, и спрятался под сенью вполне дружелюбного на вид дуба, где поспешил закончить неприятную трапезу. Доев сливы, он заметил, что жакет стал еще более тесным в спине. Вероятно, крылья подросли, но поскольку и сейчас они были бесполезными, он отправился пешком, намереваясь идти вдоль берега реки.

На рассвете в лесу было очень тихо, почти так же тихо, как в странном парке, через который пролегал его путь прежде. Без всяких происшествий Барбер шел несколько часов, пока деревья на левом берегу не начали редеть. Между их стволами он заметил желто-коричневые линии, образующие нечто целое и большое. Он направился туда. Подойдя ближе, вдруг понял, что эти мазки, принятые им за вспаханное поле, в действительности оказались разрушенными коричневыми стенами какого-то глинобитного строения. Его обступили ряды надгробий одинакового размера, за исключением одной огромной могильной плиты в ста ярдах от него, которая возвышалась у подобия ворот.

Барбер нашел этот факт удивительным. До сих пор он считал, что жители Волшебной страны бессмертны, или почти таковы. Стена оказалась ему по колено. Он перепрыгнул через нее, решив исследовать это любопытное кладбище, на котором отсутствовали холмики земли, как это должно быть у настоящих могил. Камни были очень старыми, все надписи давно выветрились с их поверхности, за исключением отдельных букв. Еще более странным было то, что на первых двух плитах, которые он подробно рассмотрел, заметны были греческие буквы. Надпись на еще одной плите исчезла полностью, но остался вырезанный на камне контур скрипки и пары музыкальных

нот. Еще на одной была изображена открытая книга, с буквами VERI, затем пробел и AS. На камне рядом — какое-то грубое подобие телескопа, на соседних — вытертые геральдические эмблемы, и еще на одном — академическая шапочка с квадратным верхом. На каждом камне был какой-нибудь символ, но Барбер, бродя вокруг них, был удивлен тем фактом, что среди этих знаков не было ни одного символа военного или религиозного характера.

Он подошел к самому большому камню у ворот, выделявшемуся своей формой. На нем тоже была полустертая надпись, однако, в отличие от других, она не была уничтожена до конца, и оставалось некоторое количество букв. Наклонившись ближе, Барбер смог разобрать на затертой поверхности:

Рыжебородый возвратится
И к .....вер.....лаг...
Когда он .....ме...
Но ли.....нать

К неразборчивости добавлялось еще то, что изначально надпись была выполнена готическим шрифтом, похожим на шрифт германских книг. Барбер ломал голову, пытаясь вычленить какой-то смысл, но все было бесполезно. Осмотревшись вокруг, он не обнаружил никаких признаков жизни, если не считать нескольких ящериц, греющихся на камнях, и покинул кладбище, продолжив свой путь.

По левому берегу деревьев становилось все меньше и меньше. «Иди прямо», — вспомнил он слова Малацеи, которыми руководствовался до сих пор, шагая вдоль реки. Но теперь оказалось, что река образуется двумя притоками, один из которых вливался со стороны закончившегося леса, поэтому он направился прямо, вдоль другого ручья. Тот протекал по плоской равнине, вскоре ставшей почти голой. Теперь вместо деревьев Барберу редко попадался серо-зеленый кустарник, который в лучах солнца казался размытыми пятнами. Несколько раз Барбер мельком замечал движение на горизонте, но слишком далеко, чтобы разглядеть хоть какие-то детали. Ручей становился все меньше, пока не исчез в глубокой каменной расщелине.

Было жарко. Барбер снял котомку, надеясь выпросить у нее флягу с водой, не без некоторого беспокойства, поскольку на этой лишенной теней земле просто негде было укрыться от солнца. Котомка незамедлительно ответила на это желание, и его уважение к способностям маленького безумного короля значительно повысилось. Но когда Барбер потребовал, чтобы в бутыли оказалось холодное пиво, ему пришлось хлебнуть горькую жидкость, которую он тут же выплюнул и вернулся к обычной воде.

Оглянувшись назад, он убедился, что забрел уже достаточно далеко: лес казался тонкой темной линией на горизонте. Несмотря на тяжесть пройденного пути, этот факт вызвал прилив сил и решительности, и Барбер отправился дальше. Вскоре даже пыльная зелень совсем исчезла. Вокруг был лишь песок и камни с редкими клочками высохшей травы. Одиночество и однообразие пейзажа действовали угнетающе. Он согласился бы сейчас даже на компанию чересчур ласковой яблоневой феи, одновременно стараясь не думать о судьбе тех людей, которые потерялись в этой пустыне.

Мили пустоты.

Возможно, он выбрал неверное направление и заблудился? Что, если он обречен навсегда остаться в этой похожей на гладильную доску равнине? Волшебная котомка Оберона, вероятно, могла бы снабжать его едой и водой, но неизвестно, как долго, может быть, только до следующего изменения, вызванного очередным заклинанием. А пока он шел, шел и шел. Время тянулось бесконечно.

Скоро у него отрастет длинная борода и... Постой-ка! — возможность спасения была. Его крылья. Те самые шишки на лопатках продолжали расти. Барбер вывернул шею, чтобы посмотреть через плечо. Жакет на спине вздулся так, будто под ним вырос горб. Барбер попытался задействовать новые мышцы, отросшие на лопатках, и убедился, что выпуклости зашевелились. Интересно, проклюнется ли способность летать вместе с крыльями, или ему придется учиться использовать крылья, прыгая с какого-нибудь высокого места, как это делают орлята, выпадая из гнезда. А если не получится, кто поймает его?

Задумавшись над этим вопросом, он прозевал начало заката. Только когда тень Барбера вытянулась по безликой

равнине, он понял, что придется заночевать прямо здесь. Он ожидал, как сказала Малацея, что это будет прогулка на час или два, но все оказалось совсем не так. Вся надежда была лишь на то, что просто произошла ошибка — дриада могла и не знать о существовании этой пустыни; но все же страх перед бесконечной равниной не отпускал Барбера, только и ожидая момента, чтобы заполонить собой весь разум.

Барбер не мог надеяться на чью-либо помощь. Так или иначе, он застрял здесь на всю ночь. Он остановился и сел, выжидая, пока красный огненный шар спрячется за горизонтом, затем выудил еду из котомки. В отличие от ночи в лесу, небо здесь было ясным и усыпано звездами, хотя, глядя вверх, Барбер не узнавал ни одного созвездия.

Делать было нечего, он поерзал плечами и ногами, сделав удобную выемку в песке, и лег спать.

Солнце разбудило его, ударив прямо в глаза. Он поднялся со своей неудобной постели и осмотрелся. Вдали виднелась волнистая линия, которая могла быть только Кобольдскими холмами — его конечной целью. Крик восторга, вырвавшийся из груди Барбера, растворился в безмерном пространстве. Выпросив у котомки флягу с водой, он бодро направился к холмам.

Глава 8

Задолго до того как холмы стали увеличиваться в размерах, Барбер услышал доносящийся от них гул. Ритмичные и настойчивые металлические удары, набирая то высокий, то низкий тон, звучали словно безумный вальс, отдаленно напоминая мотив «Голубого Дуная». По мере того как звуки становились все ближе и громче, к ударам присоединился звучащий в унисон хор мужских голосов, от тенора до баса, поющих неразличимые слова. Повсюду разлеталась их то жизнерадостная, то грустная песня, но по-прежнему это был ритм в три четверти такта, и несколько раз Барбер ловил себя на том, что в этом напеве действительно есть что-то знакомое.

Местность изменилась. Теперь вокруг были сплошные обрывы и косогоры; вместо клочков пыльной травы и кустарников пошли дубы, березы, сосны. Барбер уже окончательно уверился, что достиг своей цели. Непрерывная песня и ритмичные удары раздавались то с одной, то с другой стороны. Когда он заметил внизу окруженную густым лесом лощину, внезапно раздавшийся грохот заставил его вздрогнуть, и Барбер чуть не сорвался с очередного косогора. Среди деревьев, растущих на холме впереди, он заметил множество свежих пней, а выше, на склоне среди густых ветвей, — яркие всполохи жаркого красного света, бросающие вызов умирающему солнцу.

Что там происходит? Но стоит ли рисковать, отправившись прямиком в ловушку? Барбер мгновение колебался, и все же решился. В конце концов, всегда можно вернуться, да и другого, более разумного плана у него не было. Он заметил, что в тут сторону, где что-то сверкало, протоптаны стежки небольших тропинок, перекрещивающихся среди деревьев и исчезающих во мраке леса.

Пока он рассматривал дорожки, ему в голову пришла мысль, что при всем поразительном разнообразии Волшебной страны четко прослеживалось одно несомненное сходство. Здесь не

было никакой возможности действовать самостоятельно: что бы ты ни делал, независимо от этого, все равно придется найти именно тот единственный путь или метод, который приведет к нужному результату. Встреча с трехглазым привела его сюда... Сгорая от любопытства, Барбер подумал: не было ли знакомство с Малацеей задачкой в таком же ключе... В итоге Барбер развернулся и все-таки начал карабкаться к источнику мерцания.

Как только он добрался до вершины косогора, новая нота, высокая, как у свирели, присоединилась к ревущей мелодии хора. Это была птичка, козодой, с идеальным мастерством исполнявшая свою партию, в которой Барбер признал «Шум леса» из «Зигфрида».

Мелодия звучала, словно предупреждение. Но отступать уже было поздно. Он глубоко вздохнул, с трудом поднялся на каменистую кручу и увидел узкий ход. Гладко отполированный каменный пол туннеля уходил вниз и привел Барбера в большой зал, верхние пределы которого терялись в дымном полумраке. Все вокруг было заставлено столами, а над ними строгими рядами были подвешены рожки огненно-красных факелов.

Все столы, каждое место было занято маленькими человечками самой разной наружности. У одних — чисто выбритые круглые и веселые лица, как у херувимов, другие выделялись тощими физиономиями или массивными челюстями, козьими бородками или длинными усами. Перед каждым стояли кружки с пивом, а девушки в ярких платьях тащили на подносах новые порции. На глазах Барбера какой-то толстый кобольд ущипнул одну из девиц. Та подскочила, с грохотом опрокинув поднос, и упала сама. Один из карликов за соседним столом вылил на ее голову пиво из своей кружки. Сидевшие рядом взорвались громом смеха. Они хлопали друг друга по плечам, еще больше заходясь от хохота.

Инцидент остался незамеченным в общем шуме поющих человечков, голоса которых Барбер слышал, пробираясь сюда, и теперь понятно было, откуда доносился этот рев, прерываемый время от времени стуканьем кружек. Но сейчас он казался отнюдь не таким согласным, каким слышался издалека. Каждая небольшая группа кобольдов, а иногда и отдельный кобольд, затягивали какую-то свою песню, отличную от соседской, причем

все ужасно фальшивили. А вот ритмичные вальсирующие удары, фоном объединявшие этот разноголосый хор, стали теперь намного громче.

У Барбера было время, чтобы понаблюдать за кобольдами, прежде чем его заметили. Сидевшие за ближайшим столом перестали петь и уставились на гостя с открытыми ртами, затем начали шептаться и тыкать друг друга, по мере этого тишина расползалась вокруг, словно круги по воде. Она почти достигла дальнего конца, где едва можно было различить двери, через которые входили разносчицы пищи, как вдруг три кобольда, одетые в строгую серую форму, подошли к Барберу. У главного из них на груди красовался золотой значок со сложной филигранью. Он низко поклонился Барберу, прежде чем произнести:

— Добрый вечер, высокорожденный господин! Я очень рад приветствовать вас в Пещерах Кобольдов. Как это разумно с вашей стороны приехать и собственными глазами увидеть чудеса нашего красивого края. Могу я надеяться, что вы пробудете у нас достаточно долго? Не откажетесь пропустить по стаканчику пива?

Последние слова прозвучали в полной тишине, которую разбавлял только вальс металлического стука. Барбер наконец понял — это грохот кузнечных молотов.

— Что ж, это было бы неплохо, спасибо, — ответил он. — Но прежде мне нужно встретиться с вашим главным. Я посол короля Оберона и...

Седые брови карлика хмуро сдвинулись.

— Простите, пожалуйста, — пробормотал он и, повернувшись к остальным, взмахнул руками. — Продолжайте! — крикнул он. — Это вас не касается.

Тут же все повернулись к своим столам, и зал вновь наполнился орущими голосами. Тип с золотым значком повернулся к Барберу.

— Эх, — вздохнул он, — Посмотрите, как веселятся эти славные парни. Только трудолюбивый может быть по-настоящему счастлив. Разве это не ответ на клевету, которая плетется про нас? Пройдемте сюда, пожалуйста...

Он взял Барбера за руку и повел между рядами столов, мимо орущих кобольдов. За ними последовали оба сопровождающих.

— Надеюсь, вам доставило удовольствие ваше путешествие, высокорожденный господин? — Он взглянул на плечи Барбера, затем снова вздохнул, — Эх, вам, крылатым эльфам, повезло родиться в отличном мире, так сказать. А вот мы, несчастные кобольды, вынуждены вкалывать в поте лица.

Барбер вспомнил поход по пустыне и посмеялся про себя.

— У вас здесь, кажется, все довольно неплохо устроено. Удобно, по крайней мере, — заметил он, полагая, что любезность не будет лишней, прежде чем затронуть вопрос о мечах.

— Мы прилагаем все усилия. Все, чего мы желаем, это покоя и возможности полагаться на результаты нашего честного труда, — Золотой Значок провел Барбера к нише, где стоял стол, за которым пятеро бородатых кобольдов пытались затянуть песню, но получалось у них это ужасно, поскольку никто не помнил, с какого куплета они должны начать.

— Вот мы и пришли. Сюда, — провожатый приблизился к столу.

Двое из компании послушно вскочили, но один кобольд, сидевший на противоположном конце, вдруг с грохотом ударил пивной кружкой по столешнице.

— Это организованный саботаж! — заорал он. — Я буду вынужден пожаловаться в участок! Я...

Он готов был выкрикнуть что-нибудь еще, но как только гид Барбера шагнул вперед, теребя пальцами значок на груди, кобольд вскочил, отвесил поклон и стукнул себя по лбу.

— Я покорнейше прошу прощения, милостивый государь. Я не знал, что вы теперь уполномоченный. Я...

— Поговорим об этом позже, Белый Пит, — равнодушно произнес Золотой Значок. — Пожалуйста, садитесь, высокорожденный господин, и отведайте нашего кобольдовского пива. Как говорят: хлопнуть и сдохнуть. А пить не будешь — так все равно помрешь. Поэтому давайте выпьем. Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха! — хором прогремели два его компаньона.

Тут же в руку Барбера сунули кружку. Пиво оказалось восхитительным, крепким, но бьющий в ноздри запах предупреждал об особенных свойствах ядреного напитка.

— В числе ваших предков случайно не было смертных, высокорожденный господин? — поинтересовался Золотой Значок. — Я так и думал. Это у вас на лбу написано. Мы

покажем вам наши мухоморовые плантации, вам очень понравится. Крей может показать вам здесь все. Раньше он был председателем участка Промыслов.

— Пока докторишки не обнаружили у меня естественную страсть к пиву, — вздохнул один из серых. У него было молодое лицо и приятная улыбка, разве что челюсть казалась тяжеловесной, словно отлитой из чугуна.

— Я бы очень хотел при случае взглянуть на эти плантации, — заверил Барбер. — Но в настоящее время я нахожусь здесь по делам, не требующим отлагательства...

— По делам! — все трое разразились громким смехом, и пока два помощника, едва сдерживаясь от хохота, булькали в свои кружки с пивом, Золотой Значок положил ладонь на руку Барбера: — Простите, высокорожденный господин, но в этот час в Пещерах Кобольдов не разрешается обсуждать дела.

Хмельной напиток начал показывать свою силу, Барбер ощущал это по приятному теплу, разлившему по всему телу. Но он еще не настолько опьянел, чтобы понять: эти слова не более чем надуманная отговорка. Он улыбнулся в знак того, что оценил шутку, и продолжил:

— Вы должны извинить меня, я не знаю ваших местных обычаев, но я — посол, и согласно международным соглашениям имею право на ведение дел в любое время.

— Ну и что? — глаза Золотого Значка собрались в пучок. — Я этого не понимаю, высокорожденный господин. Самое главное — это то, что мы встретились, поскольку в дополнение к секции Прибытия, которая принимает гостей, я также состою в секции Приветствий, которая привечает послов. Несомненно, у вас найдутся соответствующие верительные грамоты, чтобы доказать ваши полномочия — волшебная палочка нашей королевы Титании или печатка его Величества. Сойдет даже свидетельство в простой письменной форме.

— У меня действительно была... но я... — Барберу стало стыдно, вспомнив, при каких обстоятельствах он потерял палочку. Он решил промолчать. Дружный смех слился со звуками непрерывного вальса, и Золотой Значок ткнул Барбера под ребра.

— Ха, ха, ха! Не берите в голову, господин посол, мы не выдадим вас. Мы, обитатели Пещер Кобольдов смотрим на

вещи проще, да и пиво за счет правительства. Так что, как поют «выпей и снова налей»!

Барбер так и поступил.

В какой-то момент последовавших затем прений он поймал себя на том, что пытается объяснить смысл бинома Ньютона, в котором сам разбирался немногим больше, чем его аудитория, оказавшаяся, впрочем, страстно заинтересованной. В следующий момент просветления оказалось, что он энергично распевает вместе со всеми «Король-ублюдок на троне!..» Затем куда-то пропал Золотой Значок, зал и хор тоже исчезли, и Барбер оказался в длинном тусклом коридоре с Креем и вторым распорядителем в серой форме, спускаясь вместе с ними по какому-то коридору, где тоже властвовал кузнечный перестук, отбивающий такт в три четверти.

По замысловатой кривой проход уходил вниз, и высоты потолка едва хватало для его роста. Кое-где на стенах дымили факелы, брызгая жирными огненными искрами, и там, где их свет падал на стены, видно было, что те сырые. Черные зевы других тоннелей зияли то справа, то слева при каждом повороте, и в глубине их не горело ни единого огонька.

— Наши горные мухоморы лучше всего готовить в масле буковых орешков, — пояснил Крей, погладив свой живот. — У меня для них даже запасена емкость, где можно мух морить. Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха-ха-ха, — эхом отозвался коридор.

С каждым новым ответвлением грохот молотов становился все громче и отчетливее. Когда они достигли следующего поворота-развилки, Барбер надумал схитрить. Немного шатаясь. — ему не нужно было особо притворяться — он прильнул к стене, соскользнул по ней на пол и, чуть не целиком расстелившись в боковом тоннеле, приложился ухом к полу. Сокрушительные звуки ударов поглотили шаги Крея — тот носил мягкую обувь, но слух Барбера все же уловил его слабый голос и исчезающий смех.

Бумпити-бум, бум-бум, бум-бум, — раздавались кузнечные удары, почему-то опять складываясь в голове в звуки «Голубого Дуная». Каменный пол был стылым, но пьяная усталость сковала конечности Барбера, ему вдруг захотелось прямо здесь упасть и уснуть.

— Встань, — как в тумане приказал он себе, но сумел только согнуть ногу, пока одна половина его сознания пыталась заставить подчиниться вторую половину, которой уже было очень хорошо.

Клац!

Кто-то уронил что-то. Барберу вдруг представилось, что это у Крея отвалилась его мощная челюсть, когда тот обнаружил пропажу посла. Распирающий смех тут же придал ему сил. Эта веселая мысль, пришедшая в его пьяную голову, помогла Барберу подняться на колени, затем встать на ноги. Впереди было темно, хоть глаз выколи, коридор достаточно круто уходил вниз, и Барбер вынужден был держаться одной рукой за стену, чтобы не упасть. Через пятьдесят или сто ярдов коридор внезапно закончился лестничным пролетом, с которого открылся вид на широкую пещеру, освещенную единственным горевшим на стене факелом. Весь центр пещеры занимала бесформенная груда каких-то предметов, накрытых тканью. Поперек лестницы был установлен небольшой железный барьер высотой около двух футов. Этот барьер сначала озадачил Барбера, пока он не вспомнил, что кобольды считались единственными существами Волшебной страны, которые могли касаться железа. Поэтому барьер служил не хуже запертой двери — для кого угодно, но не для человека. Перешагнув через него, Барбер направился дальше вниз по лестнице.

Приподняв край покрывала, Барбер присвистнул, увидев то, что спрятано под ним: рапиры, сабли, клейморы, кончары[11], ятаганы, мачете и десятки других видов мечей, названий которых он даже не знал, каждый вид был в своей отдельной связке. В целом их было больше тысячи. Вот что кобольды хотели скрыть от него, но он сумел...

— Так-так, — раздалось в тишине.

Тон был спокойный и одновременно мерзкий. Холодный пот потек между лопатками Барбера. Моментально отрезвев, он повернулся и увидел Крея. На лице кобольда уже не было приятной улыбки, секунду-другую они стояли, пристально изучая друг друга, пока Крей не вытащил из кителя маленький

[11] Клеймор — кельтский обоюдоострый меч. Кончар — двуручный меч, предназначенный для пробивания рыцарских доспехов.

серебряный свисток и дунул в него. Тут же послышались крики и топот бегущих ног. Сквозь еще одну дверь, которую Барбер не заметил прежде, в пещеру ворвались карликовые фигуры.

В голове мелькнула мысль: схватить любой из клинков и начать рубить им. Но как он выберется из этих сложных тоннелей? Крей, казалось, уловил ход его мыслей.

— Не советую сопротивляться, — холодно произнес он.

Барбер заметил, что в зале собралось уже целое войско кобольдов; те, что стояли впереди, держали в руках копья. Их остролистные наконечники выглядели весьма устрашающе. Барбер поднял руки в жесте капитуляции.

— Как скверно, что вы злоупотребили гостеприимством Пещер и испортили такой прекрасный вечер, — продолжал Крей. — Теперь вам придется ответить... Ведите его в судебный зал.

Один из копьеносцев ткнул Барбера в ногу. Тот отскочил и крикнул:

— Черт подери! Я не требовал вашего гостеприимства, и не думаю, что оно слишком теплое. Я здесь в качестве посла и заявляю о своей дипломатической неприкосновенности!

— Дипломатическая неприкосновенность не дает вам права нарушать наши законы, совершая уголовные преступления.

Крей повернулся спиной.

Охранники взяли Барбера в кольцо и остриями копий оттеснили его к задней двери. Так они прошли через какой-то коридор, освещенный факелами, который вскоре раздвоился. Там Барбера заставили свернуть вправо, затем направиться вниз и под арку.

Он оказался в длинной и высокой пещере, стены и потолок которой украшала резьба по дереву, выполненная в самом дурном вкусе. В дальнем конце за столом на невысоком помосте сидел кобольд с длинным носом и остроконечными ушами; окруженный грудами бумаг, он что-то лихорадочно записывал. Путь к нему преграждали два ряда кобольдов-охранников с мечами в руках, они застыли неподвижно, словно статуи, не мигая уставившись друг на друга. Барбера подтолкнули в проход между ними и подвели к помосту. Один из копьеносцев опустил оружие и с глухим звуком стукнул наконечником об пол.

Длинноносый кобольд посмотрел на него с кислым выражением.

— Гвардии одиннадцатый отдел. Задержан шпион в арсенальной комнате. Уполномоченный Крей, распорядитель секции четыре, — отчеканил копьеносец металлическим голосом старинного фонографа.

— Послушайте, — вмешался Барбер. — У вас будут большие проблемы по этому поводу. Я совершенно законный посол короля Оберона и....

Длинноносый достал чистый лист и начал записывать.

— Ваш протест отмечен и отклонен, — оторвался он от бумаги. — Меры правосудия равно одинаковы для всех жителей Пещер Кобольдов, включая метисов и чистокровных. Я приговариваю вас к...

— Но я не житель пещер! — в отчаянии вскричал Барбер.

Он заметил, как два охранника с мечами шагнули к нему, и мысль о том, что может последовать дальше, бросила его в дрожь.

— Я даже не житель Волшебной страны. Я смертный.

Длинноносый поднял брови.

— Смертный?! Секундочку, пожалуйста, я должен найти прецедент. Хотя я должен сразу предупредить, что это будет не так уж приятно для вас, поскольку вы сами добавили к вашей вине лжесвидетельство. У смертных не бывает крыльев.

Он повернулся к одной из бумажных стопок, от пола и выше столешницы, и начал копаться в документах. Судя по поднявшейся пыли, в них давно никто не заглядывал. Длинноносый судорожно скривился, запрокинул голову и разразился громоподобным чиханием.

— Дай вам бог здоровья, — машинально произнес Барбер.

— А-А-А-А-А-А! — пронзительно завопили все кобольды. Копьеносцы побросали свои копья, меченосцы мечи, длинноносый судья выпрыгнул из-за стола, и все как один устремились к выходу.

Через две минуты Барбер остался в полном одиночестве, посреди завалов брошенного оружия, россыпей бумаг и безвкусной резьбы.

Глава 9

Барбер подобрал несколько мечей. Оберон говорил ему не применять силу против кобольдов, но кто бы мог подумать, что другие методы могут оказаться более эффективными. И как он сразу не вспомнил о средневековых легендах, гласящих, что любое упоминание Бога действует на жителей холмов подобно анафеме?

Пожалуй, один из этих мечей вполне мог ему сгодиться, если вдруг снова придется столкнуться со Сливой или подобными ему чудовищами. Большей частью мечи были мелковаты, но он нашел клеймор, предназначенный для двух небольших ручонок обитателей гор, который вполне хорошо лег в его руку.

Дверные проемы вели во множество направлений, и угадать, каким путем он пришел сюда, не представлялось возможным. Барбер выбрал направление наугад и оказался в одном из типичных коридоров, который тянулся по лабиринтам темных или освещенных комнат. Все были пусты. Барбер ощущал какое-то изменение, но не мог понять, какое именно. Он попытался избавиться от этого чувства и попробовал напеть мотив «Голубого Дуная», как вдруг понял, что изменилось. Ритмичность ударов, уже не таких громких, перешла от размера в три четверти такта к четырем четвертям — от вальса к маршу.

Тоннель тоже изменился. Его стены и потолок стали более гладкими, и вода больше не капала сверху, а вскоре он и вовсе стал напоминать коридор какого-нибудь обычного здания. В нескольких ярдах впереди слабый факел высветил пару массивных бронзовых дверей с рисунком фигурного литья. Барбер приложил ухо. Ни звука. Он осторожно толкнул одну из дверей.

За дверью оказался еще один зал, огромный, как та пивная, и света нескольких факелов не хватало, чтобы осветить

его целиком. Красными пятнами их пламя отражалось на полированном камне стен и пола, потолок терялся во мраке. У Барбера перехватило дыхание: он вдруг заметил множество человеческих, как ему показалось, теней вдоль стен. Присмотревшись, он понял, что это фигуры в готических латах, ростом с кобольдов; забрала их шлемов были опущены вниз, так что невозможно определить, есть ли в них кто-то живой.

Он подошел к ближайшей фигуре и постучал по ее нагруднику острием меча. Характерный металлический звук утверждал, что доспехи внутри не пусты, но фигура оставалась неподвижной. Барбер попытался поднять забрало, однако не смог, не позволял какой-то механизм.

Тогда Барбер обратил все внимание к дальнему концу зала. Увидел длинный низкий стол с рядами стульев по сторонам. В конце стола возвышался стул размером побольше, с низким сиденьем, высокая спинка которого была украшена затейливой резьбой и обита дамасской тканью. Похоже на трон.

Барбер направился туда, чтобы более основательно рассмотреть трон. В нем не было ничего особенного, за исключением медной пластины с надписью, прикрепленной к задней стороне спинки. Барбер наклонился, чтобы разобрать готическую надпись:

Есть места три.
На одно посмотри.
Хочешь коснуться — коли.

Непонятно. Или, возможно, не совсем. Он вспомнил строчку из песни Малацеи: «Когда он коснется трех мест...»

Возможно, ему нужно просто дотронуться до пластины. Он сделал это только ради любопытства: протянул руку и коснулся пластины острием меча.

Бабах!

Зал осветила яркая сине-белая вспышка, подобная молнии, после которой вновь воцарилась темнота, в то время как гром эхом продолжал греметь в пещере, как будто грохотали тысячи ядер. Пока гул не стих, Барбер неподвижно стоял, напряженно вглядываясь в черноту. До боли стиснув

челюсти, он ощущал, как дрожит каждый волосок на голове и как трепещут под камзолом еще нерожденные крылья.

Комната постепенно возвращалась к нормальному виду, какой была до того, как внезапная вспышка ослепила его. Барбер осмотрелся. Он мог поклясться, что алебарда в руке той фигуры, которую он трогал, качнулась. Факелы разгорались все ярче, тьма уползала наверх, подобно пауку, стремившемуся забиться в угол своей паутины. Барбер услышал слабый свистящий звук, как будто кто-то дышал через отверстия забрала, и одновременно был ошарашен тем, что удары молотов, к которым он привык, прекратились.

Раздался слабый металлический скрип, после чего последовал поразительный в тишине звук кашля. Барбер развернулся и побежал на цыпочках вдоль бесконечного, отполированного до блеска каменного пространства. Маячивший где-то впереди выход теперь казался вдвое дальше, чем прежде. Чтобы скорее достичь его, Барбер перешел на бег. В последний момент факелы задрожали, замерцали и дружно погасли.

Последние прыжки Барбер сделал уже в темноте, на ощупь отыскал дверную ручку и с чувством неимоверного облегчения потянул на себя.

Не желая больше здесь оставаться, он совершенно не думал о том, что это за место. Коридоры все так же были пусты, но и звуков невидимой кузницы не стало. Благодаря удаче, которая до сих пор сопутствовала ему, проплутав час или дольше, Барбер вышел на развилку, откуда один из коридоров привел его к пятну бледного серого дневного света.

Солнце, видимо, только что взошло, когда он выбрался из пещеры. Открывшийся его взгляду пейзаж ничуть не напоминал ту пустыню, которую он преодолел, чтобы добраться сюда. Он стоял на высоком склоне, перед ним расстилалась зеленая равнина. Вдалеке виднелась группа коричневых и желтых прямоугольников, наполовину спрятанных группой холмов; возможно, ферма или что-то вроде того, если в Волшебной стране бывают фермы. В другой стороне виднелась темная гряда леса.

Наверняка кто-то живет там, на ферме, и уж точно не кобольды. Спускаясь по склону длинными прыгающими шагами, Барбер с радостью вдыхал свежий воздух.

Это было похоже на утро где-нибудь в Новой Англии, на исходе лета, с блестящими от росы паутинками в траве и воздушными танцами роящихся мошек. По тучному лугу разносился стрекот кузнечиков.

Барбер остановился передохнуть на вершине последнего пригорка. Потирая щеки, он обнаружил, что щетина его уже перестала колоться. Это был, конечно, недостаточный повод для беспокойства, но без острой бритвы Барбер чувствовал себя неуютно. Не станет же он бриться мечом?

С вершины холма он мог теперь хорошо разглядеть ферму, поля которой напоминали клетки шахматной доски, разделенные каменными заборами. Фермер не заметил его приближения, пока не услышал, как Барбер перепрыгнул через разделявшую их ограду.

Владелец фермы оказался крупным, плотным мужчиной в рубашке с закатанными рукавами; его штаны в крупную клетку держались на единственной помочи, обе штанины были заправлены в ботфорты. Заметив Барбера, он повернулся к нему, явив пышущее здоровьем лицо с поразительно голубыми глазами и огромными седыми бакенбардами. Взгляд его упал на меч. Тут он не задумываясь выронил мотыгу, отступил в угол забора и поднял огромный, грозный на вид топор. Расставив ноги, он приготовился встретить Барбера без враждебности или страха.

— Привет, — выдавил Барбер.

— Здрасьте, мистер, — ответил фермер и, немного расслабившись, опустил топор. — Приятное утречко.

— Да, замечательное, — в свою очередь согласился Фред. — Меня зовут Барбер.

— Буду рад сделать что-нибудь для вас, мистер Барбер. Я Фоссет. Ной Фоссет. Откуда вы?

— Из дворца короля Оберона.

— Будете одним из этих дикарей?

— Я не эльф, если это то, что вы имеете в виду.

— Не доверяйте эльфам. Они сущие дикари. Вы работаете на Оберона?

— Да, я посол.

— Что ж, я весьма удивлен. Где ж вы были до того?

Барбер улыбнулся.

— Лансинг, Мичиган, если вас интересует далекое прошлое.

Ной Фоссет нахмурился.

— Не думаю, что знаю... погодите, вы имеете в виду Мичиганскую территорию?

— Теперь это штат. Вошел в состав США в 1835 году.

— Вот так штука. Гарри Клей всегда говорил, что мы должны принять ее. Значит, настоящий американец.

Фоссет отбросил топор и шагнул вперед, чтобы обменяться рукопожатием.

— Проходите и располагайтесь как дома, мистер. Сколько вам лет? Вы женаты? В какую церковь ходите? Вы сами будете из вигов или одним из этих, демократов? Как вы здесь очутились, да еще в качестве посланника Оберона? Что нового в Штатах?

Жестом отчаяния Барбер остановил этот поток вопросов, на что Ной Фоссет разразился глубоким грудным смехом.

— Кажется, я бегу впереди телеги, но даже после столь долгого перерыва я еще могу отличить настоящего человека от этих паршивых язычников, не говоря уже о настоящем американце. Тут с тоски изведешься без новостей.

Зашагав впереди, он направился к обшитым досками строениям. Сделаны они были весьма примитивно, как отметил Барбер, и напоминали постройки крестьян, только что прибывших из Старого Света.

Ной Фоссет поймал его взгляд.

— Согласен, не слишком хозяйская работа. Особенно это ощутимо зимой, но что сделаешь, приходится лепить из того, что есть под рукой. Как говорит мудрейшая из книг: «От лености обвиснет потолок, и когда опустятся руки, то протечет дом»[12]. Вот эта вешалка, — он показал на пару скоб, прибитых к стене, — предназначалась для оружия. Но эти горные язычники так и не смогли сделать мне пистолет, хотя они довольно искусны в работе с железом. Вы можете повесить туда свой меч. Что за странный горб у вас на спине. Вас что, били в детстве?

— Нет, думаю, это просто наросты.

Фоссет покачал головой.

— Вы поосторожнее с этим, мистер Барбер. У меня был кузен Лу, у него тоже вскочила шишка на груди, а когда он

[12] Библия. Екклесиаст 10:18.

умер, доктор сказал, что это все от нее. Но я не слишком доверяю докторам... Вы пока посидите, я приготовлю все необходимое, чтобы отпраздновать нашу встречу... Так вы женаты?

Не дожидаясь ответа Барбера, он поднял люк и нырнул в подпол, чтобы через мгновение вернуться оттуда с кувшином в руках.

— Ягодное вино, — объяснил Фоссет, с приятным бульканьем разливая напиток в пару деревянных кружек. — Отличная штука получается, как сидр, хоть я и не совсем опытен в этом деле, да и яблок-то у меня на самом деле нет... Так почему вы взялись работать на языческого короля? И хорошо он платит? Он, конечно, еще вполне сносен для дикаря, но все они здесь, как индейцы, особенно эти лесные варвары, только и ждешь от них какой-нибудь пакости. Имел случай столкнуться с ними в свое время.

Он усмехнулся, что-то вспомнив.

Барбер с замешательством подумал, что его теперь тоже можно зачислить в «язычники», и был даже рад, что не стал рассказывать о зарождающихся крыльях.

— А что за случай? — спросил он, дабы направить разговор в безопасное русло.

— Да так, ерунда. Если б не моя тяга к выпивке, я не получил бы даже этих бревен. Когда я прибыл сюда, то заключил сделку, честную и справедливую, чтобы обрабатывать землю и обменивать свои продукты. Для начала я построил ту крохотную, покрытую дерном землянку, которую вы видели снаружи. Потом пришла осень, и я отправился к реке, чтобы наловить рыбы, и нашел там рощу замечательных яблонь. Выкопал несколько самых маленьких и рассадил их вокруг моего дома. Надумывал вырастить сад, но мне следовало сразу избавиться от них.

Фоссет резко замолчал и потянулся за понюшкой табака, предложил Барберу, но тот отказался, в нетерпении спросив:

— А что было дальше?

— Язычники! Они явились ночью, прыгали и скакали вокруг, злобно размахивали своими кривыми в самом прямом смысле слова руками. Они были одеты в кору, как будто в рыцарские латы. Но мы, Фоссеты, не из пугливых. Когда я вышел,

чтобы сказать им все, что про них думаю, они захотели поймать меня. Тогда я побежал обратно в дом и схватил топор. Тут до меня дошло, что эти проклятые твари боятся железа. Глупое суеверие с их стороны. Но это к лучшему: пока у меня есть топор, они стараются держаться подальше...

Тут Фоссет наклонился, показывая на приспособление для снятия сапог.

— Снимите обувь, мистер, так будет удобнее.

У Барбера и вправду затекли ноги. Башмаки, которые сделал королевский скорняк, сидели достаточно комфортно, но от беспрестанной ходьбы ступни теперь гудели так, что хотелось скорее разуться.

— Вы, кажется, еще что-то говорили о бревнах, — разобравшись с обувью заметил Барбер.

— Приближаюсь к этому. Так вот дикари всю ночь держали меня в осаде. Когда я спросил их, почему они мешают моему христианскому сну, они сказали мне, что они духи деревьев. Это теперь-то я знаю, но тогда мне пришел в голову сотый псалом: «Говорящий ложь не останется пред глазами моими». И еще: «Не обращайтесь к вызывающим мертвых»[13]. В общем, разгневался я и порубил их всех, а стволы использовал, чтобы построить свой маленький бревенчатый дом, теперь он служит хлевом. К моей радости, эти языческие бунтовщики хоть на что-то сгодились.

Фоссет сделал мелодраматичную паузу, словно подводя итог сказанному, затем встал, чтобы снова наполнить обе кружки, и спросил с напускной небрежностью:

— А у нас там, в Штатах, много бывает восстаний?

— Не очень, — улыбнулся Барбер. — Так что произошло дальше? Они вас оставили в покое?

— Ну, они, конечно, пришли снова и пытались качать права, но мне было плевать на них. Тогда они стали грозиться, что отправятся к королю и узнают, насколько законно мое пребывание здесь. «Все законно!» — говорю я им, уж я-то знаю, что у меня есть разрешение короля на эту ферму, а это слово государя, настоящего мужика, а не какого-то там бегающего дерева. Так что я потом снова спустился к реке и срубил еще несколько деревьев. И притащил их сюда вместе с Федералистом.

[13] Левит 19:31.

— С кем? — прервал Барбер.

— С Федералистом. С моим мерином, которого король дал мне, когда мы заключили сделку. Так я достроил свой дом, но дальше случилось то, о чем Великая Книга говорит: «Не надейтесь на князей»[14]. Через некоторое время этот король, шершней ему в зад, заявляет, что хочет отменить сделку и лишить меня моей же земли. Я заявил ему, что я гражданин Соединенных Штатов, и права мои охраняет Конституция, которая гласит, что лишение прав невозможно иначе как по решению суда, именно так, как сказал Джон Маршалл, когда был случай с землями Джорджии несколько лет назад. Тут Оберон, конечно, сдрейфил и начал что-то мямлить про язычников, которые живут по округе, пока у меня не лопнуло терпение. Я сказал ему, что мы, массачусетцы, один раз уже ходили на войну, чтобы избавиться от короля, и если он хочет посмотреть, как мы это сделали, то я могу показать ему прямо сейчас... Он, конечно, разозлился и начал шипеть, как плюющаяся на огонь кастрюля, и я, было, подумал, что для меня настали действительно трудные времена, но решил не сдаваться: «Послушай, мой дорогой, — не сдержался я, — с нами, Фоссетами, лучше не связываться, поэтому оставь свои сомнительные штучки. Я был миролюбивым человеком. И если эти деревья для тебя — все равно, что домашние животные, ты мог бы сказать мне об этом, а не трепать небылицы про лесных духов, ибо, как сказано в Библии: «Не верь тем, кто возводит напраслину». «Я предлагаю тебе сделку, — сказал я ему. — Если твои люди доставят мне хороший здоровый лес для моих построек, я оставлю в покое твои любимые деревья». Мало-помалу до него дошло, так что язычники больше ко мне не приставали. А я получил свои доски. Ну, теперь я достаточно рассказал. Ваша очередь, мистер. Вы, как вижу, тоже сталкивались с этими язычниками? Как вы завладели мечом?

Барбер ответил только на последний вопрос.

— Я взял его в пещере у кобольдов, — сказал он. — Но вы все время говорите: мы, Фоссеты, значит, есть кто-то еще?

Уже порядком нализавшийся фермер взболтнул осадок на дне кружки и плеснул в рот.

[14] Псалом 145:3.

— Были. Братья, — коротко ответил он. — Авдий и Лемюэль. Один из них был женат на девчонке из Вайтинга. Они хотели отправиться за мной из Мидлсекса в Олбани тем летом. Но я их так и не встретил, возможно, их поймали индейцы или какие-нибудь другие язычники. — Он взглянул на часы. — Пора и закусить чем-нибудь, — произнес он надломленным голосом и поднялся.

Глава 10

В призрачном свете, перед восходом солнца Барбер проснулся от того, что чья-то тяжелая рука легла ему на плечо. В течение нескольких сонных мгновений он непонимающе смотрел вверх, сквозь лицо с бакенбардами, продолжая смаковать наслаждение от того, что после нескольких ночей, проведенных на земле, спит в кровати.

— Надо бы заняться делами, мистер, — бодро объявил Фоссет.

Барбер потянулся, зевнул и коснулся руками своего небритого подбородка. Предположение, что его воспринимают в качестве батрака, показалось ему не особо радостным, но он отнесся к этой перспективе без негодования. Разве Оберон не собирался использовать его таким же образом.

— Не найдется ли у вас лишняя бритва? — спросил он.

— Увы, — ответил фермер, — это одна из тех вещей, которых недостает в этой чертовой стране. Лично мне приходится выдергивать волосы клещами, разве что для начала размочить их водой, чтобы не было так больно. Давайте лучше позавтракаем, чтобы крепко утвердиться духом Его во внутреннем человеке, как апостол Павел завещал Ефесянам. Я считаю, надо радоваться хотя бы тому, что есть чем позавтракать.

Фермер тяжело заковылял к лестнице.

— Эти дикари, вероятно, сидят в засаде и задумывают какой-нибудь очередной фокус. Они любители до хитростей, — пояснил он. — Я вспоминаю время, когда сажал корнишоны на небольших клиньях земли у реки. Они выползли из земли такие жалкие, с корявыми листочками. Горные язычники были оскорблены до глубины души. Они чертовски любят огурцы, — рассказывал он, с неуклюжей поспешностью накрывая стол.

— А что случилось? — напомнил ему Барбер.

— Ну, они приходят ко мне и говорят: мол, во всем виновато заклинание: ваши огурцы превратились в плющ. Но вы не беспокойтесь, мы можем заколдовать их обратно, — сказали они. А я сказал им, чтобы они даже не думали подходить к моим грядкам. Знаете, ничего нет лучше молодого огурчика. Той же ночью эти чертовы подлецы спустились со своих гор, и давай колдовать. Вскоре огурцы и в самом деле были в порядке.

Фоссет сел за стол и начал есть, перед тем указав Барберу на соседний стул.

— Хотите сказать, что колдовство помогло огурцам? — спросил Барбер.

Фермер засмеялся с полным ртом еды.

— Разве я это говорил? Конечно, мне не понравилось, что какое-то там поганое заклинание испортило мои корнишоны. Вот было бы у меня вдоволь лошадиного навоза... но мне его не хватает даже на посадку. Поэтому за день до того, как эти язычники применили свое знахарство, я отправился в лес и насобирал для удобрения оленьих какашек, которые сделали свое дело. А эти проклятые дикари еще имели наглость просить меня о снижении цены на урожай. Ну да ладно, судя по тому, как здесь все быстро растет, мы можем сегодня заняться гречихой.

Никогда прежде Барбер, воспитанный в городе, не переживал того удивительного чувства удовлетворения, которое люди испытывают при виде проклюнувшихся в один прекрасный день ростков, когда-то семенами брошенных в голую землю. Особенно если у вас на глазах эти совсем крошечные, едва заметные побеги набирают сок день ото дня. Потом у них начинают появляться листочки...

На третий день своего пребывания на ферме Барбер попытался рассказать фермеру о таких чудесах современности, как электрическое освещение или небоскребы. Фоссет воспринимал эту информацию с той же долей веселого скептицизма, с которой относился к «языческим фокусам» — все это представлялось ему химерой, поскольку не имело никакого приложения в реальной жизни, а Барберу не хватало знаний, чтобы разбить его возражения.

— Знаете, один профессор из Гарварда доказал, что без деревянного корпуса никакой пароход не сможет переплыть

океан, — подытожил Фоссет и, схватив самодельное банджо, запел, а впрочем, скорее захрипел гнусавым тенорком:

Это было огненной осенью,
Когда наша славная армия —
Стрелки, драгуны и пушки —
Катилась через весь штат.
И никто не боялся стать мишенью
Индейцев или королевских солдат...

Так проходили долгие вечера: они сидели за столом, потягивая плодовое вино, иногда развлекая себя игрой в «Девять человек Морриса»[15]. Жизнь катилась гладко. Оберон, война, все былые проблемы остались в прошлом, и это не казалось Барберу таким уж плохим: остаться навсегда в этом уголке совершенного мира.

Или почти совершенного. Если не считать инцидента со сломанной мотыгой. В тот день оба были заняты тем, что Фоссет называл «окучиванием» картофельного поля. Операция эта казалась Барберу бессмысленной, поскольку подразумевала собой энергичное рытье мотыгой возле корней молодых растений, дабы нагрести к стеблям слой земли не больше чем в полдюйма.

— Так поле выглядит более аккуратным, — таков был единственный ответ Фоссета, когда Барбер пытался возразить, что несколько тычинок травы ничуть не помешают корням картофеля, который вырастит свои клубни в любом случае.

— У хорошего фермера всегда аккуратные поля, — и, чтобы поставить точку в разговоре, Фоссет начал бить мотыгой с особым остервенением, но вдруг раздался звук удара о спрятанный под землей камень, и лезвие со звоном отломилось.

Это небольшое бедствие заставило Фоссета разворчаться.

— Ну вот, теперь опять придется якшаться с этими проклятыми горными язычниками, — пробурчал он, когда приволок из дома другой инструмент. — Нет, ну это ж надо, третья мотыга на одном месте. И как назло, я слишком поздно вспоминаю об этой коварной скале. Ну да ладно, то ли еще

[15] «Девять человек Морриса» или «Мельница», известная также как «ковбойские шашки» — логическая настольная игра для двоих игроков.

будет, когда они узнают, какое я делаю великолепное плодовое вино и без всякой магии. Зуб даю, у них глаза повылезут.

На следующее утро после завтрака он вытащил большой сине-белый флаг на древке и установил его на крыше дома. Объяснил, что это сигнал кобольдам о том, что он хочет с ними торговать. Но ни в тот день, ни на следующий никто не появился. На второй вечер за ужином Фоссет выглядел весьма обеспокоенным.

— Не знаю, что с ними стряслось, обычно они как мухи на мед слетаются. Никогда еще не было, чтобы эти проклятые горные язычники отказывались торговать. Это подозрительно. Мне бы не хотелось остаться без возможности обмениваться с ними, ведь я же не смогу работать без инструментов.

— Что, если я схожу к ним и выясню, в чем дело? — осторожно предложил Барбер.

— Святой Георгий, верно! Эти мерзавцы слишком привередливы насчет чужаков, но раз вы назвали себя послом, то сам Господь велел вам отправиться туда. Как говорится в пятьдесят седьмой главе Исайи: «Посылать послов твоих и унижаться до преисподней». И вот что, мистер, утречком и ступайте, а я дам вам на дорожку кувшин плодового вина.

Барбер уже раскаялся в своем предложении, но ничего другого не оставалось. На следующий день он отправился через холмы к Пещерам Кобольдов. По дороге он начал жалеть еще больше, коря себя за глупость. Было слишком жарко. Это путешествие заставило его вспомнить об уже проделанном походе, о котором он за это время успел позабыть. И, что особенно неприятно, сейчас Барбер чувствовал себя определенно хуже, чем в прошлый раз.

Впрочем, он отметил про себя, что «чувствовал» — это было неправильное слово. За эти дни непрерывный поток болтовни Фоссета отучил его от самоанализа. Но сейчас его просто распирало от отвращения к этому месту. Если бы он в данную минуту оказался в посольстве, то с великой радостью погрузился бы в составление ненавистных официальных отчетов.

Говоря проще, он был переполнен негативными эмоциями. Все это, вероятно, отражалось и на его физическом состоянии, которое, в свою очередь, казалось катастрофическим.

«Просто навалилась ипохондрия, или я действительно до крайности вял?» — спрашивал он себя. Похоже, что верно второе: ноги его едва передвигались. От прежней обуви пришлось отказаться в конце первой же недели жизни у Фоссета. Теперь он носил пару огромных фермерских ботинок, и даже они, сначала сидевшие на нем свободно, точно шлепанцы, теперь до боли стали тесны.

Еще что-то не так было с его глазами. Когда он неосознанно фокусировал взгляд на чем-то, они почему-то начинали косить. Особого дискомфорта это не вызывало, но в глазах все двоилось. «Возможно, это какая-то форма аллергии или авитаминоза, — решил Барбер. — Или это могло быть связано с пищей, которая хоть и включала в себя достаточно свежих овощей, но полностью исключала молочные продукты и мясо». А что до оленины, то ее Фоссет мог только выменивать у «язычников». Однако здесь были и свои плюсы: недостаток в белке привел к тому, что его крылья перестали расти. Они даже уменьшились на дюйм или два...

Наконец Барбер оказался у входа в пещеры. Внутри было по-прежнему тихо и темно. Казалось абсурдным, что он добровольно пришел сюда, но столь же невозможным было вернуться, даже не заглянув в пещеру. Через некоторое время, набравшись решимости, он заставил себя шагнуть внутрь.

Одной рукой он держался за стену, ощущая ее влажность. Чем глубже он спускался, тем больше проклинал себя за то, что не взял с собой ни факела, ни хотя бы веревки, которая могла бы послужить путеводной нитью Ариадны. Он начал считать шаги, стараясь делать их одной длины, чтобы хоть как-то сориентироваться. «Двадцать два, двадцать три, двадцать четыре...» — он сделал паузу и оглянулся назад на пятно света.

«...Сто сорок девять, сто пятьдесят...» — он обернулся снова, пятно стало едва заметным, и Барбер пожалел, что не начал считать от самого входа в туоннель.

Он прошел больше ста ярдов, и стена справа от него внезапно ушла в сторону. Он оказался в какой-то большой пещере и встал перед выбором: спускаться ли дальше в эту запутанную галерею проходов. Ничего и никого здесь не было, ни огней, ни признаков жизни. Держась за угол стены, он крикнул. Ответа

не последовало, только слышен был монотонный звон капель подземных вод. Поняв, что находиться здесь бессмысленно, он развернулся и ощупью двинулся назад.

Когда он выбрался из жерла пещеры, утренняя дымка сменилась тучами, моросил дождь, прогнав жару, что не могло не радовать. Барбер поплелся через холмы обратно к усадьбе. Фоссета нигде не было видно, как и его мула Федералиста. Вероятно, фермер отправился к реке, видимо, не в силах отказать себе в столь прекрасный дождливый день развлечься торговлей хотя бы с лесными жителями.

Барбер вошел в дом и отправился наверх, в свою комнату, где обычно только ночевал. Все здесь было сделано самим Фоссетом, даже гардины собственного производства из материалов, которые, наверное, еще никому не приходило в голову использовать в качестве занавесок. Во всем ощущалась рука крепкого янки, которому чужды сантименты. Создавалось даже впечатление, что Фоссет не особенно-то и нуждался в товарищах, проживая один в этой дикой местности. Барбер нашел его весьма сдержанным на чувства, за исключением тех случаев, когда фермер начинал рассказывать про «язычников».

— Некоторые их женщины, представьте, — часто говорил он, размахивая кружкой с вином, — как кровь с молоком и, похоже, хорошие работницы. Но они такие вертлявые и болтливые, как индюшки, что любому мужику хоть на стену лезь. Ты им одно слово, а они тебе три...

...Охвативший Барбера ужас заставил его вскочить на ноги. Когда он зашел в комнату и сел на самодельное кресло-качалку, под потолком кружили две мухи. Дверь была закрыта и окна тоже. Но мух теперь не было.

Зато Барбер отчетливо вспомнил, как в тот момент, когда он размышлял о холодности Фоссета, он — на «раз-два», даже не задумываясь, — в непринужденном движении поймал их и, даже сам не поняв, что делает, сунул в рот.

Он возбужденно принялся кружить по комнате, пытаясь найти ответ, зачем он так поступил, и вдруг его озарило. Это его собственная ошибка. Он позволил себе беззаботно жить на ферме. Но ни к чему хорошему такой выбор не привел, поскольку он уклонился от своей главной задачи. Попасть в

Пещеры Кобольдов — эта была лишь часть его задания. Еще оставались обязательства. Что-то определенно пошло не так, и, вероятно, дальше будет еще хуже, если он не завершит свое задание. Это, возможно, и были те самые «жестокие страдания и ниспровержения», которыми пугала королева.

Но как ему выполнить задание? Как найти дорогу обратно через пещеры, пройти через пустыню и вернуться к Сливе, который отобрал у него эту проклятую волшебную палочку? Черт побери! Он раздраженно потряс руками от такой несправедливости. Почему в этой Волшебной стране ни в ком нельзя быть уверенным? Фоссет казался единственным человеком из этого сборища, от которого можно было ждать хоть какой-то определенности, но теперь Барбер вынужден был оставить его.

Услышав звуки с улицы, он подошел к окну. Фоссет въезжал во двор. Вода лилась ручьями с его шляпы и по гриве лошади, но на небритом лице расплылась довольная улыбка. Торговая экспедиция, судя по всему, увенчалась успехом: его седельный мешок был чем-то набит, из него торчали кусок ткани с позолотой и какая-то ручка.

Барбер вдруг понял, что самое последнее, чего он хотел бы в этом мире, — объяснять странность своего положения этому скептику и Фоме неверующему, равного которому едва ли найдешь кого во всей Новой Англии. Барбер сделал три быстрых шага обратно и распахнул дверь своей комнаты. Схватив меч, вернулся на лестницу, перепрыгивая через ступени. Выглянул в кухонное окно. Фоссет только-только спешился и вел Федералиста в сарай под дерновой крышей.

Барбер поспешил из кухни в гостиную, оттуда на улицу, обогнул дом, чтобы не столкнуться с фермером, и пошел прочь. Время от времени он оборачивался, дабы удостовериться, что его по-прежнему не видно с фермы. В лицо приятно били капли дождя.

Когда он проходил мимо деревьев, которые должны были скрыть его из виду, он снова вспомнил о Пещерах Кобольдов и о том, что оставлял Фоссета в довольно затруднительном положении, так и не добыв ему железный инструмент. Но, если он найдет волшебную палочку и вернется с нею к Оберону, возможно, король что-нибудь сделает для фермера.

Но прежде эту палочку еще нужно найти.

Глава 11

Деревья все плотнее обступали Барбера, образуя густую рощу. Крупные, медлительные капли падали с их ветвей, и идти по лесу было не так уж приятно.

Взглянув вверх, Барбер увидел просветы синего неба среди облаков, а вскоре, как только он достиг противоположного конца леса, сквозь тучи пробилось солнце. Оно светило так ярко и радостно, будто сама природа приветствовала решение Барбера вернуться на прежний путь. Склон пошел вниз и через луг привел его к реке, из которой брал воду Фоссет.

Вода в реке прибыла несильно, и поток был ненамного шире, чем раньше. Барбер увидел небольшую заводь и решил передохнуть на берегу в тени высокого тополя. Прохладная прозрачная вода словно приглашала пройтись по песчаному дну, расцвеченному опавшими листьями. Ничто не тревожило зеркальную поверхность заводи, только пара стрекоз барражировала над ней, охотясь за какой-то только им заметной мошкарой.

Барбер стоял, опираясь одной рукой на ствол тополя. Наблюдая за стрекозами, он понял, что и сам хочет есть. Когда стрекозы полетели в противоположных направлениях, зрачки Барбера вдруг разъехались в стороны, каждый глаз следил за своим насекомым, а голод стал просто зверским.

Черт, он дошел до готовности сожрать стрекоз! «Ниспровержения», которыми грозила Титания, определенно коснулись не только его тела, но и разума.

«Не мешало бы немного охладиться. Возможно, вода приведет в порядок мысли». — решил Барбер.

Он посмотрел на строй прибрежных тополей, и, хотя вокруг никого не было, разделся с неловкой поспешностью.

Корни одного из тополей торчали из-под земли, образуя бугорок на краю заводи. Барбер поднялся на него, на

мгновенье согнулся, приняв нужное положение, глубоко вздохнул и нырнул.

Ни единого всплеска. О том, что он уже под водой, он понял, когда открыл глаза. Тут же вспыхнула мысль, что это самое странное купание и самая странная вода, в какой он когда-либо плавал. Совершенно не было ощущения влаги. Под ним простиралось пятнистое желто-коричневое дно, различимое гораздо лучше, чем сверху. Он, можно сказать, почти парил в гидросфере, как в одном из тех фрейдовских снов о полетах без крыльев.

Он сделал сильный гребок, желая отплыть подальше от берега. Стремительность движения ошеломила его — он пролетел вперед с такой пугающей скоростью, что, остановившись, на какое-то время удивленно завис в водной толще.

Затем он понял, что находится под водой уже слишком долго и должен испытывать недостаток воздуха, однако его легкие ни в малейшей степени не протестовали. В данный момент он ощущал себя как никогда прекрасно.

Барбер опробовал еще один мощный гребок, и дно помчалось навстречу, как будто он выпал из окна небоскреба. Не сумев славировать, он ударился об него и, покатившись

кубарем, поднял тучи мелкого песка, вообще перестав что-либо видеть. Пока песок вихрился вокруг, медленно опускаясь на дно, Барбер поднялся и ощупал себя.

Казалось, все кости целы. Встав на цыпочки, он слегка оттолкнулся и обнаружил, что у него начинает получаться: он парил в этом странном полете без крыльев, и как будто сама среда держала его. Со стороны, может, это выглядело не слишком изящно, однако получалось легко.

Серебристый смех долетел откуда-то сверху, справа и сзади. Барбер повернулся на голос.

— Кайя! — воскликнул он.

Тоненькая рыжеволосая девушка легко плыла в двадцати футах от него. Она сделала легкое движение и заскользила навстречу.

— Прости, старичок, — проворковала она, очутившись рядом. — Меня зовут Кола. Или Арвикола, если хочешь быть официальным, но я думаю, что ты не из таких. Уж слишком потешно плаваешь.

Даже говорила она так же, как Кайя, но Барбера задело ее язвительное замечание. Меньше всего он хотел казаться смешным.

— А что, разве я не так плаваю?

— Для лягушки твоего возраста? О, так же изящно, как тонущий жук.

Барбер нахмурил брови. Кайя всегда смеялась точно так же, иронично, как будто в жизни нет ничего, что стоит воспринимать всерьез.

— Ты сказала — лягушка?

— Да, лягушонок, — она снова рассмеялась.

Барбер осмотрел себя.

— Еще никогда не доводилось слышать о лягушке с волосами на груди, — рассудительно заметил он.

— Улет! — насмешливо вставила она бульварное словечко, но ее тон снова стал благовоспитанным: — Вы, лягушата, не очень умные, правда? Впрочем, неудивительно для тех, кто вылупляется из икры.

Барбер оставался добродушным.

— Ну ладно, если я лягушка, тогда ты тритон.

Ее большие зеленые глаза округлились.

— Я бы попросила тебя быть повежливее. Все-таки мы, водяные полевки, принадлежим к существам более высокого порядка... Еще скажи, что ты этого не знаешь!

— Знаю. И я предполагаю, что в прошлой жизни ты была баронессой. Разве это необычно для водяной крысы?

Ее глаза еще больше округлились, демонстрируя возмущение.

— Слушай, — сказала она, — я не понимаю, зачем я должна оставаться здесь и выслушивать оскорбления. Плыви куда хочешь. Но если ты еще раз назовешь меня водяной крысой...

— Прости, — с сожалением ответил Барбер. — Я не хотел оскорблять тебя. Я просто продолжил твою шутку о лягушках и... э-э, полевках.

— Шутка! — она засмеялась громко, приблизилась к нему, старательно изучая своими зелеными глазами. — Бедный лягушонок, я, кажется, понимаю. Ты новичок и еще не знаешь Законов Водоемов. Плыви за мной.

Дружески подтолкнув его, она первой резко устремилась вверх и уже наполовину исчезла в водном полумраке, пока Барбер, напрягая мышцы, пытался угнаться за ней. И хотя после его нескольких первых гребков девушка превратилась в бледную точку впереди, он все же довольно быстро настиг ее, и на поверхность они вынырнули вместе, подняв легкую серебристую рябь.

Барбер выбрался из воды на четвереньках. Вполоборота повернулся к своей прекрасной спутнице и только открыл рот, чтобы сказать: «Видишь ли...»

Но вместо слов раздалось низкое дребезжащее кваканье. Барбер приложил безумное усилие, чтобы встать и вдруг упал, прямо на собственный подбородок. Или, точнее, на нижнюю губу. Подбородка у него больше не было.

Он посмотрел вниз и увидел пару толстых коротких лап, покрытых пятнистой кожей. Он был лягушкой, никаких сомнений.

В нескольких футах от него, у самого края заводи, сидела мышь приблизительно его же размеров. Но даже сейчас ее большие яркие глаза и некоторые черты выдавали в ней нечеловеческое сходство с Кайей. Барбер не мог

сказать определенно, какого цвета была ее шерсть, поскольку его широко расставленные глаза различали только черные, белые и серые тона. Вдобавок он еще оказался дальтоником.

Кола некоторое мгновение изучала его своими блестящими, удивленными глазами, после чего сделала лапкой знак и прыгнула в воду.

Барбер повернулся неуклюже, поскольку его конечности не предполагали особого разнообразия в движениях, и устремился за ней. Он забыл о силе своих больших толчковых ног. Воздух засвистел, когда он прыгнул высоко над водой и увидел собственное отражение, подернутое мелкой рябью: большие глаза, будто две огромные черные жемчужины, короткие передние лапки и длинные задние с перепонками, тяжелое толстое брюхо.

Очутившись в воде, которая показалась ему более родной, чем воздух, он вновь увидел медленно подплывшую к нему рыжеволосую девушку.

— Разуй глаза хотя бы на время, старичок, — рассмеялась она. — Ведь вы, лягушата, такие умные. Хотя, я должна признать, сейчас у тебя вполне сильная стройная фигура.

Барбер осмотрел себя. Он снова был человеком, каким нырнул в воду из-под тополя. Даже нет, он был совершенным человеком, поскольку все недостатки его тела, обретенные с прибытием в Волшебную страну, исчезли, в том числе и культи крыльев.

— Угу, — коротко согласился он. — Послушай, есть ли какое-то место, где бы мы могли поговорить? Ты говорила что-то о Законах Водоемов, но я о них действительно ничего не знаю. И был бы ужасно обязан...

— Бедный глупый лягушонок. Ну, тогда поплыли.

Она повернулась, и Барбер последовал за ней на глубину, где виднелась группа гигантских корней, сплетавшихся между собой у самого дна. Кола растянулась на одном из них, заложив руки за голову и слегка двигая пальцами ног.

— Законы Водоемов таковы, — скандировала она. — Почитать каждый день богов, которым мы молимся...

— Прошу прощения, — прервал Барбер. — Ты что, собираешься мне диктовать катехизис? Послушай, у меня

определенная миссия, и я не собираюсь здесь надолго задерживаться, поэтому не могла бы ты опустить лишние подробности.

Подняв голову, Кола удивленно посмотрела на него.

— Ну, конечно, — с раздраженной ноткой неверия произнесла она. — Лягушонок с миссией! От сэра Лакомара, я полагаю?

— Нет, от короля Оберона, если ты такого знаешь.

— Отца Богов? Да хватит выделываться, лягушонок.

— Что ты имеешь в виду, называя его Отцом Богов? Он ничем не отличается от тебя или меня.

— Ох, ну почему ты такой глупый. Зачем я только что просила тебя выйти на поверхность? Да, впрочем, чего ожидать от новенького. Так вот, слушай, мой бедный глупый лягушонок. Только боги могут ходить по воздуху, не меняя свой собственный вид. И я не верю, когда о них рассказывают, будто они ловят нас для того, чтобы зажарить, тем самым наказывая грешников. Даже наполовину не верю. Я думаю, они ловят нас потому, что любят и хотят взять в свои обиталища. На днях они взяли Рану, а ведь она никогда не делала ничего плохого в жизни. Наверное, это должно быть чудесно, быть превращенным в Бога.

— Хм. А разве нет другого способа? Разве это не возможно без того, чтобы тебя забирали из водоема?

— Только когда придет Рыжебородый. Это часть Закона Водоемов, чтоб ты знал:

Рыжебородый возвратится,
И к нам вернется благодать...

Она пропела ту же самую песенку, что и Малацея, перед тем как исчезнуть в лесу. Кола резко прервала песню, и голос ее вновь стал поучительным.

— Так что насчет других законов, лягушонок? Рассказывать тебе или нет? У меня еще есть свои дела.

— Меня зовут не лягушонок, а Фред Барбер. И я был бы ужасно благодарен, если бы ты могла ответить мне на пару вопросов. Возможно, я захочу узнать и побольше, посмотрим. Например, я ищу волшебную палочку, которая принадлежит

королеве Титании. Ее у меня украли. У тебя есть хоть какая-то идея, где она может быть?

Он ожидал, что девушка снова засмеется, и уже готов был оставить надежду. Но она этого не сделала.

— Это и есть твоя миссия, лягушка Фред? — сказала она тоном добродушного подтрунивания, но отнюдь не язвительно, и нахмурилась. — Я, правда, не знаю, если только... если...

— Продолжай.

— Подойди ближе, — сказала Кола.

Он послушался и наклонился, чтобы уловить слова, которые она, вероятно, могла только прошептать:

— Если кто и может обладать ею, то только Нижайший. Говорят, что он, рано или поздно, получает все. О! — она закрыла лицо руками. — Наверное, я напрасно рассказала о Нем, нарушив закон, и Боги накажут меня. Я не знаю, зачем я это сделала...

— Ты когда-нибудь видела его?

— Пожалуйста, не надо, — ее нежное личико исказила мука, словно в ожидании несчастья. Она продолжила, теперь настолько тихо, что он едва мог разобрать: — Если у него действительно появится волшебная палочка Матери Богов, он обретет всемогущество.

— Где он живет?

— Ты же не собираешься отправиться туда, Фред. Никто туда не ходит.

— Да, я пойду. Если палочка теперь у него, я собираюсь вернуть ее.

— Какой храбрый лягушонок! — ее голос дрожал. — Но ты не сможешь забрать ее. Ты ничего не сможешь сделать. Пожалуйста, Фред, послушай меня.

— Так ты не скажешь мне?

— Нет.

Он встал. Как же она была похожа на Кайю! Они ссорились множество раз, и каждый раз он уступал, а она презирала его за свои же победы. Но сейчас этому не быть.

— Хорошо, юная леди, — сказал он, — тогда мне придется попросить кого-то другого.

— Значит, ты все-таки идешь?

— Прямо сию минуту.

— Но, Фред... — В ее зеленых глазах появилось отчаяние, вдруг выражение лица изменилось. — Ну хорошо, иди же, иди! Вперед! Иди и забери то, что тебе нужно, и я надеюсь, что у тебя получится! Ты даже не знаешь Законов, глупая беспомощная лягушка!

— Я найду кого-нибудь, кто расскажет мне о них.

— Кого? Есть только сэр Лакомар, выживший из ума старик, к тому же он присматривает за мидиями и так занят, что даже не станет говорить с тобой.

Дальнейший спор казался бессмысленным. Барбер готов был всплыть, как вдруг ощутил прежнюю тягу к Кайе, как будто что-то заставило его вспомнить глубочайшие чувства, прежнее восхищение ею, даже когда она играла с ним, чтобы в итоге победить.

Он повернулся.

— Если я останусь, — сказал он, — ты будешь...

— Нет! Я больше не хочу тебя видеть. Ты... Ты лягушка!

Когда Барбер оттолкнулся от дна и с легкостью взлетел вверх, она горько разрыдалась.

Глава 12

Барбер старался держаться ближе к берегу и проплыл, казалось, около двух миль, но может быть и меньше. Вдруг заметил какое-то движение — далеко и в стороне, так что невозможно было точно определить расстояние. Подплыв ближе, он увидел, что это человек, по дну тащивший за собой плуг.

Увидев Барбера, незнакомец выронил плуг, тут же схватил огромный щит, переброшенный за спину на ремне, и, закрывшись им, припал ко дну.

— Эй! — крикнул Барбер, заглядывая под щит.

Никакого движения.

Барбер сел, намереваясь ждать. Вероятно, этот тип и есть мидия.

В какой-то момент щит немного сдвинулся. Показался глаз, затем голова. Ее обладатель был, очевидно, удовлетворен увиденным, поскольку мидия с усилием поднял щит и предстал перед Барбером целиком.

— Я думал, ты форель, — заявил человек вместо извинения. Это оказался коренастый, мускулистый тип, чуть сутулый, с очерченными скулами и мертвенно-бледной кожей, лысый, как рыба.

— Привет, — ответил он, — Меня зовут Барбер.

— А я Джо, — сказал мидия.

— Миленькая ферма у вас здесь.

— Ну да, — согласился моллюск. — У меня тут ферма. Ну и что?

— Ничего. Я просто подумал, что ты один из людей сэра Лакомара.

Джо плюнул, его плевок, размываясь, поплыл по течению. Он ткнул пальцем, показывая в сторону берега.

— Допустим. Я работаю на Лакомара. И я считаю, что он сволочь, безжалостный эксплуататор. И что?

— Ничего. Я просто искал кого-нибудь. Ты можешь сказать мне, где живет Нижайший?

Лицо мидии удивленно вытянулось.

— Считаешь себя умником, да? Вы, лягушки, все такие головастые?

— Ну так как? Он бывает здесь?

— Я... я не знаю. Я простой пахарь.

— То есть тебе до него нет никакого дела?

— Ну, конечно.

Барбер заметил неуверенность моллюска, который не знал, врать ему или нет.

— Послушай, ты избавишься от одного босса, но получишь другого. Все это часть системы. Брось это дело, парень, брось.

— Разве ты не боишься того, что произойдет, если Нижайший обретет всемогущество? — упорствовал Барбер.

— Не особенно, — соврал мидия.

Даже без своего уникального дара, приобретенного в Волшебной стране, Барбер понимал это, замечая скрытый страх. Джо-мидия тут же бросился в объяснения.

— У нас неправильная система, ты же понимаешь? Но скорее нас провернут через мясорубку, прежде чем мы сможем добиться успеха, а уж этот кровопийца и не на такое способен.

— Разве Законы Водоема разрешают так говорить о сэре Лакомаре или о Нижайшем? Что, если я пожалуюсь на тебя? Хотя я, конечно, не стану этого делать, если ты мне кое-что расскажешь.

Ничего подобного Барбер делать не собирался, но это была единственная возможность узнать то. что он хотел.

— Ах, так вы, сударь, стукачок? Да кто вам поверит, мистер провокатор! Вы просто болван! Моя бы воля, стер бы вас в порошок.

Мидия закинул щит за спину и отправился дальше, понуро волоча за собой плуг.

Барбер взмыл вверх и осмотрелся. Он увидел еще нескольких мидий, каждый с невозмутимым видом тянул свой плуг, но их суровые физиономии обещали прием не более теплый, чем тот, что он получил от Джо.

Тогда Барбер поплыл к берегу. Там, где дно круто начало подниматься вверх, виднелась круглая башня из неотесанных камней. На вершине этой башни, свесив с нее ноги, сидел человек с румяным лицом и луковицеобразной фигурой. Он был почти лысым, с выпуклыми, как будто сделанными из фарфора глазами, и с длинными, закрученными на концах усами.

Барбер подплыл к вершине башни.

— Привет, — сказал он.

— Привет, лягушка, — ответил румяный человек.

— Меня зовут Барбер.

— Барбер? Случайно не родственник барбусов? Хорошие ребята, крепкие борцы. Они бывают голубыми и серебристыми, полосатыми и пятнистыми. А где твое оружие? Ах да, я забыл, лягушки же не воины. Никакой отваги в вас, одна поэзия.

— Не возражаете, если я немного посижу с вами?

— Нисколько, старина. Как-то общался с одним из ваших музыкальных родственников, как же его звали? Ах да, Гилас [16]. Думаю, поет он очень даже неплохо, впрочем, я не слишком-то разбираюсь в таких вещах. У солдат слишком мало времени.

Барбер опустился на парапет. Он заметил, что позади человека лежит груда доспехов.

— Вы сэр Лакомар, верно? — догадался он.

— Так точно.

— Мисс Арвикола посоветовала мне найти вас.

— Вы знаете Колу? Великолепная девушка, — сэр Лакомар вытянул свою крепкую красную длань, напоминавшую клешню, и потряс ею. — Вот только у нее слишком длинный и вольный язычок. Не думайте, что я обвиняю ее в чем-то, хотя, черт возьми, иногда так и думаешь, что по ней плачет Сам-Знаешь-Кто. Но я рад оказать для нее какую-нибудь услугу.

Аудитория была доброжелательной, но Барбер помнил, что к главному вопросу нужно приближаться постепенно. Для начала он решил узнать местные новости. — Да, ничего

[16] Гилас — юноша-оруженосец Геракла и его спутник в походе аргонавтов. Во время стоянки Арго у берегов Мизии, был увлечен влюбившимися в него нимфами на дно источника.

особенного, — ответил сэр Лакомар. — Все как обычно. На прошлой неделе форель совершила набег на один из наших притоков. Бог прибрал к себе несчастного старого Кребица. Но мы разбили их, и как красиво.

— Это, вероятно, был ваш коллега — речной рак?

— Совершенно точно. Отличный был вояка. Представитель семьи Астаков, очень древний род, но он был младшим сыном и не получил наследства. Я хорошо помню, как мы — Кребиц, сэр Карката и я — сражались с племенем бычков из Грязной Заводи. Они построились в линию, вот как эта, — он взглядом показал на галечную гряду, — но мы взяли их с флангов, а затем все смешалось в крови. Да, это была настоящая битва. Я потерял руку.

Барбер посмотрел на две мускулистые руки сэра Лакомара.

— Оторвало по плечо, — продолжал вещать Лакомар, ничего не замечая. — Конечно, нам туго пришлось. Я вынужден был отступить и выжидал несколько месяцев, пока не отросла новая конечность. Теперь я гадаю, кто после Кребица подхватит его клич. Скорее всего, молодой Камбарус. Он внук сестры старика. Но невоспитанный щенок... м-да, невоспитанный щенок, в нем нет настоящей крови, и он не имеет никакого права быть Хранителем Внешних Границ, хотя бы потому, что родственник Кребица по женской линии. Я, надеюсь, Совет будет возражать, но окончательное решение выносит Сам-Знаешь-Кто.

— Как же вы ему это позволяете?

— Ха! Конечно, было бы неплохо поднять штандарт и дать Ему бой, чтобы он на всю жизнь запомнил. Но это верная погибель. Ты еще не знаешь, что он сделал с форелью на Западном Плесе. Впрочем, не то, чтобы кто-то жалел эту шайку проклятых пиратов. Поделом им.

— Значит, они боролись?

— Пробовали. Но они, понимаешь, были не организованы и недостаточно вооружены. У них же нет наших клешней. Кроме того, еще не успела начаться атака, боги забрали их начальника, Кристи. Боги всегда справедливы.

— Возможно, их не столько интересует душа Кристи, сколько его съедобность, — заметил Барбер.

И тогда сэр Лакомар сурово посмотрел на Барбера.

— Ну, ну, молодой человек, не стоит богохульствовать. Это не очень хорошо со стороны вашей братии. Хотя лично я допускаю, что поэты должны быть немного свободнее в нравах, как положено настоящим художникам, да? Грехи молодости, так сказать. Но не стоит доходить до крайности, если не хочешь, чтобы нормальных людей воротило от тебя. Например, как от мидий.

— Спасибо, я подумаю над этим, — смиренно сказал Барбер. — А что, разве мидии ни на что не годны?

Рыцарь фыркнул.

— Да хоть бы какой-нибудь был от них прок. Образование, мой мальчик, это то, к чему не приспособлены массы. Как ни пытайся сделать настоящий меч из куска дерева, ничего из этого не выйдет. Все, что им нужно, — это дисциплина. Теперь насчет тебя, — он потряс пальцем под носом Барбера, — Я скорее допущу, что Сам-Знаешь-Кто не джентльмен и что он отвел крошке Коле недолгий срок, если ты не согласишься с тем, что он единственный, кто знает, как заставить шевелиться Его собственный народ. Он превратит их во что-нибудь иное, попомни мое слово. Я-то лично не желаю своим мидиям ничего дурного, но неблагодарным нищим это пойдет только на пользу...

Рак-рыцарь совсем разошелся в своем негодовании, и Барбер предпочел разумным сменить тему.

— Знаете, — сказал он. — Я здесь на ответственном задании. Занимаюсь поиском одной вещи, которая принадлежит Матери Богов, и у меня есть все основания полагать, что она может находиться во владениях этого, ну, как его... Вы могли бы подсказать, где бы я мог его найти?

Сэр Лакомар нахмурился.

— Забудь об этом, мой мальчик. Я сомневаюсь, что Сам-Знаешь-Кто способен нарушить чьи-то права собственности. Не его стиль, слишком грубо, как ты понимаешь.

— Все-таки я хотел бы переговорить с ним. Где этот, Как-Бишь-Его, пребывает?

— Никто не знает, кроме Колы, но она не скажет. Ты мог бы спросить у пиявок. Они его вассалы.

— Как мне найти их?

— Вверх по течению, где притока впадает с правого берега.

— Ну хорошо, пожалуй, я отправлюсь туда. До свидания, и спасибо.

Барбер встал на край башни, чтобы взлететь.

— Пока, приятель, приятно было поболтать. Да, кстати, я был бы признателен, если бы ты немного изучил Его методы. Интересно было бы узнать, как Он добился такого строгого порядка.

Пока Барбер плыл вверх по течению, легкое недомогание подсказало ему, скорее инстинктивно, что необходимо глотнуть воздуха. Он легко скользнул вверх, его глаза вынырнули на поверхность в тот неживой, черно-белый мир, который на расстоянии превращался в сплошные пятна. Снова вернувшись под воду, он заметил мимолетное движение у дна и легкими мощными гребками направился туда, самодовольно думая о том, что в лягушачьем состоянии очень даже неплохо приспособлен к существованию в этой среде. Совсем не сравнить с верхним миром.

— Доброе утро! Добрый день! Добрый вечер! — послышался голос.

Барбер посмотрел вниз. Он проплывал мимо камышей, выискивая путь к протоке, и, возможно, пропустил бы его, если бы не этот призыв. Он опустился на дно и увидел любопытную физиономию. Существо немного походило на мидию и тоже было лысым. Лоб и подбородок выделялись на остроносом простоватом лице, рот был искривлен в натужной улыбке. Когда существо задвигалось, заметно стало, что у него складчатое тело с зелеными полосами.

Мягкая, будто без костей, рука коснулась Барбера.

— Добро пожаловать в Пиявкию, — энергично объявило существо. — Добро пожаловать в землю порядка и изобилия!

Глава 13

Барбер кивнул:

— Звучит неплохо. Так, значит, вы из пиявок?

— Конечно. Я — пиявка, и горжусь этим!

Существо с зеленой спиной резко свистнуло, и из зарослей камыша появились еще трое. Все они обладали невероятным сходством — казались на одно лицо, словно китайцы для европейца. Все поклонились.

— Мы рады гостям Пиявкии, сэр! Сопровождать вас — для нас большая честь. Вас ожидают незабываемые впечатления.

Последняя фраза допускала неоднозначное толкование, и Барбер невольно вспомнил «незабываемые впечатления» от пребывания в Кобольдских Пещерах.

— Знаете, мне бы не хотелось идти куда-то далеко, — сказал он. — Может быть, вы просто дадите мне нужную информацию?

— Конечно, господин. Это доставило бы нам огромное удовольствие.

— Отлично. Вы знаете, где живет Нижайший?

— Нам очень жаль, сэр, но мы не имеем права обсуждать политические вопросы. Есть определенные правила, и я уверен, что вы поймете. Почему бы вам не пойти с нами в Пиявкию, где наш Босс мог бы сообщить вам все, что нужно. Босс знает все.

— А кто ваш Босс?

— Да ведь он нам отец и мать! Он спас нас всех, наш Босс, от слабости и неорганизованности. Только благодаря Боссу мы достигли нынешнего состояния порядка и прогресса. Босс защитил нас от бесчинств форели и вездесущих речных раков. Замечательная личность! Такой скромный и умный! Мы на все готовы ради нашего Босса.

Эти декларации не вызывали доверия, однако внутреннее чутье Барбера не говорило ему, что пиявки лгут. Он надеялся,

что их Босс действительно настолько благороден, насколько им восхищаются. В любом случае пиявки казались низкорослыми, дряблыми существами, к тому же безоружными. Если дело зайдет так же далеко, как в Пещерах Кобольдов, он сумеет одолеть хоть дюжину их. Вдобавок у него появилось преимущество, которого он был лишен раньше: в любой момент можно попытаться уплыть; он был уверен, что пиявки не смогут соперничать с ним в скорости.

Чувство уверенности в своих силах победило, и Барбер последовал за первой пиявкой. Остальные трое двигались сзади. Провожатый постоянно болтал, оборачиваясь через плечо:

— Пиявкия совсем изменилась с тех пор, как у нас появился Босс. Теперь мы все делаем планомерно, легко и эффективно. Когда-нибудь остальная часть мира оценит наш опыт, которым они сейчас пренебрегают. Да мы и сами не будем же вечно отсиживаться в камышах.

— Хм-м-м, — произнес Барбер. — И каково ваше личное участие в этом, если не секрет?

— Мое? У меня есть досуг.

— Досуг?

— Конечно. Возьмите мидий, например. Они живут в устаревшем обществе, где все построено на конкуренции, где экономические трудности понуждают всех к бесконечному и безнадежному труду.

Он отбарабанил эти слова, словно перестукивающий колесами на переезде поезд, после чего сделал паузу и с гордостью продолжил:

— Наш Босс вменяет нам в обязанность иметь досуг. Все свободное время мы проводим недалеко от города, встречаем прохожих и рассказываем им о нашей прекрасной земле, где царит социальная справедливость.

— И вам это не надоедает? — спросил Барбер.

— Надоедает? О, нет! Скука — это продукт классовой системы и социального упадка. Никто никогда не скучает в Пиявкии. Это было бы несправедливо по отношению к достижениям нашего Босса.

Говорил он так же бойко, как прежде, и тональность не изменилась, но в голове Барбера будто вспыхнул красный свет: «Ложь!»

Они шли вдоль аллей, образованных высокими камышами, похожими на колонны древнего храма, пока не достигли стены, которая протянулась в обе стороны, покуда хватало взгляда. Пиявка-провожатый залихватски свистнул, и часть стены отодвинулась сама собой. За проходом показалась еще одна стена, с узкой щелью, в которой мелькнул подозрительно изучающий глаз. Эта стена тоже открылась, за ней провожатый свистнул еще раз, затем перед третьей стеной, за которой снова были подглядывающий глаз и стена, и так далее, пока Барбер не потерял счет.

Дверь в последней стене вывела их на огромную площадь, где стебли камышей занимали почти все пространство, однако располагались в строгом геометрическом порядке. Тут Барбер увидел множество пиявок: все были одинаковы, как яйца, и все безумно чем-то заняты. Налево от ворот группа из трех пиявок возводила узкую кирпичную башню. Один таскал, второй сидел на верхушке башни и принимал корзину, третий клал кирпичи. Барбер заметил, что башня на самом деле и не башня, а квадратное строение без окон и декоративных элементов.

— Что это? — спросил он своего гида.

— Я не знаю, господин, но эта конструкция имеет социальное значение, и ее необходимо построить, таково повеление нашего Босса. В просвещенном веке все общественные сооружения имеют высшее социальное значение.

Барбер строго посмотрел на него.

— Я спрашивал о ее назначении, — заметил он. — Могу ли я узнать у рабочих?

Четыре пиявки отошли в сторонку и долго шептались, прежде чем их предводитель вернулся.

— В отличие от загнивающих феодалов, нам в Пиявкии нет смысла что-либо скрывать. Мы будем рады, если вы спросите у любого рабочего все, что вам нужно.

Как только строитель, таскавший кирпичи, вновь прошел мимо, Барбер обратился с вопросом:

— Прошу прощения, не могли бы вы сказать, что это за здание?

Пиявка поставил свой лоток у стены башни и с проворностью начал кидать кирпичи в корзину, выкрикивая между бросками:

— Культурный... объект... господин... заказанный... Боссом.

Четверо сопровождающих рядком стояли поблизости и с напряженным вниманием вслушивались — их головы были наклонены, шеи заинтересованно вытянуты. Услышав ответ, они обменялись улыбками.

— Но почему ты делаешь эту работу? — упорствовал Барбер.

— Потому... что я... люблю... Босса... готов... умереть... за него... мы все... любим его... Простите, пожалуйста.

Пиявка опустошил лоток, заполнил корзину мусором и поспешил убраться. Он, конечно, лгал. До сих пор шестое чувство не подводило Барбера. Но в то же время в голове не укладывалось, зачем это все нужно. Он пришел к выводу, что его первоначальная мысль о сходстве с кобольдами была ошибочной. Те, по крайней мере, все делали весело...

— Я бы очень хотел получше рассмотреть ваш город, но у меня здесь сугубо деловой визит. Где я могу встретиться с вашим Боссом? — спросил Барбер.

— Мы ведем вас к нему, — ответил один из гидов.

На другом конце площади колонны камышей стали реже, и между ними показались дома, то циклопического размера, то низкие, широкие и приземистые. Наконец Барбер и его провожатые остановились, и один из пиявок зашел в массивное здание.

Вернулся он удивительно быстро.

— Босс проводит чрезвычайное совещание. Не желает ли важный гость пойти с нами к центру обслуживания?

— А что это? — поинтересовался Барбер, его подозрения все больше усиливались.

— Место, где собираются уважаемые люди, которые хотят видеть Босса, — промурлыкал пиявка. — В Пиявкии все строго систематизировано.

— И долго нужно ждать?

— Совсем недолго, — ложь. — К вашему распоряжению все удобства, — ложь. — Или вы можете уехать и вернуться в другой раз, как только пожелаете, — ложь.

— Простите, — сказал Барбер. — Передайте мои заверения в почтении вашему Боссу и скажите, что я очень сожалею, что так и не смог встретиться с ним, но у меня дела, не терпящие отлагательства. Не подскажете короткий путь обратно?

— Ах! — произнесли все четверо одновременно. — Вы что же, хотите покинуть Пиявкию, когда еще не видели даже и половины ее? Вы должны пойти с нами к центру обслуживания!

— Нет, — уперся Барбер. — Все, чего я хочу, — скорее выбраться отсюда. Не будете ли вы любезны...

Пиявки оборвали его:

— Господин, это противоречит инструкциям и здравому смыслу. Нельзя покинуть Пиявкию только потому, что вы полностью не понимаете ее.

— Вы не можете оценить красоту Пиявкии за эти несколько минут.

— Возможно, он социально слаборазвит.

— Требуются директивы.

Барбер показал куда-то наугад.

— Там есть выход?

— Нет, — ответил пиявка. Поняв, что это ложь, Барбер двинулся в выбранном направлении. Пиявки последовали за ним, вопя на ходу, что он проявляет импульсивность, когда нужно включить разум, и что он на самом деле не хочет покидать Пиявкию, что он еще много чего не видел...

Другие пиявки начали выползать из домов, присоединяясь к процессии, скоро они кишмя кишели вокруг, и все говорили одновременно. Кто-то из них набрался достаточно храбрости, чтобы схватить Барбера за руку. Тот рассерженно стряхнул с себя вялую ладонь. Вопли становились все громче.

— Вы не можете уйти, господин! — кричали они.

— Зачем вы это делаете?

— Неужели вам нравится социальное угнетение и беспросветная жизнь?

— Поверьте, мы — отличные товарищи, и не так уж отличаемся от вас, почему бы вам не присоединиться к нам?

— Когда вы по-настоящему узнаете нас, вы не захотите покинуть наше общество!

— Не принуждайте нас к применению силы, пожалуйста! Это так нецивилизованно.

— Вот справедливое предупреждение! Если вы спровоцируете нас к применению силы, это будет ваша собственная вина.

«Ох, да ну и черт с вами! — подумал Барбер. — Надо всплывать». Он напряг мышцы и взмыл вверх, поднявшись над головами пиявок и над безликими фронтонами их зданий. Сильным гребком он направил себя в ту сторону, где, как он надеялся, был выход отсюда, проклиная себя за то, что не в состоянии вспомнить обратный путь.

Пиявки поплыли за ним всей толпой, судорожно шевелясь и двигаясь достаточно проворно, хотя и не настолько быстро, как он.

И тут послышался низкий призывный удар колокола.

Бом, бом!

Пиявок становилось все больше, они вываливались толпами из коробчатых зданий. Проплывая мимо самой высокой башни, Барбер увидел двух зевак, преградивших ему путь наверх. Они надеялись поймать его, широко расставив свои ручонки. Он сделал ногами мощный гребок, чтобы скорее приблизиться к ним, и с яростью ударил одного из них кулаком в челюсть, почувствовав, как хрустнули тонкие кости.

— Левый хук! — непроизвольно крикнул он, но в этот момент второй кровосос, увернувшись, обвился вокруг его ноги и впился в голень. Следующий удар отбросил его, но легионы пиявок уже подступали, тянули к Барберу свои руки, меж тем как он справился всего лишь с двумя из них, которые начали всплывать вверх брюхом.

Тем не менее небольшая задержка позволила ему оценить обстановку, и Барбер понял, что окружен. Пиявки приближались с заметной робостью, но плотной кучей. Где же выход? Образованная ими сфера казалась более плотной с одной из сторон, вероятно, они сконцентрировались там, чтобы не дать ему возможности уйти. В этом направлении он и устремился. Одни из пиявок, оказавшись храбрее других, кинулись ему наперерез. Он боднул одного головой в середину корпуса и, как только тот согнулся, ударил сверху кулаком в мягкое, склизкое тело.

Пиявки дрогнули. Он поплыл ещебыстрее, увертываясь от одиноких фигур, все еще пытавшихся догнать его, и оказался на большой площади. Несколько пиявок виднелись далеко в стороне, две плыли к нему, но по большей части пространство было свободным. Он заскользил по нему, оставив

преследователей далеко позади, чувствуя, что еще немного, и окажется на свободе. Но вдруг понял, почему ему так легко удалось улизнуть.

Вся огромная стена была покрыта пиявками сверху донизу. Он нырнул к основанию стены, рассчитывая найти ворота. Его рывок заставил пиявок расступиться. Но никаких ворот здесь не оказалось. Стена была совершенно гладкой. Вскоре пиявки окружили его. Наверное, их были миллионы. Заслоняя своими телами свет, они медленно надвигались.

Барбер опустился ногами на дно и встал спиной к стене, подняв кулаки с отчаянной решимостью дать последний бой. Каков бы ни был конец, мало им не покажется. Клубок пиявок постепенно сжимался. Они уже тянули к нему свои ручонки, как вдруг стена за спиной Барбера дрогнула и ушла назад.

Он сделал два шага вперед, нанес мощный удар ближайшему противнику и поспешил развернуться, чтобы встретить лицом к лицу тех пиявок, что решили напасть на него сзади.

Но это оказались не пиявки. Точнее, пиявки были, но только двое. А между ними он увидел Арвиколу, и сэра Лакомара с каким-то другим рыцарем. Оба в броне с головы до ног.

Глава 14

Один из вновь прибывших пиявок возмутился:

— Что здесь происходит? Какая низость. И это в то время, когда мы привели посетителей, чтобы они восхити...

Он не успел закончить. Сэр Лакомар, скрестив руки, схватился за рукоятки палашей и выхватил их из ножен. Он поразил пиявок одновременно, лезвия легко пронзили их мягкие тела. Щиток другого рыцаря с лязгом опустился, и длинным отточенным лезвием он выпотрошил кровососа, который рискнул напасть на них сверху.

— Вы двое — назад! — взревел сэр Лакомар. — А мы прикроем. Устроим им кровавую баню!

Но проход закрылся: именно в тот момент, когда Барбер и Арвикола намеревались выскользнуть, створка плавно встала на место. Вся четверо теперь были заперты в Пиявкии.

Давление со стороны напиравшей массы пиявок заставило ближайших из них волей-неволей навалиться на обоих рыцарей. В течение нескольких секунд они были превращены в фарш, куски их телец, кружась в воде, заставили толпу с криками паники податься назад.

Лакомар обернулся, бросив через плечо:

— Чего ты ждешь, лягушка? Я же сказал, убирайтесь.

— Ворота закрыты, — ответил Барбер.

Лакомар сделал выпад и острием пронзил чье-то тельце.

— Ха, дьявол возьми! Так открой их, лягушак!

— Не могу. Не знаю, как.

Второй рыцарь прогудел что-то, но смысл слов так и остался в глубине его шлема, тогда он развернулся и чиркнул мечом по поверхности стены, ища стык. Раздался скрип, словно он водил булавкой по оконному стеклу. Но стена и ворота были слиты воедино. Рыцарь откинул забрало.

— Он прав, — крикнул он. — Выхода нет.

— Скажи ему, пусть что-нибудь придумает, — ответил сэр Лакомар, нанося удары то вниз, то вверх. — У лягушек всегда есть идеи.

— Не в этот раз, — мрачно произнес Барбер.

— Есть только один выход, — с неохотой произнесла Арвикола, — Отправиться к Нему.

— Хорошо, — согласился Лакомар. — Показывай нам путь, девочка.

— Как насчет того, чтобы дать мне один из ваших мечей? — спросил Барбер.

Лакомар бросил на него удивленный взгляд, полный сомнения.

— Будь я проклят! — воскликнул второй рыцарь. — Отважная лягушка! Вот, держи мою палицу.

Он отстегнул от пояса и передал Барберу свою булаву длиной около двух футов. Она отлично лежала в руке и была истыкана острейшими шипами.

— Поплывем или пойдем? — спросил Барбер.

— Поплывем? — прогремел незнакомый рыцарь. — Только не в этом облачении.

Лакомар рассмеялся:

— Я же говорю, у лягушек всегда необычные идеи.

И они двинулись вперед. Лакомар шел первым, расчищая двумя мечами путь. Барбер и второй рыцарь прикрывали Арвиколу. Не успели они сделать и нескольких шагов, как пиявки разразились криками и воплями:

— Сдавайтесь! Пойдемте с нами, мы вас простим! У вас не хватит сил сопротивляться, имейте мужество сдаться! Мы вас не тронем, мы уважаем настоящих воинов!

Не получив ответа на свои уговоры, пиявки навалились на них с еще большей яростью. Барбер бил палицей по хватающим рукам и кусающим ртам. Вдруг Арвикола вскрикнула и схватилась за его левое плечо. С пиявкой, впившейся в его ногу, он сделал сложный пируэт, ударив двух кровососов, державших девушку, — сначала одного, затем другого. Оба лопнули и поплыли вверх, но еще один поднырнул сзади, схватив Барбера за горло, и заставил упасть на колени.

«Вот и конец», — мелкнуло в его голове, но вдруг чей-то голос проревел:

— Получи!

И хватка ослабла. Поднявшись, он увидел второго рыцаря, вокруг которого медленно расплывались потроха пиявки. На нежной коже девушки остались шрамы, Кола едва сдерживала слезы. И только на довольном лице сэра Лакомара сияло выражение радостной одержимости.

— Теперь глядите в оба, — предупредил он, — прежде чем они бросятся в последний бой. В какую сторону идти, Кола?

Девушка показала, и они устремились сквозь ряды колонн через площадь, кишевшую пиявками, снова начавшими группироваться над ними полусферой. Впереди показались длинные и широкие ступени, которые могли принадлежать только внушительному зданию, но за трепещущим сгустком пиявок его не было видно. Сэр Лакомар по-прежнему двигался впереди, Арвикола держала его за плечо, время от времени подсказывая направление.

Свет вокруг внезапно потускнел и Барбер, посмотрев вверх, не смог разглядеть, есть там пиявки или нет.

Вдруг раздался звон — бомм! — как в прошлый раз, когда он предшествовал первой атаке на Барбера. Послышался грохот, и какие-то ворота или сдвижная стена отрезала их от преследователей. Теперь стало почти совсем темно. Единственным источником света было слабое голубоватое сияние, исходившее от вершины двух циклопических колонн. Светлые пятна тревожно задвигались, бросая дрожащие тени.

— Ха! — рявкнул рыцарь-незнакомец. — Какая дивная томная ночь! Держитесь поближе друг к другу.

Он выставил меч над головой, но сэр Лакомар остановил его.

— Подожди, Акравис. Они не нападают, а нам нужен свет, чтобы двигаться дальше.

Он дал знак Арвиколе.

Девушка отделилась от группы и медленно поплыла вверх, к одному из источников света. Барбер едва видел ее, вскоре свет и девушка вместе поплыли от столба, и когда она вернулась к ним, в ее руках было что-то голубое и светящееся.

— Держи, — сказала она и сунула Барберу нечто извивающееся. От неожиданности тот чуть не выронил этот странный

источник счета, а когда схватил его покрепче, тот ярко засветился, будто рассерженно, и Барбер вдруг увидел, что это большой червяк, размером с сосиску.

— Держи его нежно, Фред-лягушонок, — прошептала она, — но достаточно крепко, чтобы он не ускользнул.

Ее голос трепетно дрожал.

Сэр Лакомар взметнул мощную руку, изобразив командный жест.

— Ты первый, Акравис, — сказал он. — Затем Кола и Барбер. Я буду замыкающим. Так будет вернее. У меня доспехи покрепче.

Барбер задал вопрос, который все это время беспокоил его.

— Как вы сюда попали, да еще в самый нужный момент?

Арвикола повернулась к нему и схватила за руку.

— Я так боялась за тебя и скорее поспешила к сэру Лакомару. Ты... ты просто больной на всю голову, Фред.

— Если мы выберемся отсюда... — начал Барбер, но вдруг замолчал.

Он хотел сказать ей что-нибудь хорошее; пообещать все, что угодно, но какую пользу могла ненастоящая лягушка принести водяной крысе. Одна была надежда — что он только временно стал лягушкой.

— Послушайте, — раздался за его спиной громкий голос Лакомара. — Почему ты так дрожишь, девочка моя? Босс пиявок — и есть Его Нижайшество, верно?

Девушка повернула к нему испуганное лицо.

— Да. Только тише. Если он услышит нас, нам конец.

Акравис на что-то наткнулся, послышался лязг металла и тихие проклятия. Кола поспешила к нему со своим светлячком. Барбер смутно разглядел винтовую лестницу, которая уходила вниз.

— Не нужно, чтобы он светил ярко, — прошептала девушка и, дотронувшись до руки Барбера, убедилась, что он не слишком давит на червя. Тот лежал в руке неподвижно, и в потускневшем свечении Барбер мог видеть только затылок девушки, шедшей перед ним. Сзади сэр Лакомар старался двигаться неслышно, несмотря на свою броню.

Они начали спускаться. Барбер нащупывал пальцами ног каждую ступень, прежде чем сделать следующий шаг.

Девушка не отпускала его руку, прикрывая червя ладонью. Теперь свет исходил только от ее ладони, которую она подняла вверх, освещая путь через плечо Акрависа, чей шлем отбрасывал легкий блик. В какой-то момент Барбер заметил, что следующий шаг рыцарь сделал на том же уровне, что и предыдущий. Значит, лестница закончилась.

Они находились в тоннеле. Кола продолжала закрывать его руку, нежно касаясь своей ладонью. Барбер старался не отставать. От брони идущего позади сэра Лакомара доносился тихий звон, которому вторили едва слышные звуки от лат рыцаря, шедшего впереди. Наконец они остановились.

Девушка обвила шею Барбера, беззвучно и так внезапно, что он вздрогнул, когда она поцеловала его в щеку.

— Не хочу пугать тебя, — прошептала она, — Но мы можем... никогда... больше...

Она отыскала в темноте его губы и короткий, волнующий поцелуй обжег его. За спиной раздалось фыркающее хихиканье Лакомара, сменившееся тихим сдавленным хрюканьем.

Перед ними возникла стена, а в ней — большая и тяжелая дверь, которая послушно сдвинулась, едва Кола дотронулась до нее. Никакого света внутри. Пол казался мягким и шершавым, он проминался под ногами Барбера, и это было неприятно, как будто они шли по огромному языку.

Один шаг — два, три, четыре, пять... Вскоре он потерял счет. Кажется, что-то двигалось впереди в темноте. А, может быть, почудилось. Но Акравис, очевидно, тоже заметил какое-то движение, потому что он застыл как вкопанный, отступил назад и нечаянно ударил девушку, а та в свою очередь машинально стукнула в плечо Барбера. Скользкий сосископодобный червь чуть не выскользнул из его рук, и Барбер, не задумавшись, крепко схватил его. Свет вспыхнул с такой внезапной яркостью, как если бы среди гробовой тишины вдруг взревели трубы органа.

— Нет! — раздался трагический шепот Арвиколы. — Этого нельзя!

В тот же момент мерцающее свечение погасло, но этого времени было достаточно, чтобы Барбер мог увидеть, что же там двигалось впереди.

Это было их собственное отражение в огромном зеркале, а под ним, на небольшом выступе лежала похожая на трость волшебная палочка Титании.

Он выпустил червя, который поплыл прочь, и потянулся к палочке. Как только он схватил ее, свет от червя Арвиколы позволил ему разглядеть то, что он не заметил сразу. Какую-то надпись, так глубоко впечатавшуюся в стекло, будто она являлась частью его структуры. Он приблизился и прочитал:

На середине пути
На себя взгляни
Коснись и уйди

— Идем, скорее же! — раздался поблизости голос Колы. Ее рука схватила его за запястье. Барбера озарило — здесь находилась вторая из тех таинственных святынь, как в пещерах кобольдов. Он вытянул руку и коснулся зеркала кончиком палочки.

Сильный удар током пробежал через его руку и пронзил все тело. Прежде чем он смог что-либо понять, Барбер услышал лязг брони. Он увидел в зеркале мерцающее отражение меча Акрависа и услышал, как тот задыхается, с усилием дыша. Затем рыцарь исчез. А на том месте, где он только что находился, расплылась чернота, что-то бесформенное, постепенно заполняющее собой все пространство, с двумя совершенно мертвыми глазами, отражающими свет плавающего червя.

В то же мгновение в уши Барбера ударил оглушительный булькающий звук, поток воды ударил в его глаза и ноздри, сокрушительно сдавил грудь. Он смутно видел, как рядом промелькнула Арвикола, услышал ее крик: «Фред!... Фрееед!..», и голос девушки исчез, как только мрак поглотил и ее. Он попытался выхватить оружие, что-нибудь крикнуть, но в ту же секунду вода стала для него чужой, и он почувствовал, что задыхается, что вот-вот захлебнется, что ему отчаянно нужен воздух, и как его несет вверх, все быстрее и быстрее, к свету в вышине. Последним он увидел сэра Лакомара, который рубился обеими руками с мертвоглазым существом. Но Барбер ничем не мог помочь рыцарю, он уплывал куда-то вверх.

Барбер вынырнул на поверхность. Попытался глубоко вздохнуть, но вместо этого разразился судорожным кашлем, исторгнув из себя приличную порцию воды, прежде чем получил, наконец, долгожданную порцию воздуха. Силы покинули его, и он, по-собачьи двигая ослабевшими руками, направился к берегу.

Яркая луна Волшебной страны сверкала в вышине, освещая тенистые, поросшие лесом берега. Что-то подобное он уже видел. Когда? Где?

Кажется до погружения, до того как превратился в лягушку. Он тут же сообразил, что ему вернулся прежний облик. Поэтому он едва не задохнулся под водой, да и умение плавать явно растерял. Но неважно, лягушка он, или человек; все мысли Барбера были о том, что он не сумел спасти Арвиколу. Произошла метаморфоза, или формирование, как это называли в Волшебной стране. И пути назад уже не было.

Что-то стесняло ему спину, сильно мешая движениям. Его колени стукнулись о дно. Чтобы не скатиться обратно в воду, дальше он заставил себя ползти. И, добравшись до сухой земли, Барбер был удивлен, что все еще держит в руке палочку Титании. Потеряв остатки сил, он перевернулся на спину, но что-то мешавшее сзади заставило его взглянуть через плечо.

Шишки, которые впервые появились еще во дворце Оберона и набухли, когда он был в Пещерах Кобольдов, теперь, наконец, лопнули. Под лопатками торчала пара хорошо развитых крыльев. С усилием протянув руку к одному из них, он убедился, что у крыльев есть кости и мышцы. Неизвестное ранее телодвижение, сопровождаемое вздохом, помогло ему полностью расправить их и осмотреть во всей красе.

Это были крылья летучей мыши.

Глава 15

Все еще сжимая в руке палочку, Барбер некоторое время смотрел на нее, и наполовину не понимая смысл ее назначения, такая захлестнула его волна отвращения и ненависти к себе. Крылья летучей мыши! Это многое объясняло. Его превратили, или он сам поневоле превратился в какое-то подобие дьявола, обреченного на то, чтобы причинять бедствия всем вокруг.

Это было единственно возможное объяснение той цепи бедствий, которая обрушилась на него. Если бы не его одержимая настойчивость и откровенно рискованный визит в Пиявкию, Арвикола беззаботно жила бы и дальше. И оба недалеких, но отважных рыцаря — они тоже погибли из-за его беспечности в обращении со светом. Он снова подумал о девушке, которая хотела помочь ему... А чем он отплатил? В какой-то момент он готов был снова нырнуть в воду. Мертвые пиявки плавали на ее поверхности, нарушая красоту лунной дорожки. Нет, будучи снова человеком, он уже не сможет вернуться туда, в мир раков, пиявок и водяных полевок. Пройдя через метаморфозы, он стал одним из Богов водного мира и, как большинство богов, на самом деле был ограничен в своих возможностях помочь тем, кто стал ему дорог. Можно только сделать еще хуже и без того несчастным жителям этого безумно устроенного мира. Он вспомнил и Ноя Фоссета с его тающим запасом железных инструментов, о разоренных кобольдах, даже при том, что они, возможно, заслужили этого. Даже фея дерева Малацея...

— Я знала, я знала, — услышал он голос. — Кто посмеет сказать, что я не умею предвидеть? Пусть даже у него большая борода.

Барбер вскочил, опершись на «локти» собственных крыльев, замахал ими, и вот уже карабкался по дереву, продираясь между ветвями. Этот сладкий голос мог принадлежать

только девушке, о которой он только что подумал. Он посмотрел вниз: ну конечно же, это она: стоит и смотрит, протягивая к нему руки. Внезапно осознав собственную наготу, о которой даже не задумывался, пока был лягушкой, он обернул себя крыльями, став похожим на горгулью.

Малацея затряслась от смеха, глядя на него, затем успокоилась и стала серьезной.

— Я умоляю простить меня, — воскликнула она. — Я совсем забыла, что смех заставляет вас, смертных, сердиться. Если твои законы поведения приказывают тебе простить мою ошибку, я буду признательна. Если же нет, я с радостью стерплю все твои обвинения.

Пришлось заверить ее, что все в порядке.

— Я не собираюсь ни в чем обвинять тебя, — сказал Барбер. — Мне нужна только одежда.

Она в задумчивости сощурилась, затем всплеснула руками.

— Глупая, как я могла забыть о том, что смертные не знают никаких законов обязательного поведения, кроме тех, которые заставляют их соблюдать надуманные правила приличия. И, тем не менее, чем я могу тебе помочь? Я же не прятала твои вещи.

— Нет, но... — запнулся Барбер, смущенный тем, что вынужден объясняться перед этой дочерью природы.

— Даже если одежда где-то здесь, тебе что, правда, нужно уединиться, чтобы надеть ее? Бедный смертный, я думаю, твоя стыдливость — это пережиток того мира, откуда ты явился. Откажись от него. Мы — судьба друг друга. Ты и я — на земле Волшебства, почему мы должны стесняться?

Она, конечно, говорила правду, но Барбер понимал ее совсем не так, как она. Мысль о том, что после Колы он вынужден общаться с этой прилипчивой и распутной грудастой девкой, заставила его содрогнуться.

— Все равно мне нужна моя одежда, — упрямо заявил он.

Девушка осмотрелась, делая пассы руками и словно принюхиваясь к чему-то, как ищейка. Сделав несколько шагов по направлению к зарослям папоротника, она с торжественным видом что-то подняла. Это была его одежда; Барбер заметил в ней какие-то блики света, а в следующее мгновение Малацея отбросила ее от себя с воплем:

— Железо! Оно жжется! О, прекрасный смертный, спаси меня!

Даже самый толстокожий эгоист не смог бы не откликнуться на этот призыв. Раскинув крылья, Барбер спланировал вниз, подхватив меч, который так напугал Малацею. Крики ее оказались не притворными: на плече платья виднелась дыра длиной в шесть дюймов с оплавившимися краями, под ней красовался след ожога.

Пока Барбер разглядывал его, девушка прильнула к нему, обвив шею свободной рукой.

— Черт побери! — произнес он, пытаясь отпихнуть ее. — Малацея, у тебя на уме только одна мысль.

— И та стара как мир. Но она отнюдь не утратила смысл. Говорят, что в твоем мире ей еще находится применение.

Останься со мной, мой милый,
когда погаснет свет...

— пропела она.

— Я бы не прочь, но у меня полно других дел, вдобавок я опасаюсь, как бы твой дружок Слива не застукал нас вместе.

— О, ты можешь его больше не бояться.

— Я знаю. Я съел все его сливы.

— Это уже не имеет значения. Он отдал твою палочку какому-то волшебнику из реки. Его звали то ли Нижайший, то ли Глубочайший — я не уверена. В обмен Слива попросил освободить его от власти того, кто съел его плоды. Это я к чему: ведь ты умеешь управляться с железом; если положить этот предмет... — она показала на меч, и Барбер почувствовал, как ее тело слегка затрепетало, — у дверей моего дома, он никогда не сможет войти. И мы сможем любить друг друга всю ночь напролет, ничего не боясь.

— А днем ты будешь отсиживаться в своем дереве. Это нелогично.

— Что это значит — нелогично? Это волшебное слово?

— Нет, в соответствии с законами последовательного рассуждения, это означает, что одинаковые вещи одинаковы, что ничто не может быть одновременно и верным и ложным, и что дважды два — четыре.

— Какое скучное слово. И как всегда у смертных — не соответствует действительности.

— Ну уж нет.

Барбер высвободился и взял четыре камешка, по два в каждую руку.

— Смотри, — сказал он. — Два! — и открыл одну ладонь, затем вторую: — Два!

Затем он сложил обе руки вместе и снова открыл их.

— Четыре!

— Нет, — сказала Малацея.

Барбер посмотрел и ахнул. В его ладонях лежало пять камешков.

Это, должно быть, произошло случайно, или Малацея, скорее всего, незаметно подкинула один. Барбер отбросил лишний камень, решительно сложил обе ладони вместе и затряс ими.

— Теперь ты признаешь, что их четыре? — воинственно потребовал он.

— Нет, — уперлась Малацея и оказалась права.

Камешков стало восемь. Но на сей раз дриада не рассмеялась.

— Ты моя любовь и судьба, — объявила она, положив руку на плечо Барберу. — Позволь мне просить тебя: раз и навсегда забудь грубые мысли смертного. Наша страна и весь мир живут по своим законам. Здесь были смертные, которые не смогли их принять. Они блуждают, как печальные тени, пока какой-нибудь несчастный случай не превратит их в свиней, или они начинают ухаживать за жалкими овощами, как тот, кто держит рядом ферму... Ты, конечно, успел с ним пообщаться... Но на этот раз я не могу остаться равнодушной, ты — самое дорогое, что у меня есть, а мы, люди леса, часто видим то, что скрыто от других, и, я клянусь всей моей жизнью: из тех, кто когда-либо был здесь, ты ближе всех подошел к исполнению пророчества. Если и дальше будешь придерживаться истинного пути...

— Что за пророчество? И что это значит — истинный путь?

— Как? Это же пророчество о рыжебородом, который продлит нашу жизнь и благодать. Для всех нас! Смотри, у

тебя есть и палочка, и рыжая борода, и сила железа. На истинный путь можно встать, только если идешь прямо к своей цели, не останавливаясь ни перед какими препятствиями.

Барбер ощупал бороду. Он подозревал, что та продолжала расти и в водном мире, но не думал, что настолько, и был ошарашен, поняв, какой длинной она стала, почти достигнув груди, — этакая окладистая борода какого-нибудь патриарха девятнадцатого века. И она была действительно рыжей, невероятного кирпичного оттенка.

— Но послушай, — вздохнул он. — Ты только что подсказала мне самый лучший аргумент против того, чтобы я оставался с тобой. Как я могу выполнить задачу, независимо от того, в чем она состоит, если не уйду от тебя?

Ее глаза внезапно уставились в пустоту, а голос понизился до шепота.

— Это правда, — неохотно ответила она. — Правда. Мне следовало помнить о том, что остановить свой выбор на одном из великих людей — означает пожертвовать своими желаниями ради великой цели. Поэтому уходи.

Она слегка оттолкнула его от себя, и Барбер почувствовал себя так, словно ударил ребенка.

— Иди и передай своей новой любви, что Малацея, дриада, посылает ей свою ненависть. Нет, подожди. Ты должен поцеловать мою руку, которую обожгло твое железо, и сделай это хорошо.

Она подставила плечико, и Барбер послушно поцеловал ее в то место, где пятно ожога успело покрыться пузырями. К его удивлению, кожа девушки мгновенно стала гладкой и нежной.

Он отвернулся и начал одеваться. Малацея тоже решительно встала к нему спиной и не оглянулась даже, когда он, не без труда, пытался застегнуть жакет под основанием крыльев. Когда он встал на цыпочки, прежде чем взлететь, и обернулся на Малацею, та сидела, опустив голову, и плечи ее содрогались от рыданий...

С каждым мощным ударом его новые грудные мышцы так и норовили сорвать с него жакет. Барбер легко взмыл над деревьями и поплыл над лесом, через который так трудно было пробираться пешком. Крылья летучей мыши, возможно, были не очень красивы на вид, но весьма неплохо держали Барбера

в воздухе. Ради удовольствия Барбер изобразил петлю и пару «бочек», затем ускорил движение, смакуя удовольствие от этого нового свойства его тела. Всю депрессию его как рукой сняло. Так значит, он приблизился к исполнению пророчества о рыжебородом? Но что это за пророчество? Казалось, все знают о нем: и напевающая песенку Малацея, и Арвикола — она пела те же слова. Казалось дьявольски странным, что жители таких разных миров говорили об одном и том же. Но ведь о Рыжебородом что-то говорилось и на той большой могильной плите на кладбище, где он видел странный геральдический знак, и точно такой же был изображен на двери в Пещерах Кобольдов.

Все так или иначе было завязано на одном. Барбер испытал какой-то душевный зуд, который приходит в момент чтения детектива перед самым кульминационным моментом, когда имеются все улики, но читателю еще сложно облечь их в осмысленный узор. Но, возможно, здесь, в этой безумной стране, это не имеет смысла? Он вспомнил о камешках и, в раздражении сложив крылья за спиной, резко снизился на несколько футов.

Длинные черные ползущие тени говорили о том, что луна вот-вот зайдет, и Барбер понял, что скоро рассвет, затем вспомнил совет Малацеи, которая рекомендовала ему забыть прежние привычки. Он не знал, как быстро это произойдет, да и время не имело значения, главное — знать, в какой стороне находился дворец Оберона. Захлопав крыльями, Барбер взлетел повыше, — двигаться в полете оказалось не труднее, чем ходить, — и продолжил рассуждать.

Тонкий стежок света от перистых облаков разбавил лунное сиянье. Внизу не было видно ни фермы Фоссета, ни Кобольдских Холмов.

Но зато он заметил в воздухе нечто движущееся. И оно приближалось к нему.

Когда «нечто» приблизилось, оказалось, что это маленькая фея, беспечно плывшая в небе на прозрачных крылышках.

— Прошу прощения, — крикнул Барбер, — не могли бы вы...

— Ой, да ведь это новый подменыш короля! Вот так встреча! — воскликнула она. — Уже обзавелись крыльями? Ах, да и бороду отрастили, как у кентавра? Куда-то торопитесь?

— Да, я ищу дворец.

— Ага, место, где любовь превращают в игру с подлыми рокировками. Клянусь честью, я туда больше не ногой.

Она засмеялась и сделала несколько сальто в воздухе.

— Право! Так вы та девушка, которая была в апартаментах Оберона, когда Титания вернулась домой?

— Нет, это не я. Это была моя кузина Идалия. Но если вы думаете, что в Волшебной стране можно что-либо скрыть, сэр Подменыш, то позвольте мне разуверить вас. Даже деревья знают о том, что происходит вокруг. Например, насколько я знаю, вы только что вырвались из объятий яблоневой дриады Малацеи?

Барбер вспыхнул румянцем и подумал про себя: хорошо, что этого не видно в лунном свете.

— Уверяю вас, я ...

— Полно, сэр, не думайте обижаться, это обычное дело. Мир знает, что ваша совесть чиста, хотя свинство часто часть натуры смертных смертных, впрочем, как и невежливость.

— Но, послушайте, вы хотите сказать, что здесь каждый знает все, что происходит с остальными?

— Конечно, глупыш, ведь это очень интересно.

— Тогда получается, что королева Титания заранее знала, что Идалия находится во дворце Оберона?

— Точно так же и та ничуть не была удивлена появлением Ее королевского Великолепия.

— Тогда почему королева сразу не подняла шум? И почему от меня потребовалось выгнать Идалию? Да это просто какой-то цирк.

— Полегче, полегче, вы же не стали бы душить курицу, чтобы заставить ее нести яйца. Поэтому для начала нужно ответить на ваш первый вопрос, так как он содержит самую суть: потому что она не могла. Законы поведения запрещают, ведь никаких следов кузины Идалии в апартаментах не осталось.

— Хм, законы поведения, — Барбер некоторое время переваривал сказанное, размышляя о том, что нечто подобное он уже слышал. — Удобные законы. Кто их придумал?

Фея ответила перезвонами смеха, длинными и мягкими в неотражающем эхо небе.

— Придумал их? Это естественные законы, дитя, и они существуют с момента начала мира. Простите, я все время забываю, что вы из смертных, а они живут по иным правилам. Скажите, правда, что некоторые говорят, будто в земле, откуда вы пришли, весь глупый мир считает, что солнце встает строго в определенный час, а из семечка не может родиться ничего другого, кроме растения?

— Да, разумеется.

— Значит, то же самое и с законами поведения. Ну да ладно, мы на славу с вами посмеялись друг над другом и можем еще неизвестно сколько времени болтать и кружиться в этом легком ветерке. Но мы, те, кто сделан из легких элементов, Огня и Воздуха, должны сдерживать свою радость, если она омрачена бедой, павшей на королевский двор.

— А что с ним?

— Разве вы не знаете? Случилось самое худшее и самое тяжкое из всех формирований. Все смешалось. Его Королевское Светлейшество видит в этом некий гибельный финал. Ну, а теперь прощайте — я спешу к новому господину.

— Секундочку! — крикнул Барбер. — Я очень надеюсь, что мы еще увидимся, но мне срочно нужно попасть во дворец. В какой он стороне?

— Спросите у ветра. Или у своей Малацеи.

И фея умчалась так быстро, что он, даже если бы хотел, не смог бы догнать ее.

Глава 16

Вместо того чтобы решать, в каком направлении он должен лететь, Барбер обдумывал слова феи, жалея, что некому дать ему совет. Если она поспешила бросить королевский двор, это не значит, что ему нужно лететь в ту сторону, откуда она бежала. Судя по тому, что он знал о Волшебной стране, казалось вполне вероятным, что если он так поступит, то наверняка попадет в какое-нибудь интересное место, но не в то, которое нужно. Он должен думать с точки зрения сложившейся ситуации и «забыть грубые мысли смертного», как советовала Малацея. Как поступил бы волшебник?

«Использовал бы палочку», — ответил Барбер сам себе, и вдруг выронил ее из рук. Палочка полетела вниз, но не прямо, а скользя под некоторым углом, как будто повинуясь какой-то силе, словно падающий лист, пытающийся лететь против ветра. Барбер спикировал, и вовремя, успев нагнать палочку прежде, чем та достигла верхушек деревьев. Схватив палочку большим и указательным пальцами, он произнес:

— Ну что ж, я надеюсь, ты показываешь мне дорогу.

Палочка будто потянула его за собой, и Барберу оставалось только лететь в подсказанном направлении. Лес внизу начал редеть, сменяться рощами, затем показалось поле с редкими деревьями, чьи размытые тени чернели тут и там. Вскоре пошли обнаженные скалы, растущие на глазах, все выше и выше, пока Барберу не пришлось подняться над гигантской горой, исковерканной пиками, утесами и трещинами. Никаких признаков ухоженной парковой зоны с чудовищными деревьями в горшках, которые он помнил.

Впереди засверкал край неба. Местность становилась все ниже, образуя ущелье и пропасть со скалистой вершиной прямо на его пути. На ее макушке, черной на фоне лазурно-синего мрака, предвещавшего восход солнца, высилось что-то слишком симметричное, явно не природного происхождения.

Это был замок — угрожающий и приземистый, с толстыми непробиваемыми стенами и непропорционально маленькими башнями по углам, как в тюрьме. Замок Дракулы — нет, в нем не было ничего, что могло бы вызывать восхищение на грани ужаса, как от готических работ Обри Бердслея. Замок этот был столь же отвратителен, как фабричный город. Палочка вела прямо к нему, и как только Барбер приготовился спланировать к воротам, он увидел сине-золотой штандарт Оберона, уныло свисавший с древка.

Ворота из крепких брусьев, скрепленных бронзовой окантовкой, перегруженной безвкусными узорами, оказались запертыми, но никто не отвечал на крики Барбера и на его стук. Когда он снова вспомнил о палочке и использовал ее, петли неохотно заскрипели, освободив проход достаточной ширины, чтобы пройти.

Миновав ворота, Барбер оказался во дворе с короткой сухой травой, торчащей между булыжниками, и первым, кого увидел, был слюнявый гоблин с огромными коленными суставами. Затем Барбер увидел Оберона, Титанию и Гоша, спускавшихся с главной башни.

Пока они пересекали двор, у Барбера было время, чтобы заметить, как все вокруг изменилось за время его путешествия, но еще больше изменились обитатели замка, и явно в худшую сторону. Оберон выглядел старше и более лысым, сгорбился и скрючился так, что его трудно было узнать. Поблекла и Титания, ее кожа стала мертвенно-бледной, у воротника помялись оборки, обтрепалась золотая вышивка на рукавах. По-доброму хитрое выражение лица Гоша сменилось маской застывшей злой насмешки, как будто уже и не нужно было ждать, когда он вырастет в разбойника и убийцу.

Изменения коснулись не только властителей, но и королевского кортежа. Он представлял собой сборище как будто страдающих от похмелья экспонатов кунсткамеры, совсем не похожих на прежних веселых эльфов. Одни хромали, другим мешали их гигантские руки и подбородки, хвосты и прочие уродства. Барбер с трудом узнал их предводителя. Философ брауни теперь не прыгал, как прежде, уголки губ его были опущены, он ковылял, опираясь на трость, нерешительно передвигая ногами, сбиваясь

с шага, как запутавшаяся в собственных ногах сороконожка.

Глядя на Барбера, король вытянул шею и подслеповато сощурился.

— Нет, не говори, нет, — пробормотал он. — Несмотря на все превратности жизни, я еще не жалуюсь на память. Ха! Это ты — последний подменыш, Барбер!

— Только что вернулся из Кобольдских пещер, и рад доложить Вашему Величеству о полном успехе предприятия, — тут Барбер приветственно взмахнул палочкой.

По всему королевскому двору разнесся шелест и ропот, но Оберон едва улыбнулся.

— Это ты молодец. Успех нам крайне необходим, крайне. Даже крошечного кусочка достаточно, чтобы восстановить нашу радость.

— Радость — всего лишь отсутствие страданий, — проскрипел брауни, но Барбер перебил его.

— У вас теперь новый дворец?

— Да, — ответил Оберон, — хотя мы этого вовсе не хотели. Но давай отложим пустые разговоры и поприветствуем друг друга, — собираясь протянуть руку, чтобы повести Барбера к хмурой башне, король вдруг отпрянул. — Ты принес железо? Оставь его у ворот, приятель Барбер. Может быть, оно послужит дополнительным препятствием для неприятностей и колдовства, которые так изводят нас.

Барбер положил меч у ворот, как было велено, и последовал за королем. Их шаги эхом разносились по коридорам замка, которые были выше, чем проходы в пещерах кобольдов, но такими же сырыми. Всюду были паутина и ползающие насекомые. Добравшись до большого зала, со стен которого свисали тусклые, потрепанные гобелены, Оберон отпустил свиту и повел Барбера дальше, к спиральной лестнице, выведшей их на зубчатые стены. Свет зари стал ярче, и холодный ветер то и дело налетал, словно хотел стащить с них одежду, пока Барбер рассказывал свою историю.

— Значит, она считает, что ты и есть Рыжебородый, как предначертано, — вздохнул Оберон, когда Барбер закончил рассказ. — Это надо обдумать. Я должен посоветоваться с Умником. Хороший советчик в таких делах весьма полезен, хотя

в последнее время он впал в язвительность и пессимизм. Да, возможно, это исправит наши горести...

Что-то вдруг со всей силы ударило Барбера в спину, и он выпал в одну из амбразур зубчатой стены. Мельком он увидел искривленное оскалом лицо молодого Гоша, услышал испуганный крик Оберона, тут же растворившийся в свисте ветра. Барбер летел прямо на зубцы скал.

Сердце Барбера на миг замерло от ужаса, но он вспомнил о крыльях и расправил их. Описав кривую, захлопал ими, направляясь назад к площадке на стене. Оберон тем временем пытался вытащить мальчишку из-под юбок Титании, под которыми тот спрятался. Барбер, быстро оценив скорость, расстояние и парусность, захлопал крыльями, чтобы приземлился точно рядом с ними.

Увидев его, Гош выбрался из своего укрытия, намереваясь сбежать. Барбер помчался за ним. Схватив палочку обеими руками, он замахнулся, словно битой, и огрел ею мальчишку по спине. Он был бы только рад, если бы сломал каждую кость в теле этого молодого беса.

Но палочка ушла в пустоту, Гош исчез, и Барбер, потеряв равновесие под силой собственного удара, повалился на камни.

— Куда он делся? — воскликнула Титания. — Ах ты, злодей! Если ты уничтожил его, ты за это поплатишься. Я...

— Вы ничего не сделаете, миледи, — вмешался Оберон, — Если бы юный мерзавец исчез навсегда, этот несчастный мир, по крайней мере, избавился бы еще от одной заразы. Но, к сожалению, это не так. Вон он, поглядите. Благодаря палочке вы можете, наконец, разглядеть его истинный облик, мадам.

И он показал на зубчатую стену рядом с Титанией. Все увидели крокодила длиной примерно в полутора фута; раскрыв челюсти, тот издал слабое «Урк!» и быстро заковылял по мощеному покрытию, похожий на игрушечную заводную игрушку.

Титания схватила рептилию в руки.

— Бедный Чандра, — сказала она, каким-то странным образом вызывая и жалость, и улыбку, но при этом ничуть не потеряв своей величавости. — Я бы порадовалась, если бы увидела, как они умирают. Все те, кто насылает на нас эти метаморфозы!

Она забаюкала существо в руках, словно ребенка, и Барбер был удивлен, увидев, как из глаз крокодила выкатились две большие слезы и стекли по чешуйчатой морде.

— Я... — начала Титания, и вдруг в голове Барбера щелкнул истинный смысл поговорки о крокодиловых слезах. Абсурд, но он был, вероятно, справедлив для этого места.

— Бросьте его, быстро! — крикнул он. — Он сейчас укусит!

Титания не послушалась, а только лишь отодвинула крокодила от себя подальше, как вдруг зубы земноводной твари с щелчком захлопнулись в полдюйме от ее носа.

— Благодарю за предупреждение, рассудительный Барбер, — выдохнула она.

Барбер поклонился.

— Если Ваше Великолепие согласится принять мое предложение, то, пока ваш маленький дружок не получит обратно свой прежний вид, вам лучше держать его в чане с водой и туда же положить камень, на который он мог бы выползать. А Ваше Великолепие может кормить его раз или два в неделю куском сырого мяса.

Титания подозрительно посмотрела на Барбера, после чего кивнула.

— Я так и сделаю, — сказала она и поспешила к лестнице, держа болтавшего ногами питомца на вытянутых руках.

Оберон усмехнулся, Барбер же не нашел в страданиях королевы ничего смешного.

Король ущипнул его за локоть.

— Пожалуй, вернемся к нашим государственным делам, — весело объявил он. — Внемли мне, друг Барбер, я полагаю, ты порядочный человек.

— Надеюсь...

— Ну-ну, ты, главное, не пойми меня неправильно: в эти жестокие времена мы окружены предателями. Все эти распутные девки ведут себя хуже Иуды... Подожди, на чем мы остановились? Сейчас-сейчас... Эти проклятые метаморфозы... искусство управления государством не терпит ничего отвлекающего... — Он замолчал и заходил по мостовой кругами, держа руки за спиной. Затем повернулся и крепко схватил Барбера за плечи. — Я как будто в положении узурпатора, — в отчаянии воскликнул он. — Подумать только:

они заявляют, что я захватил трон и королеву. Она верна и любит меня, и я ее тоже. Мы должны быть вместе, клянусь. Будешь ли ты держать меня подальше от всего этого?

— Почему бы и нет, — высказался Барбер, ничего не понимая, но подумав, что это именно то, что он должен ответить.

— Ну тогда как бы ты поступил? Моя беспечная леди тратит жизнь для собственного удовольствия, и ее окружение тоже. Под ее началом мы имели царство, похожее на твой собственный мир в своих физических законах, за исключением небольших отличий, таких как недостаток в мощи железа. Смотри! Видишь, там над башней летучие мыши кружат против часовой стрелки — это дурная примета, еще одно предзнаменование грядущих бедствий!

Он вытянул руку, показывая, затем снова повернулся к Барберу.

— Так вот, при дворе веселье, удовольствия и праздная болтовня, а вне его — сплошные несчастья, смертоубийства и черная магия, отвратительные деяния, о которых говорит весь народ. Ты слышал когда-нибудь рассказы, как на горе устраивают кровавые оргии?

— Вроде ритуалов вуду или Вальпургиевой ночи?

— Да, это было обычным делом до того, как я женился на Титании и установил новую власть. Всю эту анархию и ночные оргии я подавил силой. Из лучших повелений моего сердца я совершил великое колдовство, которое было когда-либо: установил фундаментальный закон этой сферы так, чтобы счастье стало нашим постоянным спутником. Но этого оказалось недостаточно, покуда есть те, чье единственное счастье заключается в их собственном возвеличивании.

Он замолчал и окинул взглядом мертвые горы. Солнце вышло из-за круч, бросая розовые лучи на замок. Оно осветило мрачное сооружение от подножия до шпиля, но холодные мертвые камни из застывшей лавы оставались к нему равнодушными. Они хранили вечный покой, пугая сумрачными тенями и смертельной опасностью.

Барбер кашлянул.

— Вы имеете в виду те законы поведения, о которых я слышал? Я бы хотел...

— Да. Поведение. В чем суть, ты хочешь спросить? Я возвел в закон, и это должно было стать естественным для всех, чтобы никто, к примеру, не мог дарить радость, не получая ее взамен. Я пытался удержать в узде все яростные страсти. Но я ошибся.

Он повернулся и снова схватил Барбера за руку.

— Верный Барбер, готов ли ты вступить в союз со стариком — выжившим из ума королем, который сам запутался?

— Кто, я? А разве... Я думал, что и так работаю на вас, сэр? Что...

— Ну вот, заболтался, — Оберон провел рукой по лбу, как будто хотел смахнуть что-то с себя. — Уже слишком поздно. А я все треплюсь и, похоже, все-таки спятил. Давай-ка спать, а как только проснемся, обсудим все с Умником, который умеет видеть глубже других.

Он направился к лестнице и свистнул слугу. Появилось чудище с большой головой и косыми глазами идиота, с нависшей над нижней губой зубами. Оно дышало ртом и пускал пузыри.

Комната, в которую существо привело Барбера, оказалась высокой и узкой, с единственным длинным окном и грязными разводами на каменных стенах. Кровать была жесткой, но Барбер, которому никогда прежде не доводилось спать с крыльями, уснул почти сразу, как только закрыл глаза. И вдруг был разбужен резким:

— Карр!

Он поднял голову и в лунном свете увидел силуэт большой черной птицы, сидевшей на подоконнике. Где-то внизу приглушенно, медленно и монотонно звонил колокол.

Голова Барбера ныла, как с тяжелого похмелья, все пересохло во рту. Ворон и колокол лишили его сна. Он оделся в дурном настроении.

— Карр! — заинтересованно наклоняя голову, произносила птица каждый раз, когда он брался за очередной предмет одежды.

Барбер подумал было взлететь и напугать ее, но ширины комнаты недоставало, чтобы раскрыть крылья. Он ограничил себя тем, что крикнул:

— Отвали! — и спустился в зал.

Оберон и Титания завтракали в трапезной, отдаленно напоминавшей ту, прежнюю, но не было видно ни эльфов

дворецких, ни лакеев-лягушек. Вместо этого зал был заполнен толпой уродливых человечков, которых он видел накануне вечером. Все они норовили услужить королю и королеве, отпихивая друг друга. Где-то неустанно звонил колокол.

Король увидел Барбера.

— Эй! Ну-ка, стул Барберу! — крикнул он и дал знак занять место рядом.

После недолгой заминки Барбер устроился за столом и получил завтрак, вкус и вид которого не внушал доверия, особенно при виде двух тараканов, устроивших пиршество посреди стола. Оберон вежливо ждал, пока Барбер, поев, не отодвинул тарелку.

— Ну-с, давайте займемся делом, — начал король. — Нам предстоит решить серьезные вопросы. На нас лежит странное проклятье, с ним невозможно мириться, и не видно, что может нас... — его взгляд поймал тараканов, — нас спасти... Фу! Какая мерзость! Умник, лучше ты посвяти в детали нашего верного собрата Барбера. Что мы хотим сказать?

— Несомненно, вы хотите сказать, что испытываете радость от того, что враг сломлен, Ваша Светлость. Но, прежде чем лечить сломанную кость, нам следовало бы знать, в каком месте она сломана.

— Да пропади ты пропадом со своим паникерством! Мы что, как собаки должны с благодарностью лизать наказывающую нас руку? Нет, мы так же грязны, как и те, кто бросил вызов этой прекрасной земле, но просто не смеем ответить им.

— Ваше Светлейшество, нам просто недостает сил... — запротестовал Умник, но Оберон перебил его:

— А разве у нас нет того, кто обладает всеми необходимыми возможностями? Наш Барбер, наш воинствующий герцог и борец, который обязался...

— Милорд, — заговорила Титания, откашлявшись. — Со своими громкими речами вы слишком далеко отошли от сути. Послушайте, Барбер, он хочет сказать: «Эти злые силы, о которых идет речь, были подавлены, когда мы соединили наши судьбы, но сейчас они быстро возрождаются».

Наконец Барберу удалось вставить слово.

— Простите меня великодушно, но я вообще ничего не понимаю. О ком вы говорите? Кто ответственен за все эти бедствия?

Возникла тишина. Титания и Оберон смотрели друг на друга, пока философ брауни, наконец, не вмешался.

— Вы задаете, сэр Барбер, один из фундаментальных вопросов, неминуемый, так сказать. Позвольте мне ответить подробнее. Кобольды, эти грязные скоты, как вы, наверное, изволили сами понять, досаждали нам с давних времен. Но после их поражения случились новые беды. Значит, кобольды ни при чем. Мы помним те времена, когда они были лучшими представителями и гражданами нашей страны, веселыми, деятельными, и я надеюсь, что они будут такими и впредь, когда вы сбили с них спесь. Теперь, что касается всяких фей, бегущих со двора? Можно ли их осуждать? Нет, они беззаботные воздушные существа, которые дарят и получают удовольствия, они будут черпать его даже там, где не действуют законы Оберона. Так кто же насылает на нас все эти злосчастья, спрашиваете вы? На данный момент опыт подсказывает мне, что это могут быть Повелители Льда, которые прежде были нашими друзьями и доброжелателями. Но, кто знает, если разрушить и их тщеславные замыслы, не появится кто-нибудь другой, еще более непобедимый? Какой же тогда смысл бороться...

Титания резко постучала по столу ножом.

— Я не хочу слушать эти предательские речи! — воскликнул она. — И вы не слушайте его, Барбер. Пока мы живы, мы должны решать свои проблемы, тогда как каждый доморощенный философ только и думает, как бы скорее начать заботиться о Вечности. Вот в чем наша беда: кто-то, возможно, действительно Повелители Льда, как считает наш разумник философ, нашли недостатки в законах, которые охраняют эту землю. В соответствии с принципами нашего мироустройства, физические формы непостоянны. И наши враги, которые мечтают о господстве, насылают свои заклятия, которые и вызывают эти ужасные метаморфозы, и будут это делать до тех пор, пока все вокруг не станет окончательно ужасным. Наше счастье бежит от нас вместе с феями, которые не могут перенести такой мерзости. Враг будет продолжать свои деяния, чтобы поставить нас в затруднительное положение, надеясь вынудить нас нарушить

наши же собственные законы, в результате чего мы выпустим из собственных рук власть, которую они хотят захватить.

— И что будет, если они это сделают?

— Мы умрем, вероятно. Но в любом случае вернется прежний хаос, от которого мой лорд и наш король спасли нас в давние времена. Вот почему ты должен быть с нами, Барбер.

Фред Барбер откинулся на спинку стула и посмотрел на короля с королевой. Картина стала немного яснее, но...

— Почему это должен быть я? Почему не Оберон?

— Мои собственные проклятые законы. — Король ударил кулаком по столу. — Это касается всех без исключения — никакого насилия. Стоит мне нарушить его — и вернутся прежние времена. Вот самый главный аргумент. И тогда снова здесь воцарятся подлость и власть силы, а не слов.

— Может быть, я покажусь назойливым, но почему вы выбрали меня?

— Потому что ты рыжебородый! Ты представитель грубого племени, ты имеешь власть над железом, которое я упустил в своих законах. Рано или поздно ты должен был появиться.

И он напел ту самую песню, которую исполняли Малацея и Кола:

Рыжебородый возвратится,
И к нам вернется благодать,
Когда он трех коснется мест,
Но лишь ему дано их знать.

Пока Оберон скандировал эти странные стихи, чувство волнения охватило Барбера. Ему казалось, он находится на грани понимания того, что никак не мог взять в толк, и это должно быть что-то великолепное и многообещающее, как открытие нового мира. Почти не понимая, что он делает, Барбер встал и, хлопнув крыльями, решительно расправил их. Все, кто был в зале, ответили ликующими криками. Оберон и Титания встали, и король вытянул руку к невидимому горизонту.

— Иди же, Барбер. Ты наш покровитель и союзник, твое железо должно спасти и защитить золото, и оно гораздо ценнее и благороднее последнего.

Глава 17

Да, но где его цель?

Все еще пребывая в возбужденном состоянии, он подошел к воротам замка, подобрал меч и, поднявшись в небо, полетел над скалами, освещенными ясным лунным светом. Он не думал спрашивать у кого-либо направление, понимая, что нужного ответа не получит. Бесполезно было требовать от дворцовых обитателей точных указаний.

В какой же стороне?

Он начал летать вокруг замка по постепенно расширяющейся архимедовой спирали. Рассыпанные в беспорядке скалы под ним были лишены малейших признаков жизни. Да и о проводнике речи не шло. Даже у самого горизонта не было ни намека на конец этой горной страны, хотя где-то там находился водоем, в котором Барбер плавал еще вечера. Он подумал, что неделю назад впал бы в отчаяние, а сейчас его путешествие походило на некое развлечение, он несся вперед на неустанных крыльях, время от времени забавляя себя захватывающими ощущениями от свободного планирования.

Внезапный резкий свист над головой заставил его оглянуться. Он мельком увидел что-то большое и черное, бросившееся на него из чистого неба, и что есть силы ударил крыльями, резко метнувшись в сторону. Он вложил в маневр всю мощь своих мышц, но все же что-то ударило его сзади, затрещала ткань, и большие кривые когти едва не вонзились в его плоть.

Барбер сгруппировался и нащупал меч кобальдов, одновременно пытаясь разглядеть нападавшего. Свист рассекаемого воздуха послышался над головой, а следом раздавшийся вороний крик предупредил его об опасности. Барбер бросился вверх и в сторону. Преследователь промахнулся, но успел чем-то полоснуть Барбера по ноге. Барбер почувствовал, как по икре потекла теплая кровь, но кувырок дал ему возможность осмотреться.

Это были гигантские черные орлы, почти такие же большие, как он сам. Они летели внизу, но расстояние стремительно сокращалось. Вдобавок Барбер успел разглядеть, что у каждого орла имелось, по две хорошо развитые головы. Одной из них гигантская птица била клювом и кусала летевшего рядом с нею ворона, в то время как другая голова вертелась по сторонам, как будто подсказывая направление. Но это был только мимолетный взгляд. Предупредительное карканье прозвучало вновь, и Барбер, увернувшись, чудом избежал удара третьего орла. Атакуя, тот задел его кончиком крыла, нанеся головокружительный удар, и сбил шляпу с плюмажем.

Барбер быстро оценил расстояние до скал и резко обернулся назад, чтобы разгадать следующий маневр этих чудовищ, как будто сошедших с герба. Сначала он ничего не мог разобрать, потом увидел два силуэта на фоне луны. Один мчался достаточно быстро, увеличиваясь на глазах, но не на него, поскольку Барбер увидел еще одного черного ворона, чьи крылья отбрасывали глянец лунного света. Птица спасалась бегством, в то время как два орла, объединившись, преследовали ее. Слышался их боевой клич, приглушенный расстоянием. Затем второй орел, наполовину сложив крылья, помчался на Барбера.

«Поиграем в догонялки», — подумал он, устремляясь вниз, к гребням скал. Ветер все сильнее свистел в его ушах. Сзади доносился высокий пронзительный визг, подобный скрипу ржавой петли. Он звучал переливами, и Барбер вдруг машинально подумал, что это отличный пример гетеродинного эффекта, вызванного разницей между двумя гортанными звуками, принадлежавшими одному орлу.

Уже хорошо были видны зубчатые и грозные верхушки скал. Барбер резко распахнул крылья, чтобы перейти в горизонтальный полет, до боли надрывая грудные мышцы. Его тут же пронзила ужасная мысль, что он просчитался, что сил его не хватит чтобы выйти из пике.

Наконец, верхушка скалы проплыла в стороне. Барбер все еще падал, но под уклоном, и кончики ветвей хлестали его руки. На скорости в сотни миль в час это было сродни ударам кнута.

Обернувшись, он увидел, что орел повернул обратно и присоединился к одному из тех, кто напал на Барбера вначале. Далеко от него еще один орел разбирался с вороном, предупредившим его об атаке, и казалось, орел вот-вот победит: маленькая по сравнению с ним птица едва отбивалась. Прежде чем понять, можно ли ей чем-нибудь помочь, он увидел, что к орлам в вышине присоединились другие. Три... пять... шесть. Бросившись вниз, они устремились к Барберу с криками, от которых бросало в ледяную дрожь.

Барбер, уворачиваясь, метался туда-сюда, вилял, как летучая мышь. Коготь чиркнул его по щеке. Тогда Барбер славировал, но неудачно, и ударил своим собственным крылом другое, вызвав частичное онемение. В неуправляемом падении услышал вдали победный орлиный крик. «Вероятно, по одному из воронов», — подумал он с сожалением и прибавил скорость.

Орлы совершили круг над долиной, затем взметнулись под облака и сгруппировались треугольником, словно гуси. Откуда-то появились еще трое и встали в хвост. Потом вся стая устремилась в его сторону, синхронно хлопая девятью парами крыльев. Их намерения были очевидны. Барбера снова бросило в дрожь, когда он понял, что мозгов этих хищных двухголовых птиц вполне хватает для разумных действий. От одного или двух он смог бы отбиться, но девять орлов, быстрых и глазастых, прикончат его наверняка.

Несколько мгновений Барбер летел на предельной скорости, затем сделал широкий круг, чтобы понять, будут ли птицы преследовать его, если он откажется от выбранного направления. Ничего не изменилось, орлы были неумолимы. Казалось, им все равно, куда он летит, лишь бы убить. Не оставалось ничего другого, кроме как биться до конца. Вспомнив цитату, кажется, из Киплинга, о том, что легче отразить атаку дикарей, чем дикую атаку, он развернулся в полете и устремился вверх, на лету выхватывая меч.

Орлиный клин — к предыдущей группе присоединилась еще одна птица — направлялся к нему, все так же строго держа ряд, но теперь птицы вытягивали свои двойные шеи, словно в недоумении перекрикиваясь между собой. Барбер ощутил острый трепет ликования. Он подозревал, что хотя

уродливые создания и были способны к разумной деятельности, им недоставало гибкости мышления и способности просчитать непредвиденные ходы. Большой размах крыльев давал ему определенное преимущество, Барбер легко набрал высоту, пропустив клин под себя, и упал на них камнем.

Его правая рука будто слилась с мечом, когда он ударил первого орла туда, где крыло соединялось с телом. Ощутив, с какой легкостью лезвие пронзило плоть, Барбер победно взвыл. С пронзительным криком двуглавая птица полетела вниз, закручиваясь в спираль. Барбер сделал быстрый взмах крыльями и наотмашь обрушил меч на шею следующего орла. Одна голова полетела в сторону, вторая запищала в отчаянии, после чего орел завертелся, совершая безумные кувырки и превратившись в клубок перьев. Орлы бросились врассыпную.

Барбер догнал еще одного и убил одним взмахом. Киплинг был прав, и твари оказались фактически беспомощными против решительной атаки. Он перешел в плавное скольжение, чтобы осмотреться вокруг, и стал выискивать воронов. Но ни одного не увидел. Несчастные должно быть погибли. Он заметил, что орлы, удалившись на почтительное расстояние, снова собираются в группу, а к ним спешат на помощь другие, чтобы укрепить пошатнувшееся положение. Собрав новый клин, они вновь атаковали.

Пока Барбер держал высоту, ему удалось убить еще нескольких птиц, то и дело бросаясь на них сверху. Пока он разбирался с предыдущей группой, другая устремилась к нему, и он не сразу заметил их приближение. Но решительная работа крыльев и быстрый меч позволили ему уйти невредимым. Тем временем орлов становилось все больше, их уже стало по меньшей мере двадцать пять или тридцать, не считая тех, от которых он избавился. При такой численности они грозили просто взять его на измор, задолго до того, как кончится ночь, но не было никакой гарантии, что эти проклятые двухголовые твари боятся дневного света.

Этот воздушный бой не сулил ничего хорошего в итоге, и столь же ясно было, что нужно найти какое-то решение. Орлы, как ему казалось, прибывали с одного и того же направления и, вероятно, принадлежали к числу сил того

таинственного врага, о котором упоминал Оберон. Их внезапное нападение не могло быть случайным, поскольку они преследовали его даже тогда, когда он попытался улизнуть. И только одна причина могла объяснить их постоянное умножение. Скорее всего, он слишком близко подошел к тому месту, о котором говорилось в пророчестве Волшебной страны.

Настолько близко, что враг почуял опасность. Он вспомнил, как его «прикосновение» к первому из трех мест, положило конец губительной деятельности кобольдов, а второе, как он надеялся, хоть как-то должно было улучшить запутанную и непростую жизнь в заводи.

Под ним уже было сорок пять или пятьдесят двуглавых орлов, они кружили и кричали, распределяясь вокруг, чтобы собраться в некоторое подобие клети, слишком широкой и глубокой, чтобы удалось пробить ее. Сам же Барбер поднялся так высоко, что гористая местность под ним стала казаться плоской картинкой, с тенями и мазками, словно выведенными умелой рукой художника.

Орлы все прибывали. С этой высоты теперь хорошо было видно — откуда. Он устремился вниз примерно на тысячу футов, сосредоточив внимание на последних орлах, желающих скорее присоединиться к общей массе. В дополнение к способности объединять усилия, орлы, очевидно, обладали хорошим средством общения, чем-то вроде языка, и давали понять друг другу, что Барбер слишком опасный противник для того, чтобы атаковать его в одиночестве.

Через некоторое время орлы перестали появляться. Барбер кружил, смотря вниз и понимая, что его целью должен быть самый высокий, хорошо заметный пик. Его зрение поражало своей исключительностью — вероятно, еще один подарок Волшебной страны, как крылья.

Он сделал очередной круг. Не демонстрируя суетливости, орлы собирались в полумесяц, чтобы не дать Барберу добраться к намеченной цели. Какой-то одиночный орел выплыл из тени соседнего пика. Сложив крылья, Барбер, напал на него и убил, прежде чем тот его заметил. И в этот момент он увидел, что в той стороне, откуда появилась птица, виднеется пятно радужного сияния.

Как только Барбер устремился в ту сторону, стая птиц взорвалась криками и бросилась к нему, очевидно пытаясь взять его в клубок со всех сторон. Но он упрямо летел вперед и вскоре приземлился на выступ, где находилось это пятно.

Пятно оказалось шаром из какого-то коричневатого и блестящего вещества, возможно, с ярд в диаметре. Барбер ткнул в него мечом и в то же мгновение до него донесся единый крик всех орлов. Шар в ответ издал глухой безжизненный стук. Барбер замахнулся и ударил снова, но шар лишь едва шевельнулся. Казалось, он был прикреплен к выступу.

Орлы над головой снова закричали, и один из них напал на Барбера. Тот убил птицу точным ударом, попав клинком прямо в соединение шей. От следующего орла Барбер увернулся, и тот врезался в скалу и, подняв тучу перьев, упал вниз.

Резкий звон заставил Барбера обернуться. Шар исчез в тумане золотой пыли. Вместо него на выступе сидел новый молодой орел, стряхивая влагу со своих перьев. Заметив Барбера, он ощерился двумя клювами, но тут же Барбер снес обе головы его одним ударом, после чего ему пришлось ударить снова, чтобы избежать нападения сверху.

На том месте, где только что был орел, а до него был шар, Барбер увидел круглое отверстие в выступе скалы размером с древко, гладкое и ровное. Пока Барбер присматривался к орлам, еще один шар появился из этой дыры и начал расти, как мыльный пузырь.

Еще два орла напали сверху и были убиты, пока пузырь достиг размера предыдущего. Барбер дважды ударил его со всей силы, но безрезультатно. Мгновение спустя шар лопнул, породив еще одного орла. Убив и его, Барбер скинул тушу с выступа. Очевидно, здесь он был бессилен: сразу после гибели орла начало расти следующее яйцо. Все это казалось бесконечным, и не было ничего, чем можно было бы заткнуть дыру. Выступ был голым, как голова лысого банкира, и настолько же мертвым, как его сердце.

Еще один орел напал сверху, и как только Барбер опустил меч на его голову, локтем почувствовал палочку Титании, заткнутую за пояс. Так вот же оно! Когда следующее яйцо лопнуло, он быстро убил орла, вылупившегося из него,

и, не дожидаясь, пока появится следующий пузырь, вставил палочку в дыру.

Она вошла плотно, и внутри заткнутого отверстия послышался гул, как от закипающего гигантского чайника, но других пузырей больше не появлялось.

Орлы в вышине издали такой оглушительный крик, что Барбер едва не оглох, и вдруг все разом, словно придя в безумство, они начали падать на дно расселины.

Бух! Бух!

Совершенно позабыв о Барбере, одна за другой птицы исчезали в черной глубине, откуда вверх поднимались одни только перья. Вскоре в небе не осталось ни одного орла. Из заткнутого отверстия все еще доносился гул. Барбер не осмеливался вытащить палочку. После нескольких минут отдыха он прикрепил меч к поясу и решил продолжить полет.

Когда он взлетел выше самого огромного пика, в теперь уже пустом небе он заметил на горизонте что-то, чего не видел прежде. Не гора и не луговина, оно было таким же высоким как гора, и таким же широким, как луг. Что-то гладкое и блестящее, как будто это было гигантское яйцо птицы Рух из сказки о Синдбаде. Барбер полетел туда.

Глава 18

Яйцо птицы Рух на самом деле оказалось огромной глыбой льда.

Фред Барбер понял это задолго до того, как достиг этой сверкающей и прозрачной ледяной массы, от которой исходил холод, непривычный для ощущений гостя из другого мира, потому что ледяной купол не выказывал ни единого признака таяния, и не было никакого тумана вокруг. «Повелители Льда», как сказал Оберон. И это место, несомненно, было их местом обитания, цитаделью врага, которого он должен уничтожить!

Внутри, в самом сердце купола, виднелось что-то темное и бесформенное, искривленное преломлением света. Барбер приблизился, пытаясь разглядеть, что это. Впервые с момента пребывания в Волшебной стране, он ощущал настойчивые потоки холода и был не в силах сдержать дрожь. Но, что бы ни находилось внутри купола, невозможно было разглядеть этот предмет, как Барбер ни пытался, обходя вокруг и всматриваясь.

Лед. Это была последняя и самая трудная из задач — он никак не мог понять, что делать с этим окаянным ледником. Не было никакого способа разрушить его. Не было даже палочки, которой пришлось заткнуть дыру, порождающую орлиные яйца.

Купол хранил ледяное молчание и оставался таким же безразличным, как смерть.

Не зря у Данте последний и самый ужасный из кругов ада был кругом ледяным. Неудивительно, что Оберон считает это место обителью самого совершенного и смертельно опасного врага. Барбер начал ощущать безысходность от осознания полнейшей бесполезности всех своих стараний. Никогда до сих пор он не испытывал ничего подобного. Он предпочел бы еще хоть дюжину раз встретиться с хитроумными кобольдами, с предательским насилием пиявок или

даже выдержать бой с бесконечными стаями двуглавых орлов. Все это казалось сущей ерундой по сравнению с этой, похожей на стекло, преградой.

Дождаться утра и солнца, которое растопит лед? До восхода оставалось немного времени, луна бледнела, и звезды сияли не так ярко. Но нет, вряд ли тут можно рассчитывать на простую удачу.

Холодный купол как будто сливался с землей, а сухая трава служила ему оправой, и Барберу казалось, что перед ним вовсе не лед, а какое-то невообразимое вещество, и оно не растает на солнце. Его зубы стучали от холода. Возможно, самый естественный способ проникнуть внутрь — это разбить купол. Он подошел к гладкой поверхности, выбрал наугад место и взмахнул мечом. Удар оставил глубокий след. С каждым последующим ударом отваливались куски все больше и больше. Лед оказался на удивление податливым и одновременно хрупким. Оценив проделанную работу, Барбер немного передохнул и начал бить снова, надеясь прорубить дыру. Он почувствовал, что начинает согреваться.

По мере того как от купола откалывались искрящиеся осколки, становилось понятно, что лед неоднороден по структуре.

Большая, неправильной формы глыба внутри, к которой Барбер пробивался, не поддавалась лезвию меча, в то время как с ее поверхности, крошась и треща, отваливались приличные куски. По мере того как меч пробирался к несокрушимой цельной глыбе, становилось понятно, что она имела размеры примерно с самого Барбера и была похожа на что-то вроде незаконченной скульптуры.

Крошащийся лед отваливался огромными кусками, откатывался от глыбы, освобождая доступ к фигуре, которая теперь словно горельефом выделялась из пробитой дыры, став похожей на облепленного снегом человека. Или, вернее было бы сказать, на ледяного человека, внушительного роста с тяжелой булавой на плече.

И вдруг эта фигура пришла в движение. Медленно, со скрипом задвигалась, освобождая себя из ледяного плена.

Барбер отшатнулся в испуге, его ноги заскользили по осколкам льда. Меч был бессилен против этой глыбы, да и палочка далеко.

Но изваяние, по-видимому, не имело агрессивных намерений. Сделав шаг, оно замерло в неподвижности, заняв прежнюю позу. Свет звезд замерцал на струях воды, полившейся из какого-то невидимого источника. Растекаясь по всему телу ледяного гиганта, она тут же замерзала, и уже через минуту или две труд Барбера был уничтожен: плотный и гладкий лед снова обволок фигуру. Повеяло холодом.

Барбер шагнул вперед и снова начал рубить лед. С этой стороны тот поддавался с такой же легкостью, и Барберу вновь почти удалось освободить фигуру гиганта с булавой. Но снова потекла вода и начала смерзаться, затягивая пробитый во льду проход.

Барбер приблизился и дотронулся рукой. Лед оказлся настолько холодным, что обжег руку, как будто это был не лед, а соль. Барбер отпрянул, морщась от боли, и затряс рукой, с которой закапали талые капли. Несколько брызг упали на цветок розы в его петлице. Со слабым шипящим звуком капли превратились в пар.

Барбер осмотрел себя и заметил, что концы его рыжей бороды, ставшей еще длиннее, покрыты крошечными крупинками инея. Он еще раз испытал непонятное ощущение, когда ему казалось, что он стоит на краю какого-то открытия, но не хватает сущей мелочи, чтобы обрести полное знание. Возможно, ключ снова лежал в совете Малацеи оставить свои прежние стереотипы мышления, неприемлемые для этого мира.

Но что это значило в данном случае?

Будучи приверженцем строго логического подхода, на котором держался весь опыт научной школы, Барбер попытался собрать воедино все то, с чем ему довелось столкнуться. Первая мысль, которая пришла ему в голову, к его собственному удивлению, состояла в том, что он не может разделить вероятность события от причинно-следственной связи. Но в этом скрывалось что-то неправильное, столь же ошибочное, как его более раннее предположение о том, что законы данного мироздания расходятся с тем, что он знал прежде, только потому, что все вокруг происходит без какой-либо логики или причины.

Оберон, да и Умник тоже, говорили о Волшебной стране как о мире, где правят законы, столь же четко выраженные, как любые из тех, которые Барбер знал, хотя это были законы другого порядка. В том мире, который Барбер привык называть «своим». они считались бы постулатами, принимаемыми образно, или вообще неприемлемыми. Наверное, астрология и нумерология считались здесь точными науками.

Конечно, Барбер мог отвергнуть идею о том, что простая случайность свела его с Малацеей, с кобольдами или с подводным миром. Обезьяны скорее напечатали бы какую-нибудь пьесу Шекспира, прежде чем эти события могли бы произойти случайно.

Значит, все, что он должен сделать — решить, как поступить дальше, дрожа возле этого купола льда под холодным небом. А ведь луна уже склонилась к горизонту, а побледневший восток предвещает новый день.

Три места.

Это понятие имело прямое отношение к данной ситуации. И Барбер был убежден, что третье место скрыто именно здесь, подо льдом, не поддающимся его клинку. Было ли между этими местами что-то общее, можно ли установить какую-то связь?

На первый взгляд, нет. Первое место лежало в сердце холмов, и Барбер достиг его после утомительной пешеходной прогулки. Второе находилось под водой, и он проник туда, превратившись в лягушку. Если здесь третье место, он никогда бы не смог попасть сюда, не будь у него крыльев.

Минуточку... Не это ли имела в виду та фея с тонкими крылышками, когда она сказала: «Мы созданы из легких элементов, Огня и Воздуха»? Вот она, связь, — ряд элементов Пифагора. Элемент Земли на первом месте, Воды — на втором. И теперь Барбер победил Воздух, расправившись с теми двуглавыми орлами. Значит, Огонь, несомненно, был бы отличным средством против льда.

Именно в этот момент Фред Барбер вспомнил, как зашипели ледяные капли, упав на его розу. Открыть свойства этого цветка — и здесь не могло быть случайности, как и в других событиях...

Фред Барбер отцепил розу от своего камзола и, протянув руку, приблизился к стене льда. Это был самый обычный

цветок, но, едва он дотронулся до купола, раздались шипение и треск, тающий лед струями хлынул вниз, потоками растекаясь по траве. Облако пара поднялось вверх.

Роза выплавила в куполе глубокую полусферическую воронку, но, к своему удивлению Барбер, не увидел там ледяного человека. Он шагнул в образовавшуюся полость, держа перед собой свое новое оружие. Под ногами были скользкий лед и ручейки воды, от которых исходил пар. Шаг за шагом Барбер продвигался по туннелю, который таял перед ним, уводя в глубину, и только слабое радужное мерцание за спиной подсказывало о первых лучах солнца, выползающего из-за горизонта. Вскоре Барбер погрузился в голубоватое сияние — естественным освещением в этом мрачном месте.

Должно быть, потребовалось полчаса, чтобы добраться до темного ядра этого айсберга. Барбер дрожал, но вовсе не холод был тому причиной. Ногой он почувствовал какой-то выступ. Наклонился, опустил розу вниз и, расплавив лед, обнажил гранитные ступени, древние настолько, что на их поверхности были видны выбитые ногами глубокие борозды. Он продолжал идти с розой в руках, и талая вода утекала каскадами, приведя его к монументальным двойным дверям, сделанным из бронзы.

Очистив с них лед с помощью розы, Барбер увидел герб — он вспомнил, что такой же, с коронами и двуглавыми орлами, уже видел дважды. Но на этот раз это была относительно целая пластина из латуни, на которой совершенно отчетливо была выгравирована надпись.

Барбер наклонился, чтобы лучше рассмотреть ее в ненадежном, пульсирующем свете, который проникал сквозь лед сверху, оттуда, где разгорался день.

Это истинный Вартбург. Сюда войдет только тот, кто имеет благородное сердце. Тот, кто испытал силу четырех стихий. И только тот, кто видит глазами Рыжебородого.

Было что-то странное в этой надписи, но пока Барбер не положил ладонь на ручку двери, чтобы открыть ее, он не понимал, что текст был написан не по-английски. Это был

старо-немецкий язык, которого Барбер не знал — но тогда как он разобрал надпись?

Барбер толкнул дверь.

Та медленно отворилась с музыкальным позвякиванием не до конца расплавленного льда в петлях. Шагнув вперед Барбер оказался в зале, высоком, широком и глубоком, дальний конец которого был погружен в тусклую синеву. Между колоннами высились бледно-голубые окна. Почти всю длину зала занимал огромный стол из белого с прожилками, мрамора. У ближнего к Барберу конца, спиной к нему на стуле с причудливыми украшениями кто-то сидел. На неизвстном была черная мантия и высокая коническая шляпа темно-синего цвета, усыпанная звездами.

Приблизившись. Барбер заметил, что обитатель замка сидит, водрузив локти на стол и наклонившись вперед, упершись подбородком в ладони, сложенные в чашу. Борода его лежала на столе, а лицо отдаленно напоминало Умника или любого другого ученого-философа. Широко открытые глаза уставились в пустоту. Когда Барбер обратился к нему и потряс за плечо, тот не ответил. От тело под одеждой исходил холод.

Барбер, немного дрожа, прошел дальше в конец зала, прислушиваясь к звукам позади. Его взгляд сосредоточился на стенной росписи в дальнем конце зала. Там были изображены мальчики, облаченные в средневековые костюмы, с волосами до плеч; они смотрели на Барбера со стен с таким же холодным равнодушием, как человек в конической шляпе. Барбер заметил, что в их ряду отсутствует одна фигура — на это указывал промежуток в ряду. И вдруг точно под этим промежутком его привыкший к темноте взгляд обнаружил еще одного человека.

Тот сидел за столом, и на особенное его положение указывал внушительный трон, вырезанный из слоновой кости, на вершине спинки которого красовались двуглавые орлы. Человек сидел, наклонившись вперед, как будто спал. Он опирался лбом на одну руку и подбородком на стол, а высокая корона из золота и железа, украшенная драгоценными камнями, как будто скатилась с его головы. Вокруг лица и рук человека вилась длинная густая борода, спадающая до

пола, ставшая словно единым целым со столом. Даже в полумраке Барбер замечатил, что она была рыжей.

В трепете предвкушения, как будто он, наконец, очутился на пороге великой и одновременно страшной тайны, Барбер подошел к столу и увидел медную табличку на его поверхности, до нее можно было дотянуться пальцами.

За спиной у Барбера раздались странные звуки. Напрягая зрение, он склонился ближе и прочел:

На третье место взойди —
Тройную награду возьми

Топ. Барбер обернулся. Ледяные изваяния, безликие и угрожающие, входили один за другим в двери, через которые он проник сюда. Они выстроились вдоль стен зала, по обе стороны стола. Двигались они медленно, скрипя льдом суставов, тяжеловесные и неодолимые.

Барбер выхватил меч, но вспомнил, что клинок бессилен против них. Роза? Он был удивлен, обнаружив, что ее больше нет в руке. Должно быть, он выронил цветок, когда входил в дверь или когда тряс за плечо фигуру на другом конце стола. Через мгновение его объяла паника, а затем он увидел, что в ряду этих ледяных людей, надвигавшихся на него, оставалось свободное пространство, образованное самим столом.

Он прыгнул на столешницу и вдруг увидел еще одну фигуру позади ледяных статуй. Это оказался молодой паж, вероятно, тот единственный мальчик, которого недоставало на средневековой фреске. Высокий мальчишеский голос прокричал:

— Время пришло! Вороны больше не летают!

И в этот момент нога Барбера наступила на медную пластину, которая и оказалась третьим местом.

Барбер словно пронзил ее насквозь. Возникло ощущение свободного падения в пустоту. С душераздирающим грохотом лед вокруг замка затрещал, осколки его полетели прочь, и яркое золотое солнце нового дня ворвалось в окна, осветив зал.

Фридрих Барбаросса — вот кем был Фред Барбер — вцепился в подлокотники трона из слоновой кости и поднялся. Его вросшая в мрамор борода натянулась, стол раскололся,

и части его разлетелись в стороны, чтобы присоединиться к прочим обломкам.

— Где враг? — требовательно прогремел он, глядя на ледяные фигуры, которые уже не были ледяными фигурами, а стали рыцарями и баронами в сияющих кольчугах. В руках они держали мечи, а исчезающие с них капли воды сверкали словно драгоценные камни в свете родившегося дня.

Тот мудрец, ранее восседавший на другом конце исчезнувшего стола, ответил:

— Повелитель, здесь нет врагов, и никогда не было. Есть только один враг, который переходит из тела в тело, но уничтоженный в одной форме, стремится воплотиться вновь. В одном из таких воплощений, он погрузил тебя в сон. Это было еще до того, как началось правление Титании. Колдовство, чью форму он принял, давно изжило себя, но, будучи естественной силой, он по-прежнему среди нас. Ты встречался с ним в последнем путешествии твоего духа в смертном театре масок. Это конец, повелитель, для того ты и освобожден ото сна, чтобы могучей властью железа утвердить союз с королевством Оберона... Где один, там и другой, и я должен сообщить, что тебе нужно поторопиться к Оберону. Враг в новом обличье приближается к его границам.

— Так давайте поспешим, — ответил Барбаросса.

В летописях Волшебной страны записана история этого союза — о том, как Барбаросса и его рыцари отправились в путешествие на запад и одержали великую битву среди морских скал против ракшасов, отвратительных трусливых созданий, подобных вампирам. Но те оказались не последними из захватчиков, ибо враг вездесущ. Однако Барбаросса готов биться без устали до тех пор, пока не наступит конец злым чарам и метаморфозам. Ничто не могло устоять против силы его железа.

И все же есть недосказанность и тайна в судьбе великого рыжебородого короля, ибо замечено, что, когда он обретает новую любовь, из числа ли фей, или других представительниц племени эльфов, он рассказывает ей

о том, как почти тридцать лет прожил среди смертных. Некоторые считают, что это всего лишь выдумки. Потому что, никто не верит в существование безумного мира, где люди готовы уничтожать друг друга только потому, что кто-то хочет подчинить других своей воле. Другие, со своей стороны, считают, что все эти россказни — не что иное, как сны, которые видел Барбаросса, пребывая подо льдом в своем замке Вартбург, пока вороны кружились над ним. Тем не менее замечено было, что есть какая-то исключительная последовательность между снами короля и его поступками, поскольку среди его возлюбленных никогда не было яблоневых дриад.

НИКТО, КРОМЕ ЛЮЦИФЕРА

None But Lucifer

(роман написан в соавторстве с Горацием Голдом)

Журнал «Unknow», № 9, 1939

Глава 1

У Хейла было немало причин для тревоги. Любой другой на его месте, влача жалкое существование в дешевом, убогом пансионе, будучи прикованным к постели болезнью, давно бы сдался. Но не Хейл. Он был болен, немощен — все верно, за тем исключением, что все складывалось именно так, как он сам того хотел и давным-давно спланировал. А теперь, понимая, что, в общем-то, все идет как надо, он с нетерпением ждал следующего поворота в своей судьбе.

С самого раннего утра он прислушивался к звукам с лестницы. И вот его голодное, бледное лицо прояснилось. Послышался хорошо знакомый скрип.

Кто-то, двигаясь нерешительно, шаркал к его двери. Двое. Остановились. Хейл нетерпеливо прислушался: отправятся ли неизвестные дальше. Но вместо этого до него донесся приглушенный взволнованный шепот.

Хейл подавил раздражение. Если бы он хотел разоблачить себя, то громко крикнул бы: «Я знаю, что это вы и ваша жена, Берк. Пришли, чтобы выставить меня. Имеете на то полное право, но так до сих пор и не решились. Не волнуйтесь, не тратьте напрасно время, изобретая хитроумные предлоги. Я так долго набирался мужества, чтобы оказаться в этом положении. Ведь вы не собираетесь подвести меня из-за внезапно вспыхнувшей жалости, не так ли? Ну, давайте, старички... я весь в нетерпении».

Естественно, он хранил молчание. Он хорошо знал, что может сорваться, несмотря на то, что годами тренировал себя. И все же не выдержал, он оторвал голову с горячей подушки. «Ну же! — возбужденно думал он. — Не заставляйте меня ждать!

Он впился взглядом в дверь, как будто мог скорее заставить ее распахнуться. «Почему они мешкают?» — спрашивал он себя. Ведь это их обязанность. Любой управляющий

давно бы прогнал его. Так и эти не должны обмануть его ожиданий.

Он просто соберется и уйдет. Возможно, возмутится ради приличия.

И все свершится. Он окажется на улице без единого гроша, не зная, как быть дальше: именно так, как он запланировал до мельчайших подробностей. Все, как он хотел и так отчаянно желал. И из-за этого он едва смог сдержаться.

Лестница заскрипела снова. «Ну же! Давайте! — мучительно молил он. — Только не передумайте! Умоляю, только не передумайте!»

Миссис Берк шарила в кармане передника, где хранила связки с ключами. Хейл слышал, как шуршит накрахмаленная ткань, приглушая металлический звон, слышал хриплое, аденоидное дыхание мистера Берка. Теперь жестокая консьержка искала на кольце нужный ключ. «С таким же успехом можно воспользоваться зубочисткой», — подумал Хейл. Владельцу дома было наплевать на сохранность имущества жильцов, он и не думал тратиться на хорошие замки.

И все же Хейл, так страстно жаждавший изгнания, был польщен нерешительностью парочки.

Обычно они не казались такими щепетильными, в противном случае не проработали бы здесь в течение двадцати пяти лет. Их поведение означало, что они испытывают к нему жалость. В другое время это открытие обрадовало бы Хейла, но сейчас, скорее, казалось помехой.

— Да что вы там возитесь, — прошипел он.

Замок вдруг щелкнул так громко, как будто и в самом деле служил надежной защитой. Открывшаяся дверь суетливо качнулась на хлипких петлях. Мистер и миссис Берк со скорбным видом проскользнули в темную убогую комнатку. Оба были похожи на участников траурной процессии, явившихся немного раньше, чем умер больной.

— Как... — миссис Берк запнулась. — Как ваши дела?

— Все хорошо, но с вами-то что произошло? — слабый голос Хейла повысился до легкой раздражительности. — Могли бы и пораньше прийти!

Берк словно только и ждал этого момента, чтобы открыть рот:

— Пришлось решать, как с вами быть, мистер Хейл! Выглядите вы хуже паршивой собаки. По справедливости, вам место в больнице...

— Эдгар! — оборвала его жена.

— Я знаю, это звучит неприятно, но я хочу, чтобы вы позволили мне вызвать неотложку. Это ничего не будет вам стоить, мистер Хейл. Вас устроят в благотворительной палате.

Миссис Берк кивнула:

— Мы не можем выставить вас на улицу в начале февраля. Все-таки вы из приличной семьи и не привыкли к холоду. Кроме того, вы на самом деле больны.

— Просто немного простудился, — возразил Хейл. — Пожалуйста, помогите мне спустить ноги с кровати. У меня самого не получается.

— Почему вы сопротивляетесь, мистер Хейл? — жалобно произнес Берк. — Молли, конечно, не возражает ухаживать за вами, но, черт возьми, она не сможет обеспечить вам тот же уход, как в больнице. Одно мгновение ока, и вы...

— Вы поможете мне спустить ноги, или я должен это сделать сам?!

— Хорошенькое дельце, — разочарованно проворчал Берк, — Вы что же, хотите, чтобы вас вышвырнули?

Он взял Хейла за ноги и развернул его. Усевшись, Хейл задумался. Неужели все так очевидно? Если Берк почувствовал его нетерпеливость, то и кто-нибудь другой сумеет.

— Да что вы, — вздохнул он, напустив на себя вид оскорбленной невинности. — Воспитание не позволяет. Если я не могу внести плату, значит, не имею права здесь оставаться. Но и рассчитывать на благотворительность не считаю для себя возможным.

Он убедился, что его ответ прозвучал достаточно разумно, временно остановив их уговоры. Решительно, насколько это получилось, Хейл поднялся. Кровь отхлынула от лица, колени подогнулись. Однако он успел схватиться за плечо Берка.

— Ох, ну не будьте же вы дураком! — взмолился тот.

Хейл справился с собой и покачал головой. Искушение было велико. Как никогда ранее, он по-настоящему нуждался в мягкой, чистой кровати, приличной еде и медицинском обслуживании.

Он заставил себя выпрямиться.

— Я в порядке! — он снял куртку пижамы, и та соскользнула на пол.

Миссис Берк пришла в замешательство, когда Хейл потянулся к брюкам, и поспешила выйти.

— Ну и куда вы пойдете? — все же не унимался Берк.

Хейл пожал плечами.

— У меня есть план.

Берк помог ему натянуть свитер.

— Да? И что это за план?

— Бизнес-план. Не думаю, что стоит рассказывать о нем прежде времени.

— Полагаю, вы просто рехнулись. Несете бред!

Наклонившись над обувью, Хейл внезапно замер. Берк говорил правду — он должен был признать.

Усмехнувшись над Берком, Хейл продолжил завязывать шнурки. Именно — бред! Он мысленно вернулся к своему недавнему прошлому, вспоминая, с какой методичностью разрабатывал план действий. Тщательно следуя ему, он бросил работу с доходом сорок долларов в неделю — очень хорошую работу, с шансом повышения зарплаты до шестидесяти долларов и с гарантированной пенсией в половину зарплаты. Его невеста, естественно, была возмущена. Но она доверяла его решению и готова была терпеть.

Любил ли он ее? Возможно, когда-то. По крайней мере, она привлекала его. Была мила собой. И хороша. Может быть, в этом проблема? Чересчур хороша. Такие, как она, того и гляди, заставят самому надеть хомут на шею. Ведь хорошему парню полагается хорошая девушка, хорошая работа, хорошее будущее, хороший дом, хорошие дети.

Но сущность Хейла не могла удовлетвориться такими простыми вещами. Все устремления его были нацелены на большее.

План Хейла был довольно хитроумным. Он собрал все свои сбережения и приобрел самые никчемные акции, какие мог найти. Некоторое время переживал, что ожидания обманут его. Но план сработал, и Хейл лишился своей доли еще до того, как акции могли бы начать расти. Его до сих пор бросало в пот, стоило вспомнить о том нервном времени.

Игра на бирже достигла двух главных целей: обременявшие его сбережения уплыли, а с ними ушла и Лоретта. Результат стоил беспокойства.

— У вас там все в порядке? — послышался за дверью голос миссис Берк.

— Да. Заходите! — бодро ответил Хейл.

С очевидным осуждением миссис Берк наблюдала за тем, как он натягивает пальто.

Прежде чем Хейл надел шляпу, она требовательно уставилась на мужа.

— Послушайте, мистер Хейл! — внезапно воскликнул Берк. — Мы, конечно, не миллионеры, но не настолько бессердечны!

Он протянул пятидолларовую банкноту. Это был тяжелый момент для Хейла. Вместо того чтобы добродетельно возразить, он, напротив, выудил из собственного кармана несколько последних монет, убрал пенс и протянул три оставшихся четвертака миссис Берк.

— Я знаю, это не возместит вам той заботы, с которой вы относились ко мне, — промямлил он. — Но, как только я окажусь в лучшем положении, я отплачу вам сполна. Пожалуйста, возьмите.

Миссис Берк разрыдалась в передник.

— Он сошел с ума! — заголосила она. — Семьдесят шесть центов — все, что у него есть, и с этим он собрался уходить! Я знаю, потому, что эту мелочь я сама отдала ему, когда покупала лекарства. И теперь он собирается вручить мне семьдесят пять центов, а себе оставить один только пенс!

Берк, потрясенный услышанным, решительно приблизился к Хейлу.

— Возьмите эти деньги! Вы не можете уйти без них!

— Пожалуйста, и не просите меня! — выдохнул Хейл, отступая. — Я не могу взять их. Они сделают меня несчастным.

Его безумный вид заставил миссис Берк оттащить мужа. Взгляд, с каким Хейл уставился на протянутую ему банкноту, был полон непритворного ужаса.

Берк с сожалением убрал деньги. Возникла неловкая пауза. Как бы ни хотелось Хейлу поскорее убраться, при всех

странностях его поведения он не был настолько бессердечным, чтобы сразу же ринуться прочь.

— Как же быть с вашими вещами? — плаксиво спросила миссис Берк.

— Что ж... Вы, конечно, удержите их. Я ведь не платил аренду.

Берк задохнулся от возмущения. В течение нескольких секунд он смотрел на Хейла в припадке уязвленной гордости, не скрывая своего негодования. В конце концов, он глубоко вздохнул.

— Ничего подобного я делать не собираюсь, — сурово произнес он.

— Но это ваше право удержать их, — возразил Хейл.

— Мне все равно. Я не стану этого делать.

Хейла охватили сомнения. Возможно, идея заболеть была не так хороша. Из-за нее возникало слишком много непредвиденных проблем вроде этой. Он-то рассчитывал, что управляющий любого доходного дома обязан конфисковать имущество за неуплату.

— Хорошо... — протянул он с надеждой. — А как насчет того, чтобы оставить вещи до того, пока я не смогу их выкупить?

— Выкупить? Ни в коем случае!

— Тогда пусть остаются, пока я не заберу их! — в отчаянии предложил Хейл. — У меня нет сил, чтобы заняться еще и перевозкой.

С сомнением глядя на него, Берк некоторое время колебался, но все же дал согласие.

— Конечно, о чем мы спорим! — заверила миссис Берк. — Если вам что-нибудь понадобится, приходите в любое время.

— Непременно. Будьте уверены. Это очень мило с вашей стороны.

Он двинулся к двери.

— В таком состоянии вы не сможете найти работу, — продолжал Берк.

Он взял Хейла за слабую руку и подвел к небольшому зеркалу, висевшему над шатким комодом.

— Сами посмотрите. Вы как будто из ада явились.

Хейлу хотелось торжествующе улыбнуться.

Его лицо выглядело даже лучше, чем он рассчитывал: заостренные скулы, впалые щеки; горящие лихорадкой глаза; кожа на высоком лбу туго обтягивала череп; большой нос горбинкой выступал над чернотой давно небритой щетины, сухие ломкие волосы сбились в пучки. Хейл кивнул отражению. «Превосходно», — подумал он.

— Вы можете воспользоваться моей бритвой, — предложил Берк.

Хейл невольно вздрогнул. Мрачная щетина казалась ему чем-то, что должно быть сохранено любой ценой.

— Нет, спасибо.

Он не мог больше рисковать, ожидая, что опять встретит какое-нибудь предложение помощи, которое теперь грозила высказать миссис Берк: губы ее взволнованно задрожали. Прежде чем она успела что-нибудь произнести, Хейл торопливо сдавил плечо Берка, чмокнул миссис Берк в щеку и поспешил прочь.

На улице к нему вернулась прежняя уверенность. Резкий ветер хлестал его. В кармане только семьдесят шесть центов, и никакого пристанища. Теперь-то он добьется успеха!

Глава 2

Хейл не намерен был стоять в нерешительности на продуваемой всеми ветрами улице. Еще даже не наступил полдень, а до конца дня он собирался твердо следовать разработанному плану.

Его коричневые спортивные туфли как будто весили тонну, так давно он не надевал их, тяжелое пальто давило на плечи. Он подозревал, что температура у него под сорок, но это не влияло на его решимость. Сунув руки в карманы пальто и нащупав охотничий кинжал в ножнах и пистолет, Хейл довольно улыбнулся.

Эти предметы имели для него особый смысл. В свое время он с заботой выбирал их. Впрочем, они требовались только для того, чтобы в нужное время послужить весомым аргументом.

Он дошел до Шестой Авеню и повернул к центру. На 59-й Стрит он встретил большую группу людей. Протиснулся сквозь толпу.

«Я не чувствую себя подавленным, — рассуждал он. — Не похож на неудачника».

Не все из тех, кто околачивался рядом с бюро по найму, выглядели потрепанными жизнью. Некоторые оказались не у дел совсем недавно. Они украдкой бросали взгляды на объявления и делали вид, будто им просто любопытно. Но были и другие, Хейл легко вычислял их, словно актер, изучающий характеры. Типичные завсегдатаи агентств — они имели нездоровый, грязный, голодный вид и приходили сюда, скорее по привычке, без особой надежды и с безразличием.

Хейлу хотелось быть похожим на них. Он придал себе такой же подавленный вид.

Надолго ли хватит его семидесяти шести центов? Десять на завтрак, пятнадцать на обед, четвертак на ужин — всего

пятьдесят. Плюс еще четвертак за ночлег. Он может протянуть целый день, и еще останется пенс в запасе. Что же потом? Он может поесть, поспать, а следующая ночь в метро превратит его простуду в пневмонию. Всплеск отчаяния, которым Хейл втайне наслаждался, охватил его.

Он проталкивался сквозь ряды мужчин, и взгляд его метался от одного объявления к другому.

Ничего подходящего. Одни промышленные специальности: механики, мотористы, нефтяники, инструментальщики, заводские и фабричные разнорабочие. Он устало поплелся к следующему агентству.

Помощники в ресторан: лоточники, 18$. Многовато. Мойщики посуды, цветные, 10$. Фармацевты содовой, с опытом, 18-22.50$.

По узкой темной лестнице он поднялся в огромную голую комнату с рядом шатких скамеек вдоль трех стен. В воздухе висело зловоние влажной гнили и застоявшегося запаха табачного дыма. Ничто не могло сравниться с таким сочетанием. Хейлу казалось, что ему не хватает воздуха.

Он робко приблизился к девушке, сидевшей за перегородкой.

— Какая работа? — пренебрежительно спросила та.

— Мойщик посуды.

Она бросила взгляд на список.

— Разве вы цветной?

— Н-нет. Но я могу мыть не хуже них.

— Сожалею, им нужны цветные мойщики.

— Я могу готовить содовую, — выдавил он осипшим голосом. — Может, не так хорошо, но...

— Сожалею, — сказала она равнодушно. — Все занято.

Он застегнул пальто и вышел, после чего мрачной тенью устало поплелся к следующему агентству.

Возможно, где-то за этими кварталами была работа, обещавшая надежду на еду и кров, но ее еще нужно отыскать.

Одно предложение его устроило — ночной портье за 12 долларов. Диспетчер прочла его заявку.

— Шесть долларов вперед, — деловито произнесла она.

У Хейла перехватило дыхание.

— Шесть долларов? За что?

— Половина нашей комиссии. Вторую половину оплатите, как только получите свою первую зарплату.

— Но у меня нет шести долларов! — возмутился он.

Не глядя, она бросила его заявление в корзину и обратила все внимание на следующего соискателя. Ошеломленный, Хейл вцепился в перила ограждения. Другие безработные смотрели на него без всякого интереса. Неужели они не понимают, черт бы их подрал, что нет никакой разницы, есть у тебя шесть долларов, или нет — они должны дать работу. Почему никто не протестует?

Но он, конечно, ничего не сказал. Все проглатывают это молча. Постоят какое-то время, пока на тебя не перестанут обращать взгляды, а затем устало, в точности так же как Хейл, продираются к выходу, не чувствуя лестницы под ногами и прелого запаха бюро по трудоустройству.

После полудня он чуть было не устроился учеником обивщика за восемь долларов в неделю без необходимости сразу платить агентству залог. Обивщик, правда, был не в восторге, когда узнал возраст Хейла — тридцать один год, и что у его нового ученика совсем нет опыта. Он едва сдерживал раздражение, глядя на неуклюжие попытки Хейла приспособить непослушные руки к непривычному ремеслу. Когда Хейл попросил взаймы пять долларов, мастер холодно отказал ему.

Хейл сказал, что уходит. Ничего другого ему не оставалось. Вся первая зарплата все равно досталась бы агентству, а на то, чтобы хоть как-то продержаться две недели, ему требовалось не меньше двенадцати долларов.

Обойщик лишь пожал плечами.

— Возможно, для вас это к лучшему. Все равно вы не сможете быстро научиться. Не ваша вина — просто вы уже стары для такой работы.

Хейл решил, что с него на сегодня хватит. Его ночным пристанищем стала ночлежка в Бауэри. Ему, возможно, хватило бы и на полутораспальную кровать где-нибудь на Шестой Авеню, но он решил, что ночлежка — это более трагично.

Он выбрал гамак вместо раскладушки. В его планы входила нищета, но отнюдь не паразиты. Он содрал наволочку с

подушки, которая оказалась не намного чище, а одеяло бросил на пол. Оно было засаленным и жутко воняло, как будто им пользовались еще при Вашингтоне, и с тех пор ни разу не стирали.

Он решил спать прямо в одежде и обуви, хоть это был не самый удобный способ лишить твидовые брюки последних складок.

Проснулся он поздно, измученный и продрогший. Большинство постояльцев уже ушли. Хейл задумался: должен ли он незамедлительно продолжать свой план? Несомненно, лучше повременить, все-таки у него оставалось всего сорок шесть центов, и совершенно очевидно, что, если уйти, придется потратить их все на еду. Он решил остаться.

Умылся под краном с холодной водой. Не стал пользоваться куском дешевого мыла, это было бы все равно что намыливать себя куском пемзы. Потянувшись рукой к одному из пяти отвратительных полотенец, предназначенных по крайней мере для шестидесяти человек, он передумал и решил, что обсохнет и так.

Он вымыл три стакана и фарфоровую чашку, наполнил их кипятком и растянулся на свободной раскладушке, целый день пробавляясь одной водой.

В полдень служитель потребовал десять центов. Вечером — еще столько же. Когда стемнело, начали возвращаться постояльцы. К тому времени Хейл провалился в глубокий болезненный сон.

Глава 3

Он придирчиво изучал свое отражение в зеркале, держащемся на стене на честном слове. Щетина немного закудрявилась, худое лицо потеряло лихорадочный румянец, а кожа оказалась на удивление холодной и влажной на ощупь. Но куда больше Хейл был доволен сохранностью костюма и пальто. Все-таки хорошо, что он решил спать в одежде.

Он съел завтрак за двадцать центов, после которого, как ему показалось, ощутил легкое недомогание. Вместо того чтобы пройти всего лишь квартал до метро, он отправился пешком через три станции, намеренно быстро, прекрасно зная, что такого темпа ему надолго не хватит.

Хейл даже обрадовался, когда окончательно выдохся: в этот момент он спускался по лестнице в метро и вынужден был схватиться за поручень, чтобы не упасть.

На 50-й Стрит он вышел. Оставшийся пенс в кармане вызывал некоторое беспокойство. «Но было бы неразумно потратить его на жвачку», — посчитал Хейл. Остаться всего с одним пенсом казалось чем-то символичным, и он решил сохранить его.

Когда он оказался на Мэдисон-Авеню, тот подавленный образ, который Хейл так старательно примерял на себя, слетел с него, подобно шелухе. Он вошел в великолепное офисное здание. Никто не остановил его, когда он решительно зашагал к лифту. Люди в таких местах слишком рафинированы, они только лишь отодвинулись от него и отвернулись, оберегая свое утонченное дыхание. Хейл невозмутимо окинул их взглядом и громким, решительным голосом назвал свой этаж.

В коридоре он остановился у двери с табличкой:

РЕКЛАМНОЕ АГЕНТСТВО
БАННЕР ИНКОРПОРЕЙТЕД
Юджин Ф. Баннер, Президент

В его поведении не было ни капли робости. Он только подержал ручку двери в течение нескольких секунд, решив, что должен вести себя, как положено агенту по продажам. После этого вошел.

И оказался в помпезно большой приемной, которая обстановкой отдаленно напоминала зал бюро по трудоустройству на Шестой Авеню, за исключением отсутствия грязи, дыма и зловония.

Девушка за селектором с услужливым видом повернулась к Хейлу. Его позабавила застывшая на ее лице улыбка.

— Да? — флегматично поинтересовалась она.

— Я хочу видеть мистера Баннера, — произнес он уверенно.

— Вам назначено?

— Мне это ни к чему.

Хейл дошел до перегородки, открыл дверку и направился к офису президента.

Секретарша взволновалась, и это мягко сказанно. Она вскочила с места и закричала испуганно:

— Вам нельзя туда!

— Если нельзя, пусть мистер Баннер сам об этом скажет, — не останавливаясь, произнес Хейл.

Он открыл дверь кабинета и вошел. Некому было остановить его. Да и кто решился бы. К подобному нахальству в таких заведениях просто не готовы.

Канцелярия президента выглядела внушительно. Просторное, тихое и светлое помещение, и обставлено со вкусом, но прежде всего обращал на себя внимание сам мистер Баннер. На его массивной лысой голове тонкой бахромой блистала седина, а рыхлое тело могло похвастать немалым размером. Пенсне торчало ровно на кончике его острого прямого носа, который будто прилепили промеж розовых гладких щек. Мистер Баннер величественно восседал в кресле, изучая какой-то документ.

Он, должно быть, услышал, что открылась дверь, и пошевелился. Мгновение спустя он с излишней педантичностью выровнял края листов и поднял взгляд.

Похоже, нервы мистера Баннера никуда не годились. Увидев перед собой Хейла, с решительным видом нависшего

над столом, он испуганно подпрыгнул на месте, грозя разломать собственное кресло.

Хейл равнодушно наблюдал за движениями президента.

С того места, куда Баннер благоразумно переместился, можно было без помех дотянуться до телефона, чтобы позвать на помощь, или устроить гонку вокруг стола к выходу.

— Что вам угодно? — потребовал ответа Баннер.

— Я хочу получить у вас работу! — с наглой уверенностью заявил Хейл. — Пока не женюсь на вашей дочери Глории.

Мистер Баннер удивленно вытаращился на него. Сумел, наконец, взять себя в руки.

— Глория сама заботится о себе, — бесстрастно возразил он, — Я стараюсь не вмешиваться в ее жизнь.

Хейл прекрасно понимал, что выглядит посмешищем.

— Это совсем не важно, — отмахнулся он. — Я еще не знаю Глорию, и только однажды видел ее фото в газетах. Но все равно уверен, что женюсь на ней. На мой взгляд, она довольно привлекательна, это факт. Я поработаю у вас, пока не узнаю ее получше.

Мистер Баннер неотрывно смотрел на лицо и одежду Хейла, который прекрасно знал, что обтрепавшиеся люди теряют уверенность и становятся покладистыми, если кто-то начинает вот так пристально изучать их внешность.

— Естественно, — невозмутимо продолжал Хейл, — я не намерен на этом останавливаться. Работа — это замечательно, но нужно расти дальше. С личным капиталом Глории, я надеюсь, мы сможем сопротивляться любым жизненным невзгодам. Через десять или двадцать лет, вы, конечно, не протянете дольше, ваши доходы перейдут ко мне. Это должно быть около полумиллиона в год. Да, примерно так.

Баннер медленно покачал головой, как будто с невинным изумлением.

— Я ничего не могу сказать за Глорию! — повторил он еще раз. — Ее личные дела меня вовсе не касаются.

Хейл рассудительно кивнул.

— Я сам об этом позабочусь. Я полагаю, работа — это именно то, что вы можете мне дать. Ну, так давайте, с этого и начнем...

— Послушайте! — возмутился Баннер, выходя из-за стола. — Вы нисколько не убедили меня. Я не идиот, ясно вам?

Все еще владея собой, Хейл не сдвинулся с места.

— Вы полагались на свою оригинальность! — отчитывал его Баннер. — Это принцип настоящего рекламного агента. Только вы неубедительны. В следующий раз подготовьтесь

тщательнее, мало отрастить недельную щетину, и не разговаривайте так литературно. Понимаете?

Хейл не понимал, но предпочел смолчать.

— Мне срочно нужен слоган для виски «Белый Слон»! — продолжал Баннер. Он схватил со стола макет и показал его Хейлу. — У меня готова реклама, но нет девиза! Можете придумать его прямо сейчас?!

Хейл в первый момент растерялся и отступил на шаг. Но тогда ведь придется признать, что он проиграл. Оставалось только блефовать. Он выпалил без особой надежды:

— Дерябни виски «Белый Слон» — тебе сразу понравится он!

Баннер провел пальцем по макету.

— Дерябни виски «Белый Слон», — он провел воображаемую линию сверху, затем внизу листа: — Тебе сразу понравится он! Недостаточно строго, но зато растягивать не нужно. Тебе сразу понравится он! Что ж, неплохо. Даже превосходно.

Баннер жестом показал Хейлу на одно из больших кожаных кресел, в другом расположился сам.

— Давайте посмотрим, как мы можем с этим поработать. Я чуть не увяз в этом мусоре, пока вы не вошли. У меня есть куча авторов, но все они уже иссякли, не могут подкинуть ни одной свежей идеи.

Хейл изучил макеты. Он высказал некоторые свои соображения, которые пришли на ум: короткие замечания потенциального покупателя.

Баннер перетасовал страницы, на сей раз без озабоченности в лице. Он постучал стопкой о столешницу, подобно игроку в покер, который выравнивает колоду карт. Вернувшись к столу, он сделал звонок секретарю.

— Хейл, — сказал Баннер с насмешливым порицанием, — я понял, что вы притворяетесь в ту же минуту, как вы вошли. Ни один бродяга, из тех, кто выглядит так же паршиво, как вы, не сумеет постоять за себя. Они всегда переминаются и скулят. Этого вы не учли. Но я скажу другое: вы чертовски умны! Своим притворством вы бросили мне вызов, а я это люблю. Вероятно, никто лучше меня не может оценить человека. Сказать вам, как я понял, что вы не настоящий голодранец? Подошвы вашей обуви совсем не изношены!

Хейл широко улыбнулся, посчитав, что это польстит Баннеру, который, разумеется, не мог разглядеть его подошвы до тех пор, пока не предложил ему сесть.

Баннер продолжал:

— Я ничего не могу сказать за свою дочь. Но я дам вам работу. Пятьдесят долларов в неделю. И это для начала.

Не пряча улыбку, Хейл покачал головой.

— Мне нужно сто тысяч в год.

Баннер закашлялся от смеха.

— Должен признать, своей вопиющей наглостью вы совершенно поражаете меня. Полагаю, я и без того очень добр к вам. Пять тысяч в год! И это окончательное решение.

— Сто тысяч.

Неисчезающий оскал Хейла начал раздражать Баннера.

— Вы что, серьезно? Не сходите с ума. Я признаю дерзость, но это уже безрассудство. Десять тысяч.

Хейл только собрался что-то сказать в ответ, как в офис вдруг вошел человек.

— Мейсон! — бросил коротко Баннер. — Это Хейл!

— Здравствуйте, мистер Хейл, — неуверенно произнес Мейсон. Он замялся и сделал неопределенные движения рукой, как будто не мог решиться протянуть ее для пожатия.

— Я только что нанял Хейла, — продолжал Баннер. — Выдайте ему пятьдесят долларов в счет зарплаты. Поручите его моему парикмахеру и портному тоже, пусть поработают над ним. Еще бы неплохо отправить его в баню и к массажисту в мой салон. А вы, Хейл, сегодня можете отдыхать. Подыщите себе квартиру поприличнее. Жду вас завтра в десять. Нет, лучше приходите сегодня перед закрытием, скажем, в четыре. Это все.

Хейл небрежно напялил свою поношенную шляпу.

— Вы проницательный и волевой человек, мистер Баннер. Но я возьму над вами верх.

— Попробуйте, — уверенно хмыкнул Баннер. — Будете первым.

Без очевидной холодности, но в то же время сохраняя дистанцию, как будто они случайно оказались на одном и том же пути, Мейсон вывел Хейла из офиса.

Глава 4

В одиночестве Хейл прогуливался вдоль Парк-Авеню. Он старался не замечать безупречной чистоты своей одежды. Она служила ему всего лишь подспорьем в деле, как пистолет и кинжал, которые перекочевали в карманы нового пальто. Он еще на шаг продвинулся в своей цели, но ошибочно было бы считать, что на этом его устремления закончатся. Работа с доходом десять тысяч в год и новая одежда были для него не более важны, чем та щетина, которую он позволил себе отрастить, или сутки, проведенные в ночлежке. Всего лишь необходимые части плана.

Он остановился у высокого, кремового цвета, безукоризненно выглядевшего жилого дома и разыскал агента по аренде, которым оказалась молодая женщина, преисполненная восторженного рвения.

— Что-нибудь не слишком показное, — рассудила она, оценив его внешний вид. — Не слишком помпезное.

— Напротив, — мягко возразил он. — Чем больше, тем лучше. Весь этаж. Я бы предпочел пентхаус.

— У меня есть именно то, что вам нужно! Верхний этаж свободен. Удачно, не правда ли? Увидите, вам понравится! Это просто восхитительно!

По первому впечатлению, апартаменты оказались слишком большими, чтобы считаться восхитительным приобретением. Они включали в себя помещения для слуг, солярий и тренажерный зал, всего двадцать девять комнат.

— Неплохо, — вяло проговорил он. — Думаю, сойдет.

— Замечательно, — агент лучилась радостью. — Я знала, что вам понравится. Как видите, здесь отличный обзор! — Она вывела его на террасу. — Сегодня не очень ясно, но когда нет дымки, открывается замечательный вид, можно разглядеть Нью-Джерси, Лонг-Айленд и даже Бронкс, — закончила

она, выдохшись. — Я уверена, вы будете безумно счастливы здесь. Когда бы вы хотели занять квартиру?

— Немедленно. Мне доставят мебель. Вы, конечно, проследите за ее расстановкой?

— Разумеется! Я просто обожаю расставлять мебель!

— Когда прибудет моя машина, пусть ждет у подъезда. Покажете шоферу его комнату. Слуги прибудут в ближайшее время. Кто-нибудь из них попросит у вас план этажа. Предоставьте. Полагаю, пока это все.

Она в нерешительности замялась.

— Мистер Хейл, я не знаю, как бы это лучше сказать...

Он холодно посмотрел на нее. Когда агент окончательно пришла в смущение, Хейл сказал:

— Конечно, деньги! Мой секретарь позаботится об этом. Вы можете позвонить в офис агентства Баннера, навести справки.

— О, я надеюсь, вы не возражаете? Это пустая формальность. Вы, конечно, понимаете меня, мистер Хейл?..

Темно-бордовый автомобиль, бесконечно длинный и сверкающий глянцем, притягивал взгляды со всей Парк-Авеню. Хейл зашел в салон и сказал продавцу, что хочет именно эту машину.

— Замечательный выбор, мистер! — уверил его тот. — Мы можем сделать для вас срочную доставку. Три недели.

— Не имею привычки ждать, — холодно ответил Хейл. — Я хочу именно эту машину. Именно сейчас.

— Но так не делается, — пробормотал продавец.

— Меня это не заботит. Я возьму эту машину, как только вы сможете снять ее с витрины.

— Я должен поговорить с управляющим.

— И скажите ему, — строго напутствовал Хейл, — что я плачу наличными.

Пока продавец испуганно объяснялся с управляющим, Хейл с равнодушием разглядывал автомобиль. Наконец, подошел главный менеджер.

— Мы рады будем продать вам выставочный экземпляр! Конечно, потребуется примерно час, чтобы выкатить его. Будем считать, что он был заказан именно для вас. Вас это устроит?

— Вполне, — кивнул Хейл без особого воодушевления.

— Вы говорили о наличных, сэр...

— Разумеется. Мой секретарь уладит все детали. Вы можете обратиться в агентство Баннера.

— Баннера? Уверен, что все в порядке. Но, вы понимаете, я должен сделать звонок. Это обычная процедура.

Мгновение спустя он заговорил по телефону, извиваясь в почтительности перед невидимым собеседником и радостно кивая.

— Все будет улажено, мистер Хейл! — сияя, доложил он. — Мистер Баннер хотел бы переговорить с вами.

Хейл подошел к телефону.

— Привет!

— Что, черт возьми, вы вытворяете, Хейл? — кричал из трубки Баннер. — Сначала я получаю запрос от домовладельца на Парк-Авеню о вашей платежеспособности, теперь требование на автомобиль! Только вот что — вы еще не заработали ста тысяч, и вы это знаете! У вас, конечно, светлая голова, но не стоит ли подумать о том, чтобы жить по средствам?

— Я все понимаю, — вежливо ответил Хейл. — Я справлюсь с этим. Не беспокойтесь за меня, мистер Баннер.

— Ну, если вы считаете, что поступаете верно... — с сомнением проговорил Баннер. — Дьявол! Конечно, вы сами знаете, что делаете. Только не перегибайте палку. Даю добро.

Хейл повесил трубку. Отдав распоряжение насчет шофера, он покинул салон. Менеджер и продавец проводили его подобострастными взглядами...

Вскоре Хейл пришел к выводу, что, помимо одежды и работы, настоящий секрет его успеха заключался в манере держать себя. Например, чем больше слуг он затребовал, тем меньше сомнений в его финансовом положении возникло у заведующей бюро по трудоустройству. Надо было лишь смотреть на нее равнодушно и холодно, и говорить примерно так, как это процедил Хейл:

— Мне нужен полный штат обслуги на двадцать девять комнат. Шофер уже нанят. Выбор остальных я доверяю вам.

И вот уже она кричит самозабвенно:

— Да, сэр! У нас работники только с самыми лучшими рекомендациями!

— Великолепно, — отвечал он равнодушно. — Из тех, кто должен быть особенно безупречен, я требую шеф-повара — у меня будут приемы, а также дворецкого и камердинера. Они должны быть самыми квалифицированными, какие только у вас найдутся.

С проворством воробья она выскочила в приемную и тут же ввела двух мужчин в строгих черных костюмах, с такими же, под стать одежде, строгими манерами и выраженным лондонским акцентом. Представила их как Каммингса, дворецкого, и Гамильтона, камердинера.

— Я уверена, вы будете полностью удовлетворены, мистер Хейл.

— Не сомневаюсь, — сухо ответил Хейл.

Он написал на карточке адрес и дал его Каммингсу.

— Потребуйте у агента план здания. Найдите, где предлагают первоклассную мебель и возьмите все, что необходимо для каждой комнаты. Настаивайте на выставочных образцах. Я не могу ждать, пока делается заказ. Однако если мне не понравится то, что вы приобретете, придется вернуть и выбрать что-то более подходящее. Я хочу, чтобы все было сделано к пяти часам. У вас в запасе чуть меньше трех часов. Этого достаточно.

— Слушаюсь, сэр! — гаркнул Каммингс.

Его лицо с застывшим выражением демонстрировало самую искреннюю готовность к услужению, какую, видимо, он способен был изобразить. Хейл обнаружил, что наделить кого-либо полномочиями — верный способ заставить их не думать о деньгах.

— Как я должен совершить оплату, сэр?

— Мой секретарь об этом позаботится. Вы, Гамильтон, уладите вопросы с газовой и электрической компаниями.

Он вытащил из кармана то, что осталось от пятидесяти долларов, пересчитал и попросил заведующую бюро заменить долларовую банкноту. У него по-прежнему оставался тот самый пенс, к которому он добавил три четвертака, а остальные деньги вручил Гамильтону.

— Это все, что у меня при себе. Считайте это задатком.

Гамильтон без сомнений принял наличность.

— Что-нибудь еще, сэр?

— Конечно, нет. Как только прибудете на место, адрес я дал Каммингсу, закажите еду. Пусть повар приготовит обед к семи тридцати, любое его фирменное блюдо. К тому моменту, я надеюсь, вся обстановка будет готова...

Оставшееся время он провел в неспешной прогулке. Было четыре часа с минутами, когда Хейл вернулся к своему дому. Он увидел автомобиль, стоявший у тротуара, и вызвал шофера вниз.

— Северный берег Лонг-Айленда. Спланируйте поездку так, чтобы нам вернуться в семь.

Хейл развалился на диване, но плавный ход автомобиля и роскошность обивки как будто не впечатляли его. Они величественно проследовали через мост Куинсборо. День терял свою унылую яркость, над городом растекалась темнота. Ехали в полной тишине, шофер несколько раз бросал взгляд на часы в приборной доске. Наконец, он так же молча развернул машину и направился обратно в Нью-Йорк.

Ровно в семь, оставшись равнодушным к поездке, Хейл переступил через порог своего нового дома. Дворецкий следовал за ним на почтительном расстоянии, полный чувства собственного достоинства и гордости за оперативно проделанную работу.

— Молодец, — произнес Хейл таким тоном, будто хвалил умную собаку. — Сомневаюсь, что можно к чему-либо придраться.

— Рад, что вам понравилось, сэр, — ответил Каммингс со сдержанным удовольствием.

Появился Гамильтон.

— Не желаете переодеться к обеду, сэр? Я только не смог найти ваш платяной шкаф.

— Не сейчас, Гамильтон. Еще не все устроено.

— Позвольте, сэр, — объявил Каммингс, — повар сообщил, что обед готов. Он приготовил мясо черепахи. Это его знаменитое блюдо. Сам сэр Астор восторгался им.

Хейл занял место за огромным столом.

— А, мясо черепахи. Замечательно. Но я не хочу ни напитков, ни закусок. Только лишь большой стакан томатного сока.

Ему подали сок. Каммингс был поражен, когда через мгновение Хейл вышел из-за стола.

— Разве вы не собираетесь закончить ваш ужин, сэр? — с беспокойством спросил он.

— Нет, пожалуй. Мне хочется прогуляться. Что-то нет аппетита.

— Волнение от переезда, это обычное дело, сэр! — поддакнул Каммингс, как будто с заранее припасенным сочувствием. — Подать автомобиль?

— Нет. Только мое пальто и шляпу. Возможно, я нагуляю аппетит.

— Да, сэр! Уверен, так и будет.

«Все-то он знает», — подумал про себя Хейл. Каждый готов был предвидеть его малейшие желания.

Гамильтон помог ему надеть пальто. Лифт уже был вызван.

Хейл вышел на улицу и направился на восток к линии Лексингтон, где спустился в метро. Если бы он позволил себе хоть какие-то эмоции, то первым делом, наверное, пожалел бы о том, что отказался провести ночь в мягкой постели. Но он и не думал об этом. Его больше заботило, чтобы ломбарды в Бауэри работали в этот поздний час.

Они оказались открыты. Хейл вошел в ближайший ломбард.

— Я хочу обменять всю свою одежду, — сказал он владельцу.

Тот подозрительно посмотрел на него.

— Снимите пальто, — сказал он недружелюбно, после чего обошел вокруг Хейла, изучая костюм. — Никаких пятен крови?

— Пятен крови? — удивился Хейл. — Конечно, нет.

— Хорошо, вам решать, мистер. Если хотите полностью сменить экипировку, я не возражаю. Валяйте, берите, что понравится.

Хейл, не придираясь, быстро выбрал себе костюм, шляпу и пальто. Когда он вновь показался перед владельцем ломбарда, тот, при всей его грабительской натуре, даже усовестился.

— Вы могли бы выбрать что-нибудь и получше.

— Нет, не нужно, — решительно объявил Хейл. — Но, если можно, я бы хотел получить разницу в цене.

— Кхм! — крякнул ростовщик, спрятав руки за спину. — И сколько?

— Доллар с четвертью.

— Ха? — удивленно воскликнул ростовщик, будто ослышался. Он тут же проворно вытащил из кассы, спрятанной под стойкой, доллар и четвертак, и недоверчиво наблюдал, как Хейл прячет деньги.

— Приходите снова, мистер! — сказал он, когда Хейл повернулся к выходу.

— Вряд ли. Скажите, где я могу подать объявление в газету? Где-нибудь поближе.

— В кондитерской на углу. Лучше поспешите. Если повезет, можете успеть в утреннюю газету.

Хейлу показалось, что ростовщик говорит с каким-то придыханием, как будто беспокоится о том, как бы сумасшедший клиент не переиграл все обратно. Он усмехнулся: это бы ему и в голову не пришло.

В кондитерской он попросил бланк и карандаш.

— Вам уже не успеть в утренний номер, — предупредил старик-хозяин, — Объявление теперь выйдет только вечером.

— Хорошо. Пусть это будет «Глоуб».

Он написал:

Никому, кроме Люцифера.
Из всех обитателей Ада никто, кроме Люцифера и меня, не знает, что Ад — это Ад.

Уильям Хейл.

Престарелый хозяин кондитерской стал считать слова, запнулся на середине и поглядел на Хейла, после чего начал заново. Подытожив, он объявил цену:

— Доллар с четвертью.

— Знаю, — ответил Хейл. — Я подсчитал это давным-давно.

Он вышел, улыбаясь, и направился к ночлежке. Это был заключительный шаг его плана. Все, что он делал до сих пор, должно было завершиться этим объявлением.

Глава 5

Помещение, в котором оказался Хейл, поразило его. То, что он увидел, совершенно не совпадало с его ожиданиями. Он представлял себе мрачное, с прячущимися в углах тенями, пространство, пропитанное тяжелым запахом смерти. И, разумеется, здесь должна была быть единственная персона: полная жестокой решимости худощавая фигура в черном облачении — существо, чей пронзительный взгляд умеет проникнуть в самые потайные уголки разума, чей рот всегда искривлен в презрительной усмешке.

Однако из шаткого лифта Хейл ступил в обычный лофт[17]. Огромный, как все помещения, расположенные под самой крышей. Здесь было светло, оглушительно шумно и полным-полно усердно работающих мужчин и женщин. Некрашеный пол сбит из грубых досок. Повсюду, насколько хватало взгляда, конторские служащие что-то печатали, считали на арифмометрах, суетливо бегали между сотнями стальных ящиков для хранения документов. Впервые Хейл почувствовал себя неуверенно. Он решил, что кто-то по ошибке ответил на его объявление, несмотря на то, что оно было адресовано, с подчеркнутой строгостью, одному единственному лицу. И никому другому не имело смысла отвечать на него.

Он приблизился к опутанной проводами телефонистке.

— Вы ответили на мое объявление в «Глоуб».

— Алло! — говорила та в трубку. — Офис Александра П. Джонсона... Я сожалею, мистер Джонсон сейчас очень занят. Я соединю вас с одним из его помощников.

— Меня зовут Уильям Хейл! — сказал он громче.

— Алло, Финчли? Мистер Джонсон все еще интересуется случаем Остермана... Он знает, что тот совершил самоубийство.

[17] Лофт (чердак) — в 30-40-х годах в США самое дешевое жилье или рабочие помещения, расположеные в бывших фабриках, складах, мастерских или на чердаках зданий.

Ему требуется вся информация об их финансовом положении, и что они собираются делать с дочерью... Давай, до связи!..

Хейл протянул вырезку из газеты и потряс ею, пока глаза телефонистки не сосредоточились на нем.

— Мистер Джонсон принимает там! — отчеканила она. — Комната в самом конце.

Она показала на дощатое ограждение в противоположной стороне чердака и продолжила разговоры по телефону, то и дело выдергивая и вставляя штепселя коммутатора.

Хейл с объявлением в руках шагал меж рядами столов. Никто не обращал на него внимания. Все были невероятно заняты. Он озадаченно покачал головой, еще более убеждаясь, что оказался здесь по ошибке.

Он постучал в дверь с табличкой:

АЛЕКСАНДР П. ДЖОНСОН

Так просто, как будто каждому должно быть известно, кто же такой этот Александр П. Джонсон.

Энергичный деловой голос пригласил его войти.

Александр П. Джонсон сидел за рассохшимся, заваленным бумагами столом. В его изолированную комнату почти не проникал шум.

Хейл подозрительно изучал светлые голубые глаза, которыми Александр П. Джонсон уставился на посетителя. Этот человек — и есть его цель? Вот этот пухленький розовощекий Бэббит[18] с круглым, как тыква, лицом, который заправляет необъятным бюро газетных вырезок[19]?

Джонсон поприветствовал его с безупречно выработанным добродушием:

— Здравствуйте. Вы ко мне?

Быстрым жестом он снял очки.

— Я поместил объявление в «Глоуб» несколько дней назад, — начал Хейл. — Оно адресовано никому, кроме Люцифера. Вы ответили на него.

[18] Бэббит — герой одноименного романа Синклера Льюиса (1922), классический литературный образ обывателя.

[19] Бюро газетных вырезок — специализированное бюро, где собирались публикации (вырезки) из газет и журналов. Здесь можно было заказать подборку информации на любую тематику. Такие бюро пользовались большим спросом в конце XIX, начале XX веков.

— Я? — дужками своих очков Джонсон почесал в седых редких волосах, сквозь которые слегка просвечивал розовый скальп. — Я могу видеть объявление с ответом?

Хейл положил вырезку на стол. Джонсон надел очки и прочел вслух:

— *УИЛЬЯМУ ХЕЙЛУ: Мое детективное агентство и бюро газетных вырезок будут иметь честь оказать вам неоценимую помощь. Консультации в любое время. Никаких обязательств. АЛЕКСАНДР П. ДЖОНСОН.*

Джонсон на время задумался.

— Я, кажется, не помню такого. Что было в вашем объявлении?

— Никому, кроме Люцифера. Из всех обитателей Ада, никто кроме Люцифера и меня, не знает, что Ад — это Ад.

— Теперь понимаю! — Джонсон широко улыбнулся. — Один из моих помощников, должно быть, ответил на него. Мы часто отвечаем на зашифрованные сообщения, даже непонятно кому адресованные. Стоимость небольшая, но один удачный отклик окупает все затраты.

Хейл внимательно смотрел на совершенно непримечательное круглое лицо Джонсона. Его чувства расходились с логикой. Однако, во всем доверяя ей вплоть до настоящего времени, он и теперь не видел причины менять свои планы.

— Вы не убедили меня, Люцифер!

Джонсон поднял голову.

— Что?.. Что вы имеете в виду?

— Я вам сейчас объясню, что я имею в виду. Мое объявление не было адресовано никому другому. Оно не задавало вопроса и не требовало ответа. Ни у кого, кроме Люцифера, не должно было возникнуть ни малейшего интереса к нему. В вашем детективном агентстве должны понимать, что я обращался не ко всякому, и у вашего бюро вырезок тоже не было оснований считать иначе.

— Ответ на тайные объявления — это обычная практика для моего бюро...

Хейл навис над столом.

— Вы — Люцифер!

Джонсон выглядел напуганным.

— Вы в самом деле так серьезно воспринимаете эту бессмыслицу? Пожалуйста, мистер Хейл... если я оскорбил вас, ответив на ваше объявление, прошу вас, примите мои извинения...

Хейл подтащил стоявший позади него деревянный стул и сел.

— Вы умны, Люцифер. Но я отлично разбираюсь в ваших делах, чтобы позволить себя одурачить. Мне стыдно признаться, что я представлял вас высоким, зловещим, в черной накидке, с рожками, копытами и так далее. Это было бы слишком нелепо и театрально. Теперь я совершенно уверен, что ошибался.

Джонсон потянулся к панели с кнопками.

— Мистер, Хейл, — сказал он с возмущением. — Я сожалею, но если вы будете упорствовать в своем безумии, я должен буду обратиться за помощью!

Хейл схватил Джонсона за толстое запястье. Джонсон вскрикнул, его пухлая белая рука покраснела.

— Пусть я рискую превратиться в дым, — проскрежетал Хейл, — но вы никому не позвоните.

— Я не буду звонить, только отпустите мою руку.

Хейл освободил его. Он был слегка потрясен контактом с теплой, мягкой плотью. Рука, разумеется, принадлежала мужчине в возрасте, бизнесмену далеко не атлетического сложения, между тем как Хейл думал, что запястье окажется лишенным человеческой теплоты и чудовищно крепким.

— Я начну издалека, — сказал он, откинувшись на стул. — Несколько писателей дали мне подсказку, но всегда было что-то странное и принужденное в том, что они не стали развивать свои размышления дальше. Арнольд Беннет[20] был главным источником. Вы, должно быть, полагаете, что я нашел истину в манускриптах старых алхимиков, не так ли? Но эти старики сами запутались в мистических лабиринтах своих нелепых заклинаний и заговоров. Нет нужды объяснять это вам. Ведь вы сами прекрасно это знаете, лучше, чем кто-либо, — добавил Хейл.

Джонсон неловко заерзал на месте. Его затравленный взгляд то следил за жесткими глазами Хейла, то разглядывал отчетливые выпуклости карманов пальто посетителя.

[20] Арнольд Беннет (1867 — 1931), английский писатель, драматург.

— Беннет вел дневник. И однажды, без какой-либо связи, он изрек: «Из всех обитателей преисподней, никто, кроме Люцифера, не знает, что Ад — это Ад». Сказал просто так, без объяснения — случайная мысль, лежащая на поверхности! Но что-то удержало его от дальнейшего развития этой мысли, и, как я предполагаю, убило его вскоре, дабы он больше об этом не размышлял. Это сделали вы! Цитата ничего не объясняет сама по себе, но она подразумевает, что проклятые сами не знают, что пребывают в Аду. Они считают, что находятся где-то в другом месте. Где? На первых порах я этого не знал. Бернард Шоу дал мне другую подсказку. Он сказал: «Если в других мирах есть жизнь, то Земля — их Ад». Вы не убили его, но, так или иначе, он не стал развивать эту мысль... Тогда у меня возникли предположения, — продолжал Хейл, — и я нуждался в доказательствах. Самого себя я использовал в качестве подопытного кролика. Я превратился в больного, одинокого бедняка, не имеющего возможности платить за съемную комнату, из которой хотел бежать, чтобы оказаться без крыши над головой посреди зимы. Управляющий и его жена пытались удержать меня. Если бы я захотел, они поместили бы меня в больницу, с бесплатной едой, кроватью и лекарствами. Они дали бы мне денег и даже позволили бы отсрочить платеж за комнату. Но все, кто жил в доходных домах, прекрасно знают, что домоуправители — совершенно черствые люди. Они не боятся выселить больного человека, когда ему страшно за свою судьбу и некуда идти. И вдруг вы встречаете совершенно противоположное отношение, чем то, которое, как вам кажется, должны ожидать. Затем я направился на биржу труда, где честно пытался получить работу, независимо от того, что это за работа и сколько за нее платят. Были хорошие места. И зарплата достаточная, чтобы хватало на жизнь. Но я не подходил. От меня требовали взноса, но у меня не было денег. Я все-таки исхитрился получить от агента работу за восемь долларов в неделю без внесения залога. Но прогадал. Условия не позволили мне там надолго задержаться, и снова пришлось вернуться на улицу. Таким образом, я очутился в ночлежке, которая, позвольте мне это сравнение, весьма напоминала ад. После этого я отправился искать работу за

сто тысяч долларов в год. На сей раз я действовал окольным путем. Будучи похожим на бродягу, я разыграл комедию, изобразив, что желаю не столько работу, сколько заполучить в жены дочь босса. По идее, хозяин должен был вышвырнуть меня как отъявленного наглеца. Однако вместо этого он нанял меня, хотя я совершенно непригоден для той работы. Мне нужно объяснять, почему не годен? Я до сих пор не понимаю, с чего он посчитал меня гением рекламного бизнеса, если я в этом ни черта не смыслю? Затем, не потратив ни цента, я в один день приобрел огромную квартиру, множество слуг и роскошный автомобиль. Я не испытывал в этом особой необходимости... по крайней мере, на тот момент. Чтобы доказать, как мало меня это заботило, я оставил все и даже заложил свою новую одежду, чтобы заплатить за объявление, хотя я мог бы добавить эти деньги к своим последним семидесяти шести центам. Из всего этого следует, что если вы хотите чего-то достаточно сильно, вы сможете получить все. Но не станете счастливым. На это может потребоваться практически вся ваша жизнь, и однажды, как это бывает, наступит момент, когда цель перестанет вас радовать или превратится в обузу.

Джонсон все еще со страхом смотрел на выпуклые карманы, в которых Хейл прятал руки.

— Я уверен, что все это очень интересно. Но я не понимаю...

— Да нет, понимаете, — Хейл усмехнулся. — Отцы-основатели были гораздо практичнее, чем средневековые маги. Что говорит Декларация Независимости?.. Она дает нам неотъемлемое право «на поиск счастья». Они прекрасно давали себе отчет, объявляя это право, поскольку знали, что только погоня за счастьем и возможна. Но древние греки были теми, кто действительно хорошо знал жизнь. Вместо наивных представлений о горящей сере, летучих мышах и вечного перелопачивания угля, они изображали Ад как место душевных мук. Вспомните Сизифа, вечно толкающего в гору свой валун. Когда у него кончаются силы, валун катится вниз, и все приходится начинать сначала. Но нет никакой вершины горы. Только Сизиф не знает об этом. И при этом не думает о том, что случится, если он и в самом деле

доберется до несуществующей вершины. В реальной жизни некоему Сизифу иногда удается взгромоздить свой валун на вершину какого-нибудь холма. Тогда он или понимает, что напрасно тратил силы, или, что еще хуже, видит другие вершины, холмы гораздо круче, с еще более внушительными валунами. Уж там-то, он думает, конечно, ждет его успех. Да! Но есть и Тантал, голодный, умирающий от жажды, он стоит по горло в прохладной чистой воде, а над ним нависают ветви с великолепными плодами. Он наклоняется, чтобы попить, а вода утекает. Он тянется к гроздьям фруктов, но

те поднимаются так высоко, что невозможно дотянуться. Иногда он почти касается их, и это становится пыткой. Наконец, когда он уже достаточно близок к смерти, удача приходит к нему! Но сорванный плод, разумеется, оказывается сухим и безвкусным,

Джонсон с минуту нервно теребил стопку бумаг.

— И как это все касается меня? — спросил он.

— Ну, вы должны понимать аналогию. Все мы страдаем подобно Сизифу и Танталу, или от бессмысленности успеха, или от его недостижимости. Короче говоря, та земля, на которой мы живем, — это Ад. Нам не нужно умирать, мы уже там. Я не знаю, за какие выдающиеся грехи дается такое жестокое наказание. Все, что я знаю, так это то, что если это Ад, то чертовски эффективный. С момента нашего рождения и до самой смерти мы обречены на невыносимые физические и душевные страдания, но больше всего — от чрезвычайно изобретательных, психологических мук. Например, когда мы молоды, у нас хватает здоровья, силы и остроты чувств. Но нам недостает умения распорядиться ими должным образом. К тому времени, когда мы начинаем что-то понимать, мы стареем и теряем то, чем обладали, досадуя, что опыт приходит слишком поздно. Слишком поздно — и нет никакой возможности повернуть все вспять, с каждым прожитым днем мы становимся все старше и слабее, пока не умираем. И все же продолжаем цепляться за жизнь.

— Это самая страшная психологическая пытка из всех, — продолжил Хейл. — Инстинкт самосохранения, стремление жить любой ценой, независимо от того, сколько нам дано страдать или сколько это может продолжаться, пока мы живем.

Джонсон покачал головой.

— Всегда есть надежда, — возвышенно сказал он.

— Верно! Прямо в точку. Всегда есть лучик надежды. Пусть череда неудач, но ведь рано или поздно она прекратится, не так ли? Затем этот безмерный оптимизм сменяется безнадежным чаянием, что, возможно, все рассосется само собой, в конце концов. Даже если этого не происходит, мы продолжаем надеяться. Если наши ожидания не оправдываются, мы верим, что уж в следующий-то раз удача нам

улыбнется. Таким образом, упорствуя в своих стараниях, мы получаем одни разочарования. Нефтяной магнат надеялся прожить сто лет, но умер, даже не дотянув до этого срока. Алюминиевый магнат оставил дела в семьдесят, быстренько накатал мемуары, вмиг разорился, а затем сидел на паперти больше двадцати лет, с надеждой ожидая смерти. Славно, не так ли? Замечательное изобретение Люцифера.

— Я все-таки не понимаю, при чем здесь я?

— Разве? Ад столь же нуждается в организационном гении, как и все прочее. Ничто не может вертеться само по себе без хорошего администратора.

В ответ на улыбку Хейла Джонсон скривился так, словно у него разболелись зубы.

— И вы думаете, что я — администратор, да?

— Я не думаю. Я знаю, что вы — Люцифер!

Джонсон вновь испуганно замолчал.

— Вы не отрицаете этого, ведь так? — потребовал ответа Хейл.

— Я отрицал бы, если бы вы не были безумны, — мучительно выдавил Джонсон. — Да... Разумеется, я отрицаю!

— На этот случай я подготовился особо, — спокойно произнес Хейл.

Медленно поднимаясь, он достал пистолет. Джонсон в панике вскочил и попытался спрятаться, но стул заклинило между стеной и столом. Он оказался в ловушке.

— Нет! Не делайте этого! Пожалуйста!..

Хейл прицелился в белую, раскачивающуюся перед ним голову. Невозможно было бы промахнуться. И он неизбежно снес бы Джонсону череп, если бы безупречно вычищенный и смазанный механизм не дал осечку.

Хейл осклабился и швырнул пистолет в сторону.

— Я был готов и к этому! Теперь остается только убедиться, что это не досадная случайность! — крикнул он, выхватывая охотничий кинжал.

Он казался совершенно спокойным, когда перегнулся через стол, чтобы дотянуться до отчаянно визжавшего Джонсона. Держа кинжал в левой руке, правой Хейл пытался вытащить лезвие. Он проделал с дюжину попыток, но клинок словно застрял в ножнах.

Только, чтобы окончательно убедиться, Хейл еще раз дернул изо всех сил, подозревая, что и сейчас лезвие не обнажится. Так и случилось. С усмешкой он бросил кинжал на пол.

— Вот! — воскликнул он. — Вот — мое доказательство! Никогда прежде оружие не давало осечку. Предохранитель здесь ни при чем. Этот пистолет мог выстрелить, стоило только лишь подуть на спусковой крючок. А кто-нибудь когда-нибудь слышал о кинжалах, застревающих в ножнах?

Александр П. Джонсон выпрямился. Он так широко и белозубо заулыбался, что вокруг его рта образовались глубокие складки.

— Я признаю, — произнес он голосом доброжелательного дельца. — Я Люцифер. Что вам угодно, молодой человек?

— Все очень просто. Я хочу войти с вами в долю!

Глава 6

Люцифер сел, смеясь. Отнюдь не по-дьявольски громогласно; напротив, он сдержанно хихикал, как будто его просто развеселила шутка, произнесенная за деловым обедом.

— Я должен отдать вам должное, — восстановив дыхание, объявил он, — У вас действительно крепкие нервы.

— Почему?

— Явиться к Люциферу с предложением подобного рода! Вы знаете, кто я, и все же смеете просить меня войти с вами в долю. Слепое безумное удальство...

— Вовсе нет! — самодовольно усмехнулся Хейл. — Я — рука, держащая кнут, Люцифер. Если бы не это, вряд ли я бы отважился прийти к вам.

— В самом деле? — Люцифер заинтересованно подался вперед. — Хотите сказать, у вас есть власть надо мной?

— Именно, Люцифер.

— Я не хочу, чтобы вы меня так называли. Это заставляет меня вспоминать средневековые воззрения на мой образ, который вы сами так неприятно живописали. Я ведь нисколько не соответствую ему. Пожалуйста, зовите меня мистером Джонсоном. И, будьте любезны, объясните, что вы хотели сказать своим замечанием о руке с кнутом.

— Ну что ж, хорошо, мистер Джонсон. Так получилось, что у меня есть ключ к вашему повиновению. Я могу получить что-либо из того, что хочу, в любое время, когда захочу, и вы не сможете остановить меня. Кроме того, не я один могу воспользоваться этим способом. Попробуете избавиться от меня, и он станет всеобщим достоянием. Представьте вдруг, что будет, если каждый начнет пользоваться им и возжелает всего, что ему вздумается. Что вы тогда будете делать?

Прежде чем ответить, Александр П. Джонсон достал коробку сигар, предложил одну Хейлу, когда тот отказался, закурил сам.

— М-да, — произнес он, наконец. — Вы озадачили меня. В самом деле, что бы я тогда делал? Откровенно говоря: не знаю. Это обратило бы в прах все мои старания. Но каков ваш рецепт? Если, конечно, вы готовы открыть его?

Хейл с насмешкой наклонил голову.

— Я не возражаю. Вы можете видеть карты, но не можете сказать, как я буду ими играть. Понимаете, о чем я?

— Да, понимаю, — Джонсон с напыщенным видом стряхнул пепел с сигары. — Вы заставите меня решать, будете ли вы разбивать пару в надежде, что сложится «стрит», или подождете, когда выпадет «фул хаус». Так?

— Ну, если вам нравятся такие сравнения, то, да. Я могу делать вид, что стремлюсь к чему-то одному, но фактически добиваюсь совершенно другого.

— Вы можете привести конкретный пример?

— Я не уверен, что это нужно, — с сомнением ответил Хейл.

— Ваше право, — Джонсон развел руками и подмигнул Хейлу. — В конце концов, как узнаю, что вы действительно загнали меня в угол?

«Это просто вопрос, — размышлял Хейл, — или совершенно недьявольский Люцифер задумал подловить его?» Если раскрыть свою тайну, она станет бесполезной в качестве инструмента шантажа. Но разоблачит ли он себя этим? Все зависело от того, умеет ли Люцифер читать чужие мысли, что вполне допустимо. Однако следовало опираться на факты: за время своих нелепых похождений, которые закончились подачей объявления Люциферу, Хейл старался не допускать и мысли о своей конечной цели, насколько это было возможно. Он мог допустить случайное торжество, видя, что план его работает как часы. Тем не менее, пока он прямо не высказал Люциферу свои условия, тот не знал его цели. Это означало, что Люцифер не был телепатом и мог судить о людях только по их словам и поступкам.

Почувствовав уверенность, Хейл ответил:

— Хорошо, мой план примерно таков. Я могу желать денег, известности, любви, легкой жизни, власти, — но в действительности я не показываю, к чему именно я стремлюсь. Можно только гадать. И единственный способ остановить

меня — это держать подальше от всего того, что мне хочется.

— Понимаю, — кивул Джонсон. — Например, очевидное желание взять в жены Глорию Баннер, но фактическое — заполучить работу. Или наоборот. Довольно умно, я должен

признать. Но если план так прост, почему большинство людей им не воспользуются?

— Не так прост. Конечно, главное — держать рот на замке и не распространяться о своих действительных желаниях. Следующая важная вещь заключается в том, чтобы отрешиться от своего социального положения. Если вы зависите от него, вы по любому проиграете... как, например, я не смог получить нормальную работу, потому что у меня не было взноса, да и позже не смог удержаться за место, которое удалось вырвать. Но если вы не привязаны к своему положению, вам ничто не грозит и практически ничто не может сокрушить вас. Если вы ищете должность клерка, ваша цель до жалости проста, чтобы ее понять: вам нужно как-то прожить. Но если вы ставите своей целью доход в сотню тысяч долларов в год, да еще заявляете права на дочь босса, уже труднее понять, чего вы в действительности добиваетесь: высокого социального положения, легкой жизни за чужой счет, прославиться или просто денег. В первом случае вы будете вкалывать при любых условиях, лишь бы не остаться без работы вообще, слабо надеясь на повышение, столь же маловероятное как осуществление желаний Тантала. Во втором случае вы, возможно, не будете полностью удовлетворены, но, по крайней мере, у вас будет достаток, приличное окружение, и вы сможете организовать свою жизнь так, как вам нравится, — закончил Хейл.

Джонсон заложил большой палец под жилетку.

— Вы действительно так считаете?

— Ну, богатые, вероятно, тоже страдают. В Аду никто не может быть полностью счастлив. Но не в этом смысл. Моя система достаточно хороша, чтобы я мог требовать вступить с вами в партнерство.

— Что ж, я признаю одно, — сказал Джонсон. — Даже для моей чрезвычайно эффективной организации, мир слишком велик, чтобы можно было контролировать каждого человека. Подобно вам, я строю планы и, чтобы воплотить их в жизнь, вынужден зависеть от социальных сил, действующих через самых влиятельных людей разных классов. Если возникает какая-то частность, я вношу поправку, и все происходит в значительной степени именно так, как

я этого хочу... В случае с вами, соглашусь, в системе произошла накладка. Мой статистический отдел обнаружил всплеск занятости, параметр, который мы контролируем с особой тщательностью. Во-первых, вам дали работу с доходом десять тысяч в год — это эквивалентно, вероятно, десяти ежегодным зарплатам. Затем, по крайней мере, для двадцати человек нашлись дела: ваши слуги, требование на выставочный автомобиль... хм... куплена квартира, которая пустовала больше года. Все это, главным образом, было взято в кредит или с отсрочкой платежа — значительное количество денег вступило в оборот. Все это необходимо было проверить. Мое замечательное детективное бюро обнаружило, что причиной стали вы. Так я узнал о том, что вы покинули свое жилище, о ваших трудностях в попытке найти работу, и как из ночлежки в самом непотребном виде вы отправились к Баннеру, от которого получили должность, новую одежду, автомобиль, и все остальное, что вы в конечном итоге бросили при самых необычных обстоятельствах. Откровенно говоря, я был озадачен. Вы могли безбедно жить сколько угодно долго, но все же не захотели. Это совершенно расстроило надежно отлаженный механизм. Вы поразитесь, узнав число людей, на которых вы повлияли. Не скрою, уже сотни лет я не пребывал в таком замешательстве.

— Не каждому человеку посчастливится сбить с толку самого Люцифера.

Очень довольный собой, Хейл вернулся на стул.

— Из-за этого, — продолжал Джонсон, — боюсь, вы заставили меня быть подозрительным. Столько проблем вы мне доставили.

Хейл уверенно улыбнулся.

— Вот я и предлагаю: партнерство!

— Ах, — Джонсон склонил голову. — Так ли это? Вы так ловко используете свой косвенный, нечестный метод, что и меня заставляете гадать. Говорите мне одно, а на самом деле держите камешек за спиной?

— Так значит, нет?

— Ну, зная ваш метод и вашу цель, я ведь могу и обмануть вас.

— Ни в коем случае. Мне нечего бояться.

— Почему вы так уверены?

— Потому что я держу вас за горло, вот почему. Конечно, вы можете избавиться от меня одного. Но что вы сделаете, если появятся сотни или сотни тысяч людей, использующих мой метод. Вы уже не сможете так же спокойно управлять оставшейся частью мира.

Джонсон оперся щеками на кулаки. Из всех несатанинских поз эта, возможно, была самой по-человечески нелепой. Его сдавленные губы стали похожи на небольшой розовый бутон.

— Все верно. Да, я полагаю, именно так и будет. Опять же, обезопасившись от вашего двуличного метода...

Хейл недоумевал, почему Люцифер так упорствует. Он еще о чем-то думает? Но Хейл был так близко к цели, что мог особо не волноваться. Что сделает ему Люцифер? Ничего.

— Ну, так что? — резко выдохнул Хейл. — Да или нет?

Джонсон пришел в движение.

— Я подумал. Вы совершенно правы в своей дерзкой решимости. Я беспомощен против вашей системы! — Он встал и протянул пухлую руку. — Сдаюсь! Пока вы не передумали, я настаиваю на включении вас в качестве моего партнера, чтобы разделить руководство Адом!

Хейл вскочил и схватил его руку. Оба довольно заухмылялись, как два дельца, только что всучившие друг другу барахла на миллион долларов с неслыханным барышом.

Собственно, так оно и было. В сумятице триумфа Хейл не оценил толком заключительную фразу Люцифера. Если бы не это, он понял бы, что они оба провели друг друга.

Но особенно Люцифер.

Глава 7

Радость победы захлестнула все мысли Хейла. Действительно, было от чего взволноваться: ведь он стал владельцем половины мира! Люцифер и Хейл — партнеры! От перспектив захватывало дух. Сколько ему пришлось вынести, чтобы добиться этого.

— Что я получу от нашего партнерства? — спросил он, уже более трезво.

Джонсон похлопал его по плечу.

— Ответственность, мой мальчик. Это прежде всего. Знаешь ли, управление миром — очень сложная штука.

— Я имею в виду для себя лично.

Джонсон понимающе улыбнулся.

— Вот трезвый, практичный взгляд, партнер. Замечательно! В последнюю очередь мне бы хотелось иметь дело с аскетом. Чего пожелаешь? Власть, известность, деньги, слава... не забывай и об этом, между прочим. Только представь, как мне это надоело во времена Средневековья.

— Всего! — сказал Хейл решительно. — И как можно больше. Но прежде мне нужно кругленькое состояние.

Своим коротким указательным пальцем Джонсон ткнул Хейла в грудь.

— Совершенно верно, мой мальчик. Прежде чем стать важной персоной, ты должен утрясти свои личные проблемы. Деньги решают все! У тебя их должно быть достаточно, чтобы целиком сосредоточиться на деле.

— И как я получу их?

— Ну, это зависит... — Джонсон задумчиво посмотрел вверх. — Понимаешь, быть моим партнером вовсе не означает, что нужно прибегать к черной магии. Для того чтобы получить деньги, нет необходимости бормотать какие-нибудь там заклинания или пить дурно пахнущее зелье, после чего: «П-ф-ф-ф!» и... все появится само собой...

Хейл удивленно поднял брови.

— Ой, да ладно, Уильям! Не говори, что ты так и представлял это. Эффективное управление Адом — вот мой бизнес, и я действую точно так же, как любой бизнесмен: во всем нужен здравый смысл и практичность.

— Тогда в чем будет моя власть? — беспомощно спросил Хейл.

— Понимаешь, все эти волшебства — сущее ребячество. Хитрость именно в том и состоит, что приходится действовать самыми обычными методами. Конечно, я бессмертен. И только за счет этого могу контролировать мировые богатства, просто вкладывая капиталы и наживая проценты. Но в то же время я могу управлять миром за счет тщательно выстроенной системы получения информации, за счет знания человеческих желаний и понимания того, как их использовать. И, конечно, могу лишить денег, могу создать их изобилие. В последнем случае для этого мне не требуется ничего особенного. Я покажу тебе, как это делается, назови лишь сумму, какую пожелаешь.

Хейл задумался, затем осторожно произнес:

— Скажем, несколько миллионов.

— Прекрасно! Вполне неплохо для начала. Следуй за мной, и я продемонстрирую тебе свои методы на практике.

С важным видом он направился к двери.

— Не спорю, черная магия время от времени была бы полезна. К сожалению, от природы я несколько ограничен в колдовстве. Впрочем, я всегда считал, что это в некотором смысле недостойно меня, и даже слишком примитивно.

Люцифер величественно промаршировал через офис, наполненный грохотом пишущих машинок, и гордым жестом показал на стену, заставленную огромными шкафами для документов.

— Есть только еще одна такая же обширная картотека. В Европе. И та моя.

Хейл не скрывал своего восхищения. В то же время картотека казалась настолько огромной, что Хейл испугался: вряд ли он сможет так же ловко обращаться с ней, как Люцифер.

— Я не уверен, что у меня получится, — сказал он.

— Все элементарно. Даже ребенок с завязанными глазами справится. Вот тут, — Джонсон шагнул к ящикам, — самые последние сводки с фондовых рынков. Если что-то нужно, ищем перекрестные ссылки. Система проста, все дела подшиты и зарегистрированы.

— Но людей ведь так много!

— О чем ты?

— Ведь нужно следить за каждым.

— Ну, не городи чепуху. Достаточно отслеживать торговлю и производство, социальные, политические и экономические движения с ключевыми фигурами в каждой категории: их влияние, мотивы и цели и, что самое важное, стимулы, действующие как в самой категории, так и в обществе в целом.

Жестом руки Джонсон прогнал нескольких служащих, суетившихся рядом с ящиками, после чего выдвинул один из них и приступил к объяснению.

— Возьмем, к примеру, акции авиапроизводителей, тут список и досье на каждого собственника, достаточно крупного, чтобы влиять на рынок. — Он показал одно из имен. — У этого человека очень могущественные друзья. В течение нескольких лет он неудачно играл на рынке, ну, ты понимаешь... Он хочет отыграться, но так, чтобы наверняка. Для этого, — Джонсон подмигнул, — он собирает слухи, циркулирующие в определенных финансовых кругах. Под очень большим секретом ему стало известно, что правительство намерено начать продажу самолетов дружественным государствам. За наличный расчет и довольно большими партиями. Он позаимствовал у своих покровителей миллионы долларов и теперь рассчитывает получить контроль над рынком, скупив акции.

Хейл слушал без особого интереса.

— Я не понимаю, при чем тут я.

— Не спеши с выводами. Мы можем использовать любого из тысяч людей, чтобы ты обзавелся состоянием. Этот — самый подходящий кандидат. Однако позволь мне продолжить: допустим, я выдаю ту же самую секретную информацию некоторым влиятельным людям, и тогда в прессе поднимется неслыханная шумиха, дело дойдет до Конгресса. Улавливаешь? Я так старательно выращивал политику

изоляционизма[21], что негодование против его отмены будет яростным. Вскоре после того, как тайна перестанет быть явной, об этом узнает наш махинатор. Когда его акции начнут падать, он захочет распродать все как можно скорее, чтобы не вылететь в трубу. Понимаешь?

— Я понимаю, — ответил Хейл, хотя тон его свидетельствовал об обратном. — Ну, а мне-то что с того?

— Тебе? Я полагал, это очевидно, — Джонсон втолкнул ящик на место и повел Хейла обратно в свой кабинет. Там он снял с телефона трубку и передал Хейлу. — Попроси оператора соединить с «Титус, Фэнсворт и Куинн».

Хейл медлил.

— Ну же, поспеши! — сказал Джонсон. — Я не собираюсь тратить впустую целый день. «Титус, Фэнсворт и Куинн» — это брокерская компания. Я работаю с ними, когда не обойтись без слухов.

В трубке раздался щелчок.

— Соедините меня... — Хейл откашлялся, — Соедините меня с «Титус, Фэнсворт и Куинн».

— Да, конечно, — сказала оператор, и Хейл готов был поклясться, что она добавила: «Мистер Хейл».

Он вопросительно уставился на Джонсона.

— Что такое? — спросил тот.

— Я думал... Ничего. Что я должен сказать?

Джонсон широко улыбнулся.

— Скажи, пусть скупают акции всех авиапроизводителей, после того как цены достаточно упадут. Они сами поймут, когда настанет нужный момент. Я лично обучал их.

— Но ведь акции ничего не будут стоить...

— Делай, что велено. И скажи секретарше, что звонят из офиса Александра П. Джонсона.

Хейл повиновался.

Наконец, в трубке загрохотал мужской голос:

— Алло! Фэнсворт слушает...

— Ну же! — поторопил Джонсон.

[21] Политика изоляционизма в США — с 1935г., с принятием «закона о нейтралитете» объявлялась политика невмешательства в конфликты вне Американского континента, также устанавливался запрет на экспорт оружия, боеприпасов или военного снаряжения для воюющих стран или нейтральных государств, которые могли бы передать это вооружение воюющим сторонам. Данная политика утратила актуальность после Второй мировой войны.

Хейл, нервничая, повторил все указания Джонсона.

— Да. Я понял. В каких количествах покупать?

Хейл прикрыл трубку и передал вопрос.

— Скупать подчистую, пока цены не установятся.

— Скупать подчистую, пока цены не установятся, — в точности повторил Хейл.

— Грядет пожива? — ответил Фэнсворт. — Надеюсь, мистер Джонсон не будет возражать, если мы и сами немного погреем на этом руки. Спасибо.

Хейл осторожно повесил трубку, как будто боялся, что телефонный аппарат укусит его. Он покачал головой.

— Ничего не понимаю. Может, я тупой.

— Нисколько, мой мальчик. Просто ты не знаешь всех фактов. Эта шумиха о нарушении политики невмешательства продлится несколько дней. Обычно мелкие спекулянты продают на падающем рынке и покупают на растущем. Игрок, которого мы собираемся раздеть, более умен. Но на сей раз, набрав долгов, он перехитрил самого себя. Чтобы успокоить панику, правительство выступит с объяснением, которое устроит всех, например: продавая самолеты за границу, мы увеличиваем производство, тем самым снижая себестоимость, и одновременно развиваем собственные технологии. Негодование спадет, и цены на акции мгновенно взлетят вверх и будут стоить еще дороже, чем сегодня. Блестящая возможность сыграть на понижении, пока большинство игроков активно избавляются от своих акций.

— А-а, — протянул Хейл.

— Вот тебе и первый урок. Никакой черной магии — одна только точная информация и знание человеческой натуры.

Джонсон вытащил из ящика чековую книжку.

— Где ты планируешь остановиться, на Парк-Авеню?

Хейл вытер ладонью вспотевший лоб.

— Наверное. Там меня дожидается квартира с квадратную милю. Я уже успел к ней привыкнуть. Хотя, признаться, я сейчас несколько ошеломлен.

— Ничего, тебе нужно привыкать к правилам большого бизнеса! — Джонсон выписал чек и вручил его Хейлу, который принял его с испуганным выражением на лице. — Всего лишь миллион, но этого вполне хватит на первое время.

Считай, что я передаю его со своего счета на твой, с обычной ставкой в шесть процентов за использование моих активов. Пусть тебя это не смущает. Как только мы сыграем на рынке, «Титус, Фэнсворт и Куинн» заработают для тебя сполна. Эти ребята могут пропустить через себя хоть миллион акций, даже не встряхивая рынок. Ну, а теперь я хочу помочь тебе решить все твои личные проблемы и желания. Мне необходимо, чтобы голова моего партнера была совершенно свободна от ненужных мыслей.

— Послушайте, — недоверчиво сказал Хейл. — Вы дьвольски гладко стелите.

— Разумеется! — весело ответил Джонсон. — Ты сам принудил меня к партнерству. Все, что мне остается: с достоинством принять ситуацию и постараться быть для тебя полезным. Между прочим, нашей будущей жертве принадлежит шикарная яхта. Могу устроить так, что он рад будет продать ее тебе за подходящую цену. А пока отправляйся домой и займись личными делами. По вечерам я буду звонить, чтобы справиться, как твои успехи. Как только разгребешься со всеми вопросами, мы встретимся, и я расскажу о том, что сделал и что делать дальше. — Он протянул руку. — До встречи, Уильям. И помни: не пренебрегай ничем, что может сделать тебя счастливым.

Они обменялись рукопожатиями, и Хейл, очень неуверенно, покинул кабинет. Он был удивлен, но одновременно и польщен, увидев, что на дверной табличке с золотым тиснением, где значился Джонсон, добавилось его имя.

Все еще ошеломленный, Хейл не стал задумываться о той феноменальной быстроте, с которой появилась эта надпись.

Глава 8

Благосостояние требовало к себе осмысленного подхода, но оно свалилось так внезапно и в таком количестве, что Хейл буквально ошалел от счастья. Да и причин, по которым он мог бы ощущать себя как-то иначе, не существовало.

Сначала он приказал, чтобы домовладелец разобрал две стены гимнастического зала и сделал бассейн размером тридцать на пятьдесят футов.

Затем он решил пополнить гардероб. Ему понравилось, что можно примерять все без разбора, зная, что, если что-либо не понравится, одежда будет заменена незамедлительно и без каких-либо возражений.

Неизвестно, сколько времени бы он потратил на покупки, но у всего есть разумный предел. К тому моменту, когда у Хейла набралось двадцать пять костюмов, десять шляп, дюжина пар обуви и всего остального, что полагается, он изрядно утомился.

Только выбор первого комплекта одежды доставил ему почти такое же удовольствие, какое он испытывал и раньше, выкраивая покупки с зарплаты сорок долларов в неделю. Почти, но не совсем. Ведь никогда у него не было больше чем трех костюмов, одного пальто, плаща, трех шляп и двух пар обуви. Прежде каждый новый предмет одежды старательно подбирался к уже имеющимся вещам, и не приходилось особо мудрствовать, решая, какую рубашку, галстук или носки надевать к определенному костюму.

Теперь же он мог возложить подбор нарядов на камердинера, прекрасно зная, что педантичный Гамильтон никогда не позволит ему носить одно и то же чаще, чем раз в три недели. Отчасти Хейл сожалел о том, что одежда не может быть повседневной, как это было раньше. Но отнесся к этому с практической точки зрения. Все-таки теперь у него был огромный шкаф, набитый вещами, и камердинер, чтобы решать, как он

должен выглядеть. А остальное не должно его заботить.

В подземном гараже дома ему выделили место для еще четырех купленных им автомобилей. Он обзавелся ложей в опере, купил особняк на Лонг-Айленде, охотничьи угодья в Мэне и верховую лошадь. Неплохо было обладать всем этим, с бесстрастностью подмечал Хейл. Но ему приходилось выдавливать из себя хоть какую-то радость от новых приобретений, чтобы все это не казалось слишком прозаичным.

Некоторое время он сопротивлялся возникшей идее нанять частный оркестр. Но потом решил, что партнеру Люцифера не подобает такое позерство. Зная, что ему быстро надоест очередное баловство, и все же отбросив соображения экономии, он нанял дирижера, которому поручил собирать оркестр для ежедневных концертов.

Слуги как будто даже и не заметили двух суток его отсутствия, впрочем, они были вышколены так, чтобы держать свое мнение при себе, исполнять обязанности и ни во что иное не вникать.

Конечно, Хейл был счастлив. Единственной вещи, которой недоставало, так это той самой яхты, о которой Джонсон как-то вечером обмолвился, что получить ее — лишь дело времени.

В один прекрасный день газеты, как Джонсон и предсказывал, дружно подняли вой насчет продажи самолетов за рубеж и о нарушении политики невмешательства. Акции авиапредприятий стремительно посыпались вниз. Когда же правительство выступило с объяснением, цены на бирже резко взлетели. Однако агентство «Титус, Фэнсворт и Куинн» не торопилось пускать выкупленные акции в свободную продажу.

Джонсон объяснил свою политику. Они как раз слушали оркестр, играющий программу, составленную лично Хейлом: скрипичный концерт Сибелиуса, седьмую симфонию Бетховена и «Ночи в садах Испании» Де Фалья.

Оба расположились в пустовавшей ранее комнате, из которой Хейл велел сделать курительную: в стены, выкрашенные в черный цвет, были встроены зеркала и яркие белые светильники, чтобы создавать в клубах дыма сияющие ореолы.

— Этот фокусник, которого мы вывели из игры, — самодовольно рассказывал Джонсон, — заплатил за свою яхту больше миллиона. Но он сделал ошибку, пытаясь сыграть на торгах. После того как мы монополизировали рынок, он сможет вернуть свои акции только обратившись к нам, и должен заплатить ту цену, которую мы назначим. Улавливаешь? Ты хочешь яхту, он хочет акции. Я предлагаю ему, скажем, сто тысяч наличными за его посудину. Он отказывается. Тогда я предлагаю сто пятьдесят тысяч. Он понимает, что не сможет быстро выручить такую сумму, и соглашается. Ему все еще нужны акции, чтобы покрыть убытки. Поэтому «Титус, Фэнсворт и Куинн» выдаст ему ценных бумаг на сто пятьдесят тысяч... и пусть радуется, что мы дадим ему хотя бы столько, а он обрадуется, уверяю тебя. Так что, с учетом твоей доли, яхта обойдется тебе самое большее в пятьдесят тысяч долларов.

Хейл закурил сигарету — персональный состав, с его инициалами на папиросной бумаге.

— Довольно жестоко.

— Да, именно так. Однако, чтобы стать полноценным партнером Люцифера, ты должен понимать философию Ада. То, что его жители должны страдать — подразумевается само собой. Наш пройдоха в свое время тоже приложил к этому руку и не гнушался пускать по миру других игроков. Теперь настала его очередь... Но ты должен помнить! — прибавил Джонсон, постучав Хейлу в грудь. — Если не считать особых случаев, я никогда не ставлю своей целью досаждать мучениями какому-то единственному человеку. Это нерационально. Пример банкротства этого дельца показателен: моя стратегия изоляционизма нуждалась в том, чтобы напомнить о ней; мошенника необходимо было разорить; тебе нужен был капитал. Если ты читал газеты, то, должно быть, уже знаешь о последствиях этой операции. Хронический кризис, над которым я так долго трудился, закипел с новой силой и грозит перерасти в войну. Прежде в мире росло спокойствие, но теперь поднимется очень приятная суматоха. Миллионы людей вскоре столкнуться с ужасом несчастий. И если кто-то смеет лелеять себя надеждами, то в надлежащий момент и он испытает их крах. Таким образом, наша скром-

ная финансовая операция послужит основой для страдания невероятного числа людей — что, собственно, и является нашей целью. Такова философия Ада, мой мальчик! Не забывай, что его жители должны страдать. Они заслуживают этого, в противном случае находились бы где-нибудь в другом месте. И наша с тобой функция — наделять страданиями всех без исключения и с максимально низкой затратной стоимостью. В этом, Уильям, наш бизнес. На нас лежит огромная ответственность, уверяю тебя. Но мы никогда не должны позволять себе уныния. Мы должны быть готовы к трудностям в любой момент и не имеем права опускать руки и терять из виду свою цель, независимо от любых неудач и разочарований! В то же время, осознавая, насколько масштабный и сложный план мы претворяем в жизнь, мы не должны впадать в самодовольство. Успех должен быть стимулом для нас, должен подталкивать к еще большим свершениям! — не унимался Джонсон.

Хейл с изумлением слушал его.

Вскоре он уже не удивлялся подобным пламенным речам, но, тем не менее, в такие минуты старался избегать Джонсона, если получалось. Впрочем, он не имел ничего против стратегии партнера. Ощущение власти наделило его жизнь новым смыслом. Он принял философию Ада и не испытывал ни капли сочувствия к тем, кто создан был для того, чтобы страдать.

В отдельные моменты Александр П. Джонсон, несмотря на специфичное чувство юмора, казался довольно приятным собеседником. Единственное, чего Хейл не переваривал, — той самой привычки Джонсона к напыщенным речам, по поводу и без.

И все же Хейлу не на что было жаловаться.

Он наслаждался тем, с какой быстротой исполняются все его прихоти. В каждом человеке, независимо от того, насколько сильна его совесть, где-то глубоко дремлет феодал, эгоистичная натура, порой не знающая границ. И возможность в любой момент приобрести все, что хочешь, способна испортить любого человека.

Хейл не стал исключением. Он отдавал приказы, даже не задумываясь, и, как никто другой в его положении, любил ощущать свою власть.

Естественно, у него были определенные обязательства, и не всегда удавалось избегнуть общества Джонсона. Одним из вечеров тот заставил Хейла вступить в бизнес-клуб. Хейл, с неприязнью относившийся к разного рода посиделкам, и в этот раз хотел отвертеться, но партнер объяснил, что данный клуб — один из источников его информации.

Действия Джонсона вызывали недоумение. К примеру, он придумал весьма забавный обряд инициации Хейла, в результате чего волосы незадачливого партнера оказались измазаны клейстером. К тому времени, когда Хейл отмылся и вернулся обратно, Джонсон наслаждался страстной, но совершенно пустой речью, которая продлилась не меньше двух часов. Низенький, круглый, он с напыщенным видом вещал с трибуны и усердно жестикулировал. Он казался похожим на типичного карикатурного Капиталиста. Не хватало только знаков доллара, нарисованных на одежде, но если бы они оказались на нем и в самом деле, Джонсон, вероятно, этим бы очень гордился.

Хейл обнаружил, что предпочел бы неполноценный, театральный образ Люцифера, чем видеть веселого пухленького Сатану, который постоянно ораторствует по каждому поводу, даже по самым незначительным и скучным вопросам. На первый взгляд, не было никакого различия между Джонсоном и его коллегами по клубу, использующими эти встречи как будто только для того, чтобы поупражняться в своем красноречии, при этом никто из них не мог остановиться. Когда же Хейл окончательно впал в уныние, Джонсон переключился на театры и концерты.

Он был отвратной компанией. В любой момент мог отвлечь внимание Хейла и завести разговор о социальных, политических или экономических движениях в стране и за границей. Это было невыносимо, и всякий раз, когда Джонсон начинал досаждать подобными речами, Хейл, продолжая наблюдать за сценой, кипел внутри негодованием.

Но Джонсон желал быть полезным. И хотя Хейл предпочитал не оставаться с ним надолго наедине, Джонсон вынудил его пригласить с собой в первый круиз, едва только права на яхту были оформлены.

Глава 9

Она была бесподобна. В бухте находились и другие суда, но Хейл видел только одну единственную белую изящную яхту, полированный корпус которой глянцем сверкал на весеннем солнце.

— Она обошлась тебе всего в сорок шесть тысяч, мой мальчик! — заметил Джонсон, но Хейл почти не слышал его.

— Она моя! — выдохнул он.

— Отличное ощущение, да?

Эта фраза не могла выразить истинных чувств Хейла. Да, впрочем, он и сам не сумел бы подобрать нужных слов, и потому предпочел смолчать. Никогда еще он не испытывал ничего подобного. Яхта казалась именно тем, что могло сделать его счастливым. Пока матрос, управлявший моторной лодкой, на полном ходу направлял ее к трапу, Хейл рассеянно улыбался. Увеличиваясь на глазах, яхта казалась огромной как лайнер.

— Сто восемьдесят футов от кормы до носа... — продолжал Джонсон.

— Мой мальчик! — договорил за него Хейл.

Они поднялись наверх. Экипаж и офицеры на палубе в едином порыве отдали честь, приветствуя их.

— Добро пожаловать на вашу яхту, сэр! — сказал капитан.

У Хейла перехватило дух, он обернулся беспомощно на Джонсона.

— Куда прикажете держать курс?

— Что? Не знаю. Не думал...

Капитан понимающе улыбнулся.

— Мог бы я предположить, сэр, что, принимая во внимание прохладную погоду...

— Ну конечно! — с воодушевлением воскликнул Джонсон. — На юг, к мысу Хаттерас! Хотя бы на денек, потом обратно. Что скажешь, Уильям?

Хейл, недолго думая, согласился.

Экипаж снова принял под козырек и мгновенно рассыпался по местам. Положив руки на холодный хромированный поручень, Хейл наблюдал, как на борт принимают багаж. Некоторое время капитан и Джонсон стояли молча рядом, очевидно, уважив его чувство собственности.

Затем капитан спросил:

— Не желаете осмотреть судно, сэр?

Все, что Хейлу говорили и показывали, растворялось в тумане восторга. Тот факт, что у судна были дизельные двигатели, что это была океанская яхта, пригодная для кругосветного плавания, ничего не добавила к его удовольствию. Он понимал только одно: это роскошное судно принадлежит ему.

— Неплохо, да? — спросил Джонсон.

И Хейл, осмотрев свою великолепную каюту, от души улыбнулся компаньону. Джонсон, казалось, обрел привычку в том, чтобы хлопать его по спине и приговаривать:

— Отличное ощущение, а, Уильям? Подумать только, она обошлась тебе всего в сорок шесть тысяч долларов!

Так или иначе, это уже не раздражало Хейла.

Даже обычно сдержанный Гамильтон изобразил легкую улыбку одобрения.

Но вот заработали двигатели...

Хейл стоял на мостике, любуясь, как мимо проплывает берег: Нью-Йорк, Нью-Джерси. Неподвижная улыбка не сходила с его лица. До сих пор находясь под впечатлением, он вспоминал, что еще совсем недавно считал для себя пределом возможного горбатиться за сорок долларов в неделю, — ну, пусть за шестьдесят, — если бы не отказался от той судьбы, к которой полагалась до крайности надоевшая супруга и прочие прелести. Он предпочел этому доходный дом и болезнь.

Но теперь!..

Яхта внезапно заскользила вниз, как будто устремляясь в глубокий омут...

И так же неожиданно взметнулась вверх, на гребень огромной волны...

У Хейла все сжалось внутри, к горлу подступил комок. Ухватившись за поручень, он поплелся вниз. Тошнота становилась

невозможной. Он велел Гамильтону оставить купе, наивно полагая, что и сам справится с приступом морской болезни. Но заботливый камердинер подхватил его и повел в ванную, как раз вовремя.

Пока Хейл, распластавшись на койке, вынужден был терпеть качку беснующегося на волнах судна, его уставшие глаза были широко открыты, а сердце болезненно колотилось. Едва он смыкал веки, тошнота усиливалась до такой степени, что хотелось умереть. Никогда еще так явно он не задумывался о смерти, которая до сих пор представлялась предметом очень далеким и совершенно к нему не относящимся.

Если морская болезнь не прикончит его раньше, то шторм неизбежно потопит судно, или они наткнутся на какой-нибудь риф!

От этой внезапной мысли его бросило в пот, он вскочил, но тут же упал без сил. Сердце сжалось от ужаса. Он еще больше уверился в страшной мысли.

Так вот оно что! Это все проклятый Люцифер! Сейчас он, должно быть, расхаживает по палубе, злорадствуя и напыщенно рассуждая над тем, какое число людей затронет эта маленькая каверза.

Джонсон уже был тут как тут.

— Зажечь свет, Уильям? — заботливым голосом пропел он.

Хейл едва сумел покачать головой. Когда он это сделал, показалось, будто внутри черепа раскатываются пушечные ядра.

— Может быть, тебе лимончик принять? Говорят, очень хорошее средство от морской болезни.

Хейл застонал.

— Нет, не нужно... не возражаю...

— Что с тобой, мой мальчик? — Джонсон придвинул кресло и плюхнулся в него. — Похоже, ты сам не знаешь, чего хочешь?

— Зато вы все знаете! — выкрикнул Хейл. — Это вы все устроили! Проклинаю вас! Вы — обрюзгший дьявол! Вы обманули меня! Здорово все провернули!

— Что ты такое говоришь, Уильям?

Хейл лежал в полумраке, глядя на Джонсона с бессильным негодованием.

— Все вы, черт вас подери, понимаете. Когда я был беден, я даже не думал о смерти. Теперь же мне кажется, что нет ничего ужаснее. Сами подумайте только: разве ради этого я отказался от паршивой работы, крохотного домика и поездок в метро?

— Только рабу нечего терять, — глубокомысленно вставил Джонсон.

— Право, вы скользкий двуличный тип! Не отрицаю, вы поделились со мной долей и всем, что полагается к ней, кроме одной вещи...

— Поверь, Уильям, я сожалею, зря ты меня в чем-то подозреваешь. Партнерство было твоей идеей. Ты принудил меня к нему. Но разве я не выполнял своих обязательств?

— Да, выполняли. Но чем больше вы даете мне, тем больше у меня шансов проиграть. Впервые в жизни я имею что-то, ради чего хочется жить: деньги, автомобили, лошади и власть. Но то, о чем я говорю, беспокоит меня больше всего.

Он схватил Джонсона за рукав.

— Вы не заставите меня поверить, что у меня есть все. Сегодня ночью я, вероятно, не умру, но это произойдет когда-нибудь, пусть даже через несколько лет, в то время как вы продолжите существовать и дальше.

Джонсон положил руки на колени и некоторое время пристально изучал Хейла. Наконец он вкрадчиво спросил:

— Уильям, неужели ты хочешь, чтобы я сделал тебя бессмертным?

— Да? — Хейл сел, не обращая внимания на пульсирующую боль в голове. — Полагаете, что вы сможете? Правда?

— С этим не будет никаких проблем, если ты действительно этого хочешь и хорошо подумал о последствиях.

— О каких последствиях вы говорите? Легко вам рассуждать. Но ведь, если вы бессмертны, вы не можете оценить все преимущества и неудобства, даже если таковые имеются.

— Уверяю тебя, есть неудобства, Уильям. Я часто ощущал твою враждебность ко мне, когда мы ходили в театр. А как ты думаешь, почему мне там становится скучно? Да потому, что для меня не существует таких понятий, как новая шутка или новый сюжет. Что касается музыки, то я столько ее переслушал за тысячи лет, что каждый новый шедевр не многим

отличается от того, что я знал когда-то. Меняются времена, меняются поколения, но всегда все одно и то же, разве что в разной обложке. Постоянно возникают новые проблемы, но, опять же, всегда приходится решать их старыми проверенными методами. Пожил бы ты с мое. К счастью, бизнес — та единственная вещь, к которой я не утратил интерес. Управление Адом — по сути, мое развлечение, и я до сих пор нахожу его весьма захватывающим занятием.

— Вы меня не убедили, — ответил Хейл. — Не вижу причин отказываться от бессмертия. В любом случае оно лучше, чем этот безотчетный страх. У меня слишком много всего, чтобы проиграть. Я не хочу умирать!

— Значит ли это, что твое решение обрести бессмертие окончательно и бесповоротно?

— Да. Если вы бессмертны, то и я желаю того же.

— Хорошо, партнер. — Джонсон встал и пожал руку Хейла. — Поскольку ты этого захотел, ты бессмертен.

— Эй? Что это значит?

— То, что я сказал. Ты бессмертен.

— Не понял. Разве вы что-то сделали?

— Ничего не нужно. Уверяю тебя, ты бессмертен. Я согласен, со стороны это может показаться странным. Но ты ведь уже знаешь, я во всем использую только деловой подход.

— Ага. Ну и как я получил его? Как оно работает?

— Бессмертие? Точно так же, как удача. В нашем с тобой случае — бесконечная череда везения. Направленное на нас оружие не стреляет, или что-то происходит со стрелком. Все катастрофы происходят только после того, как мы благополучно покинули место будущей трагедии. Нам не страшны смертельные болезни, поскольку они к нам не пристают. Наш организм не стареет и не повреждается. И в этом нет ничего волшебного.

— Ну да... Лежит на поверхности...

— Именно так, — Джонсон мрачно улыбнулся. — На поверхности.

Первой демонстрацией бессмертия для Хейла стало его быстрое восстановление. Головокружение прошло, и он мог сесть. Джонсон зажег свет и вернулся на место.

— Я слышал, к нашему возвращению у тебя будет достроен плавательный бассейн. Ты не думал о том, чтобы провести церемонию его открытия?

— Да, у меня была такая мысль. Просто взять и поплавать — неинтересно. Я бы устроил по этому поводу прием, да только, боюсь, те люди, которых я знал раньше, не годятся в качестве гостей.

— Разве у тебя нет знакомых?

— Никого. Конечно, я мог бы пригласить своего бывшего домоправителя с его женой, или свою бывшую, которую я бросил. Они бы замечательно вписались.

— Да ладно, Уильям. Я говорю совершенно серьезно. Я понимаю, что не совсем подхожу в качестве компании для одинокого молодого человека. Ведь ты одинок, не так ли?

Хейл вынужден был признать, что это правда, несмотря на все его богатство. Это была еще одна причина для беспокойства. Ведь не считать же друзьями слуг и Джонсона.

— Верно, — согласился Хейл. — Я подумывал над тем, чтобы позвать Баннера. Но он скорее сбросит меня с лестницы после той злой шутки, которую я с ним сыграл.

— Баннер? Ах да, тот рекламный агент, который предложил тебе... хмм ... работу. У него, кажется, есть дочь? Ну и почему бы тебе не пригласить их?

— Они не придут, — Хейл покачал головой.

— Это еще не факт. Предложи им позвать своих друзей. Все, что они могут сделать, — высокомерно держать себя. Кстати, о дочери Баннера — ее фотографии часто публикуются в печати. Она ведь хорошенькая, не так ли?

— Ягодка!

— Точно подмечено. Очень привлекательная девушка. Если она тебе нравится, я думаю, стоит рискнуть.

— Да, возможно, вы и правы.

— Прежде чем мне уйти, Уильям, есть что-нибудь еще, чего ты желаешь?

— Нет, спасибо. Ничего не нужно.

Джонсон ушел. Хейл уставился в мягко освещенный потолок. «Вот дьявол, — думал он, — всегда и во всем есть какой-то подвох, который может разом лишить удовольствия от жизни». Кто бы мог подумать, что когда-нибудь он

устанет от собственной квартиры. Он, конечно, как и все, любил простор, но, за исключением чисто утилитарных причин, не было никакого смысла в таком количестве комнат. Или взять лошадей и автомобили. Каждая поездка быстро превратилась в обыденность. А эта яхта... Он-то воображал себе грандиозные путешествия, длительные круизы, что в газетах и журналах будут печатать его фото на фоне яхты — и мысль о том, что кто-то будет завидовать ему, доставляла удовольствие. Но вот о том, что могут возникнуть неудобства, он даже не подумал.

«Проклятая действительность!» Первым же делом на него набросилась морская болезнь, а с ней — страх смерти. Теперь они исчезли, но взамен неразумных мечтаний о походах под парусами пришло невыносимое чувство одиночества. Даже представить страшно, что до конца недели он только бы и делал, что ел, спал, смотрел на воду и слушал бы бесконечные разглагольствования Джонсона. Вот та действительность, которая его ждала. И причиной тому — одиночество.

Но все должно измениться, если он познакомится с Глорией и ее друзьями. Очаровательная, красивая девушка — о такой можно только мечтать.

Впервые с начала круиза ему захотелось скорее вернуться домой.

Глава 10

Для радости Хейла имелось несколько причин. Во-первых, Джонсон отбыл куда-то за город по делам. Во-вторых, построенный бассейн оказался намного лучше, чем он мог вообразить, когда изучал проект: пол оказался покрыт мягким резиновым ковром с электрическим подогревом; прозрачные стены сделаны из кварцевого стекла; и места достаточно, чтобы вместить столы и кресла, пальмы, площадку для оркестра и даже надувные матрацы для тех, кто хотел бы позагорать.

Он расхаживал по залу в белом махровом халате, чувствуя себя по меньшей мере каким-нибудь римским императором. Немного волнуясь, Хейл все же не сомневался, что прием должен произвести впечатление на Глорию.

Никого пока не было, только репортеры. Гости еще переодевались, и Хейл внутренне торжествовал, что ему все же не пришлось праздновать открытие в одиночестве.

Первым вошел Баннер. Возможно, стесняясь своей полноты, он не решился надеть плавательный костюм и заявился в обычной пиджачной паре, отчего казался невероятно похожим на Александра П. Джонсона, разве что немного повыше ростом.

— Это ты, Хейл? — приблизился он с воинственным видом.

— Да, мистер Баннер, — колеблясь, ответил Хейл.

— Ни за что не признал бы тебя, так хорошо отмылся, — заявил толстяк, все еще сердито глядя на него. Внезапно лицо его просветлело, и он одобрительно похлопал Хейла по плечу.

— А все-таки тебе ничуть не удалось меня одурачить. Уж я-то всегда умею разглядеть победителя!

— Так вы не сердитесь на меня? — осторожно поинтересовался Хейл.

— Я на тебя? За что? — удивился Баннер. — Я был бы глупцом, если бы отказался от этой вечеринки. Кроме того,

наблюдая за твоими успехами, я удовлетворяю собственное тщеславие. Это доказывает, что я отлично разбираюсь в людях. Конечно, мне было неприятно, что ты исчез. Никому не хочется терять нужного человека, и я вначале подумал, что, возможно, нам с Глорией и не стоит соглашаться. Но, черт возьми, ты мне нравишься. К тому же, как утверждает Джонсон, у тебя мало знакомых. Этот прием и компания Глории помогут тебе влиться в общество.

— Вы сказали — Джонсон?

— Твой партнер.

— Вы его знаете?

— Ну конечно, мы ведь коллеги по бизнес-клубу. Между прочим, — голос Баннера понизился до шепота, — я отлично помню, что ты там лепетал насчет женитьбы на моей дочери. Эта затея еще не вылетела из твоей головы?

Хейл вспыхнул.

— Это была просто неудачная шутка. Я ведь видел ее только на фотографиях.

— Тоже сказал, фотографии! Они и близко не могут передать ее красоту. Сам убедишься!

Он пожал руку Хейла.

— Я бы никому не позволил шутить со мной. Но тебе как на духу признаюсь — я бы хотел иметь в зятьях такого парня, как ты. У тебя есть стержень, и ты знаешь, куда идешь. Помнишь, как сказал старик Эмерсон[22]? «Мир расступается перед человеком, который знает, куда идет!» Этот парень говорил дело.

Хейл задумался. Все так и было: пока он шел к своей цели, мир расступался перед ним. Однако теперь, войдя в партнерство, он подмечал за собой признаки нерешительности. Например, он почти безропотно позволил слугам и Джонсону заправлять своими делами. А сейчас, как будто ощущая свою неполноценность, в нерешительности ожидал появления Глории Баннер.

Он расправил плечи, запахнул халат и затянул потуже пояс. Если уж она действительно так хороша, то для начала стоит хотя бы взглянуть на нее, а там видно будет.

[22] Эмерсон, Ральф Уолдо (1803-1882) — поэт, философ, общественный деятель, один из виднейших мыслителей США.

Однако он оказался совершенно не готов к тому, что увидел.

Когда Глория вошла, Хейл был потрясен ее исключительной женственностью и грацией.

Девушка была невысока ростом и невероятно красива. Прямые темные волосы ее ниспадали до плеч. Белый халат подчеркивал контраст со смуглой нежной кожей. В правильных, тонких чертах лица Глории ощущалась надменная уверенность в своей красоте.

Естественно, Хейл, сраженный впечатлением, не разглядывал ее до такой степени пристально. Он испытывал молчаливое восхищение, не смея высказать его, особенно когда девушка остановилась и замерла, спокойно и величественно глядя на бассейн. Фотографы как будто только и ждали этого момента.

— Глория, топай сюда! — нисколько не стесняясь, крикнул Баннер.

Хейл был поражен его выходкой. Впрочем, не стоило и сомневаться, что ее отец не привык никого стесняться.

— Папа! Разве это не замечательно? — Девушка заскользила к ним с грацией балерины. Голос ее напомнил Хейлу звуки флейты.

— О-о-ох... это просто грандиозно! Почему у нас нет такого же бассейна, папа?

Баннер повернулся к Хейлу, заговорщицки кивая на дочь.

— Послушай, что говорит моя никчемная расточительница. Если бы вы, мисс бездельница, прекратили заниматься всякой ерундой и занялись бы делами, какими угодно, даже если вам будут платить всего несколько сотен тысяч в год, мы тоже могли бы позволить себе нечто подобное.

Не слушая родителя, Глория радостно улыбнулась Хейлу.

— Так это вы тот милый человек, который пригласил нас?

У Хейла возникло чувство, будто они давно знакомы друг с другом, с самого детства.

— Ох, это уж слишком с моей стороны! — воскликнул Баннер, — Глория, познакомься, это Уильям Хейл. Тот парень, о котором я тебе рассказывал. Это именно он ворвался в мой офис, изображая из себя голодранца...

Хейл поспешил перебить его.

— Я видел несколько ваших снимков в газетах!

— Ах, они ужасны. На них я выгляжу такой отвратительно толстой.

— Вы, толст... Да ведь вы... вы... — от нахлынувших эмоций он потерял дар речи.

Оба не сводили друг с друга глаз. Стоявший рядом Баннер в нерешительности замялся:

— Кажется, я здесь лишний.

Ее взгляд оторвался от Хейла.

— Нет, папа! — не слишком убедительно произнесла Глория. — Мы вовсе не против, чтобы ты побыл с нами, но я знаю, что бизнес для тебя на первом месте, и ты должен пообщаться с журналистами.

— Ну да, — хмыкнул Баннер, — как я мог об этом забыть? Увидимся позже, если, конечно, вы к тому времени будете в состоянии заметить меня.

Пропустив сказанное мимо ушей, Хейл лишь на секунду оторвал взгляд от лица Глории, да и то лишь для того, чтобы оценить ее роскошные волосы. Рост девушки доходил примерно до уровня его глаз и казался идеальным.

В зал громко ворвались ее друзья. Глория надела купальную шапочку и потянула Хейла к краю бассейна.

— Давайте первыми, Билли-Вилли!

— Билли-Вилли? — озадаченно спросил он.

— Не буду же я звать вас Уильям или Билл, — заговорщицки прошептала она, — если мы одни. Пусть это будет секрет для нас обоих. Вы не возражаете, Билли-Вилли?

Хейл не возражал. Он ощущал приятное волнение, никто еще не называл его так необычно. Ему хотелось, чтобы она обращалась к нему так всегда, когда они будут наедине, и чтобы они оставались наедине как можно дольше и чаще.

— Не возражаю, — прошептал он в ответ. — Я думаю, что это... замечательно.

Она насмешливо поморщилась. Зал постепенно наполнялся людьми, производившими столько шума, словно в фильме с батальными сценами. Но Глория обладала редким даром заставить любого человека позабыть о том, что существуют другие люди. Она выскользнула из своего халатика, улыбнулась Хейлу и как ни в чем ни бывало скользнула в воду.

Ее пример оказался заразительным. Пловцом Хейл был посредственным, однако, нырнув за ней следом, он даже не заметил, как ловко у него это получилось, и вскоре он снова очутился рядом с Глорией лицом к лицу.

Они размеренно плыли рядом. Хейл заметил вслух, что ей очень идет шапочка, на что Глория ответила, что та ужасно старая, а он в свою очередь возразил, что с ее красотой любая вещь будет к лицу.

— Эй, мистер Хейл, а для нас найдется местечко? — завопил вдруг кто-то.

Оба продолжали медленно плыть, держась поближе друг к другу, игнорируя голоса и совершенно не замечая прыгающих в воду мужчин и женщин.

Ни яростные огни фотовспышек, ни оглушительный рев заигравшего оркестра не могли нарушить так внезапно возникшей между ними тесной духовной связи...

Тонкий серп Луны виден был в небе, когда они, прихватив с собой сэндвичи на подносе, уединились в углу зала, усевшись вдвоем на надувной матрац.

— Вам хорошо здесь? — поинтересовался он.

Она кивнула со вздохом:

— Никогда не думала, как это здорово, иметь бассейн в собственном доме.

Хейл наблюдал, с каким изяществом Глория откусила кусочек бутерброда.

— А мне хорошо, потому что вы здесь, — произнес он. — Иначе этот бассейн казался бы не лучше лохани.

Даже сейчас, после нескольких часов знакомства, от ее взгляда у Хейла замерло сердце. Ее задумчивые, чуть близорукие глаза казались огромными и бездонными.

— Все, что вы делаете, кажется таким... я даже не могу подобрать нужное слово... зажигательным, что ли. Я никогда не встречал таких девушек, как вы.

— Разве я чем-то отличаюсь от любой другой девушки?

— О, что вы! Конечно! Вы такая очаровательная. Такая красивая...

— И все? — Она трогательно и немного лукаво улыбнулась. — Вы мне тоже нравитесь. Я не хочу, чтобы вы чувствовали себя одиноким.

— Что вы обычно делаете? — спросил он вдруг.

— Что? О чем вы?

— Я имею в виду, как отдыхаете? Вам нравятся спектакли или концерты?

— Нравятся, да только среди молодых людей, с кем бы я могла пойти, нет никого, кому это было бы интересно.

Хэйл открыл рот. Могла бы пойти? Неужели она говорит о том, на что он не смел и надеяться?

— Боюсь, я всегда плохо разбиралась в искусстве. Но мне очень хочется научиться. Вы поможете мне, Билли-Вилли?

— Мы можем вместе ходить в театр, на концерты, в картинные галереи, смотреть лучшие фильмы! — дрожа от волнения, воскликнул он.

— Это замечательно. Я хочу полюбить все, что вам нравится...

Вне себя от счастья, Хейл думал о том, что Глория нуждается в огранке, подобно алмазу чистой воды. Ее красота была способна покорить любого, но, кроме того, она демонстрировала тягу к знаниям. Он должен научить ее наслаждаться теми вещами, которые любил сам. И тогда она станет прекрасной партией для компаньона Люцифера — восхитительная, утонченная и, в конечном счете, с интеллектом. Ее обучение было бы для него сродни творческой радости великого скульптора.

Глория не сопротивлялась, когда Хейл обнял ее.

Глава 11

Джонсон был чрезвычайно терпелив. Понимая, что Хейл напрочь выпал из реальности, он не настаивал на встречах. В те редкие моменты, когда он успевал застать партнера дома, он не забывал, как обычно, продемонстрировать какой-нибудь урок мастерства в управлении Адом. Но однажды тактично заметил:

— Если кто и заслуживает счастья, так это ты, мой мальчик! Не торопись. Решай все хорошенько. Если тебе понадобится помощь, я всегда к твоим услугам. С этой минуты я не буду тебя беспокоить, пока ты не решишь, что пора заняться делом. Но, Уильям, я хочу сказать только одно: как бы глубоко ты ни увяз во всем этом, просто помни, кто ты есть на самом деле.

С тех пор Джонсон держался на расстоянии, целиком позволив Хейлу самому решать свои личные проблемы. Хейл был благодарен за понимание. Сейчас он не мог даже думать о делах. Он слишком поглощен был тем, чтобы научить Глорию наслаждаться искусством. Ему казалось, что она делала определенные успехи.

Как-то за коктейлем в клубе, после одного из спектаклей, он спросил:

— Ну и как твои впечатления?

— Не знаю. Мне совсем не понравилось.

— Почему? — он потребовал объяснений.

— Понимаешь, ты сам как-то сказал, что в любом драматургическом произведении предпосылка — не самое главное. Разве не так?

— Верно, допустима любая предпосылка. Продолжай.

Она подняла к нему большие, серьезные глаза.

— Но развитие должно быть логичным. Это тоже твои слова. Девушка любила богатого человека, но замуж вышла за бедняка: думала, что это будет более романтично. Но это

же глупо. Я считаю, что замуж нужно выходить за того человека, которого любишь. Ну, а ты — ты убил бы себя, как тот богач?

Он вдруг отшатнулся от нее, заставив испугаться. Убить себя? Для него это невозможно. Но вот она...

— Что случилось, Билли-Вилли?

— Н-ничего...

Она крепко сжала его руку, в то время как Хейл затараторил о чем-то, что первым пришло на ум; он готов был говорить о чем угодно, лишь бы прогнать так испугавшую его мысль...

Некоторые поступки Глории заставляли Хейла думать, что ей нравится в нем грубая мужская сила, при том, что сам он скорее считал себя интеллектуалом. Но ему льстило, когда во время прогулки она могла невзначай испуганно схватиться за его руку. Или когда начинала упрашивать пустить ее за руль одного из автомобилей, чтобы затем восторженно признаться в своем непонимании: как это он управляет машиной с такой легкостью, что ни с кем другим она не ощущает себя в полной безопасности. В эти минуты Хейлу казалось, что он способен горы свернуть, не говоря уже о том, чтобы стать равноправным партнером в управлении Адом. «Для того и нужна мужчине женщина. А вопрос ее интеллектуального развития решится сам собой», — думал Хейл,

Он был бы невероятно счастлив, если бы не та единственная мысль, которая все портила. Он старался не выпускать ее из глубин подсознания, но после одного несчастного случая, осознал всю тщетность этого.

Глава 12

Он шел по Пятой Авеню. Если бы он не думал о Глории, то, вероятно, наслаждался бы весенним солнышком.

Он услышал что-то, но, будучи в рассеянном состоянии, сначала ничего не понял. Откуда-то сверху донесся вопль. Затем начали кричать люди вокруг. Разбежавшись в стороны, они в ужасе пялились вверх.

Крик сверху стал еще громче. Эти вопли могли разбудить и мертвого. Хейл встрепенулся и поднял взгляд. Он увидел мойщика окон, падающего с огромной высоты: у него оборвался страховочный ремень. Человек летел прямо на Хейла, и не было никакой возможности избежать удара: Хейл не мог кинуться в сторону. Он словно одеревенел.

Внезапно на улице поднялся сильный ветер и сорвал с него шляпу. Кувыркающееся тело увеличивалось прямо на глазах, но ветер вдруг подхватил несчастного, затрепал его одежду, словно парус, и отклонил угол падения. С ужасным шлепком он упал в десяти футах от Хейла. Над толпой разнесся крик ужаса. Хейл стоял как вкопанный, так и не поняв, каким чудом избежал смерти.

Когда же до него дошло, он лихорадочно задрожал. Колени подогнулись, комок тошноты подступил к горлу. Он взмахом остановил такси и едва сумел выговорить адрес бюро заметок.

До сих пор он не мог оценить гарантированное Джонсоном бессмертие. Но теперь убедился в его действии. Любого другого на его месте упавший человек разбил бы всмятку. Да еще этот внезапный порыв ветра — ничем, казалось, непримечательное явление, но Хейл-то знал, что к чему. И понимание ситуации рождало в нем еще больший страх. Не за себя, нет...

Джонсон усадил его на стул.

— Успокойся. Это всего лишь шок. Скоро пройдет.

— Он летел прямо на меня! — истерично выкладывал Хейл. — Потом ветер — и его снесло!

— Естественно, — прогудел Джонсон. — Я же тебе говорил, что обязательно что-нибудь произойдет. Так всегда будет.

— Но это именно то, о чем я постоянно думаю. Я бессмертен!

— Разве я не говорил тебе, что так и есть.

— Вы не понимаете. Бессмертен я. Но не она. Она постареет и умрет...

— Хм, так вот что тебя беспокоит? Почему бы тебе не взять себя в руки? Я сталкивался с этой проблемой множество раз, когда был моложе.

— Правда?

— Конечно. Что в этом удивительного? Я даже был женат. И каждый раз, когда я влюблялся, я должен был решать для себя проблему, наделять ли мою избранницу бессмертием. Я удерживал себя от этого неразумного поступка и, уж позволь мне заверить тебя, никогда об этом не жалел. От женщин устаешь так же, как от любой вещи. Спустя какое-то время даже отрадно наблюдать, как их кожа стареет, как седеют волосы, начинают выпадать их милые зубки. Ты знаешь, что конец недалек, и скоро ты будешь избавлен от обузы.

— Прекратите! — Хейл ударил кулаком по столу, после чего откинулся на спинку стула, закрыв лицо руками.

— Извини, — сказал Джонсон. — Я не подозревал, насколько сильны твои чувства к ней. Ну, во всяком случае, это потрясение должно заставить тебя решать, что делать дальше. Я долго ничего не говорил, но больше не могу молчать — ты нечестен со мной.

— Почему это? — глухо спросил Хейл.

— Да ведь я сделал тебя партнером с равными правами и обязательствами. Но до сих пор я только давал. Нет, я нисколько не возражал, ты сам понимаешь. Но ты дорого обходишься мне, пока слоняешься без дела. В конечном итоге тебе нужно определиться: Глория тебе нужна или бизнес. Или найди способ совмещать и то, и другое. Я скоро должен уехать в Европу и надеялся полностью доверить тебе это полушарие. Но только если ты уладишь свои личные дела. Вот в чем проблема: что ты намерен делать? Ты можешь бросить ее. Или можешь на ней жениться.

— Я не могу жениться на ней!

Джонсон развел руками.

— Тогда брось ее.

— И так я не могу поступить. Я люблю ее!

Заложив руки за спину, Джонсон вразвалочку прошелся вокруг стола.

— О, ради всего святого! Если ты не можешь жениться на ней, брось ее! Если не можешь бросить ее, так женись! Разве это не логично? Что еще ты можешь сделать?

— Я не знаю.

— Уильям, ты не должен рассуждать как сентиментальный эгоистичный тип. Мое терпение огромно, но, знаешь, и у него есть предел, особенно когда речь идет о бизнесе. Разве ты не хочешь жениться на ней?

— Хочу, — кивнул Хейл. — Но я бессмертен, а она нет. Она постареет и умрет.

— Ну, лично я не могу представить для себя лучшего исхода.

— А я не желаю, чтобы она умерла. Я хочу, чтобы вы сделали ее бессмертной.

— Я? С какой стати? Это не моя забота.

— Так вы не сделаете? Я думал, что вы... вы...

— Минутку, Уильям. Ты мой партнер, не так ли? Это означает, что у тебя есть равные права и полномочия.

— Хотите сказать: я могу сделать ее бессмертной. Но как?

— Точно так же, как я поступил с тобой. Уладь вопрос тем способом, который ты посчитаешь целесообразным. Но, пожалуйста, поторопись. У меня действительно мало времени до отъезда в Европу, а еще нужно успеть объяснить тебе некоторые мои новые задумки относительно биржевых манипуляций. Конечно, когда ты будешь в надлежащем состоянии, чтобы воспринимать, что тебе говорят.

Хейл поискал глазами свою шляпу, но вспомнил, что потерял ее. Не глядя перед собой, он поплелся к выходу.

— Да, Уильям! — задержал его Джонсон. — Не торопись насчет бессмертия. Это серьезный вопрос. Хорошенько обдумай все на досуге.

— Разумеется, — пробормотал Хейл, едва ли услышав Джонсона.

Он думал о другом: подарить Глории бессмертие — в его власти!

Глава 13

Вечерние газеты пестрели заголовками:

ОДНО МГНОВЕНИЕ
33 МЕТРА В СЕКУНДУ
СИЛЬНЫЙ ПОРЫВ ВЕТРА НАВОДИТ УЖАС НА ТОЛПУ

Несмотря на этот инцидент, погода отличалась феноменальным тепло. Газеты находили научное объяснение несвоевременному приходу весны: писали что-то про области высокого давления. Но, так или иначе, погода была замечательной, как будто кто-то старался удовлетворить невысказанные желания Хейла, любившего прогулки.

Впрочем, сам Хейл на протяжении последующих недель был не в состоянии замечать того, что пишут газеты. Его заботило совсем другое. Он всерьез пытался найти причины, по которым не должен давать бессмертия Глории Баннер.

Например, она может впасть в скуку и возненавидеть его за это. Она также может почувствовать одиночество, не имея другой компании, кроме него и Люцифера.

Естественно, эти аргументы не казались убедительными. Он хоть и старался рассуждать беспристрастно, а все же не хотел искать доводы против. Его бросало в дрожь и пот, стоило только увидеть перед собой тот образ, навеянный разговором с Джонсоном. Глория — высохшая, беззубая, бормочущая ведьма...

Он задрожал и неожиданно привлек к себе сидевшую рядом Глорию, уткнувшись лицом в ее плечо.

— Что случилось? — прошептала она и в порыве инстинкта, как будто по-матерински, погладила его по голове, чтобы успокоить.

— Я люблю тебя... так люблю... — прорыдал он, захлебываясь в слезах. Перед его глазами, неважно, открытыми или

закрытыми, все еще стоял этот отвратительный образ морщинистой, шамкающей старухи.

Она нежно засмеялась, обняв его.

— И это заставляет тебя так дрожать? Почему, милый? Знаешь, теперь я тоже могу признаться, что люблю тебя. Но почему ты так дрожишь?

— О Боже, Глория, — видение как будто проникло в реальность и бормотало ему в лицо, — ты должна быть со мной, должна...

Девушка внезапно напряглась, он почувствовал, как замерло ее дыхание и как рука ее остановилась, прекратив нежные поглаживающие движения.

— Ты любишь меня, но...

Она вдруг вырвалась и, плача, бросилась прочь, через террасу пентхауса. Он нашел ее сидевшей в углу, спиной к стене. Она прижимала к губам свои кулачки.

Хейл хотел обнять ее, но Глория не позволила.

— Нет... нет... уйди!

— Любимая... почему? Что случилось?..

— Ты любишь меня... но ты же и стыдишься меня! Ты даже испугался, когда признался. Ты стыдишься любить меня... Все время ты пытаешься меня переделать. Тебе стыдно, что мне нравится думать и говорить о том, что любят все женщины — об одежде и вечеринках, о фильмах, или просто говорить о нас с тобой.

— О, милая моя, конечно нет! Ты не права... Совершенно не права. Я вовсе не хочу менять тебя. Это страх того, что ты изменишься. Станешь другой, совсем не такой приятной и волнующей, как сейчас. Вот что так тревожит меня. Я хочу быть с тобой, ты нужна мне, Глория, отныне и навсегда. Никто так никогда не нуждался в женщине, как я в тебе. Я просто хочу, чтобы ты всегда была такой же, как сейчас.

Неохотно она позволила ему взять себя за руки и медленно скользнула в его объятия, повернув к нему посеребренное луной лицо. В ее темных глазах читался страх.

— Это правда, мой милый?

— Святая истина, Глория. Я прошу и молю только об одном: чтобы мы всегда и всюду были вместе, и чтобы никогда

не были счастливы друг без друга: только ты, я и наша любовь, и чтобы так было всегда — вечно!

Он нежно поцеловал ее в каждое веко, и в губы, и не сводил взгляда с ее лица. Страх в ее глазах постепенно растворялся, сменился доверием, она нежно улыбнулась и крепко обняла его, уткнувшись лицом в его пиджак, а он готов был бесконечно ласкать ее волосы, мерцающие лунным серебром...

Тысячи людей, казалось, спешили поздравить их. По меньшей мере половина поздравлений из общего числа досталась Джонсону и Баннеру, которые устали повторять, насколько счастливы и жених с невестой, и они оба тоже.

Все, что запомнилось Хейлу из церемонии — это жалобные стоны переносного органа и скучные лица изысканно одетых гостей, заполонивших огромный зал. Он оцепенело наблюдал за Глорией, ее отцом, за маленькими девочками с цветами в руках, мальчиками-пажами и подружками невесты, составлявшими многочисленную свиту. Даже Джонсон, со своей стороны, хранил подобающее торжественной минуте молчание.

Хейлу смутно врезалось в память ослепительное платье стоявшей рядом Глории. Кто-то задал главный вопрос, он ответил машинально. Наконец, он поцеловал Глорию. Были чьи-то вздохи, слезы, аплодисменты и сотни рукопожатий. Стакан шампанского появился в его руке. Затем танец. Банкет.

Под финал торжества все заспешили к яхтенному причалу. Много говорили и смеялись. Баннер пожимал его руку.

— Ну вот, хотел выжать из меня побольше? Ха! А попался там, где я захотел! Не зря мы с Джонсоном сошлись на том, что лучшего зятя мне не сыскать. Но уж я-то сразу это понял.

— Наслаждайся, Уильям, — в свою очередь сказал Джонсон. — Не пренебрегай ничем, что может сделать тебя счастливым. Но помни, одна неделя, и ни секунды дольше. Я не могу потратить на тебя больше времени, чем требуется.

Катер вернул обоих на пирс. Все, кто был на причале, махали руками и радостно кричали, провожая яхту новобрачных. Им ответили величественным гудком, после чего судно легло на курс.

Глория поднялась на цыпочки и поцеловала Хейла:

— Навсегда вместе, Билли-Вилли? — прошептала она.

— Навсегда, любимая, — уверенно пообещал он.

Он подарил бессмертие девушке, которую любил, и теперь они вступили в брак с вечностью — никогда в жизни он еще не был так счастлив!

Глава 14

Едва Хейл вошел в офис, в ту же секунду Джонсон выскочил из-за стола и, потрясывая брюшком, с распростертыми объятиями заспешил ему навстречу.

— Уильям, мой мальчик! Как я рад видеть тебя! Должен сказать, выглядишь ты молодцом. Намного лучше, чем в день отъезда. Как прошло путешествие?

— Нормально.

— Круиз по Карибскому морю — и всего лишь «нормально»?

— Мы даже не начали толком отдыхать, когда вы выдернули меня оттуда.

Джонсон развел руками.

— Как только расправимся с делами, можешь отправляться хоть в кругосветное плавание, если захочешь. Но мы не можем позволить себе радость удовольствия во вред бизнесу. Дела не терпят отлагательства, я должен...

— Я тут подумал, — перебил его Хейл. — Раз уж теперь я имею все, что пожелаю, мне бы хотелось отблагодарить одних людей, которые были добры со мной.

— Кого именно? — спросил Джонсон, ничуть не рассердившись, что его грубо оборвали.

— Это Берк, домоправитель, и его жена, они заботились обо мне. Я хотел бы что-нибудь сделать для них, если можно.

— Что? Дать денег, я полагаю?

— Наверное. Впрочем, конечно. Деньги — именно то, им нужно.

Джонсон нажал кнопку зуммера и протянул Хейлу блокнот с ручкой.

— Напиши имя и адрес.

Вошла пожилая чопорная секретарша, которой Джонсон вручил заполненный лист.

— Вызовите этих людей и узнайте, кто они, откуда. Соберите всю информацию, какую сможете выведать от них.

— Я не понимаю, — сказал Хейл. — Мы что же, теперь и Берков должны взять в разработку?

— А как же, Уильям. В нашей работе, чтобы делать выводы, нужно действовать. Ни секунды не должно пропасть впустую, и нет права на ошибку. За время моего отсутствия ты поймешь весь смысл этого. Думать тебе, конечно, никто не запрещает, но главное правило состоит именно в том, чтобы, прежде всего, действовать, даже если ты не прав.

Он придвинул стул и сел.

— Теперь я должен объяснить тебе ситуацию в Европе. Ты уже знаешь, что благодаря нашим усилиям Америка начала поставки самолетов некоторым дружественным государствам. Таким образом, прежде существовавшее равновесие сил нарушено. До сих пор диктаторские режимы использовали в своих интересах военную и психологическую слабость демократических государств. И хотя тоталитарные государства уже многие годы наращивают производство собственных вооружений, Америка за короткий период времени способна выпустить столько оружия, сколько все эти страны вместе взятые. Ты даже представления не имеешь о наших производительных ресурсах. К примеру, в неделю выпускается двадцать пять тысяч автомобилей. Не составит никакого труда приспособить большую часть наших заводов к выпуску танков, армейских грузовиков и военных самолетов и также выпускать их тысячами в неделю. А между тем, даже самые индустриализованные из тоталитарных стран производят несопоставимо меньше — всего лишь десять тысяч самолетов в год! Таким образом, нисколько не в ущерб нашей национальной экономике, мы можем механизировать армии всех демократических государств, накормить их, одеть и снабдить самым современным оружием. И это случится скорее, чем ты можешь себе это вообразить. Диктаторские режимы полностью осознают этот факт. Но в любом случае их ресурсы на пределе своих возможностей. Они в состоянии вооружить себя ровно настолько, насколько это удается с учетом возможностей их экономик, валютных резервов, ограничений на импорт и так далее и тому подобное. Если я пущу все на самотек, они очень быстро решатся на войну в надежде добиться победы прежде, чем Америка

начнет поставки вооружения своим союзникам. Но ты ведь понимаешь философию Ада. Красота и сила моей стратегии в ее совершенстве. Тоталитарные режимы стоят на грани пропасти, и демократические государства не могут ощущать себя в безопасности. Агрессоры жаждут войны...

— Теперь, Уильям, скажи мне, что бы ты сделал на моем месте? — спросил Джонсон.

Хейл рассеянно посмотрел на свою зажигалку.

— Что я сделал бы? Ну... — он зажег сигарету, и не торопясь с затяжкой, дал себе время подумать. — Наверное, я бы попытался предотвратить войну.

— Верно, — радостно кивнул Джонсон. — Ну, а с какой целью?

— Чтобы как можно дольше держать мир в страхе.

— Отлично! Превосходно! Это именно то, что я намерен сделать. Война — превосходный эмоциональный стимулятор, особенно если ей придать романтический ореол. Но в то же время я считаю, что нет лучшего средства, подтачивающего силы, чем страх перед вторжением. Таким образом, я намерен чередовать кризис за кризисом, по очереди доводя до отчаяния обе стороны. В конечном счете все смирятся с тем, что война неизбежна, им будет уже все равно, когда именно она начнется. В этот самый момент я нажму на спусковой крючок, и весь этот снулый мир будет потоплен в реальном ужасе войны. Жаль, но пока эта точка не достигнута.

Джонсон закурил сигару.

— В данный момент в равной степени существует опасность того, что в Европе может либо вспыхнуть военный конфликт, либо воцариться мир. Агрессорам не хватает ресурсов наращивать производство оружия для своих армий. Но их экономики базируются на военной промышленности, и если она остановится, последуют бунты и полный крах. Очевидно, что я не могу позволить им начать войну, не могу позволить прекратить выпуск оружия, не могу допустить их свержения. Так какой же выход, Уильям?

Хейл не видел ни одного. Диктаторы были загнаны в ловушку. Если только...

— Нет, — сказал он. — Они не пойдут на это...

— Кто на что не пойдет?

— Ведь не станут же демократические государства предлагать им кредиты или поставлять сырье.

— Почему ты в этом так уверен?

— Почему? Да ведь в этом случае они вооружат собственного противника.

— Ха! — воскликнул Джонсон самодовольно. — Ты не изучил все факты. Вспомни, диктаторы не выполнили свои обязательства по оплате большей части репараций некоторым странам, которые согласны были взять товары в денежном эквиваленте. И, кроме того, эти долги окажутся вообще аннулированными, если диктатуры будут свергнуты. Это означает, что вслед за ними в пропасть последуют и все остальные. Демократические государства очень боятся войны, но еще больше они боятся широкомасштабных политических потрясений. Я буду играть на этом страхе. Будут и огромные кредиты, и поставки сырья диктаторам в каких угодно количествах. Таким образом, опасность мира будет устранена, и хронический кризис продолжит бурлить и кипеть. Ты согласен со мной?

Хейл неуверенно качнул головой.

— Мне кажется, я никогда не научусь этому.

— Ерунда, Уильям. Тебе понадобятся многие годы, возможно, даже столетия. Но что из того? Перед нами целая вечность. Просто помни это. Наш бизнес, позволь мне повторить: это насылать страдания на как можно большее количество людей и наиболее эффективным образом, — подчеркнул Джонсон, для выразительности постучав по столу. — Война или страх перед войной — самая действенная массовая пытка. Но есть и другие кары для стран или для отдельных классов: безработица, налоги, бюджетный дефицит, несправедливая конкуренция, угроза переворота, сокращение пособий и так далее. Даже при том, что военный конфликт — наша первоочередная задача в настоящее время, мы никогда не должны забывать о мелкомасштабных мучениях...

Естественно, что Хейл все более и более ощущал неуверенность в собственных силах. Принудив Люцифера к партнерству, в действительности он до сих пор не мог придумать ничего более дьявольского, чем купаться в богатстве,

роскоши, с полным ощущением безопасности и собственной власти, — но этого было недостаточно. Он тяготился своим несоответствием роли, и, тем не менее, наступил момент, когда ему пришлось разделить власть с Люцифером.

— Что мне полагается делать, когда вы уедете? — с тревогой спросил он.

— Это полностью зависит от тебя, Уильям. Если хочешь поэкспериментировать, я не возражаю. В конце концов, твои полномочия аналогичны моим. Делай все, что хочешь. Комплексный бизнес-план относительно Западного полушария функционирует уже сейчас. Если чувствуешь, что не потянешь собственный план, можешь воспользоваться существующим и обучиться в процессе. Но это, опять же, решать тебе.

— А как насчет содержания офиса?

— У компании достаточно средств и есть регулярные финансовые поступления. За кредиты для диктаторских режимов мы тоже получим свои отступные, тайно, разумеется. Так что без денег мы не останемся.

Джонсон посмотрел на наручные часы.

— Что-то секретарь задерживается. Мой багаж уже в порту, а корабль отплывает в полночь.

— Меня пугает размер картотеки, — пожаловался Хейл.

— Зря ты так переживаешь. Каждый месяц собираемая нами информация сводится в графики, показывающие экономическое, социальное и политическое состояние страны. В картотеке несколько тысяч ящиков, но там главным образом перекрестные ссылки, а не отдельные записи. Предположим, замечено увеличение занятости. Ты входишь в контакт с нашим лобби в штате, где это произошло, или в Вашингтоне, если это общенациональный фактор. И принимаешь меры, скажем, по увеличению налогов на прибыль или по сокращению зарплат, или что-нибудь еще, лишь бы препятствовать росту совокупного национального дохода. Так же ты можешь понизить и уровень жизни, повышая кредитные ставки или цены на товары, что принесет тот же самый эффект.

В этот момент вошла секретарша Джонсона и передала ему машинописный лист. Он велел ей ждать и заковылял к двери, дав знак Хейлу следовать за ним. С суетливой поспешностью Джонсон отыскал стеллаж с маркировкой «В»,

и из ящика с пометкой «Висконсин» выудил карточку «Рокмонт».

— Пусто, — сказал он. — Но Рокмонт находится в округе Дуглас, его центр — Сьюпириор, не такой уж маленький город. Смотрим дальше... Видишь ли, мистер Берк — натурализованный гражданин, значит, он отпадает. Зато миссис Берк в девичестве носила фамилию Грин, а Грины жили в окрестностях Рокмонта в течение нескольких поколений.

Он бегло просмотрел несколько карточек.

— Кажется, вот оно... Сьюпириор. Последнее сообщение две недели назад. «Николас Перри, умирает от рака легких». Вот, сам убедись.

— Я вообще ничего не соображаю, — с тоской произнес Хейл. — Причем здесь какой-то Перри? Почему нельзя просто дать им часть моих собственных денег?

— Уильям! — рассерженно воскликнул Джонсон. — Подумай, что ты говоришь! Мы — деловые люди, и управляем нашим бизнесом с максимально возможной эффективностью. Мы не можем просто раздавать деньги всякий раз, когда кто-то нуждается в них. Вспомни свою прежнюю стратегию.

— Мою прежнюю стратегию?

— А чью еще? Мы должны действовать через обман, страдания и только окольными путями, Уильям. Заставь платить другого. Этот принцип открывает путь новым страданиям. Думаешь, я дал тебе деньги только потому, что тебе нужен был капитал? Разумеется, нет, это было бы неэффективно. Скрытность и лживость — вот наше оружие. Прежде чем отказаться от него, вспомни, разве тебе никогда не хотелось что-нибудь утаить, даже от меня?

Голосом Джонсон как будто сделал акцент на последнем предложении, заставив Хейла вздрогнуть, однако круглое лицо партнера хранило невинность.

— Да ладно, Уильям, кто из нас не скрещивал пальцы, если приходилось врать? Лучше прочти карточку.

— Николас Перри, — начал читать Хейл. — Рак легкого, срок оставшейся жизни — один месяц. Родственников нет. Семья жила в Висконсине три поколения. Доход с состояния завещан исследовательской лаборатории, ориентировочно 25 тысяч долларов в год.

— Признаюсь честно, — сказал Джонсон, — Я бы не стал отдавать деньги этого Перри каким-то там Беркам. Конечно, мы в состоянии отыскать связь между Перри и Гринами. Большинство старых семей в таких захолустьях довольно тесно связаны между собой, нужно только хорошо порыться в записях. Но у меня особая слабость к капиталам, завещанным на научные исследования. Перри хочет отдать свои скромные двадцать пять тысяч в год для лаборатории. Этого хватит лишь на очень скудное оборудование и на небольшой второсортный персонал. Лучше всего, если они каким-нибудь чудесным образом создадут лекарство от рака, и у них не хватит силенок заняться его выпуском и продажами, в этом случае прибыль и, возможно, права на открытие перешли бы кому-нибудь другому. Это искушение, Уильям. Но здесь твоя половина мира и, конечно, Берки получат эти деньги в первую очередь.

Джонсон заковылял обратно в офис и продиктовал секретарше приказ:

— Найдите родственную связь между Перри из Сьюпириора и Гринами из Рокмонта, достаточную для получения наследства. Через юридическое бюро сообщите Перри, что у него есть родственники, имеющие законные права унаследовать его имущество. Если он умрет до того, как вы сможете все провернуть, оспорьте завещание. Это все.

Он повернулся к Хейлу.

— Если состояние Перри перейдет Беркам, после уплаты налога на наследство останется примерно десять или пятнадцать тысяч. Думаешь, этого будет достаточно?

— Вполне, — рассеянно ответил Хейл.

Он все больше и больше нервничал. И хотя старался не показывать вида, то и дело с тоской оборачивался на дверь.

Джонсон, с любопытством наблюдая за ним, продолжил:

— Если Перри умрет прежде, чем мы сможем установить с ним контакт, нам придется делить его состояние между Берками и лабораторией. Но даже так мы подрежем крылья владельцам лаборатории, что меня вполне устроит. В любом случае тебе остается поручить это дело юридическому отделу, и не забудь про наш гонорар. Да, и еще! Ты должен понимать, что никто из наших подчиненных даже не догадывается о

том, кто мы с тобой в действительности. Ну, а теперь я, правда, должен спешить.

Несмотря на то, что Хейлу безумно хотелось скорее отправиться домой, он предложил Джонсону отвезти его в порт.

— Нет, спасибо, Уильям. — Джонсон снял с вешалки пальто.

Чтобы просунуть руки в рукава, ему пришлось изрядно постараться. Пыхтя, с раскрасневшимся лицом, толстяк водрузил котелок на седую голову.

— Я ценю твое предложение, но тебе ведь не хочется надолго покидать свою жену, разве нет? — с подколкой спросил Джонсон.

После этих слов Хейл сразу понял, что с ним происходит. Желание скорее попасть домой превратилось в навязчивую идею. Он мог бы оправдать его тем, что после свадьбы не расставался с Глорией дольше, чем на несколько минут, и стремление снова видеть ее могло показаться вполне естественным. Но весь абсурд заключался в том, что этим нельзя было объяснить то дикое отчаяние, в которое он впал. Даже сейчас, спускаясь в лифте, он не мог думать ни о чем, кроме Глории.

Неуклюжему Джонсону пришлось постараться, чтобы пролезть в салон такси.

— До встречи, Уильям. Действуй так, как считаешь нужным для развития нашего бизнеса. Я периодически буду отправлять тебе весточки. Вернусь через несколько месяцев. И помни: все, что ты делаешь, неважно, что именно, должно увеличивать страдания и мучения людей, потому что именно так устроен Ад.

— Да, — едва слышно пробормотал Хейл. — Я буду иметь это в виду. До встречи.

Еще до того как такси тронулось с места, он заспешил к своему родстеру. Уже двигаясь по городским улицам, он вдруг вспомнил, что хотел задать Джонсону один вопрос. Но теперь это было не так важно. Действительно, какая разница, как давно Джонсон и Баннер знали друг друга? И что из того, что Джонсон ни разу не упомянул об этом. Всякое бывает.

Задолго до того, как Хейл затеял шантаж Люцифера, он видел фото Глории в газетах, и тогда же поставил одной из

своих целей жениться на ней. Так что не могло быть никакой связи между его женитьбой и Джонсоном.

Хейл, возможно, еще успел бы застать Джонсона в порту. Но посчитал, что это не так важно. Его больше беспокоило, что скоростной лифт поднимался слишком медленно, как будто не торопился доставить его к Глории. Он не мог ждать, так ему хотелось обнять ее.

Глава 15

Хейл долго колебался перед тем, как начать письмо. Не желая диктовать его секретарю, он сам взял пишущую машинку и начал набивать текст.

УВАЖАЕМЫЙ ДЖОНСОН,

Я, кажется, попал в затруднительное положение. Надеюсь, вы сумеете мне помочь.

Он остановился и посмотрел на Глорию. Та сидела рядом и сосредоточенно вязала свитер. С нежностью Хейл наблюдал за тем, как она слегка хмурится, пересчитывая количество петель, но вот она решила проблему и взгляд ее прояснился.

«Пока ей есть чем заняться, даже в его офисе, — подумал он. — Но надолго ли ее хватит?»

Он продолжил:

В ту ночь с Глорией, когда мы решили быть вместе, я пребывал в таком восторженном состоянии, что не подумал должным образом над словами, которые произнес тогда. Теперь я уверен, что это было похоже на заклятие.

Я тогда выразил желание, чтобы мы никогда не были счастливы отдельно друг от друга. Разумеется, я имел в виду, чтобы мы не находили радости в разлуке. Но все вышло совсем не так. Когда мы не вместе, мы ужасно страдаем. Не могу передать, какую пустоту мы ощущаем в душе, какую растерянность, невероятную тревогу. Нам хочется снова оказаться рядом, и чем скорее, тем лучше, несмотря на то, что это порой доставляет значительные неудобства.

Он перечитал написанное, ощущая себя человеком, которого голым выставили на улицу на всеобщее обозрение.

Впрочем, не тот был момент, чтобы скрывать от Джонсона свои чувства. Он продолжал:

Я знаю, что непростительно ошибся. Я должен был проявить осторожность, но я ведь не понимал, что фактически произношу заклинание, да у меня и мысли не возникло, что все это осуществится так буквально. Мне следовало бы выразиться в том смысле, чтобы мы вместе были более счастливы, чем порознь. Подскажите, как мне изменить условия заклинания, чтобы оно принесло желаемый эффект.

Пожалуйста, ответьте как можно скорее, авиапочтой или нарочным. Я по-разному пытался избавиться от проклятия, но ничего не выходит. Ситуация становится весьма неудобной».

«Невыносимой» — было бы ближе к истине, но он не стал исправлять.

— Ну же, дорогая. Идем!

— Я думала, у тебя еще много работы.

— Вовсе нет, — вздохнул он. — Я закончил.

Есть дела или нет их — ему было все равно. Это Джонсон всегда находил, чем заняться: передвинуть ту или иную пешку в своей игре или запустить очередной глобальный проект, который коснется жизней миллионов людей.

Хейл каждое утро приезжал в офис скорее от безысходности, чем из желания заняться разработкой дьявольских интриг. Его секретарь показывала отчеты, разные публикации и графики и ждала указаний. Но Хейл не был способен выдвинуть ни одной идеи. Однако он понимал, что в плане Джонсона наступает кульминационный момент.

Страна разделилась на три лагеря. Упертые изоляционисты не желали ввязываться ни в какие европейские дела; сочувствующие демократическим странам требовали разобраться с теми, кто подстрекал к войне; те, кто был на стороне диктаторских режимов, в свою очередь делились на две клики: открытых сторонников союза с агрессорами и более многочисленную группу, маскирующую свои истинные чувства за просьбами о невмешательстве. Все это был результат работы лоббистов, распространения слухов и заказных статей. Джонсон держал бы

этот воинствующий треугольник в таком состоянии как можно дольше, чтобы извлечь как можно больше страданий, прежде чем позволить одной из сторон возобладать над другими.

План казался слишком основательным, чтобы Хейл мог детально разобраться в нем. Он был морально подавлен и совершенно не знал, что делать. Вот Джонсон — тот знал. Стоило ему только снять телефонную трубку, и целые армии людей пришли бы в движение, миллионы из них он мог заставить страдать от голода — ему удавалось все что угодно, за какую бы пешку он ни взялся. Это походило на умение выбрать из огромного числа тумблеров один единственный нужный. Джонсон мог потянуться к нему небрежно и просто щелкнуть в нужный момент. Но в том-то и дело, что Хейл не был Люцифером.

Ответственность давила на него чудовищным грузом. Он должен с максимальной эффективностью вызывать страдания как можно большего количества людей — не трудно было постичь эту философию Ада, прекрасно зная, как мало в жизни счастья и, напротив, сколь грандиозно количество боли и зла. Понятно, что он не имел права впадать в растерянность, а должен был нужным образом организовать свою работу. Но у него ничего не выходило. Все, на что Хейл был способен — двинуть одну единственную пешку к удаче или другую к поражению, позабыв при этом обо всех остальных фигурах. Он порой ощущал себя неопытным владельцем гигантской корпорации, который скопом бросает весь свой коллектив на один-единственный крохотный заказ.

— Идем же, Глория! — вскричал он. — Нужно скорее убраться отсюда, прежде чем я сойду с ума!

— Позволь мне хотя бы закончить этот ряд, — попросила она и начала вязать с лихорадочной поспешностью.

— Ради всего...

— Только одну секундочку, — она потеряла стежок. — Ох, да что же!..

Хейл сердито застыл перед ней.

— Всего один ряд, Билли-Вилли...

Он вырвал вязание из ее рук и в ту же секунду пожалел о содеянном. Притянул ее к себе и поцеловал.

— Прости, любимая. Это все нервы.

Она великодушно улыбнулась.

— Куда ты хочешь пойти? — спросил он.

Она взяла его за руку.

— Мне все равно. Достаточно того, что я рядом с тобой.

«Ну да, — уныло подумал он, — заклинание в действии. Меньше нужно было разбрасываться словами». Они оба, конечно, не были счастливы по раздельности. Но это и не означало, что они были счастливы вместе.

— О, дьявол! — прошипел он. Кто бы знал, что так глупо все выйдет.

Глория возмущенно округлила глаза.

— Ну, что еще? — раздраженно спросил он.

— Ты не должен так говорить. Ведь мне действительно нравится быть рядом с тобой, даже если мы ничем не занимаемся.

— Прости, это проклятая работа.

Кто бы сомневался, что ей нравится быть со мной, думал Хейл: ведь это гораздо лучше, чем мучиться от боли, грызущей душу. Они даже не могли чистить зубы порознь, без того, чтобы не ощущать смертельную тоску от нескольких минут разлуки. И потому он вынужден был повсюду таскать Глорию за собой.

В то же время он не мог подолгу находиться с ней дома. Неизбежно она начинала свою болтовню, эти постоянные разговоры об одном и том же, как будто он безостановочно слушал заезженную пластинку.

Впадая в скуку, Глория иногда зазывала друзей. Если бы Хейл мог сбежать куда-нибудь в соседнюю комнату; проклятое заклинание не позволяло ему удалиться, и он был обречен выслушивать разговоры ни о чем и мучиться от грохота ненавистной танцевальной музыки.

— Давай пойдем в кино, — предложил он.

— О, дорогой! В «Стейте» идет очень милая картина, это водевиль. Ты любишь водевили?

— Да, — пробормотал он, хотя ему больше хотелось попасть в «Плейхаус», где шел новый французский фильм. Но Глория не понимала французский и субтитры читать не желала, ей вообще не нравились иностранные картины, и часто доходило до слез, когда он начинал уговаривать ее.

Если бы он мог отправиться туда один. Но они ведь никогда не должны быть счастливы по раздельности.

Он хлопнул дверью, достаточно громко, чтобы напугать персонал. Впервые он увидел, как работники оторвались от своей работы. Как ни странно, это заставило его почувствовать себя немного лучше.

В течение нескольких дней Хейл не появлялся в офисе. Супруги вставали поздно, быстро одевались, завтракали и покидали квартиру. Их ждала либо яхта, либо автомобиль, либо собственный самолет — лишь бы только не оказаться в конторе за столом Джонсона. Но скоротечные, бесцельные путешествия вскоре наскучили Хейлу.

Тогда он переключился на пешие прогулки. Ему нравилось ощущать себя Гарун-аль-Рашидом, который бродит среди подданных, даже не подозревающих, кто он такой. Но Глория оказалась слишком изнеженной. Она предпочитала обувь на каблуках, и уже через десяток кварталов приходилось вызывать такси. Как бы ни хотелось Хейлу, он уже не мог продолжать гулять в одиночестве.

Они не должны быть счастливы по раздельности...

Глория все же позволила ему сводить ее на серьезную постановку. Хейл полагал, что поступил правильно, пообещав, что не будет больше пытаться переделать ее под себя. И череда разных фильмов, спектаклей хотя бы отчасти могла усладить его измученную душу.

Но когда они покинули театр, Глория, казалось, была чем-то удручена.

— Что случилось? — спросил он.

Она поджала подбородок.

— Я, конечно, многого не понимаю, но...

— Но тебе нравится только то, что ты любишь, — закончил он за нее.

— Да.

— Что же, тебе совсем не понравилось? — спросил он, закурив.

— Мне не нравится вся эта глубокомысленая чепуха. Какое мне дело до восстания в Ирландии? Мне нравятся пьесы, рассказывающие...

— Рассказывающие нам о нашей жизни. Так?

Она с болью посмотрела на него.

— Ты даже не дал мне договорить.

Он хотел сказать, что ничего другого она сказать и не могла, но, несмотря на то, что время от времени Глория вызывала у него раздражение, внезапный порыв любви сумел заставить его вовремя заткнуться.

— Ты не устала? Наверное, уже сил не осталось.

— Напротив. Моя любовь...

— Я знаю. Женщину питает Любовь.

Он крепко обнял ее.

— Я не хочу обижать тебя, любимая, но, если честно, я не думаю, что тебе стоит постоянно забивать голову мыслями о нас с тобой.

— Но мне казалось, Билли-Вилли...

— Да хватит уже! — выкрикнул он, впервые сорвавшись. — Я уже устал от этого дурацкого имени. Ты можешь называть меня Биллом, или Уиллом, или, на худой конец, хотя бы Уильямом?

Чтобы не заплакать прямо на улице, Глория закрыла лицо ладонями. Она села в автомобиль и забившись в угол, разрыдалась, уже не сдерживая слез.

Всю дорогу домой Хейл пытался оправдаться: и что нервы не в порядке, и что прозвище ему на самом деле нравится, и что тема любви удивительна и неисчерпаема сама по себе.

Ему хотелось как можно скорее получить ответ Джонсона. Уж он-то наверняка знает, как исправить положение.

Все было бы не так плохо, если бы Хейл имел хоть немного времени на то, чтобы оставаться наедине. Глория была достаточно мила и приятна, но не тогда, когда ее становилось слишком много. Двадцать четыре часа в сутки, каждый день — такое не всякий выдержит.

Хейл обещал себе, что как только Джонсон избавит его от проклятия, он будет посвящать жене достаточно времени, сопровождать ее иногда в походах по магазинам и принимать вместе с ней послеобеденный чай.

Он не возражал против этого, готов был ради нее на многие жертвы. Но, черт возьми, она даже не задумывалась об этом.

Каждому мужчине, привыкающему к рутине брака, приходится расставаться со своими холостяцкими привычками. Но никому и никогда не доводилось ломать себя так, как это вынужден был делать Хейл.

Глава 16

Звонок из бюро заставил его бросить все. С Глорией, чуть ли не висящей на его руке, Хейл ворвался в кабинет, распечатал конверт и трясущимися руками извлек из него письмо. Вместо того чтобы сесть, он исступленно впился глазами в текст.

— Что-нибудь не так, Билли-Вилли?

Не слыша вопроса Глории, Хейл без сил рухнул в кресло и снова перечитал письмо.

Но ни одна строчка в нем не изменила своего смысла.

ДОРОГОЙ УИЛЬЯМ,

С большим сожалением спешу сообщить тебе, что не в моих силах отменить или изменить твое неудачное заклинание. Надеюсь, теперь ты понимаешь, о чем я говорил, когда напоминал тебе об осторожности и советовал не торопиться: учитывая, что некоторые наши слова в буквальном смысле могут звучать несколько иначе, с такими вещами нельзя шутить. Ты должен понимать, что твое так называемое «заклинание» — это почти то же самое, что и действующая химическая формула. Аналогия не совсем верна, но близка к действительности. Считай, что наша власть над сутью вещей — некий катализатор, который вызывает необратимые реакции, он действует сразу и бесповоротно, пока «заклинание» не будет осуществлено.

На будущее, Уильям, я могу лишь просить тебя быть более осторожным с использованием своей власти. В настоящее же время я бессилен помочь тебе, и могу только выразить свои глубочайшие соболезнования.

Пожалуйста, не позволяй неудаче довести себя до уныния. Всем нам приходится сожалеть о разных романтических порывах, но в них также есть и приятные моменты.

Если ты сосредоточишься на очаровательно нежном характере твоей жены и бесспорном наслаждении вечной любовью, тебе будет проще смириться с неудобствами...

Хейл слепо смотрел перед собой. Теперь он был привязан к ней навсегда, и к ее пустым женским развлечениям. И ничего нельзя сделать, чтобы исправить бездумную грубую ошибку.

— Какие-нибудь дурные вести, Билли-Вилли?

Билли-Вилли... Билли-Вилли...

Он вскочил и застыл перед нею с занесенным для удара кулаком. Глория отпрянула и в страхе вжалась в стену.

Его собственный поступок потряс Хейла не меньше, чем Глорию. Он начал рассыпаться в извинениях, попытался обнять ее, но все было тщетно.

Он совершенно ясно понимал, что это не был порыв безумия, отчего испытал к себе еще большее презрение. Он ненавидел ее красивое и глупенькое личико, и одновременно восхищался ею — настолько, что мысль о том, что он мог бы ударить Глорию, ужасала его. Он ненавидел ее вечное присутствие, дробный стук ее каблуков, ее бессмысленную болтовню тонким голоском, ее огромные, как у коровы, глаза — но он точно так же обожал ее за все это.

Такое двойственное ощущение, как он догадывался, было частью его проклятия. И эту изощренную пытку он придумал себе сам. Он не мог убежать, не мог бросить ее, даже если она доводила его до бешенства своими бесконечными «Билли-Вилли». И никогда она не изменится. Это тоже часть проклятия.

Конечно, ведь она не демонстрировала своего желания учиться с того момента, как проклятие вступило в силу. Но значило ли это, что у нее все еще сохранилась эта способность, или это означало, что она не могла учиться, потому что учение подразумевает переделку ее натуры? Это был интересный парадокс, подобный тем, какими он когда-то любил дразнить свое воображение. Но до сих пор не встречал более сложной загадки, чем эта. Только время могло показать, чего ему ждать от Глории. А между тем он еще не дочитал письмо Джонсона.

— Я сожалею, — пробормотал он и вернулся в кресло.

...Поскольку с этим делом мы разобрались, позволь мне перейти к другим вопросам.

Наши планы относительно выдачи кредитов диктаторским режимам, а также по уступке им необходимых сырьевых колоний идут полным ходом.

Ты уже знаешь, что помощь Америки демократическим странам, если ей не противодействовать, может иметь нежелательный эффект принуждения агрессоров к войне, экономических потрясений или революции. В Вашингтоне вот-вот заговорят о том, чтобы начать фортификацию некоторых тихоокеанских островов. Основная цель этого заключается в том, чтобы породить разногласия между лагерем изоляционистов и поборников интервенции, но здесь есть свой побочный эффект — могут пострадать планы относительно вооружения демократических государств. Если так случится, это будет серьезный удар по блоку агрессоров.

В настоящее время все их силы брошены на изоляцию единственной оставшейся колониальной империи — то, о чем мы говорили в день моего отъезда. Все западные торговые и военные пути уже вскоре будут перекрыты. Единственный свободный путь — Тихий океан.

Если Америка укрепит свои острова, империя сможет вздохнуть свободно, и тогда автократиям придется туго, если они начнут войну, которую неизбежно проиграют.

Таким образом, я намерен создать влиятельную оппозицию тем, кто выступает за фортификацию Тихоокеанских островов. Есть основания считать, что за этими настроениями стоят серьезные силы, они не сдадутся без боя. Но тебе и не нужно полностью уничтожать их лагерь. Наша цель — как можно дольше затянуть этот процесс, приостановить фортификацию, но в то же время поддерживать любые шаги, направленные на рост военной индустрии и давать ложные надежды демократическим странам, что поставки оружия будут осуществлены в кратчайший срок.

Это поддержит страх в стане агрессоров, уже сейчас знающих об угрозе укрепления тихоокеанских островов, которое в любой момент может воплотиться в реальность.

Если ты не готов возложить на себя эту задачу, вызови меня по трансатлантической связи, номер найдешь на фирменном банковском бланке.

В случае моего отсутствия банк устроит телефонную связь между нами. Для меня, однако, предпочтительнее будет, если ты решишь проблему сам, в качестве конкретного примера управления.

«Действуй! — вспомнил с горечью Хейл. — Разделяй и властвуй. Ты партнер Люцифера, тебе и карты в руки. Но что если ты все испортишь? Насколько умело ты можешь распоряжаться чужими судьбами, если собственную жизнь и жизнь Глории превратил в кошмар?»

Так и не успокоившись, она сидела, зажавшись в кресло, и рыдала. Почему он так поступает с ней? Ведь ее вины здесь нет. Если кто и виноват, так только он сам: из-за своей глупой поспешности и желания завоевать ее. Он не имел никакого права обвинять ее и, сделав это, поступил как трус.

Неожиданно сквозь подавленные всхлипы Глории прорвался осуждающий вопль:

— Я знаю, что случилось! Ты больше не любишь меня, Билли-Вилли!

— Любимая, — смиренно прошептал он. — Я не хотел этого. Мои нервы на пределе. Обещаю, что этого больше не повторится, потому что я очень люблю тебя, правда!..

Он затянул старую песню. Это была и правда и ложь одновременно. Он любил ее — и не желал находиться с ней рядом. Однако впервые он был приятно озадачен тем, что сумел не скривиться, снова услышав в ответ свое дурацкое прозвище.

Глава 17

Баннер покачал головой.

— Я не понимаю, к чему ты клонишь, сынок! Или у тебя какие-то запредельные претензии к правительству, или это какой-то непонятный истеричный каприз. Вот я и хочу знать, что именно с тобой случилось.

Хейл стряхнул пепел с сигареты и ничего не ответил. Постороннему он действительно мог показаться слишком нервозным, когда выступал с пламенной речью перед собранием бизнесменов, пытаясь уговорить их воспротивиться планам фортификации и перевооружения, слать телеграммы в Вашингтон, требовать каких-либо мер от газет.

— Объясни мне, что происходит, Билл, — упрашивал Баннер по-отечески обеспокоенным голосом. — Никому из нас не нравится эта идея потратить миллиарды на оружие, но твои предложения — это курам на смех!

— Папа! — выступила Глория.

— Ну, возможно, я немного резковат. Но ты ведешь себя не как трезвомыслящий человек. Чем тебе так не угодил план перевооружения? — Он хитро подмигнул. — Или у тебя есть что скрывать от своего тестя?

— Мне просто не нравится этот план, — попытался отвертеться Хейл.

— Брось! Оставь эти шутки для детей! Никто не станет тратить столько времени на увещевания просто оттого, что ему, видите ли, что-то не нравится. В чем твой интерес? Не хочешь признаваться, так и скажи прямо. Мне все равно, — не слишком убедительно добавил он.

Когда Баннер понял, что никакого объяснения не последует, он повернулся к Глории:

— А ну-ка, принеси мне трубку и кисет. Они в моем пальто.

Хейл и Глория побледнели. Она неуверенно поднялась с места, беспомощно глядя на мужа.

— Я пойду с тобой, Глория, — неожиданно громко воскликнул Хейл, — я тоже кое-что оставил в гардеробе.

К ней вернулся прежний цвет лица, и они вместе покинули комнату. Хейлу казалось, что заклинание становится все сильнее с каждым днем. Оба не произнесли ни слова, пока не вернулись.

— Да что с тобой, Билл? — допытывался Баннер. — Глория прекрасно могла бы и тебя обслужить, попросил бы ее принести. Можно подумать, вам не надоело целыми днями торчать друг перед другом?

Глория без сил опустилась в кресло, а Хейлу пришлось стиснуть зубы, чтобы не закричать.

Хейл лежал с открытыми глазами, глядя на тканевый купол торшера. Слабый свет не тревожил его, напротив, придавал чувство защищенности. Он уже заметил, что просыпаясь в темноте и ничего не видя вокруг, часто впадал в панику, если не мог сразу включить свет.

Если бы он только мог что-нибудь сделать: убежать, убить себя или Глорию. Но это, конечно, было невозможно. Быть вдали от нее казалось хуже смерти, но и смерть им не грозила.

«Бессмертие! Господи, нет!» — взмолился он, ведь так просто невозможно жить: в безнадеге и тягостной близости, в вековечных муках до скончания времен!

Он уже понял, что его жестокость по отношению к Глории была вызвана трусостью, нежеланием признать свою ошибку. И с того момента поклялся, что будет нежен и внимателен, и больше не сделает ей ничего плохого.

Но он понимал, что порой не может контролировать себя. Это сейчас, игнорируя ее присутствие, он мог логично рассуждать и сгорать от стыда, а в следующий момент снова набросится на нее в припадке ярости и, возможно, когда-нибудь все-таки ударит. Впрочем, не исключено, что он даже испытает при этом какое-то облегчение.

Он проклял себя за эти мысли и постарался прогнать их. Но вместо них в голову полезли другие, еще более мучительные вопросы. Какой смысл в том, чтобы считаться партнером Люцифера, если он не может научиться использовать свою власть? Проблема, с которой он столкнулся, показалась

бы Джонсону ничтожной. Выступить против фортификации тихоокеанских островов? Да нет ничего проще. Иди и выступай!

Он уже попытался и понял, что это непросто, потому что не владел методами Джонсона, умеющего переместить нужную фигуру и с уверенностью ждать заранее предсказанный результат. Конечно, он может купить все газеты в стране. Это должно сработать.

Но он уже видел перед собой пухлое ухмыляющееся лицо Джонсона: «Я бы не потратил и цента! Я бы просто сделал телефонный звонок. Даже не два звонка — всего один!»

«Пропади ты пропадом!» — мысленно закричал Хейл. — Я еще не сдался, ты, пузатый старый дьявол! Я найду способ!»

«Да? — ухмыльнулся в его воображении Джонсон. — И какой же?»

«Я тоже кому-нибудь позвоню!»

Всего один разговор! Но с кем? Хейл не знал. Он понял, что это конец. Он не в состоянии даже сделать простой телефонный звонок.

Глава 18

Глория, как обычно сидела со своим вязанием в мягком кресле. Раньше Хейл почти не обращал внимания на стук вязальных спиц. Но сегодня их легкое металлическое постукивание казалось пронзительным и заглушало все остальные звуки. Спицы затихли, но лишь на мгновение, пока Глория поправляла петлю, и Хейл стиснул зубы, ожидая, когда возобновится этот мерзкий дробный стук: клац, клац, клац.

Он чувствовал, что становится невротиком. Ругал себя за слабость, но все силы тратил на то, чтобы не прийти в ярость. Наверное, любой в столь щекотливом положении чувствовал бы свою беспомощность.

А ведь сидя за этим же самым столом, Джонсон мог управлять целым миром, дергая за нити человеческой жадности, надежды, страха и честолюбия, прекрасно зная, за какой узелок потянуть и когда.

Офис был загроможден гигантскими шкафами, словно ждущими, когда же он воспользуется собранной в них информацией. Но Хейл приходил в ужас от одной только мысли об этом. Все стены кабинета были заставлены высоченными стеллажами, забиты томами законодательных актов, фолиантами по медицине, экономике, статистике, научными собраниями; трудами по революциям, контрреволюциям и пропаганде; списками лобби, с их методами, целями и пристрастиями; разнообразными энциклопедиями, ежегодниками.

Здесь было все, что нужно. Но у него не было умения и понимания.

Он попытался сосредоточиться. Нужно все спокойно обдумать и постараться решить задачу. В данный момент сторонники решительных действий обладают полнотой власти и всеми возможностями для пропаганды. Те же, кто был ему нужен, изоляционисты разных мастей, хоть и представлены

широко по всей стране, но действовали неслаженно. И значит его задача — собрать их всех воедино.

Вдруг зазвонил телефон.

— Мистер Уильям Хейл?

— Да.

— Звонок по трансатлантической линии. Пожалуйста, не вешайте трубку, пока мы не соединим вас с абонентом. Спасибо.

«Это, должно быть, Джонсон, — подумал Хейл. — Наверное, звонит, чтобы поглумиться над ним».

— Алло, Хейл слушает!

— Привет, Уильям! — голос Джонсона оказался жизнерадостным и по-человечески теплым, — Я очень рад слышать тебя. Как жизнь?

— Вы же прекрасно знаете, зачем спрашиваете? — буркнул Хейл, не сдержавшись.

— Мне жаль, Уильям. Очень жаль, поверь, что я не могу хоть немного взбодрить тебя, — голос Джонсона показался еще радостнее. — Но зато, надеюсь, мое задание немного отвлекло тебя от переживаний. Я знаю, что сам справился бы без труда, но за тебя немного переживаю. Как твои успехи?

— Паршиво.

— Вот как? Жаль. Но не переживай: это не имеет особого значения. Главное — отвлечься от личных забот и немного попрактиковаться в управлении. Знаешь, почему у тебя не получается, Уильям?

— Да просто я не способен, вот и все. Я думаю, вам лучше отказаться от моих услуг и снова взять дела в свои руки. Я даже не могу разобраться с собственной жизнью.

— Это ты брось, Уильям! Я не могу поступить так. Настоящий бизнесмен должен держать свое слово. Хорош бы я был, нарушив условия контракта только потому, что ты не умеешь делать то, что умею я? Нет, Уильям. Если я заключаю сделку, я расцениваю ее как нерасторжимое обязательство, и так должен поступать любой уважающий себя бизнесмен...

— Хорошо, — протянул Хейл, чтобы остановить поток слов. — Я с вами.

— Великолепно. Я хочу, чтобы мы понимали друг друга. А теперь давай разберемся с тем, почему у тебя ничего не получается. Ты помнишь письмо, которое я написал тебе?

— Да.

— Ты внимательно прочел его? Мне кажется, ты кое-что пропустил. Видишь ли, Уильям, у меня есть ежедневные отчеты о твоих действиях, таким образом, я мог исправить все твои ошибки по мере необходимости. Пойми меня правильно, я не хочу, чтобы ты думал, будто я шпионю за тобой. Ничего подобного. Любой настоящий бизнесмен принимает все усилия, чтобы убедиться в том, что его коллеги также делают все возможное ради процветания бизнеса. Смысл, который ты упустил, вовсе не в том, чтобы создавать оппозицию. Этого не требуется, потому что она уже существует. Все, чего недостает, — это централизации и руководства, и еще некоторых нюансов, до смысла которых ты должен дойти сам.

Хейл заерзал на стуле.

— Я пытался заставить Лигу предпринимателей вступить в борьбу, потому что знаю, что они и без того против затеи правительства.

— Идея была верна, — заверил его Джонсон. — Но реализована не лучшим способом. Не нужно требовать от Лиги предпринимателей выступать единым фронтом, я даже не рассматривал такой вариант. Зачем, если уже существуют достаточно эффективные силы со всеми необходимыми контактами. Почему ты не заглянул в мою картотеку, Уильям? Если ты намерен выступить против правительства, тебе следует нанять людей, которые сами являются частью правительства или очень близки к нему.

— Вы хотите сказать... лобби? Но они делают все, что могут.

— Конечно, — ответил спокойный уверенный голос. — И очевидно, что у них не слишком получается. Почему? Возможно, недостает какой-то важной детали. Твоя задача состоит в том, чтобы найти ее, но помни: действуй косвенно и самым простым, самым быстрым способом! Да, вот еще... Я должен спешить, наше время истекает. Ни в коем случае не ставь под удар организацию, которая может пригодиться в будущем. Найди повод для объединения оппозиции, достаточно серьезный, чтобы не вызвать волну компрометирующей критики. Америка должна быть достаточно сильной, чтобы защитить себя, поэтому ты не можешь выступать на

противоположных основаниях. Это будет измена. Так что тебе придется найти патриотическую причину для отмены фортификации.

Вмешался голос оператора:

— Ваши три минуты истекли, сэр!

— Да-да, ну, до встречи, Уильям. Все же постарайся не впадать в уныние. И передавай самый сердечный привет Глории...

Раздались гудки. Хейл поднялся. Вот так всегда с Джонсоном, будь он неладен, три минуты и ни секунды больше — эффективность, экономия!

— Это тот самый мистер Джонсон? — поинтересовалась Глория

— Да. Он передает тебе свой сердечный привет.

Глория зарделась от удовольствия. Хейл, внезапно тоже почувствовав необычный душевный подъем, направился к двери, потянулся к ручке. Но он не мог выйти из офиса без Глории, и тревожить ее не хотелось. Забудь о себе — ага!

— Глория, — протянул он, — Ты не хочешь пойти со мной?

— Только один ряд, Билли-Вилли. Минутка!

«Билли-Вилли», «один ряд» — она в своем репертуаре.

— Любимая, — с угрозой процедил он, — Ты можешь закончить его позже.

— Я уже заканчиваю, всего несколько сек...

Он расцепил ее пальцы, чтобы забрать спицы, действуя настолько мягко, насколько позволял начавший закипать гнев, и повел ее за собой. Он, возможно, и сумел бы выйти один, но тогда уже оба они впали бы в безумство. Он подумал, что нужно все-таки попробовать выходить почаще на прогулки, если он хочет, чтобы Глория следовала за ним. Все-таки у него была более сильная натура, и он выдерживал муки расставания чуть дольше нее. Если она способна научиться хоть чему-нибудь, она сама бросит свое проклятое вязание, едва поймет, что иначе останется одна.

Пока Глория со скучающим видом ожидала в сторонке, Хейл изучал картотеку. Целый ящик оказался посвящен лоббистам всех мастей, имевших отношения к авиаперевозкам, профсоюзам, гражданским свободам, соцзащите, образованию, эмбарго, экспорту, импорту, сельскому хозяйству,

борьбе с наводнениями, правительственным расходам, торговому флоту, военно-морскому строительству, пьянству и сухому закону, коммунальному хозяйству, железным и автомобильным дорогам, религии, субсидиям, налогам и тарифам, и так далее.

Хейл задержал внимание на пометке «Изоляционисты». Действительно ли они его настоящие союзники? Он попытался рассуждать, как Джонсон. Даже перед лицом явной внешней агрессии изоляционисты будут петь, что Америка находится в полной безопасности. Многие считали так искренне, но многие были, очевидно, тайными сторонниками диктатур и использовали закон об изоляционизме просто для того, чтобы продвинуть хищные интересы тоталитарных режимов. Значительную массу их составляли отъявленные реакционеры или, напротив, радикалы, да и просто сумасброды и вырожденцы, готовые служить и нашим и вашим, кто больше заплатит. С такими свяжешься — не отмоешься вовек.

«Нет, — подумал Хейл. — Изоляционисты отпадают. Кто же тогда?»

Итак, стоит вопрос: как подрезать крылья сторонникам фортификации, но в то же время не задавить их полностью. Как умело воспользоваться законодательными тисками? Можно объявить полный запрет или затянуть принятие закона, но можно поступить так хитро, что противник по собственной воле откажется от задуманного.

Последняя мысль осенила Хейла: что если в действительности согласиться с необходимостью фортификации, а на деле сократить ассигнования, подведя под это экономические причины. Последует долгая утомительная борьба, где обе стороны будут выдвигать в равной степени обоснованные доводы.

Хейл ощутил, как у него отлегло от сердца. Он радостно улыбнулся Глории. Вот он — верный расчет. Экономика.

Он нашел: «Экономическое лобби», с детальным списком сторонников, со всеми связями и ресурсами. «Причина неэффективности: нехватка средств».

Он задумался. Нельзя давать им деньги или открыто поддерживать их. Это слишком заметно и повлечет за собой значительные затраты, чем Джонсон будет ужасно недоволен.

Он просмотрел статьи приходов. Небольшие ссуды, мелкие подарки, ничего, чем можно поддержать серьезную кампанию с вовлечением радиостанций и печати. И вдруг... Вот оно!

«Дарственная на 10 000 акций Страйк Голд Майнинг корпорейшн, номиналом в 4 миллиона долларов. Рыночная стоимость — ноль. Насмешливый подарок от Т. Слоана Блэккета, оппонента по экономическому законодательству и пламенного сторонника правительства. См.: Ликвидация Страйк Голд Майнинг корпорейшн.»

Хейл задвинул ящик и перешел к стеллажу с табличкой «СТО-СТР»

«Страйк Голд Майнинг корпорейшн», — отыскал он.

«Окрестности Кертиса, штат Монтана. Основана... дата начала работы... сотрудники... капитализация... Шахта брошена, исчерпаны запасы руды. Геологические исследования указывают на месторождение вольфрама, расположенного ниже существующего уровня шахты (запасы вольфрама в США встречаются редко и никогда в промышленных количествах). Месторождение неизвестно геологическим компаниям и чиновникам».

От радости Хейл схватил Глорию и крепко расцеловал. Ошеломленная его поведением, она ожидала продолжения, когда он потянул ее в кабинет. К ее разочарованию, вместо того чтобы вернуться к поцелуям, Хейл схватился за телефон.

— Соедините меня с Титус, Фэнсворт и Куинн!

Когда раздался учтивый голос, представившийся Титусом, Хейл жизнерадостно приветствовал его:

— Привет, Титус! Это Джонсон и Хейл. Мне нужен контрольный пакет акций Страйк Голд Майнинг. Затраты, разумеется, должны быть минимальными.

— Конечно, мистер Хейл, за цену можете не беспокоиться. Однако я, кажется, не помню такой компании. Вы не могли бы минутку подождать, я сейчас посмотрю.

Некоторое время в трубке было тихо.

— Простите, мистер Хейл, а вы действительно уверены в названии? Страйк... Эта компания не котируется на бирже уже несколько лет.

— Нет, все верно. Страйк Голд Майнинг корпорейшн.

— Я надеюсь, вы уверены в том, что делаете. Их шахта не стоит и десяти центов. К чему она вам, мистер Хейл?

— Свежий технический отчет. Если все сделаете, как я сказал, не прогадаете. И направьте туда какого-нибудь толкового инженера. Поняли?

— Да.

— Скажите ему, что нужно искать вольфрам! Пусть не сомневается, он сам в этом убедится. Сделаете сообщение в прессе. И вот еще что, Титус. Я не даю вам каких-то особых указаний. Просто знайте, что в ближайшее время станет известно о богатых залежах вольфрама. Ясно? Ну, а теперь за работу.

— Да, сэр, я отлично все понял. Спасибо за подсказку, мистер Хейл. До свидания.

Ну вот, теперь можно на некоторое время позабыть о проблемах.

Хейл хлопнул ладонью по столу и усмехнулся. Ну, Джонсон, что ты теперь скажешь?

Глава 19

На некоторое время Хейл превратился в творца-художника, интерес которого к работе еще только пробуждался. Он потребовал от «Титус, Фэнсворт и Куинн» ежечасные отчеты и покупал все номера газет, какие только выходили. Хотя внешне Хейл, подобно Джонсону, старался вести себя равнодушно и по-деловому, внутри он ликовал, наблюдая, как шаг за шагом претворяется в жизнь его план. План, конечно, не был выдающимся, но дал главный результат: Хейл начал понимать уверенность Джонсона в человеческой натуре и уже сам мог нащупать верный курс. Оказалось, что на деле не пришлось особо напрягаться: было множество людей, готовых сделать все, что нужно, за относительно скромный собственный интерес.

Главный козырь заключался в том, что вольфрам относился к редким металлам, и Америка вынуждена была его импортировать. Он, конечно, не был так важен, как марганец или никель, но финансовые обозреватели все как один сходились на том, что собственная вольфрамовая добыча в Америке — дело стратегически важное, и очень преуспели в том, чтобы заставить инвесторов почувствовать то же самое.

Детали процесса интересовали Хейла меньше всего. Его брокеры конфиденциально выкупили акции у крупных держателей — по двадцать центов за каждые десять долларов номинала. Этот пакет составил больше 53 процентов, но Хейл и его брокеры выудили и оставшиеся 47. Так что Джонсон может даже не беспокоиться насчет прочности их положения. Что было действительно важно, так это то, что лоббисты от экономики чуть не угробили перспективную компанию, и теперь это могло всплыть в Конгрессе. И если Т. Слоан Блэккет, сторонник затрат на фортификацию, когда-то утер нос оппонентам, запретив оказывать помощь убыточным предприятиям, то теперь он мог только кусать локти и бить самого себя по затылку.

Наконец-то Хейл мог ощущать себя полноправным партнером, а не желторотым юнцом! После того как он столь успешно выполнил свою работу, проблемы семейной жизни воспринимались уже не так фатально. И даже находиться под колпаком Джонсона, казалось уже не так унизительно — расправившись с одним делом, Хейл теперь мог заняться какой-нибудь другой задачей, не дожидаясь чужих указаний. Такой вариант вскоре подвернулся.

Бишем, престарелый владелец газетной империи, стоял на краю банкротства и выставил на продажу великолепное собрание шедевров искусства, желая хотя бы отчасти покрыть убытки. Хейл знал, что, если Бишем в ближайший срок не заплатит по долгам, половина его изданий исчезнет или перейдет в чужие руки.

Так же Хейлу было известно, что Джонсон относился к Бишему с большой лояльностью. Кроме того, что редакционная политика его многочисленных газет обращалась к самым примитивным и низменным чувствам читателей, в них регулярно публиковались статьи мистического характера, гороскопы, гадания, и всячески подпитывались всевозможные суеверия. А суеверия, как говорил Джонсон, нуждаются в том, чтобы их поощрять. Чем более дремучи и невежественны люди, тем дольше они будут пребывать в сетях обмана, что, само собой, только на благо делу Джонсона и Хейла.

Так Хейл занялся проблемой поддержи Бишема, помогая ему оставаться на плаву. Разумеется, эту помощь необходимо было оказать лишь в той мере, чтобы держать старого негодяя в вечном страхе перед крахом его с таким трудом построенной империи. Но подобный исход сделал бы недовольным его одного, а для дела необходимо было дать ему возможность содействовать несчастью миллионов людей.

В художественной сокровищнице Бишема, согласно картотеке Джонсона, значилась картина Тициана — на самом деле подделка, о чем владельцу было неизвестно. И в этом Хейлу виделся заковыристый план. Если, например, какой-нибудь кичливый нувориш приобретет этот шедевр у Бишема за весьма кругленькую цену, скажем, тысяч за пятьсот, и передаст его в музей, то там, разумеется, сразу распознают фальшивку, и, хотя дареному коню в зубы не смотрят, богач

окажется в унизительном положении идиота, которого провели самым подлым образом. Будут недовольны все — что, собственно, и требуется.

Но где Хейлу найти такого богатенького простака, и как ему подсунуть идею? Этот вопрос он обдумывал во время очередных прогулок, на этот раз ощущая себя не Гаруном Справедливым, излишне практичным калифом, а скорее неукротимым Бейбарсом, султаном Египта...

Хейл любил прогулки, и даже Глория не могла препятствовать ему в этом маленьком удовольствии и, конечно, вынуждена была соглашаться.

Ему особенно нравилось прогуливаться теплыми весенними днями по Шестой Авеню. Он все еще мог посочувствовать безработным, таскающимся подобно призрачным теням от одного бюро по трудоустройству к другому. Но в приподнятом настроении, в котором сейчас пребывал Хейл, его сочувствие было мимолетным, как если бы он прочел о жертвах землетрясения или древних катастроф, чтобы тут же о них забыть.

Глория цепко держала его за руку. Увидев, как заросший бродяга, идущий навстречу, неуклюже споткнулся, она еще крепче схватила Хейла.

— Разве они не омерзительны? — с отвращением шептала она. — Уж могли бы по крайней мере вымыться. Мыло ведь совсем дешево. Кто им только позволяет шататься по улицам. У них такой угнетающий вид.

Хейл вспомнил о ночлежке с единственным куском вонючего мыла, одним краном и пятью полотенцами для шестидесяти человек.

Глория же впервые так близко наблюдала картину человеческого падения.

— Только посмотри, Билли-Вилли, они здесь повсюду. А те листы на досках, это что — вакансии?

Хейл кивнул.

— Если уж они действительно ищут работу, — допытывалась она, — почему не заходят внутрь, чтобы получить место?

Хейл объяснил, что у них нет денег на комиссионный сбор. Он хорошо запомнил, как сам точно так же бродил по Шестой Авеню, разглядывая вывески, — лучше иметь хоть какую-то, пусть даже самую призрачную надежду.

Джонсону бы понравилось наблюдать за ними, он считал надежду одним из самых значимых и результативных мучений.

Хейл понял, что отвлекся. Он вспомнил об одном деле.

— Давай не пойдем в офис сегодня, — предложил он.

Глорию не нужно было упрашивать.

— О, Билли-Вилли, — улыбнулась она. — Давай сходим в кино. Девочки говорят, что в «Капитолии» идет потрясающий фильм.

— Нет. Мы просмотрели уже достаточно фильмов. Ты не возражаешь, любимая?

— Нет, Билли-Вилли, — с покорностью вздохнула она. — Мы заодно...

— ...пока мы вместе, — закончил он за нее и рад был отметить, что ему нравится угадывать то, что она собирается сказать.

Он повел ее в табачную лавку, откуда позвонил секретарше в офис.

— Мисс Кей, — сказал он, — подскажите новый адрес мистера и миссис Берк. Они наследники Николаса Перри, Сьюпериор, Висконсин. Мы занимались этим делом.

— Минуточку, мистер Хейл.

Он слышал, как она положила трубку, и заинтересованно вслушался в звуки офиса. Он часто задавался вопросом: работают ли сотрудники с тем же усердием, когда они с Джонсоном отсутствуют в офисе? Теперь он убедился в этом, по крайней мере, ничьих разговоров не было слышно.

— Мистер Хейл? Они живут на Централ-Парк Вест. У нас есть полный отчет по их вступлению в наследство, вам зачитать его?

— Нет, спасибо. Значит, Централ-Парк Вест? Престижный район. Мисс Кей, не ждите меня сегодня в офисе. Если будет что-то важное, отправляйте сообщения мне домой.

Он взял такси. Глория хотела побольше узнать о Берках. Она не подозревала, что у него когда-то были друзья: почему он не встречался с ними до сих пор? Но Хейл не желал открывать ей свое прошлое. Глория была немного заносчива, и ни к чему ей знать, кем были Берки до сегодняшнего дня.

Дом, в котором жили супруги Берк, оказался высоким, современным и достаточно большим.

— Шикарно, — подметил Хейл. — Здесь неплохо, парк рядом, и вид из окон, должно быть, совсем не такой, как у нас, когда вокруг одни крыши.

— А мне здесь совсем не нравится, — ответила Глория так, будто он зазывал ее поселиться в трущобах. — Здесь нормальные люди не селятся, одни выскочки и разбогатевшие жулики.

Он пожал плечами и направился к дому. Их встретил швейцар.

— К кому вы, сэр?

— К мистеру и миссис Берк. Меня зовут Хейл. Уильям Хейл.

Швейцар позвонил по телефону в нужную квартиру и сообщил о посетителях.

— Простите сэр, вы могли бы сказать это сами?

Он повернулся, передавая трубку Хейлу.

— Привет! — бодро сказал тот. — Не возражаете, если мы поднимемся?

И рад был услышать в ответ знакомый хриплый гнусавый голос:

— Какой еще Хейл? Простите, мистер, я не могу принять вас.

— Что, совсем забыли доходягу, который не желал отправляться в больницу?

— Скажите-ка! Разумеется, я вас помню! Поднимайтесь в квартиру 6К.

Входя в огромный, отделанный декором вестибюль, Хейл втайне торжествовал. Скромные Берки, должно быть, счастливы жить здесь, не заботясь о доходах. И все — только благодаря ему. Понимание этого заставляло его ощущать себя богоподобным существом, приятно было осознавать, что он может вызывать радость с такой же легкостью, как и страдание.

Он ожидал, что дверь 6К окажется открыта, а Берк будет поджидать его на площадке. Но вместо этого квартира оказалась запертой. Он заметил, что кто-то наблюдает за ними через глазок. Дверь немного приоткрылась, придерживаемая цепочкой. Это была горничная.

— Если вы что-то продаете, то нам ничего не нужно!

— Вовсе нет, — усмехнулся Хейл, ничего не понимая. — Вам только что звонили снизу.

Он почувствовал неуверенность. Богатство так изменило Берков? Раньше они не были такими подозрительными.

Глава 20

— Да, сэр, — с упорной почтительностью говорил Берк. — Это похоже на сказку, правда, Молли?

Его жена рассеянно кивнула.

— Да, похоже на сказку, — повторил он. — Этот тип, Перри, откинул копыта и оставил нам целое состояние. Молли... миссис Берк даже и не подозревала, что у нее есть родственник, да еще при деньгах.

Берк покачал головой.

— Вы теперь, похоже, тоже не голодаете? Я не признал бы вас. В прошлый раз вы выглядели совсем скверно.

— У меня все отлично, — сказал Хейл.

Снова возникла неловкая пауза.

Хейл воспользовался ею, чтобы изучить Берков и получше рассмотреть их жилище. Что-то здесь было не так. И дело, вероятно, не в квартире, побывавшей в руках умелого декоратора. Не слишком-то радостно выглядели сами хозяева, сидевшие на изящных стульях с матерчатой обивкой, с чрезмерной точностью расставленных по обе стороны камина, отделанного под золото и слоновую кость.

— У вас здесь мило, миссис Берк, — наконец произнес Хейл.

— Правда, вам нравится? — на мгновение оживилась хозяйка, но тут же ее улыбка снова стала неподвижной, неживой.

Берк смотрел на ковер и прикрывал рот, постоянно позевывая.

— Я не знаю, — сказал он. — Кому супчик жидок, кому жемчуг мелок. Я имею в виду... Ладно, надеюсь, вы не обиделись, когда Ада спросила вас, не торгуете ли вы чем-нибудь?

— Нисколько, — поспешил заверить Хейл.

Берк кивнул.

— Это хорошо. А то знаете, как это бывает. Иногда старые друзья приходят, чтобы посмотреть, как мы устроились.

Я не возражаю, они имеют на это полное право, настоящие товарищи. Да только... — он жестом обвел комнату.

— Они чувствуют себя не в своей тарелке, — предположил Хейл.

— Вот именно. Они как будто напуганы. Сядут на краешек стула и думают, черт бы их подрал, — простите миссис Хейл, — как бы поскорее отсюда убраться. А есть и другие типы...

— Эдгар! — сказала миссис Берк.

— Да ладно, Молли. Я не хочу, чтобы они обижались, потому и рассказываю, зачем Ада задает такие вопросы. Некоторые наши прежние друзья, да и просто приятели, то и дело пытаются теперь всучить какую-нибудь дрянь. Я этого не понимаю...

— Не слушайте его, — вмешалась миссис Берк. — Он еще не привык к хорошему. И вообще, он все выдумывает, на самом деле... не так уж и много друзей позабыли о нас.

Берк хлопнул по коленям и рассмеялся.

— Да перестань, Молли! Мы тут с тобой торчим, как два покойника. Поверьте, мистер Хейл, эта квартира мне уже осточертела, хоть она и хороша, конечно. Что, я не прав, Молли?

— Прав! Ну, так давай сходим в Метрополитен опера. Там сейчас играют...

— Нет, это не для меня, — оборвал ее Берк. — Я, конечно, люблю всякие представления, но там же ничего не понять, что поют, и даже толком лиц не разглядеть. По мне так лучше где-нибудь погреться на солнышке. Если есть денежки, можно не киснуть в этом вонючем городе, простите меня, миссис Хейл. Мы можем отправиться на какой-нибудь летний курорт. Например, в Рокуэй.

— О, нет, туда не стоит! — впервые обмолвилась Глория. — Там слишком дешево и грязно.

Смущенные Берки переглянулись.

— Возможно, вы и правы. Тогда, может быть, в Ньюпорт?

— Да ведь никто туда уже давно не ездит!

— Я же тебе говорила, — подметила миссис Берк.

Берк вскочил, сердито надувшись.

— Видите, до чего это проклятая проблема. Как только появляются деньги, приходится решать, где отдыхать и где найти этих чертовых друзей.

— Эдгар!

Он замолчал, стыдливо улыбаясь.

— Ты права, Молли! Но я ведь правду говорю. Старые друзья больше не приходят, и нам не в чем их винить. Я знавал одного парня, которому подфартило с работенкой. До этого мы считались не разлей вода. Но потом я начал сторониться его. Он тратил бабки направо и налево, мне неловко было с ним рядом. Видимо, так же и наши старые друзья. Не все, конечно. Но с некоторыми и не жаль расставаться. И я не собираюсь бегать за каждым и уговаривать приходить к нам, как прежде. А здешний народ как будто из другого теста, — он невесело усмехнулся. — Если даже во время прогулки с кем-нибудь познакомишься, не жди, что они тут же поспешат к тебе в гости. Мне кажется, что люди при денежках не слишком-то доверчивы, это бедным легко подружиться. А эти, должно быть, только и ждут от тебя какого-нибудь подвоха.

— Но, черт возьми, — сказал он, — что я все о грустном. Есть чему и порадоваться. Мне хотя бы не нужно больше вставать в пять утра, чтобы приступить к работе. Ну, а поскольку нам от жизни ничего особенного не требуется, мы можем спокойно встретить старость. Бывает, конечно, взгрустнешь, но подумаешь об этом подарке, что свалился нам на старости лет, и сразу становится легче.

— Не хотите ли кофе? — спросила вдруг миссис Берк. — Ада может быстро приготовить его.

— Нет, спасибо, — вздохнул Хейл, поднимаясь, — нам пора.

— Как насчет ужина у нас, как-нибудь вечерком? — предложил Берк.

— Я не против, — сказал Хейл. — Правда, в ближайшие дни я очень занят. Нужно выкроить время.

Видно было, что Берк расстроился.

— Спасибо, — немного сухо сказал он. — Было приятно увидеться с вами.

Многозначительным казался тот факт, что он больше не высказал желания увидеть их снова.

— Вы скоро привыкнете, — сказал Хейл в утешение. — Как только получится, мы к вам заглянем, возможно, в ближайшее время.

Улыбнувшись друг другу, они обменялись рукопожатиями, и Хейл поспешил уйти, поторопив Глорию, как будто спасался бегством.

Он был слишком подавлен, чтобы обсуждать встречу. Глория тоже молчала некоторое время, но все же не выдержала и произнесла:

— Я знаю, что они твои друзья, Билли-Вилли, но разве они не слишком заурядны?

— Не называй меня Билли-Вилли, — огрызнулся он.

Это не было обычное раздражение. Встреча с Берками сильно ударила по его уверенности в собственных силах: вдруг вспомнился Сизиф с его гигантским валуном.

Уже в офисе, стараясь не смотреть на Глорию, он пытался разобраться в своих чувствах, насколько это получалось. Он никак не мог докопаться до корня возникшей проблемы. Да, он мог причинять страдания — так это входило в его обязанность как партнера Люцифера. Однако он точно так же мог вызывать и счастье, и это казалось оборотной стороной его неприятной роли.

И все же его тревожил вопрос: почему Берки, несмотря на то, что он сделал все для того, чтобы судьба обласкала их, в итоге оказались несчастными. Они пытались убедить его, что у них все в порядке, но совершенно очевидно, что это не так.

От убеждения в том, что дело, вероятно, заключено в какой-нибудь его ошибке или в их собственной, Хейл должен был прийти к выводу, что ответ спрятан в самой основе принятой им философии. Но он не мог позволить себе копать дальше. Нетрудно представить последствия его сомнений, и как Джонсон отнесся бы к тому, что управитель Западного полушария разочаровался в философии Ада. Если уж партнер Люцифера теряет веру в свое предназначение, которое обязывает его создавать нечеловеческие страдания, — Ад попросту развалится.

Глава 21

Хейлу было приятно получить следующее послание Джонсона. Каждому нравится похвала, а письмо как раз начиналось с напыщенных поздравлений по случаю невероятного успеха Хейла и той скорости, с которой он обучался методам Джонсона.

Но, кроме дифирамбов, Джонсон не забывал о деле.

Теперь, когда лед тронулся, если так можно сказать о нашем несколько необычном бизнесе, у меня есть для тебя еще одна задачка. Тебе, без сомнения, должны быть знакомы работы Ферми и Гана по расщеплению урана. В естественных условиях происходит самопроизвольное превращение одного радиоактивного элемента в другой, более низкого атомного веса, с выделением ионов гелия и водорода. Высвободившаяся при этом энергия, значительная по количеству электрон-вольт, на самом деле слишком мала, чтобы вызывать самоподдерживающуюся цепную реакцию деления. Для этого необходимо затрачивать какое-то количество мощности извне, причем довольно значительное, больше, чем можно получить назад в виде атомной энергии.

Однако Ферми и Ган обнаружили, что под воздействием нейтронной бомбардировки уран расщепляется на барий, мезоторий и несколько других элементов, таких как йод и цезий, с выходом огромной атомной энергии порядка 200 миллионов электрон-вольт. Это открытие дает надежду, что решение самоподдерживающейся ядерной реакции будет, наконец, найдено.

Не думаю, что я должен напоминать тебе о масштабности и полезности этого открытия на пороге грядущей войны. Достаточно десяти фунтов окиси урана, чтобы энергия взрыва могла бы стереть с лица земли большой город. Представь только, какая прокатится волна страха, как только

об этом открытии узнает весь мир, и в каком ужасе будут пребывать люди, зная, что если враждебное государство сбросит на них атомную бомбу, никаких шансов на спасение не останется.

Это намного страшнее, чем существующая угроза воздушного налета, который может уничтожить жизни тысяч людей, но по разрушительной силе он несопоставим с атомным взрывом, способным стереть в порошок не часть современного метрополиса, а весь его целиком.

Как я уже сказал, знающие люди считают, что открытие такой реакции не за горами.

Я изучал работы профессора А.Г. Диксона из Эдинбурга, и у него, кажется, есть метод решения, хотя он еще не опубликован, и даже если это произойдет, то не скоро. У меня есть мнения наиболее компетентных европейских математиков, и все они единогласны в правильности его расчетов.

Профессор Диксон обнаружил, что управляемая ядерная энергия не может быть получена из урана[23] *или его производных — реакция затухает слишком быстро, чтобы поддержать процесс. Но ее можно обеспечить с помощью тория, другого тяжелого радиоактивного элемента.*

В соответствии с моей политикой, нежелательно, чтобы эти факты стали общеизвестными, поскольку вопрос еще не до конца улажен. И пока он еще находится в подвешенном состоянии, мы можем держать все мировые правительства в постоянном страхе относительно возможных масштабов использования атомной энергии, и ни одно из них не осмелится на какие-либо откровенные действия, опасаясь вероятных последствий.

Сейчас наша первоочередная задача — приложить все усилия, чтобы отвлечь внимание физиков от тория и сконцентрировать их на работах с ураном, с которым многие из них работают, начиная с открытия Ферми-Гана.

[23] «...управляемая ядерная энергия не может быть получена из урана...» — Учитывая, что роман был написан в 1939 году, такое утверждение простительно, так же как и термин «управляемая ядерная энергия», который сегодня применяют по отношению к цепным реакциям, протекающим в ядерных реакторах, используемых в мирных целях, в противовес «неуправляемым» реакциям в момент ядерного взрыва. Впрочем, можно допустить, что Люцифер, по какой-то ему необходимой причине, намеренно вводит своего партнера в заблуждение.

Когда они, наконец, обнаружат, что зашли в тупик, мы откроем правду.

Поэтому я собираюсь предпринять шаги, чтобы не допустить публикации работ Диксона и заставить этого ученого отказаться от его нынешнего научного направления. Ты должен сделать все, чтобы усилить интерес американских

физиков к урану. В последнее время он ослаб, даже в Колумбийском университете, где проводили опыты на одном кубическом футе окиси урана и получили много интересных данных, но ничего конкретного для создания самоподдерживающегося атомного распада так и не нашли.

Чтобы сэкономить тебе время, даю подсказку: самым ярым сторонником урана в Штатах считается доктор Л.Р. Каммейер, глава физического факультета в Юго-Западном Технологическом институте.

На этот раз Хейл не намерен был сидеть без дела, погрузившись в хандру. Он мало что понимал в атомной физике, но подошел к вопросу с такой дотошностью, какую только вообще можно ожидать от человека нетехнического склада ума. Углубившись в имевшиеся материалы, он вскоре несколько улучшил свои познания в науке, и значительно — об ученых.

Каммейер был типичным энтузиастом, а для его физической лаборатории институт разыскивал самые лучшие кадры. Хейл нашел в картотеке подборку по Юго-Западному Техническому институту и достал пачку бумаг. По неосторожности она выпала из его рук, и листы посыпались на пол, как будто желая привлечь к себе внимание. Среди прочих документов он увидел несколько листов, скрепленных вместе. Это оказались чертежи и копии фирменных бланков Патентного бюро США.

Хейл прочел название, выделенное жирным шрифтом.

1.995.001
ЭЛЕКТРОННАЯ ЛАМПА
Уиллис Н. Апостл, Лос-Анджелес, Калифорния, правообладатель — Юго-Западный Технологический Институт
Лос-Анжелесь, Калифорния.
Заявка от 17 мая 1933, порядковый № 671.497.
12 пунктов (Ст. 41-126)

Хейл никогда не имел дел с патентами, но из бумаг достаточно ясно прослеживался характер изобретения. Он вызвал

Яноша, патентного эксперта юридического отдела «Джонсон и Хейл». Документ стоил того, чтобы его внимательно прочесть, после чего Янош многозначительно присвистнул.

— Скажите, пожалуйста, — произнес он. — Вот так потеха. Эта же первоочередное право на все частотно-модулированные радиоприемники на рынке, а я никогда не слышал прежде о существовании такого патента, хотя я довольно неплохо разбираюсь в этой сфере. Я не думаю, что институт получает отступные платежи от производителей радио, но это можно узнать. Если это действительно так, значит, патент был припрятан еще до того, как компании серьезно взялись за частотную модуляцию. Получается, институт не вступил в свои права и даже напрочь забыл о них. Но теперь, когда все радиостанции перешли на частотную модуляцию... Вот это да! Только подумать, сколько раз за последние годы было нарушено патентное право! Патент действует еще несколько лет. К сожалению, нельзя предъявить иск за нарушения, которые имели место за прошедший срок, а это более шести лет. Но все еще можно неплохо постричь шерсть с изготовителей радио, для этого нужно лишь напомнить институту об их изобретении, да помочь выставить свои требования.

Хейл нахмурился.

— Среди радиокомпаний есть довольно серьезные противники вроде подразделений Дженерал Моторс и им подобных. Вы уверены, что они не замаринуют это дело в судах?

— Нет, у них нет шансов. Они, конечно, могут немного покочевряжиться, но предпочтут заплатить хоть десять тысяч долларов, лишь бы им не вчинили иск о нарушении прав. Ведь тогда им придется остановить выпуск оборудования, и все равно они будут вынуждены признать законные требования. Хотите, я предварительно прощупаю почву?

— Да, пожалуй, мистер Янош. Держите меня в курсе.

— Можете не беспокоиться, мистер Хейл...

Наконец выдался по-настоящему жаркий вечер. Глория сидела, развалившись в шезлонге, на террасе, а Юджин Баннер пристроился рядышком на солнышке. Один только Хейл, не обращая на них внимания, продолжал мучительно думать о Берках и о том, почему они не были счастливы. «В конце концов, как они жили прежде?» —спрашивал он себя.

Монотонная рутина: подняться в пять утра, убрать и подмести, выгрести уголь, перестелить кровати, собрать арендную плату с таких же бедняков, как они сами, а если тем нечем платить — заняться выселением. Нужно следить за исправностью оборудования в доме целый день и до середины ночи, и так всю неделю, без выходных — только ради того, чтобы свести концы с концами.

Что же, нравилось им такое существование? Невозможно! Ну, а теперь? Друзей нет, опостылевшая богатая квартира, а рядом — одни зажиточные снобы, с которыми и словом-то не обмолвишься, не то чтобы завести хороших знакомых.

Черт подери, что же получается? Неужели на это обречены все, кто наживает хоть какое-то состояние? Но ведь вокруг полно тех, кому удавалось подняться, можно сказать, из грязи в князи. И ничего.

— Как здесь здорово наверху, — услышал он голос Баннера. — Как будто все проблемы остались там, внизу.

— Какие проблемы? — непонимающе спросил Хейл.

— Шаткий рынок, закрытие предприятий, безработица...

— Ах, это, — уныло произнес Хейл.

Баннер сел.

— И это все, что ты можешь сказать о том, что творится в этой стране? Тебя это не волнует? В каких облаках ты витаешь, когда говоришь: «Ах, это?..»

Хейл не слушал его. Он продолжал думать: возможно, это все-таки его ошибка, что Берки недовольны новой жизнью. Такая же ошибка, как его неудачно произнесенное заклинание. Нет, этого не должно быть. Он сказал Джонсону, что хочет сделать Берков счастливыми, и Джонсон сам ему в этом помогал.

Баннер схватил его за руку.

— Да что, черт возьми, с тобой происходит, сынок? Ты совсем не похож на того отчаянного упрямца, который ворвался ко мне в офис, чтобы потребовать в жены мою дочь. Ну-ка, давай выкладывай!

— Я сама не знаю, что с ним, папа! — пожаловалась Глория. — Еще утром он казался таким жизнерадостным.

— Да в порядке я, — проворчал Хейл. — Просто много забот навалилось.

Он подумал и осторожно добавил:

— Когда я вступил в партнерство с Джонсоном, боюсь, отхватил кусок не по зубам.

Это было верно лишь отчасти. Иск Юго-Западного института был принят с непринужденной легкостью: производители радио без борьбы согласились на все выдвинутые требования. У института теперь было достаточно средств, чтобы долгие годы продолжать исследования по урану. Но Хейл довольно прохладно отнесся к своему очередному триумфу.

Чтобы отвлечься от Берков, он мысленно переключился на план поддержки Бишема и его медиа-империи. Он все же отыскал человека на роль горохового шута: им оказался Игорь Вершинин, представитель княжеского рода, мот и дамский угодник. «Титус, Фэнсворт и Куинн» уверяли, что лучшей кандидатуры не найти.

— Ну, так что ты скажешь? — снова услышал он Баннера. — Уж извини, что пристаю к тебе с такими вопросами. Но ты всегда был достаточно осведомлен, скажи, чего нам ждать дальше?

— Вы о чем?

— Я имею в виду, куда катится эта страна?

— Почему вы меня спрашиваете?

— Об этом все говорят. И ты прекрасно знаешь, Билл, как все боятся остаться с пустыми кошельками. Ладно, к примеру, вот эта изоляция... До сих пор можно было зарабатывать реальные деньги, продавая товары обеим сторонам. Но теперь мы зависим от того, как долго продлится нейтралитет. Понимаешь, о чем я?

— Ну да.

— Предположим — ты экспортер. Пока ты не знаешь, чего ждать, ты не можешь продавать товар, без риска погрязнуть в долгах или пострадать от эмбарго. Или представь, что ты выпускаешь автомобили. В случае войны твой завод, возможно, заставят переделать под выпуск самолетов. Хорошо, если курс на изоляцию продолжится, и ты сможешь продолжать выпускать машины, не помышляя о замене оборудования. Но сейчас невозможно делать ни автомобили, ни самолеты, без опасения, что твой конвейер остановится с наполовину собранной техникой. Послушай, Билл, я гибкий человек! Я готов

к разным вариантам. Пусть изоляция, пусть интервенция, — но уже пора выбрать что-то одно, — его голос повысился до возбужденного крика. — Ради всего святого, что-то нужно решать! От этого тягостного ожидания рушатся капиталы, массы людей остаются без работы, в итоге страдает вся страна!

Хейл тревожно заерзал.

— Вы что же, действительно настолько недовольны?

— Ты еще спрашиваешь! С одной стороны, продажи упали, и спрос на рекламу растет. Я не преуспевал так с тридцать второго года. Но если было бы возможно, Билл, я бы с легкостью урезал свой бизнес до половины самого худого года, если бы это избавило меня от этой... этой неопределенности!

Хейл вдруг подумал, что Джонсон на его месте изобразил бы внешне вздох сочувствия, на деле злорадствуя внутри. Так почему бы ему, Хейлу, не позлорадствовать? Но осознание достигнутого успеха в управлении западным полушарием почему-то тяготило его и только еще больше усиливало необъяснимое ощущение собственной неудачи.

Он встал и на мгновение сжал кулаки. Снова сел. Да что с ним? Ведь он абсолютный правитель половины мира, не подотчетный никому.

— Ладно, я утомил тебя, наверное, — сказал Баннер. — Да и сам устал. Пожалуй, пойду я домой, ребята. Вам уже скоро ложиться спать.

Хейл почувствовал, как теплая мягкая рука схватила его ладонь. Он выдержал пожатие так долго, сколько мог, скрывая раздражение. А Глория, чертова маленькая дурочка, даже не понимала его смятения...

Хейл бросил газеты на пол и взбил кулаком подушку, чтобы удобно было сидеть на кровати.

— Разве ты не собираешься ложиться, Билли-Вилли? — жалобно спросила Глория.

Он не ответил. Всюду паника, страх, беспокойство — почему даже газеты не могут молчать?

— Билли-Вилли, разве ты не можешь почитать свои обзоры утром?

— Пожалуйста, помолчи и засыпай, — напряженно ответил он.

— Ты больше не любишь меня, — сказала она, смахнув накатившиеся слезы.

— Люблю, — он повернулся к ней спиной.

В этот раз он не собирался пресмыкаться перед ней и в чем-либо разубеждать.

Ее приглушенные всхлипывания мало волновали его по сравнению с тягостным ощущением собственного Несчастья.

Собственного несчастья? Он провел Люцифера, принудил к партнерству, и рассчитывал, что это сделает его счастливым? Ради этой цели он сделал все возможное. Тогда почему он ощущает себя несчастным?

Почему Берки несчастны и тяготятся своим новым положением?

А в действительности — хоть кто-нибудь счастлив? Его тесть страдает, несмотря на успехи в рекламном бизнесе. Его новый объект охоты, Вершинин, страдает тоже, несмотря на удачно провернутую сделку с биржевыми маклерами Хейла и внушительные комиссионные, которые простофиля получил, чтобы проглотить наживку с картиной. Русский эмигрант на самом деле оказался довольно неплохим парнем, несмотря на волну слухов о нем. Все вокруг считали его завзятым жиголо. Хейл догадывался, что Вершинина тяготит эта дурная слава, но ничего уже не поделать: сколько ни разубеждай, все равно никто не поверит.

Ну почему... почему, обладая способностью при небольших усилиях сделать недовольными сотни миллионов людей, он не может дать счастье отдельным из них?

Испортил заклинанием жизнь себе и Глории — да, это его ошибка. Он не понимал тогда, что произносит формулу, а когда понял, было уже поздно. Неужели это означает, что Джонсон сознательно провоцировал его, стремясь поставить в унизительное положение. Невозможно! Джонсон всегда выполнял свои обещания. Но...

«Но разве Джонсон обещал ему счастье?» — осадил себя Хейл. В действительности нет. Он просто советовал Хейлу не пренебрегать ничем, что может дать ему счастье.

И Джонсон прекрасно знал, почему Хейлу так хочется дать денег Беркам. Так почему же он не предупредил, что они от этого только проиграют?

Хейл задумался. Какими были последние слова Джонсона в день его отплытия?

«Все, что ты делаешь, независимо от того, что именно, должно увеличивать страдания и мучения людей, потому что именно так устроен Ад!»

Задумывался ли он над этой фразой? Нет, хотя должен был. Даже Люцифер должен понимать, что оценить степень несчастья можно, только с чем-то его сравнив. Чтобы вызвать несчастье, необходимо создать радость или, по крайней мере, удовлетворенность. Конечно, Хейл мог вызывать страдания, но этого недостаточно для правителя мира. Мог ли он создавать подлинное счастье?

Ну, он, вероятно, сделал бы счастливым себя и Глорию, если бы кто-нибудь подсказал, как.

Он выбросил эти рассуждения из головы, поскольку они могли завести его на путь предательства. Точно так же он не желал больше думать о Берках. В конце концов, что значили судьбы четверых людей по сравнению с тем глобальным планом, который был ему поручен.

Его задачей было расшатать западное полушарие. Он делал это, но не видел истинного значения полученного результата: миллионы людей без работы, раздутый бюджет, который критикуют лоббисты, и очень эффективно, поскольку они теперь сильны. На очереди голод, беспорядки, забастовки, массовые увольнения, замораживание счетов — сплошные мучения и борьба, какое там счастье. Изоляционисты и крохоборы, по идее, должны ликовать, но на деле и они так же испуганы, как и вся страна.

Если бы он и Джонсон не вмешивались, то хотя бы сторонники правительства могли быть довольны. Но так ли на самом деле? Казалось, что вокруг недовольны все, независимо от того, что ты сделал.

Так правильно ли он понял Джонсона?

Как последний лучик солнца впечатывается в глаза, когда заключенного бросают в темницу, так и в эту секунду простая мысль обожгла разум Хейла: все дело в философии Ада. Проклятые жили в Аду, потому что они обречены находиться в нем, а раз они здесь, то главное их назначение — переносить мучения. Но почему они не знают, в

чем их прегрешения? И каковы были эти прегрешения, которые заслуживают столь ужасного наказания?

Он — партнер Люцифера — не знал этого. Но Джонсон — Люцифер — знает. И должен рассказать ему.

Глава 22

Глория устало отвернулась от кипы журналов. В основном это были глянцевые издания, но, по крайней мере, в них было больше букв, чем когда-либо с момента женитьбы. Она зевнула и потянулась к осточертевшему Хейлу вязанию.

— Почему бы тебе не почитать что-нибудь более стоящее? — спросил Хейл.

— Не знаю. Мне неинтересно, — она пожала плечами и добавила с таким надрывом, будто в первый раз рискнула высказать свое мнение: — Меня интересует только одно.

— Да, единственное, что тебя интересует — это мы с тобой. Но, черт побери, Глория!..

Он внезапно замолчал.

— Ты что, сердишься на меня, Билли-Вилли?

— Нет, — вздохнул он.

Это его проблема, что она никак не может справиться со своей подростковостью, игривым лукавством, слезливостью, с навязчивой идеей думать только о них двоих. Это была либо его ошибка, либо коварство Джонсона. И все больше ему казалось, что второе вернее всего.

До сих пор он не хотел признавать этого, что значило бы расписаться в собственном бессилии.

Дьявол, подумал он, нужно найти хоть какое-то разумное объяснение тому, что происходит. Если хочешь знать, так узнай. Плевать на расходы, о которых все время талдычит Джонсон. Ну же, смелее!

Он снял телефонную трубку:

— Соедините меня с мистером Джонсоном, — и положил трубку, готовясь с нетерпением ждать.

Телефон зазвонил снова.

— Алло! Это ты, Уильям?

Решимость Хейла как корова языком слизала. Так странно подействовал дружеский тон партнера.

— Да, это Хейл.

— Очень рад звонку, Уильям, хотя это и неэкономно. Разве ты не мог обойтись телеграммой?

— Нет!

— Ну ладно, тогда хоть я сэкономлю, а то собирался отправить тебе сообщение. Здесь все закончено — подписано, подколото, подшито... Все сделано блестяще, ты можешь поздравить меня, Уильям. Но теперь я уезжаю в Азию.

— В Азию!

— Да, мой мальчик. Необходимость. Тамошние конфликты грозят утихнуть, возможно, вообще прекратятся. Я должен это исправить, иначе это приведет к краху вражды между государствами. Сколько времени это займет, я даже не представляю. Возможно, год, возможно, дольше или меньше.

Хейлу пришлось собрать нервы в кулак.

— Лучше скажите: люди в Аду, чтобы страдать? Верно?

Джонсон ответил после небольшой паузы:

— Что тебя теперь беспокоит, Уильям?

— Ключевой вопрос. Фундаментальный, будь он проклят! Люди могут быть счастливы — или нет? Или все они должны быть недовольными все время?

— Индивидуально, небольшое количество удовлетворенности допускается, на ограниченный срок. В совокупности же человек главным образом страдает. Отдельные индивидуумы могут быть счастливыми некоторые время, человечество в целом — никогда. Что еще?

— Значит, они не могут быть по-настоящему счастливыми, потому что наказаны. Верно?

— Разумеется.

— Но за что они наказаны? — Хейл с силой сдавил трубку.

В ответ была тишина.

— Какой смысл? — Хейл повысил голос. — Скажите мне!

Не сразу Джонсон ответил.

— Ты хочешь знать, в чем их прегрешения?

— Конечно. Даже прежде чем отшлепать щенка, нужно дать ему понять, что он поступил неправильно. Как можно наказывать людей, если они не понимают, что они наказаны, и за что наказаны.

— Но, Уильям, это было бы непродуктивно. Если бы они знали, куда могут попасть, то сделали бы все возможное, чтобы избежать наказания, и не пострадали бы так, потому что осознавали бы, что их ждет. С другой стороны, многие слабые натуры, вместо того чтобы довериться инстинкту самосохранения, попытались бы покончить с собой. Сейчас же им приходится терпеть, пребывая в неведении, и мучить себя бесплодными надеждами на счастье.

— Ладно, пусть так. Но почему они наказаны?

Опять молчание.

— Я не могу сказать тебе этого, Уильям.

— Хотите сказать — не желаете?

— Нет, — терпеливо ответил далекий голос. — Я не могу. Я честно соблюдаю наше соглашение, но наш контракт не предусматривает того, что лежит вне этой области. Я не могу открыть тебе тайны других сфер. Это единственное, на что не распространяется моя власть.

Глория толкнула его локоть, прося передать привет мистеру Джонсону. Не церемонясь, Хейл отпихнул ее.

— Вы обманули меня, черт бы вас побрал! Вы сказали, что дадите мне все, что нужно для счастья!

— Так и есть. Я выполнил свое обещание.

— Но вы не сказали мне, что я могу произносить заклинания. Вы не сказали мне, как они работают и как их можно обойти.

— Естественно, Уильям. Я даю тебе возможность прийти к тому же методу, которым действую я, — обучаться на практике. Это намного более эффективно, чем какие-то заумные объяснения. И я просил тебя всего лишь не спешить, ведь я не могу постоянно указывать, что можно делать, а чего не нужно. Так ты не научишься. Ты должен экспериментировать, чтобы осознать все угрозы и понять границы своей власти.

— Да хватит уже корчить из себя невинность! Это со мной не пройдет. Вы надули меня!..

— Сожалею, сэр, — вмешался вежливый голос, — Ваши три минуты истекли. Хотите продолжать разговор?

— Да! — крикнул Хейл.

— Нет, — невозмутимо произнес Джонсон. — Экономия,

Уильям. Забудь о своей обиде. Это ребячество. Помни о главных принципах. До свидания, мой мальчик. Я свяжусь с тобой, как только устроюсь на месте.

И Джонсон отключился.

Хейл яростно подергал рычаг. Снова услышав голос оператора: «Да, сэр?», он прорычал:

— Соедините меня с тем же номером!

— Сожалею, сэр. Абонент сказал, что не станет отвечать на звонки с вашей линии.

Хейл бросил трубку на телефон, не сводя с него прищуренного взгляда.

— Ты надул меня, — прошипел он. — Ты даже пальцем не пошевелил, но сделал так, что я сломал собственную жизнь. Если бы я знал. Ты хочешь, чтобы я наказывал людей, не говоря им, почему и за что они страдают. Поэтому и кара для тебя должна быть изощренной. Хватит, слышишь ты, жирный толстый слизняк! Я не принимаю твои главные принципы! Я и слышать не хочу о твоей философии Ада! Я уничтожу все, что ты сделал! Я буду создавать счастье, хоть по кусочкам. Я докажу тебе, что я могу создать счастье!

Он схватил сжавшуюся от страха Глорию, не понимавшую, радоваться ей или огорчаться от его очередного приступа безумства, и расцеловал ее.

Это был его первый шаг на пути мятежа.

Глава 23

Прежде всего, Хейлу нужно было найти способ борьбы с врагом. Он отправился с Глорией на фондовую биржу и был потрясен истеричным и пораженческим настроением участников торгов.

На встрече между правительством и ключевыми фигурами в области финансов, промышленности и рынка труда он и Глория присутствовали в качестве неприметных наблюдателей. Он учился использовать свои связи, чтобы попадать на такие встречи, куда обычному клерку газетного бюро путь заказан.

— Они все будто неживые, — рассказывал он Баннеру позже в Нью-Йорке. — Одни пустые разговоры, идиотские предложения, и ничего серьезного. Все эти важные шишки просто заседают попусту и чешут языками. Столько всего сделать нужно. А никто на самом деле не знает, за что браться.

Баннер в задумчивости потер подбородок.

— Согласен, проблемка та еще. Возьми, к примеру, банки. У них миллиарды долларов, которые лежат без дела, и это, я тебе скажу, — сплошная головная боль. Все говорят о безработице, но здесь сам капитал в такой же ситуации, он не работает. Почему банки не расширяют кредиты? Потому что промышленники сами не хотят надевать на себя эту лямку, не зная, что ждет их в будущем. А чего они боятся? Налоги высоки, но не настолько, как во многих других странах. Правда, есть опасность, что они могут разориться. Рост экономики зажат в тиски. Идея реформ была в том, что бизнес не должен действовать вслепую, наобум, иначе он снова выйдет из-под контроля, как в двадцать девятом году[24]. Все опасаются роста, потому что он опять может привести к перепроизводству. Я не думаю,

[24] 1929г. — год начала Великой Депрессии в США.

что высказываю что-то новое. Каждый боится, как бы его действия не привели к очередному кризису.

«Было бы легче найти решение, не будь проблема такой многогранной», — думал Хейл.

Баннер озвучил общепринятое с финансовой точки зрения объяснение. То, что этот вердикт, но уже с точки зрения логики, не подвергался сомнению, еще больше затрудняло поиски истины...

Когда Хейлу с большим трудом удалось заставить Глорию надеть платье похуже, он взял ее с собой в трущобы. Вид семей, стоявших за едой и пособиями, тягостно действовал на него, но он мог только скрипеть зубами в бессильной злобе, проклинать Джонсона и себя за то, что не может пока найти решения.

Чиновник от профсоюзов был суров и убедителен:

— Разумеется, мы придерживаемся курса правительства. Мы были бы идиотами, если бы выступали против. Чтобы выдержать конкуренцию, промышленники хотят расширяться и вкладывать деньги в модернизацию, которая позволит им избавиться от лишних рук, и в итоге сократить себестоимость единицы продукции. Все это хорошо. Только как же быть нам? Некоторое время мы находимся в выигрышном положении, выпуская продукцию с помощью машин гораздо быстрее и затрачивая меньше сил. А что потом? Мы начинаем производить товары быстрее и больше, чем их можно продать. Склады забиваются, бизнес становится убыточным, и нас увольняют. Пока мы перебиваемся на пособия, товары потихоньку расходятся, и нас снова начинают нанимать, чтобы мы опять за гроши приступили к работе и выпускали эти чертовы товары, пока ими снова не забьются склады, — и так до бесконечности, по заколдованному дьявольскому кругу. А правительство намерено сдерживать рост и прилагает все усилия, чтобы мы не производили слишком много или слишком мало. И это нам подходит. Почему бы и нет? Думайте, что для вас лучше: сидеть дома без дела, ожидая, пока не свалится на тебя счастье, или хотя бы понемногу, но работать?..

— Как мне кажется, — снова рассказывал Хейл Баннеру. — Это полуш... э-э, эта страна жила вполне прилично, пока мы не

встали перед вопросом — изоляция или интервенция? С этого момента правительство и хозяйствующие лобби в борьбе друг с другом зашли в тупик.

Глория присела к нему на подлокотник кресла и погладила его по голове. Он терпел, даже когда она зашептала на ухо:

— Билли-Вилли, разве нельзя поговорить о чем-нибудь другом? Я ужасно устала выслушивать все это целыми днями.

— Пожалуйста, дорогая, это очень важно.

Баннер, не обращая внимания на семейную сцену, придвинулся поближе.

— Навскидку, возможно, ты и прав. Я не уверен. Хотя...

— Что? — спросил Хейл.

— Ну вот, возьми каждого по отдельности. Те из нас, кто за интервенцию, чувствуют, что страна еще недостаточно готова, чтобы бороться в одиночку. Они считают, что должны опередить агрессоров и атаковать, а не обороняться. Но у тех, кто выступает за изоляционизм, все то же, только с точностью до наоборот. Они не хотят, чтобы мы ослабили себя, вступив в войну, которая никак не затрагивает нас в настоящее время. Таким образом, они предпочитают готовиться к тому, чтобы встретить врага во всеоружии.

Пока Баннер набивал трубку, Хейл размышлял над его словами. Рассуждения тестя казались достаточно убедительными.

— Другими словами, — осторожно произнес Хейл, — обе стороны боятся.

Баннер задул спичку.

— Точно! Одна сторона боится позволить врагу стать слишком сильным, а другие боятся вообще вступать в борьбу. Я уже был взрослым, когда началась последняя война. Мы не стремились вступить в нее, но мы чувствовали, что однажды, когда мы сделаем это, дело будет в шляпе. Въезжаешь, о чем я? У нас было понимание того, что мы без посторонней помощи приберем к рукам весь мир. Но сейчас такого ощущения нет. Все же для нас лучше — я имею в виду, хорошо для бизнеса, — и дальше поддерживать нейтралитет. Не лепетать беспомощно о том, чтобы отсидеться в кустах на заднем дворе. Нет, я говорю о реальном достойном нейтралитете, когда мы можем сказать агрессорам: мы не

собираемся вас трогать, но и вы уж, пожалуйста, только попробуйте сунуться, и мы из вас дух вышибем!

Хейл подумал, что в этом и есть ответ: соединить вместе противоположные точки зрения. Чтобы уже не было недопонимания, он спросил:

— Вы, правда, так думаете?

Баннер наклонился к нему.

— Уверен! — объявил он.

И пошел вдаваться в подробности, но Хейл уже не слушал его. Он думал: «Вот ответ». Но что теперь следует сделать, чтобы исправить ситуацию? Причина-то не материальна. Она не имеет никакого отношения к нехватке денег, сырья, рабочей силы, транспорта или административных ресурсов. Это чисто психологическая проблема. И как исправить разруху в головах, да еще в целом полушарии?

Он поделился своими переживаниями с Баннером.

— Да, ты прав, — согласился Баннер. — Все зависит от того, как мы мыслим. Было бы неплохо знать, где солому подстелить. Но мы живем в настоящем, видим, как все рушится, как с каждым днем становится все хуже, как терпят крах твои замыслы. Я не знаю ответа.

Хейл вырвался из ласкающих рук Глории.

— Но подумайте только: если каждый почувствует, что у этого полуш... этой страны — самое потрясающее будущее в мировой истории, все обретут уверенность, разве нет? И тогда мы вырвемся из этой депрессии — одной уверенностью!

— Да, согласен!

«Но как осуществить этот замысел? — тут же спросил себя Хейл. — Как вселить в людей веру? Примером? Мол, если достаточно людей сумели поднять свой бизнес... Нет, не то. Правительство потратило миллионы долларов, пытаясь восстановить торговлю, и только еще больше напугало инвесторов. Пропаганда? Может быть, еще руководству страны объявить депрессию мировым злом? Это глупо. Издать законы? Но и до того были тысячи актов, периодически претворяемых в жизнь и не принесших никакого результата, кроме всеобщего смятения и неуверенности».

И вдруг очевидная мысль ошарашила его. Он отодвинул руку Глории и вскочил с места. Показал пальцем на тестя.

— Вы чувствуете себя уверенно! Это так?

— Я... не понимаю.

— Вы не можете избавиться от ощущения уверенности в себе! Достаточно взглянуть на то, что вы сделали и что можете сделать. И тогда...

— Не нужно продолжать, — сказал Баннер, вставая, и решительно расправляя пухлые плечи. — Я подозревал, что

всегда знал верный путь, только не имел мужества поверить в него. — Он похлопал Хейла по спине. — Я побегу домой. У меня куча планов по расширению, о которых я помышлял долгие годы. Но кишка была тонка. А теперь... Я горы сверну. Вот так!

И он пошел к выходу, гордо неся голову, как будто под торжественный грохот барабанов.

Хейл упал в кресло, его голова кружилась от восторга.

В мгновение ока Баннер из задавленного жизнью бизнесмена превратился в уверенного, отчаянного дельца, хозяина положения.

Хейл совершенно не ожидал, что его заклинание подействует так немедленно и радикально.

Он едва услышал голос Глории:

— Билли-Вилли, я ведь хорошо вела себя, правда? Я слушала тебя и папу, вы говорили о таких скучных вещах, и я даже не приставала к вам. Можно ли мне организовать завтра вечеринку? Прелестную небольшую вечеринку... совсем крошечную.

Хейл же был ошеломлен настолько, что не мог поверить, что у него отныне есть лекарство.

Глава 24

Он убедил себя, что нет времени для колебаний. Действуй, пешка, действуй! К черту Люцифера! Перехитри его, как он обманул тебя! К дьяволу философию Ада, отбрось ее, сделай человека счастливым! Но главное — действуй!

Джонсон любил все сводить к парадоксам. Это был один из наиболее изощренных принципов Ада: безжалостная незыблемость диктатур, бедных и плохо устроенных; нервная робость демократических государств, которые тонули в богатстве. Ничем не обоснованные надежды, когда их не должно быть вовсе. Нищие убеждали себя, что счастливы, богатые убеждались в том, что они несчастны.

И посреди всего этого лежал страх. Избавьтесь от него — и не будет ничего, что мешает. Всели в людей уверенность! Хейл знал, что может это сделать. Он убедился в этом на примере Баннера. Пребывая в полной уверенности, тот расширил свой бизнес и, к удивлению его коллег по бизнес-клубу, даже нанял много новых служащих.

— Я не представляю, что на него нашло, — жаловался Хейлу Сэм Фурман, владелец сети пошивочных мастерских. — Он же только на одной зарплате разорится.

— Разве? Стране нужен крепкий растущий бизнес.

— Возможно, — согласился Фурман. — Только пускай другие экспериментируют. А я лучше со стороны понаблюдаю.

— Даже просто кормя, одевая и строя жилье для каждого, кто живет в этой стране, мы обеспечим полную занятость. И не забывайте: у нас самая богатая страна в мире.

Фурман мрачно кивнул.

— Все это хорошо на словах, но...

— Никаких «но»! — резко ответил Хейл. — Вы должны быть уверены в себе. Вопреки всему. Это все.

Члены бизнес-клуба были удивлены и весьма болезненно восприняли весть о том, что Фурман купил новую фабрику,

удвоил число сотрудников и открыл магазины в небольших городах. Так продолжалось, пока Хейл и им не привил уверенность.

Но, в конце концов, думал Хейл, разве этого достаточно? Несколько строптивых бизнесменов, идущих наперекор инерции целой страны, доказывали его силу, но необходимо было идти дальше. И он напряженно искал способ распространить свое могущество на все полушарие.

Хейл пребывал в восторге от того, что ему больше не нужно использовать хитрые, закулисные методы Джонсона. Он действовал прямо и милосердно. Но был ли он настоящим реформатором? Наверное, но не в полном понимании этого слова. Доказать свою возможность создавать счастье он сумеет, только действительно сделав всех вокруг счастливыми. Это полностью перевернет философию Ада и в свою очередь сокрушит Люцифера. Так говорила логика.

Но как это сделать? Воспользоваться ключевыми фигурами? Поначалу он так и думал. Но он не мог охватить всех крупных промышленников, банкиров, лидеров рабочих движений. Да и недоверие масс будет тормозить его начинания и, в конечном счете, остановит любые подвижки, если он ограничится только лишь вливанием уверенности в тех, кто находится на вершине социальных пирамид. Он должен был заставить всех своих подданных ощущать себя одинаково уверенно. Но как из своего кабинета дотянуться до каждого жителя полушария?

Никогда еще он не ощущал себя более беспомощным, чем сейчас. Был метод, но не было способа использовать его.

Он уже смирился со звуком вязальных спиц. Но непонимание Глории раздражало его. Да что там — раздражало, доводило до бешенства. Она постоянно зевала, доводила его до белого каления своим непониманием, желая одних лишь развлечений. Идет борьба не на жизнь, а насмерть — против главных принципов Ада. А она знай вяжет себе — безмятежно, ни о чем не думая.

Он отругал себя за эти мысли. В этом не было ее вины. Она сидит с ним, преданно, как собака, и даже не жалуется. Чего еще он мог требовать?

Лучше не отвлекайся, Хейл. Думай, как распространить уверенность по всему полушарию — способ должен быть

простым и достаточным, чтобы перевернуть умонастроения нескольких сотен миллионов людей.

«Иди и действуй!» — как будто рядом раздался дружелюбный голос Джонсона.

Его жирное простоватое лицо всплыло перед глазами. Послеобеденный шум и гам, доносившийся с улицы, как будто вылился в ядовитую речь Джонсона:

«Ну, Уильям? Я вижу, ты все еще колеблешься. Отчего же? Тебе всего лишь нужно опровергнуть мои принципы и разрушить все мои планы. Но ты, видно, не так уж тверд?»

— Будьте вы прокляты! — громко крикнул Хейл. — Я знаю, что нужно делать!

«Тогда почему не делаешь? Сказать тебе, почему? Да потому что ты не знаешь — как!»

— Нет, я знаю, — закричал Хейл.

— Билли-Вилли!

Почувствовав чужое прикосновение, он отдернулся и завопил в открытое окно:

— Вы все верите в себя! Пусть ветер донесет до вас эту уверенность. У вас все получится! Да пребудет с вами сила!

— Билли-Вилли! Что с тобой? Ты... с тобой все в порядке, милый?

Он протер глаза.

— Вероятно, у меня что-то с головой... — признался он. — Теперь я в порядке. Я не позволю ему помешать мне.

Он спрашивал себя, не помутился ли у него разум. Этого нельзя допустить: оно играло бы на руку Джонсону.

— Давай отправимся куда-нибудь развлечься, а? — сказал он с преувеличенной жизнерадостностью.

— О, Билли-Вилли! — она схватилась за лацканы его пиджака и повисла на нем, — Мы можем пойти на чай к Мейбл! Она спрашивала, почему я так долго не появлялась у нее. Все будут там!

Какая ему, будь оно неладно, разница, куда идти? Все равно не избавиться от этой проблемы: как достучаться до каждого в его полушарии, до богатых и бедных, до простых и сильных, в городах и деревнях, на фермах, до ленивых и деятельных; до мужчин, женщин и детей?

Только это одно занимало все его мысли.

Глава 25

Хейл, вероятно, был ослеплен собственной ненавистью к Люциферу, отвращением к философии мучений, и был слишком одержим собственными планами. Иначе, будучи наблюдательным человеком, заметил бы изменения.

Он рассуждал: можно отпустить дела в свободное плавание и посвятить все время написанию речей. Конечно, он не мог надеяться обратиться ко всем разом, и ему придется выучить испанский и португальский языки. Но по крайней мере это был вполне осуществимый план.

Его размышления внезапно прервал телефонный звонок. Сквозь разноголосый хор чьих-то пронзительных воплей прорвался взволнованный крик:

— Алло, мистер Хейл? Это Титус... «Титус, Фэнсворт и Куинн». Что вы собираетесь делать с рынком? Куда вы пропали?

— Я не понимаю, — рассеянно ответил Хейл. — Что произошло?

— Что произошло? Ну и ну, вы даете! Слышите эти крики? Разве вы не читали газеты? Хотя бы взгляните на них быстро и скажите мне, что делать!

Хейл придвинул к себе лежавшую на столе газету. Не было необходимости открывать ее на финансовой странице. Обо всем говорила первая полоса:

МЕДВЕДИ В СПЯЧКЕ. БЫКИ ВОЗНОСЯТ РЫНОК В НЕБЕСА.

В течение первого часа дня, который обещает побить рекорды Фондовой биржи за всю историю ее существования, спрос на все представленные акции подскочил на десять-пятнадцать пунктов, с дикими торгами и полным отсутствием продаж, за исключением сделок с зарубежными инвесторами. Неизвестно, качнется ли маятник в другую сторону. Однако с Американской Фондовой биржи сообща-

ют о еще больших прибылях и не делают секрета из того, что нет никакого предела для роста.

Очень влиятельные информированные источники с Уолл-Стрит отказываются верить заявлениям из-за границы, в которых утверждается, будто ситуация находится на пороге неизбежного краха, потому что до сих пор не было никакого соответствующего роста занятости, национального дохода, производства, внешней торговли и розничных продаж.

Однако общее мнение наших инвесторов сводится к тому, что впервые за долгий срок пробудилась уверенность в будущем страны...

...в качестве подтверждения этому из всех крупных городов по всей Америке сообщают о таком же росте прибылей, как на Уолл-Стрит...

...в свете этих факторов все надежные источники утверждают, что произошел значительный всплеск общественного доверия...

— Ну, и что нам брать? — требовал разъяснений Титус. — Транспорт, коммунальные услуги, тяжелая промышленность, горная промышленность, инновации?

— Я не знаю...

— Думайте скорее, мистер Хейл. Нужно покупать и держать. Пока еще есть зарубежные инвесторы, готовые продавать. — Его громкий и резкий смех похож был на звук упавшего на пол жестяного подноса. — Они думают, что мы сошли с ума! Да и черт с ними! Нет никакого предела тому, что мы можем сделать! У нас самая большая, самая богатая, самая мозговитая и сильная страна в этом проклятом протухшем мире! Мы покажем им дом для каждой семьи, автомобиль в каждом гараже, цыпленка в каждой кастрюле в каждом захудалом доме, по десять или пятьдесят костюмов и платьев для каждого мужика, женщины и ребенка, сотни фильмов за миллион долларов, отрасли промышленности стоимостью в миллиарды, высокое благосостояние каждого человека без исключения...

— Эй, постойте! — крикнул Хейл. — Да что...

— Ничего, мистер Хейл. Все в порядке! Все покупают! По большому секрету, у меня есть на примете акции одного

иностранного синдиката, на несколько миллионов. Они боятся продавать, боятся покупать. Я спущу с них последние штаны и куплю за ничтожные несколько сотен миллионов. Вы в деле?

— Я?

— Кто же еще! Мы разделим их на три части: вам, Джонсону и мне.

— Откуда вы возьмете несколько сотен миллионов?

— В банках, мистер Хейл. Они практически раздают деньги. Жаль, я не могу продолжать разговор, я должен заняться сделкой, не дожидаясь, пока цены вырастут вдвое или втрое. Счастливо!

Через открытое окно Хейл впервые услышал шум веселых голосов. Не унылых или тусклых, как раньше, но именно веселых, живых, нетерпеливых — уверенных в себе!

Ему не нужно было долго думать, чтобы найти ответ. Это, конечно, казалось абсурдным — что он выкрикнул заклинание в окно, и оно разлетелось по всему полушарию. Но факты говорили сами за себя.

Он отобрал у Глории ее вязание и повлек за собой.

— Ну же! — воскликнул он. — Мы уходим!..

— Можете представить этого хитрого малого? Паршивая сотня в неделю! Я говорю ему: «Циммерман, тебе не нужен раскройщик, тебе нужен мясник». А он мне: «Лу, я держал тебя, даже когда все шло кувырком. А я ему: «Все изменилось, Циммерман. Я открываю собственное дело!» Вот как я сказал ему!

— Сотня в неделю! Я посмеялся над боссом, когда он пгедложил мне сотню с четвегтью! Я так и сказал ему, пегед тем как бгосить эту пагшивую габоту: я сам хочу шить плащи и костюмы, и если уж у меня не получится, вот тогда и поглядим!

— Ха! Ха! Ты? Так ты, может, еще собираешься обставить меня?

Вскоре к двум хвастунам, торчавшим у крыльца фабрики, подковылял изможденный коротышка; тяжело дыша, он проговорил:

— Эй, парни! Ребята! Я арендую целый этаж, возможно даже все здание, лишь бы скорее приступить к делу. Назовите вашу цену. Я приму любое предложение в этом городе!

— А у тебя денег-то хватит?

Новоявленный бизнесмен простер вверх руки:

— Меня не волнует, сколько запросят! Главное — начать дело. Не сомневайтесь, я намерен стать крупнейшим изготовителем одежды в мире. Главное — работать, как я сам хочу.

— Только послушайте его! — насмешливо сказал один из хвастунов. — Он собирается стать крупнейшим мануфактурщиком. Так что же я раздумываю? Да я прямо сейчас пойду в банк, возьму несколько сотен тысяч и куплю это здание. Постепенно скуплю весь квартал, а если понадобится, там и за соседние примусь.

Хейл не знал, что ему делать: следовать за неудовлетворенно уверенным свежеиспеченным работодателем или насмешливо уверенными работниками, бросившими своего предыдущего хозяина. Было бы интересно узнать, как все они собираются решать свои проблемы.

Может быть, это все еще галлюцинации?

Он был вполне уверен, что разум его в порядке, но всякое может быть.

— Ты слышала то, что я слышал? — спросил он Глорию.

— Ты про тех бездельников? Которые покинули здание?

— Ты слышала, что они отказались от сотни с четвертью в неделю? — уточнил он.

— Ну да. Так это что — такая забастовка?

Хейл увидел толпы людей, хлынувшие на улицу. Забастовка? Если это происходит на всей территории его полушария, то это была самая большая, самая уникальная забастовка в истории! И не просто забастовка — а единодушное желание быть хозяином самого себя.

С чувством уверенности Хейл влился в толпу. Глория цеплялась за его руку и жалась к нему, в страхе от клокочущей массы людей, далеко не все из которых были чисты и опрятно одеты.

Хейл слушал разговоры людей:

— А я сегодня приезжаю, как всегда, рано утром на работу. И тут вижу это объявление в газете...

— Рекламу банка? Да, я тоже ее видел. И что ты сделал?

— Я пошел и показал боссу это объявление, он сказал, что поднимет мне зарплату, если я не уйду, а в коридоре уже

собралась толпа сотрудников, у всех заявления об уходе, и вот...

Каждый вокруг рассказывал свою, примерно схожую историю. Хейл потащил Глорию к газетной будке, которая уже закрывалась. Все газеты были проданы, но за полдоллара киоскер предложил ему грязный, помятый экземпляр «Социалистического Призыва». Они отошли к стене, и Хейл просмотрел газету. Первое из шести рекламных объявлений занимало целую страницу.

КОМПАНИЯ «БАНКЕРС ТРАСТ» ВЕРИТ:

1) В будущее Америки! Никакая другая страна в мире не обладает столь щедрыми ресурсами, что находятся под нашими ногами и всюду вокруг нас, самим своим существованием призывая к развитию.

2) В способности американцев! Без посторонней помощи, начиная с нуля, наши предки подняли Америку от отсталой страны до самого индустриально развитого государства на планете!

3) В самих себя! Мы поможем: деньгами, советом, в открытии и расширении любого производства, в любой отрасли. Откроем для новой истории новые имена, которые вызовут гордость в сердце каждого истинного патриота Америки!

МЫ С УДОВОЛЬСТВИЕМ ПРИНИМАЕМ НА СЕБЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. И всеми силами поспособствуем самому удивительному возрождению в истории человечества!

Для этого мы готовы оказать любую помощь: финансовую; организационную, если это необходимо; консультативную по любым вопросам, поскольку мы основываем наши советы на опыте девяноста семи лет успешного финансирования —

КАЖДОМУ ЧЕЛОВЕКУ, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ПРЕДОСТАВИТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТОГО, ЧТО У НЕГО ЕСТЬ КОНКРЕТНАЯ, ЗДРАВАЯ, ОСУЩЕСТВИМАЯ БИЗНЕС-ИДЕЯ, И

КОТОРЫЙ ИСПЫТЫВАЕТ НЕДОСТАТОК В НАЛИЧИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО КАПИТАЛА ДЛЯ СТАРТОВОГО РАЗВИТИЯ ИЛИ РАСШИРЕНИЯ!

Для того чтобы устранить все препятствия на пути общенациональной уверенности в нашем большом и великолепном будущем, компания ««Банкерс Траст»» объявляет:

КРЕДИТНЫЕ СТАВКИ СНИЖЕНЫ ДО 0,5% ГОДОВЫХ! НИКАКОГО ЗАЛОГА! НИКАКИХ ПОРУЧИТЕЛЕЙ! ТОЛЬКО ОБЫЧНАЯ ОЦЕНКА ВАШЕГО БИЗНЕС-ПЛАНА!

МЫ ВЕРИМ В БУДУЩЕЕ НАШЕЙ СТРАНЫ!

Сложив губы в трубочку, Хейл изумленно присвистнул. В «Социалистическом Призыве» взяли к публикации рекламу банка! Но тут же он нашел в газете рекламу еще одного банка, подобную уже увиденной. А на следующей странице огромными заглавными буквами было написано:

РАБОЧИЕ! «СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЗЫВ» ОТ ИМЕНИ ПАРТИИ, КОТОРУЮ ПРЕДСТАВЛЯЕТ, ПОДЧЕРКИВАЕТ ВАЖНОСТЬ В ПОЛНОЙ МЕРЕ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ БАНКОВ!

РАЗВИВАЯ РЕСУРСЫ И СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА НАШЕЙ СТРАНЫ, ВЫ СМОЖЕТЕ УНАСЛЕДОВАТЬ САМЫЕ БОГАТЫЕ ПЛОДЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА! ЧЕМ ПРОЧНЕЕ СТОЯТ НАШИ ОТРАСЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ТЕМ ЗНАЧИТЕЛЬНЕЕ НАШЕ БУДУЩЕЕ ПРОЦВЕТАНИЕ! ЕСЛИ МЫ ХОТИМ ЗАХВАТИТЬ ВЛАСТЬ, МЫ ВСЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ УВЕРЕННЫМИ В ТОМ, ЧТО КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ И ОРГАНИЗОВАННОСТЬ СОЗДАЛИ ДЛЯ НАС САМУЮ БОГАТУЮ СТРАНУ В МИРЕ! РАБОЧИЕ АМЕРИКИ, МЫ УВЕРЕНЫ В БУДУЩЕМ, КОТОРОЕ СДЕЛАЕТ КАЖДОГО ПРОСТОГО АМЕРИКАНЦА ИСТИННЫМ ХОЗЯИНОМ НАШЕЙ СУДЬБЫ!

Хейл бросил газету в мусорную корзину и повлек Глорию обратно в толпу.

Они добрались до Седьмой Авеню. Жилые кварталы были заполонены людьми. Автомобильное движение замерло, раздавались гудки, и видно было, что полицейским, пешим и

конным, больше хочется влиться в реку людей, нежели держать ровный строй мужчин и женщин, юношей и девушек, стекающихся сюда из переулков и зданий, чтобы соединиться с остальным народом. При этом удивительным образом никто не терял своей индивидуальности, которая обычно исчезает в толпе. Эта человеческая масса только отчасти напоминала обычную толпу. Здесь были люди, собранные единым порывом — неукротимой уверенностью в себе. Но у каждого была своя, независимая ни от кого цель.

На 40-й Стрит масса людей заполонила собой свободное пространство, все остановились, тесно прижимаясь друг к другу, но над толпой не было слышно ни одного недовольного голоса.

— Давай, уйдем отсюда, — тихим голоском заныла вдруг Глория.

Но Хейл был очарован. Он балансировал на цыпочках, смотря поверх голов. Увидел, как по другой стороне осторожно движется агитационный грузовик — к зданию банка на Ист-Сайд Авеню. Толпа раздвигалась, освобождая проезд машине с громкоговорителями. Грузовик остановился, дверь его с трудом открылась.

Громкоговорители затрещали и разразились ревом:

— Друзья! Директора Городского Банка, пользуясь возможностью, благодарят вас за столь неожиданный отклик на их предложение. Мы должны признать, откровенно говоря, что ваши заявки засыпали нас с головой. Мы должны просить вашего содействия в том, чтобы дать нам время проанализировать ситуацию и усовершенствовать наш кредитный механизм. Мы не одни столкнулись с такой проблемой. Ни один банк или кредитная организация в западном полушарии, — внимая голосу, Хейл пришел в дрожь, — в данный момент не способны удовлетворить все поступившие к нам заявки. Поэтому сейчас создается новая, более эффективная Пан-Американская Кредитная Корпорация, охватывающая каждый банк, инвестиционный дом, целевой фонд и ссудные общества на обоих Американских континентах, чтобы полностью скоординировать нашу деятельность. Вы можете быть уверены, друзья мои, что финансисты Америки, — Великой, преуспевающей Америки,

Америки обоих континентов, — безоговорочно верят в великолепное будущее нашей половины мира!

Толпа встретила эти слова ликованием. Хейл чувствовал необыкновенное волнение, и даже Глория немного успокоилась, слушая речь, хотя все еще безуспешно пыталась избежать тесного контакта со стоявшими рядом людьми.

— Есть определенные ограничения, которые мы временно решили наложить, — продолжал голос из репродуктора. — Несмотря на то, что мы безоговорочно готовы финансировать каждого и любые здравые, практичные бизнес-проекты, мы вынуждены настоять на некотором количестве капитала со стороны заемщика...

Толпа недовольно загудела.

— ... В этом решении, — торопливо продолжил оратор, — мы не демонстрируем нехватку уверенности. Размер капитала произволен... Возможно, даже он совсем не понадобится, если идея исключительно перспективна. Но в большинстве случаев мы должны быть равно уверены в заемщике, который должен продемонстрировать свою деловую способность определенным количеством сбережений. С учетом того, как сейчас взлетят ваши зарплаты, — голос стал по-свойски шутливым, — я думаю, что это не составит труда по-настоящему трудолюбивому, уверенному в себе труженику, не правда ли?

Над толпой разнесся уверенный одобрительный смех.

— Со своей стороны Пан-Американская Кредитная Корпорация и все ее отделения будут предоставлять неограниченный кредит на очень простых условиях, которые будут определены в ближайшее время. Неограниченный кредит, я повторюсь... и никаких процентов! Все, что нам необходимо — возможность приобретения акций тех компаний, которые мы финансируем!

Толпа снова одобрительно зашумела. Хейл все еще искал во всем этом какой-то подвох.

— Теперь, пожалуйста, возвращайтесь на свои рабочие места и позаботьтесь о вашем будущем!

К удивлению Хейла, толпа начала расходиться.

Он поймал за рукав хорошо одетого мужчину с внешностью делового человека, предположив, что он может быть адвокатом.

— Как вы думаете, это не обман... отсутствие процентов по ссудам? — спросил он.

— Конечно, нет, — ответил незнакомец таким тоном, как будто его самого обвинили в чем-то ужасном. — Почему это не должно быть правдой?

— Ну, я не знаю. А как банки будут делать деньги?

— Очевидно, вы не разбираетесь в экономике. С огромным потенциалом трудоспособности наших граждан, просто беря у предпринимателей акции, можно добиться большего, чем устаревшими методами кредитования даже с фиксированной процентной ставкой. Банкам интереснее будет приобретать долю актива у компаний с исключительно блестящим будущим.

— Хм-м, — только и выдавил Хейл.

Он повернулся, чтобы найти такси. В голову лезли мысли о том, что если бы он еще вчера пришел в какой-нибудь банк и просто заикнулся бы о возможности взять кредит в обмен на акции пока не существующей компании — кто кого посчитал бы за сумасшедшего?..

Хейл и Глория стояли на краю огромного, выкопанного экскаваторами котлована. Все внимание Хейла было поглощено тем, что происходило внизу.

— Билли-Вилли, здесь так жарко, — заныла Глория. — Почему бы нам не вернуться домой, поплавать в бассейне?

— Позже, любимая, — рассеянно ответил он.

— Ты всегда так говоришь. Ничего другого придумать не можешь. Ты не любишь меня!

— О, дьявол... — раздраженно произнес он и ответил ей неохотным поцелуем.

Когда он отвернулся, она начала осыпать его ничем не обоснованными обвинениями. Хейл колебался: он не мог бросить Глорию, но и не мог бессердечно заставить ее спуститься вниз по пыльной насыпи. Он нетерпеливо ждал, пока она не утихомирится. Затем вызвал подрядчика, который незамедлительно появился, сердитый и раскрасневшийся.

— В чем проблемы, Ридинг? — спросил Хейл.

Подрядчик вытер потный лоб носовым платком.

— В чем проблемы? — выкрикнул он. — Год назад я бы уволил каждого из этих чертовых работников, а сейчас даже

помыслить об этом не могу. А теперь и то не так, и это не эдак.

— О чем вы?

— О проблеме! И я не собираюсь с нею мириться. Видите всех этих парней внизу? — показал он.

— Да. А что с ними?

— Я подрядчик этой чертовой стройки. Это, как предполагается, означает, что я заключаю контракт, закупаю материалы, заказываю проекты и нанимаю людей. Так? Ну, а сейчас... получается, что не так!

Хейл что-то пробормотал в знак сочувствия.

— Не надо меня жалеть! — ощетинился Ридинг, — Я и без вашей жалости справлюсь. Так вот, эти — пока только закладывают фундамент. А после них придут сварщики и плотники, каменщики, водопроводчики, электрики и штукатуры, и много еще кто. И все они заставляют меня разделить контракт на каждого пайщика, каждого работягу. Как это называется... Ну...

— Кооперация, — подсказал Хейл.

— Именно, — Ридинг снова полез за платком, вытер лицо. — Каждый хочет свою долю. Они заставили меня назвать цену контракта, поделили и посчитали, сколько каждый должен получить. Черт знает что, я говорю вам, это шайка коммунистов!

Чья-то тяжелая, побеленная цементом рука схватила Ридинга и заставила развернуться.

— Ничего подобного, мистер, — угрожающе произнес носильщик цемента. — Все, кто здесь работает, должны знать, сколько стоит его труд. Все, что мы хотим — получать достойную плату. Мы все в деле, точно так же, как и вы.

— Да! — прорычал Ридинг, — только вы нарветесь на то, что я всех вас поувольняю!

— Не сомневаюсь! — рабочий усмехнулся и покатил дальше свою тачку. — Не договоримся с вами, придут другие! — крикнул он.

Подрядчик проводил его испепеляющим взглядом.

— Теперь вы поняли, о чем я толкую? Они, видите ли, заплатят мне процент за получение контракта и закупку материалов. Но это я здесь главный распорядитель! Это у меня — проекты и контракты. И при этом они еще насмехаются...

Хейл решил тактично не напоминать ему о том, что рабочие могут забастовать. Это прежде Ридинг пребывал в уверенности, что без труда сломает своих рабочих, но теперь они не были «его» рабочими. Сейчас эти люди как никогда были уверены в себе, и даже зная о его угрозах отказать в доступе к проектам, могли прекрасно прожить и без него.

Все это было запутано и необычно. Хейл никогда не думал, что однажды рабочие станут нанимать своих боссов, с которыми теперь они были на равных. Кто мог предположить, что банки примутся выдавать кредиты почти без вопросов? Неограниченные кредиты для неограниченного развития! Его разум, ошеломленный таким шквалом невероятных событий, отказывался заглядывать еще дальше: что будет, когда у всех появится капитал?

Глава 26

К середине осени Хейл больше не переживал. Как и все жители полушария, он уже утратил способность чему-либо удивляться. Человек может адаптироваться почти к любым изменениям окружающей среды, так и Хейл приспособился, разве что немного позже других, потому что до сих пор оставался одним из двух человек, которых изменения не затронули.

Новые процессы внешне казались очень сложными. Они произошли, конечно, кардинально и быстро, и могли свестись к одному единственному слову: сотрудничество. Например, была установлена стоимость строительства завода, рабочие разбивали эту стоимость по участкам, и так до каждого человека на каждом этапе строительства. Изготовление и монтаж станков, эксплуатация завода и продажи продукции были организованы точно так же.

В итоге все сводилось к тому, что каждый человек был собственным работодателем. Одновременно это исключало возможность давления на человека, потому что никто не будет работать за фиксированную заработную плату.

Это Хейл почувствовал на себе, как и многие другие предприниматели. Ему пришлось отпустить часть слуг и офисных работников, а тем, кто остался, выплачивать астрономическую заработную плату и прописать в контрактах договоренность о разделении общей прибыли.

И, тем не менее, в целом возможности для роста таких предприятий оставались безграничными. Каждый был заинтересован в увеличении общей, а значит, и своей прибыли, и вместе с тем было покончено с анархической конкуренцией, когда одни отчаянно стремились стать выше других.

Теперь Хейл мог торжествовать. Могло ли что-нибудь нанести Джонсону более сокрушительный удар, чем то, что он проделал? Дьяволу нравится расслоение в обществе, гражданские

войны и интервенции, и никогда он не пренебрегал возможностями беспощадной борьбы и правилом «человек человеку волк». Так пусть теперь вернется и посмотрит, что получилось.

Но Хейл понимал, что злорадство по отношению к побежденному врагу, даже если это сам Люцифер, само по себе ничего не значит. Нельзя останавливаться на достигнутом. В отличие от книжных героев, жить приходится в реальном мире, и нужно решать, что делать дальше. Одно он знал твердо: его план отныне не будет дьявольски расчетливым, как у Джонсона. При этом он не собирался полностью менять свое предназначение. Как большинство людей, обеспокоенных будущим человечества, он был в какой-то степени идеалистом. И точно так же, как у большинства людей, его идеализм соседствовал на пару со своекорыстием. И теперь, видя, что его подданные сосуществуют в общей гармонии, Хейл ощутил — нужно смотреть правде в глаза. — что он стал, наконец, подлинным реформатором и, само собой, Лидером.

Дела в его полушарии шли очень гладко, и даже если возникали какие-то проблемы, уверенность подданных всегда находила выход. Единственным источником опасности Хейл видел Джонсона. Он не мог сказать наперед, как именно Джонсон мог бы разрушить его Утопию, но довольно трезво оценивал хитрость своего врага.

Однако Джонсон до сих пор пропадал где-то в Азии. Время от времени Хейл получал от него телеграммы. Это были краткие хвастливые сообщения, дающие мало информации, и не требующие ответа, поскольку Джонсон непременно указывал, что не знает, куда его занесет в следующий раз.

Начало зимы Хейл встретил с полным осознанием собственного величия. Произошедшие изменения были слишком велики и тверды, чтобы Джонсон мог повернуть все вспять. Казалось, что браться за что-нибудь — уже совершенно излишне. Да и за что он мог взяться. Финансы? Едва ли нашелся бы более сложный механизм, который работал без сучка,без задоринки. Фондовый рынок? Спекуляции давно исчезли сами собой, а все вновь выпускаемые акции без труда находили своих держателей. Политика? При всеобщем благополучии она тащилась последней в череде процессии,

как приструненный шкодник, которого могли ударить по рукам, если бы он только попытался нарушить чей-нибудь покой. Безработица? Классовые противоречия? Национальный доход? Об этих проблемах можно было забыть.

С лица Хейла не сходила ставшая привычной усмешка победителя, даже когда он сидел в офисе и читал отчеты. Даже когда Глория вязала или ворчала — его это уже почти не раздражало. Он все еще любил ее, что, собственно, изменить не мог, но ее красивое, надоевшее лицо, постоянно выражающее скуку или, напротив, неподдельное обожание, потеряло для него свою привлекательность. Разлука могла бы дать любви второе дыхание, как он порой мечтательно размышлял, но для них двоих это, конечно, было невозможно.

Ну и ладно, черт возьми! Зато объемы добычи руды и производство стали выросли на 100%, при том что шахт и заводов скоро станет больше в два раза.

Автомобильное производство увеличилось на 240% по сравнению с предыдущим периодом. Серийное производство самолетов достигло 5000 экземпляров в неделю и благодаря обучению новых кадров могло увеличиться вчетверо. Грузоперевозки увеличились на 73% в сравнении с 1929 годом. Розничные продажи — на 1242% выше, чем в том же самом году!

Если бы Хейл не таскался за Глорией в магазины, он бы и понятия не имел, в каких объемах население совершало покупки: порой без разбора, спеша приобрести даже не распакованный товар. А сколько появилось новых магазинов! Наверное, только Хейл с женой делали покупки скромно и неторопливо, выбирая лишь те товары, в которых действительно нуждались.

В какой-то момент Хейл начал задумываться над тем, чтобы посягнуть на владения Люцифера и превратить восточное полушарие в другую Утопию. Тогда бы он действительно выполнил свое предназначение. Конечно, ему придется дождаться краха диктатур. Можно все испортить, если поторопить процесс. Выжидательную позицию Хейл мотивировал отнюдь не человечностью и пацифизмом, поскольку война ничуть не беспокоила его, как не беспокоила и смерть миллионов людей, которые и без того уйдут в небытие, пока он

будет вечно существовать. Ненавистна ему была сама мысль о том, что Джонсон будет наслаждаться очередной войной. К тому же диктаторские режимы не выглядели прочными, срок их казался недолгим, оставалось только ждать и потирать в предвкушении руки.

Глава 27

Встреча с Баннером была назначена в «Кордове». Это поставило Хейла в несколько затруднительное положение. Он не любил самостоятельно выезжать в часы пик. А его шофер с некоторых пор взял манеру лихо водить машину, пребывая в уверенности, что избежит столкновения, даже балансируя на грани опасности.

Хейл боялся лишний раз делать ему замечания, опасаясь, как бы тот, в ответ на выговоры, не бросил службу, уйдя в свободное плавание.

Даже преданный Гамильтон утратил приличное количество своего раболепства.

— Понимаете, мистер Хейл, я остаюсь, потому что считаю вас очень приятным молодым человеком и с охотой буду работать на вас, вы мне нравитесь. Но если я вдруг передумаю, то уж не обессудьте!

Вряд ли Хейл заставил бы Глорию спуститься в метро в вечернем наряде. Оттого приходилось терпеть выходки шофера, так и норовившего давить педаль тормоза в пол перед каждым перекрестком. На Шестой Авеню их задержали пожарные машины. «Слишком часто в последнее время раздавались голоса колоколов и вой сирен», — подумал Хейл. Такого не было раньше, до того как вокруг распространилась уверенность, которая могла привести, среди прочего, и к неосторожному обращению с огнем. Он узнал о таких случаях из отчета, недавно полученного от своих сотрудников.

Немного не доехав до Лонгакр-Сквер, автомобиль внезапно замедлил ход. Сквозь негромкий привычный гул театрального района впереди послышался шум, гам, затем вдруг раздался грохот выстрелов. Что-то обожгло щеку Хейла. Это был кусочек стекла размером с крупную песчинку. В боковом стекле лимузина появилось три аккуратных отверстия с паутиной трещин вокруг них. Хейл мельком увидел

человека, лежавшего в грязи между дорогой и тротуаром. Но толпа зевак и полицейских не позволяла хоть что-нибудь толком разглядеть.

Один из полицейских остановил автомобиль. Шофер переговорил с ним, затем вернулся и доложил Хейлу:

— Какой-то парень хотел ограбить ювелирный магазин, в одиночку, прямо под носом полицейских. Видать. отчаянный, самонадеянный тип. Они взяли его, но несколько зевак получили ранения. Не хотел бы я оказаться... Ну и дела! — он вдруг заметил отверстия в стекле. — Да мы сами чуть под раздачу не попали!

Хейл не видел смысла говорить шоферу, что Глория и он в полной безопасности, даже если бы автомобиль изрешетили свинцовым градом. Едва ли шоферу было бы приятно услышать, что он-то как раз уязвим.

Это происшествие напрямую демонстрировало ту тенденцию, упомянутую в полученном два дня назад отчете. Преступников стало меньше, но сами преступления стали более дерзкими и жестокими. Те, кому раньше приходилось грабить и воровать из-за нищеты, легко встали на честный путь. Но те, кто совершал преступления ради удовольствия, ради легкой поживы, проявляли еще большую активность, обретя полную уверенность в успехе своих преступных замыслов...

Было удивительно, как Хейл и Баннер еще вообще могли слышать друг друга в таком шуме. Полураздетые актрисы и танцоры, надоедливые комики сменяли друг друга на сцене или в навязчивой манере слонялись между столиками с посетителями. Глория с восхищением наблюдала за ними, отодвинувшись от отца с мужем.

Баннер вернул Хейлу папку с бумагами.

— И что? — усмехнулся он.

— Ничего, я просто хотел получить ваше мнение, — уклончиво ответил Хейл. — Судя по графикам последнего месяца, производство растет, но продажи падают, и довольно серьезно. Разве вы этого не заметили?

— Тебя что-то пугает?

— Н-нет, — Хейл натянуто улыбнулся в ответ. — Я просто хотел узнать, что вы обо всем этом думаете. И вы же не

станете спорить, что это довольно серьезно, если все страховые компании вдруг... п-ф-ф! — он изобразил нечто вроде взрыва.

— Ах, это. Напрасно волнуешься. Да, число несчастных случаев возросло, а люди больше не страхуются. Но банкротство компаний ничего не изменит в нашем процветании, я знаю одного страховщика, который утверждает, что даже рад выйти из бизнеса. Говорит, что у него всегда было желание рисовать карикатуры, и он уверен, что может весьма преуспеть в этом.

Он не закончил свою мысль. Группа понукаемых якобы дрессировщиком девиц, изображающих цирковых животных, окружила Баннера, расцеловав его пухлое лицо. Глория и толпа с восторгом рукоплескали. Когда исполнители ушли, Баннер вытер с лица губную помаду.

— Мое мнение? — смеясь и краснея, спросил он. — К дьяволу, здесь невозможно поговорить о делах. Так вот... — Он придвинул стул ближе к Хейлу, чтобы не пришлось кричать. — Я говорил о росте материальных запасов с несколькими из моих самых крупных клиентов. Они сходятся во мнении, так же, как и я: нет никаких причин для волнений.

— Но послушайте, — воспротивился Хейл, — если продажи продолжают падать, а производство расти...

Баннер похлопал зятя по руке.

— Да что ты, в самом деле? Ну и что здесь такого? Этого следовало ожидать. Люди долго испытывали нужду, а когда у них появились денежки, они начали скупать все, что под рукой. Как беженцы из самой нищей страны. Ты когда-нибудь видел таких? Кожа да кости. Но стоит им попасть сюда, и они уже не представляют себе завтрака без бутерброда с маслом в дюйм толщиной и куском ветчины. Они ненасытны, пока не насытятся. То же и со всем нашим народом. Когда они с лихвой восполнили свои потребности, они, естественно, прекращают покупать в таких больших количествах.

Между двумя клиентами по соседству неожиданно завязалась ссора: маленький сухощавый человечек, который раньше, быть может, и не рискнул бы выступать, с уверенностью полез в драку против здоровенного бугая в центнер

весом. Когда несколько официантов вынесли на улицу то, что осталось от плюгавого мужичка, а шум вокруг поутих, Хейл продолжил разговор.

— Но как нам теперь избавиться от возникшего излишка?

— Продать, мой мальчик! Мы его продадим!

— Кому?

— Ты еще спрашиваешь. Авторитарные страны впали в нищету из-за того, что сами себя отрезали от мировой экономики. Сразу не получится, конечно. Но наша сила в том, что они слишком голодны. Рано или поздно, новости о том, как мы разбогатели, просочатся в эти страны, они взбунтуются, заставят своих вождей покончить с самонадеянной политикой и сбросят их. Вот тогда мы и сможем продать им все, что у нас накопилось!

— Хм-м, — произнес Хейл. — Верно.

Некоторое время они сидели молча. Не обращая внимания на прекрасный, но опостылевший профиль Глории, Хейл безучастно наблюдал за продолжающимся шоу. Крикливая публика жаждала развлечений, и сама хотела быть частью их. Одни подвыпившие граждане обоих полов танцевали, пытаясь своими неуклюжими па подражать исполнителям, другие хватали артистов, тащили их к столикам, заставляя пить вместе с собой...

Приезжие европейцы утверждали, что жажда публики к развлечениям в полушарии Хейла напоминала им римские оргии периода упадка империи. Но Хейл был достаточно рассудителен, чтобы замечать строгую разницу. Изнеженных римлян нужно было развлекать. Американцы развлекали себя сами. Они пили все, что горело, обычно прямо из горла; придумывали и повторяли друг за другом самые невообразимые танцы. Мужчины не могли просто наблюдать за красивыми девушками, независимо от того, насколько те были одеты или раздеты. Да и не нашлось бы ни одного такого застенчивого созерцателя во всем полушарии Хейла. Все жаждали развлечений и не мыслили себя без активного в том участия. Такое неуемное стремление к веселью, должен был признать Хейл, было слишком безрассудным.

— Нет, — произнес задумчиво Баннер, — так мы не избавимся от нашего излишка, что все-таки беспокоит меня.

— Не избавимся?

— Нет. Скажу прямо! Я уверен в этом, как никто другой! Я знаю, что у нас такое будущее, которого не добилась ни одна страна в истории. Да только... — Он впился взглядом в корчащуюся вокруг публику и артистов. — Человек в моем возрасте частенько испытывает повод к размышлениям. Взгляни на них! Вот о чем я сейчас задумался — меня тревожат эти слабоумные придурки!

— Вы волнуетесь за них? Почему же?

Баннер важно и старательно набил трубку.

— Они несчастны. Имеют больше, чем они когда-либо мечтали, но, тем не менее, на самом деле они несчастны.

— Несчастны... — Хейл задрожал. — Но почему вы так решили?

— Поверь, это так, только они не знают об этом. Они пытаются убедить себя, что отхватили у судьбы удачу. Да только это не так. Вот, как я смотрю на это, Билл. Все досталось слишком легко. Я добился успеха, независимо от того, что я предпочитал: ведь я давно избрал свой путь. У этих же бедолаг никогда ничего не было. Теперь у них есть практически все, что они захотят. Но, черт возьми, ты не можешь вести себя так всю жизнь, как полоумный маньяк, скупая все подряд. Рано или поздно наступает пресыщение.

Хейл рассмеялся.

— Значит, у них есть все, что они хотят... и от этого они недовольны! Да вы рехнулись!

— Возможно, — сдержанно ответил Баннер.

Они замолчали. Какой-то пьянчужка, шатаясь, подвалил к ним, чтобы пригласить Глорию на танец. Хейл почувствовал, с каким испуганным отчаянием она схватилась за его руку. Это растрогало Баннера, он пробормотал что-то вроде того, что они женаты уже год, а до сих пор без ума друг от друга...

— Возьми себя в качестве примера, — сказал он, когда пьяница, пошатываясь, отчалил. — Помнишь, я предложил тебе место за десять тысяч в год, да еще без опыта работы? Кто-нибудь на твоем месте отказался бы от такого шанса? Тогда, я имею в виду. Но что сделал ты?

— У меня были другие планы, — сказал Хейл, которому хотелось, чтобы Глория отпустила его руку.

— Ну да. Надежные, серьезные планы. Взять чертовски большой куш. Квартиру в двадцать девять комнат. Пять автомобилей, хотя большую часть времени ты ходишь пешком. Летний домик, в котором ты ни разу не был за все лето. Охотничий домик, но ведь ты так никогда и не охотился...

Хейл сидел, не шевелясь, зная, что если бы он полез за сигаретой, его руки дрожали бы.

— К чему вы клоните?

— А твоя яхта?.. Скажи, сколько людей, даже теперь, могли бы обзавестись яхтой? И когда ты плавал на ней последний раз? Раза два прокатился после покупки, пока не потерял интерес. То же самое со всеми этими несчастными простачками. Счастье вовсе не в том, чтобы обрести то, что ты хочешь, особенно если это очень легко получить.

— Нет?

— Разумеется, нет! Оно в ожидании! Вспомни, как ты ворвался в мой офис... Ты, конечно, выглядел паршиво, но под рваньем и небритой щетиной скрывался, наверное, самый счастливый, самый живой человек, которого я видел за все свои годы. Потому что ты — ждал...

В его словах была правда. Чтобы понять это, Хейлу достаточно было вспомнить тот день.

— С тех пор ты утратил эту жизнерадостность. Понимаешь, о чем я? Сейчас у тебя нет цели. И ты уже не самый счастливый малый. При этом тебе наплевать на то, что у тебя есть. Разуй глаза.

Хейл должен был признать: он действительно не получал никакого удовольствия из своего материального достатка. Но это произошло из-за обмана Джонсона. Борьба с Люцифером и философией Ада отчасти компенсировала эту потерю.

— Да ведь, черт тебя дери, Билл... Фактически вся твоя жизнь теперь — Глория. Быть с нею — это та единственная радость, которую ты получил.

Хейл постарался не сморщиться в ответ. Его единственная радость! Боже! Он должен был любить ее, но, к несчастью, мешало заклятье. Если бы не это, возможно, он не чувствовал бы такого отвращения, глядя, с каким восторгом она наблюдала за недавно произошедшей дракой.

— Признаюсь, Билл, я думаю, что крах этого повального увлечения покупками пойдет на пользу.

— Да? Почему? — спросил Хейл. Его голос снова обрел уверенность.

— Посуди сам. Что происходит, когда ты внезапно получаешь возможность приобрести все, что хочешь? Естественно, ты начинаешь скупать все подряд. Но ты должен быть выше этого. Я думаю, этот позыв... ну, назовем его подсознательным ощущением нужды, — это переходный период. Понимаешь, о чем я? Эти люди должны привыкнуть к процветанию. Они разовьют чувство меры, когда поймут, что новая шляпа или обувь, или дом большего размера — не главное в жизни. Тогда они успокоятся и начнут думать о действительно важных вещах. Пока им кажется, что они могут остановиться, но они не могут. Успех видится им самой главной целью: они считают, что могут добиться его и пожинать лавры всю оставшуюся жизнь. Но так не бывает. Должна быть другая цель.

Хейл на собственном примере понимал, как это происходит. Даже совершив великую победу, нанеся поражение Люциферу, он должен будет найти следующую гору, чтобы катить на ее вершину валун. Он и это сможет. Вторгнуться на другую половину Ада и окончательно свергнуть Люцифера. Была цель, более чем достаточная: превратить весь Ад в Утопию! Но даже на этом он не остановится. Потому что целей всегда больше, чем ты ожидаешь.

— Ну а, в общем, я полагаю, что, в конце концов, действительно не стоит волноваться, — сказал Баннер. — Диктатуры вот-вот рухнут. Они еще пока бьют себя кулаком в грудь и грозятся, но на самом деле уже ни на что не годны. Мы накопим немного излишка, и когда их режимы падут, начнем снабжать этих несчастных всем необходимым.

Он удовлетворенно кивнул и откинулся на спинку стула.

— Ступай, сынок, и закружи эту крошку как следует. Покажи, что такое хороший танец.

Хейл поднялся, готовый принять Глорию в свои объятия. Он был тронут, увидев, как она радостно задрожала. Ее податливое тело и эмоциональный порыв говорили в этот момент сами за себя.

Даже Баннер, проницательность которого Хейл уважал, счел жизнь в его полушарии почти совершенной. Период адаптации скоро закончится, для излишков будут найдены рынки сбыта. С Люцифером будет, наконец, покончено. Чего еще он мог желать?..

И вот настал тот день, когда диктатуры пали без единого выстрела. Колосс рухнул, оказавшись без поддержки, и теперь лежал в руинах, оставив Европе массы нуждающихся.

В ту же неделю Хейл получил телеграмму от Джонсона, который сообщал, что вернется 26-го числа и хочет, чтобы Хейл встретил его в аэропорту.

Хейла несколько смущала названная дата. Уж не годовщина ли это их партнерства? Был ли в этом какой-то особый смысл, оставалось только гадать. Но, впрочем, все это не имело никакого значения. Депеша Джонсона казалась жизнерадостной и, во всяком случае, в ней не содержалось ни намека на недовольство. Но Хейл готов был держать пари, что жирному отвратительному Люциферу будет не до смеха. Он с нетерпением ожидал встречи — это будет полный разгром и унижение!

Глава 28

Хейл организовал встречу с выдумкой. Он и Глория с торжественным видом стояли на краю огромного летнего поля. На таком обширном пространстве любая фигура покажется мелкой и жалкой. Джонсону придется это прочувствовать на себе. Жаль, что нельзя было оставить Глорию и прийти сюда одному. Она дрожала от холода и, вытянув шею, высматривала Джонсона, что несколько портило эффект. Впрочем, из-за холода и ему не удавалось держать себя с подчеркнутой невозмутимостью.

Вместо того чтобы застыть надменно в мрачной величественности, приходилось переминаться с ноги на ногу и бить себя по плечам. Он подумал, что нужно будет что-то сделать с погодой. Это вероятно, одна из тех проделок, за которые ответственен Джонсон, что-то вроде принципа: «Человек рожден, чтобы дрожать и потеть», согласно которому погода должна быть скверной до крайности.

Александр П. Джонсон вышел из авиалайнера и начал спускаться по трапу. Сердце Хейла забилось чаще, совершенно не принимая во внимание разделявшее их расстояние. Хейл рассчитывал увидеть, как Джонсон, сутулясь, будет медленно ковылять к ним.

Однако тот прямо и уверенно держал свою круглую голову и ритмично чеканил шаг, потрясывая круглым животиком. Хейл вынужден был признать, что партнер казался таким же уверенным, как всегда. Когда Джонсон помахал своей короткой рукой, Хейл пришел в трепет. Но он все же переборол приступ растерянности. Джонсон никогда бы не показал своих эмоций, независимо от масштабов неудачи.

— Уильям, мой мальчик! — исступленно воскликнул Джонсон, тряся Хейла за руки. В его голосе, по обыкновению, ощущалась профессионально выработанная сердеч-

ность. — И юная Глория с тобой, красива и очаровательна, как всегда! Как же я рад видеть вас снова!

— И я рад видеть вас, партнер! — ответил Хейл. Если Джонсон и заметил акцент на последнем слове, то не показал вида. Он кивнул, ответив широкой белозубой улыбкой.

— Мне срочно нужна газета, — объявил он, — Идемте в зал ожидания.

И он, чуть не бегом, устремился вперед.

«Это было первым промахом Джонсона», — подумал Хейл. Он подметил с радостью, что тот не может полностью скрыть свое беспокойство. Никто и не возражает — пусть он получит свою газету. Пусть увидит, что все его старания пошли прахом! Да без проблем!

— Ох, пока я не забыл, — сказал Джонсон, шаря в карманах своего объемного пальто.

Он вручил Глории и Хейлу по свертку.

— Мои поздравления, Уильям, в честь твоего дня рождения и за великолепно проделанную работу. Это — небольшой скромный знак моей признательности.

Не дожидаясь ответа, Джонсон бросился в зал и поспешил к газетному киоску.

— Разве он не милый? — лучилась восторгом Глория, развязывая узелок. — Почему ты не сказал мне, что у тебя день рождения, Билли-Вилли?

— Я... Я забыл.

В зале ожидания было тепло, но Хейл не обращал внимания на такие пустяки.

«Великолепно проделанная работа? Конечно. Но только не с точки зрения Джонсона. Что он хочет сказать, этот чертов дьявол?»

Джонсон держал в руках открытую газету.

— Вот оно, — радостно сказал он, — Прости, Уйльям, я так спешил, чтобы скорее удовлетворить свое нетерпение. Пришлось бросить множество интересных планов, но я чувствовал, что это более важно. Вот здесь...

Он протянул газету Хейлу.

ПАН-АМЕРИКАНСКАЯ КРЕДИТНАЯ КОРПОРАЦИЯ ВРЕМЕННО ПРИОСТАНАВЛИВАЕТ ОПЕРАЦИИ.

Совет директоров Пан-Американской Кредитной Корпорации распространил официальную информацию о том, что возникшие обстоятельства требуют приостановить выдачу кредитов на расширение бизнеса.

Эта временная ситуация, как официально заявил представитель корпорации, не должна вызывать опасений. Он предупредил, что зарубежные компании, встревоженные внезапным ростом производительности в Новом Свете, могут усмотреть в этом действии Пан-Американской Корпорации, которая является самым крупным финансовым объединением в мире, демонстрацию нехватки уверенности в будущем обеих Америк.

В самых оптимистичных тонах представитель корпорации заверил, что у компании нет никаких сомнений в способности этого полушария к длительному росту.

Краткосрочное ограничение, как он заявил, вызвано всего лишь необходимостью инвентаризировать увеличившиеся производственные запасы. Далее он заявил, что, как только эти производственные запасы будут инвентаризированы, корпорация возобновит выдачу кредитов и продолжит свою политику даже еще активнее, чем прежде.

Улыбаясь, Хейл вернул газету. Когда же он, наконец, научится понимать своего врага? Чего угодно можно было ожидать от Джонсона, кроме этой жалкой попытки деморализовать его. Люцифер, изощренный жулик, похоже, совсем разучился хитрить!

— Ну и что здесь такого? — спокойно спросил он.

— Великолепно, Уильям! Одно из моих жизненных правил — всегда показывать себя самым обычным человеком и никогда не демонстрировать своих эмоций.

— Да ладно, ближе к делу!

Джонсон заинтересованно посмотрел на выход со стороны шоссе.

— Вы на машине?

Хейл кивнул и направился к двери, но Глория схватила его за руку. Она только что развернула свой пакет.

— Ой, ты только взгляни! — завизжала она, показывая золотой египетский крест. — Что это? Какая замечательная вещь!

Хейл ощущал презрение к Джонсону. Он что, рассчитывал своими статейками испугать его? Глупая затея.

— Это анх, — объяснял тем временем Джонсон, ведя обоих к выходу. — Превосходная копия с изделия, сделанного для меня одним замечательным египетским мастером, позвольте вспомнить... что-то около четырех тысяч лет назад. Оригинал настолько бесценен, что я его бережно храню. Я приобрел его очень дешево, хотя, знаете, найти золотых дел мастера было проблематично, особенно в то время. Сегодня любой частный коллекционер заплатил бы мне огромную сумму. Хотя ваши копии сделаны современным индийским умельцем, после такого же продолжительного времени они тоже обретут немалую ценность.

— Но что это? — не унималась Глория.

— Египетский символ вечной жизни.

— О-о-о! — Глория чмокнула Джонсона в пухлую щеку. Это было слишком для Хейла. Идя за ними, он передернулся, представив, что этими же осквернённым губами Глория полезет целовать и его...

Дженсон шлепнулся на мягкое сиденье, наклонился вперед и закрыл стеклянную перегородку, отделявшую их от водителя.

Автомобиль тронулся с места.

— Не понимаю, что вы мне хотели сказать той статьей? — сказал Хейл. — Она ни о чем. Несомненно, у нас есть излишки. Люди не могут делать безумные покупки всю свою жизнь. Но как только разрешатся дела в Европе, мы сможем начать поставку им наших товаров.

Джонсон одобрительно похлопал Хейла по коленке.

— Превосходно, Уильям. Однако я не тот тип, которого требуется убеждать. Мы оба отлично знаем, что они не могут платить за это боеприпасами. Сам посуди, у этих рухнувших автократий просто нет ничего другого, что бы они могли бы предложить взамен. Диктаторы выполнили свой самый невозможный подвиг. Они разграбили свои страны. Полностью! Вы не можете ничего продать людям, у которых нет ничего, чтобы предложить в качестве платы.

— Мы это исправим, без проблем, — уверенно сказал Хейл. — Мы дадим кредиты остальной части мира.

— Ты разыгрываешь меня, Уильям? — Усмешка Джонсона казалась очень искренней, еще больше усиливая раздражение Хейла. — Я боюсь, что этого не нужно. Я отлично понимаю твою стратегию. И я не стану портить тебе удовольствие.

Он, по обыкновению, задымил сигарой.

— Признаюсь, — сказал Джонсон, — ты ввел в Ад фактор, о котором я до сих пор не думал. Да, Уильям, я должен честно сказать, что удивлен тобой. Ты кажешься идеальным славным парнем, и, тем не менее, оказался способен изобрести такие совершенно дьявольские мучения! Я никогда не был так изощренно хитер — конечно, я говорю о сегодняшнем дне, сам понимаешь, за столько тысячелетий ум теряет свою гибкость, и я оказался не способен изобрести такие муки. И теперь я должен сообщить тебе, что не намерен жить слишком долго. Нет никакой потребности в существовании нас обоих, поскольку ты оказался достойным преемником.

Хейл чуть не проглотил язык. Джонсон продолжал, как будто Хейл молчал просто из скромности.

— Возможно, ты не считаешь себя достойным. Но ты погрузил в страдания целое полушарие более эффективно, чем я пытался сделать это столетиями. И скоро целый мир будет вовлечен в муки еще более непостижимых трудностей. Даже война не могла бы так справиться с этой задачей. Да, Уильям, ты проделал все так красиво, что я восхищен! Я даже не могу привести ни одного достойного сравнения из того, что я сделал за эти... а я ведь очень стар... за эти почти пять тысяч лет. Мне остается только завидовать тебе.

— Да перестаньте! — огрызнулся Хейл. — Я победил вас, и вы знаете это. Не пытайтесь выкрутиться!

— Я пытаюсь выкрутиться? — Джонсон, казалось, был потрясен. — Уильям, я даже и не думаю об этом. В некотором смысле ты действительно победил меня. Фактически ты доказал, что способен идти моим путем... как Люцифер!

— Что за чушь вы несете, — Хейл боролся с собой, чтобы не взорваться.

— Хватит, мальчики, — сказала Глория. — Не ссорьтесь!

С раздражающим Хейла хладнокровием Джонсон стряхнул пепел с сигары.

— Ничего подобного, моя дорогая. Понимаешь, Уильям, мой предшественник продемонстрировал свою находчивость, изобретя инстинкт самосохранения. Моим вкладом стало открытие надежды. Две эти находки увеличили невзгоды Ада. Но с твоим изобретением слепой, бессмысленной уверенности, просто уму поражаешься, какие невообразимые мучения теперь предстоят всему человечеству. Оно продолжит трудиться до изнеможения, независимо от того, что всего и так уже в избытке. Они рассчитывают на неограниченные кредиты разграбленным странам, хотя ты и я знаем, что у Пан-Американской Кредитной Корпорации нет ни пенса.

— Что? Не будьте ослом! У них есть все, чтобы создавать будущее. И нет никакого предела их вере в себя!

Джонсон с восхищением склонил седую голову.

— Зловещий план, Уильям, действительно самый зловещий! Вселив эту безумную уверенность в их умы, ты продемонстрировал гораздо большую изобретательность, чем я. Они будут верить в безграничное будущее, и никогда не согласятся с тем, что будущее уже исчерпано. Больше нет веры, и мы знаем почему, а, Уильям? Но ведь мы никогда не разочаруем твоих подданных этим признанием?

— Да? И почему же?

Джонсон погрозил пальцем.

— Не переигрывай! Одни должны другим, а те в свою очередь должны всем остальным. Замкнутый круг, который стирает возможности кредита. Боюсь, наличность, как средство обмена, вскоре отпадет за ненадобностью. О чем я немного сожалею, так это об этих милых кругляшках и бумажках, к которым у меня всегда была особая симпатия, но поскольку я выбываю из игры, это уже полностью твоя забота. Когда денежные обязательства становятся слишком обременительными в плане оплаты, живые деньги придется ликвидировать. Но я даже рад: им на смену придет более совершенная и, соответственно, более непрактичная форма товарообмена, которая еще более усложнит положение проклятых.

Хейл сидел тихо, словно оледенев.

— Они могут уменьшить производство.

— Ага. Да только они не смогут! — Джонсон уставился на Хейла с откровенным уважением. — Ты опять демонстрируешь свою поразительную прозорливость. Они никогда, никогда не поймут, что их система бесконтрольного, геометрически увеличивающегося производства неработоспособна! Кроме того, ты ловко снял все естественные сдерживающие факторы для такого бессмысленного производства. Раньше работодатель мог сократить выпуск и ждать продажи запасов, чтобы не допустить скопления излишков. Но теперь каждый человек — свой собственный работодатель. Ему не захочется лишать самого себя работы, не так ли?

— Он может прекратить производство на некоторое время и жить на свои сбережения.

— У него нет сбережений. Во всяком случае, их не окажется, когда система рухнет под весом перепроизводства, которое может случиться в любое время, возможно, даже на этой неделе. Я рад, что смогу увидеть катастрофу собственными глазами. По сравнению с ней битва у Труа[25] покажется мелкой дракой на заднем дворе.

Хейл открыл рот, чтобы выдвинуть хотя бы еще одно возражение. Но что он мог сказать. Из речи Джонсона все и так было ясно.

— Оказавшись достойным преемником, Уильям, — продолжал тот, — ты открыл мне путь к моему следующему воплощению. Не знаю, каким именно оно будет. Но вряд ли оно окажется менее приятным, чем нынешнее, поскольку Ад не там, а здесь. Очевидно мы — те из нас, кто обречен, время от времени, к высшему мучению бессмертием, в качестве управителей Ада, — совершили много отвратительных преступлений в каком-то другом существовании. Ад, без сомнения, и сам по себе способен доставлять мучения, и без нашей помощи, но управитель обязан гарантировать самое эффективное и рациональное распределение страданий. Таким образом, в этом и заключено наше наказание. Мы должны искупить себя с бесконечно большей болью, чем

[25] Битва у Труа — кровопролитное сражение на Каталаунских полях (20 июня 451 г.) между войсками Западной Римской империи против коалиции варварских племён гуннов и германцев под началом Аттилы. В средневековых сочинениях битва на Каталаунских полях представлялась как символ победы цивилизованного мира над разрушительным варварством.

любая из других проклятых душ. Я покончил с этим после пяти тысяч лет самых невообразимых мучений: однообразие, скука, одиночество были моими вечными спутниками. Твое заклятие помогло тебе избежать одиночества, но, я боюсь, лечение окажется хуже болезни, если ты позволишь мне употребить это банальное сравнение. Я невыразимо устал, и столь же невыразимо жажду конца своих мучений. Однако я должен предупредить тебя, чтобы ты не рассчитывал на искупление, прежде чем минуют те же пять тысяч лет. И прежде чем оставить данную реальность, тебе придется искать и обучать преемника — того, кто заслуживает в конечном итоге получить вечное проклятие. Их будет бессчетное число, прежде чем ты найдешь того единственного, который проклят, как мы, за отвратительные прегрешения в других уровнях существования. Найти его не так просто. Ты будешь жить в бесконечных муках надежды, что очередное поколение предоставит тебе такого наследника. И ты никогда не будешь знать, до самого последнего момента, ни того, когда наступит твое искупление, ни того, когда же появится этот преемник. Ты будешь обречен на интенсивные поиски его... или ее! На это может уйти и миллион лет...

Нервы Хейла совершенно сдали. О мятеже больше не было речи. Сначала получаешь то, что хочешь, если очень этого хочешь, а затем жалеешь о том, что получил, — невозможно избежать этого основополагающего принципа.

Он проиграл. Но почему?

На это ответил сам Джонсон:

— Когда ты осознал принцип, гласящий: все, что ты делаешь, независимо от твоих намерений, должно увеличивать страдание и мучения людей, ты подтвердил мою веру в то, что ты станешь моим преемником, поскольку добрался до сути того, как устроен Ад. И подтвердил это самым решительным образом!

Единственная надежда Хейла была разбита, жалкая надежда на то, что он, победив Люцифера, мог бы избежать вечного мучения. Он победил. Но победа обернулась поражением. Вместо того чтобы сокрушить Люцифера, он стал Люцифером.

— Нет, — сказал он. — Я не этого хотел.

Джонсон сочувственно погладил его руку.

— Я знаю, мой мальчик. То же самое испытал и я, когда изобрел надежду. То же самое проклятие висит над всеми нами. Это — часть нашей судьбы.

Он расслабленно откинулся на спинку, пыхнув сигарным дымом.

— Да, Уильям, я не могу выразить своего облегчения. Не напрасно я возлагал на тебя свои надежды. Я верил в тебя, хотя некоторое время опасался, что твоя нервозность и темперамент помешают работе. Если бы ты подвел меня, я не знаю, что мне бы пришлось делать. Ах, мой мальчик, какое наслаждение я испытываю, наконец! Мне пришлось подталкивать тебя, наблюдать за тобой, руководить тобой, чтобы ты занял мое место в качестве в высшей степени проклятого управителя Ада. На твое обучение, как своего преемника, я не впустую потратил эти тридцать лет!

Хейл был потрясен.

— Тридцать лет! Хотите сказать, что вы запланировали все это... И что Глория, и все остальное...

— Я сожалею, — Джонсон перегнулся через Хейла и забрал что-то у Глории. — Я смотрю, твоя вечная помощница развернула и твой подарок на день рождения.

Он вложил второй анх в ослабевшую руку Хейла.

— Если быть точнее, я потратил тридцать два года!

— Разве это не прелестно, Билли-Вилли? — воскликнула Глория.

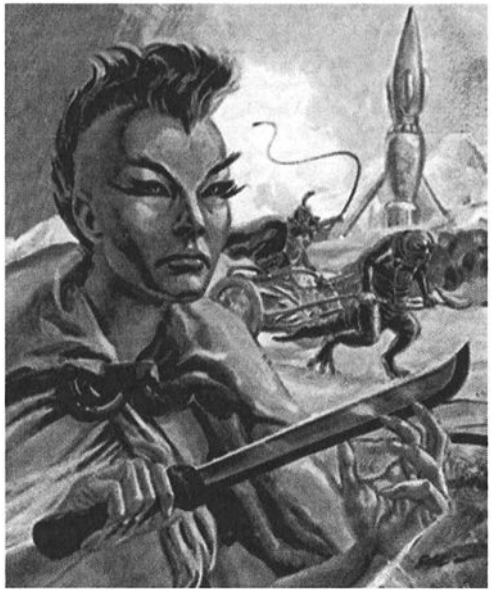
Хейл уставился на предмет.

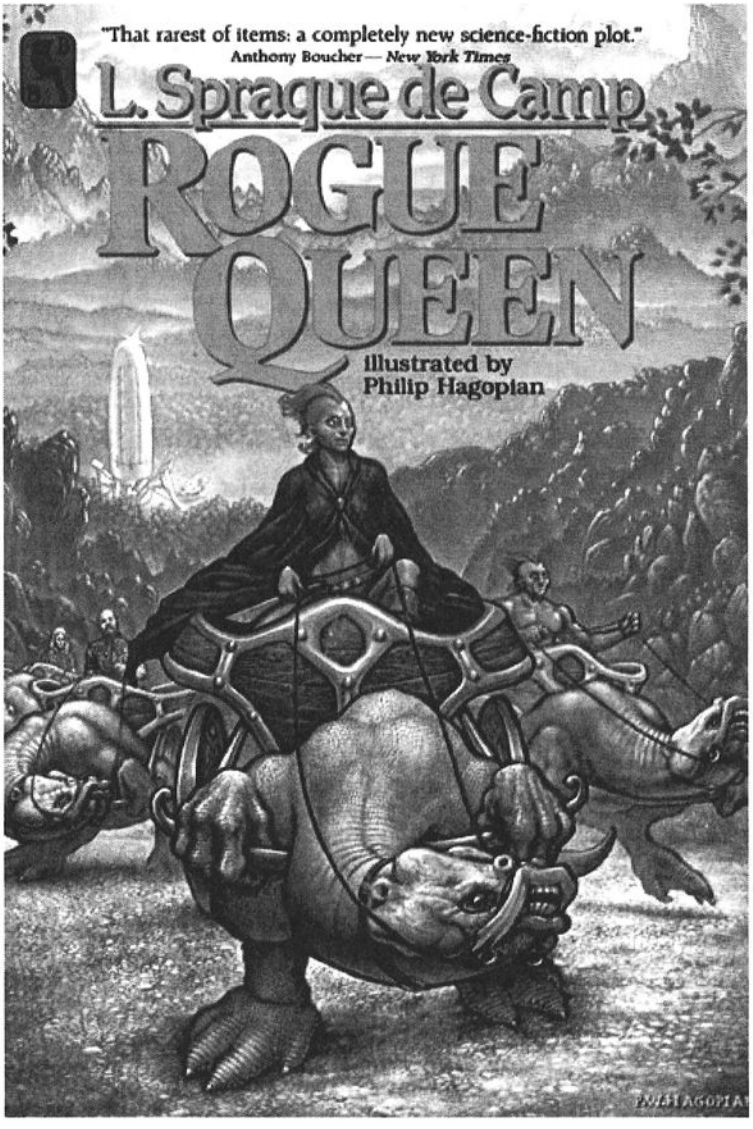
Билли-Вилли... Прелестно... Анх, бессмертие, прелестно!

Ошеломленный и застывший, он смотрел на яркое тяжелое золото, символизирующее неизбежную вечность его гибели.

КОРОЛЕВА ОБОРВАНЦЕВ

Rogue Queen
Doubleday 1951




"That rarest of items: a completely new science-fiction plot."
Anthony Boucher— New York Times
L. Sprague de Camp
ROGUE QUEEN
Illustrated by
Philip Hagopian

Глава 1. Община

Посланница в колеснице поднялась и громко щелкнула хлыстом. Животное, чьи крупные лапы сжимали оглобли, вытянуло длинную шею, что-то негодующе проворчало и с легкостью ускорило бег, еще быстрее переставляя длинные ноги. Многосуставные ползающие твари бросились врассыпную по мокрому песку пляжа, с легким всплеском скатываясь в воды Алого моря.

Когда животное чуть замедлило бег, Род вновь щелкнула хлыстом. Скотина, запряженная в колесницу, была старой обманщицей, зачастую взывающей к сочувствию возницы. Но они ехали не более получаса, и единственным препятствием на их пути были лишь пологие холмы. Поэтому Род, которая никогда не была склонна к сантиментам по отношению к бессловесным тварям, и сейчас не собиралась щадить животное. Новости, имевшиеся у Род, были для общины намного важнее, чем жизнь какой-то твари и даже жизнь самой возницы...

Колесница накренилась и задребезжала, выезжая с пляжа на дорогу, которая поднималась все выше к основанию Кхинама. Род пристально посмотрела на разрушенные башни Кхинама, вздымающиеся ввысь над зубчатыми стенами. В этих руинах, как утверждала одна из ее работниц, Ироедх, могли сохраниться древние сокровища. Однако интерес к кладам характерен для бездельников, которые не знали, как убить время и занимались глупым пустозвонством. Впрочем, Ироедх не очень-то сильно отличалась от них.

Только вот Род не испытывала ни малейшего интереса к развлечениям далеких предков. Ни один из их грубых обычаев, о которых упоминалось в балладе Идхиоса, не мог вызвать у нее ни малейшего интереса. Судьбой ей была предначертана более важная миссия, чем сбор каких-то бесполезных знаний. Придет день, и она будет заседать в Совете, танцевать

на балах и приятно проводить время. Генерал Род? Министр иностранных дел Род? Учитывая ее деятельную натуру и моральное превосходство над остальными, для Род не было ничего невозможного.

Она вновь стегнула несчастное животное хлыстом, на этот раз по жесткой шкуре. Тварь громко вскрикнула от боли и припустила быстрее. Новости нужно как можно быстрее передать высшей чиновнице в Элхаме. Если же Совет не сможет быстро и всесторонне оценить ситуацию, обо всем придется доложить самой королеве.

Даже сквозь туман было видно, что солнце опустилось совсем низко, когда Род подъехала к стенам, окружающим Общину. Стражницы, хорошо знавшие Род, пропустили ее через ворота без всяких формальностей. Она поехала прямо к куполам храма, возвышающимся над величественным парком.

Перед входом она крикнула «Тпру-у-у!», натянула поводья и, соскочив на землю, направилась к порталу. Две работницы, в данный момент исполнявшие обязанности воинов, стояли на страже по обе стороны от входа. Их до блеска отполированные медные кирасы, пуговицы на юбках и украшенные гривой шлемы сверкали в лучах заходящего солнца. Часовые крепко держали в руках копья, лица же их выражали спокойствие, подобное тому, какое бывает у умерших.

Род знала их. Та, что стояла слева, была молодой Тудх, крепкой, мыслящей по установленным правилам; другая же — мыслящая туманно, мечтающая о тайнах предков Ироедх.

За несколько минут до этого стражницы стояли на посту, расслабившись. Тудх о чем-то болтала, а Ироедх ела спелый фрукт, вполуха слушая подругу и одновременно погрузившись в собственные мечты.

— ...и ты думаешь, какая-нибудь дура знает лучше, как сменить королев? Воинственный клич арсууни все еще звучит у всех нас в ушах. Я знаю, налоги Интар становятся все меньше и меньше, но что из того? Они все еще достаточно высоки, чтобы Община могла осуществить задуманное. А если Совет что-то решил...

Откусив очередной кусочек от фрукта, Ироедх заметила:

— Мы не знаем, произойдет ли при нашей жизни смена королев.

— Интар сама отказалась уступать трон, и теперь ей отступать некуда. Или ты думаешь, она убьет принцессу Эстир? Не похоже на то. Интар толстая и неповоротливая, при этом часто сопит. А Эстир ловко двигается, и при этом держит копье, как солдат Тваарма. Конечно, есть такие, кто выступает в защиту Интар. Но из-за конфликта с арсууни нам, получается, нужна не молодая королева, которая бы оказалась сильнее старой, а королева мудрая... Если устроить королевскую дуэль, то прежняя королева — ловкая и хитрая, которая...

В это время Ироедх заметила Род, проглотила последний кусочек лакомства, выбросила огрызок в заросли кустарника и объявила:

— Внимание! Подъезжает колесница.

Тудх выпрямилась, приняв позу, полагающуюся стражнику, но болтать при этом не прекратила:

— Это же Род. Она ездила в Тхидхен, чтобы основать колонию в Глииде. Она всегда спешит... Все старается для Совета. Она получила задание от самой королевы Маиур в долине...

— Прекрати болтать.

— Но она — одна из нас...

— Говорю же тебе — прекрати.

Тудх был младшей, и волей-неволей ей пришлось замолчать. Тем временем колесница подъехала к ним и остановилась. Род встала во весь рост, и Ироедх увидела, что та одета в широкополую шляпу, зашнурованные ботинки и плащ, откинутый на спину — погода была теплой. На поясе из светлой кожи висел нож в ножнах. В колеснице стояло копье, завернутое в чехол.

В этот момент душу Ироедх обуревали противоречивые чувства. Когда-то ей нравилась Род. Она думала, что та разделяет ее интерес к утерянным древностям. Однако в ту пору обе работницы были очень молоды. Позднее Род потеряла интерес к подобным вещам, решив до конца быть верной идеалам автини. Какое-то время Ироедх почти ненавидела Род — за то, что та разочаровалась в юношеских

привязанностях, но потом это чувство притупилось, уступив место лишь сожалению об утраченных ожиданиях...

— Сестры, кто сейчас на месте из высших чинов Совета Элхама? — выкрикнула Род голосом, зазвеневшим от напряжения. — Я должна увидеть ее немедленно!

— Великая Эунмар, — ответила Тудх. — Но что случилось в Ниондe, Род? Неужели их Совет объявил нам войну?

— Ничего подобного. Говори быстро, кто сейчас на месте?

— Сейчас проверю по списку. Генерал вместе с разведчиками находится на границе с Тваармом. Интендант уехал в Тхидхен на восемь дней. Офицер-воспитатель болен. Иностранный офицер находится вместе с генералом; а королевский офицер — ушел по своим делам... Да уж, в Совете сейчас нет ни одного офицера!

— Но это невозможно! Закон предписывает, что хотя бы один чиновник Совета должен находиться на месте.

— Предполагалось, что на посту будет офицер-воспитатель, но у него внезапно свело судорогой ногу. Тем временем...

— Тогда я должна увидеть саму королеву!

— Что? — одновременно закричали Ироедх и Тудх вместе.

— Мне нужно увидеть королеву Интар, и немедленно!

— Ты что, сошла с ума? Она высиживает яйца! — возмутилась Ироедх.

— Ну и что? У меня чрезвычайно важные новости! Подумаешь, одним яйцом больше или меньше...

— Невозможно, если, конечно, ты не хочешь сообщить о том, что нас атаковали солдаты королевы Омвир.

— Это еще более важные новости. Без преувеличения, мы теперь знаем все об арсууни.

Тудх вопросительно посмотрела на Ироедх. Та была старшей и, следовательно, имела право решающего голоса:

— Мы ведь не посмеем, Ироедх? Устав это запрещает. Нас могут наказать.

Но Ироедх сказала так:

— Расскажи нам эту историю, Род, и я подумаю, как лучше поступить.

Род обмахнулась своей широкополой шляпой.

— Это глупо, глупо... Но все же я должна... Х-м-м... Когда я вместе с посланником королевы Маиур из Тхидхена

отправилась в Глиид, чтобы установить границы предполагаемой колонии, мы прибыли туда как раз в то время... Как бы сказать правильно?.. Когда там приземлился воздушный или небесный корабль, принесший со звезд живых существ, которые сами себя называют людьми.

Ироедх и Тудх обменялись изумленными взглядами. Но уже через мгновение на их лицах был написан неподдельный ужас.

— Но это невозможно, дорогая Род! — выдавила из себя Ироедх. — Давно доказано, что звезды излучают слишком много тепла, чтобы на них могла существовать жизнь. Или это новая версия одной из тех старинных легенд о божествах, приходящих на Землю?

Род лишь огрызнулась в ответ:

— Уверяю тебя, я видела эти создания собственными глазами, и даже разговаривала с ними. Еще никто не обвинял меня во лжи. Создается впечатление, что многие звезды имеют планеты-миры, подобные нашему, и на этих планетах существует жизнь. Там даже существует что-то вроде правительства — «совет звезд», называемый Всепланетным советом. Цивилизация этих людей — одна из самых развитых в тех мирах, по крайней мере, в том, что касается естественнонаучных знаний. Вот они и послали небесный корабль, чтобы исследовать наш мир. Точно так же, как мы отправляем галеру, чтобы осмотреть остров, находящийся в отдаленном районе Алого моря.

Род умолкла, чтобы перевести дыхание, и тут заговорила Тудх:

— Это напоминает слова оракула Ледхвида:

Когда звезды падут и поднимутся воды,
И из бронзы цветы расцветут;
Трутни мудрыми станут
И отыщут обитель...

Но Род перебила её:

— Видимо, ты имеешь в виду, что, когда небесные корабли прилетят сюда, все наши трутни пустятся в бега. Что ж, посмотрим!

— Лучше расскажи, как выглядят эти люди? У них множество ног. или их туловища напоминают студень?

— Они выглядят как люди, у каждого из них есть свои особенности.

— Какие же? — спросила Тудх.

— Несколько ниже ростом, чем мы, кожа у них желтая, иногда коричневая, а не красная, как у нас. У них по пять пальцев на каждой руке, а ног — всего две. Уши у них большие, сморщенные по краям. Зрачки глаз круглые, а не продолговатые, как у нас. Волосы покрывают всю голову, а не свисают единственной прядью на спину, как у нас. И — вот что еще важно: у них нет касты работниц!

Ироедх удивилась:

— Тогда кто же построил и укомплектовал их небесный корабль?

— Трутни и королевы. Компания по производству кораблей состоит в основном из трутней, в нее входят также две или три королевы. Когда я спросила, где их работницы, они не сразу поняли мой вопрос, но, спустя некоторое время, один из них — тот, кто знает наш язык, уверил меня в том, что у них нет работниц как таковых — все до единого лишь выполняют функции мужчин и женщин.

— Как это? — искренне удивилась Ироедх.

— И после этого ты называешь их цивилизованными? Ведь они размножаются как животные!

Род вздохнула:

— Не стану обсуждать этот вопрос. Моя задача — убедить вас в том, что их прибытие открывает перед Общиной огромные возможности, пока только непонятно — хорошо это или плохо. Поэтому вы должны немедленно провести меня к королеве!

— Если ты подождешь всего лишь час, яйца появятся на свет, королевская акушерка рассортирует их и положит в инкубатор, — попыталась сгладить назревающий конфликт Тудх.

Но Ироедх возразила:

— Думаю,твой вопрос требует немедленного решения. Пойдем к королеве...

— Но устав! Нас накажут, — запричитала Тудх.

— Беру всю ответственность на себя. А ты останься тут, Тудх, — распорядилась Ироедх.

Потом она повела Род по коридорам к центральному куполу. В прихожей перед королевской спальней стояли еще несколько стражников-работниц. В прихожей сидел веселый массивный трутень. Как только Ироедх задела цепь у входа в спальню королевы, он громогласно произнес:

— Привет, красотка!

— Как поживаешь, Антис? Ты сегодня дежуришь? — спросила Ироедх.

Трутень в ответ лишь ухмыльнулся:

— Да-да... Ты же знаешь, она может поставить на дежурство и вне очереди, если захочет. И завтра мне придется нести эту повинность, если только сил хватит... Как тебе это нравится?

— Я тоже должна работать. Ничего не поделаешь.

— Грустно. Все работаешь и работаешь, никаких развлечений. Так можно и со скуки умереть, тебе не кажется?.. Дай мне знать, когда у тебя будет свободный денек.

Ироедх заметила, что Род строго смотрит на нее. Как раз в это время открылась дверь в королевскую спальню, и Ироедх сказала акушерке:

— Работница Ироедх пришла с посланницей Род, чтобы встретиться с королевой.

— Королева в данный момент высиживает яйца. Я не могу...

— Это чрезвычайно важно. В ту же минуту, как яйцо появится на свет, доложите ей обо мне. Всю ответственность я возьму на себя.

Работница скрылась за дверью, но тут же вернулась и сказал:

— Яйцо только что появилось, и королева примет вас. Но она говорит, лучше бы ваши новости были и в самом деле важными...

Королева Интар с трудом умещалась в кресле. Работницы с великим трудом усадили ее так, чтобы ей было удобно. Яйцо лежало в коробке с песком, где королевская акушерка делала специальные пометки цветными карандашами.

Королева тяжело вздохнула:

— Итак? Только не говорите, что оторвали меня от высиживания яиц для того, чтобы доложить, будто старая Маиур отказалась от своих бессмысленных притязаний на Глииде. Если это не так, я прикажу высечь моих работниц, занимающихся политикой!

Ироедх смущенно начала:

— Как много яиц, моя королева. Беру всю ответственность за то, что оторвала вас от такого важного занятия. Умоляю, позвольте Род обо всем рассказать.

Род повторила свой рассказ, добавив лишь некоторые детали. Королева Интар наклонилась вперед; когда же Род начала рассказывать о половых особенностях людей, она спросила:

— А могут эти саморождающиеся люди быть представителями среднего рода, кастой работниц, соответствующей нашему среднему роду?

— Нет, по крайней мере они говорят, что это невозможно. А требовать от них доказательств мы не можем.

— Тогда это несоответствие говорит о том, что у них количество мужчин значительно превосходит количество женщин?

— Нет. Количеством они практически равны, но, так как женщины меньше и слабее, они редко принимают участие в исследованиях, требующих большой физической силы.

— Хороша же участь их женщин! А они такие же млекопитающие как мы, или выкармливают своих детенышей как-то по-другому?

— Да, они млекопитающие. У самок хорошо развиты все железы — хотя и не так замечательно, как у вас, моя королева.

Ироедх, слушая Род, подумала, что и ей следует иногда делать комплименты вышестоящему начальству. А королева тем временем спросила:

— А как их удобряют?

— Я не имела возможности изучить их органы, но...

— Я не имею в виду это. Я спрашиваю о том, какому общественному кодексу они следуют? Или у них оплодотворение происходит так же, как и у животных?

— Наоборот. Ими управляет хорошо продуманный кодекс. В течение всего долгого путешествия от их звезды сюда ни один из мужчин...

— А что это за звезда?

— Она не видна отсюда, но сами они указывают на созвездие Хуусг. Астронавты называют свою звезду Сол или Солнце, а планету — Терра или Урт, в зависимости от языка, на котором идет разговор.

— И зачем они к нам прилетели? — спросила королева.

— Люди говорят, что просто хотят изучить нашу планету и попытаться найти экспедицию, которая была выслана раньше и исчезла в Ниондe. По крайней мере они утверждают именно так.

— Никогда ни о чем подобном не слышала. А ты сама-то веришь в то, что они прилетели с мирными целями?

Род пожала плечами.

— Трудно, конечно, без веских доказательств верить утверждениям живых существ не просто из другой общины или племени, но из другого мира. Возможно, они говорят правду и не хотят причинить нам вреда. Но наверняка об этом знает лишь Ледхвид. Что же касается лично меня, то я всегда отношусь с подозрением к людям, которые утверждают, что ими движет лишь любовь к знаниям, невзирая на то, получат ли они сами от этого выгоду.

Сказав это, Род пристально посмотрела на Ироедх. А королева Интар продолжала упорствовать, задавая все новые вопросы:

— А что они думают о нас?

— Сначала мне показалось, что они немного нас боятся, так же, как и мы — их. Чуть позже, когда люди увидели, что у нас нет оружия, кроме копий, они стали достаточно дружелюбными. Но они были удивлены нашим образом жизни и достижениями. Мы тоже оказались немало изумлены, увидев их. Их переводчик, которого зовут Блок или Блоч, сказал, что наша кастовая система напоминает ему общество маленьких летающих существ, которые называются пчелами. В родном для людей мире этих созданий приручили из-за их сладких выделений.

— Надеюсь, ты не выдала никакой информации, которая могла бы быть полезной врагу!

— Нет, нет, что вы, я была очень осторожна...

Наконец королева сказала:

— Я вижу здесь возможности как для хорошего, так и для плохого. Некоторые предсказания указывают на зловещее развитие событий. Если бы мы могли каким-то образом использовать пришельцев против арсууни... Если бы, например, мы могли взять одного из них в плен и держать в заложниках, чтобы заставить других...

— Моя королева, хочу предупредить вас, что их развитие намного превосходит наше. Поэтому любая попытка говорить с ними с позиции силы была бы чистым безумием.

— Мне нужны доказательства! Насколько развита их цивилизация, насколько они сильны? Мы можем создать корабль подобный тому, какой есть у них?

— Н-нет... И что из того?

— А каким образом они могут причинить нам вред с помощью своего волшебного корабля? Если только просто бросят его на нас? Но обычное судно, предназначенное для плавания, разобьется, как яйцо, если они попытаются сделать с ним что-то подобное.

— У них есть другие способы. Я видела собственными глазами, как один из них встал в атакующую позицию, прицелился с помощью маленькой полой металлической палки, и... ба-бах! Зверь, в которого он выстрелил, упал, сраженный наповал, с огромной раной в туловище, куда вам удалось бы просунуть голову.

— Они рассказывали тебе, как устроена эта палка?

— Нет. Когда я спросила, они уклонились от ответа.

— Ну и мошенники! А какие еще дьявольские трюки они могут выделывать?

— Трудно сказать. Я слышала, у них есть приспособление, которое указывает, обманывает или говорит правду твой собеседник. Но, поймите, я узнала о них так много нового, что с ходу все трудно припомнить. Лучше я сделаю заметки по памяти, а потом напишу доклад для Совета.

— Хорошо.

Затем Интар повернулась к Ироедх:

— Моя дорогая, ты поступила совершенно правильно, приведя Род, сметя в сторону все правила протокола. Однако тебе тоже нужно будет составить подробный отчет. Возможно, у меня будут к тебе некоторые поручения, поэтому не покидай

Элхам. На обратном пути скажи дежурному трутню, что я больше не нуждаюсь в нем. У меня теперь другие планы...

Проходя обратно через прихожую, Ироедх увидела Антиса и передала ему распоряжение королевы.

Услышав новый приказ, трутень нахмурился, но тут же оживился.

— Какая удача! В таком случае почему бы нам не поужинать вместе? Я буду не Антис из Элхама, если не добьюсь этого!

Ироедх покраснела:

— Хорошо. Но, Антис, дорогой, только прошу тебя — не афишируй перед другими наши отношения.

— А я и не делаю этого.

— Но ты только что намекнул о них в присутствии Род.

— Этого глупого создания?

— Она не настолько глупа, чтобы не понять, о чем ты говоришь. Если она пожалуется в Совет, у нас могут быть неприятности. А она вполне может это сделать.

— И что из того? Что я могу еще сделать, кроме как поужинать вместе и помочь тебе отыскать на свалке какие-нибудь древности? Никому и голову не придет, что ты — функциональная самка!

Сказав это, он весело рассмеялся, обнажив ровный ряд голубых зубов.

Ироедх обиженно засопела:

— Иногда мне кажется, что у тебя отвратительное чувство юмора.

Трутень лишь помахал ей рукой на прощание.

— Забудь, дорогая. Увидимся в Кхинаме после захода солнца.

Ироедх вернулась на свой пост. Дежурить ей оставалось примерно час, и она стала поджидать сменщицу. Но вместо нее появилась Род с неожиданным сообщением:

— Королева Интар решила послать делегацию к небесному кораблю, чтобы установить более тесные отношения с людьми. В связи с отсутствием офицера по иностранным делам я — старшая по чину. Поэтому и возглавлю ее. К кораблю отправятся также Иноедх, Авпандх, Вардхх и ты.

Лицо Ироедх так и засветилось от радости. Ей было особенно приятно, что членом делегации будет Вардхх, поэтому она обрадовалась заявлению Ироедх.

— Какая удача! Спасибо, Род!

— Х-м... Не стоит меня благодарить. Я бы никогда не выбрала тебя для такого дела. Не знаю, почему королева остановила свой выбор на тебе. Этого бы никогда не случилось, если бы Совет действовал, как ему предписано. Но ты же знаешь королеву Интар. Должно быть, офицер по вопросам сельского хозяйства замолвила за тебя словечко, ведь всем известно, что ты — ее любимица.

Ироедх выслушала эту тираду с изумлением, постепенно перешедшим в гнев. В ответ она вспылила:

— Что ты имеешь против меня? У меня есть опыт в подобных делах, и моя квалификация намного выше средней.

— Это вовсе не так. А вот сказки о твоем братании с трутнем всем известны. Только встречи ваши отнюдь не целомудренные. Да он и сам практически подтвердил это сегодня.

— А тебе-то какое до всего этого дело?

— Ровным счетом никакого. Но ты ведь спросила меня, почему я не считаю тебя идеальным кандидатом для выполнения столь важной миссии. Вот я и ответила. Работницы, которые связываются с трутнями, опускаются до их уровня. Они попусту тратят свое время и испытывают удовольствие лишь тогда, когда работа сделана кем-то другим. Они танцуют, выращивают цветы и занимаются тому подобной чепухой. Однако следующая Чистка все расставит по своим местам!

Ироедх, у которой были причины ненавидеть слово «чистка», придала лицу безразличное выражение и сказала холодно:

— Я предлагаю отложить обсуждение о моей пригодности к выполнению столь ответственной миссии до ее окончания. Итак, когда мы выступаем?

— Завтра утром. К рассвету все должно быть готово к отъезду.

Ироедх наблюдала, как Антис пытается высечь огонь с помощью кремня. Наконец, ему удалось разжечь небольшой костер. После этого он отошел и встал неподалеку, укрывшись от ветра, чтобы удостовериться, не сможет ли кто-нибудь посторонний учуять запах жарящегося здесь мяса. Это было мерилом их любви — ужинать вместе. Удовольствие, получаемое от совместной трапезы, перевешивало отвращение, которое они испытывали к диете друг друга.

Неожиданно из Алого моря выпрыгнула огромная летающая рыба и закружилась волчком, высматривая добычу. Поживившись какой-то мелкотой, пролетавшей над морскими волнами, она вновь нырнула, и ее темный силуэт с громким плеском исчез в водах, окрашенных лучами заходящего солнца в пурпур. Влюбленных окружали руины Кхинама, чьи завораживающие красотой разрушенные шпили и мозаики так и смогли превзойти в своем творчестве современные умельцы Элхама. Невдалеке поднималась величественная Мемориальная колонна Кхинама, воздвигнутая в честь какого-то забытого героя или победы над врагом. Хотя статуя, венчавшая ее, была изъедена до торса временем и непогодой, сама колонна, воздвигнутая из добротного камня, сохранилась лучше, чем большинство старинных городских построек.

Антис, внимательно наблюдавший за летающими рыбами, воскликнул:

— Рыбы — знак перемен.

— Каких?

— Когда рыбы летают кругами, должно произойти что-то плохое.

— Глупости! Ты во всем видишь какие-то знаки, а перемены обычно происходят сами по себе.

Ироедх задумалась, пока с отсутствующим видом жевала свой ужин, состоящий из сухого печенья и овощей. В свете гаснущего дня она с удивлением разглядывала свою последнюю археологическую добычу. Наконец она спросила:

— И все же, что это, как ты думаешь? Слишком хрупкое для оружия, но как украшение тоже не выглядит. Может быть, это жезл офицера?

Антис оторвался от окорока какого-то животного, который с удовольствием поедал.

— Это инструмент, с помощью которого древние исполняли музыку.

— А как на нем следует играть?

— Нужно дуть в щелочку в самом конце трубки и перебирать пальцами, закрывая или открывая остальные щели. Помнишь картину на стене тронного зала?

Ироедх подула в трубочку, но звуков не последовало.

Антис рассмеялся.

— Дело вот в чем. Ты дуешь не в трубочку, а на нее...

Ироедх сменила позу и тут же была вознаграждена... каким-то воем, донесшимся из флейты.

— Дай-ка, я попробую, — проговорил Антис.

— Но у тебя сальные руки!

— Хорошо, попробую после того, как закончу ужин. Кстати, а что это за книга валяется среди отбросов?

Ироедх осторожно вытащила старинную книгу из кучи мусора. Ее страницы из тонкой древесной коры, потрескались и рассыпались прямо в руках. Чернила настолько поблекли от времени, что текст невозможно было прочитать в гаснущем свете дня. Но было видно, что над каждой строкой со словами тянется полоска аккуратных параллельных линий, усеянных маленькими черными точками.

— Да это же песенник! Какая удача! — воскликнул Антис.

— Надеюсь, эти маленькие черные точки говорят о том, какую дырочку нужно закрывать пальцами?

— Или какую из них оставлять открытой. Давай-ка, попробуй.

Ироедх начала дуть в отверстие флейты и перебирать пальцами. Несмотря на ее неопытность, послышалась знакомая мелодия.

Антис обрадовался:

— Думаю, я знаю ее. Когда меня только приняли в трутни, я встречался со стариком по имени Баортус, которому позволили жить среди чистильщиков. И все потому, что он был очень опытный в таких делах. Он часто играл на флейте, похожей на эту. Думаю, мне следовало бы запомнить, как на ней играть, но я был так занят своими новыми обязанностями... А после очередной Чистки Баортус исчез. Я совершенно забыл эту историю. Только сейчас вспомнил, увидев инструмент.

Он вытер руки о сорняки и подошел поближе, заглядывая Ироедх через плечо.

— Ну и ну! Если бы было светлее, мы могли бы прочитать слова и ноты, правда ведь? Дай-ка, разожгу поярче костер.

Он отправился в близлежащий лесок, оставив Ироедх ненадолго в одиночестве. Послышался треск сучьев, и вскоре Антис вернулся с целой охапкой сухого хвороста. Когда костер разгорелся достаточно ярко, довольный собой Антис кивнул подруге:

— Ну-ка, давай с самого начала. Ты играй, а я буду петь. Беда прямо с этой устаревшей орфографией! — нахмурился он, увидев поблекшие от времени буквы, больше напоминавшие маленьких пауков:

Любовь не мучает нас вечно.
Она снисходит словно пламя,
Как лава у горы Висгад.
В огне все тает быстротечно.
Когда возлюбленная рядом,
Я не могу спать безмятежно.
Всю ночь любовь меня терзает
И муки длиться будут вечно...

Песнопение было затруднено тем, что то одна строчка текста или даже две не попадали в такт мелодии, и в конце концов оба исполнителя расхохотались.

Когда Ироедх немного успокоилась, она спросила:

— А что значит фраза: «Когда возлюбленная рядом...»?

— Думаю, под «возлюбленной» имеется в виду друг, какой-то член Общины.

— Не могу себе представить, что из-за присутствия кого-то кто-то из наших работниц может потерять сон; даже ты, мой лучший друг.

Антис лишь пожал плечами в ответ.

— Спроси оракула Ледхвида. У древних было немало забавных идей. Может быть, это из-за недостатка контроля за питанием.

Ироедх стала размышлять вслух:

— Единственный раз, когда я видела работниц возбужденными, это когда иностранка Итходх из Йема узнала, что

ее Община уничтожена арсууни. Она покончила жизнь самоубийством, несмотря на то, что Совет отдал приказ о признании ее членом Общины Элхама.

— Конечно. Все мы были бы расстроены, узнав об уничтожении Йема... В таком состоянии можно совершить отчаянный поступок, ты же знаешь.

— Давай все-таки не думать о таких ужасных вещах!

— Хорошо, дорогая. А теперь позволь мне забрать инструмент и книгу.

— Конечно, но зачем? — спросила Ироедх.

— Думаю, я смогу с их помощью развлечь своих друзей. Если ты как-нибудь услышишь странные звуки, то знай: это Кутанас и я учим их древнему искусству пения.

— Надеюсь, с этим не будет столько проблем, как с балладой об Йеме!

— А кто сочинил песню об Йеме?

— Я. Но только для того, чтобы память об Общине Йема не стерлась из нашей памяти окончательно. Не ожидала, что все это выльется в поэтическую оргию.

— Точно. Но нельзя же такие песни предавать забвению. В конце концов, не так уж долго мне осталось любить их.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Ироедх, отлично зная, что Антис имел в виду, и все-таки надеясь, что он ошибается.

— В ближайшие дни начнется очередная Чистка, а я ведь один из самых старых трутней.

Ироедх в отчаянии сжала его руку.

— Антис, но это просто ужасно! Разве королева не возмутится?

— Не так сильно, насколько мне известно. Да, я забочусь о ее здоровье, и не только... Однако Чистку уже откладывали несколько раз.

— Но ты не такой уж и старый! Не на много старше меня, ты сможешь выполнять свой долг еще много лет.

— Знаю, но Совет так не думает. Возможно, его члены боятся, что мы что-то затеем, если нам позволят жить до старости.

— Но ты ведь не станешь делать ничего такого?

— Никогда не думал об этом... А если бы ты узнала, что я собираюсь сбежать и примкнуть к обманщикам, — ты бы вернула меня как послушная работница?

— Конечно. Хотя подобное решение далось бы мне нелегко. Но, пожалуйста, не планируй ничего подобного! Держись как можно дольше, пока сил хватит. Ты не... я...

Тут голос ее захлебнулся от рыданий.

— Не надо, Ироедх! Ты причитаешь, как кто-то из древних с их «горячей любовью», — заметил Антис, обняв ее за плечи.

Ироедх взяла себя в руки.

— Я просто глупая. Конечно, я не одна из древних, а работница среднего рода, и горжусь этим. Но жизнь будет абсолютно пуста без тебя.

— Спасибо, — он дружески сжал ее руку.

— Никто больше в Элхаме не разделяет мою любовь к древностям. Иногда я думаю, что должен чувствовать какой-нибудь одинокий отступник, который бродит по окрестным лесам, смотрит на купола Общины и осознает, что никогда не сможет войти сюда вновь.

Антис вздохнул в сгущающейся темноте.

— Могу уверить тебя лишь в одном, дорогая: если я когда-нибудь и задумаю стать отступником, то не посвящу в это никого, кто может разрушить мой план.

Она вздрогнула от холода.

— Б-р-р! Нам бы следовало взять с собой теплую одежду. Пойдем-ка домой.

Глава 2. Небесный корабль

— Перед нами стоят две задачи — использовать этих людей и их знания против Тваарма и сделать так, чтобы они никоим образом не навредили нам, — объявила Род.

Ее колесница ехала рядом с колесницей Ироедх по дороге, ведущей в Тхидхен, которая тянулась вдоль берега Алого моря. Колесницы Иноедх, Авпандх и Вардхх катились следом, постукивая колесами по камням.

Род продолжала наставлять своих помощников:

— Старайтесь внимательно следить за всем, что говорят и делают люди. Рот держите на замке. Мы ничего о них толком не знаем и не можем сразу разгадать все секреты. Всячески льстите им, вынуждайте хвастать своими достижениями — словом, делайте все, чтобы у пришельцев развязались языки. Но не приглашайте их к нам, не рассказывайте о том, где находится Элхам, и ни в коем случае не выдавайте политические секреты и способы ведения войны. Я это говорю прежде всего для тебя, Ироедх, потому что знаю твою слабость. Они интересуются не только нами, но и нашей историей, поэтому и хотят, чтобы их сопроводили в Кхинам, — искать там древности. А, добравшись туда, им будет совсем нетрудно подняться на одну из башен и увидеть купола Элхама.

— Я буду соблюдать осторожность, — смиренно произнесла Ироедх, едва сдерживая нервную дрожь. Род говорила ей обо всем этом уже неоднократно. А Ироедх так хотелось, чтобы новоявленная наставница оставила ее, наконец, в покое, и она могла бы вернуться к своим благостным мечтам о древних временах.

— Тебе нужно добиться расположения Блоча, который неплохо говорит по-автиникски и интересуется, так же как и ты, историей нашего народа. Если добросовестно справишься с этой задачей, то королева забудет обо всем, в чем тебя так неразумно поддерживал трутень.

— Почему это? — удивилась Ироедх, произнеся эту фразу гораздо громче, чем сама того хотела. Она вовсе не собиралась позволять Род насмехаться над ней!

— Не кричи. Тебе лучше приступить к делу сразу же, потому что он не захочет, чтобы мы быстрее возвращались домой.

— Ты имеешь в виду...

Род криво усмехнулась, посмотрев в сторону Ироедх:

— А ты не знала? Сегодня утром, как раз перед тем как мы выступили в путь, Совет собрал кворум и назначил дату следующей Чистки. Это сделано для того, чтобы убить трех старших трутней: Антиса, Кутанаса и Дуоса, чтобы освободить место для нового поколения. Это должно произойти в ближайшие восемь дней. Конечно, сделано все, чтобы они не смогли сбежать.

Ироедх побледнела. Черт бы их побрал! Так вот почему Антис не попрощался с ней. Сначала она подумала, что он просто рассердился на нее. Потом решила, что он, возможно, забыл об ее отъезде, хотя это совершенно на него не похоже. И, наконец, ей пришла в голову мысль, что он, возможно, пытался защитить ее, сведя до минимума их общение. А на самом деле в это самое время...

Задыхаясь от гнева, Ироедх выдавила:

— Ты должна была рассказать мне об этом раньше.

— И ты бы не устроила истерику, не предприняла бы попытку задержать наш отъезд? Ну нет, я не так глупа, чтобы позволить тебе сделать это. Ты должна благодарить меня, что все вышло именно так.

— А почему для Чистки был выбран один из ближайших дней?

— Из-за пророчества, которое цитировал Тудх, — о том, что трутни будут искать новое убежище. Есть опасение, что, если трутни будут жить слишком долго, произойдет непоправимое... В пророчестве не указывается точная дата... Но Антис ничего не потеряет. В Общине для него давно нет места.

Ироедх сникли, мысли ее в беспорядке теснились в голове. Она даже хотела повернуть колесницу и помчаться обратно в Элхам. Но выработанная годами дисциплина и беспредельная преданность Общине остановили ее. К тому же, чего она сможет добиться, кроме того, что ее накажут?

Что же делать? Хотя Ироедх и была опытной работницей, она все же не воспринимала жизненные трагедии как нечто неизбежное. Должно же быть что-то, что может помочь...

Почему Род так злорадствует? Ведь у нее нет причин ненавидеть Ироедх. А сама Ироедх не делала ничего предосудительного, лишь оставалась сама собой. В этом-то, наверное, все и дело. Род, чисто внешне, высмеивала интерес Ироедх к древнему искусству, а в душе завидовала ей. И еще... Возможно, Род — одна из тех, кто испытывает тягу к единообразию во всем, и ей претит индивидуальность Ироедх, словно это бельмо на глазу, которое необходимо уничтожить.

Однако теперь все мысли Ироедх сводились только к одному: как спасти Антиса? Ведь должен же быть какой-то выход! Нет, его не существует... И все-таки выход должен существовать, ей нужно лишь все хорошенько обдумать. «А почему я так уверена, что выход есть?» — спрашивала она сама себя. Потому что выход должен быть, и все тут. В ее рассуждениях не было никакой логики. Не может что-то существовать лишь потому, что ты страстно этого желаешь...

Она предавалась этим мыслям в течение долгих часов,пока они не миновали то место, где дикие животные уничтожили несчастную королеву Рхуар, и не оставили позади Холмы Лханваед. Здесь, согласно полузабытым легендам, много лет назад нашли необычайное яйцо — размером с купол королевского дворца. Никто не знал, кто из него должен был вылупиться... Когда посланцы добрались до границы Тхидхена, Ироедх так и не приняла никакого решения.

Здесь их остановили двое стражей, на чьих доспехах сверкали символы королевы Маиур. Род назвала свое имя старшей из стражниц, Гогледх.

Та ответила на диалекте Тхидхена:

— Я знаю тебя, Род. Мы встречались, когда ты приезжала сюда на поиски места для колонии Глиид. Это инспекционная проверка или что-то другое? Когда прибудут первые колонисты?

— Нет, мы ищем небесный корабль. Что о нем известно в Тхидхене?

— Ничего. Королева Маиур подозревает, что общение с его командой, чьи обычаи столь сильно отличаются от наших, вполне может нарушить наше общественное устройство. Она даже всячески пытается пресечь любые разговоры по этому поводу, хотя сделать это, как известно, просто невозможно.

— А у вашего Совета разве нет своего мнения по этому вопросу?

— Теоретически есть. Но, как показывает практика, Маиур всегда поступает так, как считает нужным сама. А как насчет вашей колонии?

— Да никакой колонии нет и не будет, до тех пор, пока не закончится война с Тваармом. Если же колония и появится, нам потребуется каждая работница, которая сможет держать в руках копье.

— У вас есть принцесса, которая скоро станет совершеннолетней. Вы собирались послать ее в Глиид, не так ли?

— Да. Она вот-вот вступит в свои права.

— И если вы не пошлете ее с новой колонией, то начнется королевская свара, не так ли? И тогда, возможно, к вам пожалуют гости из Тхидхена?

— Не знаю, все это забота Совета.

— А арсууни уже выдвинули свои силы?

— Ну для сражения их слишком мало, насколько я знаю. Наш генерал сейчас на границе, наблюдает за ними.

— Бедный Элхам! Мне бы хотелось, чтобы однажды ваша Община победила Общину арсууни.

Род тяжело вздохнула.

— Мы постараемся сделать все, что от нас зависит. Но ведь у них целая каста хорошо обученных солдат! Нам потребуется не только удача, но и большое превосходство в силах, которого, как вы знаете, у нас нет.

— А сколько в вашем распоряжении взрослых работниц?

— Около четырехсот пятидесяти. Их могло бы быть больше, но ведь вы же слышали о прошлогодней чуме...

— Как жаль, что наши и ваши работницы не могут сражаться против арсууни одновременно, — покачал головой Гогледху.

— Да. Но таково уж положение вещей. Нашим противникам удается атаковать обе наши Общины одновременно.

На третий день, днем, после того, как Гогледх покинул их, пять работниц Элхама достигли долины Глиида.

И тогда Ироедх воскликнула:

— Посмотрите!

Внизу, почти в самом центре долины, тускло поблескивая в солнечных лучах, возвышался огромный цилиндрический объект, заостренный сверху, который мог быть только космическим кораблем. Он стоял на основании, подобно Мемориальной колонне Кхинама,

Даже Род, которая обычно сдерживала эмоции, на этот раз выглядела возбужденной. Она крикнула, щелкнув хлыстом:

— Поехали быстрее!

Пять колесниц стали быстро спускаться по дороге, которая вилась по долине.

— Я так взволнована — никогда не была в Глииде! — посетовала Вардхх. — А что это за странный бельведер вон там, среди утесов?

— Это Знак Выжившим, — объяснила Ироедх.

— А что обозначает это название?

— Стелла превозносит последних двуполых автини, выживших две тысячи лет назад.

— Ты имеешь в виду реформы королевы Даноакор?

— Да, — согласилась Ироедх.

— А что произошло с этими выжившими? — спросила Иноедх.

— Они находились в осаде более двух месяцев. Один источник утверждает, что, когда армия Даноакор подошла к их обители, все двуполые уже умерли от голода. Другие же источники утверждают, что они спрыгнули со скалы, чтобы встретить смерть.

— Как печально! — вздохнула Вардхх.

— Так им и надо, — озлобленно бросила через плечо Род. — А нам следует забыть об этих ужасных диких временах. Была бы моя воля, я бы уничтожила все исторические записи. Если бы не было таких сентиментальных личностей, как Ироедх, мы бы давным-давно покончили со всем этим хламом.

Три младшие работницы благоразумно умолкли, как это обычно бывает, когда вспыхивает ссора среди старших по

званию. Ироедх тоже ничего не сказала, потому что мысли ее были полны грезами о выживших и о трагической судьбе их соплеменников, размышлениями о предстоящей встрече со странными людьми и волнением из-за возможной гибели Антиса.

Когда очертания космического корабля стали вырисовываться отчетливее, Ироедх поразил его размер. В этом сооружении могла бы поместиться вся Община. Наверное, он был полым внутри, и там полным полно было волшебных машин, изобретенных людьми.

Машины двигались вокруг основания космического корабля...

Ироедх подумала, что находящимся внутри людям издалека хорошо видна вереница колесниц. Во главе колонны ехала Род — прямо по дороге, ведущей к кораблю, который спустился на поверхность планеты из открытого космоса. Значительная территория вокруг корабля была расчищена во время его приземления — большая часть деревьев и кустов сгорела дотла...

Один из пришельцев стоял в том месте, где обгоревшая земля подступала к краю дороги. Ироедх увидела его, когда Род, остановившись, спрыгнула со своей колесницы. Остальные последовали ее примеру. Иноедх собрала поводья пяти животных, в то время как ее подруги пошли к кораблю пришельцев.

Первый человек, которого они встретили, был примерно одного роста с Ироедх и выглядел совсем как автини, несмотря на то, что пришел из другого мира. Он был стройным, как работница или принцесса, а не плотным, подобно трутню, и не толстым, как королева; весь покрыт каким-то веществом, которое, как сначала показалось Ироедх, было странной свободно свисавшей шкурой, но при ближайшем рассмотрении оказалось одеждой, скроенной и сшитой так причудливо, чтобы плотно облегало туловище. Ботинки его не очень отличались от тех, что носили автини, только выше. Одно одеяние напоминало тунику с короткими рукавами. Другое же, по мнению Ироедх, походило на тунику специально для ног или на юбку, состоящую из клиньев, которая прикрывала фигуру от талии до икр. Весь этот наряд удерживали многочисленные пуговицы и ремни. Ироедх

удивилась, как же человек мог облачаться в столь запутанное одеяние, а потом снимать его с себя.

Хотя Род говорила с людьми, имеющими «волосы по всей голове», у этого человека на макушке вообще не было волос. Его розовый череп обрамляла бахрома каштановых волос по бокам и сзади, а над верхней губой топорщились крошечные усики. Голубой цвет его глаз испугал Ироедх, ведь глаза у большинства людей, которые она видела прежде, были желтыми.

На изгибе руки пришелец держал предмет, напоминающий большую флейту, которую она нашла в Кхинаме: деревянная палка, из которой выглядывала темная металлическая палка или трубочка. Весь инструмент в длину был как рука человека и усеян какими-то немыслимыми выпуклостями и выступами. Потом Ироедх вспомнила: это, должно быть, одно из видов волшебного оружия людей. Она надеялась, что пришельцы не схватят ее и не выстрелят в нее, чтобы сделать в ее туловище дырку, в которую каждый желающий мог бы просунуть голову.

Губы их нового знакомого раздвинулись в стороны, обнажив красивые белые зубы. Ироедх тут же припомнила, что ее просили не пугаться, если она увидит подобное. Это вовсе не значило, что человек хотел ее укусить, он просто был чем-то доволен. Это было терранское подобие улыбки. Жители автини в таком случае округляли рот в виде буквы «О».

— Здравствуй, Род! — сказал человек с неба. — Не ожидал, что ты вернешься так быстро. Только что здесь была другая работница, из города, который называется Ледхвид... Вижу, ты привела целую делегацию.

Он говорил по-автиникски медленно, с сильным акцентом и множеством ошибок. Ироедх была несколько удивлена его выражением «привела делегацию». Возможно, такое бессмысленное утверждение было чем-то вроде церемониала, который люди часто использовали. Так, к примеру, когда много работниц встречаются с королевой, говорят: «Много яиц!»

— Это моя помощница, Ироедх, — начала Род и стала представлять остальных.

Человек с неба улыбнулся:

— А я — Блоч, Винстон Блоч. Очень рад познакомиться с вами.

— Вы имеете в виду Винстон из Блоча? Блоч — это ваша Община? — спросила Вардхх.

— Нет, это мое... Ух!.. Одно из моих имен.

— Вы хотите сказать, что у вас не одно имя?

— Да, фактически их три.

— Но почему? — удивилась Вардхх.

— Это слишком сложно объяснить.

— Скажите, по крайней мере, как к вам обращаться.

— По-терракски меня называют доктор Блоч... Итак, чем могу быть вам полезен?

— Сейчас Ироедх обо всем вам расскажет, — объявила Род. — Мы же пока разобьем поблизости лагерь, если вы не возражаете.

Блоч повел себя осмотрительно, не выразив неудовольствия. Обращаясь к Ироедх, он замялся:

— Дорогая, возможно, вы... Ух!.. Захотите осмотреть корабль внутри?..

— Спасибо. Да, я хотела бы увидеть его целиком, — вздохнула Ироедх, не зная, как оценить ситуацию, но все же делая шаг вперед.

— Боюсь, это невозможно. Мы готовим судно к возвращению домой, и... вы измажетесь... Ух!.. Как же вы называете машинный жир?.. Так или иначе, вы испачкаете всю вашу очаровательную розовую кожу. Поэтому вы сможете только заглянуть внутрь, а пройтись по кораблю не получится. Но для начала выпьем по чашечке кофе и...

— Копхи? — произнесла Ироедх незнакомое слово, следуя за ним к кораблю.

— Кофе, с буквой «ф». Вы сейчас сами увидите.

— Ваш корабль имеет название?

— Конечно. Видите вон те буквы? Они обозначают «Париж» — название одной из наших... Ах!.. Общин.

— Вы действительно функционирующий мужчина?

Блоч посмотрел на нее с удивлением.

— Конечно!

— И вы работаете?

— Совершенно верно. Наши мужчины совсем не похожи на ваших трутней, которые существуют лишь для одной цели. Хотя, должен сказать, есть среди нас и такие, которые не считают подобное времяпровождение чем-то зазорным.

Затем он обернулся и крикнул кому-то на своем языке:

— Эй, опустите-ка подъемник!

Хотя Ироедх и не поняла слов, ей вдруг захотелось убежать. В голове мелькнула мысль, что эти чужаки, возможно, хотят взять ее в заложники или использовать в дальнейшем как образец для исследований, например разрезать ее на части и посмотреть, что у нее внутри. Вот такая ей может выпасть судьба.

Род и ее подруги были в этот момент достаточно далеко. Сняв с себя оружие и просторные одежды, которые они обычно носили, чтобы их не повредить, работницы обустраивали лагерь с беззаботным видом. А к Ироедх вдоль стены корабля спускалось что-то, похожее на пустой ковш, который тащили вниз с помощью цепей из серого металла. Без сомнения, Ироедх будет служить Общине до последнего. Сейчас она вступит в схватку с людьми, но...

Блоч подпрыгнул и, оказавшись на ковше, повернулся и пригласил:

— Ну же, запрыгивайте!

В голове Ироедх промелькнула мысль: «Разве что-то имеет значение, если Антис все равно окажется мертв, когда она вернется домой? Конечно, нет». Поэтому она, пересилив себя, прыгнула следом за человеком.

Ироедх оглянулась по сторонам, а затем в панике схватилась за ограждение «ковша». Глаза ее вылезали из орбит. Она попыталась что-то сказать, но изо рта вырвалось лишь жалкое кваканье. Живот так вздулся, что ей казалось — он вот-вот лопнет. С еле слышным стоном она рухнула на «пол» ковша, закрыв глаза руками. А тот поднимался все выше и выше.

Когда же она вновь открыла глаза, то испугалась еще больше.

Никогда прежде ей не приходилось находиться на такой высоте, и нынешний опыт оказался страшнее всего, что когда-либо прежде пришлось ей пережить. Подъемник все еще работал, и шум мотора эхом отдавался у нее в голове.

Вдруг откуда-то сбоку послышался голос Блоча:

— Не переживайте так. Все в порядке.

Ироедх стало стыдно, и она заставила себя встать. Ухватившись мертвой хваткой за поручни и не осмеливаясь посмотреть вниз, она вскарабкалась за Блочем на платформу, которая находилась как раз напротив висящего ковша.

Так Ироедх оказалась внутри корабля и увидела, что он сделан из того же серого металла, что и подъемник.

— Из чего сделан ваш корабль? — спросила она у своего спутника.

— Мы называем этот металл сталью или железом. Это обычный металл. Он тверже меди, и... как вы называете ее сплав?

— Сплав? Мы не знаем металла тверже, чем бронза. У нас есть золото и серебро, но их используют редко, лишь в особых случаях.

Ироедх молчала, пока они шли по коридору к небольшой кают-компании. Там оказалось много людей, как мужчин, так и женщин. Ироедх узнала женщин благодаря их меньшим, чем у мужчин, размерам и выпуклой груди. Все присутствующие были одеты.

Только сейчас она поняла, что Блоч достаточно высокого роста среди себе подобных, потому что остальные значительно ниже. Цвет кожи у людей неоднородный — у некоторых она бледная, желто-розового оттенка, у других покрыта загаром — от бронзового оттенка до темно-коричневого. Она подумала, что, возможно, на корабле присутствуют представители разных рас. Но Ироедх никак не могла понять, как они сосуществуют, не пытаясь истребить друг друга, как это принято среди народов, населяющих Нионд.

Блоч начал знакомить ее с присутствующими, начав со смуглого мужчины почти одного с ним роста, но значительно полнее, одежду которого украшали латунные пуговицы:

— Капитан Суббарау; мисс Дулак, мой ассистент; мистер О'мара, наш фотограф...

Он продолжил знакомство, но все эти имена не задерживались в памяти Ироедх:

—Норден, Маркович, Яндала, Канг, Лобос, Коди...

Большинство из этих имен, даже запомни, Ироедх все равно не смогла бы произнести.

Наконец, все люди, кроме капитана Суббарау, О'мары, мисс Дулак и Блоча, покинули кают-компанию. Фотограф был ниже ростом и полнее, чем Блоч, хотя и не такой тучный, как Суббарау. У него были волнистые волосы и грубые черты лица.

Суббарау посмотрел на фотографа и угрожающе произнес:

— О'мара!

Тот угрюмо, как показалось Ироедх, оглядел присутствующих, и вышел из помещения. Блоч и Дулак посмотрели ему вслед, и Ироедх почувствовала в их взгляде какое-то напряжение.

А Суббарау тем временем обратился к оставшимся в кают-компании:

— Давайте выпьем кофе с пирожными. Верю, дорогая Ироедх, это не повредит вам. Ваша подруга Род попробовала наше угощение, когда была здесь. Ничего плохого с ней не случилось. Если хотите, снимите свой шлем.

Блоч перевел эти слова, и постепенно завязался общий разговор. Ироедх с радостью сняла шлем, так как тот сковывал ее движения.

Блоч тем временем обратился к Суббарау:

— Капитан, когда я спросил предводителя местной Общины, как нам лучше вести переговоры, она сказала, что об этом расскажет Ироедх.

Суббарау улыбнулся.

— Местный язык сильно отличается от других языков в нашей Галактике... Что ж, мадам Ироедх, мы вас слушаем.

Тогда Ироедх стала рассказывать о войне, которую ее племя ведет с арсууни. При этом она сильно нервничала. Насколько ей было известно, чужестранцы всегда принимают сторону более сильной группировки.

Стараясь делать паузы между фразами, чтобы Блочу было легче переводить, в самом конце своей речи она заявила:

— Поэтому, если вы разрушите Тваарм с помощью вашего волшебного оружия, мы будем вам бесконечно благодарны и обещаем постоянную поддержку во всех Общинах Нионда.

Присутствующие обменялись многозначительными взглядами. Ироедх это показалось не очень хорошим знаком, поэтому она, поколебавшись, добавила:

— Мы можем заплатить вам. У нас есть большие запасы хлебных злаков и полотна, из которого мы шьем одежду. Можем также предложить золото и серебро, из которых производят королевские регалии и другие украшения.

Суббарау и Блоч кратко о чем-то переговорили между собой, затем последний повернулся к Ироедх.

— Нам совсем не нужна такая плата, Ироедх. — Голос Блоча звучал так, словно он извинялся. — Если бы мы могли, то сделали бы это для вас бесплатно, конечно, если обстоятельства таковы, как вы их описываете. Поверьте, мы не хотим обидеть вас, но должны заметить, что ваше зерно и золото не представляло бы для нас ценности даже в том случае, если бы мы оказались здесь из-за поломки корабля. Однако истинная причина отказа состоит все-таки в том, что нам строжайше запрещено вмешиваться в местные конфликты на какой бы то ни было планете, невзирая на наши собственные симпатии.

— Вы не можете помочь даже мирной Общине защититься от агрессивных врагов?

— Да, мы не можем... А почему арсууни нападают на вас?

— Это их обычный способ обогатить собственное племя. Вместо того чтобы развивать собственные Общины, они захватывают наши и забирают в плен тех наших работниц, которые выжили в боях.

— Да, мы на себе познали тяготы войны. Я не сомневаюсь в правдивости вашего рассказа, но каждая сторона всегда защищает собственную позицию. Когда мы приземляемся на неизвестную планету, первые ее жители, которых мы обычно встречаем, непременно имеют заклятых врагов где-нибудь поблизости и просят нас помочь уничтожить их, выдвигая при этом множество аргументов в свою пользу. Если же мы идем на поводу, то в дальнейшем, как правило, понимаем, что причинили вред невиновным, по крайней мере сообразно нашему пониманию о добре и зле, и стали врагами для половины жителей данной планеты. Единственно верный путь избегать такого рода оплошностей — это политика невмешательства.

Ироедх осторожно, маленькими глотками пила кофе. Этот горький напиток не доставил ей удовольствия, но если он не отравил Род, то, возможно, не убьет и ее. Она должна была попытаться подвести космических пришельцев к тому, чтобы они взяли на себя какое-нибудь обязательство. Ставкой в этой игре была не только жизнь Общины. Ироедх смутно надеялась, используя искусство дипломатии, освободить с их помощью Антиса.

Потупясь, она сказала:

— Тогда... почему бы вам не поделиться с нами частью волшебного оружия? Совсем немного... хотя бы какое-нибудь одно... и удача может нам улыбнуться.

Услышав это, Суббарау присвистнул.

Ироедх не поняла значения этого странного звука, но ей показалось, что он выражает недовольство.

— Я не прошу вас отдать его навсегда, а лишь взаймы. И не бойтесь, мы не будем использовать это оружие против вас.

Блоч возразил:

— Вы не понимаете, дорогая Ироедх. Это межпланетный корабль, космическое могущество Террана. Покинув родную землю, он подчиняется законам Межпланетного Совета. Одно из его правил запрещает знакомство с... ух!.. изобретениями жителей отсталых планетах. Нам нельзя передавать им технические знания.

— Что означает слово "отсталый"?

— Так называют планеты, которые не достигли определенного уровня в развитии науки, права, этики и политики.

— А какова цель этого правила? — продолжала расспрашивать Ироедх.

— Долгая история. Но суть в том, что нельзя помогать вооружаться какому-нибудь воинственному племени, которое может однажды покинуть свою планету, вторгнуться на чужую территорию и создать большие проблемы.

— Но почему наш мир не считают цивилизованным? У нас богатейшая культура, собственная письменность, высокий уровень обработки металлов, прекрасные здания. Наша общественная жизнь хорошо организована... Что же вам еще надо?

— Одно из первых требований — управление всей планетой единым правительством. Но у вас ведь этого нет?

— Великий Гвуур, нет, конечно! Но кто здесь слышал о подобных вещах?

— И у вас не упразднена сама идея войн, ведь правда?

— Никто здесь и не думает о подобном. Ведь войны — естественная часть нашей жизни.

— Вот-вот. А почему бы вашей Общине не объединиться с кем-нибудь из соседей, например, с Тхидхеном, и не разбить арсууни прежде, чем они разрушат вашу территорию?

— Вы не понимаете ситуацию. Одна Община никогда не сможет объединиться с другой, потому что генерал первой тут же подумает, что королева другой Общины имеет равную или большую власть, чем его собственная. И, так как номинальное превосходство каждой королевы в ее Общине — главенствующий принцип нашего общества, этот вопрос не подлежит обсуждению.

— Что вы подразумеваете под номинальным превосходством? — в свою очередь спросил Блоч.

— Настоящее управление осуществляется Советом, избранным работниицами. Королева царствует, но не правит.

Блоч повернулся к Суббарау:

— У них конституционная монархия.

Затем он снова обратился к Ироедх:

— Простите, дорогая, но вот лучший совет, который мы можем вам дать. Если какое-то неразумное правило мешает вашему обществу, то оно, тем самым, наносит обществу большой вред. Как эксперт по...

— Как кто? — недоуменно переспросила Ироедх.

— Как исследователь миров, которые сильно отличаются от моего собственного. А наши миры отличаются абсолютно всем: зерном для помола, которое я использую на своей мельнице, геологией, климатом, растениями, животными, людьми, наукой, историей, искусством, — практически всем, что только можно себе представить. Мы уже собрали здесь хорошую коллекцию растений и животных. Почти все ваши животные — двуногие. У них почти нет шерсти. Как и у вас, если не считать вашей прядки на макушке. А вот как обстоят дела на других континентах?

— Возможно, так же. А почему бы и нет? Разве другие миры так уж сильно отличаются от нашего?

— Конечно. На нашей планете большинство животных передвигаются на четырех лапах, и они полностью покрыты шерстью. То же самое и на Вишну...

— Но почему? — спросила Ироедх.

— На это есть разные причины. Например, способ движения нашей планеты и соотношение суши и воды делают ее климат более разнообразным, чем у вас. Поэтому наши животные обросли шерстью, чтобы спастись от холода зимой. Но давайте вернемся к интересующему нас вопросу: есть здесь где-нибудь другие Общины, которые мы могли бы увидеть?

— Не думаю, что какая-нибудь Община примет вас, пока не узнает лучше. Если только вы не захватите ее силой. Но я надеюсь, вы не станете этого делать.

— Тогда мы будем вынуждены улететь на какую-нибудь другую планету, жители которой более общительны. Ведь на предварительную разведку на каждом континенте нам отведено не так уж много времени.

— Автини нельзя назвать недружелюбными, но мы не можем рисковать, пока не узнаем вас лучше.

Присутствующие молча посмотрели на нее, и Ироедх продолжила:

— Есть еще нечто такое, что, уверена, заинтересует вас. Например, недалеко отсюда находится Знак Выжившим, и рядом с ним — древние развалины.

— Знак Выжившим? — спросил Блоч.

Ироедх рассказала им историю о последних двуполых автини и в конце добавила:

— Развалины старинной крепости сохранились до наших дней, вы можете сами их увидеть.

— А до них трудно добраться? Ведь там, насколько нам известно, отвесные скалы...

— Вам и не нужно карабкаться по ним. Из долины туда ведет протоптанная когда-то тропинка, лишь кое-где поросшая сорняками.

— А что конкретно можно найти среди развалин? — поинтересовался Блоч.

— Там много древних реликвий. Форт был восстановлен более пятидесяти лет назад, когда там обосновалась группа трутней-изменников.

Поразмыслив немного, Блоч подытожил:

— Вообще-то это неплохая мысль. А вы не согласитесь пойти с нами туда завтра?

— С удовольствием. Когда конкретно вам будет удобно?

— Через пару часов после рассвета.

— Хорошо. Тогда пусть каждый возьмет что-нибудь поесть по своему вкусу.

После того, как Ироедх покинула «Париж», Блоч спросил капитана Суббарау:

— Ну и как вам понравилась наша маленькая краснокожая гостья?

— Эта лучше, чем та, что была в прошлый раз, — задумчиво протянул Суббарау. — Она вызывает чувство любопытства. Когда говоришь с ней, кажется, что общаешься с разумным муравьем или пчелой в человеческом обличье.

— Но на самом деле это не так. Вы не должны проводить подобные параллели. Они умны и руководствуются отнюдь не инстинктом, как жители планеты Сириуса Девять. К тому же у пчел не бывает Советов, избранных демократическим путем.

— Верно. Если бы только как-нибудь расширить полномочия этих Советов... А как я должен относиться к Ироедх — как называть ее: «Она» или «итушка»?

— Думаю, что «она». В конце концов, вы называете какую-нибудь крохотную девочку «она», хотя в половом смысле она развита не лучше, чем Ироедх.

Суббарау сделал кругообразные движения руками у себя перед грудью и подытожил:

— Если бы ее вот здесь можно было немного расширить, и одеть парик из настоящих волос, прикрыв им ее похожие на перья пряди, то она бы выглядела вполне привлекательной женщиной. Учитывая, конечно, что вам нравится розовая кожа и кошачьи глаза. Кстати, их племя действительно

такое отсталое, как это кажется на первый взгляд? У них нет железа...

— Все это действительно забавно. Впрочем, я узнал, что две тысячи лет назад по их летоисчислению у них была высокоразвитая культура. Тогда же они создали кастовую систему, основанную по половому признаку. С тех пор у них не просто стагнация, гораздо хуже — настоящий регресс.

— Возможно, у них материалистический взгляд на мир, как на Земле, и это выставляет в смешном свете их духовное развитие.

— Может, хватит об этом? Развитие науки у них тоже прекратилось. Что касается религии, то ее практически нет, остались лишь ничего не значащие суеверия и проклятия. Они важны для предзнаменований и прорицаний, источником же истинной веры здесь являются Общины.

— Вы имеете в виду ульи, — уточнил Суббарау.

— Возможно, я ошиблась, послав тебя к пришельцам решать наши дела, — заявила Род, выслушав Ироедх. — Фактически ты лишь уклонилась от работы по разбивке здесь лагеря, не добившись никаких значимых результатов.

Ироедх гневно ответила:

— Я не смогла их переубедить. Мои опасения подтвердились: они связаны указаниями своего правительства.

— В любом случае завтра я проведу более успешные переговоры. Что вы собираетесь делать завтра?

Ироедх рассказала о предполагаемом походе к Знаку Выжившим, добавив при этом:

— Надеюсь, ты позволишь мне сопровождать их. Если завтра вместо меня пойдет кто-то другой, они подумают, что мы поссорились. Кроме того, у меня с Блочем гораздо больше общих интересов, чем у тебя.

— Я так не думаю...

Усилием воли Ироедх перешла на льстивый тон:

— Дай мне хотя бы еще один день. Добираться туда всего два часа, и я хорошо знаю дорогу. А ты-то сама там была?

— Ты думаешь, я буду тратить время, данное мне Общиной, на бесполезные древние развалины? Хм! Иди туда сама, если уж так хочется, с этими глупыми людьми. Честно говоря, меня совершенно не привлекает это путешествие. Я лучше потрачу время и силы на обустройство лагеря, чтобы оправдать доверие Элхама.

В эту ночь Ироедх так волновалась, что не смогла уснуть.

Глава 3. Знак Выжившим

На следующее утро, когда Ироедх направилась к «Парижу», Блоч уже ожидал ее около корабля. Рядом с ним стояла женщина по имени Дулак и мужчина — О'мара. У последнего на плече висел прямоугольный кожаный ящик. Блоч держал в руках волшебное оружие.

— Фотоаппарат, — ответил О'мара на вопрос Ироедх, что это такое. Но она так ничего и не поняла.

Блоч пояснил:

— Это волшебная машина, которая делает картинки с изображением увиденного. Мы берем его с собой во все экспедиции.

— А это что? Украшения? — Ироедх кивнула на ряд медных скрепок, болтавшихся на ремне Блоча. К каждой из них было прикреплено несколько маленьких медных цилиндрических штуковин.

— Они предназначены для этого, — Блоч кивнул на трубочку из темного металла.

— Что ты говоришь?.. Не заставляй меня ругаться при молодой леди, ведь я не говорю на ее языческом диалекте, — раздраженно заметил О'мара.

Ироедх, не понимавшая их разговор, вела своих спутников по дороге, по которой автини вошли в долину. О'мара издал какой-то особый пронзительный звук, точно такой же, как Суббарау днем раньше.

— Что это? — спросила Ироедх.

— Мы называем это свистом, — пояснил Блоч, и показал ей, как это делается. Она попыталась повторить, но у нее так ничего и не получилось.

Потерпев фиаско, она отказалась от дальнейших попыток и заявила:

— Блоч, вы задавали много вопросов о наших кастах. Может быть, вы расскажете мне об отношении полов в Терране?

После того, как Блоч просветил ее по этому вопросу, Иродх спросила:

— Ваши мужчины получают от этого большее удовольствие, чем наши?

— Откуда я знаю? Мы ведь не можем измерять счастье счетчиком. К тому же я не очень хорошо знаком с вашими соплеменниками, чтобы судить об этом. Некоторые наши мужчины считают такие взаимоотношения с женщинами просто замечательными, другие же находят их чрезвычайно утомительными.

— Какими?

— Возьмем, к примеру, Суббарау. Он несчастлив, потому что его женщина отказалась хранить ему верность, пока он отсутствовал дома. Ведь его космические путешествия длились годами. Вот она и оставила его ради другого мужчины. А он родом из страны под названием Индия, где к вопросу о верности супругов друг другу подходят очень серьезно.

— Но вы, должно быть, сильно стареете во время таких путешествий!

— Нет, потому что мы используем эффект Лоренц-Фицжеральда, который замедляет время, пока мы летим в космосе почти со скоростью света. Поэтому те, кто находится на борту корабля, тратят во время путешествия ту же часть времени, которую и те, что остались дома.

— Я что-то не очень хорошо понимаю вас.

— Откровенно говоря, я тоже. Но все происходит именно так. Конечно, все это тяжело для супругов путешественников, оставшихся дома. Поэтому те, кто остается на Терре, обычно принимают лекарства, с помощью которых погружаются в глубокий сон, во время которого они почти не стареют, пока их любимые отсутствуют.

— А как обстоит дело с вами? У вас есть такая подруга? И если есть, то она на корабле, вместе с вами, или осталась на Терре?

— Я одинок, у меня нет подруги. Но я вполне удовлетворен таким положением вещей.

— Все это похоже на жизнь наших трутней.

— Видимо, да, хотя я и не граблю людей, как это делают они, насколько мне известно.

— А как насчет мисс Дулак? — спросила Ироедх, оглядываясь на Барбару Дулак, которая с серьезным видом шагала за О'марой. Ноги у Ироедх и Блоча были длиннее, чем у их компаньонов, и это позволяло им идти быстрее.

— Она несчастлива в личной жизни.

— Почему?

— Она и... мужчина, который идет рядом с ней... вы можете представить их влюбленными?

Прошло несколько минут, прежде чем был найден синоним. Наконец, Ироедх воскликнула:

— Понимаю, что вы имеете в виду! Мы называем это «преданностью Общине», но в древности это понятие использовалось для выражения нежных чувств к себе подобному. О таких переживаниях поется в некоторых старых песнях, рассказывается в стихах... Скажите, а все ли ваши мужчины могут испытывать подобные чувства?

— Некоторые в большей степени, чем другие. Культура моего народа, например, отводит существенную роль этим чувствам, тогда как соплеменники Суббарау относятся к этому вопросу гораздо проще.

— Но вы же сами сказали, что он несчастлив в личной жизни...

— Мне кажется, его в большей степени волнует уязвленное самолюбие, чем потеря любви.

— А что произошло с теми двумя?

— Они... у них есть договоренность быть все время... вместе, как я уже вам говорил.

— Это что-то вроде того, как трутня посвящают во взрослую жизнь и он дает обет служить королеве?

— Да. Они обручились, но вскоре Барбара поняла, что ее нареченный совсем не такой, как она думала. Таких, как он, мы называем хулиганами...

— Ху-ли-ган... как это понять?

— Словечко такое... Он настоящий тиран, с ужасным характером, а ей это, конечно, не нравится.

— Еще бы!

— Как вы понимаете, она не смогла его по-настоящему полюбить, и не находилась бы с ним так долго, если бы не совместный полет на корабле. Но она все-таки разорвала

помолвку, и он до сих пор в бешенстве. Он смог лишь настоять на том, чтобы мы сегодня вместе занимались тем, что нам не очень приятно.

— Он несчастлив, поэтому хочет, чтобы и остальным было плохо?

— Что-то вроде этого.

— У нас тоже встречаются работницы, похожие на него, — заявила Ироедх, подумав о Род.

— К тому же, он страшно ревнует Барбару ко мне, — помолчав, добавил Блоч. — Дело в том, что она все время работает со мной, помогает делать образцы, обрабатывает записи.

— Почему, разве вы влюблены в нее?

Блоч удивленно посмотрел на Ироедх, а затем перевел взгляд на следовавшую за ними пару.

— Я... что? Нет, конечно же, нет. Но он-то думает, что дело именно в этом.

Ироедх показалось, что его протест прозвучал как-то слишком резко, поэтому она не была убеждена в искренности Блоча, и спросила его:

— Может, вы все-таки влюблены, но не хотите признаться в этом, потому что боитесь гнева этого сильного мужчины?

— Но это же просто смешно... Давайте лучше поговорим о чем-нибудь другом.

— Давайте, если хотите. Хотя, боюсь, я так и не смогу понять ваших таинственных мужчин. Любовь в вашем понимании не может быть такой уж ценной, если она всех делает несчастными... А вот мы и пришли.

Она повела своих спутников по тропинке, которая ответвлялась от дороги, проложенной в долине. Блоч спросил:

— Ироедх, вы когда-нибудь слышали о других космических кораблях, кроме «Парижа», которые приземлялись бы в этих краях?

— Нет. Существуют, правда, древние мифы о богах, пришедших с небес, но никто в них не верит.

— Это было сравнительно недавно, несколько лет назад. Совместная Оризинско-Тотианская экспедиция...

— Что за экспедиция?

— Она была укомплектована людьми с планет Оризин и Тот, которые находятся в системе Проциона. Процион — вторая по яркости звезда в вашем небе.

— Вы имеете в виду Ноолед?

— Да, если вы так ее называете... Оризианцы внешне похожи на животных, которые впряжены в ваши колесницы, только целиком покрыты чешуей, а тотианцы небольшого роста, нам по пояс, и покрыты волосами. Их корабль, судя по присланным отчетам и фотографиям, приземлился на ваш континент. Через несколько дней после прибытия они послали на разведку группу, на которую напали. Когда единственный оставшийся в живых вернулся на корабль...

— А кто на них напал? — спросила Ироедх.

— Судя по донесению, автини. Возможно, это была шайка трутней, о которых вы рассказывали. Во всяком случае, выживший астронавт рассказал жуткую историю о том, что капитан-оризианец, которого звали Фафашен, запаниковал и приказал команде тут же вернуться в их систему. Оризианцы слишком импульсивны —и эмоциональны для космических исследований.

— Я ни о чем подобном не слышала, но, видимо, это случилось очень давно и далеко отсюда. Дело в том, что обычно какая-нибудь одна Община не знает, что происходит на территории другой. Людей, которые интересуются делами всего племени, подобно мне, считают странными.

— Я слышал об этом, — кивнул Блоч.

Тропинка вилась по склону.

Бронзовым топориком, который висел у нее через плечо, Ироедх попыталась рубить растения, которые то и дело путались под ногами.

Блоч, увидев это, предложил:

— Позвольте-ка мне!

С этими словами он достал какой-то механизм, который Ироедх никогда прежде не видела.

Предмет напоминал нож, но в несколько раз больше. Один его конец был прямым, а другой — изогнутым, причем лезвие — на одну треть шире, чем рукоятка. Единственный взмах этим инструментом — и на земле остался лежать огромный пучок сорняков.

Ироедх собралась уже выразить восхищение, но сдержалась. Она тут же поняла, что эта вещица могла великолепно служить оружием, непонятно только, почему никто из автини не придумал такую же. Возможно, Блоч подарит ей это сокровище. Нужно только не подавать вида, что она очень в нем заинтересована. Как знать, может, правила пришельцев не позволяют им обучать местных жителей пользоваться такими вещами?

— Как вы называете это приспособление? — спросила она как бы невзначай.

— Мачете.

— Мачелт, — повторила Ироедх, бессознательно дав слову автиникское окончание, характерное для обозначения инструментов.

— А как вы называете подобные вещи?

Ироедх решила, что в данной ситуации уместнее всего будет слово «нож».

— Валх... А вы используете его как оружие?

Блоч помолчал, обдумывая ответ.

— Наверное, кто-то и использует, хотя он несколько тяжеловат для этой цели. Несколько столетий назад наши предки сражались с помощью подобных орудий. Их называли мечами. Клинок у них был острый и сужался к концу. Сейчас же, если начинается война, мы используем ружья... А чем пользуетесь вы в подобных случаях?

Ироедх слукавила:

— Подобные ружья есть в некоторых наших Общинах, хотя автини и предпочитают копья... Можно мне подержать ваше ружье?

— Только будьте с ним осторожны, — предупредил Блоч.

Ироедх с опаской взяла в руки оружие. Но тут же самодовольно улыбнулась, представив, как целится из него в когонибудь из ваармских арсууни. Пли!..

Но как раз в этот момент к ним подошел О'мара вместе с Барбарой Дулак. Они поторопили своих спутников.

— Пойдемте. Сейчас покажу вам, как нужно расчищать дорогу.

С этими словами фотограф ринулся в заросли, размахивая направо и налево мачете. Листья и ветки деревьев тут же посыпались в разные стороны.

Потом путники стали расчищать дорогу по очереди, все, кроме Барбары Дулак, которая для этого была слишком мала ростом. Вскоре рубашки людей с небес потемнели от пота. Оба мужчины стянули их с себя, чтобы легче было дышать. Ироедх смотрела на них, словно зачарованная, и затем спросила:

— Доктор Блоч, как же это получается? Вы утверждаете, что вы — действующий мужчина, а на самом деле у вас и у О'мары грудь, как у работников автини. У вас она даже лучше развита, чем у нас.

— А у ваших трутней разве нет груди?

— Нет... Вы уверены, что вы — действительно мужчины?

Блоч рассмеялся:

— Вообще-то я всегда был уверен, что это так.

Но Ироедх все никак не могла успокоиться:

— А почему маленькая Барбара не сняла рубашку? Я хочу посмотреть, как она выглядит раздетой.

— Это — против наших правил.

По просьбе Барбары Дулак Блоч перевел ей последнюю часть этого разговора. Ироедх никак не могла понять, почему Барбара покраснела, а О'мара громко рассмеялся.

— У этих язычников совершенно нет стыда. Не обращайте внимания, давайте работать, — сказал фотограф, вытирая тыльной стороной ладони пот со лба.

Хотя Ироедх и не поняла все из сказанного, ей показалось, что Блочу не понравилось, как к нему обратился О'мара. С мрачной улыбкой на лице он молча продолжал расчищать дорогу в зарослях.

Ироедх обернулась к Барбаре Дулак. Конечно, трудно общаться, когда знаешь лишь несколько слов языка собеседника, но всегда можно помочь себе жестами, какими-нибудь характерными звуками. В данном же случае процесс общения был затруднен тем, что английский — не родной язык Барбары. Она приехала из Хелветии или, как говорили остальные люди с небес, из Швейцарии.

— В наших местах тоже встречаются языковые несоответствия, — начала Ироедх. — Арсууни, например, называют себя Аршуул. Дело в том, что в их языке и в нашем — разные окончания слов, к тому же у нас нет звука «ш». Поэтому мы и называем их арсууни.

Но тут наступила очередь Ироедх расчищать путникам дорогу, и ей стало не до разговоров. Наконец, они поднялись на вершину холма, откуда хорошо была видна вся долина. Какое-то время тропинка вилась почти по отвесному склону, где росло лишь несколько пучков сорняков. Хотя тропинка и была проложена когда-то вполне удачно, время и ненастная погода сделали ее труднопроходимой. Каждый шаг давался путешественникам с трудом, и они с опаской переставляли ноги. То и дело кто-то из них наступал на какой-нибудь мелкий камешек, и тот летел вниз.

Наконец, Ироедх кивнула куда-то в сторону:

— А вот и развалины.

— До них еще нужно добраться, — вздохнул О'мара, вытирая рубашкой пот со лба.

Через полчаса они подошли совсем близко к древней крепости. Блоч показал на мощную каменную кладку, каждый блок которой весил не менее нескольких тонн, и спросил:

— Интересно, каким образом строители доставили сюда эти камни?

Ироедх пожала плечами.

— Не знаю, возможно, они скатывали их с утесов. Древние вообще умели делать много такого, что нам неподвластно.

— А когда мы будем есть? — спросил вдруг О'мара.

— В любое время, когда захотите, — отозвался Блоч.

Все тут же, как по команде, достали съестные припасы. Ироедх, прожевав печенье, стала расспрашивать своих спутников, чем питаются люди.

— Вы хотите сказать, что ваши мужчины едят растительную пищу, а женщины мясо?

— Да, но бывает и по-другому, — кивнул Блоч. — А почему бы вам самой не съесть кусочек мяса?

— Это невозможно! И не только потому, что противоречит нашим законам. Представьте себе: работница всю жизнь питалась только растительной пищей, и вдруг съедает кусок мяса. Она тут же отравится и умрет в мучениях. Хотя тысячи лет назад, еще до реформ, работницы и употребляли такую пищу, в наши дни это считается дикостью.

О'мара тем временем достал бутылку с какой-то желто-коричневой жидкостью, откупорил ее и отхлебнул.

— Где вы это взяли? — спросил Блоч.

О'мара усмехнулся в ответ.

— Позаимствовал у доктора Марковича, когда он не видел. Глотните-ка!

Он протянул бутылку Блочу, который нерешительно взял ее в руку и отхлебнул немного из горлышка.

Барбара Дулак с интересом наблюдала за происходящим:

— Это виски? Дайте и мне немного, пожалуйста!

О'мара с хитрым видом усмехнулся.

— А как насчет нашей гостьи? Может, и ей стоит попробовать?

Но Блоч предостерег Ироедх:

— Будьте осторожны. Только маленький глоточек. Вам может стать нехорошо.

Ироедх откинула голову назад, как это делали остальные. Она не привыкла пить из такого сосуда, и жидкость тут же заполнила весь рот. Ей показалось, что она проглотила целое ведро раскаленного угля, и она тут же закашлялась. Буквально через секунду половина выпитой жидкости оказалась на земле.

— Я... я отравилась, — еле слышно прошептала она между приступами сотрясавшего ее кашля.

Блоч стал испуганно похлопывать ее по спине. Когда, наконец, Ироедх немного пришла в себя, он распорядился:

— А теперь пошли к развалинам.

О'мара недовольно заметил:

— Вот сами и пробирайтесь, если хотите. А мне нужно немного вздремнуть. Пока солнце стоит так высоко, среди развалин будет неуютно.

— Я бы тоже хотела немного отдохнуть, — согласилась Барбара Дулак.

— А как вы считаете, Ироедх? — спросил Блоч.

Та в ответ зевнула.

— Вы не против, если я тоже немного вздремну? У меня глаза сами собой закрываются.

— Только не говорите, что глоток виски возымел на вас такое действие!

— Я так не думаю, просто плохо спала прошлой ночью.

— Это из-за кофе. Ну что ж, вздремните, а потом я вас разбужу.

О'мара в очередной раз зевнул и приспособил свой рюкзак как подушку. Барбара Дулак поинтересовалась у него:

— Джон, а вы не сгорите на солнце, если будете спать полураздетым?

— Здесь не так уж много ультрафиолетовых лучей, чтобы по-настоящему сгореть.

Ироедх попросила перевести, а затем спросила:

— Ваше солнце очень отличается от нашего?

— Да, очень сильно, — пояснила Барбара Дулак. — Оно выглядит примерно в два раза больше и в четыре раза ярче. Нам кажется, что ваше солнце выглядит как большой апельсин — это один из наших фруктов — на небе.

— А что вы называете нашим солнцем?

— Лаланд 21185. Это номер в звездном каталоге.

Ироедх хотела спросить, что это за звездный каталог, как вдруг увидела, что Барбара свернулась калачиком и закрыла глаза. Привыкшая к самым неприхотливым условиям для сна, Ироедх растянулась на разбитом тротуаре форта, положив под голову камень вместо подушки.

Через некоторое время Ироедх разбудили голоса попутчиков. Она попыталась опять уснуть, но звук громкого шлепка грубо вернул ее к реальности. Впечатление было такое, словно кто-то рукой сильно ударил по обнаженной плоти.

Ироедх открыла глаза, и увидела Барбару Дулак, которая то спотыкалась и падала, то поднималась. Красные полосы на ее щеке ясно свидетельствовали о том, что только что раздавшийся шлепок был звонкой пощечиной. Барбара закричала от страха, когда О'мара зарычал, наступая на нее:

— Сейчас я покажу тебе, каково это насмехаться над честным человеком!

Он двинулся к девушке неуверенной, качающейся походкой. Ироедх, заставив себя приподняться, увидела пустую бутылку, лежавшую на камнях.

Ироедх была уверена — происходящее непозволительно в мире людей. Но как представитель другого рода она не считала возможным для себя вмешиваться в происходящее. Как раз в этот момент из-за полуобвалившейся стены показался Блоч. Он направился к О'маре, пытаясь его успокоить:

— Что здесь происходит? Постойте, ведь так нельзя...

Тот закричал в ответ:

— Это все ваших рук дело! Вы не посмеете увести мою девушку!

Блоч застыл в нерешительности. Он явно испугался и был обескуражен. Барбара что-то сказала ему, но Ироедх не поняла ее слов. Видимо, они как-то приободрили Блоча, потому что тот весь напрягся и решительно двинулся к О'маре.

Хрясь! Огромный кулак О'мары со всего размаху врезался в лицо Блоча. Голова его тут же откинулась назад, и он рухнул на камни.

О'мара усмехнулся:

— А сейчас вставай и сражайся как подобает мужчине, иначе я...

Блоч поднялся. Сначала его движения были медленными и неловкими, но уже через несколько мгновений к нему вернулась уверенность. Ироедх, с ужасом наблюдавшая за происходящим, никак не могла понять, почему никто из них не попытался взять ружье или мачете, которые были сложены возле стены.

Такой метод разрешения конфликтов был совершенно неприемлем для Общин автини, где насилие, кроме как во время войны, королевской битвы и Чистки, было неизвестно.

С глухим рычанием О'мара наклонил голову и бросился в атаку, как бык. Блоч напрягся и выставил перед собой сжатые в кулаки руки. Затем он стремительно отклонился в сторону, выбросив при этом ногу прямо на нападающего. О'мара споткнулся, и его отбросило к невысокому парапету крепости, который сохранился со стороны утесов. Он перелетел через парапет. Ироедх увидела, как в воздухе мелькнули ботинки О'мары, и затем он исчез из виду.

Послышался крик, а потом звук ударившегося о выступ скалы тела.

Трое путешественников поспешили к парапету и посмотрели вниз. Прошло несколько томительных секунд, и Ироедх, разглядев далеко внизу темное пятно, поинтересовалась:

— Посмотрите-ка, а это не он повис на ветках дерева?

Остальные посмотрели туда, куда она показывала. Блоч достал какой-то маленький черный предмет со сверкающими окулярами и посмотрел в него.

— Да, это он. Ему уже не поможешь.

Он протянул подзорную трубу Ироедх. Она с изумлением посмотрела в окуляр и тут же вернула диковинку Блочу.

— Да, я уверена, он мертв, — вздохнула она, а потом растерянно произнесла: — Мне страшно. Я не могу понять ваших обычаев. Почему О'мара спрыгнул со скалы — из-за любви к Барбаре, или это дань какому-то церемониалу?

Она умолкла, заметив, что собеседники не обращают на нее никакого внимания. Они о чем-то говорили на своем языке, и по лицу Барбары Дулак текли слезы. Ироедх поняла, что у терранцев это символизирует горе. Но как же так? Ведь эта женщина не любила О'мару, он оскорблял ее. Отчего же такое проявление чувств? Возможно, конечно, О'мара был настолько значим для терранской Общины, что его смерть подвергала риску само ее существование?..

Она уловила слова, которые уже понимала: «ужасно» и «любовь». Вдруг Блоч и Барбара обнялись, прильнули губами друг к другу, и при этом мисс Дулак заплакала еще горше.

Наконец Блоч обернулся к Ироедх:

— Вы видели, что случилось, не так ли?

— Да, хотя я все еще не совсем понимаю, что же произошло. О'мара покончил с собой?

— Нет. Он пытался убить меня, или что-то в этом роде. Но когда я толкнул его, он случайно упал и перелетел через парапет. У нас же, если кто-то убивает другого из корыстных целей...

— Это примерно то же, как когда мы убиваем лишних трутней или ненужных работниц для пользы Общины?

— Нет. Это похоже на то, если работница автини убила другую просто потому, что не любила ее, или потому, что другая работница имела что-то...

— Но такого у нас просто не может быть! — воскликнула Ироедх.

— Ваши грубые трутни бросаются иногда на работниц, чтобы украсть у них еду или что-нибудь из вещей, разве не так?

— Но это совсем другое. Работница никогда не бросится на своего товарища из той же Общины, если только у нее не будет на то приказа Совета.

— У нас все несколько по-другому. Подобное действие называется «убийством», и за него наказывают смертной казнью или длительным тюремным заключением.

— Под «длительным тюремным заключением» вы подразумеваете, что виновного морят голодом до смерти? Но это странно...

— Нет, его кормят, дают кров, хотя все это выглядит и не совсем обычно.

— Тогда в чем же состоит наказание? Некоторые наши ленивые работницы ничего бы лучшего и не пожелали...

Блоч нервно пригладил остатки волос.

— Давайте не будем сейчас обсуждать этот вопрос. Просто позвольте мне объяснить ситуацию. Если я вернусь на корабль и расскажу товарищам, как все произошло в действительности, некоторые из них решат, что я убил О'мару из-за нашего с ним соперничества, связанного с Барбарой. Я, конечно, не думаю, что меня могут признать виновным... Ведь Барбара может свидетельствовать, что это была самооборона. Но все же случившееся сильно повредит моей репутации на Терре...

— Если ваши законы могут оправдать смерть, то почему кто-то может обвинять вас?

— Во всяком случае, моя карьера может быть поставлена под сомнение. Поэтому Барбара и я не будем упоминать о происшедшей стычке. Мы просто скажем, что он выпил слишком много виски, хотел покрасоваться перед нами, пройдясь по парапету, но в итоге упал на скалы.

— То есть вы хотите обмануть вашу собственную Общину?

— Не совсем так. Мы просто расскажем часть правды. Ведь, в конце концов, он действительно много выпил и сорвался с парапета.

— Странное все-таки племя — люди. А что вы хотите от меня?

— Просто не опровергать наш рассказ. Не говорите ничего о нашей драке.

Ироедх задумалась.

— Разве это будет правильно?

— Мы думаем, что да. Не вижу ничего хорошего в дознании, а возможно, и в судебном разбирательстве. Ведь мы лишь защищали себя.

— Что ж, я ничего не скажу. Но, поскольку я уже проснулась, давайте расскажу вам об этих развалинах.

— Нет, нет, сейчас не до этого! Нам нужно вернуться обратно, доложить о гибели О'мары и попытаться достать его тело.

— Зачем? Ведь его одежда, инструменты — все пришло в негодность.

— У нас такой обычай, — пояснил Блоч, собирая свои пожитки.

— А вы съедаете тела своих мертвых? Или варите хотя бы из них суп, как мы?

Барбара Дулак испуганно вскрикнула, а Блоч вздохнул:

— У нас это не принято. Мы хороним умерших с должными почестями.

Ироедх вздохнула:

— Что за странные обычаи!.. Давайте я помогу вам собрать вещи.

Блоч протянул Ироедх фотоаппарат О'мары, его сумку и мачете и повел своих спутниц к кораблю. Они пошли по тропинке, на этот раз гораздо быстрее, потому что мешавшие им раньше заросли были уже расчищены.

На обратном вещи О'мары, которые Ироедх приходилось тащить в руках, доставили ей немало хлопот. А сама Ироедх все думала о том, в какое же неприятное положение попали ее компаньоны. Хотя она и была настроена к ним вполне дружелюбно, как, например, к какому-нибудь ручному животному, сердце ее принадлежало прежде всего родной Общине. Поэтому она без колебаний собиралась использовать создавшуюся ситуацию в свою пользу, если представится такой случай.

Она вспомнила забытый эпос «Баллада об Идхиосе», в последней части которого рассказывалось, как трутень Идхиос использовал в собственных интересах знание о любовной связи королевы Винир с трутнем Сантиусом. В конце концов, он заставил королеву украсть для него Сокровище Инимдхада. Это было в те стародавние времена, когда работницы высиживали яйца, а королевы имели единственного трутня, которого звали королем, и тот осмеливался диктовать королеве, с кем она могла иметь интимную связь.

Имея дело с представителями примитивной общественной организации, подобной обществу людей или собственных далеких предков, можно было выторговать у них все, что угодно, грозя так или иначе дискредитировать их. Могла ли она заставить Блоча помочь Элхаму в борьбе с Тваармом, угрожая рассказать о случившемся Суббарау? Сейчас Ироедх казалось, что она знает, как решить проблему, возникшую перед ее Общиной. Она уже представляла, как Блоч косит ряды ненавистных арсууни с помощью своего волшебного ружья.

Но тут же радужное видение исчезло. Блоч не был главным человеком в своей Общине. Она не могла использовать свои знания, чтобы подчинить себе весь экипаж «Парижа» и помочь тем самым Элхаму. Ведь их командиром был Суббарау, над которым она не имела никакой власти.

Она может попробовать заставить Блоча одного вернуться в Элхам, чтобы сражаться на стороне автини. Но это тоже вряд ли сработает. Являясь членом хорошо организованной Общины, Ироедх понимала, что Блоч вряд ли так поступит.

Не давала ей покоя еще одна мысль.

— Барбара!

— Да? — откликнулась та.

— Нет ли в вашем космическом корабле одной из тех машин, с помощью которых можно определить, когда человек обманывает?

— Да, есть. Но никто не хочет, чтобы на нем испытывали эту машину. Однако, если человек отказывается, сослуживцы становятся очень подозрительными.

Итак, Суббарау вовсе не надо будет искать доказательства неблаговидного поведения. Нужно только возбудить его

подозрительность, и истинная причина смерти О'мары выплывет наружу.

Значит, она может заставить Блоча выдать некоторые технические секреты, которые дадут автини преимущества перед врагом. Если, например, он одолжит ей на некоторое время свое ружье... Сомнительная уловка! Ведь ружье — сложный механизм, и если не уметь им правильно пользоваться, то оно может сделать дырку в стрелке, а не в мишени. Если говорить честно, Ироедх просто боялась оружия людей с неба. Кроме того, к их оружию надо иметь запас маленьких медных штучек, без которых оно бесполезно.

Но есть ведь и кое-что попроще — мачете, ножны которого то и дело хлопали ее по бедрам при ходьбе. С этим оружием любой разберется.

Потом она вдруг вспомнила продолжение баллады об Идхиосе. Когда торжествующий Идхиос отвернулся от королевы, разглядывая сокровище, Винир вонзила нож в его спину и убила его. Позже она объяснила, что Идхиос пытался овладеть ею без ее согласия. В современной общине такая ситуация была немыслима, но в древности такое, по всей видимости, бывало часто, и насилие считалось серьезным преступлением.

Отсюда следует вывод: если ты пытаешься заставить представителя какой-то примитивной общественной организации сделать что-нибудь для тебя, угрожая в случае неподчинения раскрыть его секрет, прими меры предосторожности, чтобы тебя самого не убили.

Однако раз в балладе есть подобное предупреждение, то в ней говорится и о том, как найти выход. Древний текст повествует о том, что Идхиос написал донесение о взаимоотношениях королевы Винир с Сантиусом и оставил его своему другу Гунесу, попросив передать его королю Аитлесу — официальному королевскому трутню, если с Идхиосом что-нибудь случится. Поэтому, когда королева убила Идхиоса, Гунес сразу же передал донесение королю. В конце древней баллады рассказывается о том, как придворные короля Аитлеса держали королеву Винир и ее возлюбленного, перекинув через оконные проемы. В итоге король отрубил им головы, которые спустя несколько мгновений с шумом упали в ров.

Хотя благодаря своим занятиям Ироедх и мыслила более широко, чем кто-либо из работников автини, даже она не могла представить себе без содрогания казнь королевы ее трутнем. Нет ничего удивительного в том, что все Общины автини запретили «Балладу об Идхиосе»!

Однако сможет ли помочь ей какой-нибудь тщательно разработанный план?..

Путники почти уже добрались до центра долины Глиид. Тропинка стала шире, и Блоч с Барбарой Дулак пошли рядом, держась за руки. Казалось, они не обращали никакого внимания на Ироедх.

Сначала Ироедх раздражало, что ее игнорируют. Но потом она стала размышлять, как обернуть их увлеченность друг другом в свою пользу. Она сильнее стиснула мачете в руке. Возможно, рассказав товарищам о происшедшем и организовав поиски тела О'мары, они так никогда и не вспомнят о нем.

Вслух Ироедх сказала:

— Если вы хотите, я отправлюсь в наш лагерь и попрошу начальника назначить кого-нибудь из наших помочь вам доставить труп к кораблю.

— Это было бы прекрасно. Спасибо, Ироедх, — как-то рассеянно отозвался Блоч, и вновь обратил все свое внимание на Барбару.

Ироедх тут же побежала к главной дороге, прижимая к себе вещи О'мары.

Глава 4. Вертолет

В лагере автини оказалась единственная работница — Вардхх. Ироедх спросила ее:

— А где Род?

Вардхх кивнула в сторону космического корабля.

— Она там. Пытается найти что-нибудь полезное. А как у тебя дела? Иноедх волновалась, что они убили тебя...

— Сходи, дорогая, за Род, пожалуйста, — попросила Ироедх.

Вардхх послушно отправилась выполнять поручение. Ироедх подошла к своей колеснице, взобралась на нее и откинула покрывало на сиденье, которое к тому же служило и сундуком. Там она хранила свой плащ и другие вещи. Завернув мачете в плащ, она положила клинок в свой тайник, затем опустила сиденье, поправила покрывало, а сверху положила фотоаппарат и другие вещи.

В эту же минуту раздался недовольный голос Род:

— Ну, что? Будут они сражаться на нашей стороне?

От неожиданности Ироедх даже подпрыгнула. Она не ожидала, что Род подкрадется так беззвучно. А та, хотя до сих пор носила тунику, доходившую до бедер, поправила кирасу и юбку таким образом, что совершенно спокойно могла подойти совсем близко, не производя никакого шума. Еще было время, пока не подойдет Блоч, показать Род мачете и объяснить, что его необходимо отлить в бронзе, чтобы в дальнейшем использовать в битве с врагом.

— Не совсем так, но у меня есть... — начал Ироедх.

— Что ты имеешь в виду, говоря «не совсем так»? Будут они сражаться на нашей стороне или нет?

— Нет, но...

— Опять у тебя ничего не получилось! Мне бы следовало подумать, прежде чем дать тебе шанс попробовать. Еще один день прошел попусту, и арсууни наступают! Думаю, ты совершенно забыла о нашей миссии и, все время находясь

с пришельцами, обсуждала с ними разные глупости и древности! Но ведь это же все чушь, бессмыслица... Во всяком случае, я не допущу, чтобы это повторилось опять. Завтра тебе целый день придется охранять лагерь, пока я буду обхаживать Блоча.

С этими словами Род повернулась и ушла. Ироедх от отчаяния стала кусать губы. На ум ей пришли мысли о вторжении врагов, об их бесчинствах, о том, что с их племенем может случиться то же, что произошло в древности с местными жителями.

В отчаянии она закричала:

— Род!

— Ну что еще?

— Я пыталась рассказать тебе, как один из них упал со скалы и разбился. Они хотят принести обратно его тело. Ты можешь расположить их к себе, если организуешь помощь.

Род сердито обернулась.

— Пусть люди следуют своим глупым законам, а я буду следовать своим.

— Тогда я пойду...

— Нет, не пойдешь! Ты уберешь территорию, где находятся наши животные и принесешь им свежего корма. Иди и работай!

Ироедх протянула ей вещи О'мары — все, кроме спрятанного ею мачете.

— Тогда тебе лучше вернуть все это людям. Вещи принадлежали погибшему, и его товарищи будут искать их.

— Хм... Дай-ка мне взглянуть на них.

Род взяла вещи и, отойдя в сторонку, стала рассматривать их с разных сторон. Потом направилась к космическому кораблю, и заходящее солнце позолотило медь на ее шлеме.

«Теперь даже если люди и начнут искать пропавшее мачете, то установить, кто за это в ответе, будет очень трудно, — подумала Ироедх. — Ведь вещи, принадлежавшие О'маре, пройдут через множество рук».

Ироедх достала лопату, и отправилась наводить порядок в лагере. Теперь уже никакие муки ада, описанные в древних стихах, не заставят ее показать Род мачете. Она будет

прятать его до тех пор, пока не найдет наилучшего для себя применения.

Размышления ее прервал голос юной Вардхх:

— Ироедх, дорогая! Не расстраивайся ты так из-за грубости Род. Я уверена, ты сделала все, что от тебя зависело, просто она сейчас в плохом настроении. К тому же у нее был тяжелый день.

— А что случилось?

— Сегодня утром она решила встретиться с начальником пришельцев. Облачилась в доспехи, хотя день обещал был жарким, да люди и не придают такого уж значения церемониям. Мы попробовали образумить Род, но она прикрикнула, чтобы мы заткнулись; она, мол, знает, как должны проходить встречи лидеров — люди не одобряют наготу во время официальных встреч... Потом она направилась к кораблю и попыталась заставить первого встреченного ею человека отвести ее к Суб... ну, ты знаешь, такой толстый, загорелый, их предводитель. Человек не понял, что она ему сказала, и Род подумала, что она просто должна говорить громче. Вскоре они перешли на крик. Шум привлек внимание начальника, он вышел из корабля и спросил, что случилось. Когда он подошел ближе, Род попыталась говорить с ним таким же образом, но — безуспешно. Тогда он с помощью знаков и нескольких автиникских слов, которые знал, дал понять, что занят, и она не может войти в корабль, потому что там делают уборку или что-то в этом роде. После этого начальник пришельцев вернулся к себе... Какое-то время Род ходила вокруг и наблюдала за людьми. Некоторые из них чистили корабль, покрывали его краской в тех местах, где она облупилась. Все это ей было понятно. Но другие делали что-то такое, что Род понять не могла. Некоторые из них навалились на большое волшебное приспособление, похожее на какой-то зрелый плод, из середины которого выглядывали три лепестка. Когда она спросила, что они делают, один из них сказал что-то по-своему и захлопал в ладоши, изображая, как ей показалось, бег жеребца. В конце концов, Род решила, что люди таким образом занимаются любовью... Несколько человек тем временем принесли какое-то большое круглое сияющее приспособление, примерно два фута в диаметре.

Когда один из них подбросил его в воздух, то оно взлетело прямо на небо. Другой же в это время рассматривал его сквозь некий волшебный прибор. Другие стали выдергивать сорняки, или переворачивать камни, чтобы поймать ползающих под ними насекомых. Род считает, это глупое занятие для взрослых людей, но Авпанд думает, что они, возможно, употребляют насекомых в пищу... Один из пришельцев — тот, у которого почти черная кожа и закрученные спиралями волосы, — сидел на корточках перед какой-то коробкой и туда-сюда крутил маленькие ручки, приделанные к ней. Он не обратил никакого внимания на Род, даже когда она заговорила с ним. Когда он не ответил и на третье обращение, Род уколола его в ягодицы копьем. Он подпрыгнул с возмущенным воплем и что-то закричал по-своему. Он явно не хотел, чтобы его беспокоили. После этого Род отказалась от попытки понять этого неразумного парня. Для себя же она сделала вывод, что терране, должно быть, погрузили в этот корабль всех своих ненормальных людей и отправили его куда подальше, чтобы избавиться от них.

— И все-таки ей не следовало вымещать на мне зло, — заметила Ироедх, продолжая выполнять свою работу. Она попыталась издать звук, который Блоч называл свистом, но у нее ничего не получилось.

Вардх ответила:

— Ты, конечно, права, дорогая. Давай, я помогу тебе. И все-таки это очень интересно, правда? Совсем как в этом стихотворении:

Когда боги с небес к нам спустились,
Зерна истины в землю легли...

Мы могли бы назвать этих небесных пришельцев богами, а их волшебные знания — зернами. Если бы только людей можно было уговорить посеять их!

Ироедх заметила:

— Ты всегда цитируешь нечто подобное. Насколько я помню, одно из стихотворений начинается так:

Корона Королевы Оборванцев
Из света соткана —
Какая еруна!
Кто видел Королеву Оборванцев
Ведь ими-то и править-то нельзя!

— Не знаю, не знаю. Видимо, эта маленькая терранская женщина и есть Королева Оборванцев, ведь, по-видимому, у нее нет собственного гарема, состоящего из бездельников.

Вдруг какой-то шум, раздавшийся со стороны «Парижа», привлек их внимание. Оказалось, это вернулись Блоч и Барбара Дулак. Послышалась терранская речь, было видно, как на борт корабля что-то загрузили. Все это время шлем Род возвышался над толпой людей. Потом от толпы отделилась небольшая группа, направившаяся по дороге к Знаку Выжившим.

Ироедх закончила уборку и помогала своим младшим товарищам приготовить ужин. Вскоре к ним присоединилась Род. За едой все помалкивали. Ироедх была уверена, что члены их небольшого отряда симпатизируют ей, но не хотят показывать это Род, чтобы не вызвать ее гнев. Вардхх же выказывала Ироедх свое расположение тем, что села рядом и услужливо передавала все блюда, прежде чем Ироедх успевала попросить об этом.

Когда они мыли посуду, группа, отправившаяся за телом О'мары, вернулась. Три младшие работницы бросили работу и побежали посмотреть на происходящее.

Род попыталась загладить свою вину:

— Прости, что я так грубо говорила с тобой. Ты этого не заслужила, просто я дала волю эмоциям. Однако я по-прежнему считаю, будет лучше всего, если я завтра поговорю с Блочем.

— Да ничего, — пожала плечами Ироедх, хотя в душе она еще не до конца успокоилась. Чувство долга заставило Род признать свою ошибку, и это хорошо. Но все же поступать так, как она часто позволяет себе, не стоит.

Род между тем продолжила:

— Я не хочу быть излишне строгой с тобой, ведь порой ты проявляешь качества, присущие настоящей работнице.

И если будешь брать пример с меня, то сможешь подняться в Общине так же высоко, как и я.

— Спасибо, но я все же пойду своим путем, даже если он и бесперспективный.

Ироедх вымыла последнее блюдо и ушла. Она знала, что, отвергая предложение Род, приобретает в ее лице непримиримого врага. Но она не могла заставить себя раболепствовать перед той, которую так не любила, хотя Род именно так и поступила бы на ее месте.

Проснувшись посреди ночи, Ироедх лежала под сетью и смотрела на звезды сквозь щели между петлями. Мысли ее блуждали... Если она заслужит в Общине лишь уважение, то зачем ради нее рисковать головой? Почему бы не использовать свою власть, чтобы освободить Антиса? Конечно, потом она сделает все, что сможет, ради Элхама, но сначала нужно постараться ради Антиса. Даже если придется пойти в какой-то момент против Общины, что ж, пусть...

Итак, что мог Блоч сделать для Антиса? Он не мог полететь на «Париже» до Элхама — ведь для этого нужно использовать знания других членов команды. Если же они поедут на ее колеснице, это займет не меньше пяти дней, и они потеряют драгоценное время. И потом, даже добравшись туда, что он реально сможет сделать? Ведь Блоч не такой сильный, как она, и не сможет перепрыгнуть через стену Общины или повалить мощные ворота. Возможно, он смог бы разрушить их с помощью своего ружья. Но вдруг при этом погибнет кто-нибудь из жителей Элхама? Этого она не могла себе представить.

К тому же Блоч производил на нее впечатление существа трусливого, мудрого и миролюбивого. Он не был вторым Идиосом. Ее первое впечатление о терранах как о могущественных существах, презирающих физическую боль и слабость характера, в отличие от остальных, в том числе и самой Ироедх, сильно поколебалось после похода к Знаку Выжившим. Ведь, несмотря на развитие собственной науки, они были похожи на богов даже меньше, чем автини!

Почти бессознательно она еще раз сморщила губы, чтобы засвистеть. К огромному удивлению Ироедх, раздался именно тот звук, который она и собиралась издать. Она повторила попытку, прежде чем окончательно убедилась, что научилась свистеть.

Тогда Ироедх стала экспериментировать. Двигая язык взад и вперед, как учил ее Блоч, она обнаружила, что может менять силу звука. Попыталась воспроизвести одну из знакомых мелодий — «Песнь Гелиаде», которую нашла в одном из манускриптов с маленькими черными точками. Создатель песни, может быть, и не узнал бы свое произведение в исполнении Ироедх, но сама она результатом своих усилий осталась довольна.

— Что это за смешной звук? — послышался сонный голос Авпандх.

— Это ползет какое-то насекомое. Давай-ка спать, — отозвалась Род.

На следующее утро Ироедх хорошенько прибрала в лагере, и лишь после этого направилась к своей колеснице. Из ящика, в котором хранилось мачете, она достала дощечку для письма, сделанную из коры дерева, и написала на ней краткий отчет о смерти Джона О'мары. Потом оторвала и свернула верхний лист, разыскала Вардхх, которая с помощью ужимок изображала некоторые действия терран. Некоторые из них она воспроизводила совсем неплохо — особенно те, которые были связаны со сверкающими магическими приспособлениями.

Ироедх, оглядевшись по сторонам, шепнула:

— Идем-ка со мной. Вардхх, дорогая, ты можешь хранить секреты?

— Ради тебя? Конечно!

— Даже от Род?

Вардхх нервно огляделась по сторонам, но Род нигде не было видно, она явно беседовала где-то с Блочем.

— Особенно от нее. Хотя она — наш начальник, я не очень-то люблю ее! А сможешь сохранить секрет от Совета?

У Вардх от изумления расширились зрачки.

— О-о, это, должно быть, что-то ужасное. Но для тебя — смогу.

— Даже от королевы?

Вардх колебалась.

— Н-н... — да, смогу. Я никого из них не люблю так, как тебя. Я люблю тебя почти так же сильно, как Общину.

Ироедх протянула ей свернутый лист.

— Вот что ты должна сделать: спрячь это сообщение, только не читая его, в свою колесницу. Если со мной что-нибудь случится, например, я умру или меня возьмут в плен, передай его лично в руки капитану Суббарау. Конечно, если космический корабль будет все еще здесь и я не попрошу тебя отдать записку обратно. Только никому не говори ни слова об этом!

— Я понимаю, дорогая, — ответила Вардх.

Ироедх поспешно пошла прочь. Спустя несколько минут она подошла к кораблю и увидела, что несколько человек заняты машиной с «лепестками», которая так удивила Род. Барб Дулак стояла тут же, попеременно глядя то на машину, то на какую-то вещицу, одетую на ее палец.

— Можно мне посмотреть, что это? — спросила Ироедх.

Барбара протянула ей свою левую руку. Только сейчас Ироедх осознала, что у людей на руке на один палец больше, чем у автини. На среднем пальце Барб сверкал гранями драгоценный камень, подобный тому, какие делали в древности. Он был прикреплен к тонкому кольцу из серого металла.

— Его подарил мне Винстон, — пояснила Барбара.

— Что?

Сначала им было трудно понять друг друга, но потом Ироедх уловила смысл сказанного и воскликнула:

— Это очень мило с его стороны, не так ли?

— Больше, чем просто мило! Ведь мы дали обет друг другу пожениться!

— Ты имеешь в виду принятый у терран брачный контракт?

Барб вздохнула.

— Да. Мой бедный возлюбленный взял его с собой еще на Земле, но не решался сказать о нем, потому что боялся Джона

О'мару. Он — робкий старый кролик, но я бы любила его, даже если бы у него не было волос.

— Это очень мило.

— Ты не понимаешь смысла! Очень плохо, что твои соплеменники не понимают любовь так, как понимаем ее мы.

— Благодарю покорно. Но если ваша любовь заставляет людей сбрасывать друг друга с утесов, то я предпочитаю вашу. Кстати, а когда вы займетесь любовными утехами? Я бы хотела знать, как у вас это делается.

Из горла Барбары вырвался какой-то странный звук, как будто ей стало трудно дышать. Потом она закашлялась, и стала почти такой же пунцовой, как автини. Ироедх, не ожидавшая от нее такой реакции, подумала, что Барбаре что-то попало в дыхательное горло.

Но Барбара выпрямилась и сказала:

— Посмотри! Кенг почти готов снять!

— Снять — что? Свою одежду?

— Да нет же, вертолет.

— Вер...вертол...я все хотела спросить тебя, для чего он предназначен?

— Для того чтобы летать.

— Что делать?

— Летать по воздуху, — Барбара сделала вращательные движения руками.

— Теперь я понимаю, почему Род решила, что он связан с занятиями любовью... Скажи, а все ваши люди умеют управлять им?

— Нет. Кенг никого и близко не подпускает к штурвалу. Вертолетом управляет только он сам и Винстон.

Невысокий черноволосый человек с плоским желтым лицом забрался в машину, и люди, только что работавшие на ней, словно испарились.

Ироедх удивленно спросила:

— Доктор Блоч летает на нем?

— Он хороший пилот.

— И, должно быть, этим гордится?

— В некотором роде. Летающие машины, высокие должности и дикие звери не волнуют его, но любой человек, который наедет на него, заставляет Блоча отступать.

Поэтому мне придется доставлять позвонки, которых ему не достает.

— У бедняги не хватает костей? Но он ведь такой активный, совсем не выглядит калекой...

Пока Барбара объясняла Ироедх суть идиомы, вертолет издал звук, похожий на кашель, и потом зажужжал. Лепестки его завертелись все быстрее и быстрее, пока не подняли клубы пыли. Ироедх и Барбара отскочили в сторону, чтобы не наглотаться пыли. Они наблюдали за происходящим, пока Кенг не отрегулировал работу мотора и не смог преодолеть языковый барьер. Ироедх решила, что, хотя грамматика и лексика у терран достаточно простые, она не сможет точно воспроизвести их произношение, потому что ее органы речи значительно отличаются от человеческих.

— Как вы называете наш мир? — спосила она у Барбары.

— Мы назвали его Ормазд. А две планеты этой системы, на которых отсутствует жизнь, Митрас и Ариман — в честь древних терранских богов.

— А почему вы не позаимствовали наше название?

— Какое оно у вас? — спросила Барбара.

— Мы называем этот мир Нионидом.

— Это значит "земля" или " почва"?

— Да! А как вы поняли?

— Да ведь это обычная практика. Это название принято у всех Общин?

— Нет. Арсууни называют его Свеик.

— Что ж, тогда и мы должны подобрать подходящее имя, похожее на те, что приняты здесь.

Шум стремительно двигающихся лопастей все нарастал. Наконец, вертолет поднялся в воздух. Он подпрыгнул, набрал высоту... Вскоре винтокрылая машина закружила над долиной.

Ироедх спросила:

— Как быстро она летает?

Барбара пожала плечами.

— Примерно двести километров в час. Не знаю, как это будет в вашем измерении, но где-то в десять или двадцать раз быстрее, чем вы можете бегать.

— А может она перевезти больше одного пассажира? — Ироедх попыталась прикинуть, сколько времени займет полет до Элхама.

— Помещение внутри вертолета рассчитано на трех пассажиров, но поднять в воздух он может и большее количество.

— А как вы думаете, я смогла бы полететь на нем?

Барбара посмотрела на свою собеседницу в изумлении.

— А вы бы сами-то не побоялись?

— Если он может перевозить людей, то сможет перевезти и меня. К тому же, хочется испытать удачу... Можно попробовать?

— Я спрошу. Начальство не разрешает Кенгу брать нас в увеселительные поездки из-за ограниченного запаса топлива. Но вы ведь местный житель, и это особый случай. А вот и Лобос, один из руководителей; сейчас спрошу у него.

Бесстрастная внешне но взволнованная в душе Ироедх наблюдала, как ее хрупкая подруга-человек разговаривает с невысоким темноволосым мужчиной. Потом они оба направились к Суббарау, который тоже находился здесь, наблюдая за происходящим.

Через несколько минут Барбара сказала ей:

— Они не против, если Кенг посчитает, что это безопасно для вас.

Маленькая точка вдали стала увеличиваться, пока не превратилась в вертолет. Наконец, тот приземлился. Когда мотор умолк, Барбара подбежала к машине и заговорила с пилотом; потом подозвала Ироедх.

Пилот доброжелательно улыбнулся. Ироедх вскарабкалась в кабину и села там, где ей показал пилот. Она вертела в руках ремень безопасности, пока Кенг пристегивал ее.

И вот они взлетели. Ироедх, видя, как земля остается далеко внизу, так сжала ручки кресла, что у нее побледнели суставы. Ее охватил такой же ужас, как и тогда, когда она взбиралась на борт корабля. Но, сжав челюсти, она решила держаться и не посрамить свое племя в глазах этих страшных пришельцев.

— Вам нравится? — спросил Кенг.

Ироедх заставила себя открыть глаза и посмотреть сквозь прозрачный пол машины. Мало-помалу страх, сжимавший

сердце, стал отпускать. Она поймала себя на том, что рассматривает сверкающий нос «Парижа» и космический корабль кажется ей сейчас не больше булавки. Страх куда-то ушел, уступив место мысли о том, что, учитывая непредсказуемость терран, Кенг вполне мог выбросить ее из машины. Но она тут же отбросила эту идею. Если бы люди с небес действительно хотели убить ее, то сделали бы это гораздо проще. Она растянула губы в улыбке — не так, как делала это раньше, а подобно терранам. Самой Ироедх ухмылка пришельцев напоминала оскал хищного зверька, собирающегося укусить свою жертву.

— Мне... мне... нравится, — пробормотала она.

Земля теперь казалась рельефной картой, а люди — едва заметными точками. Ее страх полностью испарился. Где-то вдали спокойно дымила гора Висгад.

Она спросила по-английски, неуверенно подбирая слова:

— А вы могли бы опуститься... ниже... сбросить... веревку... чтобы сюда могли взобраться люди?

— Конечно. Эта машина может перевозить одновременно трех, даже четырех человек. Она очень выносливая. Сделана Воуттом, а это чертовски хорошая фирма.

Мало-помалу план спасения Антиса стал приобретать более четкие очертания.

Целый день Ироедх потратила на изучение английского букваря, который Блоч передал ей через Барбару. Род вернулась как раз перед ужином. Настроение у нее было еще хуже, чем прежде, и она ни с кем не захотела разговаривать. Солнце уже садилось, когда Ироедх выскользнула из лагеря автини и направилась к «Парижу».

Блоч расхаживал вокруг космического корабля, зажав в зубах какой-то необычный предмет. Он напоминал небольшую ложку с глубокой выемкой в форме ковша. Из этой выемки поднимались клубы дыма.

— Привет, доктор Блоч! — обратилась к нему Ироедх. — Вы что, вдыхаете огонь, как огромный червь Игог в балладе о Мантесе?

— Нет.

Он объяснил, что всего лишь курит табак.

— Вы поссорились с Род? Она в таком гневе, что даже для нее это чересчур.

— Это не совсем так. Мы с ней... Как бы это сказать поточнее?.. Плохо понимаем друг друга. Мы испытывали одни и те же трудности, когда она была здесь недавно.

— А что случилось сегодня?

— Началось все с того, что она говорила слишком быстро, чтобы ее можно было понять. А когда я попросил ее высказываться помедленнее, она восприняла это как оскорбление. Потом предложила мне сделку: если я вмешаюсь в вашу глупую войну, она попытается помочь нам организовать посещение ее Общины, если, конечно, на это даст согласие Совет. Вы что, говорили ей, что я высказывал такое пожелание?

— Нет, — ответила Ироедх.

— Создается впечатление, что она думает именно так. Когда я попытался объяснить, почему не могу этого сделать, она стала поучать меня, размахивая перед лицом копьем. Пришлось вежливо объяснить ей, что у меня есть работа, которую необходимо выполнить. Но когда я попытался получить интересующую меня информацию у самой Род, она не захотела общаться... Сегодня действительно был трудный день.

— Мне говорили, вы можете управлять летающей машиной.

— Это правда.

— И то, что машина может поднять с земли несколько человек с помощью веревки.

— Да. На дне специального отсека лежит сложенная веревочная лестница. Ее используют во время спасательных работ. В случае необходимости нужно просто нажать на рычаг, и она выпадет наружу.

— Вам не поздоровится, если капитан Суббарау услышит доподлинную историю о смерти О'мары, не так ли?

— Ш-ш-ш! Думаю, нам не стоит говорить об этом.

— Мы и не будем, если вы сделаете то, что я попрошу.

— Это что, шантаж?

— Да, если вы это так называете. Я вовсе не хочу поступать так, но мне необходимо спасти друга — Антиса.

— А кто это? Судя по имени — трутень.

Ироедх рассказала ему об Антисе, и в конце добавила:

— Только не вздумайте обманывать меня. Я написала отчет обо всем случившемся. Если со мной что-нибудь случится, его тут же передадут Суббарау.

— Разрази меня гром! А я-то думал, что вы слишком примитивны и невинны, чтобы мыслить под таким углом зрения! Вы действительно на такое способны?

— Да, конечно.

Блоч попытался выдвинуть свои аргументы. Он взывал ко всем чувствам Ироедх — чести, дружбы и так далее. Но это ее не тронуло. Она уже устала от этого бесполезного разговора, и все время думала об Антисе, которого будут разделывать, как рыбу, во время следующей Чистки.

Наконец, Блоч с горечью сказал:

— Можно подумать, у вас с этим Антисом любовь, по понятиям Терран.

— Что за отвратительная мысль! Любовь между работницами и другими существами, живущими в Общине, не имеет ничего общего с плотскими утехами.

— Что же вы конкретно от меня хотите?

— Вы дежурите сегодня ночью?

— Дежурю, но только до полуночи, — ответил Блоч.

— Тогда я хочу, чтобы вы отвезли меня на летающей машине в Элхам и похитили пленных трутней с помощью веревочной лестницы. Если аппарат летает так быстро, как об этом говорят, то мы сможем вернуться сюда как раз к полуночи.

— Но как вы все это себе представляете? Каким образом я смогу доставить их сюда, если они находятся в подземелье?

— Да нет же! Тюремная камера, в которой находятся пленники, находится в куполе королевского дворца. И к ней ведет специальный проход для стражников.

— А как же оттуда можно добраться в темницу?

— Там есть небольшое окошко с решеткой, через которое можно, согнувшись, попасть в камеру. Я бывала там довольно часто и знаю, как все устроить.

— Ну что ж, тогда можно попробовать. Но вы, надеюсь, не думаете, что я буду перегрызать решетку зубами?

— У вас, людей, есть волшебные устройства, которые разрезают металл словно воду. Сегодня я видела, как ваши товарищи пользовались ими.

— Похоже, вы предусмотрели буквально все. Но как мы сможем проникнуть во дворец ночью? Все это как-то необычно.

— Нам нужно добраться вдоль берега Алого моря до Знака Кхинама. Я хорошо знаю побережье.

— А как насчет стражников?

— Предоставьте это дело мне. Через час они будут спать... К тому же, стемнеет. Встретимся здесь, но вы должны взять с собой одно из ваших волшебных режущих устройств. А пока — до свидания, доктор Блоч.

— Черт бы вас побрал, Ироедх, — пробормотал он ей в спину.

Глава 5. Купол дворца королевы

Вертолет парил над Знаком Кхинама. Ироедх указала на территорию, вдали от моря. Там, подобно сложенным в кучку яйцам, среди полей и лесов маячили бледные купола Элхама.

— Нам надо туда, — объявила она.

— Вы прекрасно видите ночью. Я ничего не могу различить. Видимо, все дело в ваших необычных зрачках, — заметил Блоч.

Он направил машину туда, куда указала Ироедх. Через несколько минут она увидела стену, окружающую Общину. Она походила на ободок колеса, в центре которого возвышалось несколько куполов.

Под руководством Ироедх он повел машину вниз, к куполам.

— Вон тот, в центре, и есть купол королевы. — указала Ироедх. — Видите круг рядом с его верхушкой? Это и есть балкон для стражников. Вон то темное пятно над кругом — окно темницы, где содержат трутней. Видите?

— Да.

— Тогда опустите вашу лестницу, я спущусь по ней.

— Вылезайте и аккуратно спускайтесь по ступенькам. Следите внимательно, когда будете прыгать, — ночь сегодня ветреная.

Блоч дернул рычаг. Внизу послышался какой-то механический звук, перекрывший шум мотора и свист лопастей, и тут же открылась дверь люка. Ироедх села на его край, спустив ноги вниз. Наклонившись вперед, она уставилась в черное пространство и с трудом различила две или три ступеньки веревочной лестницы, болтающейся под ударами ветра.

Вознеся молитву к Гвууру, Ироедх осторожно нащупала ногой первую ступеньку лестницы, потом то же самое сделала другой. Наконец, она ухватилась руками за верхнюю ступеньку лестницы, замерла на несколько секунд, собираясь с духом, а потом стала потихоньку спускаться. И прежде чем Ироедх осознала это, она уже находилась под вертолетом, сжимая, что было силы, свою ненадежную опору. Плащ то и дело закручивался вокруг ее туловища, вертолет раскачивало порывами ветра.

Страх упасть камнем вниз буквально парализовал Ироедх, и она едва смогла заставить себя посмотреть вниз, опуститься ниже хотя бы на ступеньку. Когда же она взяла себя в руки, то увидела, что машина быстро приближается к вершине королевского купола, как раз под таким углом, что нижний конец лестницы вот-вот коснется прохода для стражников.

Ироедх быстро спустилась по оставшимся до нижнего края ступеням лестницы. Сквозь шум мотора она услышала мелодию, которую кто-то наигрывал на флейте, и голос:

— Эй, там! Кто вы?

Стражница стояла в нескольких шагах от Ироедх. Она приготовилась к бою, выставив вперед копье и слегка откинув назад голову, прикрытую шлемом. Хотя ночь была темная, и при свете звезд невозможно было узнать противника в лицо, Ироедх не сомневалась, что на лице стражницы застыло выражение недоумения. Прошли какие-то секунды, показавшиеся ей годом, и паривший в воздухе вертолет доставил Ироедх к месту назначения. Она спрыгнула с лестницы. Ее рука тут же метнулась к шее, чтобы развязать шнурок, удерживавший на плечах плащ.

Ироедх не хотела, чтобы Блоч знал, что она завладела мачете О'мары, поэтому не взяла его с собой. Не собиралась она прибавлять к своим проступкам против Общины еще и убийство. Поэтому она бросилась на стражницу с копьем. Но та не растерялась: накинула на острие копья Ироедх свой плащ, выбив таким образом оружие из её рук, а потом бросилась на противника.

— Кто ты? — голос стражницы перекрывал шум ветра.

Ироедх молча вскочила на ноги, стараясь уклониться от сыпавшихся на нее ударов. Одной рукой она подхватила

свой плащ, а другой, ухватившись за древко копья противницы, пыталась сдержать удары...

Но эта стражница была вовсе не новичком к тому же одной из самых массивных работниц всей Общины в Элхаме. Ироедх со страхом увидела, что плащ выскользнул у нее из рук, когда противник потянул на себя копье. Еще рывок — и плащ отлетел в сторону, уносимый порывом ветра. Враг вновь двинулся на нее, но Ироедх выставила вперед руку, чтобы защититься от удара. Сейчас уж стражница точно не промахнется!

Теоретически даже тренированная работница, атакованная таким образом, имела мало шансов уклониться от древка копья и вырвать его у нападающей. Ироедх же теперь не была обременена почти ничем, кроме волшебного режущего металл механизма, прикрепленного к поясу. Это давало ей явное преимущество. Но чтобы достать режущий металл механизм нужно было несколько мгновений. А их у нее не было. Ироедх понимала, что удача покинула ее. Один удар противника — и копье повредит её жизненно важные органы.

«По крайней мере, если я умру, то меня не будет волновать смерть Антиса», — решила она. Миссия ее провалилась. Содрогнувшись от этой мысли, она закрыла глаза и сама бросилась на копье противницы. Пусть смерть её будет быстрой...

Но Ироедх не умерла. Когда она открыла глаза, то увидела, что стражница бросила копье и бросилась бежать — ее испугал усилившийся шум мотора вертолета.

Должно быть, Гвуур услышал молитвы Ироедх! Блоч, да будет он благословлен, кружил возле купола. Он опустил машину так низко, что почти коснулся шлема работницы, охранявшей купол.

Клац! Щит стражницы выпал из ее рук и ударился о камни. При этом разбилась одна из декоративных бронзовых пряжек, которые обычно используют для крепления щита на колесницу. Щит покатился вниз по лестнице. Стражница тут же бросилась за ним.

— Быстрее! — приказал Блоч из открытого окна своей винтокрылой машины.

Ироедх побежала по балкону. Казалось, ее босые ноги не издают ни звука — все потонуло в шуме мотора и грохоте

доспехов стражницы, несущийся вниз по лестнице. Тем временем Ироедх нащупала режущий металл инструмент людей с небес, прикрепленный к ее поясу.

Несколько ловких прыжков — и Ироедх оказалась перед окном камеры, в которой томиться трутень.

— Антис! — нежно окликнула она его.

В ответ тут же послышался хорошо знакомый голос:

— Неужели это ты, Ироедх? Что происходит на Ниондe, и как ты попала сюда? Я думал, ты в Глииде?

— Сейчас нет времени все объяснять. Ты и твои товарищи готовы бежать отсюда?

— Мы бы с радостью... но как?

— Предоставь это мне. А сейчас отступи-ка назад!

Ироедх нащупала кнопку, с помощью которой можно высвободить режущий инструмент. Нажала на нее, и тут же на самом кончике показалась тоненькая полоска огня. Тогда она включила инструмент на полную мощность. Тут же из кончика инструмента посыпался целый сноп искр, и он легко разрезал толстый бронзовый прут решетки. Блоч предупреждал Ироедх не направлять луч света на себя, чтобы ее тоже не разрезало на части. Он называл этот инструмент электронным ножом. Впрочем, название Ироедх ничего не говорило.

Потом она услышала голос стражницы где-то далеко внизу. Она подняла тревогу. Вжик! Это поддался другой прут, а потом и третий. Тогда Ироедх направила инструмент на нижние концы прутов решетки. Вжик! Вжик! Вжик! Два прута со стуком упали через окно на пол камеры. Вслед за ними повалился и третий, и тут же раздался крик трутня:

— Ой, мой палец, как больно!

Ироедх выключила инструмент и вложила его в футляр, а потом спросила:

— Теперь сможете вылезти наружу?

Антис отозвался:

— Не знаю. Один из нас должен поддерживать другого, чтобы мы смогли дотянуться до прутьев.

Наконец, после нескольких вздохов голова и плечи Антиса показались в оконном проеме.

— Дай-ка мне руку, дорогая, — воскликнул он.

Ироедх потянула трутня что было силы, и, наконец, он выбрался наружу. Едва Антис выпрямился во весь рост, как в окне показался Кутанас, которому нужно было тоже помочь.

Внизу, во дворе, послышался звон оружия и голос стражницы, взволнованно рассказывающей своим товарищам о происшедшем. В любую минуту они могли отправиться вверх по лестнице и наброситься на беглецов.

Кутанас и Антис нырнули обратно в темноту камеры, подхватили за запястья Дуоса и стали тянуть его вверх. Но когда половина его туловища показалась уже в окне, он застрял в нем.

— Концы прутьев впиваются мне в тело и не отпускают! — прошептал он жалобно.

— Может, оставим его тут? — спросила Ироедх, которую не очень-то заботило, что случиться с Дуосом. Ведь Антис был спасен.

Но ее друг рассердился:

— Нет! Мы, трутни, должны всегда держаться вместе. Упрись ногами, Кутанас, и давай тянуть его!

Кутанас вздохнул:

— Говорил же я ему не есть так много... Ну как, готов?

Они потянули еще раз, и Дуос выскользнул из окна словно зуб, вырванный из десны.

Он тут же жалобно заныл, потирая ушибленные места.

— Ой! Ой! Теперь я не смогу сидеть несколько дней.

Вдруг внизу послышался шум, который ни с чем нельзя было спутать — это поднимались по лестнице вооруженные работницы. И тут же раздался голос офицера:

— Поднимайтесь по одному и держите копья наготове...

— Бло-оч! — громко закричала Ироедх в темноту.

— Я здесь, — отозвался он, направляя вертолет прямо к окну.

Дуос попятился, как только машина приблизилась к ним, и собрался бежать прочь. Но Ироедх остановила его:

— Я буду сейчас подниматься по веревочной лестнице, которая висит вон там. Вы делайте то же самое. Я заберусь внутрь, а вы оставайтесь на лестнице, пока машина не перенесет вас через стену и не опустит где-нибудь на землю.

— Я боюсь! — запричитал Дуос.

— Тогда оставайся здесь, и пусть тебя прихлопнут, — огрызнулась Ироедх. Она поймала ускользающую лестницу с третьей попытки и стала подниматься по ней...

Кучка стражниц приближалась к тому месту, где скопились пленники. Ироедх было хорошо видно, как они поднимаются по ступеням с пиками наготове. Прямо под ней карабкался по веревочным ступеням Антис, а за ним еще двое беглецов. Наконец, она залезла в раскачивающуюся кабину машины, слишком взволнованная, чтобы испытывать страх, и проскользнула на свое место.

— Вперед! — скомандовала она Блочу.

Блоч заработал рычагами, и машина стала резко набирать высоту. Стражницы издали дружный возглас изумления, когда оказались на месте, откуда Дуоса только что подняла какая-то неведомая сила. Двое стражниц попытались метнуть в него копья, но он был уже слишком высоко. Копья упали на камни и с грохотом покатились в разные стороны.

Как только Ироедх уселась на место, Антис просунул в люк свою голову:

— И что теперь?

— Мы высадим вас на поле, за стеной, — ответила Ироедх. Когда доберетесь до леса к северу, окажитесь у подножья холмов Лханваед. Наблюдайте за дорогой, ведущей из Тхидхена. Когда я вернусь из Глиида, встречу вас у Кхинама. Я издам такой вот звук...

И она стала насвистывать мелодию из «Песни о Гелиаде".

— Как ты это делаешь? — удивился трутень.

— Я научу тебя, когда будет свободное время. А сейчас смотри-ка, мы перелетаем через стену. Приготовься прыгать.

Антис сказал что-то Кутанасу, который висел на несколько ступенек ниже, когда вертолет приблизился к полю. Ироедх подумала, что сельскохозяйственный офицер будет в бешенстве, когда обнаружит, что спелое зерно на скошенной полосе практически полностью вытоптано.

В это время Дуос спрыгнул, но как-то неудачно — так, что Кутанас упал на него, и они оба покатились прямо в грязь. Антис приземлился на ноги и, выпрямившись, закричал:

— До свидания, дорогая!

Он быстро побежал в сторону леса, на север, крикнув товарищам, чтобы они следовали за ним.

Ироедх повернулась к Блочу:

— А сейчас... Отвезите меня в лагерь... О, прутха!

— Что это такое?

— Я оставила плащ на куполе... Стражники обязательно найдут его.

— На нем написано ваше имя?

— Нет. Но я обязательно узнала бы его — по дырам, которые когда-то заштопала. Но когда я вернусь в лагерь без плаща, а на месте спасения трутней обнаружат бесхозную одежду, обязательно найдется кто-то, кто сопоставит эти факты. Но все же нам не следует возвращаться, чтобы забрать его. Я не смогу незаметно забрать плащ.

— Тогда скажите окружающим, что вы передали его Барбаре в обмен на одну из милых женских безделушек. Я же при случае скажу, что сам видел это.

Утром Род спросила:

— Мне кажется, прошлой ночью я слышала, как летающая машина людей поднялась в небо, а спустя некоторое время прилетела обратно. Ты знаешь что-нибудь об этом, Ироедх?

— Ничего, — спокойно ответила работница, укладывая печенье в коробку.

— Мне это не нравится. Вы все в течение дня не покидайте территорию лагеря, и я не хочу, чтобы вас вовлекали в дела этих опасных и безнравственных людей.

Ироедх и остальные молча обменялись взглядами. Род же стянула ремнем юбку, просунула голову в шлем, подняла копье и направилась прямиком к «Парижу».

Тем временем в лагерь заглянула Барбара Дулак. В вытянутой руке она держала золотистого цвета коробочку. Подойдя к Ироедх, она сказала громко — так, чтобы услышали все:

— А это вам, дорогая Ироедх. Большое спасибо за чудесный плащ.

— Что это значит? — спросила Вардхх.

Барбара улыбнулась в ответ.

— Просто мы с Ироедх обмениваемся подарками — вещами, сделанными в наших прекрасных мирах.

Иноедх сильно удивилась:

— И такую маленькую вещицу вы даете за плащ? А для чего она нужна?

— Терранские женщины используют ее, чтобы стать более привлекательными, — ответила Барбара.

— Но как? — еще больше удивилась Авпандх.

Барбара открыла маленькую коробочку.

— Прежде всего, здесь есть... как вы называете зеркало?

Пока выяснялось значение этого слова, работницы столпились вокруг диковинки, чтобы каждая из них могла получше рассмотреть свое изображение. Ироедх, хотя и была знакома с зеркалами из полированной меди, которыми пользовалась королева, готовясь к встречам со своими трутнями, все же изумилась точности изображения в небольшом овале, помещавшемся рядом с прессованной пудрой. Словно смотришь в крошечное окошечко в другой мир.

Вытащив из кармана маленький пушисты диск, Барбара сказала:

— Возьмите и эту вещицу. Это пуховка для пудры. У нас считается, что лоснящийся нос выглядит ужасно. Держите же, Ироедх.

Барбара легонько дотронулась пушистым диском до носа Ироедх. Та невольно вдохнула пудру и тут же чихнула.

Барбара улыбнулась.

— А теперь воспользуйтесь помадой. Намажьте рот вот так... Вам нужен более темный тон, потому что кожа у вас — почти такая же красная, как эта помада.

Барбара чуть отступила назад, чтобы получше рассмотреть свою работу. Трое подруг посмотрели на Ироедх и радостно заверещали.

Барбара прищурилась и спросила:

— Что это за звук? Он похож на то, как ухает сова.

Юные автини объяснили, что таким образом они смеются. И стали настаивать на том, чтобы Барбара последовала их примеру. А потом Вардхх спросила:

— А зачем нужно так раскрашивать лица? Вы таким образом готовитесь к какой-то церемонии?

— Можно сказать и так. Но прежде всего, это способ поймать в свои сети мужчину, — пояснила Барбара.

— Вы имеете в виду те случаи, когда мы сгоняем лишних трутней, чтобы убить их во время Чистки?

— Нет, это намного более приятная церемония.

Как только остальные отошли в сторонку, чтобы обсудить свои дела, Барбара шепнула Ироедх:

— Винстон рассказал мне о вашем путешествии прошлой ночью. Это было просто капризом, Ироедх?

— Знаю, но что я могла сделать? Он все еще сердится на меня?

— Сначала он действительно сердился — из-за того, что вы заставили его рисковать жизнью. А ведь это был вовсе не его роман. Но я думаю, что поступила бы точно так же, окажись он в тюрьме и имей в душе некую толику романтики. Я сказала ему, что он — бесхарактерный старый кролик без сантиментов, которого ничего не волнует, кроме научных рекордов и хорошего мнения начальников в правительственном департаменте, на который он работает. Поэтому сейчас он несколько смягчился.

— А что такое «романтика» и «сантименты», о которых вы говорите? Это имеет какое-нибудь отношение к пониманию любви терран?

— Очень большое. Эти понятия трудно объяснить, но... вы умеете читать по-английски?

— Немного. Я знаю, как произносятся буквы, и даже могу перевести некоторые простые фразы.

— Хорошо, что англичане реформировали свою орфографию не так уж давно. Раньше она была настолько ненормальной, что вы бы с трудом одолели ее. Я дам вам терранскую книгу, которую взяла с собой на Ормазд, и вы многое поймете.

— Вы слишком добры! — растрогалась Ироедх.

— Да нет, ничего особенного, и я ее уже прочитала. К тому же, коллеги не любят, когда кто-нибудь берет с собой на корабль книги — из-за лишнего веса. Здесь библиотека состоит из маленьких карточек — фотографий, на которых

изображен текст. Его можно прочитать с помощью специальной машины, которая увеличивает изображение. Но я люблю читать в постели, а держать подобную машину у себя на коленях как-то неудобно. Поэтому я и взяла с собой настоящую книгу.

— А что все-таки написано в этой книге?

— В ней нет никакой научной информации, но, прочитав ее, вы поймете, какой смысл мы вкладываем в понятия «романтика» и «сантименты».

— А как она называется?

— «Девушка из Лимберлоста». Ее написал американский писатель Портер. Впервые она была напечатана более ста лет назад , но по некоторым причинам недавно переиздана. И я нашла один из экземпляров в книжном магазине в Женеве. Это самая сентиментальная история, которую я когда-либо читала. Думаю, она вам понравится.

Вскоре в лагерь вернулась Род и, взглянув на подчиненных, закричала:

— Что вы сделали со своими лицами?

Когда Вардхх, запинаясь, стала объяснять, Род прервала ее:

— Достаточно! Немедленно смойте эту грязь! Вижу, вас нельзя оставлять рядом с людьми, иначе они заразят вас своими глупыми обычаями. Мы сейчас же отправляемся в Элхам.

Но Ироедх возразила:

— Что? Мы ведь не закончили с ними... или они с нами...

— Нет, мы закончили все дела с людьми с неба. Сегодня утром я опять говорила с ними и окончательно поняла, что пришельцы непреклонны в своем решении не оказывать нам никакой помощи.

— Но они хотят узнать о нашем мире...

— А с какой целью? Чтобы легче было завоевать нас? Ты всегда была слишком доверчивой, Ироедх. В любом случае они могут узнать что-нибудь и от другой Общины. Нам же необходимо возвращаться домой, чтобы помочь в войне с Тваармом. Снимайтесь с лагеря, пакуйте снаряжение, чтобы поскорее отправиться в путь.

Ироедх начала складывать вещи и запрягать животных. Меньше чем через час все члены небольшой группы выстроились в шеренгу.

— Готовы? — рявкнула Род.

Она щелкнула хлыстом, и все пришло в движение. Животные узловатыми лапами потянули оглобли. Когда они выехали на дорогу, идущую вдоль долины Глиида, Ироедх повернула колесницу направо, в сторону «Парижа», вместо того, чтобы ехать налево, к Тхидхену.

Род тут же на нее закричала:

— Не туда! Ты ошиблась, Ироедх!

Ироедх откликнулась:

— Нет, не ошиблась, просто я собираюсь поговорить с одним из пришельцев. Вы поезжайте, я скоро догоню вас.

Род продолжала кричать:

— Сейчас же вернись обратно! Не смей делать подобные вещи!

Но Ироедх, словно не слыша этих криков, продолжала ехать направо.

Спустя четверть часа она уже догнала хвост процессии, теша себя мыслью, что терранская книга надежно спрятана на дне сундука в колеснице вместе с мачете О'мары. Род, возглавлявшая цепочку колесниц, строго кивнула головой, на которой красовался шлем, сделав вид, что она не заметила появления Ироедх.

Когда дорога стала шире, Вардхх подъехала к Ироедх и мягко сказала ей:

— Дорогая моя, не думаю, что она заставила нас уехать отсюда из-за плохого отношения к нам со стороны пришельцев. Мы многое могли бы сделать в течение еще нескольких дней.

— Тогда почему же мы уезжаем?

— Она наделала глупостей, противопоставив себя им, и теперь не может признать собственные ошибки. И она не может больше позволить тебе представлять нас, потому что если ты преуспеешь в этом, люди с неба станут доверять тебе.

— Видишь ли, меня всегда учили ставить на первое место интересы Общины, и лишь потом думать о собственной славе, — ответила Ироедх. Род раньше была такой же, не хуже остальных наших работниц, пока ее не стали снедать амбиции.

— Неужели это правда? Говорят, на следующих выборах она собирается выставлять свою кандидатуру на должность офицера по иностранным делам. Почему бы тебе не выступить против нее и не выставить свою кандидатуру? Мы все проголосуем за тебя.

— О пресвятой Гвуур, такая мысль никогда не приходила мне в голову! Ты хочешь, чтобы я суетилась из-за всей этой чепухи, вникала в каждую деталь? Но это совершенно не подходит для такого неисправимого мечтателя, как я.

Небольшой отряд возвращался в Элхам под проливным дождем, который шел, не переставая, весь день. Ироедх, отправив животное в конюшню Общины, прошла в свое жилище. В комнате отдыха она увидела некоторых из своих друзей и спросила, не началось ли вторжение Тваармских войск, которое все они ожидали со дня на день.

Тудх, отдыхавшая после ночного дежурства, сказала:

— Пока нет. Но тут творилось такое, что взбудоражило всех ничуть не меньше.

— И что же случилось?

— Ты разве не слышала об исчезновении осужденных трутней? Хотя, конечно, ты была далеко от Элхама. Ночью какая-то огромная черная летающая машина опустилась на королевский купол, вырвала решетки в окне камеры, выхватила оттуда узников и улетела с ними. Стражницы рассказывали, как бросились на это чудовище с копьями, но оно с легкостью разбросало их по лестнице, растолкав своими конечностями.

Ироедх обратила внимание на то, что в рассказе стражников не говорилось о том, что противниками были люди. Бедняги не могли догадаться и о том, что она тоже принимала в этом участие.

Тудх продолжила свой рассказ:

— Но самое интересное состоит в том, что на куполе мы нашли плащ. Стражницы, которые бросились туда, как только чудище улетело, клянутся все, как один, что это не их плащ. У трутней в камере тоже не было одежды. Прямо чудеса какие-то!

Сердце Ироедх тревожно забилось. А Тудх продолжала:

— Все это похоже на старые легенды, в которых рассказывается о том, что боги Тивинос и Дхиис спустились на Нионд, чтобы восстановить справедливость. В связи с этим некоторые работники поговаривают о возрождении древней религии.

— Все это выглядит довольно забавно. А что по этому поводу говорит Совет?

— Нас призывают не быть глупцами. И вот еще что: Совет отложил Королевское состязание на пять дней.

— Правда?

— Да. Я ставлю три к одному на Эстир, если ты согласна заключить пари. Эиуд пытается добыть поручение в Ледхвид и может попросить оракула предсказать результат этой миссии. Грувад собирается пройти сквозь все хитросплетения пророчеств, чтобы найти того, кто ей подойдет, а Ютид просиживает все свое свободное время на куполе, наблюдая за летающими существами и пытаясь найти в этом какое-то предзнаменование.

— И как только Интар терпит все это?

— Королева просто в бешенстве. Она считает это заговором, чтобы избавиться от нее. И говорит, что если ее плодородие ухудшилось, то это лишь из-за того, что трутни, которых ей поставляет Совет, плохо справляются со своими обязанностями.

У Ироедх все похолодело внутри. Она была уверена, что сможет как-то извлечь выгоду для себя из обладания мачете и предстоящего вступлением на престол Эстир. Только она не знала, как этого добиться. Ей придется действовать быстро, потому что, как только Род узнает о таинственном плаще, она вспомнит о полете вертолета той ночью, когда исчезли трутни, и тут же сделает соответствующие выводы.

— Может, отдохнем, поиграем? — предложила Тудх.

— Нет, спасибо. Терране одолжили мне одну любопытную книгу, и я сгораю от нетерпения быстрее прочитать ее.

Ироедх извинилась и отправилась в свою комнату за книгой. Ей не надо было докладывать о проделанной работе до следующего утра, поэтому она удобно устроилась в комнате отдыха, чтобы почитать в свое удовольствие. Ироедх даже отказалась от предложений друзей попрактиковаться в танцах, которые они собирались представить на предстоящей Королевской Конференции.

Но чтение продвигалось с трудом, несмотря на ее способности к лингвистике, о которых было хорошо известно в Общине. Все-таки ее английский был не так хорош, как она думала. Хотя значение некоторых незнакомых слов она могла понять из контекста или почерпнуть из букваря, который дал ей Блоч, другие, подобные, например, слову «ситец», ставили ее в тупик. Но все-таки основная нить повествования о женщине, потерявшей гибкость и проворство, ей была в целом ясна, несмотря на отличие терранской культуры и обычаев от человеческих.

Работница целиком была поглощена приключениями Элионоры Комсток, когда вдруг совсем рядом послышался чей-то голос:

— Ироедх, дорогая!

Она оторвала взгляд от книги и увидела, что рядом с ней стоит офицер, отвечающая за сельское хозяйство.

— У меня для тебя плохие новости, — объявила она.

Сердце Ироедх екнуло от страха. Неужели доказана ее вина в деле исчезновения трутней? Она застыла, словно ее парализовало.

Офицер, отвечающий за сельское хозяйство, тем временем продолжала:

— Род, вернувшись, предоставила начальству отчет. Ты же знаешь, какая она. Род сильно сгустила краски, рассказывая о трудностях, с которыми она столкнулась, сделав акцент на холодном недоброжелательном отношении к ней людей, некомпетентности и нарушении субординации со стороны младших по званию, в особенности некой Ироедх. Фактически, она потребовала, чтобы тебя понизили в должности. Вот отрывок ее доклада королеве:

— «Конечно, все мы знаем, что Ироедх просто снедают амбиции и она стремится занять пост офицера, отвечающего за связи с пришельцами. Она старается скрыть свои неудачи, чтобы получить поддержку от людей. По крайней мере, я-то это знаю точно, хотя мне пока не удалось убедить остальных членов Совета. Создается впечатление, у нее есть высокопоставленные друзья, которые считают, будто она изматывает себя работой на благо Общины. По крайней мере они неоднократно восхваляли ее! И это вызывает у меня глубокое сожаление».

Ироедх вздохнула с облегчением. Итак, это было все, в чем ее обвиняли! В обычной ситуации она пришла бы в бешенство от такого несправедливого обращения, но сейчас слова офицера принесли ей облегчение.

— Я ожидала худшего. Тебе же большое спасибо за то, что предупредила, — кивнула она.

Устав от чтения, Ироедх вернулась к себе в келью, чтобы обдумать дальнейший план действий. Род хотелось повидать Антиса и показать ему мачете, спрятанное под соломенным тюфяком. Она принесла его в свое жилище, завернув предварительно в сеть. Конечно, можно было бы вынести его, завернув таким же образом, но тогда кто-нибудь обязательно увидит её и заподозрит неладное — зачем это ей проводить ночь за пределами общины? Вот что ей сейчас крайне необходимо — новый плащ.

Она заполнила требование на получение нового плаща со склада, оставив пустой лишь графу, где должна быть подпись, взяла кусочек коры и косметику, которую Барбара Дулак подарила ей, и направилась в королевские апартаменты. Поскольку время для светских бесед еще не настало, она вошла туда без труда. С поклоном протянула королеве пудру и объяснила, как ею пользоваться.

— Это мне? Спасибо, дорогая Ироедх. Знаешь, ты ведь единственная из той группы, что была в Глииде, кто догадался привезти мне подарок, — проникновенно вздохнула Интар.

— Ну что вы, моя королева, какие пустяки. Правда, из-за этого у меня произошло небольшое недоразумение. Мне пришлось продать плащ, чтобы добыть для вас косметику.

Не будете ли вы любезны подписать разрешение на выдачу мне нового?

Королева Интар с готовностью расписалась на бланке и тут же вернула его Ироедх:

— Конечно, дорогая. Честно говоря, я не думала, что все так получится. Несправедливо, что на Совете хвалили Род и решили наказать тебя.

Ироедх отправилась с требованием на склад, и сразу же получила там новый плащ. Взяв в столовой еду, она направилась пешком в Кхинам. Завернутый в плащ мачете она держала под мышкой.

Добравшись до той части развалин, где они так часто отдыхали с Антисом, она уселась поудобнее, чтобы поужинать. Раскладывая перед собой еду, стала насвистывать «Песнь Глиида».

— А-а, вот ты где, красавица! — послышался веселый голос, и из проема в разрушенной стене показался улыбающийся Антис.

Ироедх испуганно вскрикнула и вскочила на ноги. Но уже в следующее мгновение они с Антисом сжали друг друга в объятиях. Лишь немного успокоившись, Ироедх заметила, что Антис похудел и как-то осунулся, а глаза его словно запали. И еще она отметила, что одет и обут он, как автини.

— Где ты все это раздобыл? — поинтересовалась она.

— Не задавай мне вопросов, и я сам расскажу тебе все без утайки. У тебя случайно нет с собой мяса?..

— Нет. Я думала о том, чтобы взять с собой несколько кусков. Но посуди сам: если бы я отважилась на это, меня бы обязательно спросили, зачем мне мясо.

— Я так и думал... — сказал трутень упавшим голосом. — Много бы я отдал сейчас за сочный кусок мяса!

— Ты что, так ничего и не ел после побега?

— Практически ничего. Видимо, ты забыла, что оставила нас в поле — голыми, как в тот день, когда мы появились на свет, даже без обуви. Впрочем, я-то ладно, мои ноги ко всему привыкли. А вот Дуосу и Кутанасу пришлось действительно нелегко.

— А разве вы не могли смастерить лук и стрелы, чтобы поохотиться и добыть себе мяса?

— А с помощью чего? Ведь для этого нужны инструменты. Я отправил Кутанаса в лес, чтобы он принес молодое деревце, из которого с помощью заостренного камня мы могли бы сделать копье. Но, похоже, мы покончим счеты с жизнью, прежде чем он принесет подходящую ветку. Мы пытались проникнуть за ограду и стащить один из саженцев, по безуспешно; территория слишком хорошо охраняется. Вчера я, правда, поймал какую-то мелкую зверушку руками, но каждому из нас досталось лишь по крохотному кусочку мяса.

Ироедх, покачав головой, протянула другу свой нож:

— Эх, вы, бедняги! Теперь хоть сможете вырезать копья.

Голодными глазами он уставился на печенье и овощи, которые ела Ироедх:

— Спасибо. Хотя, к сожалению, здесь неудачное место для охоты. Работники Элхама и Тхидхена давно уничтожили практически всю дичь. Для таких бродяг, как мы, остались лишь ползающие гады. Впрочем, я бы даже попробовал съесть то, что жуешь ты. Останавливает лишь страх умереть в конвульсиях.

— Может, ты хочешь вернуться в Общину?

— Если бы знать, что нас не проткнут копьями во время следующей Чистки, то почему бы и нет. Но боюсь, нас казнят как бродяг. Однако жизнь на грани одичания нас тоже не устраивает. Я очень скучаю о привычной пище, о тебе, обо всем том, чем обычно живу.

Ироедх сморщилась, желая показать, что не разделяет его настроение.

— Я хочу тебе кое-то показать, — наконец решилась она. — И у меня есть план, который, возможно, тебя устроит.

Она развернула плащ и достала мачете, вынув его из ножен. Антис с изумлением рассматривал оружие. Затем взял его в руки и, пока еще ничего не понимая, поднял его и стал рассекать мачете воздух.

— Это уже кое-что! Скажи, ты достала его у людей?

Ироедх рассказала другу об О'маре и его мачете:

— Люди называют это оружие «мачете». Но у тебя его быть не должно!

— Но почему? Я знаю одного оборванца, который научился кузнечному делу. Он мог бы сделать точно такое...

— Мы найдем ему лучшее применение. Ты знаешь, что через пять дней состоится Королевская Дуэль?

— Нет. Но какое отношение к этому имеет мачете?

— Я могу отдать его Эстир, сказав, что с его помощью она добьется победы. А она, в благодарность за это, употребит свое влияние на Совет и добьется для вас троих отмены наказания во время Чистки. И полного помилования, когда взойдет на престол.

— Хм-м, может, ты и права. Неплохая мысль. Но насколько хорошо ты знаешь Эстир?

— Не так уж и хорошо. Я встречалась с ней лишь несколько раз. Говорят, у нее взрывной характер.

— А почему ты так уверена в ее честности?

— Принцесса не будет лгать!

— Надеюсь. Но мне все же очень хочется заполучить это оружие. Когда держишь его в руках, чувствуешь себя менее уязвимым перед лицом капризной фортуны.

— Поверь, от него не так уж много пользы на охоте. То, что тебе действительно нужно, это крепкие лук и стрелы. Я постараюсь стащить их для тебя.

Глава 6. Королевская дуэль

Покои принцессы Элхама Эстир были окружены стражницами, чтобы она, мечтающая о троне, не сделала внезапной попытки занять престол. Но с помощью одного из офицеров Ироедх все же удалось добиться довольно быстро у нее аудиенции.

Поклонившись, Ироедх обратилась к принцессе:

— Желаю вам множества яиц, Принцесса... Скажите искренне, как вы оцениваете свои шансы?

Эстир явно готовилась к состязаниям. Она то и дело приподнималась, вставала на цыпочки и делала движения, словно пыталась метнуть копье. Фигура у нее тонкая и гибкая, а грудь высокая и упругая.

— Не знаю. Хотя думаю, что сейчас мои шансы лучше, чем когда-либо. Конечно, в бою необходима удача, но я в прекрасной форме, и предзнаменования говорят о том, что все сложится прекрасно, — сказала она лениво, растягивая слова, как обычно говорят в Арсууни.

— Мне кажется, я могла бы гарантировать вам победу.

Эстир пристально посмотрела на Ироедх, и ее узкие зрачки расширились от удивления.

— Ты действительно могла бы это сделать?

— Возможно.

— Но ты ведь хочешь получить что-то взамен, не так ли?

— Да, — призналась Ироедх.

— Так говори же.

— Вы знаете трех трутней, которые исчезли?

— Кто же их не знает? А что с ними?

— Они бы хотели вернуться в Общину.

— Неужели? Ну что ж, если их не смущает одна маленькая деталь — быть проткнутыми копьями, мы были бы рады их возвращению.

— Но, видите ли, Принцесса, как раз в этом все дело. Они хотят получить прощение и чтобы их избавили от Чистки.

— А ты-то откуда это знаешь? Признайся, браталась с ними? Но ведь это серьезный проступок с твоей стороны.

Ироедх в ответ усмехнулась:

— Не задавайте мне вопросов, и я не буду вам лгать. Просто примите к сведению, что они хотят именно этого.

— Итак?

— Если вы поможете им, я помогу вам победить на дуэли.

Эстир выглядела озадаченной.

— Ты просишь невозможное — это можно сравнить разве что с сокровищами Инимдхада! Ведь моя помощь беглецам может всерьез покачнуть всю нашу систему. Если ты задумаешься о том, как много трутней-младенцев мы должны будем убить, чтобы упорядочить численность населения, то поймешь: они должны быть благодарны уже за то, что им вообще позволили жить так долго.

— Но ведь нет ничего плохого в том, что они хотят еще пожить...

— А почему ты вообще так хлопочешь о них? Верная Общине работница должна проследить за тем, чтобы их поймали и уничтожили.

— Принцесса, я не собираюсь больше обсуждать этот вопрос. Если вы хотите выиграть битву, пообещайте выполнить мою просьбу. В противном случае я пойду к королеве.

Эстир задумалась.

— Ну что ж, будь по-твоему. Покажи мне свой трюк, научи как-то по-особенному молиться Гвууру или... что там еще? Если я одержу победу на дуэли, то обещаю простить трутней и освободить их от будущих Чисток. Но неужели ты действительно хочешь, чтобы им разрешили жить, несмотря на то, что они слишком стары, чтобы хорошо выполнять свои обязанности?

— Да.

— Хорошо. Вся эта история может мне в дальнейшем дорого обойтись, но у меня сейчас нет выбора.

Ироедх тут же развернула плащ, достала мачете и объяснила, как им пользоваться.

Желтоватые глаза Эстир заблестели от возбуждения.

— Это как раз то, что надо! Буду держать кинжал в правой руке для отражения ударов копьем противника, а потом сделаю им выпад...

Ироедх кивнула:

— Да, именно так им и нужно пользоваться, хотя мачете немного тяжеловат для этой цели.

— Жаль, конечно, что у меня нет времени попрактиковаться, но бедная старая Интар никогда не видела ничего подобного! Я обязательно напишу указ о прощении этих трутней, как только Интар умрет. И тут же договорюсь обо всем с Советом. Скажи своим трутням, чтобы обязательно пришли на дуэль. К ним никто не посмеет приставать, я уж об этом позабочусь!

— Благодарю вас, Принцесса.

Ироедх вернулась в свою келью и продолжила прерванное ранее чтение.

В день дуэли Ироедх помогала устанавливать сиденья для зрителей возле места поединка. Другие работницы с охоткой занимались ограждением и другим оборудованием. Ведь день Королевской Дуэли был своего рода праздником.

Одна из стражниц крикнула:

— Ироедх!

— Да?

— Двое из исчезнувших трутней находятся сейчас у главных ворот. Они утверждают, что получили прощение. Им необходим документ, чтобы пройти сюда.

Ироедх отбросила мысль найти в суматохе офицера, который мог бы сопроводить ее к воротам. Она поспешила туда сама. Еще издали разглядела ожидавших ее Антиса и Кутанаса, облаченных в украденные у каких-то работников плащи. Она провела их мимо насторожившихся стражниц, которые с угрозой подняли свои копья.

— А где Дуос? — спросила Ироедх.

Антис ответил:

— Он не пошел с нами, потому что не верит Эстир. Если говорить честно, то я тоже ей не доверяю. Но мне не хочется, чтобы она считала, что я ее боюсь.

— А как ты себя чувствуешь, дорогой?

— Не так уж и плохо. Мы убили какого-то дикого зверя и устроили настоящий пир.

— Да, выглядишь ты неплохо, — подтвердила Ироедх.

Он рассмеялся и хлопнул себя по брюху, которое значительно уменьшилось после побега.

— Неплохо — еще не прекрасно. Из-за такой жизни худеешь, не так ли? Не думаю, что это понравится королеве — кто бы ни стал королевой сегодня ночью. Лично меня предстоящая дуэль очень волнует. Я еще не вылупился из яйца, когда Интар убила Королеву Плигаур. Что будет, если Интар победит и на этот раз?

— В любом случае ее правление продлится лишь до захода солнца.

— Иначе мы подожжем лес и устроим пожар.

Они подошли к площадке, где вскоре должно было начаться состязание. Большинство работниц Элхама уже собрались там. Остальные направлялись сюда из строений Общины и с окрестных полей. Группа работниц, которую возглавляла Гогледх, прибыла сюда из Тхидхена. Они были вознаграждены за отвагу и усердие в боях. Билетерши старались сдержать напор толпы с четырех сторон. В одном месте целая группа работниц сидела на земле на корточках. Другая группа изображала некий военный танец.

Кутанас нарушил молчание:

— Я никогда еще не видел настоящую дуэль. Хотелось бы, чтобы эти вояки прекратили танцевать и размахивать копьями. Ведь хочется увидеть зрелище, ради которого все здесь собрались. Противники будут сражаться в доспехах или нет?

Ироедх покачала головой:

— Нет. В соответствии с существующими правилами они должны сражаться обнаженными, без щитов или каких-нибудь других защитных средств. Цель — быстрое достижение победы, причем победитель не должен быть ранен. Участники схватки могут использовать любое оружие, кроме такого, которое необходимо метать. Иногда они держат копье обеими руками, а иногда — копье в одной руке, а иногда — топорик или кинжал в другой.

Наконец, танцоры закончили выступление и покинули арену. Две работницы под руководством офицера выкатили на нее гигантский валик, чтобы лучше утрамбовать песок.

— Ироедх, эти трутни, что пришли с тобой, должны сесть в специально отведенном для них месте, — заметила одна из билетерш.

Ироедх помахала перед носом билетерши документом, добытым у Принцессы.

— Да-да, они — именно те, кто сбежал. Но, как видите, у них есть охранная грамота. Она дает им право на статус посетителей, поэтому, уверена, они могут остаться со мной.

— Посмотри-ка, — кивнул в сторону, перебивая ее, Антис.

Ропот толпы предвосхитил появление Интар и Эстир с противоположных концов арены. Каждую сопровождали помощники. Интар яно чувствовала себя не слишком уверенно. Эстир же двигалась легко и грациозно — как зверь, крадущийся за добычей.

— Все, безусловно, ставят пари на Эстир, — замтил Кутанас. — Но старая королева знает несколько трюков, о которых ее соперница никогда и не слыхивала.

— Ты, как видно, неплохо осведомлен, — удивился Антис.

Иностранный офицер (которая в отсутствие генерала была старшим членом Совета) стала зачитывать традиционную прокламацию, в которой объяснялась причина дуэли и говорилось о степени подготовки бойцов. Все это было произнесено таким монотонным голосом, что практически все работницы стали проявлять беспокойство и нервно ерзать.

— ...итак, на благо Элхама, вы вступите в эту священную борьбу не на жизнь, а на смерть, и пусть победит в ней лучшая королева! Начинайте!

Интар с трудом сдвинулась с места, ее заплывшее жиром туловище никак не хотело подчиняться приказам хозяйки. Эстир же, напротив, бросилась ей навстречу. Королева обеими руками держала обычное копье, которым часто пользуются стражники; у Принцессы в одной руке был зажат кинжал, а в другой она держала мачете О'мары. В толпе послышались изумленные возгласы при виде невиданного ранее оружия. Ироедх услышала обрывки фраз:

— Что это?.. Это нечестно...

— Почему мы не используем это оружие на войне?

— Я не хочу больше ставить на Интар!..

Вардхх, обращаясь к Ироедх, заверила:

— Уверен, победит Эстир. Вспомни слова оракула из Ледхвида:

Самка с изогнутым кинжалом
Сразит врага одним ударом,
Погубит королеву даром ,
Не проиграв ей даже в малом...

— Ты вспоминала это же самое высказывание в прошлом году, когда нас настиг мор, — напомнила ей Ироедх.

Королева тем временем собралась с силами, обхватив широко раскинутыми руками древко копья, и ринулась на приблизившуюся к ней Эстир. Принцесса стремительно отскочила в сторону и выставила вперед мачете. Интар парировала удар копьем — раздался лязг металла.

Обе — королева и принцесса — осторожно кружили, раз за разом делая короткие выпады или бросаясь в ложные атаки. Королева Интар делала выпады, затем быстро убирала копье, пытаясь стукнуть Эстир по лодыжкам утолщенным концом копья, чтобы сбить противницу с ног. В какой-то момент Эстир перепрыгнула через древко, и обрушила мачете на голову Интар. Королева успела выставить перед собой древко копья, и сталь мачете вонзилась в дерево.

— Я думаю, Эстир действует так медленно, чтобы истощить Интар перед заключительной атакой, — заметил Антис.

Противники вновь стали кружиться, то и дело бросаясь друг на друга. Но затем вдруг последовал целый шквал ударов и выпадов.

— А-а-а! — взревела толпа.

Эстир не сумела быстро увернуться от обрушившегося на нее удара, и наконечник копья ранил её в плечо. Сначала со стороны казалось, что ничего страшного не произошло. Но вскоре показалась струйка крови, а потом кровь с ее пальцев стала капать на песок.

Вперед, назад, отражение удара, бросок, выпад. Так они продолжали до бесконечности. Интар вдруг бросилась вперед и сделала выпад с неожиданной для нее ловкостью. Эстир парировала удар мачете и сделала выпад кинжалом.

Его острие укололо Интар в левую грудь. Тело королевы тоже окрасилось кровью.

Вардхх сказала Ироедх:

— Дорогая, я так была уверен в победе Интар, что не могу допустить иного исхода поединка. Я обращалась со специальной молитвой к Эунмару, — ты ведь знаешь, что я верю в старых богов? Если ты будешь усердна в своих молитвах, то тоже сможешь поверить в них.

После непродолжительной передышки Интар вновь бросилась в атаку, пытаясь нанести Эстир точные быстрые удары. Принцесса парировала один из них с помощью кинжала прямо перед своим лицом. Тогда Интар попыталась сделать новый выпад копьем, только ниже. Острие вонзилось Эстир в бедро — не очень глубоко, задев его по касательной, но небольшая рана все-таки открылась.

Интар приготовилась к следующему удару копьем, но Эстир выхватила кинжал и отбросила с его помощью древко копья в сторону. Затем подтянула его к себе и перерубила копье, которое Королева держала в правой руке, мачете. Сталь вонзилась прямо в мякоть.

Закричав от боли, Королева ослабила хватку. Она отступила назад, пытаясь унять кровь, струившуюся на песок, и ухватилась за древко здоровой рукой. Эстир выждала несколько секунд, и вновь бросилась в атаку. Интар зашаталась и осела на землю.

Эстир, прыгнув вперед, нанесла своему врагу мощный удар мачете. Сталь глубоко вошла в левое плечо Интар. Ее левая рука тут же безвольно повисла.

Интар в последний раз посмотрела на принцессу, склонившуюся над ней, закрыла глаза и склонила голову. Тут же в воздухе просвистел мачете и вонзился в толстую шею королевы. Из раны хлынула кровь, и агонизирующее тело забилось в конвульсиях.

Эстир направилась к столу, за которым сидела офицер и, отбросив ногой в сторону мертвую голову королевы, закричала:

— Я, Эстир из Элхама, будучи плодородной самкой чистокровных элхамских кровей, убив в честном поединке мою предшественницу Интар, в соответствии с законами и обычаями провозглашаю себя королевой Элхама!

Офицер закричала ей в ответ:

— Слава новой Королеве Элхама!

Все работники и трутни бросились на колени с криками:

— Да здравствует Королева! Хвала Эстир! Долгой тебе жизни и множества яиц!

Вардхх повернулся к Ироедх:

— Разве она — не самое прекрасное из пророчеств, которое сбылось? Я даже готова простить ей то, что проиграла пари.

Ироедх вынуждена была признать, что, несмотря на кровь, которая струилась из ран, Эстир представляла собой величественное зрелище. «Как жаль, — подумала она,— что нет больше художников, как в былые времена, которые могли бы изобразить новую Королеву в виде Высшей Справедливости».

А Вардхх между тем продолжала:

— Давай попытаемся, дорогая, попасть в свиту королевы на следующей Конференции. Там будут танцы, и это принесет нам немало удовольствия.

Но прежде чем Ироедх успела ответить, — шум понемногу стал стихать — Эстир выкрикнула:

— В самом начале моего правления я беру обратно свое обещание сохранять безопасность трутней Антиса и Кутанаса. Убейте их, стражники, и арестуйте за измену работницу Ироедх!

Ироедх уставилась остановившимся взглядом на новую Королеву, офицера, своих друзей-трутней, которые выглядели совершенно ошеломленными. Наконец, крикнула в ответ:

— Но, королева, вы же обещали...

— Я ничего не обещала! Стражницы, выполняйте мои команды!

Как только стражницы направились к ним с копьями наперевес, Антис и Кутанас очнулись. Каждый из них выхватил из-под полы плаща мачете. Они были почти точными копиями того оружия, что досталось Эстир, только чуть более грубой работы, и сделаны из красно-коричневой бронзы, а не из серой стали.

— А ну, назад! — проревел Антис, рассекая воздух своим мачете.

Невооруженные работницы бросились врассыпную. Антис выхватил третий мачете из-за пояса, который носил под плащом, и протянул рукоятью Ироедх.

— На-ка, держи!

— Но...

— Держи, говорят тебе!

Обычай не позволял ей подчиняться приказаниям трутня, но сейчас было не до строгого соблюдения правил. Ироедх вовремя схватила мачете — ей тут же удалось отразить удар брошенного в нее копья.

— Пробираемся к главным воротам! — закричал друзьям Антис, грозно размахивая своим оружием.

Одним из ударов он сбил шлем с головы стражницы; другим — разрубил рукоять чьего-то копья; еще одним — отрубил руку какой-то стражницы, и из раны тут же хлынула кровь. Не отставал от него и Кутанас — одним из мощных ударов он сразил стражницу, и у той тут же вывалились кишки на песок.

Ироедх отразила несколько атак и слышала, как металл ее клинка лязгнул, скрестившись с оружием противников. Наконец, путь к бегству оказался для беглецов открытым. Антис схватил Ироедх за руку и бросился вместе с ней к воротам — прямо через клумбы, засаженные цветами. Вслед им неслись пронзительные крики королевы Эстир, перекрывавшие шум толпы.

— Открывайте немедленно! У нас чрезвычайные полномочия! — проревел стражницам Антис, как только беглецы приблизились к воротам.

Что бы ни подумали стоявшие у ворот стражницы, они в изумлении молча взирали на то, как беглецы сорвали с ворот замок и распахнули их настежь. Затем одна из них, словно опомнившись, сказала:

— Немедленно возвращайтесь! Тут явно происходит что-то ненормальное. Почему за вами гонятся?

— А ты спроси у них сам! — выкрикнул Антис, выскакивая из ворот вместе с Ироедх.

Они побежали к полю — тому самому, где Ироедх подбирала трутней, свесившись с вертолета. За ними бросилась погоня. Но звук ее постепенно стихал, потому что никто из

безоружных работниц не хотел бежать впереди стражниц. А те, в свою очередь, не могли бежать, сгибаясь под тяжестью щитов и кирас, так же быстро, как почти невооруженные автини.

Беглецы проскочили через поле и углубились в лес. Теперь, подумала Ироедх, у сельскохозяйственного офицера появится повод не на шутку рассердиться — ведь по пути их следования появилась вытоптанная тропа. Как она подвела своего лучшего друга в Совете! Но с тех пор, как в силу сложившихся обстоятельств она становилась все более твердым противником Общины, Ироедх гнала прочь от себя подобные мысли.

Антис уводил ее все дальше по тропинкам в глубь леса.

— Эти старые тропинки запутают кого угодно. Теперь мы можем передохнуть. Наши враги потратят несколько часов, чтобы найти нас в этом лабиринте, — объявил он.

Немного отдышавшись, Ироедх спросила:

— А где Кутанас?

— Он мертв. Разве ты не видела, как стражницы схватили его?

— Нет. Я была слишком занята, чтобы смотреть по сторонам.

— Он был весь исколот копьями. Очень жаль. Он был намного лучше, чем толстый глупый Дуос, который всегда чем-то недоволен и боится даже собственной тени.

— Да уж, толстый дурак остался жив, а отличный парень Кутанас лежит мертвый. Мне безумно жаль, что наши работницы убили его. Возможно, я тоже убила одну из них. А Эстир! Хороша же она — настоящая предательница. Если нельзя доверять своей собственной королеве, то кому же вообще можно верить?

— Кому-то да можно. И все же — выше нос! Такова жизнь, ничего не поделаешь.

— Да, а где вы взяли кинжалы?

— Один старый кузнец сделал их по моему описанию. Да я рассказывал тебе о нем, его зовут Умвус. Мы стащили в Кхинаме статую Дхииса, чтобы добыть металл для оружия.

— Вы не могли это сделать! — закричала Ироедх.

— Да нет же, мы именно так и поступили. А что тут такого?

— Но ведь эта статуя — бесценная реликвия...

— Может, ты и права, но не имея бронзы, мы бы все погибли. У нас нечем было заплатить Умвусу за работу, поэтому вместо денег мы отдали ему оставшуюся бронзу. Он работал над кинжалами день и ночь — с тех пор, как я увидел тебя в Кхинаме... Ты достаточно отдохнула, чтобы идти дальше?

— Думаю, да.

— Тогда нам пора отправляться на свидание с Дуосом.

Он вел ее все дальше в чащобу. Спустя некоторое время Ироедх потеряла последние ориентиры, словно не охотилась в этих местах несколько лет и не знала прилегающих к Общине лесов и полей. Наконец, они оказались на вершине небольшого холма, и Антис, оглядевшись по сторонам, крикнул:

— Этот мошенник убежал с луком и стрелами, которые я сделал!

— Что же нам теперь делать?

— Пойдем туда, где он прятался. Если там осталось немного еды, поужинаем.

Они отправились дальше. Но идти становилось все труднее, по мере того как путники взбирались на крутые холмы. Ироедх уже пошатывалась от усталости, как Антис вдруг приложил руки ко рту и издал какой-то специфический зов. Когда в ответ послышался похожий крик, он повел Ироедх в совершенно непроходимую чащу.

Антис раздвинул в стороны ветви кустарников, и перед их взорами предстал туннель, который вел прямо вглубь холма. Через несколько метров коридор делал крутой поворот. Ироедх с удивлением обнаружила, что может выпрямиться, и они оказались в просторном, ярко освещенном помещении. Деревянные подпорки поддерживали потолок, выложенный из срубленных топором досок. Помещение имело несколько выходов, расходящихся лучами в разные стороны.

Старый морщинистый трутень смотрел на них во все глаза. Когда его взгляд остановился на Ироедх, он тяжело вздохнул, поднял копье и нацелил его прямо на нее.

Антис не растерялся — в ту же секунду он швырнул в копье мачете. Копье подскочило и с грохотом вонзилось в потолок.

— Что это с тобой, старый дурень? — проревел Антис.

Умвус жалобно ответил с присущим ему северным акцентом:

— Я думал, ты предал меня работницам. Все они против меня, а я — против всех их.

— Ироедх больше не работница, она, как и мы с тобой, бродяга. А теперь извинись за то, что пытался убить ее!

Умвус угрюмо ответил:

— Никогда не слышал о том, чтобы работницы были бродягами. Но если ты так утверждаешь, надеюсь, это правда. Но подумай сам, Антис, какая бы на твоей совести была вина, если бы ты привел сюда стражниц Общины Элхама! Ну да ладно. Что же вы от меня хотите, а? Купить что-нибудь еще, кроме оружия?

— Нет. Я хочу знать, что случилось с Дуосом. Он не встретил нас, как обещал, и мне кажется, он просто сбежал.

— Вполне мог. Дуос расспрашивал меня о шайках бродяг, которые промышляют на севере.

— Тогда мы опять влипли... А ты пустишь нас переночевать?

— Вы можете спать прямо здесь, и у меня даже найдется для вас немного мяса. Но если твоя подруга хочет привычной для нее еды, то, извини, у меня ее нет. На склоне холма растет несколько деревьев, там она сможет найти съедобные зерна.

Ироедх тут же отправилась на поиски пропитания. Но это оказалось практически бесполезной тратой времени. Лишь к позднему вечеру она собрала немного орехов, чтобы хоть как-то утолить голод. К этому времени Умвус стал относиться к ней менее враждебно, можно сказать,даже дружелюбно:

— А ты, девушка, и не похожа на работницу. Наоборот, выглядишь очень милой.

Не зная, как воспринимать его слова, Ироедх лишь молча жевала собранный корм.

Умвус, тоже что-то прожевав, добавил:

— Если бы я оказался в вашем положении, то отправился бы на север, в Ледхвид, и попросил бы совета у Оракула.

— Что? Вы рассуждаете, как моя таинственная подруга Вардхх. Все советы, которые я когда-либо слышала от Ледхвида, можно истолковывать совершенно по-разному.

— Нет, кроме некоторых стихов, Оракул предлагает иногда и ценные советы. Ничего таинственного, только логические выводы из тех новостей, что приносит ему жрицы. По крайней мере, это лучшее, что я могу придумать. Ты ведь не можешь здесь больше жить — тебе не хватит еды. И если встретитесь со своими бывшими товарищами из Общины, то вы двое не сможете противостоять нескольким сотням врагов. Они просто убьют вас.

Антис спросил:

— А почему мы не сможем вступить в одну из банд оборванцев, которые промышляют на севере?

— Ты-то сможешь, а вот ее убьют сразу же, как только увидят. Таково уж отношение этих бандитов к работницам. Сначала они их убивают и лишь потом о чем-то спрашивают.

— Но это неразумно, — заметила Ироедх.

— Так-то оно так, но они уверены, что их тоже неразумно использовали. Сейчас шайка Витхиаса растет так быстро, что может даже атаковать хорошо укрепленную Общину, как это делают арсууни. У меня очень много заказов на наконечники копий от Витхиаса. Я делаю их уже полгода.

— Если эти бандиты помогают арсууни разрушать все Общины автини, то что же будет с бедными трутнями? — спросила Ироедх. — Ведь так может исчезнуть целая народность.

— Ты бы лучше спросила об этом у Витхиаса. А еще лучше — у Оракула. Потому что Витхиас убьет тебя прежде, чем ты успеешь задать вопрос. Если же Оракул не придумает ничего лучше, чтобы помочь тебе, ты можешь поступить к нему на службу.

— На службу к Оракулу? — уточнила Ироедх.

— Ну да. Он берет к себе осиротевших или оставшихся без покровительства работниц, таких, как ты.

— Я слышала об этом. Даже видела так называемых жриц. Но что в таком случае будет с Антисом?

— Откуда я знаю? Не думаю, что Оракул нанимает и трутней. Ему надо будет стать членом одной из банд.

— Но мы не хотим расставаться! — воскликнул Антис.

Услышав это, Умвус пожал плечами:

— Это ваше дело, вот сами и разбирайтесь. Возможно, он и сможет иногда убегать из шайки, чтобы повидаться с тобой, а? Только вот где будут происходить эти встречи, никак не пойму. Больно уж у вас неестественная привязанность друг к другу.

— Наверное, будем встречаться в Ледхвиде, — сказал Антис.

Умвус задумчиво продолжил:

— Ироедх нужен какой-нибудь плащ. Если ты, Антис, можешь спать и на холоде, то она без теплой одежды замерзнет. И тебе нужно собрать для нее кое-какие овощи. Некоторые из растений имеют съедобные корни, можно также использовать ягоды, еще кое-что. Но я ведь раньше не имел дел с работницами, поэтому не знаю, что именно ей сгодится.

На следующий день Антис объявил:

— Мы добудем для тебя плащ таким же образом, как я добыл для себя. Пошли.

Они отправились обратно в Элхам. Спустя несколько часов, когда они приблизились к возделанному полю, Антис сделал предостерегающий жест.

— Посмотри вон туда, — прошептал он.

Там, куда он указывал, небольшая группа работниц косила в поле какую-то сельскохозяйственную культуру — именно в том поле, через которое они бежали лишь сутки назад. Было ясно, что ответственный за него офицер не хотела, чтобы здесь в дальнейшем вытаптывали урожай.

С одной стороны поля стояла стражница, охранявшая одежду, еду, питье и другой скарб. Она была вооружена копьем, щитом, а на голове красовался шлем. Но туловище ее никак не было защищено, потому что такая работа не считалась рискованной.

— Что мы будем делать? — спросила Ироедх.

— Ждать.

— Сколько времени?

— Целый день, если понадобится. Для того чтобы завладеть всем этим добром, нужно запастись терпением.

Они молча залегли в кустах у подножия холма, и стали ждать удобного момента. Прошло несколько часов. Наконец, стражница зевнула и уселась на землю, прислонившись спиной к дереву.

Антис усмехнулся.

— Видишь, она заскучала? А теперь смотри внимательно!

В течение следующего часа они только и занимались тем, что наблюдали за стражницей.

Та пожевала от нечего делать травинку, зевнула еще несколько раз, и стала рассматривать какое-то насекомое, ползущее по камню.

— Сейчас уснет, — прокомментировал Антис.

Стражница растянулась на траве и стянула с головы шлем.

Антис приподнялся и, крадучись, стал пробираться к ней. По пути он приподнял высохшую ветку — такую же длинную, как и он сам. Перебравшись через границу поля, он стал пробираться среди кустов, Ироедх последовала за ним. Когда они немного отползли, Ироедх, оглянувшись, увидела сквозь зелень листвы красную кожу стражницы, Антис поднял руку, призывая свою подругу остановиться. Он прополз за большое дерево и вышел из-за него с большой палкой, неся ее как копье, словно приготовившись к нападению. Подобравшись поближе к стражнице, он поддел палкой воротник одного из лежавших перед ней плащей.

Стражница зашевелилась и что-то прошептала во сне.

Антис похолодел от испуга, но потом вновь принялся за дело. Он приподнял плащ с помощью кончика ветки, который послужил крючком. Затем прислонил ветку к дереву, свернул плащ и подмигнул Ироедх.

Она оглянулась вокруг в поисках путей к отступлению, и вдруг услышала какой-то шорох. Тут же с дерева свесилось что-то объемистое.

Сделав Антису предостерегающий жест, Ироедх осторожно двинулась между стволами деревьев. То, что ее напугало, оказалось большим мешком, который держался на ветке как на крюке. Она осторожно опустила его на землю. Внутри оказалась мука и пластина древесной коры с какой-то надписью, нацарапанной на ней.

Ироедх вернулась к тому месту, где оставила Антиса, с мешком в руках. Вместе они осторожно двинулись в путь, стараясь уйти незамеченными неприятелем. Когда были уже на безопасном расстоянии, по ту сторону холма, Антис спросил:

— Что это?

Ироедх сунула руку в мешок, и вытащила оттуда древесную кору. На ней виднелась надпись:

От того, кто остается, — тому, кто ушел:

Здесь, дорогая, есть что-то, что может пригодиться тебе когда-нибудь, если будешь испытывать трудности в поисках подходящей еды. Если окажешься среди бродяг, которые питаются мясом. Вспомни о том, кто любит тебя и восхищается тобою. Я думаю, из тебя получится замечательный иностранный служащий. И, независимо от того, существуют еще старые боги или нет, я молюсь им, чтобы они оберегали тебя. Если же ты упадешь духом, помни о том, что сказал старый Оракул Ледхвида о двухголовой королеве, которая скачет верхом на голубой лошади.

Прочитав это, Ироедх воскликнула:

— Вардхх! Дорогое дитя!

Хотя послание это и не было подписано, она без труда догадалась, кто его написал. Горло ее сжало спазмами, и она разрыдалась.

Антис, пытаясь успокоить ее, сказал:

— Как однажды сказал Оракул, нет большей удачи, чем добрый друг. А теперь нам нужно отправляться в путь.

Взявшись за руки, они направились к пещере Умвуса. Ироедх насвистывала по пути «Песнь Гелиаде».

Глава 7. Трутни — оборванцы

Когда, спустя пять дней, они приблизились к «Парижу», Антис выказал усиливающееся беспокойство. С еле сдерживаемым страхом спросил:

— А ты уверена, что эти чудища не съедят нас, а воздушный корабль не рухнет и не раздавит нас? Он выглядит каким-то неустойчивым.

— Уверена совершенно, — успокоила его Ироедх. — А что случилось с моим героем, который с легкостью скрылся от погони, посланной из Элхама, показав чудеса храбрости? Неужели мужество покинуло тебя?

— Я хорошо знаю работниц автини и всяких других местных тварей. Но лишь глупец будет ввязываться в те опасности, о которых не имеет ни малейшего понятия, — парировал Антис недовольным тоном.

Пока он говорил, Ироедх обдумывала следующую насмешку. Но потом решила ничего не говорить, чтобы не ссориться с другом.

Конечно же, он проявил достаточно мужества и силы характера во время их пешего перехода в Глиид — этого вполне хватило бы на трех обычных трутней. К тому же сама она во многом зависела от Антиса.

Наконец, они подошли к площадке, на которой стоял «Париж». Ироедх была весьма удивлена, увидев ряд колесниц, выстроившихся на том самом месте, где когда-то располагалась группа под руководством Род. Рядышком на привязи паслось целое стадо животных, которых впрягали во время поездок в колесницы. За ними присматривала какая-то работница.

Ироедх и следовавший за ней в нерешительности Антис подошли к пастушке.

— Скажите, пожалуйста, где можно найти доктора Блоча? —спросила по-английски беглянка.

Ей мешал автинский акцент, который подразумевал шепелявость. Фразу пришлось повторить несколько раз, иначе ничего понять было невозможно.

— Он там, с другой стороны корабля, — объяснила, наконец, работница.

Ироедх и Антис обошли корабль, и нашли, наконец, Блоча, Барбару Дулак и еще одного человека, которые занимались чем-то странным. Они распластали на земле какое-то мертвое животное и потрошили его. Шкуру они сняли еще раньше, вывернули наизнанку, и теперь незнакомец совершал над ней какой-то обряд.

Блоч тем временем отделял от скелета мускулы и различные органы. Он прерывал свою работу буквально через каждые несколько секунд, чтобы дать указания Барбаре или попросить ее сделать набросок, а иногда и снимок останков. Иногда он бросал какой-нибудь орган в кувшин с бесцветной, но неприятно пахнущей жидкостью. Их товарищ был весь вымазан кровью убитого животного и от него непереносимо воняло.

Ироедх некоторое время наблюдала за этим священнодействием. Наконец Блоч оглянулся и сильно удивился, увидев Ироедх:

— Привет. Это — Ироедх из Элхама, не так ли?

Ироедх была немного удивлена тем, что человек с неба запомнил ее. В ответ она кивнула:

— Конечно. А это — Антис, он тоже из Элхама.

— Извините, что не могу пожать вам руку, — объявил Блоч, отряхивая окровавленные кисти рук.

— Что он имеет в виду? — удивился Антис.

Чувствовалось, что в автинском языке Блоч преуспел:

— Это форма приветствия, принятая у нас. А что этот трутень делает так далеко от своего дома? А, я знаю! Он — один из тех, кого мы вызволили из темницы. А что произошло после этого?

Антис с достоинством ответил:

— Я у вас в долгу. В любое время можете попросить сделать что-нибудь для вас взамен.

Ироедх, рассказав о том, что случилось после похищения трутней, сообщила:

— Мы направляемся в Ледхвид к Оракулу. А вы не собирались туда пойти? Мне кажется, это могло бы вас заинтересовать.

— Какое совпадение! Лишь вчера работница из Йема, которую зовут Йедх, пришла сюда, чтобы сообщить нам, что Оракул приглашает нас к себе.

— Йедх — одна из жриц Оракула, — пояснила Ироедх. — Йем был разрушен арсууни, и она — одна из немногих, кто остался в живых из местной Общины. Так вы собираетесь туда?

— Да. Мы не добились доступа ни в одну Общину, и мы не можем больше оставаться здесь...

— Но почему? И куда вы решили направиться?

— «Париж» собирается побывать на каждом континенте вашей планеты. Мы рассчитываем на десять или двенадцать остановок. Как я уже говорил, Барбаре хотелось бы — как это лучше сказать по-вашему — «отправиться в свадебное путешествие»?

После некоторых объяснений Ироедх поняла:

— Теперь вы ее официальный трутень! Мне хотелось бы кое о чем спросить вас в связи с этим...

Но Блоч возразил:

— Только не сейчас, пожалуйста. Когда она привыкнет к такой жизни, думаю, мы оба получим удовольствие от этого путешествия. Единственная трудность состоит в том, что мы не сможем взять с собой достаточное количество людей, чтобы до конца быть уверенными в собственной безопасности. Поэтому то, что вы оказались здесь, просто замечательно. Надеюсь, вы согласитесь составить нам компанию?

Ироедх улыбнулась:

— Конечно. А эта Йедх из Йема тоже здесь, в Глииде, и собирается отправиться в это путешествие?

— Да. Она где-то здесь поблизости.

— А кто-нибудь еще из автини приходил к вам на корабль после того, как мы уехали?

— Приходили несколько ваших соотечественников. Они прибыли из Кхвема просить нас быть арбитрами в споре с представителями соседней Общины. Но мы отправили их обратно.

— Отправили их обратно? Вы имеете в виду «выгнали»? Но почему?

— Нет. Я имею в виду, что мы отказали им в просьбе. Приходили и другие — видимо, из любопытства, чтобы посмотреть, что здесь происходит. Потом здесь появилось какое-то огромное чудище — один из Арсуулов — вы называете их арсууни, не так ли? Так вот, он передал нам предупреждение королевы Омферс из Тваара, мне кажется, вы называли ее Омвир из Тваарма. Эта Омферс поставила нас в известность, что если мы будем вмешиваться в их планы завоевания близлежащих земель, то они заколют нас своими копьями.

Блоча, казалось, эта угроза развеселила. Ироедх же удивила такая храбрость, хотя она и испытывала страх перед арсууни. Все-таки власть людей с неба намного сильнее, они обладают неизмеримо большими возможностями! Если бы она только могла организовать против своих врагов экспедицию...

Вслух же она лишь спросила:

— А как вы собираетесь добираться до Ледхвида?

— Так же, как и вы туда ездите — на колесницах. Разве вы их не видели? Мы купили их в Тхидхене.

— Но зачем вам добираться таким образом, если вы можете долететь туда всего за несколько часов?

— По двум причинам. Во-первых, мы не знаем, есть ли в Ледхвиде подходящее место для посадки вертолета, и во-вторых, мы сможем изучить вашу планету намного лучше, если будем ехать по поверхности, а не лететь над ней. К тому же, если мы отправимся в путешествие в колесницах, то сможем по дороге познакомиться с обитателями планеты. Если же они увидят нас летящими на вертолете, то в страхе спрячутся и не выйдут из своих укрытий, пока мы не улетим. Именно такую картину мы наблюдали на других планетах.

— А что, если вы столкнетесь с какой-то серьезной опасностью или трудностями?

— Мы постоянно будем держать связь с «Парижем». Если возникнет такая необходимость, Кенг сможет прилететь и спасти нас.

Ироедх спросила:

— А как вы сможете поддерживать связь с кораблем, если будете находиться очень далеко от него?

Блоч улыбнулся.

— Это наш секрет. Кстати, а ты не знаешь, кто или что такое этот Оракул? Йедх об этом не говорила.

— Нет, точно не знаю. Это живое существо, но я не уверена, кто это: королева, работник или трутень. Даже не знаю, это — автини или арсууни. Оракул никогда не показывает свое лицо тем, кто к нему приходит. Так когда же мы отправимся в путь?

— Завтра утром, раз вы уже здесь. А Антис умеет управлять колесницей?

Ироедх обменялась взглядами с Антисом, и после этого он сказал:

— Я не очень-то хорошо владею этим искусством, потому что трутней обычно этому не обучают. Но кое-чему меня научила Ироедх. Если вы не боитесь мне довериться, я не прочь попробовать.

На следующее утро, еще до рассвета, они распрягли пять колесниц.

Йедх из Йема прибыла еще накануне вечером, с целым мешком только что собранной травы, которую особенно любили животные. Они чувствовали, что Йедх их балует, поэтому отвечали ей обожанием и готовностью выполнить любую ее команду. Сама же Йедх оказалась тощей пожилой немногословной работницей с морщинистым лицом. Цвет ее волос колебался от алого до бледно-розового.

Дорога вела вниз, к выходу из долины, делая зигзаги среди огромных валунов, разбросанных возле ущелья с северной стороны. День выдался спокойный, без происшествий. Ближе к заходу солнца они сделали привал. Блоч, вытащив из кармана какую-то маленькую плоскую коробочку и покрутив кнопки, что-то сказал прямо в нее.

— Что вы делаете? — спросила Ироедх.

— Связываюсь с «Парижем».

— Неужели с помощью этого маленького приспособления можно связаться с воздушным судном?

— Конечно. Хотите поприветствовать Суббарау?

Ироедх с недоверием посмотрела на маленькую коробочку, и еле слышно произнесла:

— Привет, капитан Суббарау.

— Как поживаете, мадам Ироедх? — послышался в ответ гнусавый голос Суббарау.

Ироедх поспешно вернула коробочку Блочу. После того как они поели и он раскурил свою трубку, Ироедх сказала Барбаре:

— Дорогая Бардилак, я бы хотела задать несколько вопросов относительно вас и Доктоблоч. Сначала...

Услышав первый вопрос, Блоч протестующе замахал руками.

— Почему вы против моих расспросов?

— Потому что все это очень похоже на допрос, который когда-то изобрели люди. Неудобно спрашивать о личном, это противоречит нашим обычаям.

— Тогда скажите, откуда вы знаете...

— Вы можете задавать мне вопросы в частном порядке.

Но тут вмешалась Барбара:

— Не подумайте, что хочу сменить тему, но все же: что стало с книгой, которую я тебе дала, Ироедх?

— Я прочитала больше половины, прежде чем сбежала из Общины. Только для того, чтобы дочитать ее до конца, я не против туда вернуться.

— И до какого же места ты дошла?

— До того, где две дамы, Элионора и Эдит, жаждут, чтобы трутень Филипп оплодотворил каждую из них. По крайней мере мне кажется, что именно это хотел сказать автор. Хотя я в этом и не совсем уверена. Дело в том, что терранцы не говорят о размножении прямо, а используют различные намеки.

— Я могу рассказать тебе, что было дальше, — начала Барбара, но Ироедх прервала ее:

— Пожалуйста, не надо! Я надеюсь вернуть книгу.

Блоч поинтересовался, о какой книге шла речь. А когда узнал, взорвался от негодования:

— Боже мой! Вместо того чтобы предложить ей Толстого, Бальзака, Хемингуэя или кого-нибудь еще из сотни великолепных романистов, ты предлагаешь ей прочитать худшее из терранской литературы — какой-то сентиментальный хлам!

Барбара возмутилась:

— Вовсе нет! Ты судишь по себе и совершенно не считаешься со вкусами других людей.

— А что такое «хлам»? — спросила Ироедх.

Но на нее никто уже не обращал внимания. Барбара, разволновавшись, заговорила по-французски. Когда же Блоч тоже заговорил на этом языке, Ироедх перестала что бы то ни было понимать. Ее спутники размахивали руками и что-то гневно кричали друг другу. Но, в конце концов, стали извиняться и бросились обниматься и целоваться, делая странные для Ироедх прикосновения губами друг к другу. Они вновь заговорили по-английски, и в их разговоре Ироедх уловила слово «любовь».

Тогда она обратилась к ним обоим:

— Похоже, любовь, как вы ее понимаете, играет большую роль в книге, которую дала мне Барбара. Насколько я понимаю, люди гораздо больше ценят любовь друг к другу, чем любовь к своей Общине. Но если это действительно так, то как же ваши Общины могут нормально существовать?

Блоч, попыхивая трубкой, изрек:

— А во многих из наших «Общин» не так уж все и хорошо. У нас в жизни тоже бывают приятные моменты.

Его мысль продолжила Барбара:

— Но вы не думайте, мы любим свои Общины. Кроме Винстона, я люблю мой родной город Женеву и свою страну — Гельвецию...

Блоч пояснил:

— Но это не совсем одно и то же. Есть лингвистические нюансы. В родном языке Барбары, словом «любовь» называют все возвышенное. В английском же это слово употребляется для обозначения такого чувства, которое мы испытываем с Барбарой друг к другу. Но у нас есть и слово «нравиться» — оно отражает более спокойные эмоции...

Но тут Барбара прервала его:

— Только не говори мне, что тебе нравится твоя страна, и особенно место, где родился и вырос! Я не раз слышала от

тебя нелицеприятные отзывы о Соединенных Штатах Америки, в особенности о Пенсильвании.

Блоч, попыхивая трубкой, признался:

— Что ж, верно. В нашем языке есть не менее шести слов, которые выражают разнообразные оттенки любви. Есть любовь к супругу, к родителям и детям, к близким друзьям и родственникам, к тому месту, где живешь, к делу, которому служишь, и так далее.

Барбара возразила:

— Только не пытайся убедить меня, дорогой Винстон, что тебе просто нравится твоя работа! Я часто думаю, что ты любишь ее гораздо больше, чем меня.

— Но это совершенно разные понятия! Ироедх, для тебя, я думаю, любовь к твоей Общине — превыше всего?!

— Да, конечно, это так.

— Когда-то на нашей планете существовала секта, которую называли коммунистической, — начал рассказ Блоч. — Входящие в нее люди верили, что чувство к своей Общине должно быть превыше всего. Но их коллективистская любовь подразумевала такую фанатичную ненависть ко всем инакомыслящим и непреклонное стремление навязать свою систему всему миру, что нам пришлось уничтожить их. Однако, я думаю, твой случай — особый — из-за отчуждения от родной Общины.

— Да, — кивнула Ироедх. — Мне неловко признаться, но я действительно не знаю, кого люблю больше — Общину или Антиса.

И тут подал голос ее друг:

— Мне же все совершенно ясно: я люблю Ироедх больше всего на свете и проклинаю Общину! Только покинув ее, я почувствовал себя свободным. До этого был просто животным, которым понукали все, кому не лень!

— Спасибо тебе, Антис, — Ироедх с благодарностью посмотрела на него. — Но я не думаю, что мы когда-нибудь будем любить друг друга так, как это понимают люди. Ведь они подразумевают не только чувства, но и сексуальную связь.

— А в вашем случае это невозможно? — поинтересовалась Барбара.

— Конечно, я ведь среднего рода. Но даже если я никогда не вернусь в Элхам, все равно всегда буду любить Антиса и, возможно, родные места.

Блоч кивнул в знак согласия, и спросил у Антиса:

— А ты никогда не испытывал чувства любви к своей Королеве, когда...?

— Когда был с ней близок? Но ведь для меня это только работа! Хотя не могу сказать, что старая Интар мне совсем не нравилась, она была вовсе не плохой. Жаль, конечно, что между мной и Ироедх не может быть интимных отношений. Но, чем больше я слушаю вас, людей, тем больше думаю о том, что наша с ней любовь и без этого прекрасна.

Барбара задумалась о том, что ее спутники никогда не смогут пережить всю ту гамму возвышенных чувств, которую испытывают влюбленные друг в друга люди. А потом она обратилась к Йедх:

— Ты все время молчишь. Сама-то любишь кого-нибудь или что-нибудь?

Бросив осуждающий взгляд в сторону Ироедх, жрица ответила:

— Как любая нормальная работница, я любила свою Общину. Когда же ее уничтожили, у меня ничего не осталось. Действительно, ничего. Единственные, кого я сейчас люблю, это животные; поэтому собираю для них корм.

— А какие чувства ты испытываешь к жрицам? — спросила Ироедх.

Йедх лишь пожала плечами.

— Они выходцы из многих Общин, но сами по себе не образуют отдельную Общину. Многие из них мне действительно нравятся, но чувства к ним несопоставимы с тем чувством, которое я испытывала к своей Общине. Здесь примерно та же разница, что между словами «любить» и «нравиться», о которой нам рассказывал сегодня Доктоблоч.

В свою очередь Блоч спросил ее:

— А как насчет самого или самой — Оракула? Он, она или оно вызывает чувство любви?

— Нам непозволительно осуждать Оракула. Однако могу сказать, что это — не мужчина и не женщина в обычном понимании. И позвольте дать всем вам совет: любите как

можно больше явлений и людей. Тогда вы не будете такими опустошенными, когда потеряете одного из них. Меня всегда успокаивает это мудрое изречение:

Когда последний раз солнце сядет,
И звезды станут как лед,
Последняя королева последний свой дар принесет.
Тогда вместо старой жизни, что навсегда уйдет,
Новая жизнь начнётся.
Нионда вновь оживет.

Блоч с сомнением покачал головой.

— Слабое утешение. Как и в большинстве стихов Оракула, тут полно неясных намеков, но нет ничего конкретного. Впрочем, кто я такой, чтобы портить тебе настроение?

Когда Ироедх и Антис расстелили надувные матрасы и легли спать, взявшись за руки, чтобы согреться, Блоч подошел к ним и сказал тихонько сам себе:

— Может быть вы, словно дети, и не можете познать ту любовь, которая присуща взрослым людям. Но, судя по всему, вам и так хорошо вместе.

За три дня не произошло ничего необычного. Лишь дождь немного разнообразил монотонность путешествия. Ироедх, не чувствуя себя больше связанной обязательствами перед Общиной, многое поведала Блочу об истории и культуре автини. Барбара внимательно ее слушала и стенографировала.

— Мне бы хотелось побывать в этом разрушенном городе — Кхинаме, — как-то раз задумчиво заметил Блоч. — Как ты думаешь, жители Элхама попытаются схватить нас, если мы отправимся туда?

— Они знают о том, что у вас есть ружья, — успокоила его Ироедх. — Возможно, им и не понравится этот визит, но

не думаю, что они предпримут какие-нибудь решительные действия.

— Тогда давайте отправимся туда. Стойте-ка, а что это впереди?

«Это» было грудой бревен и камней высотой по пояс взрослому человеку, которая перегораживала дорогу. Ироедх заметила блеск меди, и тут же крикнула:

— Это бандиты! Доставайте ружье, Доктоблоч!

Блоч крикнул «Тпру-у-у!» животному, которое тут же послушно остановилось. Он нервно оглянулся вокруг, приложил к плечу приклад ружья и поинтересовался:

— Как вы думаете... Ух!.. Может, нам развернуть колесницы и бежать?

Антис, стремительно достав мачете, мрачно ответил:

— Слишком поздно. Обернитесь!

Толпа трутней-автини бежала прямо к ним. Один из них остановился, прицелившись из лука. В толпе виднелись два-три щита и шлема, одна кираса. Но у остальных разбойников были только копья, а у одного — лук.

Антис ободряюще улыбнулся Ироедх и со свистом рассек воздух своим мачете.

— Если Доктоблоч убьет тех, кто вооружен, мы сможем забрать их оружие...

— Жрица Оракула Ледхвида! — громко прокричала Йедх из Йема. — Я требую неприкосновенности...

Вжжик! — просвистела стрела, выпущенная лучником. Йедх и Антис тут же умолкли.

— Они и впереди! — через мгновение воскликнула Йедх.

Впереди на дороге действительно показалась еще одна толпа бандитов.

— Давай-ка сюда, Антис! — воскликнула Ироедх. — Нам надо держаться вместе. Пусть люди сами разберутся с этими бандитами! Как только они подойдут ближе...

Крак!

Перепонки в ушах у Ироедх чуть не лопнули от шума выстрела Барбары. Маленькая храбрая женщина бросилась прямо к бандитам, нацелив дуло в их гущу. После ее выстрела предводитель трутней закачался и рухнул бездыханным на дорогу.

Так-так-так-так! — одну за другой выплевывало пули ружье Блоча, эхом повторяя выстрелы пистолета Барбары. Затем оба орудия выстрелили вместе. Одно из животных в страхе перевернуло колесницу, в которую было впряжено. Весь этот шум заставил Ироедх содрогнуться, и она в ужасе закрыла глаза. Хотя она и была опытным солдатом в своей Общине, выстрелы поразили ее не меньше, чем первый полет на вертолете.

Так-так-так!

Крак!

Когда Ироедх вновь открыла глаза, то увидела, что бандиты, находившиеся у них в тылу, бросились в лес в поисках спасения. Но двое или трое остались лежать на дороге. Те, что были впереди, тоже бросились врассыпную. Трое лежали неподвижно. Последний из беглецов попытался вскарабкаться на груду бревен и камней, и уже, оказавшись наверху, оглянулся. Блоч поднял ружье, прицелился, и вот уже трутень взлетел в воздух, а затем шлепнулся на дорогу по ту сторону баррикады.

Испуганные животные, казалось, вот-вот понесут, и Йедх всячески пыталась успокоить их разговорами. Ироедх помотала головой из стороны в стороны, чтобы унять головокружение.

— Какая короткая схватка! — с печалью в голосе заметил Антис. — У меня так никогда и не будет шанса показать, на что я способен.

Йедх повернулась к своим спутникам:

— Друзья! Я могу понять желание бандитов атаковать вас, но нападение на жрицу Оракула — неслыханное дело. Это, должно быть, банда Витхиаса. Он — единственный из главарей бандитов, кто способен отважиться на такую жестокость.

— Ты ранен, дорогой? — спросила Барбара у мужа.

Лицо Блоча было все в поту, словно после утомительного бега. Но он, перезаряжая ружье, спокойно сказал:

— Нет-нет, просто немного переволновался. Сейчас все пройдет.

Антис, осмотрев место недавней схватки и мертвых врагов, воскликнул:

— Великий Эунмар! Волшебное оружие истребило их. У этого трутня не осталось даже головы.

Блоч скомандовал:

— Давайте-ка приведем в порядок колесницу и расчистим дорогу от всякого хлама.

Антис сорвал шлем с одного из мертвецов и одел его себе на голову.

— Подождите, дайте разобраться с доспехами. Этот шлем мне немного великоват, но если одевать с подкладкой, то подойдет. Вещь хорошая, узнаю работу Умвуса. Жаль, что латы продырявлены, но я их подправлю камнем, а потом отдам починить кузнецу.

— Зачем тебе все эти тяжелые вещи? — поинтересовалась Ироедх. — Ведь терранское оружие с легкостью может их продырявить.

— Но, возможно, терранцы не всегда будут на нашей стороне. Примерь-ка этот шлем. А теперь посмотри сюда: ну чем я не воин из древнего эпоса?

Антис, облаченный в кирасу и шлем, с гордостью наступил на копье одного из мертвых трутней. Ироедх подумала, что он действительно выглядит впечатляюще. А Барбара как-то странно засопела и закрыла рот руками.

— Что случилось? — спросил Антис.

— Мне в нос попал пух. Ты выглядишь очень впечатляюще, Антис. Но под кирасой у тебя будет что-нибудь, что сможет защитить в бою?

— Вы имеете в виду специальную юбку для боя? — помрачнев спросил Антис. — Но никто из наших недавних врагов не носил такое обмундирование. Впрочем, я попытаюсь достать ее при случае.

Он помог Блочу поднять перевернутую колесницу и разобрать баррикаду на дороге. Ироедх была изумлена, увидев, с какой легкостью он поднял бревна и отшвырнул их в сторону.

— Какой же ты стал сильный! — восхищенно заметила она.

— Жизнь сделала меня таким, — усмехнувшись, Антис поднял камень, который, как показалось Ироедх, не смогли бы поднять и две работницы. Затем резко толкнул его на высоту груди — так, что напряглись мощные мускулы, и с силой швырнул в лесную чащу.

— Не пускай нам пыль в глаза, иначе поранишься, — усмехнулся Блоч.

Антис обернулся, чтобы ответить ему какой-то резкостью, но в этот момент раздался свист, и в каких-нибудь нескольких дюймах от лица Барбары пролетела стрела.

Выхватив пистолет, девушка крикнула:

— Они опять атакуют нас! Ироедх, ты не видела, откуда она стреляли?

Барбара тыкала дулом пистолета то туда, то сюда, но из леса не раздалось больше ни звука.

Ироедх покачала головой.

— Нет, не видела. Доктоблоч, идите-ка сюда, и прикройте нас. А я помогу Антису.

— Но это — не женская работа, — пробормотал Блоч.

Барбара резко оборвала его.

— Делай, что она говорит! У нее больше здравого смысла, чем у тебя!

— Хорошо... хорошо, — Блоч выглядел взволнованным. Он залез на колесницу. Ироедх вздохнула, и принялась оттаскивать в сторону бревна.

Вжи-и-и-к! — прозвенела в воздухе стрела, и с силой вонзилась в грудь Блоча.

Блоч зашатался, едва не выпав из колесницы, но все же сумел выстрелить в сторону леса, откуда была пущена стрела. Антис и Ироедх к этому времени уже оттащили от дороги последнее бревно. Они обернулись на крик Барбары. Она тут же выстрелила несколько раз наугад из пистолета, и бросилась к Блочу, чтобы поддержать его. Ироедх присоединилась к ней. Блоч все еще стоял в колеснице и, казалось, пытался высвободиться из объятий Барбары, хотя стрела все еще торчала у него из груди.

— Я же тебе говорю, со мной все в порядке! Возвращайся в свою колесницу и отстань от меня!

— Ты жив? Тебя сильно ранило? — сквозь слезы спрашивала Барбара.

— Да у меня нет ни единой царапины! Мы поедем вперед или повернем обратно? Я бы вернулся обратно...

— И это, когда мы уже проделали три четверти пути? У тебя помутился рассудок, дорогой. Конечно же, мы поедем вперед!

— Ладно, едем куда угодно, только побыстрее! Эй вы, двое, а ну-ка, забирайтесь в свои колесницы!

Ироедх и Антис тут же вскочили в колесницы и схватились за хлысты. Животные, уставшие от долгого ожидания и возбужденные стрельбой, понеслись вскачь. Колесницы, раскачиваясь из стороны в сторону, неслись за ними, переезжая мертвых трутней. Теперь они уже не страшны. Правда, Ироедх показалось, что со стороны леса слышны негодующие крики. Но даже если это было и так, то их преследователи опоздали.

Йедх подала голос из последней колесницы:

— Давайте-ка поторапливаться. Витхиас очень настойчивый. Он может броситься за нами в погоню.

Ироедх обернулась к Блочу:

— Как вы себя чувствуете? Люди неуязвимы, или вы носите под одеждой кольчугу?

Блоч вытащил из груди стрелу и бросил ее на дорогу.

— Она вонзилась прямо в радиопередатчик. Если он сломался, то последствия могут оказаться очень серьезными... Я не знал, что автини используют стрелы.

Ироедх пояснила:

— Обычно мы пользуемся ими только на охоте, потому что стрелы не пробивают броню. Трутни увидели, что мы не защищены ею, вот и использовали против нас свои охотничьи луки.

Барб с сомнением в голосе сказала:

— Мне кажется, настоящая терранская стрела легко пробьет медную броню, по крайней мере, если будет выпущена с близкого расстояния, — с сомнением в голосе проговорила Барбара.

— Возможно, на этом континенте нет хороших сортов дерева, — возразил Блоч.

Ироедх погрузилась в грезы. В них она видела свои переговоры с представителями Общины Кхвема, специализирующейся на морской торговле, о получении ценных пород дерева, прибывших с другого континента, которое может принести пользу Элхаму.

Но потом она решила, что война с арсууни закончится задолго до того, как Ироедх могла получить пользу от подобной

сделки. Кроме того, она была изгнана из Элхама и находилась в положении «сироты», подобно Йедх. Мысль об отрыве от Общины привела ее в удрученное состояние. Если кто-то другой на ее месте мог найти для успокоения супругу или супруга, то она, из-за того, что была среднего рода, не могла довольствоваться даже этим...

Путники миновали перекресток, откуда дорога сворачивала к Кхвему, и дымящийся вдали конус горы Висгад. Над головой проплывали облака едва различимые после заката солнца. Животные, тащившие колесницы, пыхтели и пошатывались от усталости. Блоч стал настаивать на том, что им необходимо разбить лагерь в стороне от дороги, чтобы как следует отдохнуть. Пришлось кружить среди кустов и деревьев, пока не нашли удобную поляну на каменистом склоне холма. Оттуда хорошо просматривались окрестности, самих же путешественников невозможно было увидеть с дороги.

Блоч достал из нагрудного кармана радиоприемник и, заглянув внутрь, стал изучать его, направив на него свет какого-то терранского приспособления — маленького цилиндра, светящегося на конце. Затем со злостью отбросил его в сторону и объявил:

— Теперь от него никакого проку. Впрочем, кое в чем он нам поможет. Потому что если Суббарау не получит от меня вечером сообщения, он пошлет Кенга искать нас. Но он не сможет найти нас на дороге... Эй, Антис! Прекрати музицировать!

Антис, с увлечением игравший на флейте, тут же умолк.

Блоч, повернувшись к Йедх, спросил, насколько, по ее мнению, путники могут чувствовать себя в безопасности на этой поляне.

— Я не уверена, что нам не грозит опасность. Ведь до горы Висгад совсем недалеко, и если наши враги отправятся в путь вечером, то к утру они будут здесь, — объявила она.

— Тогда нам следует покинуть это место еще до наступления утра. Как далеко отсюда Ледхвид?

— Если мы выедем отсюда на рассвете и будем ехать, не мешкая, то доберемся туда к полуночи.

— Решиться ли Витхиас атаковать Оракула?

Йедх заколебалась, прежде чем ответить. Наконец, она заговорила:

— Если бы вы спросили меня об этом вчера, я бы сказала, что сама эта мысль об этом — абсурд. Все трепещут перед Оракулом, по крайней мере уважают его за практические достижения. Работницы всех Общин, даже те, кто находится в состоянии войны друг с другом, мирно встречаются у его обители. Это касается даже арсууни. Они обмениваются новостями и угощают чем-нибудь вкусным своих соседей. Теперь, однако, Витхиас, если он — это действительно был он, перестал уважать нейтралитет Оракула, ведь он отважился напасть на его слугу, то есть на меня. Так что я не уверена, что Оракула и в дальнейшем будут уважать.

— В любом случае мы усилим охрану нашего лагеря. — Привязав какую-то трубку к ружью, Блоч объявил: — Барбара и я будем по очереди дежурить вместе с одним из вас, автини.

— А что это вы привязали к ружью? — спросила Ироедх.

— Эта штука позволит нам ночью видеть так же хорошо, как и днем. А теперь помоги-ка мне сложить вещи, и мы приляжем отдохнуть.

Ироедх дежурила вместе с Барбарой.

— Здесь такие темные ночи! — пожаловалась ей девушка. — Не думаю, что смогла бы жить на вашей планете, ведь здесь нет луны.

«Действительно, ночью было темно», — отметила про себя Ироедх. Но она никогда не видела луны, поэтому не могла сравнить свой собственный мир ночью с каким-нибудь другим. Кругом не было слышно ни звука, кроме храпа Винстона Блоча и гуденя насекомых.

Ироедх шагала туда-сюда, поворачивая голову в разные стороны, и пытаясь своими маленькими круглыми ушками уловить любой едва слышный звук. В какой-то миг она могла поклясться Гвууром, что услышала слабый шум — металл лязгнул о металл.

— Ироедх, что это? — испуганно спросила Барбара.

— Тихо. Кто-то идет сюда.

— Давай разбудим остальных... — едва успела сказать Барбара, как кто-то крикнул:

— Да здравствует Витхиас!

Вслед за этим со всех сторон послышались крики:

— Да здравствует Витхиас! Да здравствует Витхиас! — Из кустарников, окружавших поляну, показались крупные фигуры незнакомцев.

Барбара остановилась на полпути к тому месту, где лежал Блоч, и прицелилась из ружья. Ироедх тут же выхватила из-под полы мачете.

— Они наступают на нас со всех сторон! — выкрикнула Ироедх, увидев своими расширенными зрачками массу наступавших на лагерь врагов.

Так-так-так-так! — заработало ружье. В наступившей после грохота тишине Ироедх услышала какие-то странные звуки, и обернулась на них. К лагерю пробирались трое трутней-оборванцев, держа копья наперевес. Ироедх тут же выступила вперед, приготовившись дорого продать свою жизнь.

Крак! — раздался выстрел из пистолета — оттуда, где лежал Блоч. Потом еще один. Блоч уже вскочил на ноги, выхватил ружье из рук Барбары, и принялся палить из него. Ироедх увидела, как наступавшие отпрянули в сторону леса. Кто-то из них упал, некоторые бросились наутек.

Блоч зарядил ружье новой обоймой патронов, затем, посмотрел в прицел, поводил ружьем туда-сюда.

— Они быстро поняли, что я могу взять их на прицел. Не видно никого, кроме трупов.

Вокруг лагеря шум стал более явственным. Враги окружали путешественников, даже не пытаясь скрыть свое приближение. Тут и там были слышны обрывки разговоров, кто-то стонал от боли.

Антис и Йедх приготовились к схватке, держа наготове свое оружие. Но в темноте они то и дело спотыкались о сложенные в кучу вещи.

— Не думаю, что бандиты попытаются повторить атаку, — заметил Блоч.

Но Йедх возразила со вздохом:

— Витхиас очень упрямый. Эти трутни боятся его гораздо больше, чем вашего волшебного оружия.

— Так-то оно так, но сможет ли он заставить их броситься в атаку, если они сами не захотят этого?.. Что это?

Что-то явно случилось у подножия холма, только Ироедх не могла понять, что именно. Слышны были удары, какой-то звон, шаги.

Йедх испуганно закричала:

— Они запрягают наших животных! Уедут с ними на колесницах!

Блоч чертыхнулся и растерянно спросил:

— Что же нам делать?

Антис точил свое мачете с помощью точильного камня. Подумав немного, он посоветовал:

— Вы можете выстрелить в то место, где находится упряжь. Возможно, это остановит их.

— Но так я могу убить животных! А без них нам будет так же плохо, как если эти бандиты уведут их.

— Тогда вы можете отправиться вниз с ружьем и атаковать их с близкого расстояния.

— Да? Я не могу... ведь я плохо вижу в темноте, а этих бандитов сотни...

— Так вы боитесь? Хорошо, тогда я пойду к ним — с одним лишь мачете! Я покажу...

— Они уезжают! — закричала Йедх.

Послышался свист хлыстов, крики, стук колес отъезжавших повозок. Блоч взревел от ярости:

— Слишком поздно. Мы оказались в очень затруднительном положении! Ведь наша амуниция и еда были на этих колесницах.

— И моя мука, — с горечью вздохнула Ироедх.

— И мои записи, — добавила Барбара.

Вдруг Блоча осенило:

— Йедх, ты ведь говоришь на их диалекте. Спроси, чего они хотят.

Йедх встала во весь рост и закричала:

— Витхиас из Вардхема!

Ей пришлось прокричать это несколько раз. Наконец, в ответ послышался голос главаря:

— Я слушаю.

— Чего ты хочешь от нас?

— Мы хотим получить у терранцев волшебное оружие. Если они нам его отдадут, мы вас отпустим с миром.

Когда эти слова были переведены, Блоч спросил:

— Можно ли доверять этому Витхиасу?

— Думаю, нет. Ведь он непочтительно обращается со жрицей Оракула.

Блоч колебался, нервно сжимая суставы пальцев. Наконец сказал:

— Ответь ему отказом. Я не смогу смотреть в глаза Суббарау, если позволю этим бандитам украсть наши ружья.

Йедх отказала Витхиасу. В темноте началось какое-то движение, и затем послышался свист выпущенной из лука стрелы.

Блоч крикнул своим товарищам:

— Быстро прячьтесь среди вещей!

Послышался свист еще нескольких стрел; одна из них со звоном ударилась о поклажу путников.

— Вы не можете рассмотреть никого из них в ваш волшебный окуляр? — спросил Антис.

Блоч, который пытался сделать именно это, воскликнул:

— Не так хорошо, чтобы без промаха выстрелить. Лучников плохо видно, они находятся за гребнем холма.

— В этом случае они, возможно, и не попадут в нас, — заметила Ироедх.

— Может, и так. Но все же, пригнитесь.

— А почему бы вам не выползти отсюда, и не атаковать их? — поинтересовался Антис. — Если вы появитесь с этим оружием в их рядах, то сможете убить бандитов.

— Даже не знаю... А сколько их, Йедх?

— Если здесь собралась вся банда, то их более двухсот, — ответила жрица.

Стрелы продолжали падать совсем рядом с путниками.

— С тех пор, как они захватили наши колесницы, у меня осталось где-то от восьмидесяти до ста патронов для винтовки, плюс двадцать или тридцать для пистолета Барбары, — объяснил Блоч. — Мы можем потратить их за считанные минуты, поэтому нужно считать каждый

выстрел. А ведь в действительности патронов нам нужно намного больше.

Ироедх показалось, что Блоч оправдывается перед товарищами за то, что боится подойти ближе к бандитам. Антис, между тем, продолжал настаивать:

— Если вы убьете нескольких, остальные обратятся в бегство. Я пойду с вами с мачете...

Йедх пронзительно вскрикнула и стала задыхаться. Ироедх, прикрыв спину щитом, подползла к жрице и увидела, что у нее между ребрами торчит стрела. Йедх прошептала:

— Если бы мне только довелось еще раз испытать настоящую любовь...

Ее голова поникла. Ироедх объявила:

— Она мертва, бедняжка. Доктоблоч, Я согласна с Антисом — нет никакого смысла оставаться здесь до конца ночи под дождем из стрел.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Блоч.

— Я сомневаюсь, что они окружили нас плотным кольцом. Если мы возьмем с собой лишь то, что нам действительно нужно, и попытаемся выйти из окружения, бандиты, возможно, даже не заметят этого.

— Даже не знаю, — засомневался Блоч.

— Она говорит дело, — подала голос Барбара.

— Мне ненавистна мысль, что нам придется бежать, — начал было Антис, но Барбара перебила его:

— Мы можем уйти с дороги, и пойти совсем не в ту сторону, как ожидают бандиты. Сделаем большой круг, и вернемся на дорогу, но на несколько километров севернее этого места. Это будем совсем недалеко от Ледхвида.

Стрелы продолжали падать совсем близко.

После некоторого раздумья Блоч согласился:

— Хорошо. Давайте каждый возьмет с собой то, что ему действительно необходимо. Мы с Барбарой пойдем впереди, а вы, двое, понесете наш скарб.

Антис возразил:

— Так дело не пойдет. Если вы вдруг выстрелите, враги поймут, что случилось. Лучше вы несите вещи; мы с Ироедх пойдем впереди, и... — он сделал рубящий жест рукой, словно не принимал никаких возражений.

Ироедх нащупала в темноте часть своего имущества. Единственная потеря, о которой она сожалела, это была мука. Ведь без нее ей, возможно, придется голодать. Ироедх сложила свои пожитки в плащ, и связала концы в тугой узел, как это делал Антис.

— Ну как, все готовы? — спросил Блоч. — Тогда идем, только спокойно!

Низко пригибаясь, путники двинулись гуськом прочь от дороги, оставив за спиной баррикаду из сваленных в кучу вещей.

Глава 8. Королевское желе

Антис вел своих спутников вперед. В одной руке он держал перед собой щит, в другой — мачете. Ироедх шла за ним, глядя вперед из-за его плеча. У них за спиной на территорию опустевшего лагеря продолжали лететь стрелы. Вокруг стрекотали в ночной тиши насекомые. Было слышно, как вдали о чем-то переговариваются бандиты.

Путники уходили все дальше от дороги, поднимаясь на холм. Ироедх слышала тяжелое дыхание терранцев у себя за спиной; принимая во внимание их поклажу, это было неудивительно. Антис повернул голову в сторону и тихонько свистнул. Ироедх пригнулась ниже к земле, и стала двигаться более осторожно. Пальцами она еще крепче обхватила рукоятку кинжала.

Прямо перед ними послышался чей-то голос:

— Кто здесь?..

В темноте показалась чья-то фигура. Антис наклонился вперед и сделал выпад. Ироедх прыгнула к нему, стараясь оказаться рядом, и тоже нанесла удар по противнику. Она почувствовала, как сталь вошла в тело врага.

Противник, еле различимый в темноте, зашатался. Когда к ним подбежал Блоч, с ружьем наготове, нападавший был уже мертв.

— Пойдемте, — пробормотал Антис.

Они перевалили через вершину холма, и спустились с другой стороны. У подножия густо росли деревья, поэтому путникам пришлось двигаться медленно и осторожно, чтобы не запутаться в корневищах.

— Антис, ты уверен, что мы идем в нужном направлении? — спросил Блоч. — Может, ты опять приведешь нас к этому же месту?

— Не уверен. Но я стараюсь идти так, чтобы враги оставались у нас за спиной.

Блоч проворчал:

— Надеюсь, мы скоро выберемся из этих зарослей, и я смогу оглядеться. Тогда же и выяснится, в правильном мы идем направлении или нет.

Путники двинулись дальше, но без особой надежды на успех. Со всех сторон их обступала кромешная тьма, и различить хоть что-то можно было не дальше, чем на несколько метров. Спустя некоторое время у них появился новый план. Блоч вел наблюдение за окружающей местностью через подзорную трубу, в то время как остальные продвигались вперед, следуя его инструкциям. Чуть позже он присоединился к своим спутникам.

Когда заросли становились особенно непроходимыми, Ироедх или Антис шли впереди группы и прокладывали путь с помощью мачете, а люди держались позади. Вскоре Ироедх поняла, что бронзовая ручка орудия вовсе не так хорошо удерживала лезвие, как стальная. Через пару часов от мачете было не больше проку, от дубинки.

Они все еще устало пробирались вперед, когда над верхушками деревьев стало светать. Ироедх не могла припомнить, чтобы она когда-то раньше так сильно уставала; задачи, которые ставились перед ней Общиной, иногда бывали сложными, но все было настолько хорошо организовано, что работниц никогда не доводили до изнеможения.

На рассвете они вышли из зарослей и увидели перед собой склон холма — нагромождение огромных камней. Путники стали карабкаться вверх пока не добрались до вершины. Там они сели передохнуть.

— Есть ли у нас что-нибудь перекусить? — спросил Блоч.

Антис развязал узлы плаща.

— У нас тут осталось три нераспечатанные коробки, которые были в колесницы. Я взял их с собой. Думаю, в них маслянистое мясо, которое вы употребляете в пищу. — Он протянул товарищам три жестяные коробки с рыбными консервами.

— А как же бедная Ироедх? — спросила Барбара.

— Если она хочет попробовать рыбу, милости просим. — пожал плечами Блоч. — Если нет, то... А в этих лесах есть какая-нибудь пища, подходящая для нее?

Он открыл одну из жестянок.

— Здесь не так-то легко выжить, — вздохнул Антис. — Если бы у меня было ваше ружье, и я знал бы, как им пользоваться, я бы подстрелил какого-нибудь зверя. Но для нее... Я не знаю, что здесь может быть подходящее.

— Я уже пыталась что-нибудь найти. Некоторые съедобные ягоды и злаки, которые растут недалеко от Элхама, думаю, вряд ли можно найти здесь, далеко на севере. Но я не хочу никакой рыбы, спасибо. Если мы вернемся обратно на дорогу, думаю, я смогу продержаться, пока доберемся до Ледхвида, — отозвалась Ироедх.

— Если только мы сможем найти дорогу. А ну-ка, Винстон, достань карту и компас, — распорядилась Барбара.

Блоч достал из рюкзака карту и развернул ее, потом начал искать компас. Он перерыл весь рюкзак, потом полез по карманам, но так ничего и не нашел. Лицо у него стало озабоченным, и он прошептал:

— Но ведь он у меня был...

— Вы ищете ту маленькую круглую светящуюся вещицу, с помощью которой ночью рассматривали карту? — спросил Антис.— Еще в лагере вы положили ее на камень. Возможно, там ее и забыли.

Блоч опять перевернул все вверх дном, затем воскликнул:

— Мне жаль до слез! Барбара, почему же ты не напомнила мне взять его с собой? Ведь это твоя обязанность — следить за тем, чтобы я не терял вещи...

— А вот и нет! В прошлый раз, когда я напомнила тебе о чем-то подобном, ты просто накричал на меня!

Барбара повернулась к Ироедх и с обидой в голосе сказала:

— Что за странная черта у терранских мужчин! Когда они делают что-нибудь глупое, то всегда обвиняют в этом своих жен!

— Мы оказались в затруднительном положении, — хмыкнул в ответ Блоч. — Если бы светило солнце, я бы смог по часам определить, где север. Если бы у нас было радио, я бы узнал, на каком расстоянии мы находимся от «Парижа». Но при сложившихся обстоятельствах я совершенно не представляю, куда нам идти.

— Но ведь у вас есть карта, не так ли? — уточнила Ироедх.

— Да, но вы только посмотрите на нее! — протянул он ее своим товарищам. — Это карта, которая показывает путь из Глиида в Ледхвид, и составлена она на основе фотографий, которые сделал Кенг с воздуха. Все, что на ней изображено, это дороги, ручьи и пара Общин. Остальное — лес. На ней нет никаких указаний, которые могли бы помочь определить, где мы находимся. Все, что я могу сказать — мы где-то к востоку от главной дороги.

— Как вы думаете, если мы найдем какой-нибудь ручей, может пойдем вниз по течению? — осторожно спросил Антис.

— Смотрите! —вдруг резко сказала Барбара.

На другой стороне долины, простиравшуюся перед ними, на вершине расположенного напротив холма, появились какие-то фигуры. Они то появлялись, то исчезали из виду среди густой растительности. Хотя они и были слишком далеко, чтобы определить, кто это, Ироедх увидела, что они несут копья.

Антис предложил:

— Давайте побежим навстречу!

Но Блоч возразил:

— Нет! Нам надо сидеть совершенно тихо. Если мы не будем двигаться, возможно, они нас и не заметят.

Путники остались в укрытии, застыв от страха, пока первая группа трутней не исчезла из вида, а вторая не показалась на гребне холма.

Барб сказала:

— Думаю, первая группа дойдет до нас прежде, чем последние спустятся с холма.

— Мне кажется, они заметили нас! воскликнула Ироедх.

Среди приближающихся трутней началась суета. Они что-то кричали и размахивали руками. Некоторые из них бросились бежать.

Блоч взревел от негодования:

— Немедленно уходим! Прекрати рубить кусты, Антис; ведь по образовавшейся тропе им будет легче преследовать нас!

Они тут же вскочили на ноги и бросились наутек в лес.

— Интересно... как они... нашли нас... на этот раз? — тяжело дыша, проговорила Барбара.

— Они много охотятся... исследуют землю, ищут следы. А ведь мы... вырубили много... кустов, — пояснил Антис.

Ироедх пыталась отдышаться, чувствуя, что ослабла от голода. Они бежали, когда это позволяла местность, местами, когда растительность становилась гуще, переходили на быстрый шаг. Так они шли и шли, не обращая особого внимания на то, в каком направлении движутся. Иногда их маленькую группу вел Блоч, иногда Антис. Делали все для того, чтобы увеличить расстояние между собой и шайкой разбойников.

Ироедх сбросила с себя шлем с пряжкой, которые сняла с мертвого трутня за день до этого, вызвав негодование Антиса. Наконец, Барбара взмолилась:

— Должно быть, я... давайте остановимся на минутку.

Они остановились, чтобы отдышаться. И тут же услышали приближающийся шум погони. Пришлось немедленно отправляться дальше.

— Йедх была права. Этот негодяй Витхиас охотится за нашими ружьями, — с горечью вздохнул Блоч.

— Естественно, заполучив их, он может править целой планетой, — согласился с ним Антис.

— Но без боеприпасов он ничего сделать не сможет. Впрочем, он может этого и не знать... Ты можешь идти, Барбара?

Они опять двинулись в путь. Для Ироедх их бегство превратилось в настоящий кошмар. Они бежали, шли, перелезали через какие-то бревна и скалы, спотыкались, падали, опять поднимались, спотыкались... Так они шли целый день и большую часть ночи.

На следующий день, к полудню, они вышли, наконец, к ручью. Блоч сказал:

— Если мы перейдем его вброд, то сможем оторваться от погони.

Какое-то время они шлепали по воде, но вдруг заметили, что ручей поворачивает в том направлении, откуда они пришли. Блоч, шедший впереди, обернулся к своим товарищам и заметил:

— Думаю, нам надо опять углубиться в лес...Ух!

Его ноги вдруг увязли в песке по колено, и он тут же стал проваливаться все глубже. Блоч быстро сбросил с себя рюкзал и швырнул его на берег.

— Здесь зыбучие пески! Дайте мне кто-нибудь шест! Барбара, возьми ружье!

Ироедх была так измучена, что смогла лишь остановиться и с изумлением наблюдать, как Антис, спотыкаясь, вышел на берег и начал искать молодое деревце, чтобы сделать из него шест. Но оказалось, что все деревья здесь были старыми и большими. Пока Антис продолжал свои поиски, Барбара опустилась на колени и поползла по песку к тому месту, где находился Блоч, увяз уже по пояс.

— Хватайся за него! — сказала она, протягивая Блочу свой жакет, и удерживая его за один из рукавов. Пара неудачных попыток, и, наконец, Блоч ухватился за него.

Ироедх наклонилась вслед за ней, и ухватила Барбару за лодыжки, чтобы та не увязла вместе с Блочем. Мало-помалу, ухватив жакет, а потом и руку Барбары, Блоч стал потихоньку выбираться на безопасное место. К тому времени, когда Антис показался на берегу с шестом, Блоч уже был в безопасности. А через несколько секунд он сидел на скале, и выковыривал грязь из ушей. Барбара же целовала его и уверяла, что он совершенно замечательный.

Ироедх, хотя и прислушивалась поминутно, звуков погони не слышала.

— Похоже, нам удалось скрыться от преследователей, — с облегчением выдохнул Блоч. — Если найдем еще какой-нибудь водоем, то искупаемся, прежде чем скрыться в лесу.

Путешественники пошли дальше, избегая зыбучих песков, и вскоре подошли к другому водоему, где смыли с себя грязь. Ироедх заметила, что любопытный запрет терранцев обнажаться, казалось, был временно отменен, или, возможно, не касался супругов. Один из терранцев стоял на страже, пока другой мылся. Ироедх уставилась на них с искренним интересом, отмечая сходство и различие между мужчиной-человеком и автини, и размышляя над тем, какое все это имеет значение. Поскольку сходство перевешивало отличия, она подумала, что биологическая основа у этих двух видов все же одна и та же.

Спустя некоторое время они опять вошли в лес. Когда стемнело, решили, что все же смогли оторваться от преследователей. Единственной проблемой было то, что они сами сбились с пути, причем еще в большей степени, чем раньше.

— Если бы выглянуло солнце... мы бы могли двинуться на север, потом на запад, и так вышли бы на дорогу через пару дней... — тоскливо протянул Блоч. — Опять этот дождь!

Послышался стук дождевых капель о листья деревьев.

— Как долго может идти здесь дождь? — спросил Блоч.

В ответ Антис лишь пожал плечами.

— Возможно, час, а может быть, три или четыре дня.

Тогда Блоч с тоской в голосе объявил:

— Теперь с нами может случиться все, что угодно. Какой-нибудь ноаг может попытаться сожрать нас...

Антис возмутился:

— Не надо говорить такое! Иначе и впрямь это может случиться! Кроме того, в этих северных лесах ноаги гораздо крупнее, чем те, что обитают неподалеку от Элхама.

— Во всяком случае, нам надо сделать укрытие. Ироедх, может, ты подберешь несколько шестов, — распорядился Блоч.

Ироедх попыталась подняться на ноги, но, к собственному ужасу, она не смогла этого сделать.

— Я не могу встать. Слишком ослабела, — еле слышно проговорила она.

— Чему же тут удивляться? Ведь ты проделала весь этот путь с пустым желудком, — заметила Барбара.

— Одолжи-ка мне мачете, — попросил Блоч и ушел куда-то с Антисом. Ироедх слышала, что они, спотыкаясь и переругиваясь, пробирались через заросли, но были слишком далеко, чтобы понять, сумеют ли они устроить укрытие от дождя или нет.

— Все это очень серьезно, малышка. Даже если дождь прекратится, нам потребуется два или три дня, чтобы вернуться к дороге. И как же ты сможешь обойтись без еды? — с участием спросила Барб.

— Я...я думаю, что справлюсь. Мне уже лучше, ведь я отдохнула, — пролепетала Ироедх.

Им удалось сделать укрытие. Хотя сквозь зелень просачивалось много воды, и Ироедх казалось, что оно защищает

не лучше, чем солома, все же так было лучше, чем совсем без укрытия. Блоч, Барбара и Антис поделили между собой оставшуюся рыбу. Они не хотели, чтобы неприятель увидел свет, поэтому разожгли совсем небольшой костер — чтобы хоть как-то согреться в эту сырую и ужасную ночь. Антис достал что-то из сохранившихся доспехов и стал приводить свою добычу в порядок. Блоч с удивлением воскликнул:

— Ты что же, прихватил эту рухлядь, когда мы едва сами спасались?

Антис насмешливо откликнулся:

— Доктоблоч, я ведь не возражал, когда вы тащили свою трубку и сорную траву, чтобы ее разжигать.

Блоч покосился на свою только что раскуренную трубку и решил сменить тему разговора.

Дождь шел еще день и ночь, а потом еще день и ночь. Но потом подул ветерок, разогнал тучи, и дождь прекратился. Как только появился первые солнечный луч, Блоч выскочил из укрытия, проделал что-то со своими часами и лезвием ножа, и радостно воскликнул:

— Вон там север! Идем!

Ироедх почувствовала, что двухдневный отдых придал ей сил, и она может идти дальше — по крайней мере какое-то время. Но идти ей стало труднее. Блоч теперь знал, в каком направлении им нужно двигаться, и твердо настаивал на том, чтобы они не отклонялись от намеченного курса. Даже если уставшим путникам приходилось перебираться через крутые холмы и топкие болота, где было полным-полно кусающихся насекомых. Да уж, раньше идти было легче. Но они шли вперед целый день, потом сделали привал, а после этого шли весь следующий день.

Утром путешественники выбрались из болота и прямо перед собой увидели высокий холм. Обогнув выступ, они обнаружили скалу, в которой оказалась пещера. Небольшая, но достаточно вместительная для того, чтобы в ней расположился их маленький отряд. По общему согласию они забрались внутрь, чтобы отдохнуть. Антис, как обычно, воспользовался паузой для того,

чтобы наточить мачете — свой и Ироедх, а Блоч стал исследовать с помощью бинокля небо в поисках Кенга.

Блоч, заросший к этому времени желто-коричневой щетиной, сказал:

— В этом месте было бы гораздо удобнее провести те два дождливых дня, но я думаю... Что это?

Из леса вышло какое-то животное: двуногое травоядное, только необычно большого размера. Оно спокойно отламывало передними лапами ветки от деревьев и поедало листья.

Антис воскликнул:

— Это дикое животное! Быстро убейте его!

— Оно может быть опасно для нас? — прошептала Барбара.

— Нет, но я сильно проголодался.

Ба-бах! Ироедх так и подпрыгнула от страха. Когда звон у нее в ушах утих, она увидела, что бедное животное упало на землю, дрыгая лапами. Блоч бросился к нему по склону холма. Когда он приблизился к своей жертве, та уже затихла.

— Обед! — позвал он остальных.

Остальные трое двинулись к тому месту, где лежало убитое животное.

— Мне бы хотелось, конечно, сохранить его как образец, но я боюсь... — начал Блоч.

Барбара перебила его и в ее голосе в этот раз звучали ироничные нотки:

— Ты так же носишься со своими образцами, как Антис с доспехами.

— Ты сможешь разделать его, Антис? — поинтересовался Блоч.

— С удовольствием. Я научился этому у Умвуса. Но мы сэкономим время, если вы дадите мне нож из терранского металла. Ироедх!

— Да?

— Как изобразить охотничий танец, чтобы привлечь к себе удачу?

— Нужно нанизать голову убитого животного на столб и прокружиться вокруг него обнаженным восемь раз. Если упадешь, то все будет испорчено, и нужно начинать сначала.

— Здесь нет ничего такого, что могло бы тебе помешать сделать все как следует. Снимай-ка башмаки, и давай попробуем, — сказал, оглядываясь по сторонам, Антис.

Он начал пилить шею убитого животного, а Ироедх стала развязывать ботинки. Она почувствовала, что на это ушли все ее силы. Сама перспектива протанцевать восемь кругов вокруг пугала ее, да Ироедх не очень-то и верила, что этот ритуал им поможет. С другой стороны, она не хотела обидеть Антиса.

Блоч тем временем расстелил на выступе холма какую-то тряпку и разобрал ружье, разложив по-порядку его части, чтобы как следует почистить и смазать каждую деталь. Барб отправилась за водой, использовав шлем Антиса как ведро.

— Готово! — закричал Антис, нанизав голову несчастного животного на шест, который выстрогал из дерева. Кровь жертвы стекала на траву.

— Мне кажется, твой волшебный ритуал — чепуха, —заметил Блоч. — Возможно, привлечь к охотнику удачу и можно, но если все это проделывать с головой животного, ничего путного не выйдет, — задумчиво изрек Блоч.

— Вы ничего в этом не понимаете, Доктоблоч. Этот ритуал всегда нам помогает. Ты готова, дорогая?

Ироедх медленно поднялась с земли:

— Я так устала, Антис...

— Это займет у тебя всего лишь минуту. Давай же, встань с той стороны, а я встану здесь. Готова?

Он начал хлопать в ладоши и прыгать назад. Ироедх, пошатываясь, старалась делать то же самое. Пройдя три круга, она споткнулась и опустилась на землю.

Антис закричал с нескрываемым раздражением:

— Ироедх! Нам теперь придется начать все сначала. Старайся быть внимательной, смотри через плечо. Ты же храбрая работница!

Они сделали уже почти шесть кругов, как вдруг прозвучало два пистолетных выстрела. Прибежала Барбара, а за ней несся ноаг — настоящее чудище. Его длинная шея была изогнута, пасть широко разинута, когтистые лапы пытались схватить беглянку, а длинный хвост был выгнут, словно труба.

— Бежим! — закричала Барбара, устремившись к товарищам.

Блоч, находившийся на вершине холма, вскочил на ноги, сжимая в руках ствол бесполезного ружья.

— Давайте сюда! Мы должны держаться от него подальше! — закричал он.

Из последних сил Ироедх заставила себя двинуться в сторону холма. Антис несся впереди, но, увидев, что его возлюбленную шатает, схватил Ироедх за руку и потащил за собой.

Отчаянный крик Барбары заставил Ироедх оглянуться. Женщина уже почти достигла подножия холма, как вдруг споткнулась и упала. Пистолет, который она до этого сжимала в руке, отлетел в сторону. А разъяренный ноаг несся прямо на нее огромными скачками.

Мимо Ироедх промчалось что-то коричневое. Это был Блоч, который размахивал над головой оставленным Антисом на холме мачете и выкрикивал какой-то воинственный терранский клич.

Ноаг, который уже наклонился, чтобы схватить Барбару, взглянул на Блоча и испуганно отпрянул в сторону, потому что неизвестный враг мчался прямо на него. Мачете просвистело в воздухе; ноаг взревел от боли, когда сталь отсекла у него два когтя и вонзилась в клыкастую морду. Антис, видевший, что произошло, подхватил с земли мачете Ироедх, и выступил в битву. Но, прежде, чем он успел приблизиться к разъяренному зверю, тот, весь окровавленный, попытался обратиться в бегство. Однако Блоч успел метким ударом отсечь часть его хвоста. Зверь все же сбежал, и постепенно его завывание становилось все тише и тише, пока не смолкло окончательно.

Блоч и Барара бросились друг к другу, обнялись и стали приговаривать что-то нежно по-терранси. Антис, наблюдая за ними, сказал Ироедх:

— Я недооценил Доктоблак, думал, мужество покинуло его. А ведь он показал себя таким храбрым и сообразительным, ведь так?

Ироедх и сама замечала, что во время конфликтов с трутнями Блоч действовал как-то неуверенно, был робок.

— Должно быть, так выражается их терранская любовь, — пояснила она. — Помнишь, что произошло, когда он попал в зыбучие пески? Перед лицом опасности любовь заставляет людей рисковать ради друг друга, совершать те поступки, на которые они бы не отважились ради кого-то другого.

Когда Блоч, Барбара и Антис наелись досыта мясом убитого зверя, Блоч обратился к своим товарищам:

— Как вы думаете, нам лучше отдохнуть в пещере и набраться сил, или идти дальше прямо сейчас, чтобы пройти как можно больше перед наступлением темноты?

Антис был за то, чтобы пуститься в путь незамедлительно, Барбра — за то, чтобы немного отдохнуть. Тогда спросили у Ироедх, что думает она.

— Для меня нет никакой разницы, какое вы примете решение. Ведь я в любом случае не смогу идти дальше.

— Но почему? — спросил Блоч.

Барбара только головой покачала:

— Бедняжка ослабла от голода, поэтому не может идти дальше. Вы только посмотрите на ее ребра. Она ведь ничего не ела целых шесть дней, только и лазила по горам в этой ужасной стране.

— Мне стыдно признаться, но это правда, —прошептала Ироедх. — Вы можете идти, куда хотите, я не в обиде.

— Какая чушь! Неужели ты думаешь, мы оставим тебя здесь умирать в одиночестве? — возмутилась Барбара.

— Но вам-то зачем умирать вместе со мной? Идите...

— Я ни за что не оставлю тебя, дорогая. Ты — все, что я люблю в жизни, — заверил Антис.

— Если ты меня действительно любишь, спаси себя. Я действительно не могу идти дальше, пойми это.

— Но мы сможем нести тебя, — возразил Антис.

— Нет, в данных условиях это невозможно. Возможно, я умру прежде, чем вы доберетесь до дороги, зачем же вам обременять себя? Думайте обо мне, как об умершей, будто меня убил ноаг. И пусть наше расставание будет как можно более безболезненным...

Антис покачал головой:

— Даже если бы я знал, что ты действительно умрешь, я бы остался с тобой до конца.

— Но ведь тогда бандиты схватят тебя! Не будь таким безрассудным. Я покончу с собой прежде, чем позволю тебе сделать это.

— Мы проследим, чтобы у тебя не было ничего острого.

— Есть и другие способы. Да и какой во всем этом смысл? Вы ведь не беспокоились так о бедной Йедх...

— Это совсем разные вещи. Она уже была мертва... К тому же мы никогда не испытывали к ней тех чувств, что испытываем к тебе. Ты словно одна из нас — одна из наших терранцев, я имею в виду, — пояснила Барбара.

А Блоч добавил:

— Я думаю, мы хороним Ироедх слишком рано. Все, что ей необходимо, это хорошо поесть.

— И где же мне найти еду? — спросила, едва выговаривая слова, Ироедх.

Блоч кивнул на останки убитого животного.

— Но вы же знаете, я не могу есть мясо. Для меня это отрава, — прошептала Ироедх.

— А ты когда-нибудь пробовала его есть? — спросил Блоч.

— Нет.

— А ты знаешь кого-нибудь из работниц автини, кто его ел?

— Нет. Но их не было бы уже в живых, если бы попробовали...

— Если ты думаешь, что все равно умрешь, то почему бы не попробовать? В худшем случае оно убьет тебя несколько быстрее, а в лучшем — даст силы идти дальше.

— Но ведь смерть от него будет мучительной!

— Давай заключим соглашение. Ты съешь кусок мяса, и если я увижу, что ты умираешь в конвульсиях, тут же выстрелю в тебя из пистолета. Ты ничего не почувствуешь, и умрешь мгновенно.

Поскольку Ироедх сомневалась, обдумывая его предложение, Блоч продолжил:

— Давай, соглашайся, что ты теряешь? Любой исход лучше, чем ждать, пока одно из этих Джаббервоки сожрет тебя...

— Кто-кто?

— Джаббервоки — чудовище из терранского фольклора. Мне показалось, ноаг немного похож на него... Так как насчет мяса?

— Я, право, не знаю, — подал голос Антис. — Я за то, чтобы она поела мяса, но... не могу стоять и смотреть, как вы будете ее убивать.

Ироедх отозвалась слабым голосом:

— Нет, Антис, он прав. Приготовь мне кусочек, я попробую.

Через несколько минут Ироедх взяла кусок мяса, подула на пальцы, потому что мясо обожгло их, и с осторожностью приблизила ко рту.

— Давай же, это отличный кусок, — сказал, подбадривая ее, Блоч.

Ироедх открыла рот, но тут мужество покинуло ее, и она опять его закрыла. Потом она собралась с силами, глубоко вздохнула, закрыла глаза, и вонзилась зубами в мясо.

Потом она попыталась срыгнуть, но рвоты не последовало. Тогда Ироедх сжала челюсти что было силы, и заставила себя жевать.

Сначала ей показалась, что она попробовала нечто отвратительное. Чуть позже она уже не была уверена, нравится ей эта пища или нет. По вкусу она сильно отличалась от всего того, что Ироедх ела раньше. Она проглотила первый кусок и стала ждать, что будет дальше.

— Мясо тебе на пользу! Ведь у тебя ничего не болит? — поинтересовался Блоч.

— Нет, но, может быть, боли еще просто не начались... А мясо не такое плохое, как я думала.

Все молча наблюдали за Ироедх, пока она не закончила жевать.

— Вы знаете, я могла бы съесть еще кусочек. Не могу сказать, что мне нравится мясо, но я голодна, и если уж умирать, то лучше на полный желудок, — вздохнула Ироедх.

— Подожди немного. После долгого поста слишком много есть не следует. Это может тебе повредить. К тому же, уже поздно, и нам надо остаться здесь переночевать, — объявил Блоч.

Они расположились, насколько могли, удобно, и разделали до конца тушу убитого животного. Антис, кивнув на отрубленную голову, на которой все еще сохранился ужасный оскал, сказал:

— А ведь мы так и не закончили наш танец, Ироедх?..

Ироедх прервала его тираду:

— Дорогой мой, даже если бы этот танец спас все наше племя от полного уничтожения, я не смогла бы сделать ни шагу. Если ты действительно должен танцевать, попроси терранцев составить тебе компанию.

— Очень хорошо. Как вы на это смотрите, Барбара?

— О чем ты?

Антис объяснил ей, что значит танец, приносящий удачу. Сначала Барбара рассмеялась, приведя этим Антиса в замешательство. Но потом сказала:

— Хорошо, я попробую... впрочем, не знаю...

Она вопросительно посмотрела на Блоча и сказал:

— Попробуй, дорогая. Ведь это часть нашей работы — принимать участие в разного рода событиях, когда этого требуют обстоятельства.

Барб сделала два круга в танце, приносящем удачу. За ней наблюдала Ироедх, которая чувствовала себя немного лучше.

Когда солнце село, они снова поели. Ироедх, в любой миг ожидавшая наказания за то, что съела недозволенную пищу, сообщила своим спутникам:

— Пока видимых причин для волнения нет. Но со мной обязательно что-нибудь произойдет, и я буду корчиться от боли...

Блоч с сомнением покачал головой:

— Мне кажется, что-то не так с вашей системой запретов. Может, съешь еще немного мяса?

— Во имя Гвуура — да!

На следующее утро они уложили все оставшееся мясо на длинный шест, который Блоч и Антис взвалили себе на плечи. Компания спустилась с холма в лес. Ироедх шла впереди. Физически она чувствовала себя намного лучше, чем раньше, но душа ее находилась в смятении. Неужели все работницы могли безнаказанно есть мясо? Но тогда почему на Нионде с самого начала установилось правило или верование, что этого делать нельзя?

Она обдумывала все это, как вдруг чей-то крик и звук падения тела заставили ее обернуться. Барбара лежала на песке, схватившись за лодыжку. Лицо у нее побелело от боли.

— Я растянула сухожилие, — заявила она.

Блоч тут же поспешил к ней и помог снять ботинок. Он стал ощупывать лодыжку, пока Барб не вскрикнула:

— Ой!

Блоч удрученно вздохнул:

— Предполагаю, нам придется остаться здесь по меньшей мере еще на день, сейчас она не может идти. Когда же мы отправимся в путь, опять непременно случится какая-нибудь неприятность. Или Антис поранится своим мечете, или я отрублю себе большой палец на ноге. И все это несмотря на весь этот ритуал с танцем.

Антис обиженно протянул:

— Вам не следует так говорить. Кто знает, что могло бы случиться, если бы не было танца? Барб, возможно, сломала бы ногу, а так она просто повредила ее.

— Просто повредила ее! — с возмущением процедила девушка сквозь стиснутые зубы.

Блоч не на шутку рассердился:

— Это безответственное рассуждение, мой друг. Возьмика ее лучше под руку.

Они помогли Барбаре вернуться к выступу скалы, и удобно усадили ее. Чтобы провести время с пользой, Блоч стал вновь расспрашивать Ироедх о ее родном мире. Барбара делала в блокноте записи, но спустя какое-то время у нее кончилась бумага. Тогда Антис сорвал с дерева кору, запас которой как писчего материала ей хватило бы на несколько дней. Ироедх продолжала есть мясо, и на глазах становилась все сильнее и сильнее.

Но повреждение лодыжки у Барбары оказалось гораздо серьезнее, чем все решили сначала. Нога распухла и стала почти в два раза толще, чем раньше. Кое-где появились зеленые и фиолетовые пятна. Блоч, подумав, сказал:

— Нам придется пробыть здесь не меньше недели, так что мне нужно поохотиться. Наши запасы мяса скоро протухнут.

И они отправились с Антисом на охоту.

Через шесть дней Ироедх, сидя на выступе скалы, наблюдала, как Барбара очень осторожно пробовала ступить на больную ногу. Их спутники опять охотились. Ироедх очень нуждалась в дружеском совете, но не знала, как заговорить с Барбарой о волновавшем ее вопросе. Кадровый офицер Элхама, которая обычно разбирала личные вопросы, была сейчас очень далеко. Кроме того, Ироедх очень волновало, что некоторые ее видения приняли очень странные формы. Такие странные, что ей было неловко воспринять их. Например, это было видение о мемориальной колонне в руинах Кхинама, которая вела себя не так, как обычная колонна. Также теперь она злилась, когда Антис безыскусно хвалился, как замечательно он выполнял функции трутня королевы Интар. Наконец, с ней произошли некоторые другие изменения, в которые тяжело было поверить.

Барбара тем временем сказала:

— Думаю, если я сегодня немного потренирую ногу, но завтра смогу идти или, по крайней мере, через день.

Ироедх внимательно посмотрела на ее лодыжку:

— Опухоль почти спала. И если говорить об опухоли...

— Да, дорогая?

— Мне трудно говорить об этом, но вы ведь женщина и, я думаю, поймете меня.

— Пойму — что?

— С тех пор, как я стала есть мясо, у меня появились очень странные ощущения.

— А на что оно похоже?

— Ну... например, у меня появляется тяжесть в груди. Когда я смотрю на нее, то чувствую, что грудь становится больше, как у самок, которые вынашивают детенышей. Или это мне только кажется?

Барбара окинула Ироедх пристальным взглядом.

— Нет... нет... Твоя грудь определенно увеличилась в размерах.

— И у меня появилось чувство, что другие мои органы тоже становятся больше.

— А ну-ка повернись, — распорядилась Барбара. — Я, конечно, не могу видеть, что творится у тебя внутри, но твои бедра без сомнения стали шире.

— И что же мне делать?

— Что ты имеешь в виду? Ты ведь хорошо себя чувствуешь, не так ли?

— Но я не могу превратиться в обычную самку, которая вынашивает детенышей!

— Почему? — удивилась Барбара.

— Но это не укладывается в голове! Я ведь тогда стану настоящим чудовищем!

— Если ты не хочешь напоминать чудовище, почему бы тебе просто не отдохнуть?

— Должно быть, это все из-за мяса. Но если я перестану его есть, то умру!

— И это будет совсем грустно, ведь правда? Поэтому продолжай в том же духе, наше дорогое маленькое чудовище. Мы будем любить тебя в любом обличье.

Когда Блоч и Антис вернулись в пещеру с добычей, которую удалось подстрелить, Барбара рассказала им новость.

— Да будет благословенная душа моя! — выдохнул Блоч. — Это — лучшая новость, что мне довелось услышать за последнее время!

Антис улыбнулся:

— Ты знаешь, дорогая, я тоже заметил, что с тобой что-то происходит. А какова причина этих изменений, Доктоблоч?

Блоч раскурил трубку, прежде чем ответить.

— Вы ничего не знаете о гормонах. Но они существуют в крови, заставляют вас расти и развиваться в разных направлениях. По крайней мере, я думаю, они у вас есть, как

и у нас, ведь вы очень похожи на нас... Например, одна группа гормонов контролирует развитие сексуальных характеристик, и, по-видимому, среди автини железы, которые выделяют эти гормоны, требуют мяса для правильного функционирования. Поэтому работницы отдают мясо трутням и королевам, чтобы те воспроизводили новых работниц. Это похоже на то, как пчелы на Терре кормят личинок специальной пищей, которая называется «королевским желе», чтобы те стали настоящими королевами.

Антис спросил:

— Это значит, что трутень, которого кормили растительной пищей, обязательно станет работницей среднего рода?

— Не знаю, — пожал плечами Блоч.

— А вы не помните работницу из Кхвема, который рассказывал нам об Общине арсууни, в которой отдается предпочтение рабам автини среднего рода-самцам, а не обычным среднего рода-самкам? Может быть, они просто растят детей-трутней на диете без мяса, — предположила Барбара.

— Может, так оно и есть, — согласился с ней Блоч.

— А трутни и королевы растут полностью на мясной диете? — продолжала Барбара. — Или они питаются животной и растительной пищей?

— Вы можете удостовериться в этом, питаясь только растительной пищей, но я не гарантирую результатов. Мое мнение такое: принимая во внимание чрезвычайно высокую способность ваших королев откладывать яйца, они стали очень сексуальными в результате несмешанной ни с чем мясной диеты. О самцах же мне трудно что-либо говорить.

— Но что теперь будет со мной? — простонала Ироедх.

Блоч выпустил из трубки кольцо дыма, и сказал:

— Моя дорогая, не думаю, что ты станешь хуже, чем сейчас. Но ты можешь приобрести новый опыт и насладиться им.

— Тогда на Ниондe для меня не найдется места... А капитан Суббарау сможет взять Антиса и меня в свою команду?

— Нет. Это противоречит нашей политике — увозить обитателей планет из их миров. Ты должна это понять. Однажды я читал о юной леди по имени Алиса, которая стала королевой, перепрыгнув через ручей; но я никогда не слышал о том, что кто-то мог стать королевой, поедая три раза в день мясо!

Глава 9. Оракул

Вновь путники расположились отдохнуть у небольшого ручья, и съели порцию мяса, которую заготовили в дорогу еще в пещере.

— Мне кажется странным, как здесь может промышлять такая большая банда, как у Витхиаса, — начал размышлять вслух Блоч. — На этой территории охотиться довольно трудно: зверья мало, и прокормить всех не так-то просто.

— Я слышал, что к северо-западу от Ледхвида у Витхиаса есть собственные земли, на которых он выращивает все, что необходимо для его банды, — пояснил Антис.

— Для того чтобы снабжать мясом всю эту шайку, необходимо иметь действительно большое хозяйство. Интересно, возможно они и не следуют смешанной диете, несмотря на все ваши запреты?

— Почему вы так думаете?

— Потому что можно получить намного больше калорий, используя непосредственно овощи, чем скармливая их животным, а потом употребляя в пищу самих животных...

Ироедх, заканчивая трапезу, едва прислушивалась к разговору, в котором появилось слишком много технических терминов, касающихся диет. Ее больше беспокоили собственные проблемы.

Ее, например, совершенно не устраивало изменение собственного размера. Теперь, когда она бегала, ее тело тряслось. Она явно поправилась, особенно в бедрах, и это делало Ироедх менее подвижной. Сначала ей казалось, что все это — просто отложение жира, но потом она поняла, что и кости становятся шире. Туловище работницы автини изначально создано разумно и функционально, с минимумом каких-либо выступов. И все эти новые выступы ее тела никак не радовали Ироедх...

К тому же, она заметила странное к себе отношение Антиса. С одной стороны, он теперь рассматривал ее с явным

любопытством, когда, как ему казалось, Ироедх этого не видит. Несколько раз она перехватывала его взгляд, и он тут же отводил глаза в сторону, словно рассматривал что-то другое. С другой стороны, он проявлял странное упрямство, отказываясь теперь спать с ней рядом. В свое оправдание невнятно бормотал, что так ему теперь трудно уснуть.

Что же так беспокоило его? Ироедх же, со своей стороны, любила его еще больше, чем прежде, и хотела как можно чаще быть рядом с ним. Она чувствовала, что в душе у нее растет чувство нежности к нему — совсем как у женщин в «Девушке из Лимберлоста» по отношению к их трутням.

Все это было поистине удивительно. И почему это произошло именно с ней? Когда-то, в стародавние времена, один капризный и вздорный божок был слишком сурово наказан за то, в чем не был особенно виноват. Но Ироедх-то ведь не должна расплачиваться за чьи-то грехи в прошлом! Здесь, видимо, вмешался перст судьбы, который роковым образом указал именно на нее...

Ее размышления прервал Блоч:

— Эй, Ироедх! Ложись-ка спать! Ты должна дежурить лишь третьей.

Ироедх встряхнулась, приходя в себя:

— Антис...?

Антис нахмурился. Кивнув куда-то в сторону, он дал понять, что не хочет ложиться рядом:

— Если ты не возражаешь...

— Но почему? Мне будет холодно и одиноко. Ты за что-то рассердился на меня? Что я такого сделала?

Антис замялся в нерешительности, но потом у него вырвалось:

— Совсем наоборот... Дорогая моя Ироедх, ты забыла, что ты теперь — королева.

— Пока еще нет!

— Ну хорошо, тогда принцесса. Функциональная самка. Фактически нам бы следовало называть тебя «Ироед», просто мы привыкли к твоему старому имени.

— Ну и что? Ты любишь меня теперь меньше из-за этого?

— Вовсе нет. Но я ведь функциональный самец, ты же знаешь. И если я не буду действовать, как мне предписано...

— Но почему ты не можешь этого сделать? — спросила она невинно.

— Ты имеешь в виду... ты имешь в виду... с тобой?

— Конечно, глупыш. Ты так много хвастал о себе и об обрюзгшей старой Интар. Неужели я менее привлекательна, чем она?

— Дорогая моя, тут не может быть никакого сравнения. Но... понимаешь ли, тогда я действовал по приказу. А тут я даже не знаю, как взять инициативу в свои руки. Не представляю, что и делать. Если бы ты была всего лишь старой королевой, я бы... Но ты — Ироедх, на которую я всегда смотрел как на одну из наших богинь. К тому же, ты намного умнее, чем я...

— Но в самом деле я не ...

— Не возражай мне! — неожиданно взревел он.

Ироедх была удивлена его неистовством и тем, что ею теперь легче управлять, чем раньше. Опять эта диета, будь она неладна!

Антис, строго глядя на нее, продолжая:

— Это значит, что ты собираешься создать гарем из трутней, как это делают другие королевы?

— Не знаю. Как-то не думала об этом. Впрочем, полагаю, что да. А у тебя есть какие-то возражения?

— Конечно, есть! Я первым увидел тебя такой, какой ты стала, поэтому и не хочу делить мою королеву с дюжиной других трутней. Если я замечу, что кто-то из трутней смотрит на тебя, я поступлю с ним так же, как Король Аитлес с Идхиосом в известной тебе балладе!

— Неужели ты действительно думаешь, что сможешь в одиночку удовлетворить все нужды функциональной самки? Ведь обычно эту обязанность делят между собой двадцать трутней.

— Конечно. Я могу позаботиться... и не только о тебе одной, но о двух или трех функциональных самках одновременно. Если бы здесь была парочка еще...

— Мне это не нравится! Ты хочешь, чтобы у меня не было других трутней, а за собой оставляешь право оплодотворять любую королеву, которая упадет в твои объятия.

— А ты думаешь, я не смогу?..

— Не знаю, сможешь или нет, но это сделает меня такой же несчастной, как тебя — мои вольности с другими трутнями.

Антис некоторое время смотрел на огонь, пожевывая какой-то стебелек, потом объявил:

— Думаю, нам надо прийти к какому-то соглашению, подобному тому, которое мы, трутни, заключаем, когда достигаем совершеннолетия. Терранцы, например, выработали систему правил «мужчина плюс женщина», основываясь на собственном большом опыте. И, надо сказать, она работает на их благо. Судя по тому, что ты мне говоришь, наши далекие предки тоже имели подобную систему, еще до реформ Даноакора. Но она канула в прошлое и совершенно забыта, поэтому нам надо начать практически с самого начала. Думаю, мы можем обратиться за советом к нашим терранским друзьям.

— Я сама хотела предложить что-нибудь в этом роде! Доктоблоч, послушайте!

— Да?

Антис и Ироедх, перебивая друг друга, стали рассказывать, в каком затруднительном положении они оказались.

Блоч в растерянности запустил пальцы в свою давно не бритую щетину.

— Да снизойдет благословение на мою душу! Только не говорите мне, что вы двое полюбили друг друга, и испытываете те же сентиментальные чувства, что и мы, терранцы!

Антис, потупившись, сказал:

— Похоже, что дело обстоит именно так — по крайней мере насколько мы можем судить. Ощущение такое, что я обжегся.

Блоч покачал головой:

— Это чувство настигло и вас... Если бы миссис Портер могла знать о революционном эффекте воздействия своего сентиментального творения через триста лет на культуру планеты, находящейся в восьми световых годах...

— Но что же нам делать? — умоляюще спросила Ироедх.

— Конечно, вы...как это... да откуда же я знаю? И правда, что вы собираетесь делать?

Ироедх сказала:

— Мы хотим быть похожими на вас и Барбару.

— Тогда что же вам мешает? Я думаю, вы знаете механизм...

Антис прервал его:

— Доктоблоч, вы не понимаете. Ведь по вашим терранским понятиям супружество — не просто животный акт, это настоящий институт. У нас на Ниондe нет такой целостной системы, но мы хотели бы ее иметь. Если мы начнем жить по-новому, то мы хотим сделать это правильно. Поэтому мы и хотим создать лучшую модель, которую знаем — вашу.

— Ваше доверие к терранским порядкам растрогало меня, дорогие друзья, и я надеюсь, они не так уж плохи. По-видимому, вы хотите, чтобы я разработал некий план, свод правил супружества для всего вашего племени. Но эта задача может испугать даже самых смелых. Вы осознаете, что принадлежите к совершенно другому биологическому виду, чем мы? Ваша культура очень отличается от нашей. Таким образом, система, сносная для нас, может совершенно не подходить вам.

— Но мы должны с чего-то начать, — вздохнула Ироедх. — Если мы наделаем ошибок, то попытаемся их исправить.

— Может быть, лучше подождать несколько дней, пока не спросим совета у Оракула? Тогда вы более ясно сможете представить свою дальнейшую судьбу...

В разговор вмешалась Барбара:

— Прекрати извиняться, дорогой Винстон. Ты ведь не воспринимаешь этого старого Оракула всерьез. Кроме того, через несколько дней мы все можем умереть.

— Я только хочу быть уверенным, что они осознали...

— Хватит разговоров, пожени их.

Блоч вздохнул:

— По-видимому, я выбран мировым судьей на планете Ормазд. Может быть, юридически это незаконно, дерзко, но вас трое против меня одного. Антис, чем вы, автини, клянетесь, когда обязуетесь говорить только правду?

— Кто-то клянется своей Общиной, но у нас ее нет...

Ироедх прервала его:

— Подожди-ка. Существует старая форма клятвы, которую сейчас редко используют. Она обращена к Дхиису, Тивиносу, Эунмару, Гвууру и остальным богам. Ее использовали много лет

назад в некоторых консервативных Общинах, несмотря даже на то, что те, кто давал эту клятву, не верили больше в богов.

Блоч обрадовался:

— Тогда мы ее и используем. Сейчас на Терре составляется исключительное соглашение сроком на всю жизнь, хотя в некоторых случаях делается постановление...

Антис перебил его:

— Мы хотим, чтобы это соглашение было на всю жизнь! Ведь правда, моя прелесть?

— Да-да, — кивнула Ироедх. — Хотя, мне кажется, можно сделать некое исключение. На тот случай, если способность трутня к деторождению ухудшится.

— Послушай-ка, я пытаюсь создать для вас цельную систему супружества, — возразил Блоч. — Но будь я проклят, если мне еще придется формулировать и положение о разводе — обдумывайте его сами. Барбара, ты помнишь что-нибудь из того обряда, с помощью которого Суббарау связал нас навеки?

Ироедх умолкла, но в душе у нее остались некоторые сомнения.

Спустя некоторое время, когда они обсудили все формулировки, Блоч объявил:

— Повторяйте за мной: я, Антис из Элхама, действующий самец, беру тебя, Ироедх из Элхама, действующую самку, в жены на веки вечные...

— Как любопытно, — обратилась Ироедх к Барбаре. — Я хотела быть лидером в нашей паре, но почему-то все решения принимает Антис. Конечно, я знаю больше о жизни, чем он, а то, что знает он, я тоже знаю. Поэтому мы с ним играем в своеобразную игру. Я делаю намек — очень осторожно, чтобы это не выглядело, будто я им командую, — он ворчит и говорит, что подумает над моим предложением. На следующий день он кричит: «Дорогая, у меня замечательная идея!» — и повторяет то, что я сказала, слово в слово. Разве это не забавно?

Барбара улыбнулась в ответ:

— Мне это не кажется таким забавным, как тебе. А в целом тебе нравится наша брачная система?

Ироедх сделала несколько шагов, словно исполняла танец:

— Конечно, нравится! Она просто замечательная! Я даже подумываю о гареме из трутней. Пока еще слишком рано говорить о способности Антиса к деторождению, но я уверена, что ни один из самцов не сможет дать мне такого наслаждения, как он.

— Винстон бы сказал, что это ненаучная позиция, но иногда она даже лучше, чем научная.

Ироедх с улыбкой продолжила:

— Конечно, сейчас, когда я лучше узнаю Антиса, то понимаю, что у него, наряду с достоинствами. есть и недостатки. Он своевольный, раздражительный, иногда неделикатный, и часто напыщенный, когда речь идет о его благородстве. Но он честный, храбрый и веселый, поэтому я по-прежнему очень люблю его.

— Все они имеют недостатки. Мой муж, например, очень умен, но бывает слаб, и порой впадает в состояние депрессии. И тогда не очень-то хорошо выполняет свои супружеские обязанности, да и многое другое.

— Правда? Я как-то не замечала.

— А ты и не могла бы заметить. Мужчины стараются спрятать свое плохое настроение от всех, кроме жен. Но если мы попытаемся найти другого супруга, то рискуем оказаться в глубокой яме, прежде чем найдем его... Ой, что же это такое?

Они вышли на дорогу, ведущую в Ледхвид, на день позже, чем ожидали. И вот теперь двигались по ней на север уже несколько часов. Каждый из путников перекинул через плечо палку, к концу которой был прикреплен нехитрый скарб путешественников. И хотя дорога была ухабистой, Ироедх шагать по ней было легче, чем карабкаться по бесконечным тропкам, которые тут и там пересекались. Холмы становились все круче, а растительности на них было меньше; сейчас дорога вела в огромное ущелье, которое Ироедх знала как Ущелье Хведа. Ледхвид, должно быть, уже недалеко.

Неожиданно Барбара закричала от страха. Причиной этому был чей-то труп, или скелет, лежавший у дороги. Чуть дальше лежал другой, потом она увидела еще несколько, разбросанных

среди кустов и валунов. Они лежали на довольно большой территории, и хищные животные уже почти до костей обглодали их останки, поэтому зловония почти не было. Лишь кое-где на костях висели лохмотья кожи и одежды.

Блоч позвал Ироедх:

— Иди сюда, помоги опознать их!

Он расхаживал среди скал, где в беспорядке среди костей лежали кирасы и шлемы, проржевевшие, но еще не до конца съеденные ржавчиной.

Ироедх подошла к нему и, увидев скелеты, стала внимательно рассматривать их:

— Дайте-ка я посмотрю на зубы. Это явно работницы автини; по эмблеме на шлеме видно, что она была из Кхвема... А вот это, несомненно, работницы из северных Общин. А вот здесь, посмотрите, трутень, и тоже автини. Сначала мне показалось, что все это — результат резни с арсууни, но если внимательно изучить останки и оружие, то можно сделать вывод: это была атака на работниц нескольких Общин со стороны шайки трутней автини. Возможно, это была шайка именно Витхиаса. Весть об этом кровопролитии еще не достигла Элхама, когда я покинула его, но новости у нас порой передаются медленно.

Блоч покачал головой:

— Ваше общество очень замкнутое. Я бы хотел взять несколько трупов с собой; скелеты автини нам могут пригодиться в будущем.

— Но ты же не собираешься их коллекционировать?! — закричала Барбара.

— Нет-нет, хотя я был бы не прочь, если бы у нас был транспорт. Я только возьму с собой один череп, чтобы как следует изучить его при случае.

Он стал прыгать с валуна на валун, пока не оказался на дороге. На ладони у Блоча раскачивался овальный белый череп. Путешествие продолжилось.

— А что вы собираетесь делать на Ниондe со всеми этими старыми костями? — спросила Ироедх.

— Попытаюсь понять, как на Ниондe появилась жизнь, и как она развивалась, — пояснил Блоч.

— Как она ... что?

— Развивалась, — и Блоч стал рассказывать о процессе эволюции.

— Святой Гвуур, но это совсем не то, что я учила! Нам объясняли, что мир вылупился из яйца.

— Можешь думать, как тебе нравится, — хмыкнул Блоч. — Только скажи, ты знаешь какое-нибудь место, где кости находят в скале или на земле?

— Да, в Тхидхене есть утес, разрушенный ветром и непогодой, возле которого разбросано довольно много таких костей. Вы бы хотели увидеть их?

— Да, конечно. Нам нужны такие кости, мы их называем «ископаемыми». Они нужны для того, чтобы узнать, как племя млекопитающих, которые появляются из яйца, путем эволюции превратились в особей, очень похожих на вас.

А Барбара добавила:

— Это вовсе не так уж и странно. Нечто подобное случилось на Кришне. У нас наверняка были предшественники на Земле... Мне кажется, по этой дороге очень мало ездят и ходят. Где-то час назад мимо нас проехали какая-то колесница, и больше мы никого не встретили.

— Это все из-за банды Витхиаса. Раз он промышляет в этих местах, работники всех Общин стараются оставаться дома, — пояснил Антис.

Путники тем временем подходили к Ущелью Хведа.

Блоч нервно посмотрел на мрачно возвышавшиеся скалы и сказал:

— Отличное место для того, чтобы сбрасывать камни на находящихся внизу людей... А что это за шум? Похоже, звонят в колокола.

Ироедх тоже прислушалась:

— Да, это колокола, колокола Ледхвида. Они свисают с ветвей деревьев в священной роще и звенят при порывах ветра. А Оракул толкует, что обозначают эти звуки.

Блоч стал декламировать терранское стихотворение:

И тишина средь гор,
Лишь ветер колокольный звон разносит
По рощам дуба...

Перед путниками открылся вид на Ущелье Хведа. Прямо перед ними возвышался холм Ледхвида, увенчанный прекрасной священной рощей необъятных размеров. В рощу уходила тропинка, ведущая к храму из полупрозрачного голубого камня — массивного и грациозного одновременно.

Блоч воскликнул восторженным голосом:

— Да будет благословенна моя душа! Кто бы ни построил это чудо, он отлично знал свое дело. Мне жаль, что наш фотоаппарат остался у Витхиаса.

Ироедх пояснила:

— Такие храмы строили наши предки. Возможно, если мы с Антисом сумеем организовать людей для такой жизни, какую вели они, мы сможем создать нечто подобное.

Путешественники начали взбираться по тропинке, и их приветствовал колокольный звон. Склон был такой крутой, что путники вскоре запыхались. Ироедх с негодованием подумала о своих новых формах и значительно увеличившемся весе, но потом вспомнила, что без всего этого они с Антисом никогда бы не были вместе. А важнее этого для нее ничего на свете не было!

Они прошли через ворота в каменной стене и обогнули вершину холма. Перед храмом стояла одна-единственная стражница автини — в наряде, который Ироедх никогда не видела раньше, даже на королеве. Ее кираса и шлем, казалось, были из золота, и последний поддерживал ободок из украшений с большим сверкающим камнем впереди. Грани камни поблескивали так же чарующе, как на обручальном кольце Барб.

— Добрый день, сестра, — обратился Блоч к стражнице. — Мне хотелось бы узнать...

Но стражница прервала его:

— Вас ждут. Гарнедх! Немедленно проведи этих двух посетителей из другого племени к Оракулу. А вы, двое автини, можете задать свой вопрос в обычной форме.

— Но они пришли со мной... — начал Блоч.

— Простите, но я лишь выполняю приказ. Гарнедх позаботится о вас.

Другая стражница, выступившая из тени внутри храма, увела куда-то Блоча и Барбару. Ироедх, почувствовав

себя потерянной, опустилась на ступени. Антис, прислонившись к колонне, заиграл на флейте мелодию старинной терранской песни, которой их научил Блоч. Она начиналась так:

Да будет всем известно о славе господина...

— Антис, а что это за «обычная форма», в которой мы можем задавать вопросы, — спросила Ироедх.

Но вместо него ответила стражница:

— Я могу объяснить. Напиши свой вопрос на этом листе, обозначив свое имя и Общину, и пошлите его вместе со своим пожертвованием.

— Пожертвованием?

— Конечно. Уж не думаешь ли ты, что твое послание само по себе полетит по воздуху?

Ироедх растерянно посмотрела на Антиса:

— У меня нет ничего, что можно было бы пожертвовать, дорогой...

— И у меня тоже...

— А как насчет вашего красивого оружия?

Ироедх обернулась к стражнице:

— Вам подойдет его шлем?

— Да, конечно, — кивнула та в ответ.

Но тут возмутился Антис:

— Эй! Я не отдам шлем! Возможно, нам еще придется сражаться, и оно мне понадобится.

— Но как же мы сможем тогда передать по назначению наш вопрос?

— А этого вовсе и не надо делать. Мы не хуже Оракула знаем, что для нас действительно хорошо.

— Есть и другой способ: послать сообщение о вашей Общине, — объяснила стражница, обращаясь к Ироедх. — Если вы напишете несколько тысяч слов обо всем, что там недавно произошло, словом, обо всех новостях, хозяин может принять рукопись как приемлемую замену дарам. Вы не сочтите меня слишком назойливой, но вы ведь королева, не так ли?

— Можете меня так называть.

— Да, такого я еще никогда не видела за все годы моей службы здесь! Вы бежали из вашей Общины, разрушенной арсууни?

— Нет. Просто я бывшая работница.

— Но это невозможно! Могу я сказать, что это чудо? Можно мне познакомиться с вами, королева? Я — Усталведх из Тхидхена.

— А я Ироедх из Элхама... или была ею. А это — Антис из Элхама.

— А как вы стали действующей самкой? И кто эти незнакомцы — боги, вернувшиеся на Нионд? И где, наконец, Йедх?

Ироедх стала рассказывать о смерти Йедх, но в это время на дороге показалась колесница, в которой сидела другая жрица. Животное с трудом тащило колесницу к задней части храма. Но уже через несколько мгновений жрица показалась из-за угла здания. И тут же закричала:

— Усталведх! Доложи хозяину немедленно: Витхиас движется на Ледхвид! Он ищет двух незнакомцев, которые принадлежат к другому племени!

— Должно быть, это те, кто только что сюда прибыли, — ответила Усталведх. — Именно за ними и посылали Йедх. Гарнедх!..

Тут же появилась еще одна стражница. Когда вновь прибывшая жрица повторила свое сообщение, Гарнедх сказала:

— Хозяин приглашает двух автини тоже войти в храм.

Усталведх изумилась:

— Один сюрприз за другим! Он ведь никогда не позволяет посетителям увидеть свое лицо. Но раз так — идите, идите.

Гарнедх повела Ироедх и Антиса сначала в переднюю, а потом в храм, где по бокам возвышались золотые статуи, изображавшие старых богов, а в середине находился алтарь. Оттуда она повела их через занавешенный главный вход в дальний конец храма. Как только они приблизилась к занавесу, Ироедх уловила знакомый запах табака, который обычно курил Блоч.

В помещении было нестерпимо душно. Блоч сидел на диванной подушке на полу, прислонившись спиной к стене,

но, услышав звук шагов, тут же поднялся. Барбара же осталась сидеть на подушке, как и третий обитатель залы.

Это был коротышка, который, если бы встал в полный рост, оказался бы не выше пояса обычного человека. Он весь был покрыт седой шерстью, и постоянно крутил из стороны в сторону своими четырнадцатью пальцами — по семь на каждой руке. Ироедх подумала, что этот незнакомый зверек и есть, должно быть, Оракул.

Оракул, как оказалось, прекрасно знавший автинский язык, сказал тонким, писклявым голосом:

— Входите и устраивайтесь поудобней, Ироедх и Антис. Пока вы находились снаружи, я уже узнал всю вашу историю. В чем дело, Лхуидх?

Жрица, которая только что прибыла сюда в колеснице, стала рассказывать.

Когда она закончила, Оракул сказал:

— Клянусь Дхиисом, все очень непросто! Я дал себе обещание смотреть на мир другими глазами, но все так запутано... Я нахожу общий язык почти со всеми бандами трутней, но этот Витхиас просто несносен.

Потом Оракул отдал двум жрицам распоряжение подготовить храм к обороне и приказал оповестить о надвигающейся опасности всех жриц, обитавших по соседству. Во время всей этой суматохи Блоч тоже пытался отдавать указания и, наконец, закричал:

— Гилдакк, старик, не лучше ли нам бежать? Через несколько часов мы могли бы затеряться среди этих холмов...

— А если они нас выследят? В этой стороне Тваара у нас есть, по крайней мере, защита. К тому же я слишком стар и тучен, чтобы спускаться с холмов. Здесь у нас крепкие стены и вполне достаточно запасов, чтобы выдержать долгую осаду. Волнует меня лишь то, что я, возможно, не смогу собрать на территории крепости больше, чем двадцать или тридцать моих сестер. Остальные выполняют свою миссию. Но я думаю, ваши ружья помогут уравновесить наши силы с противником.

Блоч пояснил:

— У нас осталось около семидесяти патронов, считая те, которые можно использовать для пистолета.

Оракул в раздумье повертел множеством своих пальцев:

— Мне бы хотелось, чтобы их было больше. Но если вы научите нас пользоваться ими, то мы постараемся быть экономными.

В разговор вмешался Антис:

— А почему бы нам не взять колесницы, поехать в Глиид и стрелять по дороге в толпу этих оборванцев?

— Нет! — побледнев, воскликнул Блоч. — Они заблокируют дорогу, устроят засаду в Ущелье Хведа и сбросят нас со скал...

Гилдакк согласно кивнул:

— Боюсь, мой терранский коллега прав. Необходимо учитывать мой возраст и дряхлость. Хотя, если бы условия были более подходящие, я бы попробовал.

— Простите меня, — переспросила Ироедх.

— Вы, конечно, меня не знаете. Меня зовут Гилдакк, я прибыл сюда с планеты Тхотх, которая находится в системе Просионик. Я только что начал рассказывать этим терранцам, как стал Оракулом. Когда группу с моего корабля задержали на дороге бандиты, я умудрился ускользнуть от них. Но далеко уйти не удалось: меня схватили; нападавших было достаточно много. Когда же все-таки мне удалось добраться сюда, я увидел здание, явно общественного назначения. Чтобы уйти от преследователей, я хорошенько спрятал колесницу и затаился на пару дней. Я голодал, но не вышел из укрытия, пока не разобрался, что к чему. Потом подошел к стражнице и потребовал, чтобы меня проводили к Верховному жрецу, который находился в храме. Я понимал, что это был единственный шанс спастись. Они могли принести меня в жертву какому-нибудь богу или сделать бога из меня.

Блоч не удержался от комментария:

— Тхотхианцы — худшие обманщики в Галактике.

— Благодарю вас. Когда все это произошло, Оракулом был среднего рода-мужчина по имени Энрой, которого арссуни из Денупа украли еще ребенком, посадили на вегетарианскую диету и сделали из него раба. Он сбежал от них в Ледхвид, стал помощником прежнего Оракула, и занял ее место, когда та умерла... Что касается меня... я ведь не говорил по-автински. Стражницы решили использовать меня, когда у

кого-нибудь плохое настроение. Но они лишь похлопывали меня по голове, чтобы развлечься... В один прекрасный день я вернулся к своей колеснице. Там хранились средства для подачи сигналов, словом, пиротехника. Я заехал на холм, поставил колесницу как раз перед храмом и выстрелил. Грохот и разноцветные огни так напугали стражниц, что они разбежались кто куда. Вскоре я уже был в храме и говорил на языке жестов с самим Энроем. Буквально сразу я стал его помощником, и вскоре — наследником. Я заставил Оракула заниматься делом. Я сделал из жриц лучших шпионов, которых вы когда-либо видели, и придумал целую систему пророчеств. Перемешал их и писал, где только можно. Да вы и сами все это видели!

Блоч, который все время оглядывался по сторонам, пробормотал:

— Значит, мы... не...

— Нет-нет. Я сделал уже все, что нужно. Если ваш вертолет не прилетит, мы все это используем.

Блоч сказал удрученно:

— Я уже не надеюсь на встречу с Кенгом. Я пытался связаться с ним каждый день, но все безуспешно. Может быть, он потерпел аварию, или они оставили нас, или улетели без нас.

— Винстон! Что за бредовая идея! — воскликнула Барбара.

Гилдакк попытался его успокоить:

— Не переживайте. Даже если это и так, вы сможете стать Оракулом после моей смерти. Вас ведь двое, и вы в любом случае не будете чувствовать себя такими одинокими, как я когда-то. Признаться, я бы очень хотел вновь увидеть серые моря Тхотха. Здешняя погода очень меня утомляет.

— Ты увидишь когда-нибудь его планету. Там никогда не прекращается ураган. Вот почему у него так много пальцев, чтобы не унесло куда-нибудь порывами ветра, — объяснил Блоч Ироедх.

Ироедх повернулась к Оракулу:

— Простите меня, Гилдакк. А вы — «он» или «она»?

— И то и другое.

— Это значит, вы — работница среднего рода?

— Нет, я действующий самец и самка в одно и то же время. Но мы, хотхианцы, не млекопитающие. Блоч рассказал мне о метаморфозе, происшедшей с вами. Энрой в свое время тоже стал есть мясо. Но было слишком поздно, и ничего хорошего это ему не принесло. Он так никогда и не развился, бедняга.

— А правда, что Витхиас кормит своих бандитов смешанной пищей?

Гилдакк хрустнул сразу несколькими пальцами.

— Я долго держал это в секрете, но это правда. Он вынашивает план завоевания всей планеты. Но теперь, когда он знает о ружьях Блоча, уверен, он считает, что сможет сделать это еще быстрее... В этой связи у меня есть предложение. Вместо того чтобы сидеть здесь и ждать осады Витхиаса, почему бы нам самим не перейти в наступление?

— Но как? — с интересом спросил Антис.

— Если мы оставим здесь Ироедх и правильно воспользуемся некоторыми из предсказаний, мы сможет увести банду Витхиаса от вожака. Затем вы сможете пройти через земли автини, сбросив нескольких королев с трона и основав там двуполые Общины...

Ироедх запротестовала:

— Но я не хочу быть завоевателем! Хочу лишь обосноваться где-нибудь с Антисом, высиживать яйца и собирать древности. Если кто-нибудь хочет добровольно присоединиться к нам...

Гилдакк сказал:

— У вас нет выбора. Это единственный путь победить Витхиаса, Кроме того, ваше племя вновь сможет пойти по пути прогресса.

— Это так, но...

— Вся эта суета в вопросе секса кажется мне просто глупой. Ведь я — цельный индивид, а не просто полсущества, как вы, однополые создания. Но я все же стараюсь помочь вам. Давайте-ка посмотрим, какое решение будет наилучшим...

Тхотхианец поднялся на ноги и, переваливаясь, побрел к каким-то выдвижным ящикам, выдвинул один из них и начал шарить внутри, напевая что-то про себя.

Слова сплелись в песню:

Королева едет в яркой колеснице,
Вместе с ней принцесса,
Счастье нам несет...
А солдаты арсууни в панике умчались,
Побросав все копья, луки и...

— Что это все значит? — спросила Ироедх, заглядывая через плечо Гилдакка.

— Да ничего это не значит! Впрочем, для каждого это значит то, что именно он хочет услышать. Несколько лет назад я рассказал это посланникам из Йема, когда арсууни атаковали их Общину.

— Но Йем был разрушен!

— Конечно, был; но мне казалось, нет ничего плохого в том, чтобы приободрить бедняг, которые боролись за свою жизнь. А вот еще стихотворение:

Когда королева Оборванцев
Оденет в корону из света,
Когда трон золотой падет.
С Неба спустятся Боги,
Семя в землю падет,
И солнце взойдет...

— Не очень складно, но посуди сама. Ты — королева оборванцев; золотой трон — это существующая система секс-касты с ее чересчур озабоченными сексуальными вопросами королевами и среднего рода работницами; Блоч и другие терранцы — боги; а зерно — один из тех трутней, кого мы пытаемся победить. Как видите, я сочинил все это в соответствии с данной ситуацией. Конечно, пару раз я применял это к другим событиям, но никто не будет вспоминать этого.

— А как насчет короны из света? — спросила Ироедх.

— Хм, корона из света... корона из света... Гарнедх! Позови одну из сестер помочь тебе вытащить Сундук Номер Четыре из подвала!

— Значит, все это выдумки? И нет никаких пророческих знаний? На самом деле Оракул не впадает в мистический транс и не трактует звучание колоколов?

— Конечно, все это фальшивка! Так как я решил покинуть это место, у меня нет причин обманывать вас. Чем скорее ты и Антис научитесь доверять себе, а не всяким там «правилам» и «пророчеством», тем лучше будет для вас. Спасибо вам, сестры. Итак, посмотрите...

Гилдакк открыл сундук, где лежали какие-то странные предметы.

— Это сигнальные ракеты. Надеюсь, они не очень испортились за прошедшие годы.

Глава 10. Роща возле храма

Ближе к вечеру, стоя на портике храма и глядя на юг, Ироедх увидела клубы пыли, поднимающиеся возле Ущелья Хведа. Приготовления к обороне тут же были ускорены. Возле храма точили наконечники копий, выковывали оружие, что-то пилили. Весь этот шум смешивался с привычным звоном колоколов Ледхвида.

Несколько жриц свалили в кучу бревна на склоне холма, как раз над воротами. Сзади в землю воткнули пару шестов. Если их передвинуть, бревна скатятся вниз. Другие жрицы собирали стрелы и копья, а также плетеные покрывала, которые при случае могли бы защитить обороняющихся от стрел противника. В двадцатый раз Ироедх хваталась за рукоять мачете. Его прекрасно наточили, и, если учесть, что в храме было много другого оружия, Ироедх могла стать незаменимым воином.

Но все же нельзя было закрывать глаза на то, что Гилдакк мог собрать вокруг себя только восемнадцать жриц, две-три из которых были слишком стары, чтобы принести реальную пользу при обороне храма. Если добавить к ним вновь прибывших, то защитников получалось не больше двадцати. Вне всякого сомнения, выстрелы терранских ружей охладят пыл первых атакующих и заставят дрогнуть остальных. Но что делать, если Витхиас бросит в атаку все свои силы, невзирая на потери...

Ироедх казалось, что из трех возможных вариантов развития событий — бегство, прорыв с помощью оружия сквозь ряды наступающих, оборона — они выбрали наихудший. Почему она не сумела привести веские доводы против этого плана? Она очутилась в плену любви к Антису, и не смогла противостоять обстоятельствам.

Шайка Витхиаса была теперь хорошо видна. Все больше бандитов выходило на дорогу из ущелья. Когда они подошли

ближе к храму, Ироедх смогла разглядеть несколько повозок во главе колонны. Не было никакого сомнения: это были те, кто несколькими днями раньше напал на отряд Блоча.

Трутни подходили все ближе и ближе, затем рассредоточились вокруг основания Холма Ледхвида — словно струйка воды, встретившая на своем пути препятствие. В храме тем временем раздался звук трубы, и Ироедх заняла свое место возле ворот.

Трутень, облаченный в доспехи, направился по тропинке к воротам, и, откинув назад голову, прокричал:

— Оракул!

— Да? — пропищал Гилдакк, перегнув через ворота голову, обернутую шалью.

— Ты действительно Оракул Ледхвида? — спросил трутень.

— Конечно. А ты разве не помнишь пророчество:

Когда негодяи подойдут к Храму Ледвида,
И нечестивыми руками захотят разграбить его,
Их расшвыряет, словно пылинки, Оракул,
И покроет мхом земля.

— Нет, я не помню ничего подобного, — насмешливо произнес посланец. — Давай лучше поговорим о деле. Наш вожак требует, чтобы ты отдал ему людей с воздушного корабля, которые нашли у тебя убежище, вместе с их волшебным оружием.

— Каких людей?

— Нет смысла лгать, Оракул. Работница из Кхвема видела их сегодня утром на дороге, и рассказала нам о том, куда они шли, прежде чем мы убили ее. Разведчик, которого мы оставили возле Ущелья Хведа, рассказал о путниках, выглядящих точно так же, как те, что прошли через ущелье около полудня и вошли на территорию Храма. Поэтому выдай их нам, или у тебя будут крупные неприятности.

— Но как я могу сделать то, что ты просишь?

— Что ты имеешь в виду?

— Эти люди обладают силой, подобной силе богов. Они могут взорвать тебя с помощью света и поразить громом.

— Мы знаем это.

— Так как же я могу заставить их выйти к вам, даже если и пожелаю этого?

— Это твоя проблема, — ответил посланец.

— Тогда вам придется ловить их самим. Я ничего не могу сделать.

— Что ж, тебе и твоим помощницам придется покинуть территорию Храма, мы войдем туда и найдем этих небесных пришельцев.

Ироедх пережила худшие минуты в своей жизни. Гилдакку ничего не стоило выдать их, чтобы получить взамен собственную безопасность.

Но тхотхианец сказал:

— Нет. Это священное место не будет осквернено вооруженным вторжением.

— Тогда ты и твои помощники умрете. Я предупреждаю тебя.

— Подожди-ка. Если Витхиас согласится на переговоры, у меня будет контрпредложение, — продолжал Гилдакк.

— Никаких предложений! Наш вожак знает, насколько ты умен, и не хочет вступать с тобой в переговоры. Или ты отдаешь нам беглецов, или погибнешь прежде, чем мы доберемся до них.

— Мы не станем повиноваться вам. Ваш вожак увидит, что попытка завладеть этим местом с помощью толпы бандитов будет похожа на то, как младенец пытается раскусить орех своими беззубыми деснами.

Посланец ушел.

Красный диск солнца опустился за гребень горы. Ироедх поняла, что надеяться на помощь тех, кто находится в «Париже», бесполезно. Блоч объяснил ей, что терранцы никогда не сажают вертолет в незнакомом месте ночью.

Хотя в банде Витхиаса было более двухсот трутней, им пришлось вытянуться в тонкую линию, чтобы окружить Холм Ледхвида. При звуке трубы они начали штурм. Некоторые пытались улизнуть, но офицеры погнали их вперед. Когда бандиты подошли ближе к Храму и круг сжался, линия стала более плотной, хотя у основания Холма расстояние между трутнями было равно длине нескольких рук.

Они поднимались все выше: сначала шли, потом некоторые стали ползти, потому что склон становился все круче.

Со стороны Храма раздался звук трубы. Жрицы перебросили с помощью шестов через стену огромные камни, которые покатились вниз.

— Ироедх, бросай камни! — раздался рядом чей-то голос.

Ироедх собралась с силами и швырнула через стену камень размером с ее голову. Он покатился вниз по склону и перелетел через голову приближающегося трутня. Буквально тут же она швырнула другой камень. Удар! Камень сбил трутня с ног. Тело его безвольно покатилось вниз по склону, и остальные трутни остановились, чтобы увидеть, что будет дальше. Линия наступающих рассыпалась в беспорядке. Следующих камень попал в другого трутня, и тот тоже покатился вниз. Офицеры приказывали двигаться вперед, но подчинились лишь некоторые из нападавших.

Прямо перед Ироедх небольшая группа бандитов карабкалась по склону холма. Бывшая работница прицелилась и швырнула в них камень. Они увидели его на расстоянии длины двух копий и попытались отступить. Но камень ударил прямо в середину этой группы. Несколько тел от удара взлетело в воздух, кто-то покатился вниз, а кто-то пустился наутек. В итоге один трутень остался неподвижно лежать на склоне холма, другой медленно пополз вниз, а остальные бегом спустились к подножию склона.

Труба трутней возвестила отбой. Многие из них огромными прыжками спускались со склона холма.

— Как дела, Ироедх? — спросил подошедший к ней Блоч. Он бродил вдоль линии обороны с ружьем под мышкой.

— Мы выиграли?

— Да нет же, они вернутся. Лишь бы эти бандиты подошли поближе, чтобы имело смысл стрелять. Однако ружье станет практически бесполезным, когда стемнеет, несмотря на оптический прицел. Мне бы ваше зрение, которое не подводит даже ночью.

— Стена вокруг храма не такая уж хорошая защита.

Блоч покачал головой.

— В большинстве мест, подобных этому, стена бывает по грудь высотой. Бандиты могут помочь друг другу перелезть

через нее. Гилдакк говорит, что строители никогда не возводят стену вокруг храма в целях его защиты, а лишь затем, чтобы на территорию не забегали дикие животные, а домашние не убегали отсюда.

Вновь раздался звук трубы, на этот раз собирая бандитов вместе. Вскоре те сбились в плотную черную массу на равнине внизу, и до слуха Ироедх, стоявшей на посту, доносились выкрики командиров.

Две сотни трутней выстроились в форме прямоугольника и после очередного сигнала двинулись вверх по склону холма прямо к воротам. Те, что шли в задних рядах, подняли над головами щиты, и вся эта живая масса выглядела, как содранная чешуя какого-то ползучего гада.

Ироедх закричала:

— Доктоблоч, принесите-ка ваше ружье! А остальные тащите сюда побольше камней!

Чудовищная толпа тащилась по склону тем медленнее, чем круче он становился. Внутри же ограды то и дело сердито ворчали жрицы, постоянно таскавшие к воротам тяжелые камни.

Потом они опять стали бросать камни в бандитов, некоторые ударялись о щиты. Несколько трутней упали, но остальные сомкнули ряды и продолжили наступление. Несколько жриц стали метать стрелы в движущуюся массу. Огромный камень, который метнул кто-то из оборонявшихся, угодил в одну из передних шеренг и заставил ее рассыпаться, но остальные трутни помогли пострадавшим подняться, и все, кто мог стоять на ногах, продолжили наступление.

В это время послышался крик Ироедх:

— Доктоблоч! Они подходят к стене!

Она швырнула последний камень и схватилась за мачете. Затем раздался оглушительный треск ружья: — банг-банг-банг! — которое выплевывало в сумерки ярко-оранжевые снопы огня. Темная масса трутней остановилась, затем рассыпалась на кучки, и бандиты тут же бросились бежать наутек. Блоч, вставив полную обойму патронов в ружье, сказал:

— Я могу убить двух-трех одним выстрелом, когда они сбиваются в кучи. Интересно, а скольких я уже положил?

— Убитых больше двадцати, но я не знаю, сколько сразили именно вы... а где Антис? — спросила Ироедх.

— Он с другой стороны ущелья. Очень удивлюсь, если Витхиас отважится бросить своих вояк еще в одну атаку. — Блоч набил табаком и закурил трубку.

Бандиты стали совещаться, что делать дальше. Оборонявшимся были слышны их голоса. Трутни что-то громко обсуждали. Прошло довольно много времени, и среди наступавших опять началось движение. Они рассеялись вокруг холма, как перед первой атакой. Но на этот раз, однако, они встали не в одну линию, а сформировали дюжину или даже больше маленьких групп. После условленного сигнала они принялись штурмовать склон холма почти с такими же громкими криками, как и в первый раз.

Блоч с удивлением воскликнул:

— Ну и нервы у этих парней! Рискнули все же вернуться после явного поражения. Немногие терранцы способны на такое.

— Возможно, они боятся не столько нас, сколько Витхиаса, — пробормотала Ироедх, поднимая камень для очередного броска.

В гаснущем свете дня трудно было определить, насколько точен был удар. В это время откуда-то по периметру раздался крик:

— Доктоблоч! Доктоблоч! Быстрее сюда!

Ироедх мельком увидела, как лысая голова Блоча качнулась при звуке ее голоса; но буквально через несколько секунд грянул выстрел. Потом послышалось с другого конца стены:

— Доктоблоч! Сюда!

Слева от Ироедх раздался лязг и клацанье оружия. Она окинула взглядом стену и увидела темные фигуры, сбившиеся в кучу. Тут же схватила мачете и бросилась к ним. Нопрежде чем подбежала к дерущимся, услышала высокий голос Барбары:

— Остановитесь же вы, глупцы!

Дерущиеся расступились, и маленькая терранская фигурка выступила вперед. Прозвучало несколько пистолетных выстрелов, и бандиты, которые уже оказались на территории Храма, тут же в страхе попадали на землю,

Вдруг одна из жриц крикнула Ироедх:

— Берегись!

Та обернулась и увидела голову трутня, поднимающегося из-за стены как раз у нее за спиной. Ироедх что было силы ударила его по шее тыльной стороной руки. Голова неприятеля тут же исчезла из виду, следом рухнуло и обмякшее тело. Где-то по ту сторону ограды раздался выстрел из ружья, и среди огромных деревьев, уже на территории Храма, показался трутни, сражавшиеся со жрицами. Ироедх бросилась к ним, но когда подбежала, враг уже был повержен на землю.

Прибежали запыхавшиеся Блоч и Антис. Первый держал в руке ружье, а второй вытирал выступившую из раны на щеке кровь. Блоч сказал:

— Надеюсь, это последняя атака. У нас трое или четверо пострадавших, почти не осталось патронов для ружья и пистолета. Надо проверить, нет ли кого-нибудь из бандитов среди камней.

Те из нападавших, кто не успел проникнуть на территорию Храма, стали медленно собираться на равнине.

— Витхиас, должно быть, потерял пятую часть своей банды, — заметил Антис. — Он не сможет повторить такие атаки еще несколько раз.

Блоч мрачно ответил:

— Достаточно будет и одной. И почему меня всегда тянет к каким-то логическим рассуждениям? Мне следовало бы оставаться дома и быть профессором.

Внизу же шумели трутни, что-то друг другу доказывая. Раненые пробирались к тому месту, где собралась остальная масса. Некоторые из нападавших зажгли факелы.

Наконец, один из бандитов повел толпу к воротам, подняв факел высоко над головой. Ироедх узнала посланца, и в этот же миг он закричал:

— Оракул!

— Ну что, получили по заслугам? — завизжал из-за стены Гилдакк.

— Мы вовсе не намерены сдаваться, если ты это имеешь в виду. Хотя вы пока и не сломлены, мы сможем уморить вас голодом.

— На это вам понадобится много времени.

— Мы можем подождать, ведь у нас есть и другие дела. Однако наш вожак предлагает вам провести переговоры, чтобы выслушать ваши предложения. Может быть, они заинтересуют его и помогут получить оружие людей, спустившихся с небес.

Тхотхианец ответил:

— Что ж, очень хорошо. С нашей стороны в переговорах буду участвовать я сам, небесный пришелец и те двое, что сопровождают землян. Витхиас может взять с собой не больше четырех офицеров. Только все они должны быть безоружны и стоять на расстоянии длины двух копий от нас. Мы же выйдем из ворот.

— Нас не интересуют автини, они не должны участвовать в переговорах.

— Нет, наше предложение имеет к ним непосредственное отношение.

— Ну что ж, возьмите их с собой. Но вы все тоже должны быть безоружы; в особенности земляне — пусть не берут с свое волшебное оружие.

Гилдакк кивнул:

— Мы согласны. И если наше предложение в целом устроит вас, то будет совершенно правильно, чтобы его услышали все трутни. Пусть встанут на склоне холма с факелами, но только не ближе, чем на длину трех копий от Витхиаса...

После непродолжительной дискуссии о том, каким должно быть расстояние между переговаривающимися сторонами, и обсуждения условий, исключающих предательство, посланец кивнул на прощание и ушел. Гилдакк повернулся к Ироедх:

— А ну-ка, быстро снимай доспехи и тунику и одевай плащ!

Когда трутни собрались на склоне холма с горящими факелами, а обороняющиеся отодвинули бревна от внутренней стороны ворот, Ироедх покинула территорию храма вместе со своими товарищами — Гилдакком, Блочем, Барб и Антисом. Одетая в плащ, она сомневалась, правильно ли поступила, оставив мачете за воротами, и то и дело оглядывалась назад, чтобы проверить, по-прежнему ли они открыты. Антис тоже был безоружен, Блоч и Барб подняли руки, чтобы всем

было видно: у них нет оружия. Барб даже кобуру пистолета оставила на территории храма.

Две жрицы вышли из ворот с зажженными масляными лампами, чтобы осветить путь переговорщикам. Ироедх посмотрела на множество горящих факелос внизу. Небольшая группа трутней, завернутых в плащи, поднималась на холм. Возглавлял ее огромный трутень с всклокоченной гривой. Глаза его свирепо сверкали.

— Спроси, который из них Витхиас, — попросил Гилдакк, стоявший позади Антиса.

Было решено, что переговоры будет вести Антис, потому что у него самый громкий голос.

Великан с всклокоченной гривой произнес:

— Я — Витхиас. Говорите.

По крайней мере, подумала Ироедх, хорошо, что трутни умеют пользоваться только луками и копьями. Их не так-то легко спрятать под плащами.

Гилдакк говорил что-то Антису, фраза за фразой, и тот отрывисто повторял за ним каждое слово. Его резкая манера говорить выглядела несколько своеобразно, хотя Ироедх она показалась впечатляющей благодаря паузам.

Начал он свою речь таким образом:

— Витхиас, офицеры и представители банды Витхиаса! Вы думаете, что хотите получить волшебное оружие людей, пришедших с небес, чтобы завоевать весь мир, не так ли?

— Да! — тут же отозвался Витхиас, и ему эхом ответило несколько приближенных.

— Но это не то, что вы хотите получить на самом деле. Вы, возможно, думаете, что у вас хорошая жизнь; вам хватает еды и выпивки, игр, украшений и разных приятных волнений. Но кое чего вам все-таки не хватает. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Да! — проревели в ответ трутни.

Витхиас спросил:

— Что вы собираетесь делать? Обеспечить каждого из нас королевой, или у вас появилась какая-то другая фантастическая идея?

— Вовсе не фантастическая, дорогой Витхиас. Если вы последуете нашему совету, то каждый из вас сможет иметь

не толстую старую королеву, которая командует вами и которую вы вынуждены делить с шестнадцатью другими трутнями, а собственную самку — красивую и близкую вам по духу. Подумайте только, каждый из вас будет иметь свою собственную подругу! Вы сможете любить ее и жить с ней всю жизнь, как это делали древние. Подругу, которая будет высиживать яйца, и из них вылупятся дети — ваши дети. И вы сможете воспитывать их, как захотите. Что вы обо всем этом думаете?

В рядах трутней началось волнение. Наконец, Витхиас сказал:

— Любопытное предложение! Похоже, после всего этого вы предложите нам сокровище Инимдхада. Только где ваши доказательства?

— У нас есть доказательства. Ироедх, покажи их.

Ироедх выступила вперед, сбросила плащ, и предстала перед толпой обнаженная в свете факелов.

Антис-Гилдакк продолжили:

— Вот, смотрите! Прекрасная действующая самка, раньше она была среднего рода, как и все работницы. Мы можем превращать работниц в действующих самок!

И толпы выступил какой-то трутень.

— Как мы можем быть уверены, что она действительно превратилась в самку? Может быть, она просто какая-то беглая принцесса?

— Есть здесь какой-нибудь трутень из Элхама?

— Да, — раздался в ответ чей-то голос.

Антис тут же взревел:

— Дуос, негодник! Ты ведь знал Ироедх из Элхама, которая вызволила тебя из темницы, или — нет?

— Да-да...

— Тогда выйти вперед и подтверди, что это именно она.

Дуос нерешительно выбрался из толпы, посмотрел на Ироедх и сказал:

— Да, это она. Только подождите минутку, мне надо удостовериться, что все это к ней не приклеено...

— Это уж слишком! Ты... — возмущенно выдохнула Ироедх.

— Да, она превратилась в действующую самку. Это правда.

Витхиас с сомнением покачал головой:

— Но как мы можем быть уверенными в том, что работницы согласятся с подобными изменениями?

— Но ведь Ироедх согласилась. Она связана теперь с Антисом неким контрактом, ведь так, Ироедх?

— Да, и мне это очень нравится.

Антис и Гилдакк продолжили:

— Конечно, должны произойти некоторые изменения. Если вы согласитесь с нашим предложением, то должны будете признать нашу власть, и самое главное — прекратить убивать работниц. Вы должны будете помнить: каждая работница — потенциальная самка! Вы должны...

Витхиас закричал:

— Но это все нелепый розыгрыш! Я никому не позволю отобрать у меня власть! Вы просто хотите вырвать у меня из рук землян, а нас оставить ни с чем.

— Но мы еще не закончили, подожди!

Антис и Гилдакк стали расписывать прелести семейной жизни и затем сказали:

— Но, прежде всего, мы призываем вас присоединиться к нам потому, что эта революция была предсказана много лет назад божественным предвидением никогда не ошибавшегося Оракула Ледхвида. Мой божественный предшественник Энрой, да будет священной его память, дал когда-то следующее обещание:

Когда королева Оборванцев
Оденет корону из света,
Когда трон золотой падет.
С Неба спустятся Боги,
Семя в землю падет,
И солнце взойдет...

Объснить эти слова можно следующим образом: королева Оборванцев — это, вне всякого сомнения, Ироедх. Золотой трон — существующая ныне сексуальная система с ее королевами. Люди, спустившиеся с небес, боги; семя — вы. Что же касается короны из света...

Гилдакк крикнул через плечо:

— Дайте свет!

Из-за крепостной стены послышался слабый шум, а затем раздался чей-то шепот:

— Первая никак не загорается!

— Тогда попробуйте включить вторую!

Пауза затянулась, и в толпе раздался недовольный ропот.

— Что касается короны из света... — повторил Антис.

Наконец, она появилась: шипение, вспышка, громкий треск, что-то пролетело высоко в небе; опять раздался треск, хлопанье, и огненная комета пронеслась над головами присутствующих в сгущающихся сумерках. Затем высоко в небе появилась вторая комета, разбрасывая вокруг себя множество зеленых всполохов, которые завершились яркой вспышкой и небывалым грохотом, заставившим всех вздрогнуть.

Антис закричал:

— Вот она — корона из света! Прочь так называемые реформы королевы Даноакор! Назад, к прекрасным обычаям Золотого века! Давайте же свергнем Золотой трон, как предрекал Оракул!

Невиданный ранее фейерверк вызвал крики изумления и волнение у трутней. Один из них закричал:

— Это — огнедышащий Игог!

Когда раздался последний взрыв, многие трутни бросились бежать куда глаза глядят. Гилдакк распорядился:

— Музыку, быстро!

Антис приложил к губам флейту, а Ироедх вместе с Блочем и Барб запела терранскую песню о славе богов, спустившихся с небес.

Толпа немного успокоилась. Те, кто бросились бежать, вернулись. Один из трутней крикнул:

— Я знаю тебя, Антис! Ты не трутень, а бог Дхиис, который вернулся на Нионд. Я узнал тебя по древнему инструменту, на котором ты играешь!

Гилдакк и Антис спросили собравшихся:

— Так кто же из вас — с нами? Кто хочет пойти по тому пути, который мы предлагаем?

Ироедх, несколько оглушенная недавним представлением, увидела обращенные к ней лица оборванцев и услышала гул голосов. Вдруг один из трутней поднял руку и закричал:

— Я с вами!

— И я!

— И я!..

— Да здравствует королева Ироедх!

Со всех сторон стали подниматься руки. Витхиас, видя, что власть уходит от него, закричал:

— Это все подстроено! Трусы, предатели, подлецы! Вы призываете к переговорам, а вместо этого произносите лживые речи, поете песни — и все для того, чтобы настроить моих товарищей против меня!

— Вовсе нет. Мы и тебя приглашаем пойти вместе с нами...

— Я остановлю ваш поток лжи о том, что каждому трутню достанется королева!

Витхиас сбросил с себя плащ. Оказалось, в руке у него зажато копье, обрубленное наполовину длины, чтобы его легче было спрятать. Рука с копьем метнулась назад, потом вперед, и оно стремительно просвистело в сторону холма.

Ироедх, вскрикнув от неожиданности, попыталась выхватить мачете. Но его на привычном месте не оказалось. Краем глаза она увидела, что Барбара сунула руку за вырез своей рубашки.

Но в этот миг копье вонзилось Гилдакку в грудь и проткнуло его насквозь. Из раны тхотхианца хлынула зеленая кровь. В руке Барбары сверкнула сталь пистолета. Гилдакк упал навзничь, содрогаясь в конвульсиях. Грянул пистолетный выстрел, выплеснув из дула сноп пламени: один, затем другой.

Витхиас, зашатавшись, отступил назад, а потом медленно согнулся и рухнул на землю.

Пока Ироедх собиралась с силами, чтобы добраться до ворот, Барбара, направив пистолет в толпу оборванцев, громко крикнула:

— Эй, вы, стойте на месте! Вы все видели, что случилось с этим предателем. Успокойтесь и хорошенько все обдумайте. Ваш вожак мертв, а наше предложение остается в силе. Присоединяйтесь к нам и забудьте о своих прошлых несчастьях. Как предсказывал Оракул, вскоре должны произойти большие изменения. Вы используете их, или предпочтете быть уничтоженными? Если вам нужно время, чтобы все обдумать...

Один из оборванцев тут же подал голос:

— Лично я уже все обдумал. Я — с вами.

Его поддержал товарищ:

— И я тоже. Витхиас собирался идти до конца, лишь бы добиться своего. Его не остановило даже то, если бы мы все погибли.

Почти все согласились присоединиться к пришельцам. Лишь несколько оборванцев молча вышли из толпы и покинули собравшихся. Ироедх услышала, как Барбара тихонько сказала Блочу:

— Поддержи меня, Винстон. Мне кажется, я сейчас упаду в обморок. Ведь это были мои последние пули.

— А ведь правда, Барбара, ты не взяла ружье. Мы обещали...

— Это очень глупо с нашей стороны! Ведь у него было копье, правда?

Ироедх наклонилась нал Гилдакком. Тхотхианец посмотрел на нее затуманенным взором и еле слышно прошептал:

— Ироедх!

— Да? Что я могу сделать для вас?

— Ничего; я умираю. Мне очень хотелось вновь увидеть серые моря, но — не повезло. Напоследок мне хочется дать тебе один совет...

— Какой?

— Если вам удастся разрушить существующую Общину, возродите старую религию.

— Но зачем? Я не верю в нее, и, мне кажется, вы тоже.

— Без существующих сейчас Общин... автини будет нужен... эмоциональный выход... чтобы занять подобающее им место в этом мире. И объединяющая вас сила... чтобы вы могли сражаться с арсууни... и...

Голос тхотхианца угас, и глаза его закрылись. Гилдакк был мертв.

Глава 11. Битва

На следующее утро с неба спустился на вертолете Кенг. Увидев товарищей, пилот сказал:

— Прошлой ночью я совершал тренировочный полет, и увидел какие-то вспышки...

Он начал объяснять на ломаном английском, что, когда доктор Блоч и Барбара пропали, с ним произошел несчастный случай. Загорелся один из механизмов машины, хотя перед вылетом он все проверил, и запасов топлива должно было хватить на несколько дней. Затем вмешалась плохая погода, и когда он, наконец, приземлился, чтобы разыскать их отряд — отсутствие радиосвязи вызвало переполох на борту «Парижа» — то не смог обнаружить никаких следов путешественников на дороге, ведущей в Ледхвид. Поэтому на их поиски уже отправилась хорошо вооруженная группа.

Блоч повернулся к Антису и Ироедх:

— Что ж, для нас это — окончание путешествия. А вот для вас — лишь начало. Что вы собираетесь делать дальше?

Ироедх с изумлением посмотрела на Антиса, который ответил ей таким же взглядом. Этот вопрос явно выбил ее из колеи, и она в растерянности размышляла, что же ей в действительности делать дальше. Как и предсказывал Гилдакк, им теперь с Антисом предстояло научиться самим отвечать за себя, независимо от того, насколько неожиданным и опасным будет их путь.

— Думаю, мы поговорим с одним из отрядов трутней и убедим их присоединиться к нам. А потом попытаемся одержать победу над соседними Общинами, уничтожив их целиком или соблазнив некоторых работниц.

— Вам следует написать им послания, обернуть вокруг стрел и выпустить их через стены, — предложил Блоч.

— Великолепно! А затем мы станем... Кто это приближается к нам?

По дороге, идущей от Горг Хведа, ехала, поднимая клубы пыли, колесница. Когда она подъехала ближе, Ироедх увидела, что ею правит жрица Оракула. Возница, увидев рассеявшихся по равнине трутней, натянула поводья и стала разворачивать колесницу в обратную сторону.

Ироедх, пытаясь ее успокоить, закричала и бросилась к колеснице. Возница заколебалась и попыталась разъяснить ситуацию, задав вопрос:

— Где наш хозяин?

— Он мертв. Витхиас убил его, а потом лишил жизни себя.

— О, великий Эунмар! А кого же он выбрал преемником?

— Никого, на это просто не хватило времени. А вы... присоединитесь к нам?

— Если это для меня безопасно... Ведь трутни Витхиаса убивают нас, как только увидят.

— Больше этого не будет. Посмотрите. Вон знакомые вам жрицы, и никто им не причиняет вреда.

Жрица боязливо приблизилась к Ироедх и заявила:

— У меня важные новости для хозяина. Но, поскольку он мертв, я даже не знаю, кому передать их.

— Расскажите все мне, в этом нет ничего плохого. Здесь мы находимся в безопасности...

— Но эти новости будут не интересны для вас, королева. Арсууни из Тваарма двинули большие силы против жителей Элхама и сейчас пытаются завоевать их территорию.

— Что? Антис!

— Да, дорогая!

Антис был потрясен услышанным. Но тут же лицо его приобрело суровое выражение.

— А что они вообще когда-нибудь делали, кроме того, чтобы убивать нас или пытаться выгнать с нашей же территории? Это же арсууни!

— Антис, подумай! Нам придется столкнуться с большой проблемой в их лице. Если мы не разобьем их, они просто истребят нас рано или поздно. Наша единственная надежда — объединить все Общины в одну, и, выработав новую систему правления, разбить Общины арсууни одну за одной. И начать это объединение лучше всего с нашей Общины. Но в таком случае мы потеряем свою силу, дру-

гие могут сказать: «Они заботятся только о себе, как же мы можем им верить?»

Антис протянул в ответ:

— Х-м-м... Я подумаю об этом...

Ироедх, зная, что на следующий день он может выдать ее предложение как собственную идею, продолжала:

— Только не сейчас. Время слишком дорого.

— А что ты предлагаешь?

— Отправиться в Элхам и предложить его жителям следующее: если они хотят выжить, то должны объединиться с трутнями для борьбы с арсууни.

— Но они убьют тебя прежде, чем ты откроешь рот.

Ироедх в ответ гордо выпятила грудь:

— Ты забываешь, что я сейчас королева! На действующую самку не может наброситься ни при каких обстоятельствах никто из работниц, разве только другая действующая самка. Когда королева Руар сошла с ума и стала убивать работниц Элхама, они, не имея принцессы, которую можно было бы направить против нее, не причинили ей никакого вреда. Они лишь поймали ее — кстати, при этом некоторые из них погибли — аккуратно вывели за крепостные стены и отпустили на все четыре стороны.

— А что случилось с ней в дальнейшем?

— Через некоторое время ее останки были найдены наполовину съеденными. То ли дикие звери разорвали ее на части, то ли она умерла от голода — этого так никто и не узнал.

— Звучит обнадеживающе, но все-таки тебе не следует туда идти.

— Почему же?

— Мне потребуется несколько дней, чтобы организовать отряд. И тебе нет никакого смысла отправляться в Элхам в одиночку. Стражницы могут убить тебя. Когда ты войдешь в их ворота, я хочу быть рядом с тобой, вместе с моими трутнями.

Ничто не могло поколебать мнения Антиса, хотя он в конце концов он и произнес со смущенной улыбкой:

— Честно говоря, мои доводы носят не совсем тактический характер.

— В чем же тогда дело?

— Если тебе так уж хочется знать, то скажу: я не намерен надолго расставаться с тобой, понятно?

— Но Антис! Нельзя же свои собственные чувства ставить выше, чем будущее нашего племени...

— Только не смейся над чувствами! Ведь именно из-за них ты выкрала меня из темницы и ввязалась во всю эту историю!

Когда они обо всем рассказали Блочу, тот сказал:

— Не удивляйтесь, но я не дам вам воспользоваться вертолетом, особенно если начнется сражение. Хотя Суббарау придется отложить полет на неделю, а то и больше, чтобы мы знали, чем все закончится.

— Так вы нам не поможете?

— Нет. Извините, но я уже все объяснил. Ты готова, Барбара?

Барбара поцеловала Ироедх, пожала руку Антису, которого, удивил этот жест, и залезла в вертолет. Они улыбнулись на прощание, помахали и машина взлетела.

Один из трутней, опершись на свое копье, воскликнул:

— Они — настоящие божества! Я расскажу своим потомкам, если, конечно, они у меня будут, что я видел людей своими собственными глазами.

Спустя примерно две недели Ироедх и ее сподвижники подъехали к Элхаму. Хотя она и пообещала Антису не отрываться далеко вперед от его отряда, все же не могла отказать себе в удовольствии ехать быстрее по мере приближении к Общине. Она была почти уверена, что та уже разрушена арсууни. Но, когда она миновала «Париж» у Глиида, люди заверили ее, что ничего не слышали о подобной катастрофе.

— Я полагал, что интервенции не избежать, но, пролетая вчера мимо по пути в Кхинам, не увидел никаких врагов, — украдкой сообщил ей Блоч.

Ироедх продолжила путь, думая о терранской морали. Конечно, все это очень хорошо, но все же она предпочла бы иметь ружье — так надежнее.

Пока они ехали, предводитель эскорта, бывший офицер Витхиаса по имени Трегарос, все время болтал что-то о мерцающих впереди огоньках:

— ...Королева, вы видите вон ту скалу? Однажды, когда Витхиас послал нас в эти места наводить порядок, жители Тхидхена устроили нам засаду. Но я вовремя распознал их замысел. Ведь недаром Витхиас учил меня. Да, он был тираном, старик Витхиас, но сильным и умным солдатом. К тому же, я помню пророчество:

Когда животное лежит иль скачет резво,
Захватчик ждет,
Когда животное устанет и уснет,
И беззащитною его подруга станет.

Поэтому, увидев ту скалу, я спросил себя, а не стала ли она хорошим местечком для засады? Предложил товарищам замедлить шаг и осмотреться вокруг. В верхней части дороги есть местечко, откуда на нас было легко напасть. Но мы вовремя оценили обстановку и не позволили врагам сделать это.

Ироедх пыталась вслушиваться в его болтовню, но то и дело ловила себя на том, что все ее мысли направлены лишь на воссоединение с Антисом. И она знала, чего он захочет прежде всего...

У границы с Элхамом навстречу им вышли стражницы королевы Маиур и королевы Эстир. Одна из тех, кто охранял Тхидхен, сказала:

— Нам был отдан приказ пропустить вас, хотя мы и не понимаем, зачем. Проходите ...

Ироедх легко могла объяснить причину этого приказа. Антис выдвинул ультиматум правительству королевы Маиур. Он собирался провести войска по всей территории Тхидхена. И если власти не будут чинить им препятствий, он обещал удержать трутней от разрушений и причинения вреда местным жителям. Стражницы по другую сторону границы были еще в большем замешательстве, когда Ироедх заявила:

— Я — королева Ироедх, прибыла в Элхам с официальным визитом. А эти трутни — моя свита.

— Вы — та самая Ироедх, которая была работницей в Элхаме?

— Да, это так.

— Великий Эунмар! Я не знала вас раньше... с этими выпуклостями!

— Я рада, что теперь узнали. А как живет Община под управлением Эстир?

Элхалмцы неуверенно переглянулись. Они явно были не уверены в том, стоит ли обсуждать такие деликатные вопросы с посторонними. Однако одна из жительниц Тхидхена сказала:

— Они переживают ужасное время. Эстир оказалась более жестокой и властной, чем наша королева — Маиур. Несколько дней назад в Тхидхене прошло Королевское совещание. И вместо того, чтобы скромно вести себя, как подобает новой королеве, попытаться узнать побольше о своих обязанностях у стариков, Эстир начала рассказывать им о том, как необходимо править подданными, словно они не занимались именно этим в течение многих лет. Она также оскорбила королеву Вардхема, и, будьте уверены, Эстир быстренько вычеркнули из списка приглашаемых на различные встречи, проходящие там.

Одна из стражниц-элхамцев подала голос:

— Вы можете и сами проверить это, Ироедх, но, уверяю вас, они правы. Жизнь с Эстир полна испытаний. А вам многие из нас симпатизируют — во многом из-за того, что вы оказались в изгнании. Мы считаем, что вашей вины тут не было, просто Эстир предала вас. А Община должна беречь честь своей королевы.

Другая стражница добавила:

— Я думаю, арсууни могут напасть на нас в любой день. Это правда, что вы называете себя королевой?

— Да, это так.

— Но как... Королевой кого?

— Короля Антиса, да будет вам известно.

— Но разве такое возможно? Антис был трутнем в Элхаме, которому удалось избежать Чистки. Впрочем, может

быть, это просто другое название одного и того же понятия, а «король» — устаревший термин...

— У меня нет времени на объяснения, сестры. Я думаю, вам лучше просто пропустить нас. И не пугайтесь, когда вслед за нами увидите целую армию трутней.

Превосходящие числом стражницы, все еще сомневаясь в правильности своих действий, все же пропустили Ироедх и ее спутников. Те миновали Лханваедские Холмы, проехали вдоль берега Алого моря, мимо мыса Кхинам и, поднявшись по дороге, добрались, наконец, до самого Элхама. Ироедх ощутила ком в горле, когда среди деревьев показались хорошо ей знакомые стены и купола. Ей очень хотелось, чтобы в этот миг рядом с ней был Антис. Какие бы у него ни были недостатки, в недостатке мужества ему не откажешь. Она сказала Трегаросу:

— Подождите здесь, только так, чтобы вас не было видно со стороны ворот. В случае каких-нибудь неприятностей постарайтесь связаться с Антисом.

Сама же она поехала по направлению к городским воротам. А через некоторое время увидела бегущих к ней двух стражниц. Тревога их улеглась лишь тогда, когда работницы поняли, что это не Арсууни, а единственная колесница.

У главных ворот Ироедх услышала то же, что и на границе, разговор имел такой же результат. Пока одна из стражниц побежала доложить о ее приезде офицерам, остальные провели Ироедх внутрь крепостных стен.

Когда она подъехала к главному входу в Общину, там уже собрались работницы со всех ее частей. Толпа взволнованно загудела при виде Ироедх. На ступенях сгрудились офицеры Совета, вокруг шеи каждого из них красовались знаки отличия. Из толпы послышался грубый голос Род:

— Это предательница Ироедх! Я всегда знала, что она бесславно закончит свои дни!

Да, Род совершенно не изменилась. Ироедх подняла руку и заговорила:

— Приветствую вас, работницы Элхама. Знайте же, что сейчас я — королева Ироедх, та, кого вы недавно знали, как работницу Ироедх, супруга короля Антиса, еще недавно бывшего трутнем Антисом. Мы управляем, но не пядью земли, а целой

армией преданных сердцем и выносливых трутней, бывших когда-то разбойниками...

— А почему они не остались разбойниками по сей день? — спросила одна из работниц.

— Потому что мы предложили им новый путь в жизни. Для того чтобы вам все стало ясно, я расскажу собственную историю...

Ироедх поведала о том, как она стала питаться мясом. По мере ее рассказа в толпе началось волнение, а королева Эстир вспыхнула от гнева и стала раскачивать из стороны в сторону металлическим мачете, которое Ироедх украла у терранцев. При этом она крикнула:

— Что это? Еще одна королева в моей Общине? Она не проживет и десяти секунд...

Один из офицеров попыталась ее успокоить:

— Пожалуйста, королева, дайте ей закончить. Все это очень важно.

Ироедх подвела итог своей истории, не забыв рассказать и о своем соединении с Антисом. Но в этом месте офицер прервала ее:

— А что, собственно, вы нам предлагаете?

— Во-первых, объединиться элхамцам и моей армии против арсууни. Кстати, мы можем снабдить вас мачете, которые пригодятся в ближайшем бою.

Услышав это, Эстир крикнула:

— Никогда! Я постановила, что это — королевское оружие, и никто им не может пользоваться, кроме королев!

Высказал свою точку зрения и генерал:

— Я не думаю, что нам вообще понадобятся эти заостренные штуковины. Мы успешно используем вместо них копья, причем с незапамятных времен. А это оружие выглядит как-то совсем уж нецивилизованно. А теперь, прошу вас, продолжайте свой рассказ.

— Объединившись, мы можем победить арсууни. Те же из вас, кто вступит в наши ряды, станут действующими самками и смогут соединиться брачными узами с нашими трутнями.

Ее перебила офицер, отвечающая за сельскохозяйственные работы:

— Королева Ироедх, а что будет, если...

Но тут пронзительно закричала Эстир:

— Королева Ироедх! Ты — просто Ироедх, сбежавшая работница! Одна из тех, кто освободил осужденных трутней из темницы!

— Да, как я объяснила, когда...

— Ты имеешь в виду, что не только посмела вторгнуться в мою Общину без позволения; ты хочешь также соблазнить моих работниц своим чудовищным, немыслимым, неестественным предложением! Разрушить основы моего общества! Если бы каждая работница становилась королевой, то какое бы между ними было отличие? Стражницы, убейте это отвратительное чудовище сейчас же!

Как только несколько стражниц, среди который Ироедх узнала свою старую подругу Вардхх, подняли копья, Ироедх закричала:

— Подождите! В конце концов, я — королева, и никто из вас не смеет поднять на меня руку!

Стражницы отпрянули, обменявшись растерянными взглядами. В это время в главные ворота влетела еще одна колесница. Возница спрыгнула на землю прежде, чем та остановилась, и подбежала к собравшимся.

— Королева Эстир...

— Не так громко! На меня напали.

— Но...

— Я же просила, не кричи! Отойди отсюда! А вы, стражницы, почему не убили эту непристойную пародию на королеву? Вы слышите меня, почему?

Одна из них отозвалась неуверенным тоном:

— Да, королева, но она ведь — действующая самка. А основной закон гласит...

— Тогда я сама покажу вам, как это делается! — зловещим голосом крикнула Эстир, выхватив мачете и бросившись к колеснице.

Ироедх не рассчитывала, что у них с Эстир состоится дуэль, она даже и не вспомнила сразу, как пользоваться мачете. Лишь увидев его на бедре у Эстир, она сообразила, что ей нужно делать. Одевать на себя доспехи у нее не было времени. Спрыгнув с колеснице, она подумала лишь о том,

что Антис будет в ярости, что она пошла на такой риск. На самом деле она не боялась Эстир, потому что многодневные скитания, необходимость все время быть начеку закалили ее.

Клац! Клац! Зазвенели клинки. Эстир выбрасывала свой вверх, вперед и назад, Ироедх парировала удары, с ужасом вспомная, какой фанатичкой была Эстир в бытность свою принцессой. Должно быть, она и сейчас находится в наилучшей форме.

Они кружили, двигались вперед, отступали, рубили сплеча, парировали удары друг друга и бросались в ложные атаки. Ироедх понимала. что сталь клинка ее противницы была намного лучше и в то же время намного легче и острее, чем у нее. Ее собственный клинок был изогнут, с зазубринами, хоть пилу из него делай, в то время как у Эстир он был практически без повреждений.

Ироедх попыталась вспомнить кое-что из того, что Блоч рассказывал ей о мечах; о том, как терранцы использовали их для ударов... И вот по-новому сжала рукоятку меча, приготовившись для выпада в выдвинутое вперед колено Эстир.

Но Эстир ударила со всего размаха по клинку Ироедх. Мачете выпал из задрожавшей руки Ироедх и упал на зеленый дерн в нескольких шагах от нее.

— А ну-ка, давай! — крикнула Эстир, занимая удобную позицию.

Но Ироедх знала, что ее бой уже закончен. Если она обратится в бегство или потянется за мачете, Эстир может вонзить свой клинок ей в спину, прежде чем она сделает пару шагов.

Эстир выступила вперед, размахивая мачете, и приготовилась для следующего выпада. Ироедх отступила назад, наглядно представив собственную голову, подпрыгивающую по земле, как это было в случае с бедной королевой Интар. Клинок взметнулся ввысь, как только Эстир подпрыгнула. Вспышка солнечного света на стали клинка притянула к себе взгляд Ироедх. Бедный Антис...

Раздался громкий стук, и вдруг окровавленный бронзовый наконечник выскочил на расстояние вытянутой ладони из-под правой груди Эстир. Вместо того чтобы завершить

свой бросок на Ироедх, Эстир упала вперед на ладони рук и колени с высовывающимся у нее из спины как мачта древком копья. Она судорожно перебирала руками гравий и ползла из последних сил. Изо рта у нее потекла кровь.

Ироедх стала пристально вглядываться в толпу, чтобы понять, кто же метнул копье. Все стоявшие поблизости работницы пятились с воплем ужаса. Кто был облачен в вооружение стражницы, но без копья в руках? Несмотря на шлем, Ироедх узнала Вардхх.

Она воскликнула в сильном волнении:

— Вардхх! Ты спасла мне жизнь!

Из толпы доносились выкрики:

— Она убила королеву! Она убила королеву! Схватите ее! Сожгите ее! Разорвите ее на куски!

Но Ироедх прикрикнула на возмущавшихся:

— Вы не сделаете ничего подобного! Отпустите ее, вы слышите?

Вардхх произнесла дрожащим голосом:

— Я знаю, что это было неправильно, Ироедх, дорогая, но я все еще люблю тебя больше, чем кого бы то ни было, и не могла спокойно смотреть, как она убила бы тебя. Ох! Теперь, я думаю, мне следует убить себя тоже.

— Чепуха! Ведь теперь я — королева Элхама.

Но тут запротестовал генерал:

— Нет! Вы не победили Эстир в честной борьбе!

— Но во мне течет кровь элхалмцев, и даже если дуэль прошла не совсем по правилам... Что это?

Стражница, которая только что подъехала в колеснице, пыталась привлечь внимание Ироедх.

— Королева Ироедх! Приближаются арсууни. Они окружили остатки наших разведчиков и всех убили. Лишь мне одной удалось сбежать от них!

— Великий Гвуур! — воскликнула, оглядываясь вокруг, Ироедх.

Целая толпа работниц подбежала к ним с полей через главные ворота крепости. Тогда Ироедх обратилась к генералу:

— Давайте обсудим будущее Элхама позже. Думаю, вам следует готовиться к сражению.

Пока сотни работниц стремглав бежали к генералу, чтобы получить приказ, Ироедх достала оружие, которое досталось ей в Ледхвиде, спустилась к воротам и забралась на одну из башен. Она нигде не могла разглядеть Трегароса и его помощников, но все время думала о том, как бы соединиться с ними. Но, с другой стороны, он, должно быть, уже отправился на поиски армии Антиса, и ее дезертирство из Общины бросит на нее тень.

Неожиданный шум заставил ее обернуться, и она увидела вертолет, паривший над дорогой, которая пролегала через огромный фруктовый сад на юго-восток. Там, несомненно, находился Блоч со своей фотографирующей машиной. Но что это за пыль, поднимающаяся из глубины сада? Солнце сверкнула на меди, и Ироедх поняла, что это Блоч пытается помочь ей, зависая прямо над наступавшими арсууни.

Ироедх бросилась к главному входу, выхватив из ножен стальное мачете. Она рассказала генералу о приближении врага и спросила:

— Где я могу наточить оружие? Оно не...

— Но вы не можете сражаться! Вы ведь королева!

— Всего лишь минуту назад вы говорили, что я не могу быть королевой Элхама!

— Вы — все еще функционирующая самка, и работницы настаивают, чтобы были соблюдены приличия. Поэтому отправляйтесь в королевские покои и ожидайте там окончания битвы.

— Что за нелепость! — Ироедх отошла в сторону, чтобы выбрать для себя точильный камень. Найдя подходящий, она ожидала своей очереди, пока стоявшие впереди работницы точили свои копья.

Нараставший по ту сторону крепостной стены шум привлек ее внимание. Вооруженные работницы бегали туда-сюда, а у них над головами возвышались концы прислоненных с обратной стороны стены десятков лестниц. Арсууни не теряли времени даром и приступили к штурму. Буквально через минуту на вершине стены показались солдаты арсууни, которые карабкались друг за другом. Работницы, успевшие наточить оружие, бросились им наперерез, стараясь занять удобную позицию для обороны.

Следующим шагом арсууни было приведение в действие сексуально-кастовой системы. Таким образом королева Даноакор решила обмануть автини. Когда-то давно арсууни. принадлежавшие к другому племени, чем автини, относились к тому же виду, хотя несколько отличались от них. Однако с помощью диеты они нашли возможность производить не только касту среднего рода-женщин работниц, но также и подкасту среднего рода женщин-солдат — созданий большего роста. По сравнению с обычными работницами, они были выше автини, болье чем на голову. Они хватали автини с помощью своих огромных узловатых лап и мощных челюстей, как это бывает у отвратительных чудовищ. В иерархии, принятой у арсууни, королева находилась на самой вершине власти; несколько ниже были солдаты. которые работали на Общину, а еще ниже — работницы. Основанием пирамиды был значительный слой рабов-автини, которые выполняли большую часть рутинной работы...

Поспешно наточив клинок, Ироедх побежала вслед за работницами к той части крепостной стены, которую особо яростно атаковали захватчики. Когда она добежала до этого места, одна из защитниц отпрянула назад, пронзенная насквозь копьем одного из солдат арсууни. Автини была уже мертва, когда упала на землю вместе с зазвеневшим при этом оружием. Ироедх перемахнула через несколько ступеней, оказалась у верхнего края стены и перегнулась через парапет.

Арсууни погнали к стене множество огромных телег, которые были завалены лестницами, предназначенными для штурма, и теперь устанавливали лестницы у крепостной стены. Защитникам-автини удалось отбросить нескольких наступавших назад. Некоторые из арсууни, упавшие вместе со своими лестницами, корчились от боли, лежа на земле. Из-за своих габаритов подняться им было намного труднее, чем автини.

Неподалеку от них метался туда сюда какой-то великан, облаченный в блестящие доспехи, и поминутно отдавал приказания; это, видимо, был генерал Омвем из Тваарма. А в небе по-прежнему слышался шум кружащего над полем битвы вертолета.

Пора бы появиться Антису с его трутнями и зайти силам арсууни с тыла. Но его нигде не было видно; даже предательского облачка пыли невозможно было разглядеть на дороге, ведущей из Кхинама.

— Сюда! Сюда! — послышались голоса справа от Ироедх, и автини вновь бросились в атаку. К стене тут же были приставлены лестницы, и по ним стали подниматься великаны, выкрикивавшие:

—Кюннеф! Кюннеф!

Ироедх ухватилась за лестницу, на которую, как ей показалось, никто из врагов не обращал внимания, и попыталась оттолкнуть ее от стены, но тут же инстинктивно отпрянула обратно, потому что огромное копье просвистело мимо ее лица. Прежде чем она опять попыталась дотянуться до лестницы, над парапетом стены появились голова и плечи одного из арсууни.

Великан с огромными оскаленными челюстями ухватился за древко ее копья, вырвал его и тут же попытался заколоть им Ироедх. Королева увернулась от удара, отбив его с помощью щита, и попыталась нанести удар в лицо арсууни краем этого же щита. Противник тут же поднял свой щит, и в следующее мгновение оба щита с грохотом столкнулись, повинуясь воле сражавшихся. Ощущавшей огромную силу врага Ироедх показалось, будто она сражается с колоссальной бронзовой статуей.

В следующее мгновение щиты разъединились, и Ироех увидела ухмылку на ненавистном лице; она тут же метнула мачете прямо в глаза своему врагу. Оружие пробило кожу и кость, а затем вышло наружу, и голова великана откинулась назад. Ироедх еще и еще раз ударила по ненавистному лицу. А потом арсууни исчез по ту сторону стены и послышался страшный грохот, когда его облаченное в латы тело ударилось о землю.

Вдруг рядом с ней кто-то закричал:

— Сюда, королева! Вы разве не слышите сигнал об отступлении?

Ироедх была слишком занята борьбой с солдатом арсууни, чтобы поспешить на зов трубы. Только сейчас она заметила, что повсюду автини спрыгивают со стены и бегут

стремглав к плацу, расположенному перед главными воротами. Арсууни же прорвали в одном месте сопротивление и забрались на стену. Генерал бросила туда значительную часть войск, и вскоре в стене образовался проем.

Ироедх сбежала по ступеням вниз вместе с остальными защитниками, а у них за спиной арсууни преодолевали препятствие с громким криком:

— Кюннеф!

Генерал защитников, увидев приближающуюся Ироедх, крикнула:

— Я ведь просила вас не участвовать в сражении! Разве вы не знаете, что даже королевы обязаны подчиняться мне во время войны? Теперь же встаньте в середине площади. Вы сейчас все равно ничего не сможете сделать, но вы нужны нам как символ.

— Это я ничего не могу? — запротестовала было Ироедх, размахивая окровавленным клинком, но генерал схватила ее за плечи, встряхнула и подтолкнула туда, где должна была стоять королева. Сама же она выстраивала бойцов автини, вооруженных копьями и щитами, квадратом, чтобы образовать из них живой заслон, сквозь который не могли бы прорваться арсууни. Одновременно с этим множество работниц тащили из своих домов мебель и различную утварь, чтобы соорудить баррикады вокруг площади.

— Мы все еще превосходим их численностью, — услышала Ироедх слова генерала. Но Ироедх, однако, знала, что один арсууни стоит двух автини — просто из-за своего роста и веса.

Ироедх попыталась рассмотреть что-нибудь за рядами собравшихся здесь работниц, вглядываясь вдаль между их головами, облаченными в шлемы. Генерал Омвем из Тваарма прибыла сюда в парадной форме одежды и вела своих солдат в последнюю в этом бою атаку. Они двигались клином.

Вдруг раздался звук трубы арсууни. Клин со всего маху ударил в живую цепь защитников, раздался лязг оружия о щиты, звон ударяемых друг о друга копий. Ироедх увидела, как возглавлявший этот клин солдат попытался вскарабкаться на баррикаду, упал, но тут же был поднят дюжиной

штыков, а потом перевалил через двух автини. Те кинулись к поверженному противнику, стали топтать его ногами, колоть лезвиями ножей. Квадрат, образованный защитниками, тут же потерял свою форму и превратился в неуправляемую массу, которая стремительно окружила смятый клин. Те, кто находились в задних рядах, пытались прорваться через тела убитых, раненых и сцепленных копьями к своим противникам, чтобы закончить сражение.

Послышался голос одного из высших чинов арсууни, и тут же вражеское копье поразило генерала автини. Ироедх совершенно затерялась в толпе, ее толкали со всех сторон — чьи-то локти то и дело ударяли ее в лицо, каблуками не раз поддали по ногам. Один из арсууни перегнулся через нее, размахивая сломанным древком от копья, словно дубиной. Один из ударов пришелся по щиту королевы, и Ироедх показалось, что рука, удерживавшая его, сломалась.

Через некоторое время натиск наступавших ослабел, но шум почему-то стал громче. Когда Ироедх смогла, наконец, рассмотреть, что творится вокруг, толпа вооруженных трутней бросилась со стороны стены, чтобы подойти к бойцам арсууни с тыла. Прежде чем королева успела прийти в себя, трутни атаковали врага. Передняя шеренга наступавших была вооружена мачете. Трутни бросились под выставленные навстречу им копья и стали наносить колющие и рубящие удары по ногам великанш и выше — по выступавшим под юбками бедрам. Бум! Бум! Бум! Арсууни падали на землю, как подрубленные деревья. Рухнула и генерал Омвем, когда на нее набросились сразу четверо трутней.

Оставшиеся без вождя, окруженные со всех сторон, арсууни попытались разорвать сомкнувшуюся вокруг них живую цепь. Но их неистово колотили ногами, щитами, и они падали один за другим как подкошенные. Бум! Бум!

И вот, наконец, не осталось ни одного великана, который смог бы устоять на ногах; примерно пару сотен лежало поверженными на плацу. Автини перерезали горло тем из них, кто еще двигался.

Ироедх тоже попыталась перерезать кому-то из врагов горло, как вдруг пара чьих-то окровавленных рук схватила ее за ногу. Антис поднял ее высоко в воздух — так, что у

Ироедх перехватило дыхание, а затем что было силы шлепнул. Но получить такой шлепок именно от него было здорово!

Он закричал:

— Я же говорил тебе не уходить так далеко вперед! Мы так бежали, что чуть было не остались без ног, пытаясь догнать тебя, да и то чуть не опоздали. Но нам трижды повезло, и за это следует благодарить Гвуура. Сначала мы повстречали еще одну банду оборванцев-трутней, и они присоединились к нам. Потом, когда мы добрались до Лханваедских Холмов, нашли там старого Умвуса, который все это время, с тех пор как мы покинули его, ковал оружие. К этому времени у него уже было около сотни мачете. Я купил у него почти все, вооружил своих бойцов, и тогда у меня появилась надежда. И, наконец, арсууни любезно оставили у стен свои лестницы, поэтому мы быстро поднялись по ним, а затем спустились сюда. А ты-то как?

Ироедх, подсчитывая перед главным сражением защитников крепости, поняла, что сейчас в живых осталось лишь меньше половины работниц Элхама. Род, например, погибла, яростно отбиваясь от наступавших врагов; та же участь постигла Тодх, Иноедх и многих других ее знакомых. Только два офицера — королевский и отвечающий за земельные вопросы, остались живы. И все же их потери можно было считать незначительными по сравнению с потерями арсууни. Те потеряли всех великанш — до последней...

Ироедх рассказала Антису обо всем, что случилось, добавив:

— Теперь, когда Эстир и наиболее консервативных офицеров здесь больше нет, я надеюсь, Автини примут нашу программу спаривания их с трутнями.

— Так жить им будет лучше! Услышав обо всех прелестях брачной жизни, каждый из этих оборванцев будет сгорать от нетерпения, прежде чем выберет себе жену и начнет откармливать ее мясом. Не говоря уж о...

Антис посмотрел на Ироедх пронизывающим взглядом, значение которого ей было хорошо известно. Как раз в это время приземлился вертолет, вызвавший огромное любопытство у автини, которые никогда раньше не видели ничего подобного. Из открывшегося люка вышел Блоч.

— Поздравляю с победой! — сказал он.

— Но вы-то не заслуживаете благодарности, — угрюмо отозвался Антис.

Ироедх перебила его, взмахнув мачете:

— Не забывай об этом, Антис.

Блоч воскликнул:

— У вас никогда не было ничего подобного, прежде чем мы появились здесь? И вы скопировали оружие с нашего?

— Да.

— Боже мой, для меня это настоящая проблема! Вы не говорили мне...

— Да, действительно, я кое-что скрыла от вас, но лишь для того, чтобы спасти своих соплеменников. Давайте ничего не будем говорить остальным терранцам, и, возможно, они ничего об этом не узнают.

Блоч с сомнением покачал головой.

— Надеюсь, что не узнают. Но я хорошо помню, как навредили мечи испанских конкистадоров бедным туземцам... Впрочем, вы об этом ничего не знаете. Можно я сделаю несколько фотографий, и заберу парочку убитых арсууни? Они будут бесценны в качестве образцов.

— Делайте с ними, что хотите... О, вот и Вардхх!

Вардх держала на перевязи раненую руку.

— Соплеменники не позволят Вардхх жить вместе с ними, даже если и примут ваш план. Они в ужасе от того, что причинен вред королеве, — сообщил Ироедх королевский офицер.

Вардхх оглядела присутствующих.

— Я все поняла. С тех пор как у Ироедх есть Антис, она не нуждается во мне. Поэтому мне не остается ничего другого...

Она подняла копье, установив его горизонтально — так, чтобы наконечник касался груди, и хотела было броситься на острие.

— Остановите ее! — закричала Ироедх.

Антис, очнувшись от секундного замешательства, бросился вслед за Вардхх, схватил в охапку и с силой вырвал у нее копье. И тут же гневно прорычал:

— Маленькая дурочка! Ведь твоя Община и так понесла большие потери!

— Тебе нет никакого смысла лишать себя жизни, дорогая Вардхх, — объявила Ироедх. — У меня для тебя есть план получше.

— Что? Ты предлагаешь мне стать действующей самкой, как ты сама, и оказаться в ужасных объятиях какого-нибудь чудовищного трутня? Нет уж, спасибо.

— А как ты отнесешься к тому, чтобы стать новым Оракулом Ледхвида?

— Я — Оракулом?

— Да. Ведь прежний Оракул умер, не оставив наследника, поэтому его пост может занять первый же, кто пожелает. Я думаю, тебя устроит это место.

Вардхх была обескуражена.

— Я подумаю об этом... Извини меня за растерянность, дорогая. Я все еще люблю тебя, но все так смешалось.

— Королева Ироедх, вам следует немедленно организовать нападение на Тваарм, — сказал Трегарос. У них не много солдат, и они никак не ожидают нападения, к тому же рабы-автини не станут помогать своим правителям. Как вы смотрите на стремительный марш и ночную атаку, а? Мы можем воспользоваться их же лестницами...

«Предложение, по-видимому, правильное», — подумала Ироедх, но она устала от кровопролития — и все это за один день. К тому же она не хотела, чтобы в этом участвовал Антис, ведь он храбрый до безрассудства, и его легко могут убить. Поэтому она сказала королевскому офицеру лишь следующее:

— Оставшиеся в живых члены Совета примут мою программу?

— Королева, мы так озадачены, даже не знаю, что и сказать на это. Позвольте мне поговорить с офицером, отвечающим за земельные вопросы.

Посовещавшись, офицеры подошли к Ироедх.

— Королева, мы принимаем ваш план и согласны реализовать программу смешанной диеты, но только в том случае, если вы пообещаете не лишать нас ни одной из конституционных свобод, — провозгласила королевский офицер. — Это вас устраивает?

— Конечно.

После этого офицер пошла разыскивать похоронную команду, ведь ей предстояла большая работа. Выжившие работницы с мрачным видом принялись помогать — ведь, несмотря на победу, они потеряли в бою очень много товарищей, и им было не до веселья. Пока они убирали с плаца тела мертвых, к королеве обратился Блоч:

— Ироедх! Антис! Я совсем забыл сказать вам, что у Суббарау есть для вас интересные новости.

— Какие же? — спросил Антис.

— Он не может перевезти вас на Терру, но может назначить представителями Межпланетного Агентства на планету Ормазд. Нам также нужен надежный туземец на роль посредника. Для начала вы будете сопровождать нас на другие континенты, чтобы ознакомиться как следует с культурой и языками их жителей.

— Звучит очень заманчиво, — протянула Ироедх. — Но прежде я должна посоветоваться с Антисом.

Она отвела его в сторону и спросила:

— Что ты об этом думаешь? Я — полностью за.

Антис выглядел растерянным.

— У нас сейчас хорошая перспектива как у короля и королевы в новой объединенной двуполой Общине, ведь так? Зачем же тебе лететь куда-то именно сейчас?

— А что будут значить король и королева при новом распределении ролей? Скорее всего, королеву заставят высиживать яйца, но если все работницы станут действующими самками, то что же останется королеве в действительности? У нас не будет реальной политической власти. Ведь меня предупредили, чтобы я не вмешивалась в конституцию.

— Я даже не знаю... — протянул Антис.

Тогда Ироедх мягко спросила его:

— Скажи, ты боишься этого воздушного корабля?

Тон его речи тут же изменился.

— Я? Конечно, нет! Ведь если мы останемся здесь, то будем простым украшением, и нам ничего не разрешат делать самостоятельно.

— Точно. Но если мы примем предложение терранцев...

— То нам никогда не придется скучать. А ведь я уже говорил, что наша судьба связана с терранцами. Давай побыстрее

скажем о своем согласии Доктаблочу, пока он не изменил своего решения.

Королевский офицер опять подошла к Ироедх.

— Трегарос хочет организовать объединенную экспедицию в Тваарм, и, если у вас нет возражений, мы готовы выступить завтра. Но мы решили, что вы и Антис должны остаться здесь; вы не должны подвергаться опасности и участвовать в сражении.

— Наши небесные друзья предложили нам нечто более интересное, чем править одной-единственной Общиной, — ответила Ироедх.

— И что же это?

Ироедх рассказала офицеру о предложении терранцев. Антис же от себя добавил:

— Она совершенно права; после того как я почти всю жизнь провел взаперти, даже целый континент не кажется достаточно большим для меня.

Королевский офицер изумленно воскликнула:

— Великий Эунмар! Вот так сюрприз! Но все же, я думаю, мы может оставить вам титул и именовать и в дальнейшем «королевой».

— Конечно. Я даже буду одевать все регалии, когда приеду с визитом к вам, но вы должны будете изготовить такие же и для Антиса.

— Конечно, мы все сделаем. Постараемся сдерживать эмоции, быть лояльными друг к другу и к Общине...

Ироедх воскликнула:

— Эмоции! Это мне напоминает о многом! Я ведь так и не знаю, что случилось с Элионорой.

— Кто или что эта Элионора? — спросила королевский офицер.

— Персонаж из книги, которую дала мне почитать супруга Доктаблоча. Если я не возьму ничего другого из Элхама, то мне хотелось бы забрать эту книгу. Но мне хотелось бы знать, что произошло с книгой после того, как я уехала.

Вардхх сказала:

— Я забрала ее из твоей кельи и спрятала у себя, решив, что ты когда-нибудь вернешься за ней. Ты найдешь ее под моим соломенным тюфяком.

— Спасибо тебе, дорогая! Я сейчас вернусь.

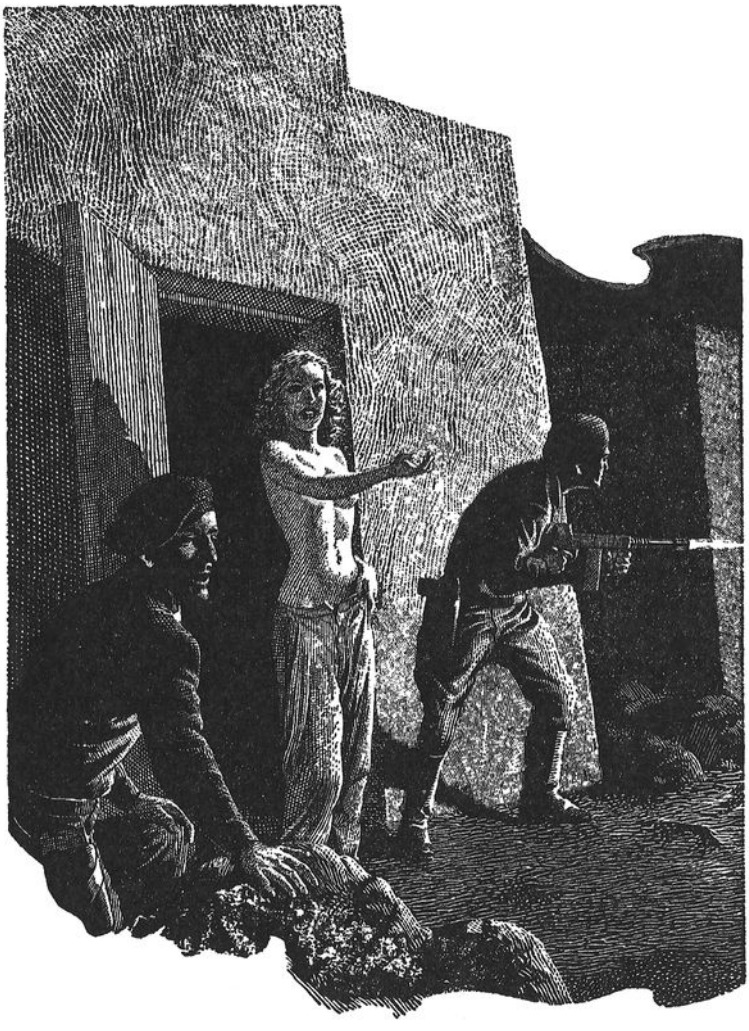
С этими словами Ироедх бросилась к главному входу. Антис побежал вслед за ней, крича на ходу:

— Подожди, дорогая! Я — с тобой!

СОЗДАТЕЛИ КОНТИНЕНТА

The Continent Makers

Журнал «Thrilling Wonder Stories», №4, 1951



Глава 1

Зазвонил наручный коммуникатор, и Гордон Грахам оторвался от своих вычислений. Он нажал на клавишу приема и услышал голос своего брата, Айвора:

— Гордон?

— Я. Чего хотел?

— Занят сегодня вечером?

— Есть немного. Надо кое-что подсчитать по Проекту.

— Да ладно тебе. Хватит витать в научных облаках. Сделай передышку. Помоги мне справиться с моими туристами.

— А? Что за туристы? — Гордон Грахам немного забеспокоился.

Он уже попадал в эту ловушку. Однажды пообещал показать ночную жизнь Нью-Йорка одной туристке из группы Айвора, когда тот был занят. А она оказалась человеком-страусом с планеты Тор, с голосом, больше всего напоминающим корабельную сирену, с помощью которой подают сигналы в тумане. И весь вечер, не обращая внимания на достопримечательности, Аеша ван Лир, с навязчивостью незамысловатой популярной мелодии, горько жаловалась в самое ухо Гордона на так называемое разделение их Тора.

Кажется, несколько столетий назад, в эпоху первых межзвездных экспедиций, группа землян купила у местных вождей малонаселенный торский континент. Цена была смехотворной: магнитофон с коллекцией симфонической музыки и ящик ирландского виски, или еще какая-то подобная чепуха. Как и следовало ожидать, спиртное быстро выпили, магнитофон сломался, и торианцы потребовали континент обратно. Но не тут-то было. Завязалась небольшая войнушка, в ходе которой туземцев, с их копьями и бумерангами, в очередной раз оставили с носом.

Время от времени торианцы с других континентов снова поднимали этот вопрос, уже более цивилизованными способами, а на спорных землях за прошедшие столетия выросли

новые поколения землян, а сама колония бурно увеличивалась и процветала. Межпланетный Верховный суд забеспокоился и решил, что торианцы не вправе изгонять землян, потому что они поселились там вполне законно и много лет жили, никого не трогая. С другой стороны, Межпланетный совет принял постановление, чтобы впредь высокоцивилизованные народы не могли так дурачить дикарей...

Все это торианка Айвора в мельчайших подробностях излагала на своем оглушительном языке прямо в ухо Гордону, пока он почти не сошел с ума.

А однажды Айвор попросил брата сводить одного из своих подопечных в зоопарк. Турист оказался осирианцем, чешуйчатым существом наподобие двуногого динозаврика, на голову выше человека, со сложным рисунком на чешуе. Вроде бы ничего особенного, видали на Земле существ и похуже. Но вот обитатели зоопарка чуть из клеток не повыскакивали. Естественно, служители попросили Гордона и его спутника удалиться, к немалому смущению землянина.

— На этот раз кришнанка,— сказал Айвор.— Девушка. Совсем как человек, она тебе понравится.

— Да ну? Слышали мы эти сказки! Та страусиха с Тора тоже должна была мне понравиться...

— Не, это совсем другой случай. Она из республики Катай-Ихогораи, а это на их планете самое цивилизованное государство, да и отбирали их для путешествия на Землю очень тщательно. В воскресенье остальные простофили будут оттягиваться в «Космо», а я обещал свозить Джеру-Бхетиру — так ее зовут — в Боунтон. Там, в квартале, где живут инопланетяне, есть ее родственники. Все бы было о'кей, но она познакомилась с неким осирианцем, который рассказал ей об одном обществе. Историки какие-то... Заседают в Бронксе по вечерам. Она этим обществом заинтересовалась и хочет сходить на их собрание. Ну а ее бойфренд — он изучает земное законодательство в Нью-йоркском университете — занят, поэтому я обещал ее проводить, но забыл, что у меня на тот вечер уже назначено свидание. Так что... э-э... я и подумал... Тем более она такая симпатяжка, и вообще интересная особа...

— О'кей, схожу с ней, куда надо,— согласился Гордон Грахам.— Где мы встретимся?

— Погоди-ка, посмотрю свои записи... Мы поедем на поезде компании «Лакаванна» по Боунтонской ветке, и он прибывает на станцию К.С.К. без четверти шесть.

— Ладно. До встречи.

Гордон Грахам нажал кнопку «отбой» на коммуникаторе, встал и осмотрелся в поисках одежды поприличнее. Заканчивался июнь, стояла ужасная жара, так что без серьезной необходимости влезать в рубашку не хотелось, а ко всяким формальностям он всегда относился с пренебрежением. Поэтому сегодняшний наряд Гордона имел весьма неофициальный вид. Одевшись, молодой человек осмотрел в зеркале свое носатое лицо и задумался, стоит ли ему бриться второй раз за день, но отказался от этой затеи.

Затем он решил снова взяться за дифференциальные уравнения, описывающие движение магмы, но разговор с братом оборвал нить его рассуждений, и минут десять он лишь тупо смотрел на свои записи без единой мысли в голове. В конце концов он все-таки взял себя в руки, вышел из транса и записал несколько уравнений, пока в памяти хоть что-то осталось. Времени до выхода было уже в обрез, и он начал двигаться чуть быстрее, хотя особенно не спешил. Ничего не случится с Айвором и его инопланетной подружкой, если им придется немного подождать...

Наконец он вышел из своего коттеджа на четыре квартиры в Энгельвуде, Нью-Джерси, в котором они с братом снимали одну квартиру на двоих, и направился к станции метро. По пути ему попалась стоянка вертолетов-такси, и он мимоходом подумал, не взять ли один из них. Тогда можно было добраться до станции Коламбус кольцевой линии — чаще ее называли К. С. К. — за десять минут. Но, хорошенько все взвесив, решил, что игра не стоит свеч.

В вагоне метро его мысли блуждали между любимыми уравнениями и предстоящей встречей. Кришнанка могла оказаться весьма симпатичной даже по европейским стандартам, несмотря на зелено-голубые волосы, оттопыренные уши и оперенные слуховые антенны между бровей. И она наверняка умела говорить, а не вырисовывала языковые знаки, как какой-нибудь иштарианец своими щупальцами. Но все равно она не человек — ее внутренние органы...

Что ж, может, это и к лучшему. Потому что Гордон Грахам поклялся самым дорогим и уважаемым для него — именами основателей геофизики, — что никогда больше не влюбится с первого взгляда. Слишком уж много страданий причинили ему три или четыре последних романа. Хорошо Айвору — он человек коммуникабельный, потому и говорит открыто, что хочет жениться. А что делать, если любая зубрила заливается смехом, стоит тебе слово вымолвить?

Он вышел из поезда на станции К. С. К. и, пробираясь подземными переходами, погрузился в более серьезные размышления о проблемах геофизики. Скоро он обнаружил, что зачем-то спускается на эскалаторе к платформе высокоскоростной линии, то есть к самому нижнему уровню станции...

Пока эскалатор медленно полз вниз к двум находящимся в глубине платформам, Грахам оценил обстановку, схватился за свисавшую сверху штангу с указателями, подтянулся на ней и легко перебросил свои длинные ноги на соседний эскалатор, движущийся наверх. Глядя на ловкий трюк, другие пассажиры разинули рты, тем более что вид у Грахама был вполне благопристойный, и он никак не походил на человека, для которого такие выкрутасы — обычное дело.

Наконец он нашел вестибюль, в который выходили пассажиры из поездов компании «Лакаванна» корпорации «Северо-Американские железные дороги». Его часы показывали, что поезд № 1752 из Боунтона вот-вот прибудет, и точно — как раз в этот момент диктор объявил о прибытии поезда в соответствии с установленным новым написанием — Буунтон. Сам Грахам постоянно забывал подписывать свои чеки «Гоордон Грейам», из-за чего у него потом возникали проблемы с банками.

Толпа пассажиров устремилась к выходу. Айвор издали выделялся своим высоким ростом. Будучи совсем немного ниже брата, он, в отличие от Гордона, отнюдь не выглядел длинным благодаря широким плечам и атлетическому телосложению. Раньше Айвор был хорошим футболистом, а теперь стал гидом по Нью-Йорку и работал в компании «Бюро путешествий Тилгхмана» («Туры с гидами на все планеты!»).

Выбравшись из потока пассажиров, он представил брату свою спутницу. Кришнанка Джеру-Бхетиру оказалась почти

такой же высокой, как Гордон Грахам,— и в этом не было ничего странного, поскольку кришнанцы были едва ли не самыми рослыми из известных гуманоидных рас, что объяснялось меньшей, чем на Земле, гравитацией на поверхности их планеты. У нее были внешние органы обоняния, походившие на пару зелено-голубых перьев или на удлиненные сверхгустые брови, растущие прямо над переносицей. Волосы у нее были зелено-голубыми, глянцевитыми и располагались на голове не совсем как у людей. В облике ее было что-то монголоидное, поэтому, если бы не перья и цвет волос, она могла бы сойти за симпатичную белую американку или за совсем уж восхитительную китаянку или индонезийку. Кожа у нее тоже была зеленоватая, а оттопыренные уши торчали, как у лилипутов в детских книжках. На ней было открытое спереди платье в Миноанском стиле ее родной планеты — наряд, который приковывал взоры даже в таком искушенном городе и в такой век. На спине, вплоть до высокого воротника, платье было закрытым, а спереди открыто до талии — и благодаря этому каждый мог видеть, что его владелица относилась к числу млекопитающих.

Гордон Грахам икнул. «Ну и дела! Если и правда в ходе эволюции все виды изменяются, чтобы стать похожими, сойтись в одной точке, то это ее шедевр! Кришнанцы так походили на людей, что два существа этих рас вполне могли бы всласть позаниматься любовью. Хотя, конечно, без рождения детей, потому что хромосомы у них были слишком разные». От всех этих мыслей у Гордона Грахама даже в ушах зазвенело, он покраснел и прочистил горло.

— О-очень приятно познакомиться, мисс Бхетиру,— проговорил он, немного придя в себя.

Айвор его поправил:

— Если обращаешься к ней «мисс», то говори «мисс Джеру». Они ставят фамилии перед именами, как китайцы. А я зову ее «Бетти».

— Приятно с вами познакомиться... э-э... о-о... Бетти,— изрек Гордон.

Она радушно улыбнулась:

— Мне тоже приятно с вами познакомиться. Конечно, если вы хотите обращаться ко мне по-приятельски, то на

моем родном языке надо говорить Джеру-Бхетиру. Но я буду счастлива, если услышу «Бетти».

Айвор объяснил:

— Ее папаша — Джере-Лагиле. Ты знаешь, он много лет был представителем Катай-Ихогораи на Земле. Она собирается все в Нью-Йорке осмотреть, а после окончания тура остаться здесь еще на несколько месяцев. Будет изучать нашу детскую психологию. Немного она с прибабахом, а?

Но Гордону так не показалось. Похоже, на этот раз обещания Айвора соответствовали действительности и, может быть, даже с избытком.

Айвор продолжил свою посредническую деятельность:

— Гордон — известный ученый. Работает над проектом Гамановия и инструктирует геофизиков в Колумбии. И вообще отличный парень. Это он только сейчас надулся как мышь на крупу.

— А что это за проект — Гамановия? — спросила Джеру-Бхетиру.

— О, разве ты не знаешь? Есть мыслишка увеличить площадь суши на нашей планете путем создания новых континентов.

— О, мои предки! А как это делается?

— Гордон сам расскажет.

Гордон Грахам снова откашлялся.

— Дело в том, мисс... э-э... Бетти, что мы узнали, как управлять потоками аморфоподобной магматической субстанции...

— Прошу вас! — взмолилась она.— Я не знаю, что значат эти длинные слова! Вы не можете объяснить как-нибудь попроще?

Гордон собрался с мыслями:

— Ну, вы знаете, что если на планете типа нашей опуститься под землю на глубину пятьдесят-шестьдесят миль, там будет раскаленная добела лава, которая, однако, не может свободно течь, потому что находится под ужасным давлением. Но все-таки на нее длительное время действуют разные силы, и она медленно течет, как холодная смола, и это движение вызывает смещения земной коры, которая лежит на поверхности этой магмы. Так и возникают горные хребты

и океанские впадины. А теперь мы узнали, что можно взрывать в глубине этой лавы атомные заряды определенной мощности, и тем самым направлять эти магматические течения, как они называются. При этом можно подобрать условия так, что часть океанского дна поднимется на поверхность, а другие части опустятся, однако никакие районы существующей суши под воду не погрузятся.

— А как вы опустите туда эти заряды?

— С помощью особой капсулы, вроде механического крота, управляемого с поверхности... Что там у нас дальше по программе, Айвор? Народ еще не обедал?

Айвор Грахам повел их в ресторан при станции К. С. К., а Гордон, довольный, что его слушают, продолжил распинаться о своей любимой геофизике.

Джеру-Бхетиру спросила:

— А почему проект называется Гамановия?

— Потому что так будет называться первый новый континент. Он должен подняться в Южной Атлантике, вокруг острова Вознесения[26], и у каждой нации Всемирной Федерации были свои предложения, как его назвать. Большинство предлагали имена своих любимых героев. Например, индусы хотели Нерувию. Кое-кто предлагал Атлантиду, но дело в том, что первоначально Платон считал, будто Атлантида расположена где-то в Северной Атлантике, и, если все пойдет хорошо, мы, возможно, захотим поднять второй континент около Северной Америки, а потому лучше сохранить это название для него.

Бразилия хотела назвать новый континент или именем Васко да Гама[27], первого европейца, нанесшего на карту эти воды, или Жоао да Нова[28], который несколькими годами позже открыл остров Вознесения. Им возражали, что Гамия

[26] Остров Вознесения находится в Атлантическом океане, между Африкой и Южной Америкой.

[27] Васко да Гама (Da Gama, Vasco) (1460-1524) — португальский мореплаватель, открывший морской путь из Западной Европы в Индию. Из 170 участников экспедиции 1497-1499 годов живыми вернулись в Лиссабон только 55, нашел последнее пристанище на далеком острове Терсейра и брат Васко да Гамы Паулу.

[28] Жоао да Нова (João da Nova) (XV в. — 1509) — португальский мореплаватель. 21 мая 1502 года, в католический праздник Вознесения, по пути в Индию открыл остров, который назвал островом Вознесения. В составе экипажа Жоао де Нова был Америго Веспуччи, именем которого была названа Америка.

и Новия будут звучать плохо, и тогда бразильцы только усмехнулись и сказали: «Ладно, синьоры, мы соединим эти два слова вместе и назовем его "Гамановия"... А теперь они лидирующая нация на Земле».

— Вот мы и пришли,— сказал Айвор.— Эй, Гордон, ты не хочешь немного привести себя в порядок?

Гордон посмотрел на свои руки и понял, что их в буквальном смысле надо хорошенько помыть — после того как он перепрыгивал с одного эскалатора на другой и хватался при этом за штангу указателя, они были все в грязи. Он отправился на поиски и лишь с третьей попытки нашел человека, который сказал, что туалетная комната находится этажом ниже.

Дело было в воскресенье, и в ней никого в это время не было. Гордон намылил руки, и в этот момент вошел невысокий смуглый человек и стал нервно пыхать сигаретой. Очевидно, он пришел туда с той же целью. Но неожиданно человек спросил:

— Вы, случайно, не доктор Гордон Грахам?

— А? — переспросил Грахам, погруженный в сладкие грезы о Бхетиру.— Д-да, именно так, хотя я пока не имею степени доктора наук, но я — Гордон Грахам.

— Отлично. Мне надо будет скоро с вами говорить. Вы никуда не собираться сегодня вечером? — Человек говорил с легким славянским акцентом.

— Собираюсь, н-но кто вы?

— Меня зовут Скляр. Потом расскажу подробно.

— А... э-э... зачем вы хотите со мной встретиться?

— Это есть в связь с проектом Гамановия. Поверьте на слово, это есть очень важно. Сейчас не могу говорить о детали. А когда вы завтра вечером быть дома после работы?

— Дайте подумать... понедельник... где-то в полчетвертого.

— Хорошо, тогда и встречаться...

Он оборвал фразу на полуслове и быстро обернулся на звук открываемой двери, в которую вошли два человека. Они быстро двинулись к Гордону и его собеседнику. Один из них держал руку в оттопыренном кармане куртки, словно там был револьвер. Этот человек шагнул к назвавшемуся Скляром незнакомцу. Другой приблизился к Грахаму, приложил кулак к его груди и резко толкнул.

Грахам вздохнул. Так бывало всегда. Люди сами нарываются на неприятности, их вводит в заблуждение его долговязая фигура и очки, и они не могут поверить, что он в колледже занимался боксом. А когда на него начинают катить бочку, он вынужден принимать меры. Он принял их и теперь: снял очки и одновременно левой рукой нанес удар по ребрам, а потом правой — в глаз толкнувшего его человека.

Тот покачнулся и упал на спину, его голова с громким стуком ударилась о кафель.

Другой человек обернулся на шум, и Грахама осенило, что он сглупил, спровоцировав нападавшего на выстрел. И не стоило из-за такой ерунды...

Однако внезапно Скляр брызнул какой-то струей из кольца, которое он носил, прямо в лицо второму из нападавших. Тот сразу начал моргать, чихать, кашлять и что-то бессвязно бормотать. Скляр быстро подошел к нему вплотную и достал из кармана что-то вроде дубинки. Хрясь! Один удар по черепу, и его жертва тоже качнулась и упала как подкошенная.

Но к этому моменту человек, которого ударил Грахам, начал подниматься. Его открытый левый глаз горел яростью. Скляр попытался ударить и его, но был отброшен взмахом руки, словно веслом. Потом Грахам получил удар кулаком в челюсть, едва не пославший его в нокдаун. Несколько секунд они обменивались ударами. Грахам, которому по-обезьяньи длинные руки давали некоторое преимущество, нанес противнику два-три точных удара по лицу. Хрясь! Этот звук сказал Грахаму, что Скляр сзади заехал своей дубинкой по голове их противнику. И хотя, судя по всему, его череп был крепче обычного, он все-таки согнулся и повалился на кафельный пол.

— Надо проверить, что у них при себе, — сказал Скляр, глядя на поверженных противников. Он быстро обыскал тела, достал из кармана у одного из них пистолет и положил в карман своей куртки.— Помоги мне вытащить их отсюда, быстро.

— А? Что вы имеете в виду? А почему не позвать полицейских?

— Я сам полицейский! — нетерпеливо оборвал его коротышка, вытаскивая бумажник. Грахам посмотрел на поднесенное

к самому его лицу удостоверение на имя Рейнольда Скляра, констебля второго ранга Всемирной Федерации (судя по всему, он был родом откуда-то из Центральной Европы, предположил Грахам). Скляр продолжил: — Поэтому я не хочу мешать здесь местных полицейских.

Констебль быстро осмотрелся, попыхивая сигаретой, которую закурил еще до начала схватки. В конце туалетной комнаты была зеленая дверца. На ней висела табличка с надписью «Входа нет». Такие двери есть во всех больших современных зданиях, все ходят мимо них, даже не задумываясь, кладовка там, черная лестница или что-то еще. Скляр толкнул ее и открыл.

— Удача для нас, что кое-кто забывает закрывать двери,— сказал он.— Теперь бери их за плечи, они слишком большие, чтобы я сам их отнес. Да поскорее, пока кто-нибудь не зашел.

Грахам, несмотря на некоторое смущение от всего происходящего, сделал, что ему было сказано. Нападавшие на них мужчины не приходили в сознание. Грахам и Скляр вдвоем вытащили оба тела через дверцу на узкую — не больше метра шириной — площадку. С нее можно было попасть на небольшую железную винтовую лестницу, которая шла вверх и вниз. Вверху она терялась в переплетении слабо освещенных брусьев, а внизу выходила на одну из посадочных платформ высокоскоростной линии на нижнем уровне К. С. К. Это наверняка был запасной выход.

— Вниз,— тихо приказал Скляр, и они поволокли одно из тел по винтовой лестнице. Уложив его на бетонный пол, они вернулись за вторым. Платформа в конце сужалась, наподобие носа корабля, к тому же в паре метров от лестницы стояла большая квадратная колонна, закрывавшая обзор, и можно было не бояться, что их заметят. Они замерли в тени лестницы. Вокруг была почти полная тишина, только с верхних уровней станции доносился глухой шум поездов.

Грахам прошептал:

— Что все это значит? Что это за типы? Что им от меня надо?

— Расскажу завтра,— бросил Скляр, выглядывая из-за колонны. Внизу поблескивал единственный рельс высокоскоростной линии, в два раза толще обычного, а верхний рельс,

поддерживавший вагоны в вертикальном положении, блестел вверху. В нескольких метрах от того места, где они находились, по другую сторону колонны, стояли сцепленные вагоны высокоскоростной линии, похожие на артиллерийские снаряды. В их окнах отражались огни станции. Откуда-то изнутри доносился шум работающих воздушных компрессоров.

— Этот поезд идет до Вашингтона и простоит здесь еще полчаса,— сказал Скляр.— Скоро подойдет другой.

Пока он говорил, с другой стороны платформы послышался щелчок реле, шум моторов, и на пустой путь стал вползать прибывший поезд. Его тупой нос все приближался, пока не остановился у той самой колонны, за которой прятались Скляр и Грахам.

Скляр предупреждающе взмахнул рукой:

— Подожди, пока машинист не выйдет из кабины. Потом положим этих типчиков в почтовый отсек.

Через несколько секунд Грахам услышал стук открываемой двери и звук удалявшихся шагов. Скляр промолвил:

— Отлично! У нас есть две минуты. Помоги мне!

Когда они вытаскивали первое тело из-за колонны, Грахам боялся, что за ней окажется толпа народу: служащие дороги и пассажиры. Но платформа была пуста. Скляр открыл дверь вагона, и они втащили туда тело. Потом повторили ту же операцию со вторым нападавшим. Он, судя по всему, вот-вот должен был прийти в себя, и Скляр для верности еще раз дал ему дубинкой по голове.

— Грахам,— сказал он,— встань у двери. Если кто-то сюда пойдет, скажи мне.

Скляр занялся телами, затыкая им рот кляпами и связывая их носовыми платками, шнурками от ботинок и другими предметами одежды. Похоже, у него был большой опыт в подобных делах.

— Никого нет? — прошептал он.— Хорошо. Придержи его, а я натяну на него мешок.

Когда оба тела были завернуты в мешки для почты и отнесены в угол, Скляр отряхнул руки и сказал:

— Отлично, а теперь пошли отсюда. Твой брат тебя уже потерял. Обо мне — ни слова, сам понимаешь. Завтра днем один будешь у себя в квартире?

— Я... думаю, да. Брат никогда не возвращается раньше шести вечера, а то и еще позже.

— Хорошо.— Скляр в последний раз посмотрел на вагон, в котором они спрятали тела. Мимо них проехала электрическая тележка, везущая мешки с почтой, с эскалатора потянулись на посадку первые пассажиры этого поезда. Скляр добавил: — Все в порядке. Я написал на их мешках «Канзас-Сити», так что никто туда не полезет, пока они через четырнадцать часов не окажутся в Канзас-Сити. Жалко, что поезд не идет в Лос-Анджелес.

Они поднялись по винтовой лестнице обратно в туалетную комнату, где Скляр привел себя в порядок и вымыл руки. Грахам, смотря на него с оттенком благоговейного страха, сделал то же самое.

— Поспеши, Грахам,— поторопил юношу Скляр.— Не хочу, чтобы твои друзья начали тебя расспрашивать. Завтра в полчетвертого, да? Пока. До встречи.

И он ушел.

Глава 2

— И... э-э... как тебе Земля, Бетти? — спросил Гордон Грахам.

— Слушай, что это у тебя с руками?— поинтересовался Айвор.— Где тебя так уделали? Дрался, что ли?

Гордон отрицательно покачал головой, не в силах оторвать взгляда от Джеру-Бхетиру, которая ответила:

— Изумительно, но здесь так много воды! Мне даже чуть страшновато, что мы всего лишь на острове, окруженном водой.

— У моих осирианских туристов всегда такие ощущения,— сказал Айвор.— У них на планете никаких океанов нет, и плавать они не умеют, даже подумать об этом не могут без содрогания. А вот на планете Тот, наоборот, сплошной океан с разбросанными по нему островами. И тамошние крысоподобные обезьяны...

— Хорошо плавают,— закончил за него Гордон.— Продолжай, Бетти.

— И у вас столько молодежи!

— Продолжительность жизни на Земле большая, поэтому пожилых людей тоже достаточно много. Нам приходится контролировать нашу численность, а иначе здесь протолкнуться будет негде. А как тебе наша культура?

— Я только хотел сказать...— начал было Айвор.

Джеру-Бхетиру словно не услышала, все ее внимание было приковано к его брату. Она воскликнула:

— Культура меня просто очаровала. Мы, кришнанцы, по сравнению с вами бедные и отсталые! И Земля нам кажется восхитительной сказочной страной. Но больше всего меня интересует психология людей. Это мое увлечение — так, кажется, у вас говорят. Во многом вы похожи на нас, а в чем-то различаетесь. Например, мне хотелось бы обследовать тебя.

— Ч-что? — покраснел Гордон.— Ты хочешь сказать, что мне надо лечь на кушетку и рассказать тебе все-все как на духу?

— Не теряй с ним времени понапрасну,— посоветовал Айвор.— Ничего интересного не узнаешь. У него душа чистая как стеклышко. Даже не как у десятилетнего ребенка, а словно ему годика полтора. А теперь мне надо...

— Да не слушай его, Бетти,— отмахнулся Гордон.— Айвор не способен оценить чистоты твоих помыслов. Кушетки наводят его совсем на другие мысли, и с научными исследованиями не ассоциируются.

— Смотря что понимать под научными исследованиями,— сказал Айвор.— Если вы хоть на секунду перестанете есть друг друга глазами, я попробую довести до вашего сведения, что мне пора отваливать по своим делам. Впрочем, я в любом случае ухожу. Вот моя половина платы по счету.

Гордон Грахам и Джеру-Бхетиру смущенно подняли глаза и заставили себя попрощаться с Айвором. Они еще немного поговорили о психологии, и наконец Гордон произнес:

— Пожалуй, он был прав. Лучше нам тоже пойти отсюда.

Она взяла его под руку, и они медленно пошли к выходу, но у самой двери их остановил свист кассира, напомнивший Грахаму, что он не заплатил за обед. Он глуповато рассмеялся, позволил кассиру себя обсчитать, и они с Джеру-Бхетиру вышли из ресторана. Землянин и кришнанка были настолько поглощены друг другом, что натолкнулись на две колонны и пять пассажиров, да и вход в метро отыскали только с третьей попытки.

Для Гордона Грахама мир вокруг превратился в благоухающий райский сад — ему казалось, что он встретил девушку своей мечты. Его прежние зароки? Ерунда! А что подумают его друзья? Если он вздумает жениться на существе другой расы? Пока это его нисколько не заботило. Можно будет поразмыслить над этим завтра. Он нашел редкую по красоте спутницу, которая его понимала и слушала. Какое значение имеет все остальное?

Они проехали по развязке «Конкорс-экспресс» до Бедфорд-парка, а потом двинулись пешком на восток, туда, где дорога Мошолу выходит к парку Бронкса, и заходящее

июньское солнце светило им в спины. Среди новых многоквартирных домов там и сям стояли коттеджи, построенные много лет назад.

— Это должно быть где-то здесь,— промолвил Грахам.— Слушай, Бетти, а что это за Черчиллианское общество?

Она ответила:

— Тейерхия сказал мне, что они утверждают, будто бы драматург XX века Джордж Бернард Шоу никак не мог сочинить пьесы, которые ему приписывают, и намереваются доказать, что их автор — известный политический деятель того же периода по имени Уинстон Черчилль.

— Черчилль? Это не он был одним из первых британских лейбористских лидеров, который писал в начале 1900-х годов романы на социальные темы?

— Не знаю, Городон. — Она всегда произносила его имя с лишней гласной, а ему эта ошибка казалась очаровательной.

— Ладно, потом узнаем, но не забавно ли, что осирианцы интересуются такими вещами? А кто такой этот Тейерхия?

— Мои друзья в Боунтоне сказали, что он знаменитый предприниматель. Я встретила его на одной вечеринке вместе с его партнером, торианцем Адзиком. Он носил Адзика на сгибе своего локтя...

— Послушай-ка! Ты точно знаешь, что этот Адзик — торианец? А не тотианец?

— А в чем дело?

— Торианцы слишком большие, чтобы кто-то мог носить их на руке. Мы их зовем людьми-страусами.

— Должно быть, ты прав. Торианец или тотианец — я все время путаю ваши земные названия обитателей других планет. Почему для них выбрали такие похожие названия?

— Так уж получилось. Понимаешь, мы назвали планеты нашей Солнечной системы именами римских богов еще до межзвездных полетов, а когда находили другие планеты, то использовали другие мифологии. Планеты твоей системы названы именами индийских богов; Эпсилона Эридана — скандинавских; Проциона — египетских...

— А почему вы давали собственные имена другим звездам и планетам? Это... немного самонадеянно.

— Понимаешь, когда мы спрашивали их обитателей, как они сами называют свои планеты, то получали ответы на сотне разных языков, и половину этих слов мы даже произнести не могли, а значение их было всегда одно и то же — что-то вроде нашего «дома» или «земли». Некоторые туземцы даже не имели звукового языка, а объяснялись при помощи щупалец. Но давай вернемся к Тейерхии.

— Хорошо. Он носил тотианца — я правильно говорю? — на сгибе своей руки, как...

— Как плюшевого медвежонка. Так ты хотела сказать?

— Плюшевого медвежонка? В любом случае мне не очень нравятся осирианцы, даже Тейерхия, который довольно вежлив. Их острые зубы пугают меня. И еще поговаривают, что они умеют гипнотизировать.

— Не знаю, не знаю,— усомнился Грахам.— Некоторые из них неплохие ребята, несмотря на чешую и свистящий акцент. Они очень импульсивны и сентиментальны, но интеллект у них такой же, как у землян или кришнанцев. Что еще рассказал тебе Тейерхия?

— Немного, потому что он... как это у вас говорят... быстро вырубился.

— Неужели?

— Да. Ты же знаешь, что они не могут пить из наших рюмок и бокалов и пользуются чем-то вроде бутылочек для масла. И когда нам сообщили, что Тейерхия известный предприниматель, он уже распластался в углу, а вокруг него лежала куча таких сосудов с длинными горлышками, и маленький тотианец сокрушенно клекотал по поводу происходящего.

Грахам ненадолго оторвал свой взгляд от Джеру-Бхетиру, чтобы посмотреть на номер дома. Он воскликнул:

— О, мы уже прошли дальше, чем нужно. Давай вернемся назад.

Они наконец нашли нужный дом, оказавшийся старым частным особняком.

Из тени у подъезда вышел человек и сказал:

— Добрый вечер.

— Добрый вечер,— ответил Грахам.— Это здесь проходят встречи Черчиллианского общества?

— Совершенно верно. Прошу прощения, это не вы геофизик Гордон Грахам?

— Да, я. А откуда вы узнали?

— О, вы гораздо более известный человек, чем сами думаете, мистер Грахам. И мы очень, очень рады вас видеть. Прошу вас.

В комнате, которая когда-то, видимо, служила гостиной, стояли рядами легкие кресла. В некоторых из них сидели люди, а другие беседовали, стоя кучками. Стены были увешаны большими фотопортретами Уинстона Черчилля, в галстуке и рубашке с накрахмаленным воротничком, как было принято в те давние времена.

Грахам подвел Джеру-Бхетиру к двум свободным креслам, и другой человек, дородный лысый мужчина, сказал:

— Добрый вечер, мистер Грахам.

Гордон был уверен, что ни первого, ни второго из поздоровавшихся с ним людей он никогда и в глаза не видел. Вообще происходило что-то непонятное ему. Сначала эта странная встреча со Скляром, потом схватка с двумя мужчинами, которые на них напали, а теперь еще и эта неожиданная известность. Он не сомневался, что никогда не бывал в этом месте, где сейчас заседали черчиллианцы. У него не возникло даже ощущения «возвратов памяти», или, как их еще называют, дежавю.

Лысый толстяк, к которому присутствующие обращались как к мистеру Варшауэру, призвал собравшихся к порядку. Потом начался занудный разговор о членских взносах, присутствии на собрании членов общества и других столь же не интересных гостям предметах.

Грахам все это время перешептывался с Джеру-Бхетиру и ловил на себе неодобрительные взгляды соседей.

Потом мистер Варшауэр представил мистера Донахью, невысокого светловолосого человека, как докладчика на этом собрании. Мистер Донахью вышел вперед и произнес проникновенную речь о близком его сердцу предмете:

— ...и что мы знаем об этом Бернарде Шоу, как он себя называл? У нас есть всего несколько биографий, по большей

части крайне тенденциозных, которые во многом противоречат друг другу, да еще микропленки с фильмами, которые отсняли известные своей коррумпированностью и ненадежностью журналисты двадцатого века.

А кем был на самом деле этот так называемый Бернард Шоу? Если судить по отрывочным сведениям, которые можно признать достоверными, он совсем не походил на человека, имевшего выдающихся предков, которые в те времена социального неравенства были абсолютно необходимы человеку, чтобы достичь хоть каких-то высот в своем интеллектуальном развитии. Он был сыном простого булочника — а отнюдь не потомком родовитых аристократов или известных литераторов. Известно, что Шоу, как он себя называет, после того как ему исполнилось 14 лет, ни разу не переступал порога школы. Более того, как можно говорить, что он своей эксцентричной орфографией предвосхитил современную недостойную реформу правописания, если он отказывался от учебы даже тогда, когда ему предлагали посещать занятия...

Грахам сразу понял, куда клонит Донахью, и больше его не слушал, погрузившись в созерцание профиля Джеру-Бхетиру.

— ...пять лет служил клерком в агентстве по недвижимости. Вы можете себе это представить?! Разве мог автор «Пигмалиона» и «Кандида» работать в таких невыносимых условиях? Человек со столь чувствительной душой за неделю бы сошел там с ума! А когда он наконец оставил презренную должность сборщика арендной платы, чтобы попытаться зарабатывать на жизнь литературным трудом, то скоро убедился в отсутствии у него необходимых способностей. За первые девять лет своей новой деятельности он заработал всего шесть фунтов, или около 28 современных долларов Всемирной Федерации. Издатели отвергли один за другим четыре его так называемых романа. В одном из них он продемонстрировал свой дурной вкус, описав нравы дельцов профессионального бокса. Представьте, если можете, автора «Святой Иоанны», описывающего грубых и невежественных драчунов! Разве, наблюдая за их поединками, можно было создать такой неповторимый колорит, так красочно изобразить...

Грахам потряс головой, чтобы не заснуть. Заметив его движение, Донахью резко сказал:

— Вы что-то хотели спросить, молодой человек?

— Н-нет,— покраснел Грахам.— Я... я недавно плавал, и у меня вода попала в уши.

— Ну-ну. Резюмируем: наконец, кое-как научившись владеть пером, этот так-сказать-Шоу занялся самой низкой формой литературы — критикой. И даже здесь он не обнаружил ни малейшей твердости характера, чтобы довести хоть одно свое начинание до конца, но вместо этого бросался от одной публикации к другой...

Грахам позволил своей руке сползти вниз, пока она не нашла руку Джеру-Бхетиру и не сжала ее. Кришнанка не только не попыталась высвободиться, но и ответила ему своим пожатием. Сердце у него бешено заколотилось, и он совершенно не слышал слов мистера Донахью, да и не интересовала его эта лекция ...

— Тогда кто же написал эти пьесы, если не так называемый Шоу? Кто на самом деле?

В то время в Британии жил один молодой человек, с поистине блестящим умом и творчески одаренный, но не имевший тогда возможности открыто заявить о своих амбициях ввиду всевозможных социальных и политических табу. А все дело в том, что он был аристократом, сыном лорда и внуком герцога, а сочинительство в те далекие дни не считалось достойным занятием для благородного человека. Для служителей Мельпомены двери аристократических салонов тоже были закрыты. Более того, пьесы, которые он задумывал, могли серьезно повредить его политической карьере, которая была ему уготована как исходя из его собственных выдающихся способностей, так и в соответствии с традициями его семьи...

Таким образом, мы можем — нет, должны! — согласиться с тем, что этот великий человек должен был заключить сделку с пресловутым Шоу, чтобы иметь возможность сочинять пьесы, не подписывая их собственным именем. Шоу, со своей стороны, был совсем не прочь предоставить свое имя для подобного использования, хотя у него самого не было и искры таланта...

В качестве последнего аргумента мистер Донахью написал мелом на доске названия нескольких пьес «так называемого Шоу» и расположил их друг под другом так, что из букв одного вертикального ряда сложились слова УИНСТОН СПЕНСЕР ЧЕРЧИЛЛЬ[29].

Раздались громкие аплодисменты. Хлопали все, кроме Грахама и Джеру-Бхетиру, которые держали друг друга за руки и не были слишком уж вдохновлены речью мистера Донахью.

Грахаму она показалась крайне неубедительной, хотя он и не слишком хорошо знал литературу и историю Века Катастроф. В одном не приходилось сомневаться: Уинстона Черчилля он путал с двумя-тремя другими известными людьми, и ему надо было обязательно полистать в связи с этим энциклопедию.

Еще сильнее было его удивление, когда, взглянув на часы, он обнаружил, что собрание продолжается уже два часа.

Гости начали подниматься и расходиться. Некоторые окружили Донахью, чтобы поспорить с ним или выразить свое одобрение. Грахам повел Джеру-Бхетиру к выходу, но перед ними нарисовался толстый Варшауэр и произнес:

— Я так рад, что вы наконец у нас появились, мистер Грахам. Мы так вас ждали!

— Правда? — удивился Грахам. Действительно, как они могли его ждать, если он до нынешнего дня слыхом о них не слыхивал, никакими их сумасбродными литературными теориями не интересовался и вообще ничего общего с ними не имел?

— Да, правда,— сказал Варшауэр.— Пожалуйста, пройдемте со мной в правление. Другие руководители нашего маленького общества горят желанием с вами познакомиться.

[29] Дж. Б. Шоу (1856—1950), до того как стал всемирно известным драматургом, действительно долго получал отказы из издательств. В 1925 году ему были присуждена Нобелевская премия по литературе, от которой он отказался, как впоследствии от дворянства и титула пэра. В 1931 году Б. Шоу был в России и встречался со Сталиным.

Уинстон Черчилль (1874—1965), премьер-министр Великобритании в 1940-1945 гг., как и Б. Шоу, в молодости был журналистом, написал много исторических и др. книг. Он был удостоен Нобелевской премии по литературе в 1953 году (не отказавшись от нее). Согласно преданию, Б. Шоу пригласил У. Черчилля на премьеру одной из своих пьес телеграммой следующего содержания: «Посылаю два билета на вечерний спектакль. Один для вас и один для вашего друга, если таковой имеется». Черчилль ответил: «Сегодня вечером прийти не смогу, приду на спектакль завтра, если таковой состоится».

— Но право, мы очень спешим...— протянул Грахам.

— Что вы, что вы, молодые люди, это всего на одну минуту. Только на одну. У нас есть небольшое предложение, которое наверняка вас заинтересует, а если оно вам не понравится, вы немедленно уйдете.

— Давай послушаем, чего хочет этот приятный человек, Городон,— стала уговаривать Джеру-Бхетиру.— Я совсем не спешу.

Грахам пошел наперекор своим дурным предчувствиям и позволил Варшауэру увести себя в другой конец дома. Там, в бывшей столовой, их ждали еще два человека. Варшауэр представил их Гордону Грахаму и его спутнице:

— Это мистер Лундквист,— (он показал на краснолицего, седого, с отвисшим подбородком человека).— А это мистер Эдвардс (коротышка с редкими рыжими волосами, который встретил Грахама у входа).— Давай, Крис.

— Чрезвычайно рад с вами познакомиться,— сказал Лундквист.— Как дела?

— Спасибо, отлично,— ответил Грахам.— Что это за предложение, на которое намекал мистер Варшауэр?

— Наша деловая беседа может несколько утомить юную леди. Джим, не сочти за труд, проводи ее в соседнюю комнату.— Когда Эдвардс с Джеру-Бхетиру вышли, он продолжил: — Согласитесь, доктор Грахам, что ученые у нас не получают достойного вознаграждения за свои труды?

— Право, не знаю. Но, наверное, вы в связи с этим могли бы привести какие-то аргументы. Зачем?

— Однако вы бы хотели получать больше, не так ли?

— А кто же не хочет? Но при чем здесь Бернард Шоу и Уинстон Черчилль? — Грахам подумал про себя, что люди, которые с ним беседуют, не похожи на авантюристов, хотя он не настолько поднаторел в общении с авантюристами, чтобы судить об этом с уверенностью.

Лундквист улыбнулся:

— Совершенно ни при чем, дружище. Мы гораздо больше думаем о сделке в связи с вашей научной работой. Вы наверняка догадываетесь, о чем идет речь, — об этом проекте Гамановия.

— А? А при чем тут он?

— Мы сейчас не может посвятить вас во все детали, потому что нашего босса сегодня вечером нет. Могу только сказать, что это дело связано с геофизикой и очень выгодно для вас. А сейчас хотел бы только пригласить вас сюда завтра в это же время, чтобы вы могли побеседовать с нашим боссом.

— А кто босс? Я думал, что это вы.

Лундквист осклабился:

— Не совсем.

Все по-прежнему оставалось очень неясным. Грахам спросил:

— А как вы обо мне узнали? Я ничего не публиковал о Гамановии, да и работаю над этим проектом постольку-поскольку, как консультант.

— О, мы уже давно за вами наблюдали. Между прочим...— Лундквист повернулся к Варшауэру,— что случилось со Смитом и Магаззо? Они около шести вечера позвонили с К. С. К. и сказали, что наблюдают за нашим другом, но их до сих пор нет. Не могли же они раствориться в воздухе.

Грахам частенько по жизни был лопух лопухом, но здесь мгновенно сообразил, что к чему. Лундквист наверняка выследил его усилиями той парочки, которую они со Скляром вырубили и засунули в мешки. Если Скляр тот, за кого он себя выдавал, то с этим Черчиллианским обществом что-то нечисто. Грахам поднялся.

— Прошу прощения,— выдавил он,— н-но мисс Джеру и мне надо идти. Прямо с-сейчас. Если у вас есть для меня какое-то предложение, пишите мне в Колумбийский университет. Бетти!

— Да, Городон? — Она открыла дверь из соседней комнаты. В ней Грахам увидел стол с шахматной доской и расставленными фигурами и два кресла, в одном из которых сидел Эдвардс. Он тоже поднялся и направился к двери. Грахам не торопясь снял очки, положил их в футляр и убрал в карман.

— П-пошли, Бетти,— сказал он и сделал шаг к дверям.

Однако толстяк Варшауэр преградил ему дорогу со словами:

— Ну-ну, один момент, доктор Грахам. Не надо так спешить. Вас не попросят ни о чем, что противно вашим принципам...

Только это он и успел вымолвить, потому что костистый кулак Грахама ударил его в нос, и голова Варшауэра с гулким стуком впечаталась в дверь. Ноги у него подогнулись, он осел на пол и остался сидеть, привалившись спиной к двери и раскинув ноги.

Грахам, однако, обнаружил, что, пока дверь прижата Варшауэром, открыть ее невозможно. Успей он отодвинуть толстяка в сторону, они с Джеру могли бы выскочить до того, как их схватят... Но едва он схватился руками за Варшауэра, как его оттащили назад. Повернувшись, он увидел, что его держит Эдвардс, который оказался весьма сильным коротышкой.

Грахам, тем не менее, нанес ему два плотных удара под ребра, в то же время крикнув:

— Беги, Бетти! Позвони в полицию! Зови на помощь!

Однако вместо того чтобы закричать, Джеру-Бхетиру схватила кресло и приподняла его, намереваясь ударить Эдвардса. Но Лундквист выхватил у нее кресло и отшвырнул его в сторону. Потом он одной рукой схватил ее за ладонь, а другой достал из кармана что-то вроде баллончика с краской. Грахам узнал в нем осирианский электрошоковый пистолет.

— Лучше не надо,— предупредил Лундквист, направляя пистолет на кришнанку.— И ты тоже, Грахам. Угомонись, или я ее прижгу.

Грахам осторожно расцепился с Эдвардсом, который стал поднимать на ноги Варшауэра. Последний держал у лица окровавленный платок и бормотал:

— У него кулаки, как молоты! Что это за ученые, к чертовой матери, если они одним ударом вырубают?

— А теперь, друзья,— сказал Лундквист,— поговорим о деле. Боюсь, что нам придется ненадолго задержать здесь мисс-как-ее-там, чтобы быть уверенными в продолжении сотрудничества. Будет лучше, если ты все сделаешь добровольно, а если нет, то все равно мы своего добьемся. Во время лекции ты вел себя так, словно эта маленькая осьминожка тебе очень нравится. Я прав?

Грахам, почувствовав, что он и так уже слишком много наболтал, стоял молча.

Варшауэр продолжал бормотать, подтягивая носом кровь:

— Мне надо сходить к врачу за лекарством.

— Полагаю, ты вряд ли захочешь увидеть ее убитой, а? — продолжил Лундквист.— Так что делай, что тебе говорят, приятель. Иди отсюда домой и никому не говори о том, что здесь случилось, и о Черчиллианском обществе тоже, и вообще ни о чем. Держи язык за зубами, усек? А завтра вечером придешь сюда, как я тебе сказал. Мисс-как-ее-там здесь не будет, но мы о ней позаботимся. Ну и будь уверен, что если захочешь что-нибудь выкинуть, то больше ее не увидишь. Понял, что я сказал?

— Ты имеешь в виду, что убьешь ее?

— Не совсем так. Убить можно человека, а она только ходячая помидорина с какой-то захудалой планеты. Но ты правильно понял мою мысль. Лады, дружище?

— О'кей,— устало промолвил Грахам.

Они с Джеру-Бхетиру еще раз обменялись взглядами. Он прочитал в ее глазах призыв броситься на Лундквиста, вырвать у его пистолет и перебить остальных. Грахам, однако, прекрасно понимал, что Лундквист по-прежнему начеку и нажмет на курок немедленно, как только почувствует неладное. В такой ситуации ему не дадут сделать ни шага.

Потом он вышел, слыша, как за его спиной причитает Варшауэр:

— ...настоящий молот!

Глава 3

По дороге к дому Грахам чувствовал себя ужаснее, чем когда-либо в жизни. Он не только всем сердцем ненавидел себя за то, что потерял свою возлюбленную, его вдобавок мучили разные мелкие страхи.

Боже, ну что он ответит Айвору, когда тот спросит, что стало с туристкой? Сказать все, как есть, нельзя ни в коем случае. Импульсивный брат может таких дров наломать, что Джеру-Бхетиру погибнет. Гордон слишком хорошо знал своего брата, чтобы довериться ему в таком важном деле и в такой сложной ситуации. Лундквист словно держал его на поводке, и не благодаря незаурядному уму, а одной лишь прямолинейной грубостью, которая в некоторых обстоятельствах оказывается куда более действенной; и Грахам решил сделать все, что ему велено. Ну а сами убийцы только больше наглеют, если с ними вступают в переговоры. Они начинают думать, что им в любых обстоятельствах удастся выйти сухими из воды.

И вообще — есть у него голова на плечах или нет? Надо было прикинуться лопухом, со всем согласиться для вида, пока ему с Бетти еще разрешали уйти, а потом...

Айвора дома не оказалось, и Грахам сразу лег в кровать. Если брат придет, можно притвориться спящим. Тогда обойдется без неудобных расспросов.

На следующее утро они, как обычно, встали в одно время. Айвор, однако, казалось, ничего не подозревал. Он весело хлопнул Гордона по спине:

— Братан, ты, похоже, сам не свой от нашей маленькой инопланетянки. Смотри, не влюбись в нее, как в ту девчонку, с которой я тебя в прошлый раз знакомил. Все-таки она

не человек. Так что никакого... э-э... союза у вас быть не может, если я сумел правильно это обозначить. Да и не стоит с ней шутки шутить, пытаясь...

Пока Айвор все это излагал, Гордон Грахам виновато улыбался, а потом бочком-бочком — и выскользнул из дома. По дороге к метро он поймал себя на мысли, что считает часы до того времени, когда ему обещал позвонить Скляр. Если кто-то и знал, что делать в такой ситуации, то только констебль. Но можно ли что-то говорить даже Скляру? Вдруг он решит, что его обязанность — немедленно броситься ловить эту банду, не принимая во внимание жизнь туристки? И действительно ли он констебль Всемирной Федерации? Гордон был в таком состоянии, что подозревал всех на свете, начиная с собственного брата.

Весенний семестр закончился, и у Гордона Грахама в Колумбийском университете была только разная бумажная работа. Он быстро управился с делами и поехал на метро обратно в Энгельвуд, даже не заглянув на часок, как обычно, в библиотеку.

Дома он попытался сосредоточиться на недавнем сообщении в Южно-Африканском геологическом журнале о глубинных магнитных полях в магме — и все время краем уха прислушивался, не позвонят ли в дверь.

Наконец звонок раздался.

Он быстро открыл дверь, думая, что это Скляр, которому наконец решил рассказать о своих злоключениях. Однако на пороге стоял молодого вида кришнанец в земном костюме, но с антеннами и зелеными волосами, ростом не ниже Грахама, но шире его в плечах. Ни дать ни взять, красавец.

— Гордон Грахам? — спросил гость.

— Да. А что...

— Тогда что ты сделал с Джеру-Бхетиру? — Посетитель бесцеремонно прошел мимо Грахама в квартиру. Его английский был заметно лучше, чем у Скляра.

— Ничего. В любом случае, кто вы и что вам нужно?

Кришнанец упер руки в бедра:

— Я — Варнипаз бад-Саварун, главный законовед, — думаю, у вас бы сказали, министр юстиции, — при дворе принца-регента Ферриана бад-Арджанакского из Сотаспе,

острова на планете Кришна. А Джеру-Бхетиру — моя... э-э... невеста, да будет тебе известно.

— Ик, — вырвалось у Грахама, когда он переварил эту новость. Должно быть, это тот самый бойфренд, о котором говорил Айвор. И почему брат прямо не сказал: «невеста»? Тогда хоть можно было лучше подготовиться...

Варнипаз продолжил:

— Она остановилась в отеле «Космо» в Нью-Йорке, вместе с остальными членами туристической группы, а прошлым вечером ушла куда-то с тобой. Так что не морочь мне голову. Меня не волнует, что она ушла с тобой; у нас с ней нет любви или еще каких-то таких глупостей. Но когда сегодня утром я позвонил ей в отель, мне сказали, что она не возвращалась. Твой брат, который водит этих туристов по Нью-Йорку, тоже не знает, что с ней сталось. Ну? Будешь говорить?

— Рад бы, если бы мне было что сказать. Но я понятия не имею, где она сейчас.

— ЧТО С НЕЙ СЛУЧИЛОСЬ? — Голос чужеземца возвысился до крика.

— Право, ничем не могу помочь. Если... э-э... вы немного подождете...

— Подождать, пока ты придумаешь, как получше соврать? Ты это хочешь сказать? Мистер Грахам, или вы мне немедленно расскажете все, что знаете, или...

— Или что? — Грахам снял очки.

— Тогда увидишь. Будешь говорить?

— Н-нет. Я...

Грахам нырнул под летящий в него кулак Варнипаза и сразу нанес ему сильный удар левой, отбросив инопланетянина назад. Потом Грахам собирался нанести убийственный удар правой. Надо было только приблизиться на нужную дистанцию...

Но через мгновение Грахам не мог и двинуть рукой. Вместо того чтобы сделать нырок или блокировать удар, Варнипаз шагнул к нему и обхватил его.

Тр-рах! Они зацепили висевшую на стене картину и упали на пол, сжимая друг друга и вовсю работая локтями и коленями. Грахам сумел высвободить руку и пару раз ткнул по тому месту, где у Варнипаза должны были находиться почки

— если только они располагались у кришнанцев там же, где и у людей, что было очень и очень сомнительно.

Варнипаз в ответ схватил большой палец левой руки Грахама и едва его не вывернул. Грхам вырвался, они мгновенно расцепились и поднялись на ноги. Грахам отбросил Варнипаза серией из двух ударов, при этом стоявший на полу торшер разбился вдребезги. Грахам шагнул вперед, готовясь нанести нокаутирующий удар. В этот момент Варнипаз покачнулся, но снова перешел в клинч и довольно ловко схватил Грахама. Они снова упали, колотя и стискивая друг друга. Потом противники поднялись, не прекращая драться.

— О-ой! — воскликнул Грахам, когда Варнипаз вцепился зубами в его руку.— Сейчас я тебя сделаю! — И он ударил Варнипаза коленом, целя в живот. Тот, однако, уловил это движение и изогнулся, так что пинок пришелся ему по бедру. Грахам сообразил, что если у него есть преимущество в боксировании, то у его соперника — в борьбе. Решив, что нюхательные антенны должны быть очень чувствительными, он потянулся к ним...

— О'кей, разошлись в разные стороны! — послышался голос со стороны двери.

Оба соперника оглянулись и увидели Скляра, стоявшего в дверях. На нем была сдвинутая набекрень шляпа, он попыхивал неизменной сигаретой, а одну руку держал в кармане, который характерно оттопыривался.

— Лучше и правда разойтись,— сказал Грахам.— С ним шутки плохи.

Они осторожно расцепились, внимательно наблюдая друг за другом, чтобы не пропустить неожиданный удар.У Варнипаза все сильней темнел глаз, а у Грахама на руке виднелись следы укусов и порезы от стекла. Он начал понемногу наводить порядок в комнате.

— Похоже, бой шел из-за прекрасной дамы,— заметил Скляр.— Что все это значит?

Грахам и Варнипаз, перебивая друг друга, пустились в объяснения. Через несколько минут Скляр поднял руку:

— У меня уже давно в голове вертится одна мыслишка. Мистер Грахам, может, вы на самом деле расскажете, что произошло вчера вечером?

— И он будет здесь? —Грахам кивнул в сторону Варнипаза.— Я думаю, это связано с... э-э... вы знаете, с этим происшествием на станции.

— Тогда все в порядке. Я знаю о Варнипазе и думаю, что ему можно доверять.

— Может, вы меня и знаете,— возразил Варнипаз,— а я вас — нет. Назовите себя, пожалуйста.

Скляр достал бумажник и показал кришнанцу удостоверение, добавив:

— Слушаем вас, мистер Грахам.

Гордон начал с того, что сходил на кухню за корзиной для мусора и стал собирать осколки стекла. Одновременно он пересказал свои вчерашние приключения в Черчиллианском обществе, опустив только то, что по уши влюбился в Джеру-Бхетиру и надеется на ответную симпатию. Несмотря на удивительное замечание Варнипаза о том, что между ним и его нареченной нет любви, говорить о чувствах в его присутствии показалось молодому человеку бестактным.

Грахам закончил:

— ...а теперь, может, вы объясните, что все это значит? Я — самый миролюбивый на свете человек, с малых лет мухи не обидел. А за последние двадцать четыре часа мне пришлось три раза драться, меня оскорбляли, вовлекли в похищение кришнанки, и один Господь знает, что еще. Что, черт возьми, происходит?

Скляр сунул в рот очередную сигарету, закурил и ответил:

— Этим бандитам, как ты их называешь, кое-что нужно. А что — я предполагаю выяснить. Тут есть какая-то связь с проектом Гамановия, как ты уже сам знаешь, и, по слухам, здесь замешаны какие-то инопланетяне. Какие именно — понятия не имею. Есть у вас какие-то соображения, принц?

Варнипаз протестующе махнул рукой:

— На Земле я обхожусь без титула — вы же тут сплошь республиканцы. Кроме того, люди путают меня с моим кузеном Феррианом, принцем-регентом. Что касается вашего вопроса, то я ничего не знаю. Если не считать других туристов из группы мистера Грахама, на Земле сейчас находится не больше двадцати кришнанцев, и я лично знаком с большинством из них. Вы, люди, очень внимательно следите за

соблюдением технологической блокады. Но я не могу понять, кого так заинтересовал проект Гамановия, — у нас нет никаких океанов, чтобы вылавливать в них, словно рыбу, новые континенты.

— А то, что этот Лундквист использовал... осирианский электрошоковый пистолет... Не замешаны ли здесь осирианцы? — предположил Грахам.

— Возможно,— согласился Скляр.— Земляне редко используют электрошоковые пистолеты, потому что от них в городах мало пользы. Дальность их действия только несколько метров. Но нам от этого ни жарко ни холодно. У осирианцев ведь совсем нет океанов?

— Насколько я помню, нет. Сухая планета.

— Ладно, а кому же тогда понадобился проект Гамановия?

— А не мог кто-то решить, что увеличение суши на Земле увеличит наш военный потенциал и это будет нарушением соглашений об ограничении вооружений?

Скляр отрицательно покачал головой:

— Бред сивой кобылы, если позволите мне так выразиться. А этот остров в середине будущего континента? На котором у вас установлено все контрольное оборудование? Кому он принадлежит?

— Остров Вознесения? Одному испанцу по имени Теофило Марч. Он там черепах разводит.

— А как ему удалось заполучить остров? Ведь кучу денег-небось стоит?

— Когда-то Всемирная Федерация взяла под свой контроль все стратегически важные острова и водные пути. А несколько лет назад эти земли продали с молотка, и синьор Марч купил остров. Но недавно был подписан договор, согласно которому остров будет выкуплен обратно до создания нового континента. Так как Марч во время заключения этой сделки никаких возражений не выдвигал, не вижу причин в чем-то его подозревать.

— А какое правительство управляет Вознесением?

— Никакое,— буркнул Грахам.

— Как это — «никакое»?! Если ни одно национальное правительство им не владеет, он должен находиться под юрисдикцией ВФ — Всемирной Федерации.

— Нет, тут все гораздо забавнее. Согласно Конституции ВФ, она контролирует только определенные земли, вроде заповедника Калахари или Антарктиды. Когда ВФ отказалась от острова Вознесения, он должен был вернуться к Великобритании, но она отказалась. Дескать, себе дороже будет держать на этом куске застывшей вулканической лавы какую-то администрацию.

— Выходит, этот Марч может при желании присвоить себе титул императора острова Вознесения?

— Полагаю, может. Но хватит переливать из пустого в порожнее, давайте вернемся к Черчиллианскому обществу. Почему бы нам не захватить их врасплох?

Скляр только хохотнул:

— Во-первых, мы возьмем только мелких сошек. У них хватит ума устроить все так, чтобы правая рука не знала, что делает левая. Во-вторых, они могут убить Джеру-Бхетиру, как угрожали. Вы этого, что ли, хотите?

— Нет! — воскликнули оба юноши одновременно.

— Поэтому нам надо исходить из имеющихся возможностей. Ты понимаешь, Грахам, что неразумно беспокоить их открытым вызовом, пока юная леди находится у них в руках. Тебе следует согласиться, что...

— Это я теперь знаю,— сокрушенно промолвил Грахам.— А вчера дал маху! Словно первокурсник какой-то... Но мне никогда не приходилось сталкиваться со всякими бандюганами.

— Понимаю-понимаю. Но они тоже не супермены, могут и ошибаться. Как известно, большинство сражений выигрывает та сторона, которая совершает меньше ошибок. Вот этот пистолет, например, явная ошибка. И еще они напрасно упомянули о той парочке, что напала на нас накануне в ресторане, — ты же уловил связь между этими двумя событиями?

— Кстати, а что со Смитом и Магаззо? — поинтересовался Грахам.

— Надеюсь, что в Канзас-Сити организовали комитет для их торжественной встречи. Надо будет задержать их на несколько дней по какому-нибудь поводу. А если арестовать их в Нью-Йорке, то дружки-бандиты об этом пронюхают.

— Все это хорошо, все эти рассуждения,— сказал Варнипаз,— но что нам делать? Я не могу сидеть здесь и вести отвлеченные разговоры о преступниках и наказаниях, когда мерзкая земная банда убивает мою невесту. Дома я бы взял свой лучший меч, вскочил на быстроногую айю лучших кровей и галопом поскакал на выручку. Но что мне делать на Земле, где все вопросы решаются нажатием кнопочек?

Скляр подумал с минуту и спросил:

— Вы хотите мне помочь? Оба?

— Да! — в один голос воскликнули они.

— Хорошо. Мне тоже нужна ваша помощь, и я достаточно хорошо вас знаю, чтобы вам доверять. Можно зачислить вас агентами прямо сейчас. Не могу обещать вам жалованья, пока вы не пройдете аттестацию и курс обучения, но вы получите право носить оружие и производить аресты. Есть у вас свободное от основной работы время?

— Да,— снова ответ был единодушным.

— Отлично. Поднимите свои правые руки и повторяйте за мной...

—...а теперь вы знаете, что с вами случится, если вы нарушите клятву Всемирной Федерации,— сказал Скляр.— Перейдем к вашим обязанностям. Варнипаз, тебя я думаю послать в Рио, где находится штаб-квартира проекта Гамановия. Говоришь по-португальски?

— Достаточно, чтобы путешествовать на кораблях компании «Вигенс Интерпланетарис», но не очень хорошо. Забавная штука: мы с моей невестой должны говорить на португальском или английском, потому что она не владеет ни сотаспийским, ни близким к нему гозаштандским, а я ни слова не могу сказать на ее раката-радхогора. Когда мы поженимся, надо будет что-то с этим сделать. Но, прошу прощения, я отнимаю ваше время.

— Итак,— подытожил Рейнольд Скляр,— послать тебя туда можно только как Americano do Norte[30]. Но старайся, чтобы тебя не вынуждали говорить по-английски: вляпаешься по самое не-

[30] Североамериканец, гражданин США *(Порт.)*.

куда со своими согласными и гнусавостью. А тебе, Грахам, надо вернуться сегодня вечером в этот черчиллианский дом, понял? А раз они могут оказаться осирианцами, надо принять кое-какие меры предосторожности. Так как за твоим домом могут следить, пойдемте ко мне. А по пути обсудим наши действия.

Час спустя новоиспеченные помощники констебля смотрели друг на друга и на собственные отражения в зеркале Скляра (у него был номер в дешевеньком отеле). Гордон Грахам выглядел почти по-прежнему, только наголо постригся, а на голове у него был шлем в виде тонкой серебристой шапочки, прикрытый париком, как две капли воды похожим на его собственные волосы.

Варнипаз превратился в настоящего землянина, его антенны спрятались под лоскутами искусственной кожи, закрывавшими лоб. Его зеленую шевелюру прикрывал коричневатый парик, достаточно густой, чтобы скрыть торчащие уши.

Скляр объяснил:

— Никто толком не знает, как действует так называемый гипноз осирианцев — то ли это какие-то лучи, то ли что-то еще. Но он точно существует, а единственная защита — такие шлемы. Они также немного защищают от ударов по голове, но особенно на это не рассчитывай. Ну, все поняли? Помни, Грахам, в случае чего орудуй дубинкой, а не кулаками. Не пытайся со мной связаться, если только тебя не захватят, по крайней мере пока их босс думает, что ты под гипнотическим контролем. И безо всяких там доблестных подвигов. Мы сами займемся спасением девушки. Понял? Тогда до встречи.

Грахаму надо было как-то убить час времени, и он отправился с Варнипазом в транспорное агентство, где кришнанец собирался купить билет на самолет до Рио-де-Жанейро. По пути он спросил:

— Я слышал, ты изучаешь земные законы? А какие именно?

— О, у принца Ферриана передовые взгляды на законодательство, и мне поручено хорошенько познакомиться с Основным международным сводом законов, общим правом Англии, Кодексом Наполеона, японской конституцией 2028 года и еще несколькими документами подобного рода. Ты

знаешь о соглашении, по которому Тот допущен в Межпланетный совет?

— Нет.

— Так как их законодательство не соответствует минимальным стандартам Межпланетного совета, хотя в остальном они высокоцивилизованные существа, им в ходе судопроизводства надлежит следовать всем прецедентам Основного международного свода законов с учетом необходимых поправок на их двуполость и тому подобное. А теперь Ферриан решил, что когда-нибудь у нас на Кришне тоже будет общепланетное правительство, и мы подадим заявку на вступление в Межпланетный совет. А к тому времени он хочет установить на Кришне передовые законы, чтобы мы могли сами контролировать ситуацию. Забавно будет посмотреть, как он собирается соединить очень демократическую конституцию Японии с его, так сказать, филантропическим деспотизмом.

— А что тебя сильнее всего поражает в наших земных законах?

Варнипаз задумался:

— Думаю, то, как ваши конституции защищают права граждан от государства. Почему это?

— У нас есть кое-какой печальный опыт — когда государство пользовалось безграничной властью над личностью. И ничего хорошего из этого не вышло.

— А если случатся чрезвычайные события и одному из этих государств придется превысить свои полномочия?

— Тогда конституция будет изменена. Хотя сделать это довольно сложно.

— Почему? — поинтересовался Варнипаз.

— Потому что благодаря успехам гериатрии продолжительность человеческой жизни удвоилась, и средний возраст землян намного больше, чем столетия назад.

— И это сделало вас консервативнее?

— Именно так. А что еще ты заметил?

— Как ограничена власть Всемирной Федерации. Например, я думал, что всемирное правительство может контролировать перемещения людей с одного континента на другой, но нет, это могут делать только несколько стран.

— Для этого есть причины. Несколько наиболее экономически развитых стран — Бразилия, Соединенные Штаты, Австралия — боятся, что к ним хлынут иммигранты из государств, где выпустили из рук контроль над численностью населения. Поэтому другим странам пришлось согласиться на такие условия, а то их не приняли бы в Федерацию.

— Я так понимаю, что Федерация создана для отражения нападения других планет?

— Совершенно верно. Кроме того, после Третьей мировой войны у нас неодобрительно относились к идее полновластного всемирного правительства.

— Понимаю. Но законы — это сущий ужас! Если человек попал в беду — сколько разных древних законов надо учесть, чтобы что-то сделать... Жаль, что эти черчиллианцы не у нас на Кришне! — Варнипаз сымитировал удар кулаком и нырок.

Гордон Грахам простился с Варнипазом и пошел на станцию метро. Хотя кришнанец и горячо извинялся за то, что утром начал драку, он все еще вызывал у него подозрения у Грахама. Может, он был слишком многословен, чтобы можно было поверить в его искренность. И так ли хорошо разобрался во всем Скляр, или позволил себя облапошить? Земляне очень гордятся своими демократическими традициями, но на деле рады-радешеньки завязать знакомство с каким-нибудь титулованным инопланетянином.

Когда поезд увозил его прочь, Грахам чувствовал себя так, словно его закрыли в одной из капсул проекта Гамановия, и она падает в раскаленную добела магму под земной корой, с ядерным зарядом на борту.

Глава 4

Когда Гордон Грахам подходил к старому дому, где накануне встречались черчиллианцы, сердце его учащенно билось. Найти там Джеру-Бхетиру он не надеялся, но по крайней мере шел по ее следу.

Что бы это могло быть за таинственное предложение, о котором вчера ему так настойчиво говорили? Чего можно вообще хотеть от проекта Гамановия, в котором не было никакой оборонной подоплеки, а наоборот, он был открыт миру и целью его было дать больше места жителям перенаселенной Земли? Он не видел в этом никакого смысла.

До нужного ему дома, по воспоминаниям Гордона, оставалось около квартала.

Через несколько минут он что-нибудь об этом деле узнает или хотя бы сможет спросить. А дадут ли ему ответ — пока не так важно.

Как нескладно все получилось! А почему? А потому, что стоит человеку урвать хоть кусочек власти, и он сразу начинает думать о себе невесть что. И вокруг полно таких же ребят, на все готовых, лишь бы обрести свою долю крутости, зачастую мнимой! Глупо, черт побери!

В нем все сильнее закипала ярость против Скляра, полицейских сил Всемирной Федерации и всех прочих правоохранительных органов. Если дело зашло так далеко, неужели нельзя было отказаться от этой их несчастной конспирации? На что они вообще годны, если позволяют всяким проходимцам прямо у них под носом собираться и вынашивать разные дьявольские планы, направленные против мира и спокойствия на Земле, против простых граждан, против него лично, в конце концов!? И вместо того чтобы самим взяться за дело всерьез, хватают ни разу не нюхавшего пороха простачка вроде него и заставляют его делать за них всю грязную работу. Ни дать ни

взять сыщики из детективов, которые вертятся волчком, суетятся с умным видом, а убийца тем временем отправляет на тот свет одну жертву за другой.

Часть его раздражения коснулась даже Джеру-Бхетиру. Если бы он не запал на эту девчонку, если бы не слушал развесив уши Айвора и не дал втянуть себя в это дело, которое его совсем не касается...

Но тут его досада улетучилась, и ей на смену пришла нежность. Джеру-Бхетиру сама не знала, куда влипла, она-то уж совсем ни при чем, и не за что ему ее обвинять. Она инопланетянка с чужой планеты, а бандиты — его, Гордона, соплеменники. Это Адам из Книги Бытия оправдывался перед Господом, что вкусил запретного плода: "Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел"[31]. Ему должно быть стыдно за одни такие мысли.

А вот, наконец-то, и место встречи — обшитый досками двухэтажный дом.

Сейчас он все узнает. А может, появится шанс освободить ее — в лучших романтических традициях. Или сообщить все Скляру, который быстренько ее вызволит. Конечно, если его раньше не продырявят насквозь. Так или иначе, Лундквист действовал как-то непонятно. Если намеревался его убить, то почему не сделал это сразу, а терял время, насмехаясь над будущей жертвой или рассказывая ей о своих планах, пока жертва искала пути к спасению. Надо было просто оторвать ему голову, безо всяких разговоров.

Он начал подниматься по ступенькам. В окнах дома света не было, словно в нем никто не жил. Для полноты картины не хватало только нескольких летучих мышей или сов под карнизом крыши.

Он нажал на кнопку звонка и услышал за дверью слабое треньканье. Потом он некоторое время стоял, приподнявшись на цыпочки, вытянувшись вперед и повернув голову ухом к двери, чтобы уловить малейший звук, словно цапля, высматривающая в воде рыбешку.

Но никакого звука приближающихся шагов он не услышал. Позвонил еще раз. И снова ответом была тишина.

"Что же мне теперь делать?"— подумал он, осматривая

[31] Быт., 3, 12

замок. К сожалению, учеба в университете и подготовка к получению степени бакалавра, а затем и магистра геофизики не способствовала обретению навыков, необходимых для кражи со взломом.

По улице за его спиной урча мотором проехала машина, случайный прохожий прошел мимо. Темнота сгущалась. До этого тихого района шум большого города еле доносился. Где-то на соседней улице кричали дети.

И на третий звонок ответа не последовало. Грахам встревожился, что он перепутал дом, но, взглянув на номер, понял, что все правильно. Или вчерашний вечер вовсе ему привиделся? Нет, ссадины на костяшках пальцев и лице остались, как и синяки на теле.

Сунув руки в карманы, он задумчиво спустился по покосившимся ступенькам и побрел по улице. Ситуация была преглупейшая. Словно он долго набирался смелости, чтобы сунуть голову в логово льва, а царя зверей не оказалось дома.

Пройдя немного, он оглянулся. На фоне вечернего неба, кое-где уже украшенного звездами, темнел силуэт загадочного дома. И что теперь? Доложить обо всем Скляру и ждать новых его указаний?

— Садись, Грахам,— приказал низкий голос за его спиной.

Гордон резко повернулся. За ним, у обочины, стояла машина — длинный серый «ксензов». Рядом с ней стоял человек. Грахам не мог сказать с уверенностью, но подумал, что узнал в полумраке жилистого коротышку Эдвардса из прошлого вечера.

— О'кей,— вздохнул он и, согнувшись чуть не вдвое, залез в машину.

Внутри автомобиль оказался вместительным, на заднем сиденье свободно расположились два человека — в общем, машина не для бедняков. Судя по вертолетному оборудованию, ее можно было быстро переоснастить для полетов.

Грахам сел между двумя незнакомцами, а Эдвардс примостился на откидном сиденье. Не успел Грахам рассмотреть водителя, как кто-то нажал кнопку, и снизу поднялась матовая перегородка, отделившая переднюю часть машины от задней. Настоящий лимузин, не фуфло какое-нибудь. Окна машины выглядели так, словно они покрыты инеем. Разглядеть, куда его везут, не было никакой возможности.

Грахам почувствовал ускорение — видимо, они тронулись с места, хотя шума мотора слышно не было. Должно быть, за машиной хорошо следят, подумал он, потому что двигатели большинства автомобилей, несмотря на все старания инженеров, пока не пройдут несколько тысяч километров, все-таки издают небольшой шум. В матовых окнах смутно высвечивались фары встречных машин. «Ксензов» сделал несколько крутых поворотов и остановился.

Эдвардс быстро выскочил, Грахам успел увидеть огни посадочной площадки, пока дверца не захлопнулась. Два других человека сохраняли многозначительное молчание.

По механическому стуку снаружи Грахам понял, что Эдвардс и кто-то еще — вероятно, водитель — прикрепляли к машине винты и хвостовую стрелу. Слышались голоса, приглушенные оконными стеклами. Грахам уловил слова: «Проверь еще раз эту гайку...»

Потом Эдвардс снова сел в машину. Она слегка задрожала, и послышался шум вращающихся винтов. Слегка усилившееся давление сиденья снизу сказало Грахаму, что они поднимаются. Огни в матовых стеклах исчезли, а салон внутри погрузился во мрак. Эдвардс нажал еще на одну кнопку и включил небольшую красную лампочку, закрытую плафоном, света которой хватало только для того, чтобы различать профили сидящих в машине.

После этого ничего не происходило, только иногда машину вело в сторону, когда она попадала в воздушные потоки. Так они летели примерно полчаса...

Легкий толчок сообщил Грахаму, что они приземлились. Шум винтов стих. Эдвардс снова вышел, и, судя по металлическому стуку, винты и хвостовая стрела были отсоединены. Потом Эдвардс сел обратно в машину, и они поехали дальше.

После нескольких поворотов и изменений скорости машина остановилась. Дверца открылась в темноту. Кто-то велел:

— Быстро выходи, Грахам.

Он вылез из машины и пошел по бетону к старому дому, похожему на тот, от которого его увезли в Бронксе. Хотя

было и одно различие: вместо городского шума слышался рокот прибоя, и в воздухе пахло морем. Дом этот был одним из множества точно таких же зданий, расположенных на почтительном расстоянии друг от друга фасадами к улице, на которой стоял «ксензов». Под ногами у Грахама похрустывал лежавший кое-где на бетоне песок, над головой све-тились звезды, но луны видно не было. Участок вокруг дома наводил на мысль, что здесь пытались изобразить пейзаж в виде дюн, но ничего хорошего не добились. Был десятый час времени. Все это значило, что его доставили в один из ближайших городков на побережье, но в какой именно, он сказать не мог.

Дверь открылась, и Грахам, окруженный сопровождавшими его людьми, вошел внутрь. Несколько секунд они все вместе стояли в холле, пока кто-то не включил свет.

Грахам увидел рядом с собой небольшой столик с настольной лампой. Она освещала медный поднос с пачкой писем на нем. Какая неожиданная удача! Сопровождавшие его люди немного задержались, и он успел бросить взгляд на верхнее письмо с адресом:

Мистеру Джозефу Аурелио
1400 Южно-Атлантическое авеню
Бей-Хед, Нью-Йорк

Имя Аурелио показалось ему немного знакомым. Но задуматься над этим он не успел, потому что его повели наверх, в спальню. Там сопровождавшие его люди опустили шторы и зажгли свет.

— Хотим тебя обыскать,— произнес Лундквист.

Быстрые руки пробежались вдоль его тела, отобрали нож, ключи, видеофон — все, что у него было, за исключением носового платка и расчески.

— А теперь,— сказал Лундквист,— постарайся отключиться от всего и немного поспи. Босс прибудет сюда утром. Но только без шуток, дружище. Твоя девчонка все еще у нас, сам знаешь. А если что-то понадобится — постучи в дверь.

— О'кей,— ответил Грахам.

Все вышли, и он остался один. Когда дверь закрылась, он наконец смог осмотреться. Небольшая кровать была сделана из металлических трубок. Будь прокляты те, кто придумал такие короткие кровати! Его ноги, например, будут свисать с края. В комнате также стояло расшатанное кресло и небольшое старое бюро, совсем пустое. И все. Ничего для манипуляций с замками, даже если бы он умел их вскрывать.

Он поднял шторы и увидел, что окна изнутри закрыты прочными металлическими решетками, прочно прикрепленными к раме сверху и снизу. Между прутьями было шесть или семь сантиметров. Беглый осмотр показал, что гайки и болты привинчены так туго, что без специального инструмента решетки не снять.

Он выключил свет, чтобы выглянуть наружу. Когда глаза привыкли к темноте, он увидел, что окно выходит к океану, относительно спокойному в этот вечер, с волнами не выше метра. Слева берег перерезало что-то темное и тянулось дальше на север параллельно линии прибоя. По дороге к дому Грахам не заметил никаких дощатых настилов для ходьбы и решил, что это должен быть забор, ограждающий участок пляжа для нудистов.

Это догадка навела его на мысль, где он раньше слышал имя «Аурелио». Рекламный щит в одной низинке в Нью-Джерси, мимо которого он часто проезжал на поезде, гласил:

Роскошные грудные парики
Джозеф Аурелио и К°
Ньюарк, Нью-Йорк

На рекламном щите были изображены три купальщика на пляже. Двум из них природа не подарила никаких волос на груди, а третьей была соблазнительных форм девица. Один из двух мужчин, с париком от компании мистера Аурелио «Роскошные грудные парики», приковывал взоры девицы, а другой, на котором не было ни естественной, ни искусственной растительности, в досаде уходил прочь.

Грахам задумался. Очевидно, его привезли в летнюю загородную резиденцию мистера Аурелио. Судя по прочным решеткам на окнах, банда, скорее всего, пользовалась домом

с ведома и одобрения хозяина. Оставалась одна загадка: что в проекте Гамановия могло заинтересовать производителя грудных париков? Может, он надеялся мошенническим путем получить эксклюзивную лицензию на торговлю своим товаром на пляжах нового континента? Если так, то его ждало жестокое разочарование: берега новых земель наверняка будут усыпаны камнями из глубин океана и покрыты тиной, так что много лет по ним и ходить будет невозможно, не говоря уже о купании в прибрежных водах.

Однако всем своим видом дом не производил большого впечатления. Старый и ветхий. Производитель грудных париков Аурелио, судя по всему, преуспевал, но вкладывать деньги в данный объект недвижимости не спешил.

Однако если строение достаточно ветхое, наверное, приложив силу, что-то можно предпринять для освобождения. Грахам схватился за два прута решетки и надавил на них. Нет, дом еще не настолько одряхлел — решетка не поддавалась. Он, однако, смог просунуть руки между прутьями и открыть окно, чтобы проветрить душную комнату.

Снова выглянув наружу, он увидел человека, медленно прохаживающегося перед домом. Очевидно, это один из членов банды охранял вход.

Грахам еще раз внимательно осмотрел комнату в поисках чего-то, что могло послужить отмычкой или еще как-либо помочь ему вырваться из этой тюрьмы, но безрезультатно. Тогда он предположил, что в таком старом доме, как этот, окна должны быть закрыты стеклами, но глухой стук сказал ему, что это пластик. А значит, не было надежды заполучить хотя бы осколок острого стекла в качестве инструмента.

Хотя он и не собирался бежать раньше, чем выяснит планы банды и узнает, не здесь ли они держат Бетти...

Наконец, не придумав ничего лучшего, он бросился на короткую кровать и уткнулся головой в угол, свесив ноги с противоположного конца. Под убаюкивающий шум прибоя он скоро заснул.

На следующее утро, вскоре после пробуждения, ему принесли сэндвич и стакан молока. Пока он завтракал, Эдвардс стоял рядом. На все вопросы Грахама он только пожимал плечами и говорил:

— Придется тебе немного подождать, пока приедет босс.

После этого Гордона оставили одного и только каждый час заглядывали в комнату, чтобы убедиться, что он ничего не вытворяет.

Обед прошел точно так же. На пляж начали понемногу подтягиваться люди, хотя большей частью, видимо, они предпочитали южную часть Бей-Хеда (ближе к Мантолокингу, насколько он помнил географию этих мест). Так что здесь было совсем мало купальщиков, да еще несколько человек пришли на нудистский пляж.

Однако все они находились слишком далеко, чтобы можно было рискнуть и позвать их на помощь, сейчас или позже. К тому же сильно шумел прибой, и, вздумай Грахам закричать, его в первую очередь услышали бы в доме, а не на пляже.

Конечно, сезон только начинался и вода оставалась прохладной, несмотря на прогревшийся воздух. Как обычно, у берега целый день стоял рыбак в сапогах до пояса и, судя по тому, что мог видеть Грахам, за весь день ничего не поймал, да какой-то юнец нырял на своем вертолете в воздушных течениях всего в нескольких метрах над головами купальщиков.

После обеда Гордон Грахам, умирая от скуки, решил немного вздремнуть. Ужин оказался хорошим, еду принесли, как и раньше, прямо в комнату. А вскоре откуда-то снизу послышались слабые звуки, говорившие о том, что приехал кто-то еще.

Дверь открылась, и Эдвардс сказал:

— Пошли со мной.

Гордон спустился вслед за коротышкой вниз по лестнице в гостиную, а все, кто был в доме раньше, расселись кругом по ранжиру, словно специально для встречи с ним. Он узнал трех человек, с которыми у него была схватка двумя днями раньше: Лундквиста, Эдвардса и Варшауэра, на носу которого красовался пластырь. Рядом с ними расположились еще

два незнакомых человека и, наконец, двое инопланетян: похожая на динозавра рептилия с Осириса, возвышавшаяся над остальной компанией, с раскрашенными в голубой и золотистый цвета чешуйками, и покрытая мехом крысоподобная обезьяна с Тота (другой обитаемой планеты системы Проциона), не выше метра ростом, с семью пальцами на каждой конечности.

— Вот он, босс,— сказал Лундквист осирианцу.

— Ну-ну,— промолвила рептилия.— Подойди и посмотри на меня, мистер Крахам!

Грахам, внимательно слушая, все же с трудом мог разобрать смысл фразы из-за свистящего акцента, делавшего половину произносимых звуков непонятными. Полагаясь на шлем под париком, он выполнил приказание. Два больших зеленых глаза чужака злобно уставились на него. Щетина под париком у Грахама встала дыбом, а комната словно поплыла.

— Повторяй за мной,— сказал осирианец.— «Я, Кордон Крахам...»

— Я, Гордон Грахам.

— Принимаю тебя, ша-акфи Тейерхию...

— Принимаю тебя, ша-акфи Тейерхию... («В мои жены, что ли?», — подумал Грахам. Боже, какая чушь лезет в голову!)

— В качестве моего абсолютного повелителя.

— В качестве моего абсолютного повелителя.

— Пока не буду освобожден тобой от этой клятвы.

— Пока не буду освобожден тобой от этой клятвы.

— И буду честно выполнять все приказы.

— Что? — спросил Грахам.

— И буду честно выполнять все приказы! Ты что, не понял, турак!

— Сразу не смог...

— Тебе не нравится мой анклийский? — злобно зашипело существо, обнажив крокодильи зубы.— Я говорить на совершенный анклийский! Никакой акцент!

Грахам решил не вступать в дискуссию по вопросу, который, судя по всему, был больной мозолью осирианца, и просто сказал:

— И буду честно выполнять все приказы.

— Даже ценой шизни.

— Даже ценой жизни.

Так вот в чем дело! Наверное, именно этого осирианца встретила Бетти на вечеринке в Боунтоне, и это он был окружен длинногорлыми кружками-бутылками. Известный предприниматель и его партнер тотианец — как там его по имени? — Адзик. Не напейся тогда Тейерхия, многое могло бы повернуться по-другому. Шаакфа наверняка бы присутствовал на заседании Черчиллианского общества, или хотя бы сидел где-нибудь в соседней комнате и руководил происходящим. А его бандиты не допустили бы всех тех ошибок, которые привели к создавшейся ситуации.

И что теперь делать? Как ведут себя люди под действием осирианского гипноза? Грахам помнил только эпизод из фильма «Опасная планета», где героиня, которую играла Ингрид Демитриу, попала в лапы к злодею, которого играл знаменитый осирианский актер Факхисен.

Как и загипнотизированная героиня фильма, Грахам театрально вскинул руки к голове и издал громкий стон, словно нашел грубую ошибку в своих недельных вычислениях, которые только что закончил. Он устало промолвил:

— Нельзя ли мне на минуту присесть? Кажется, у меня слегка болит голова.

— Так и толжно быть. Будешь тшуствовать себя лутше через некоторое время,— довольно изрекла рептилия.

Когда минута прошла, Грахам увидел, что все встали и выжидательно смотрят на него. Осирианец скакнул вперед и схватил его за плечо своими когтистыми лапами:

— Это ты Кордон Крахам, кеодезист проекта Камановия, или не ты?

Теперь надо было действовать осторожно.

— Я, господин. То есть один из геодезистов.

— И ты знаешь, кде в океане должны опускаться друкие капсулы, или не знаешь?

Информация об этом публиковалась в сотне изданий и не составляла никакой тайны.

— Да,— сказал Грахам.

— А тогда я хотшу знать, какие капсулы будут взрывать и по чей приказ, чтобы поднять Камановия над поверхность до двадцать девятое ноября этот код!

Так вот в чем дело! Но зачем, ЗАЧЕМ? В этом по-прежнему не было никакого смысла. Именно с 29 ноября начинал действовать договор Всемирной Федерации с Теофило Марчем. Ясно, что тут была какая-то связь. Если континент поднимется до этой даты, то, скорее всего, возникнет небольшая неразбериха, хотя квалифицированные юристы Всемирной Федерации наверняка найдут выход.

В любом случае, надо было обязательно со всем этим разобраться. Поэтому он ответил:

— Не знаю.

— О, все ты знаешь,— не отступался Тейерхия.— Ты будешь коворить, или мы найдем способ тебя заставить?

Грахам все равно лишь отрицательно потряс головой.

Лундквист заметил:

— Похоже, он нарывается, босс. Быстро у него язык развяжется, когда ты им займешься.

— Всяко может быть,— усомнился Варшауэр, гнусавя из-за поврежденного носа.— Иногда, когда приказ вступает в противоречие с намерениями человека и он сопротивляется слишком сильно, то даже после обработки трудно заставить его что-то сделать.

Лундквист предложил:

— Не знаю, насколько я понял причудливый язык Арти, но скоро все выяснится. Дайте мне только немножко вывернуть ему руку...

Тейерхия взмахнул когтистой лапой:

— Нет, у меня есть метод лутше. Иди и приведи еще одна наш кость.

— О, сейчас,— согласился Лундквист, и Грахам услышал в его словах оттенок садистской насмешки.

Лундквист с Эдвардсом вышли и через несколько минут вернулись с закованной в наручники Джеру-Бхетиру.

— Городон! — воскликнула она.— В чем дело? Что они собираются делать с нами?

— Не знаю, Бетти. Они хотят ... выудить у меня кое-что мне неизвестное.

— Ты имеешь в виду, что говоришь, будто неизвестно,— поправил его Лундквист.— Вы, два придурка, держите ее покрепче. А вы двое, сходите на кухню за старым столом. И за резаком.

Когда все требуемое принесли, Лундквист сказал:

— О'кей, приятель, я теперь смотри сюда, если ты все позабыл про свои капсулы. И каждую минуту, пока ты будешь вспоминать, я буду отсекать твоей милашке по одному суставу пальцев, пока от них ничего не останется. Все готово?

Они прижали ее руку к старому столу. Она закричала, но на нее не обращали никакого внимания. Лундквист, с плотоядно поблескивающими глазками, посмотрел наверх. Проследив за его взглядом, Грахам увидел звуконепроницаемый потолок. Один из бандитов не спеша достал на всякий случай из кармана пистолет.

Лундквист поднял резак.

Глава 5

— Подождите,— крикнул Гордон Грахам.

— Да? — отозвался Тейерхия.

Грахам лихорадочно искал выход. Если есть причины верить, что у этих остолопов совсем съехала крыша и они собрались взорвать Землю, или завоевать Солнечную систему, или сотворить еще какое-то сумасбродство, то, может, и следует пожертвовать и собой, и Джеру-Бхетиру. С другой стороны, незачем было позволять ее калечить, только чтобы предотвратить небольшое мошенничество или воровство, которое, скорее всего, и намечалось. Конечно, если он ошибется... Он внутренне содрогнулся и отбросил эту мысль. Пока нужно было сделать все возможное, чтобы как-то взять ситуацию под контроль.

А, вот что можно им предложить!

Его следующее заявление даст ему преимущество, потому что будет почти правдивым.

— Я сказал, что не знаю,— заметил он.— Но я не говорил, что не могу это узнать. Вы же не думаете, что у меня в голове записаны тридцать страниц всяких распоряжений?

— Тавай дальше, расскажи, что ты имеешь в виду,— поторопил Тейерхия.

— Я имел в виду, что если вы дадите мне мои записные книжки и таблицы, я смогу через несколько дней кое-что подсчитать. И потом, вы просите такие данные, для получения которых надо мне и еще дюжине специалистов работать целый год не покладая рук.

Осирианец продолжал настаивать:

— А почему ты просто не сообщишь нам план взрыва капсул? Какая разница, если взрывать их сейчас или в слетующий октябрь?

— Большая разница,— объяснил Грахам.— Надо учесть положение Солнца и Луны, периодичность вращения магмы и

кучу других вещей. Вы же не хотите, чтобы ваш новый континент сразу нырнул обратно? Или чтобы побережье Бразилии и Западной Африки погрузилось в воду после землетрясения?

— Отшень корошо,— заключил Тейерхия.— Варшауэр, дай ему бумагу и ручку, пусть составит список того, что ему нужно.

Грахам тщательно все записал, включая не только необходимые справочники и калькулятор, но также большую карту Южной Атлантики и набор чертежных инструментов.

— Возьмите все это у меня в квартире,— посоветовал он.— Только приходите в середине рабочего дня, когда моего брата нет дома. Вот ключ от входной двери.

— Корошо,— одобрил Тейерхия.— А теперь отведите наших костей в их комнаты.

Джеру-Бхетиру увели первой. Грахам шел за ней и, нарочно немного замешкавшись, увидел, что ее комната находится через две двери от той, в которую поселили его.

Уже на следующий день Варшауэр и человек, к которому все обращались как к Хэнку, принесли все, что он просил. С ними пришел Лундквист и сообщил:

— Вот тебе все, приятель. А теперь побыстрее шевели мозгами и не доставляй нам больше хлопот, а то мы в конце концов с тобой разделаемся.

Они стояли рядом, пока он раскладывал бумаги и книги на столе, который тоже ему принесли, и начал свои вычисления. Через час им это наскучило, и они ушли, как обычно, закрыв дверь на замок.

Грахам, наконец, получил возможность осмотреть свой чертежный инструмент. Вот болваны — сперва так тщательно его обыскали и забрали все, что он может использовать как отмычку, а теперь сломя голову бросились выполнять его просьбу и принесли целую гору полезных вещей...

Но так ли они глупы, как кажутся? Нет, надо соблюдать осторожность. Могут нагрянуть в любую минуту и застать его врасплох. И в любом случае они полагаются на гипноз Тейерхии. Думают, что, пока держат заложницей Джеру-Бхетиру, опасаться им нечего.

Он подошел к окну, просунул руку между прутьями решетки и стал ощупывать стену. Дом был снаружи покрыт такой старой штукатуркой, что она начала осыпаться. Может, отковырнуть целый пласт? И тогда удастся сбросить всю оконную раму вместе с решеткой и прозрачным пластиком? По крайней мере попробовать стоило.

Он начал осторожно расковыривать циркулем штукатурку. На крышу нижнего этажа во время этой операции посыпалась мелкая серая крошка. Грахам надеялся, что внешний вид дома Аурелио не настолько заботил бандитов, чтобы они это заметили.

Он расковыривал штукатурку довольно долго, пока его не осенила мысль, что охранники могут в любой момент зайти в комнату и проверить, чем он тут занимается. Часы у него забрали, но так или иначе пора было немного передохнуть, что было вполне простительно, так как у него болели руки от напряжения и неудобной позы. В следующий раз он будет считать, сколько штукатурки отковырнул, чтобы иметь представление о прошедшем времени.

Он продолжил заниматься своими вычислениями, пока к нему не заглянул один из стражей, а потом прикинул, как обстоит дело со штукатуркой. Он уже сделал в стене вокруг рамы глубокую борозду, дюймов в десять длиной. Если дело так пойдет дальше... Надо браться за работу. Слава Богу, у него длинные руки!

Через два дня борозда проходила уже вдоль всей рамы. Грахам взялся за прутья и потянул на себя. Рама со скрежетом подалась на два сантиметра, а на подоконник полетели куски штукатурки.

Однако дальше рама не двигалась. Ощупав ее снаружи, Грахам, который раньше понятия не имел об установке оконных рам, открыл, что деревянные наличники снаружи мешают втянуть раму внутрь комнаты. А значит, надо было эти плашки удалить. Грахам снова осмотрел свой инструмент и решил, что удобнее всего будет орудовать рейсшиной. У ее титановой перекладины были острые углы.

Конечно, после таких манипуляций рейсшина сильно потеряет в цене как чертежный инструмент, но с этим уже ничего не поделать. Надо браться за работу.

К следующему дню все четыре плашки наружного обрамления были отломаны, втянуты в комнату через отверстия между прутьями и положены под матрас. Грахам надеялся, что снаружи не очень заметно, как изменился внешний вид окна.

Потом он снова подергал прутья. На этот раз рама подавалась на него настолько, насколько он хотел.

Хотя снимать ее немедленно не следовало. Он задумался, что делать после того, как окно будет открыто: выбраться на свободу, найти ближайший телефон и позвонить Скляру? Или добраться до Джеру-Бхетиру и предупредить ее о своих действиях? Или попытаться взять ее с собой? А может быть, разумнее бежать одному, не связывая себя лишней обузой? Позвонить Скляру и скрытно вернуться назад в комнату, пока все шито-крыто?..

Наконец он решил хотя бы попробовать вызволить Джеру-Бхетиру во время своего бегства. Потому что, если он сбежит один и это обнаружится до того, как он сумеет вызвать полицию, с девушкой здесь может случиться что угодно. Бандиты могут убить ее просто в отместку, или она погибнет в схватке, или, узнав о его отсутствии, они могут забрать Бетти с собой, как уже увезли ее из дома в Бронксе.

Обдумав все, Грахам убрал штукатурную пыль с пола и дождался, пока ему принесли ужин. При этом Эдвардс поинтересовался:

— Как там у тебя с вычислениями? Босс начинает проявлять нетерпение.

— Через пару дней дам ответ,— отозвался Грахам.

Поздно вечером Грахам дождался, пока охранявший вход человек, помаячив какое-то время перед домом, ушел спать. Потом он осторожно потянул на себя решетку и полностью снял раму. Она, вместе с пластиком и прутьями, оказалась куда тяжелее, чем он предполагал, настолько, что у него чуть

руки не отвалились, пока он медленно опускал ее на пол. К счастью, звуконепроницаемый потолок ему помог — если он приглушал шум, идущий в комнату Грахама, то же происходило и с шумом, идущим изнутри.

После этого он положил циркуль в карман и перекинул ногу через подоконник. На его удачу, уклон крыши был всего около тридцати градусов, и по ней можно было передвигаться, не рискуя сломать себе шею.

Окно рядом с его комнатой было открыто настежь. Пустовала ли эта соседняя комната, или кто-то в ней наблюдал за ним?

Сунуть ненадолго голову в окно и проверить, кто там есть, или окликнуть снаружи не было возможности. Ни эта, ни какая-то другая подобная идея, которая могла осенить такого практичного молодого ученого, как Грахам, не пришла ему в голову. Поэтому он осторожно сполз к нижнему краю крыши и, дюйм за дюймом, пополз по кровельной дранке мимо окна.

По-прежнему стояла тишина. Волосы у него на голове за несколько дней немного подросли, и кожа под шлемом сильно зудела, но почесаться он никак не мог.

Он вскарабкался по скату крыши к окну Джеру-Бхетиру и тихонько постучал в стекло.

— Городон? — послышался свистящий шепот.

— Да. В-возьми это.— И он передал ей циркуль.— Подумай, как тебе высунуть руку наружу и расковырять штукатурку, пока за тобой не наблюдают, чтобы снять окно.

— Не знаю,— сказала она.— Дай я попробую.— Она высунула руку и начала царапать штукатурку, как делал раньше он.

Однако скоро стало ясно, что и сил ей не хватало, и работала она медленнее. Кроме того, иголка циркуля за последние дни затупилась. Грахам сказал:

— С такой скоростью тебе и шести месяцев не хватит, чтобы снять окно, а я не могу так долго водить их за нос.

— А ты не можешь каждую ночь приходить сюда и немного отковыривать?

— Тоже ничем не лучше, они наверняка рано или поздно меня поймают. Подумай сама, тот, кто охраняет вход в дом, может появиться здесь в любую минуту.

— Ну и что же тогда?

Несколько секунд они молчали. Наконец Грахам сказал:

— Если вынудить их привести тебя в мою комнату, мы могли бы убежать через мое окно. Ты не можешь к кому-нибудь из них подластиться? Навешать лапши на уши?

— Даже не знаю. Этого Эдвардса не назовешь очень симпатичным.

— Ну, может... скажи ему, что я твой любовник и ты с ума сходишь, если не... видишь меня несколько дней. Скажи поубедительнее. Предложи ему свое прекрасное гипсовое тело, если понадобится.

— Предложить ему — ЧТО? Я думала, что гипс — это минерал.

— Не важно. Пусть будет побольше разных женских хитростей. Ты ведь знаешь, что это такое, не правда ли?

— Думаю, у меня получится. А когда надо это сделать?

— Лучше всего в середине дня, когда они все торчат на пляже. Если мы вылезем из моего окна, то спрыгнем с крыши и перебежим на нудистский пляж.

— Что за нудистский пляж?

— Загородка для людей, которые любят плавать нагишом. Такие есть на всех пляжах. Надеюсь, мы оттуда сможем позвонить по телефону, да и вообще там достаточно много народу, чтобы бандиты не решились нас преследовать или поднять стрельбу.

— Очень хорошо. Я попробую.

После этого Грахаму представилась возможность взять Джеру-Бхетиру за руку, прижать ее к губам и поклясться в вечной любви на манер Ромео. Но ему пришло в голову, что ни его любовь, ни он сам долго не протянут, если его в этот момент увидит охранник бандитов. Поэтому он удовольствовался простыми словами:

— В-вот и хорошо. До встречи.

Пробраться обратно в комнату ему удалось без происшествий.

Он только начал ставить окно на прежнее место, как услышал, что дверь открывают.

Грахам сильно толкнул раму, втолкнув ее в проем с глухим стуком, и вытянулся на кресле как раз перед тем, как

дверь открылась. Когда Варшауэр просунул голову в комнату, Грахам был погружен в вычисления так же, как обычно.

— Все в порядке? — спросил Варшауэр.

— О... да, конечно.

— Мне послышался какой-то шум...

— Может, и был шум, но не здесь.— Грахам забеспокоился, понимая, что пол покрыт пылью после водружения рамы на прежнее место, а убрать ее у него времени не хватило. Варшауэр наверняка заметил, что его подопечный немного не в себе, а самому Грахаму, с его воспаленным воображением, горстки пыли казались россыпями каменного угля на чистом снегу. Он старался не смотреть в ту сторону.

— Ладно, тогда о'кей,— буркнул Варшауэр и ушел.

Зуд на голове беспокоил Грахама все сильнее, но он не решался снять защитный шлем и почесаться. Не то чтобы он принял близко к сердцу предостережения Скляра, просто боялся, что не сможет надеть шлем обратно соответствующим образом. Хорошо хоть, он успел убрать крупные куски штукатурки, упавшие из оконного проема.

На следующий день время, как обычно, тянулось медленно. После обеда Грахам навострил уши. Вдруг Джеру-Бхетиру удалось убедить Эдвардса, что ей необходимо побывать у ее так называемого любовника? Хотя почему «так называемого»? В старом, романтическом смысле он и был ее любовником.

К несчастью, небо затянуло облаками, и пляж почти пустовал. Вскоре после обеда заморосил дождичек и прогнал немногих оставшихся смельчаков. Но еще через час ветерок унес тучи, и выглянуло солнце. Грахам предпочел бы подождать до следующего дня, но не имел возможности перекинуться хоть словом со своей подругой по несчастью. Он пожалел только, что не сделал попытки к побегу раньше, в хорошую погоду. А теперь, если зарядят дожди, удобный случай представится не скоро...

Прошло еще несколько томительных часов. Никаких признаков Джеру-Бхетиру, дочери Джере-Лагиле из Катай-Ихограи, не было.

Потом замок щелкнул, и вошла девушка, а за ней Эдвардс.

— Д-дорогая! — воскликнул Грахам, протягивая к ней руки. Они заключили друг друга в объятия, а Грахам отметил про себя, что рассказы об эффекте, который производят поцелуи кришнанок, далеко не выдумки. Грахаму не было нужды притворяться, да и Джеру-Бхетиру, судя по жару, исходившему от ее тела, тоже. Он и без крайней нужды с удовольствием занимался бы этим каждый день...

Наконец он нашел в себе силы прервать очередной длинный поцелуй и сказал Эдвардсу:

— Почему бы тебе... э-э... не подождать немного за дверью?

Эдвардс с легкой улыбкой посмотрел на кровать, потом перевел взор на Грахама:

— Нет, не выйдет. Босс этого не любит. Если хотите чем-то заняться, делайте это при мне.

А может, и правда? Среди французов, например, в незапамятные времена не считалось зазорным заниматься любовью на людях, хотя иностранцы над ними и посмеивались.

Пока он раздумывал, что делать дальше, Джеру-Бхетиру напряглась в его руках и с выражением ужаса на лице обернулась к окну.

— Что это такое? — прошептала они, отталкивая Грахаму и бросаясь к окну.— О, мои предки! Что происходит?

— В чем дело? — рявкнул Эдвардс, двинувшись за ней.

Грахам быстро оценил ситуацию и взялся за свою чертежную доску. Подняв ее боком, чтобы не мешало сопротивление воздуха, он со всей силы опустил край доски на рыжую голову Эдвардса. Тот краем глаза успел увидеть опасность и потянулся рукой к кобуре, но было слишком поздно. Раздался треск раскалывающегося дерева. Когда Эдвардс рухнул на пол, Грахам обнаружил, что довольно прочная доска раскололась пополам.

Он оттолкнул тело с дороги, даже не посмотрев, жива его жертва или нет, и схватился за прутья решетки. Сильный рывок — и рама подалась внутрь.

— Давай сюда,— тихо сказал он.— Двигайся быстро, но без шума.— Он перелез через проем и спустился на скат крыши.— Не прыгай с края! Держись за водосточный желоб руками, как я, потом повисни на руках и разожми их. До земли останется не больше метра.

Он слез первым и, стоя на песке двора Аурелио, поймал ее. Потом, держась за руки, они побежали к берегу, а затем повернули налево.

У входа на участок для нудистов они немного перевели дух и посмотрели назад. Никаких признаков погони не было.

Вход на участок для нудистов представлял собой проход между двумя заборами в виде буквы L, чтобы человек, стоящий снаружи, не мог увидеть, что происходит внутри. Они прошли по этому повороту и увидели в нескольких метрах еще один внутренний заборчик, заканчивающийся рядом запирающихся шкафчиков и стойкой, за которой сидел человек. Дальше на песке лежали несколько не успевших толком загореть купальщиков.

— Эй,— окликнул их человек за стойкой.— Здесь так нельзя! Сюда не принято заходить в одежде! Оставьте ее в этих шкафчиках.

— Ладно-ладно,— успокоил его Грахам.— Я только хотел...Пу-уф... Пу-уф... — Он никак не мог отдышаться.

— Чего вы хотели?

— Позвонить по теле... Пу-уф...

Он замолк, и они со служителем пляжа замерли, постепенно узнавая друг друга. Это был один из членов банды Тейерхии, которого звали Хэнком.

Не успел Грахам и глазом моргнуть, как рука Хэнка скользнула куда-то вниз. Через секунду он направил на беглецов пистолет, загораживая происходящее спиной, чтобы купальщики ничего не могли увидеть.

— Не двигайтесь,— сказал он.— Стойте как стоите.— Потом он набрал номер на своем наручном телефоне. Послышались обрывки разговора: — ...придите-ка посмотрите ... да... держу на мушке...

Через пять минут Гордон Грахам и Джеру-Бхетиру шли обратно к дому Аурелио в сопровождении Лундквиста и

Варшауэра, прятавших под пиджаками направленные на беглецов револьверы.

В доме их отвели в гостиную, где находились Тейерхия, Адзик и один человек, имени которого Грахам не знал.

— Ну? — спросил Лундквист.— Как там Джим?

— Отдал контссы,— прошипел Тейерхия.

— Фуф,— охнул Лундквист.— Что ж, эти двое за него заплатят.— Он поставил револьвер на предохранитель и взял его за ствол.

— Нет,— остановил его Тейерхия.— Они нам еще нужны...

Но, несмотря на эти слова рептилии, рукоятка револьвера просвистела в воздухе и опустилась на голову Грахама с глухим, но отчетливым металлическим «бонк!». У Грахама искры из глаз посыпались, он покачнулся, хотя шлем и тонкий слой резины под париком немного смягчили удар.

— Остановись! — резко крикнул Тейерхия.— Может, потом, но не сейчас!

Лундквист опустил руку и внимательно посмотрел на Грахама. Через пару секунд он проговорил:

— Непонятки какие-то. Что-то у этого подонка с головой.— Он подошел поближе и постучал по черепу Грахама костяшками пальцев.— Так и есть.— Он начал водить пальцами у края волос, пока не подцепил ногтями парик. Лундквист резко дернул, шлем и парик с хлопком слетели с головы неудачливого беглеца.

Грахам поднял руку. По крайней мере теперь он мог почесаться. У него отросли жесткие волосы, примерно в полсантиметра длиной, и к тому же они были покрыты остатками клея, которым Скляр прикрепил шлем.

— Итак,— сказал Тейерхия,— теперь знаем, почему он ничего для нас не сосчитал. Я получил указания от Свана, и он дал нам последний шанс. Поэтому рисковать нельзя. Убей их.

— То есть прямо сейчас? — уточнил Лундквист.— Почему бы немного не подождать и не позабавиться?

— Откладывать рискованно. Этот человек опасен. Он сильнее, чем кажется. Закрой окна и застрели их прямо сейчас. А если тебе это не нравится, я и с тебя шкуру спущу.

Джеру-Бхетиру бросила отчаянный взгляд на Грахама. Он решил, что так просто им не дастся, а сначала бросит в них что-нибудь или попробует одного из них придушить, даже если его в это время убьют. Он напрягся для прыжка.

Лундквист начал закрывать окна, а молчавший до того Адзик подал голос:

— Подождите.

Затем последовал оживленный диалог тотианца с его приятелем-рептилией на неизвестном Грахаму языке.

Наконец Тейерхия произнес:

— У нас есть идея получше. Теперь он без своего шлема, и мы можем его использовать.— Осирианец придвинул свою чешуйчатую морду к лицу Грахама.— Крахам!

— Да? — отозвался Грахам. Эти зеленые глаза, казалось, прожигали его насквозь. Все вокруг словно погрузилось в серый туман, и остались только эти глаза, смотрящие на него через узкие щелочки.

— Повторяй за мной: я, Кортон Крахам...

Последовала прежняя процедура принесения клятвы, но с некоторыми отличиями. Теперь после каждой фразы Грахам чувствовал, словно какие-то невидимые, но прочные оковы парализуют его волю к сопротивлению. Он напрягал все душевные силы, пытаясь противостоять этой атаке, но сделать это ему было не легче, чем обычному человеку застрелить собственную мать.

— А теперь,— сказал Тейерхия,— ударь Тшеру. Сильно.

Грахам не хотел выполнять этот приказ, но что толку? Так столкнувшийся с опасностью человек только бессильно моргает, не в силах что-то предпринять. Грахам шагнул к Джеру-Бхетиру и, несмотря на ее пронзительный взгляд, замахнулся и нанес ей сильный удар в челюсть. Хлоп! Она упала и осталась недвижно лежать на полу.

— Вот теперь он все понял,— сказал Тейерхия.

— Все равно может притворяться,— процедил сквозь зубы Лундквист.

— Нет, точно коворю.— Тейерхия выразительно постучал себя когтем по шишковатому черепу.— А теперь, Крахам, расскажи нам, кто тебя сюда послал с этой штуковиной на твоей ко-лове.

— Рейнольд Скляр. Констебль Всемирной Федерации.

— Отшен хорошо. Сейчас ты поедешь с моими людьми до окраины корода. Потом ты пойдешь в кород, найдешь Скляра и убьешь его. Ты понял?

— Понял.— Хуже всего, что он действительно понял, что это приказ, который надо выполнить. Он знал, что теперь убьет Скляра при первой же возможности, не гнушаясь никакими средствами, и не сможет никаким образом предупредить свою жертву.

— А кокта убьешь Скляра,— продолжил осирианец,— то сразу же после этого убьешь себя. Тебе ясно?

— Да,— сказал Грахам.

И его вывели. Он даже не оглянулся на распростертую на полу девушку, которую недавно так любил.

Глава 6

Гордон Грахам вышел из метро и, как робот с дистанционным управлением, пошел в район 50-х улиц, к отелю, в котором жил Скляр. Основная часть его сознания была занята предстоящим убийством. Например, следовало быть осторожным, не волноваться и не выпустить в констебля всю обойму, оставить для себя хоть один патрон. И в себя он должен выстрелить правильно, под ухом. Иногда люди стреляют себе в висок и остаются жить, только слепыми...

Между тем другая часть его сознания, словно узник в клетке, настойчиво, хотя и тщетно, пыталась установить контроль над телом, но вынуждена была довольствоваться ролью безучастного зрителя и лишь наблюдать со стороны, как это преступное тело безропотно подчиняется приказу. В чем бы ни заключался так называемый осирианский гипноз, он подействовал, это и дураку было ясно. А другие члены банды Тейерхии? Не находятся ли они тоже под воздействием гипноза? Когда-то Айвор Грахам рассказывал Гордону, что осирианцы обещали не использовать на Земле без разрешения свои сверхъестественные способности. Но если они нарушили эту клятву, нет никакой возможности физически им противостоять.

До отеля оставалось совсем недалеко.

А почему они не сделали то же самое с Джеру-Бхетиру? Но он тут же вспомнил, как читал где-то, что из всех по-настоящему разумных существ земляне легче всего поддавались такому воздействию. А кришнанцев можно было загипнотизировать лишь на короткое время...

— Нет,— покачал головой клерк за стойкой отеля «Балдвин»,— мистера Скляра сейчас в номере нет.

— Я подожду,— сказал Грахам и сел в одно из видавших виды кресел.

Прошло несколько часов.

По-прежнему независимая часть сознания Грахама билась о стены его психологической тюрьмы, а другая половина терпеливо ждала свою жертву. Снаружи давно стемнело, а его желудок все настойчивее просил пищи, но он сидел, спокойный как статуя, в изъеденном молью кресле и ждал.

Наконец вошел Рейнольд Скляр. Он и Грахам увидели друг друга одновременно. Констебль изумленно вскинул брови, но тут же шагнул вперед, протягивая руку в приветствии.

— Добрый вечер, приятель! — воскликнул он.— Не ждал тебя так скоро. Пойдем в мой номер, поболтаем, а?

Грахам улыбнулся, механически ответил: «Привет» и поплелся за констеблем к лифту. Пока все шло легко. А когда лифт начнет подниматься, надо будет просто вытащить пистолет и выстрелить в Скляра — несколько раз. В обойме лежало девятнадцать патронов, и любого из них было достаточно, чтобы оторвать у человека руку, поэтому нескольких выстрелов вполне хватит. Затем — дуло к уху, и его мозги разлетятся по кабинке лифта, а приказ тем самым будет выполнен до конца.

СТОЙ! ПОДОЖДИ! ОДУМАЙСЯ! — кричала другая его половина, но тщетно. Эта часть его сознания так же не имела сил повлиять на происходящее, как зритель в кинозале — на происходящее на экране.

Двери лифта открылись. Грахам вспомнил, что не должен вызвать никаких подозрений.

Скляр посторонился и пропустил Грахама, потом зашел вслед за ним и нажал кнопку 9-го этажа. Двери медленно закрылись, и лифт начал подниматься.

Грахам вытащил из кармана правой рукой пистолет, но не успел он нажать на курок, как перед его глазами мелькнула дубинка в руке Скляра, потом опустилась ему на голову со скоростью нападающей змеи...

Когда он очнулся, голова у него болела так, словно кто-то ввел в нее капсулу проекта Гамановия и взорвал атомный заряд. К тому же у него во рту было такое ощущение, словно

туда спускал свои отходы нефтеперерабатывающий завод. Он лежал на койке лицом вверх. Когда он попытался повернуть голову, то понял, что к ней привязано проволокой что-то, ограничивающее движения.

— Лежите спокойно,— произнесла женщина рядом с его кроватью. Потом она — должно быть, это сиделка, понял Гордон, — позвала: — Мистер Скляр!

— Иду,— ответил знакомый энергичный голос.

Сиделка добавила:

— Только лежите спокойно, мистер Грахам, чтобы мы могли снять с вас психоинтегратор.— Послышались металлические звуки, и с его головы сняли какой-то шлем.

Он сел на койке, чуть не упав на пол от головокружения.

— Ч-что...— еле слышно пробормотал он.

Волосатая мускулистая рука поддержала его за плечо.

С большим трудом Грахам промолвил:

— Как... как ты узнал...

— По твоим коротким волосам. Я сразу понял, что на тебе больше нет парика, и ждал, что ты что-то такое выкинешь.

— Н-никогда не думал, что буду так рад, когда меня ударят по голове. С-сейчас я в безопасности?

— Конечно. Для того мы и включали психоинтегратор. Классная штуковина. Ты лежишь в больнице Бюро расследований Всемирной Федерации на Лонг-Айленде. А теперь давай быстро расскажи мне, что с тобой случилось и где прячется эта банда.

Грахам сдвинул брови и напряг свою память. Ему казалось, что все последние события случились давным-давно.

— Дай подумаю... Дом Джозефа Аурелио, что-то вроде Атлантик-авеню в Бей-Хеде, Нью-Джерси...— И он начал рассказывать обо всем, что с ним приключилось.

Не успел он произнести и нескольких фраз, как Скляр набрал на своем телефоне номер и отдал несколько распоряжений.

— С-собираешься туда? — спросил Грахам.

— Да, конечно.

— Возьми меня тоже с собой.

— Ничего не получится. У тебя все еще неустойчивое сознание, можешь не выдержать.

— О, нет, я выдержу! Ты забыл, что моя девушка все еще у них.

— О-ох. Пускай пошло все прахом, но с нами будет Грахам... Ладно, поехали.

Небольшая группа машин Бюро расследований Всемирной Федерации шла на небольшой высоте над заливом Барнегад — сверху он казался блеклой полоской на фоне темной земли. Грахам видел другие машины только благодаря их полетным огням.

Он то и дело вспоминал недавние события и восклицал:

— Ну что же я сделал неправильно?

— Ты держался молодцом. Для человека без специальной подготовки ты на редкость хорошо все усвоил. Никак не ждал от тебя такой прыти. Мне казалось, что ты весь витаешь в облаках. А тот случай на нудистском пляже, когда вы наткнулись на члена банды, просто нелепая случайность. Сам-то я не уверен, что на твоем месте попытался бы спасти и девушку, но ты такой молодой и романтичный! Я и Варнипаза послал в Южную Америку только потому, что он для такой работы слишком романтичен, будь он проклят.

— Так ты не думал, что он что-нибудь сделает?

Скляр издал горловой хехекающий звук:

— Этот остолоп? Нет. Сам подумай: он и на Земле как следует не освоился, хотя и провел здесь два года. К чему лишние хлопоты? Вот я и решил, что проще всего отослать его куда подальше, чтобы не путался под ногами. А что касается тебя, то через пару лет тренировок и пробных заданий мы можем сделать из тебя полноценного констебля. Как тебе этот вариант?

— Даже не знаю,— усомнился Грахам.— И потом, я уже столько лет готовился стать геофизиком.

— Конечно-конечно. Не надо бросать это дело. Жаль, неизвестно, кто у них этот Сван, о котором говорил Тейерхия. Если бы мы только это знали! Ты уверен, что он сказал «Сван»?

— Да, по крайней мере, это звучало как «Сван». Конечно, с его акцентом это могло быть и другое слово.

— Разумеется. От этих ящериц хорошего английского не дождешься, совсем как от меня, человеческое произношение им в принципе недоступно. «Сван», говоришь? Скажи-ка, сколько человек из проекта Гамановия ты знаешь?

Грахам задумался:

— Знаю всех из нашего Колумбийского университета, и со многими встречался в Рио. Это было прошлой зимой. Я познакомился с Соузой, их большим начальником, с Бенсоном, Ногами, Абделькадером и ван Шаком... Пока могу вспомнить только эти имена.

— Умница, опять хорошо поработал головой. Вот мы и прибыли. Помни, если мы приблизимся к ним, и среди них окажется этот осирианец, не встречайся с ним взглядом.

Машины маневрировали четко, как на параде. Три из них зависли над домом Аурелио, а другие четыре спустились на ближайшие улицы. Когда винты остановились, из машин вылезли люди в униформе и стали скрытно приближаться к дому.

Скляр и Грахам шли сразу за ними. Скляр прошептал:

— Только не волнуйся и не выстрели в спину кому-нибудь из наших. Очень получится некрасиво. Вообще, стрелять можно только для спасения собственной жизни или для предотвращения побега преступников.

— Не буду стрелять,— пообещал Грахам.

— А теперь постоим здесь немного,— сказал Скляр.— Скоро поймешь, что ожидание еще хуже самого боя.

Грахам стал ждать, сердце его бешено колотилось.

Примерно четверть часа ничего не происходило. Где-то за соседним домом, невидимый, шумел прибой. Над головой по-прежнему глухо рокотали двигатели машин.

Потом тишину разорвал свист. Сразу вспыхнуло множество огней: прожектора машин в небе, фонарь на парашюте и несколько фонарей на земле. Прозвучали выстрелы, раздался звук лопнувшего пластика в окне — вроде разбитого стекла, только глуше.

Потом снова наступила тишина, а дом так же был освещен огнями. Захлопали открывающиеся окна в соседних домах, их хозяева недоуменно переговаривались.

— Что это было? — спросил Грахам.

— Газ.— Скляр посмотрел на часы.— Хотя боюсь, что его разогнали своими винтами наши ребята наверху. О'кей, пошли. На-ка, прижми это себе к носу поплотнее и старайся не дышать ртом, а то сам не заметишь, как потеряешь сознание.

Послышался треск дерева, когда эмфэбээровцы начали ломать входную дверь. Между тем Грахам, держась позади Скляра, подошел к дому, наполненному — несмотря на хорошую звукоизоляцию — топотом ног по лестницам и этажам и звуками производимого обыска. Свет уже был везде включен. От газа у Грахама жгло в глазах.

— Никого нет,— сообщил человек в униформе.

В следующие полчаса Грахаму не оставалось ничего другого, как стоять в сторонке, чтобы не мешать снятию отпечатков пальцев, осмотру мебели и другим поискам каких-то следов пребывания бандитов.

Наконец, не выдержав, он сказал Скляру:

— Сдается мне, что они оставили этот дом вроде ловушки для нас.

Скляр, попыхивая своей обычной сигаретой, пожал плечами:

— Конечно, мы это сразу поняли, как только сюда вошли. Но ты же понимаешь, нам все равно надо здесь все проверить.

Грахам, уже сильно уставший и приунывший, поднялся по лестнице. Тело Эдвардса было убрано, хотя кем и когда, оставалось неизвестным. Треснувшая чертежная доска все еще лежала на полу, где ее и оставили.

Грахам прошел в комнату, которую занимала Джеру-Бхетиру, надеясь найти какие-то ее следы, которые пропустили сотрудники службы безопасности.

Но в ее комнате так же не оказалось ничего существенного, как и во всех остальных. Кровать была отодвинута к стене, а коврик отброшен во время осмотра в сторону детективами, которые потом ушли отсюда по другим своим делам.

Тем не менее, Грахам внимательно обследовал комнату. Он осмотрел пол, и его внимание привлекли еле заметные полоски там, где лежал коврик.

Грахам повертел в разные стороны головой, чтобы пока не нашел точку, при которой блики от лампы под потолком помогали лучше разглядеть блеклые буквы, нанесенные каким-то пигментом немного отличного от пола цвета. Он прочитал слово:

РИО

— Эй, Скляр! — крикнул он.— Иди сюда!

Констебль быстро взглянул на надпись, наклонился и осветил ее карманным фонариком.

— Кровь,— сказал он.— Должно быть, твоя подружка нарочно порезалась и написала это для нас. Хорошая малышка. Эй, кто там осматривал эту комнату?

Через несколько секунд шкафообразный детектив пролепетал:

— Я, сэр.

— Твое имя? — угрожающе спросил Скляр.

— Шиндельхейм. Полицейский первого разряда.

— Вот это,— указал на пол Скляр,— будет включено в рапорт о твоем служебном несоответствии. Что там еще?

— Мистер Скляр,— доложил кто-то,— один из местных полицейских прилепил уведомления о штрафе за то, что мы оставили на улице машины с прикрепленными винтами.

Скляр нетерпеливо повел плечами:

— Займешься этим, Рот. Мы возвращаемся в город, а потом летим в Рио. Пошли, Грахам. Сколько тебе нужно времени, чтобы собраться в Южную Америку? Можешь встретиться со мной в аэропорту завтра в полседьмого? Вот и отлично.

Глава 7

Самолет летел с достоинством парящего в воздухе тяжеловесного кондора, и в иллюминаторе рядом с Грахамом показался огромный залив Гуанабара. Ему доводилось бывать раньше в Сан-Себастьяно Рио-де-Жанейро, но он никогда не мог сдержать трепета, приближаясь к красивейшему мегаполису мира.

Внизу и впереди, подобно огромному вееру, раскинулась бухта, с грядами островов на переднем плане и чередой мелких бухточек за ними. Дальше лежал сам город, протянувшийся от неровной линии берега до лесистых долин и предгорий, переходящих в торчащие, как зубцы, гребни горы. Когда самолет пошел на посадку, Корковадо и другие вершины заслонили горизонт.

Даже Рейнольд Скляр, чувствительность которого Грахам оценивал на уровне черепах Теофило Марча, проговорил:

— Это нечто, парень!

Скоро стали хорошо видны белая полоса пляжей и за ней четко прорисованные диагонали улиц с рядами сверкающих небоскребов. Прямо перед ними вытянулся взлетно-посадочной полосой в залив, словно приветственно протянутая рука, аэропорт. Когда самолет опустился еще ниже, город в виде карты преобразился в непрерывную череду домов, освещенных ярко-розовым восходящим солнцем, и зеленые нитки прибрежных бульваров, по которым скользили тысячи блестящих точек — автомобилей. С другой стороны стрекотали направлявшиеся к посадочной площадке машины-вертолеты, вращая винтами, словно гигантские стрекозы, послушные своим владельцам.

Наконец красоты посадки остались позади, и к самолету подали трап. Скляр и Грахам прошли по переходу в зал ожидания, где их встретил высокий, широкоплечий, улыбающийся молодой человек ярко выраженной восточной

внешности, с густой шевелюрой. После секундного замешательства Грахам узнал Варнипаза бад-Саваруна, все еще в его земном облике.

Когда они обменялись рукопожатиями, Варнипаз поинтересовался:

— Вы уже завтракали?

— Нет,— ответил за двоих Скляр.

Они прошли в ресторан и сделали заказ.

— Ну,— спросил Скляр,— что ты тут нарыл?

— Сначала,— стал рассказывать Варнипаз, — я связался с местной полицией, как и было приказано. Потом просчитал варианты. Если эта банда в Северной Америке воспользовалась для своего прикрытия неким культом, то и здесь, в Южной Америке, как мне показалось, она могла прибегнуть к такому же приему. Поэтому я обошел в городе все собрания разных мелких группировок и культов — космотеистов, бразило-израилитов, индуистское общество абсолютной истины, союз за отмену кофе и тому подобную дребедень.— Он сокрушенно покачал головой. — Вы, земляне, можете называть нас, кришнанцев, отсталыми, но у вас здесь тоже порой творятся странные вещи... Ладно, так или иначе у меня есть списки некоторых из этих обществ.— Он достал из сумки толстую пачку бумаг. — Думаю, если сравнить эти списки с перечнем специалистов проекта Гамановия, можно найти что-то любопытное.

— Должен попросить у тебя прощения,— заметил Скляр, просматривая бумаги.

— За что?

— Ляпнул как-то, что не бывать тебе констеблем Всемирной Федерации. По-настоящему тебя надо было звать Шерлок бад-Холмс. Если только захочешь подать заявление на прием в нашу школу... На-ка, возьми, Грахам. Тебе ведь известно, кто работал над проектом.

— Всех не знаю, — предупредил Грахам, — но в любом случае посмотрю.— Он начал просматривать списки и скоро воскликнул: — Хомер Бенсон! Ну, Хомер Бенсон — правая рука Соузы, я его оч-чень хорошо знаю. То есть если это тот самый Бенсон.

— Возможно, он, — сказал Скляр. — Вряд ли в Рио много людей с такими именами. Что это за список?

Грахам посмотрел на заголовок:

— Соци... Как это прочитать?

Скляр взял у него бумагу:

— Sociedade Homagem ao Cortereal. Общество почитателей Кортереала. А кто он такой?

Варнипаз объяснил:

— Жоао Вас Кортереал, мореплаватель[32]. Кое-кто считает, что он открыл Америку до Колумба. Они относятся к подобным идеям очень серьезно. Когда я попытался им объяснить, что в Америке еще раньше побывали скандинавские викинги, они отказали мне в приеме в это общество.

Скляр спросил Грахама:

— Есть в этих списках еще кто-то из проекта?

Грахам некоторое время молча просматривал бумаги. Дойдя почти до конца, он сообщил:

— Вроде узнал двоих: Виейра и Вен.

— Кто они?

— Гаспар Виейра — один из местных, химик. Вен Панджао — китайский математик. Познакомился с ними обоими, когда был здесь в прошлом году. Хотя вообще знаю их мало.

Скляр побарабанил пальцами по столу:

— Пойдемте со мной, оба. Надо мне зайти в местную полицию, а времени у нас в обрез.

Они поймали такси. Скляр велел водителю ехать к штаб-квартире проекта Гамановия на Прая-де-Фламенго в районе залива Ботафого. По пути он попросил Грахама:

— Проверь еще раз списки. Там могут быть и другие.

Одна из автомобильных пробок Рио задержала их на полчаса, благодаря чему Грахам успел просмотреть все бумаги.

— Б-больше никого не нашел, — заявил он, — но это ничего не доказывает. Нам нужно получить в отделе персонала проекта Гамановия список всех сотрудников и потом проверить все эти списки заново.

— Это не проблема,— отозвался Скляр.— Мы как раз приехали.

[32] Жоао Вас Кортереал действительно в 1472 году, то есть за 20 лет до открытия Америки Колумбом, высаживался на берегах нынешнего Ньюфаундленда, а в 1472-м, по некоторым данным, побывал на островах, которые позже открыл Колумб, женатый на дочери Бартоломео Перестрелло, участника экспедиции Кортереала, и благодаря этому якобы знавший о его открытиях.

Они вошли в здание, назвали свои имена в приемной и через несколько минут сидели в кабинете Соузы. А в это время его личная секретарша и еще шесть девушек в соседней комнате начали сверять списки.

Пока то да се, Соуза и его гости немного побеседовали. Грахам с трудом улавливал суть разговора, потому что Скляр по-португальски тараторил очень быстро, но с неважным произношением, а португальский Варнипаза, как и его английский, был даже слишком правильным. Сам же Грахам мог на языке Рио только читать, а говорил едва-едва. И когда рядом слышались носовые португальские звуки, он становился беспомощным.

Скоро вошла секретарша Соузы с пачкой бумаг.

— Синьор Пауло,— отчиталась она,— в одном из списков Механофилософского общества мы нашли имя Гессинга.

— Что? — переспросил Скляр.

Варнипаз объяснил:

— Там собираются почитатели машин. Можешь сходить на одну их службу и посмотреть: на алтаре стоит какая-то механическая штуковина со всякими там шестеренками, расчалками и разноцветными лампочками. Насколько я заметил, там ничего особенного не происходит. Они просто кружатся на одном месте, а потом падают на колени и молятся. Но каким-то образом благодаря этому приходят в экстаз. Вы, земляне...

— Это все? — перебил Скляр.

— Все,— ответила секретарша.

— Хорошо. У меня есть небольшой метаполиграф — детектор лжи — и его можно подсоединить проводами сразу к четырем испытуемым. Синьор Пауло, пригласите, пожалуйста, сюда синьоров Бенсона, Гессинга, Виейру и Вена.

В ожидании прихода этих сотрудников Скляр занялся своим метаполиграфом. Он спросил Соузу:

— Не возражаете, если поставлю его на ваш стол?

— Ну... не возражаю.

— Obrigado[33]. Сейчас мы этот орешек расколем, потому что и короткий, и долговременный гипноз против этого устройства бессильны.

[33] Спасибо *(порт.)*.

Один за другим пришли вызванные эксперты. Добродушный старый Бенсон появился первым, за ним в дверь протиснулся громадина Вен с его словно приклеившейся к губам улыбкой. Следующим пришел толстяк Виейра, а последним прибыл лысый мужчина с пышными длинными усами, которого Грахам до того не видел.

Как только кто-то приходил, Соуза представлял сидящих в кабинете: «Это мистер Скляр, мистер Грахам и мистер Мюллер» (именно таким был псевдоним Варнипаза). Когда зашел последний человек, он представил его как «доктора Гессинга», произнеся последнее слово как «Жессинг», как это принято по-португальски.

Владелец этой фамилии вежливо поправил босса, пробормотав что-то вроде «Йессинг».

Приклеенная улыбка Вена стала еще шире:

— Рональд всегда просит, чтобы мы произносили его имя по-норвежски. А я уже давно оставил попытки научить людей правильно произносить мое имя. На самом деле оно звучит как «Ван», но они чаще говорят «Вен».

— Тогда почему ты произносишь его как «Ван»? — спросил Виейра.

— Потому что по-китайски буква «е» всегда произносится как «а», если только перед нею или после нее нет гласной...

Скляр выразительно кашлянул и прервал его:

— А теперь, джентльмены, мы побеседуем о кое-каких недавних событиях. Они связаны с вопросами веры. С вашего разрешения я подсоединю к вам этот метаполиграф и буду задавать вам вопросы, ответы на которые крайне важны. Вы понимаете, что не обязаны отвечать и даже соглашаться на подсоединение метаполиграфа. Но вы лояльные сотрудники Всемирной Федерации и, я уверен, готовы к сотрудничеству. Не так ли? — В последних его словах прозвучала легкая угроза.

Возражений не последовало. Скляр прикрепил датчики от детектора лжи к головам, запястьям и лодыжкам четырех человек. Потом он сел за стол Соузы и начал задавать вопросы:

— Известно ли кому-нибудь из вас о группе, возглавляемой инопланетянами, которая хочет вмешаться в работу над Проектом?

Грахам, немного согнув шею, увидел, что стрелки всех четырех циферблатов остались на месте, когда испытуемые по очереди ответили:

— Nāo.

— Не вступали ли в контакты с какой-нибудь подобной группой?

— Nāo.

— Известна ли вам хоть одна группа, выступающая против проекта Гамановия?

— Nāo.

— Знаете ли вы о каких-либо планах взрыва капсул раньше предполагаемого срока?

— Nāo...

Стрелки по-прежнему стояли без движения. Через полчаса Скляр сдался и снял датчики.

— Ложный путь,— сказал он.— Похоже, следующее интервью у нас будет с Теофило Марчем, который разводит черепах. Он сейчас не на острове Вознесения?

— О,— воскликнул Соуза,— с синьором Марчем встретиться не получится.

— Почему? Он что, умер?

— Нет, он продал остров. Эти скалы купил один Americano do Norte по имени Аурелио, и вместе с ними наш договор. Думаю, черепашья ферма Марча сохранилась, как и хозяйство связистов на Зеленой Горе, но теперь вряд ли имеет смысл...

Скляр поймал взгляд Грахама, в голове которого словно вспыхнул яркий свет.

— Э! — вскричал Грахам.— Это человек, о к-к-к...

— Попробуй сначала,— сказал Скляр.

— О к-к-к...

— Сначала свистни.

— Человек, о котором говорили в банде. Ты помнишь, что это что-то вроде «Свана»? Конечно, они имели в виду доктора В-вена, судя по тому, как он произносит...

— Держите его! — Скляр потянулся к кобуре.

Но легче было остановить носорога. Огромный китаец оттолкнул руками Гессинга и выскочил в дверь, захлопнув ее за собой. Когда остальные подскочили к ней, то услышали лишь

топот ног по коридору, а когда открыли, то успели увидеть, как он скрылся за углом.

— Похоже, он направляется к пункту связи. Ему нужен пульт управления,— предположил Соуза.

Грахам, самый молодой из преследователей, бежал впереди. Он по прошлым визитам в Рио знал, где находится пульт управления. Они пронеслись по коридору, обогнули два поворота и поднялись по единственной лестнице.

Дверь пункта связи была закрыта на замок.

— У кого есть ключ? — рявкнул Скляр.

Соуза прибежал последним, дыша, как астматик, и вытащил из кармана ключ. Он, несомненно, подходил к замку, но дверь не хотела открываться и подалась только на сантиметр. Они услышали, как внутри грохочет мебель, которую Вен подтаскивал к двери.

Потом послышался громкий щелчок.

Соуза крикнул:

— Mãe do Deus[34], он включает взрыватели капсул!

Скляр распорядился:

— Гордон, ты и Гессинг самые крупные. Толкайте.

Грахам и Гессинг, плечом к плечу, уперлись в дверь, которая подалась еще на несколько сантиметров. Внутри щелкнул еще один тумблер.

— А ну поднажми! — прохрипел Гессинг, и под их напором дверь приоткрылась еще немного.

— С дороги! — скомандовал Скляр, просовывая в щель руку с пистолетом.

Грахам, потирая ушибленное плечо, посторонился. Раздался оглушительный треск и вслед за ним шум падающего тела.

Когда дверь наконец открылась, Вен лежал в лужи крови перед пультом управления с двумя с лишним сотнями тумблеров. Три из них были переведены в положение «вниз» вместо нужного «вверх».

Скляр спросил:

— Есть ли смысл снова поднять эти рычажки?

— Нет,— отозвался Соуза.— Процесс необратимый, и если он начался, то жар от термоядерной реакции сразу разрушает контрольное оборудование. Нагрев будет продолжаться

[34] Боже мой *(порт.)*.

несколько суток, пока высокая температура не уничтожит и механизм автоматической подачи топлива.

Скляр, не дослушав фразы до конца, нагнулся над Веном, который, казалось, силился что-то сказать. Грахам, прислушавшись, уловил слова:

— Моей вины нет. Я должен был включить тумблеры до того, как...

— Вот почему твой метаполиграф не сработал,— повернулся Грахам к Скляру.— Ты говорил, что глубокий гипноз против него бессилен. Ну а осирианский псевдогипноз просто...

— Тс-с! — шикнул на него все еще слушающий Скляр.— А где они сейчас?

— На Вознесении,— еле слышно прошептал Вен.— На ферме Марча. Остановите их... Ду бу чи, чинг... Во бу иау ши... Вай шин...— пробормотал он что-то по-китайски и замолк.

— Умер,— констатировал Скляр и повернулся к Соузе: — А что будет после включения этих тумблеров?

Соуза и другие специалисты сверили номера тумблеров с большой схемой на противоположной стене, которая показывала расположение всех капсул Гамановии, уже погруженных в магму под Южной Атлантикой. В коридоре у двери столпились привлеченные выстрелами и шумом люди. Виейра оттеснил их от двери.

Бенсон предположил:

— Если навскидку, то опустится океанское дно к востоку от острова Вознесения.

— На сколько? — спросил Скляр.

Грахам пожал плечами:

— Док Бенсон прав, но надо точно подсчитать. Может, на пятнадцать метров.

— И что потом?

— Скорее всего, это вызовет цунами.

— Что за цунами?

— Волна от землетрясения.— Грахам и Варнипаз посмотрели друг на друга, словно обоих одновременно осенила одна и та же мысль.— Бетти...

— Что ж,— пожал плечами Соуза,— если эти люди находятся на острове Вознесения, надо предупредить жителей

ближайших побережий и потом подождать, когда волна успокоится. Если бандитов на острове затопит, туда им и дорога, хотя Зеленая гора на нем поднимается на целых 900 метров, и никакая цунами ее не захлестнет. Что это за пословица есть о людях, которые погибают от своих же хитростей?

— «Не рой другому яму — сам в нее попадешь»,— сказал Грахам.

Скляр покачал головой:

— Прежде всего, надо предупредить связистов в Джорджтауне[35], они ни в чем не виноваты. Во-вторых, у бандитов в руках находится заложница, подруга двух моих помощников. И они столько для меня сделали, что я обязан ее спасти. Когда поднимется эта волна? — спросил он, переводя взгляд с одного лица на другое.

Вошел местный полицейский, проложив себе дорогу через толпу у входа.

— Точно ответить невозможно,— объяснил Бенсон.— Не раньше чем через шесть часов и не позже чем через сорок восемь. Если капсулы взорвутся последовательно, а не одновременно, то вообще резких толчков не будет.

Скляр и местный полицейский помахали друг у друга перед носом удостоверениями и заспорили. Тут же к ним присоединился еще один жандарм в униформе и тоже принялся энергично жестикулировать. Скляру удалось прервать словоизвержение его коллег лишь на несколько секунд, чтобы сказать Граханму:

— Эти остолопы еще несколько часов от меня не отстанут, пока не будут соблюдены все бюрократические формальности. Запомните: вы с Варни — помощники констебля. Отправляйтесь к полковнику Коэлхо и займитесь подготовкой полета на остров Вознесения с отрядом полицейских.

— А кто он такой?

— Начальник городской полиции. Я его знаю.

— Но послушай, н-не лучше ли взять... э-э... несколько твоих собственных сотрудников, из Бюро расследований Всемирной Федерации?

[35] Джорджтаун — столица острова Вознесения, в 2003 году в ней жили 560 человек.

— Нет. Во-первых, ближайшая наша база находится в Бахии[36]. Во-вторых, подразделения констеблей не имеют необходимого снаряжения для такой атаки. Оно есть у военных, но ими командует Всемирное Министерство обороны, мы же подчинены Бюро расследований Министерства юстиции. А Оборона всегда норовит забрать нас у Юстиции и проглотить. Поэтому мы друг друга недолюбливаем. С ними лучше не связываться — толку от них будет, как от бразильцев. А теперь поспешите, если только хотите спасти вашу зеленоволосую подружку.

Местный полицейский сперва не хотел отпускать двух таких важных свидетелей, но Скляр сумел его переубедить — в первую очередь благодаря своей луженой глотке.

Грахам и Варнипаз пробились сквозь толпу и быстро спустились на первый этаж. Они поймали такси и поехали к центру города, где располагалось здание городских властей. По пути они решили, что бразды правления возьмет Грахам, который лучше знает нравы земных чинуш, а кришнанец будет в основном говорить, потому что он на короткой ноге с португальским языком.

Удостоверения Всемирной Федерации проложили им дорогу в приемную полковника Коэлхо, где им пришлось прождать полчаса, пока начальник полиции соизволил их выслушать.

Полковник Коэлхо, крупный лысеющий мужчина в роговых очках, не сразу понял цель их визита. Им пришлось рассказать все с самого начала: как банда внедрилась в проект Гамановия и принудила одного из специалистов преждевременно взорвать капсулы, и так далее. Полковника, казалось, повергло в шок то, что они решили явиться именно к нему.

— Ну, мои дорогие молодые люди,— промолвил он, насупившись, как филин,— остров Вознесения не под моей юрисдикцией! Больше того, мои самолеты не того типа, чтобы выполнять такие задания. Глубоко уважаю синьора Рейнольда, но,

[36] Бахия — штат Бразилии. Его столица, г. Сальвадор, отстоит от Рио-де-Жанейро на 1300 км.

скорее всего, он сошел с ума, если решил, что я возьму на себя такую ответственность.

Грахам и Варнипаз обменялись взглядами.

— Вам нужен другой человек,— продолжил полковник.— Это мой уважаемый коллега командор Шмиц из Федеральной полиции округа. Я дам вам записку для него. Найдете его в здании Федерального управления округа...

— Perdon[37], — сказал Грахам, — но это не то же самое, что Федеральная полиция?

— О, совсем нет! Это федеральный округ, вроде вашего округа Колумбия. В нем находится Рио-де-Жанейро. Но город занимает не весь округ, поэтому в нем есть собственная полиция. Я достаточно ясно выразился?

Они поблагодарили Коэлхо и отправились на поиски Федерального управления округа. Поплутав немного по узким улочкам, они вышли на величественный проспект, путем расспросов нашли нужное здание и скоро сидели в приемной командора Шмица.

На этот раз ждать пришлось сорок минут. Пока их приняли, Грахам успел даже почитать купленную на улице газету.

Маленький, с седовато-рыжими волосами, похожий на терьерчика, командор Аффонсо Шмиц выслушал их историю и рявкнул:

— Наверное, Коэлхо совсем потерял голову, если послал вас ко мне! Не говоря уже о том, что у меня нет полномочий на такие действия, но нашего годового бюджета едва хватает для исполнения основных обязанностей. Молодые люди, вы не представляете, как тяжело работать нашей малочисленной полиции в гористой местности вокруг Рио! Если бы вы смогли убедить этих бюрократов из Законодательного собрания... Но сейчас на это нет времени. Я глубоко возмущен поведением Коэлхо! Как он смел сбагрить такое важное дело мне?! Но выход есть! Отправляйтесь к начальнику государственной полиции Рио-де-Жанейро де Андрада. Если кто-то и в силах вам помочь, то только он. Я дам вам для него записку...

— Прошу прощения,— сказал Грахам,— но разве есть какая-то разница между обеими полициями Рио и Федеральной полицией округа?

[37] Прошу прощения *(порт.)*.

— О, да! У нас есть город Рио и штат Рио-де-Жанейро, так же как у вас есть город Вашингтон и штат Вашингтон, причем не один в другом, хотя наш штат Рио-де-Жанейро расположен в федеральном округе, который включает город Рио. Здесь...

Так как время обеда уже прошло, они почувствовали голод. До того как идти в управление штата Рио-де-Жанейро, Грахам и Варнипаз зашли в кафе перекусить и выпить чашечку кофе. Грахам заметил:

— Если мы в ближайшее время ничего не добьемся, цунами их накроет.

Варнипаз сокрушенно кивнул, и они двинулись дальше. На этот раз их продержали в приемной два часа, пока начальник полиции дремал после обеда.

Наконец их принял де Андрада — стройный, элегантный пожилой человек с ухоженными седыми усами. Он выслушал их, кивая головой и доброжелательно улыбаясь. Когда они закончили свой рассказ, он воскликнул:

— О, мое сердце разрывается на части, и душа плачет оттого, что я не в силах вам помочь. И такая романтическая ситуация! Два храбрых молодых человека летят спасать принцессу с другой планеты! Будь я немного помоложе — непременно бы бросил все и отправился с вами. Но теперь, к моему глубочайшему сожалению, вынужден вам отказать. Понимаете, я должен получить согласие Законодательного собрания. Но, во-первых, у них сейчас нет сессии. Во-вторых, даже если к ним обратиться, потребуется несколько недель для получения их одобрения. В-третьих, сейчас у власти либеральная партия, а я, как всем известно, принадлежу к социалистам, и они сделают все, чтобы отказать... Но, думаю, вы меня прекрасно понимаете. Однако не смотрите так печально. Если вы придете через месяц, когда начнется сессия Законодательного собрания, я, Луис де Андрада, рискуя своей карьерой и будущей спецпенсией...

— Боюсь, что тогда будет слишком поздно,— объяснил Грахам.

— О, вы, Americano do Norte, всегда так спешите! Вы не представляете, какая здесь жизнь. Вам надо остаться в

Рио и лучше нас узнать... Но не надо отчаиваться: настоящий бразилец никогда не захлопнет дверь перед носом у иностранца и не протянет ему камень вместо хлеба! Я напишу письмо генералу Васконселлосу из Федеральной полиции...

— Прошу меня извинить,— в очередной раз попробовал разобраться Грахам,— но разве она отличается от Федеральной полиции округа? Вы знаете, мы там уже были.

— О, конечно, тут большая разница. Федеральная полиция — это общенациональная организация. Это что-то вроде вооруженных сил, если бы отдельным странам снова разрешили держать свои войска...

Генерал Васконселлос продержал их в приемной всего двадцать пять минут и оказался приземистым негром с очень серьезным выражением лица. Подтянутый референт, судя по табличке на его столе, лейтенант Мануэль Гил, устроился рядом.

Когда Варнипаз в четвертый раз поведал их историю, генерал Васконселлос задумался:

— Так как вы уже были у Коэлхо, Шмица и де Андрады, полагаю, это ваша последняя остановка в Бразилии. Придется мне вам помочь, но...

Опять то же самое, решил Грахам.

— ...но,— продолжал генерал Васконселлос,— мне не по душе идея посылать моих людей на эту скалу, когда вот-вот начнется землетрясение. Если их затопит...

— Это исключено, сэр,— заверил Грахам.— Цунами крайне редко поднимаются выше тридцати метров, а остров намного выше этого уровня.

— Но разве можно быть такими уверенными, если это первое землетрясение, вызванное человеком? И вспомните, что эта заложница не гражданка Бразилии, и даже не с Земли. Мне крайне симпатичны и такие отважные молодые люди, как вы, и юная леди, но вообразите, какой политический капитал получат мои противники, если при спасении одной-единственной инопланетянки прольется кровь нескольких бразильцев!

— Но...— начал Грахам.

Васконселлос поднял руку:

— Я знаю, что вы хотите сказать, но боюсь, что ничего не смогу сделать. Остров Вознесения вне юрисдикции Бразилии...

— Бразилия держит там пункт связи.

— Но это не означает нашей власти. Согласно договору с Марчем, власть на острове со временем перейдет ко Всемирной Федерации, а эти земли будут приведены в порядок и заселены. А пока остров Вознесения остается независимым. И никто не вправе помешать синьору Марчу продать остров хоть марсианам, если он только не заключил договор о продаже его вам, джентльмены.

Грахам и Варнипаз сидели и тупо молчали, пока, наконец, Варнипаз не предложил:

— Раз остров изначально был британским, думаю, что Великобритания должна нести какую-то ответственность за него, хочет она этого или нет. Не можем ли мы, в таком случае, обратиться за помощью к Великобритании? Она далеко от Рио?

Грахам покачал головой:

— Почти треть земного шара отсюда, и они пошлют нас по тому же кругу.

— Должен сказать,— заметил Варнипаз, — что до сегодняшнего дня у меня было довольно слабое представление о вашей так называемой цивилизованной планете. Бразилия не помогает нам по своим причинам, Великобритания — по другим, а Всемирная Федерация — по третьим. Будь мы на Кришне, я бы организовал свою собственную экспедицию. Наверное, и здесь мне придется это сделать, хотя времени совсем не остается.

В этот момент подтянутый лейтенант Гил начал что-то говорить своему шефу, но на таком беглом португальском, что Грахам не мог разобрать ни слова.

Когда он закончил, Васконселлос произнес:

— Возможно, еще не все потеряно, синьоры. Мой помощник напомнил мне, что нам все равно надо выполнить тренировочные полеты и мы собирались послать наши большие спасательные самолеты в дальний полет для навигационной практики. И если вы и синьор Рейнольд согласитесь рискнуть и сами предпринять атаку на остров, мы можем сбросить вас туда на парашютах...

— Мне это вполне подходит, — согласился Варнипаз.

Грахама не очень вдохновляла перспектива атаковать остров небольшой группой, неизвестно какой численности — может, по пальцам одной руки пересчитать. Но он не мог допустить, чтобы соперник превзошел его в отваге, и поэтому кивнул.

— И я тоже! — воскликнул Гил.— Я хочу, чтобы меня взяли в эту экспедицию добровольцем! Я устал от бумаг, устал от докладов, устал от рутины. Я хочу побывать в настоящем бою, даже если я там умру. Por favor[38], генерал...

— Paciencia[39], мой мальчик,— улыбнулся Васконселлос.— Если этим планам суждено сбыться, тебе тоже представится шанс. Как насчет вылета завтра днем?

— Слишком поздно,— возразил Грахам.— А почему не сегодня?

Генерал посмотрел на часы:

— Надо будет кое-что приготовить, но можем успеть. Так-так... Мы можем выбросить вас сегодня вечером и забрать завтра утром, если вы к тому времени еще будете живы, а остров не окажется под водой. Придумал! Если землетрясение причинит разрушения Скале, мы можем высадить там несколько человек в качестве гуманитарной миссии для спасения жертв природного катаклизма. Мы вправе так действовать в чрезвычайных ситуациях.

Грахам поинтересовался:

— А почему бы вам не высадить ваших людей до катастрофы, чтобы предупредить ее?

Васконселлос покачал головой:

— Как ни печально, но это незаконно. У моего предшественника начались большие неприятности с прокуратурой, когда он так поступил. Но мы сделаем все, что в наших силах. Послушайте, вам необходимо кое-какое снаряжение, но я не могу просто так передать вам на несколько тысяч долларов спасательных плотов, оружия и тому подобного. В моих силах только помочь вам заключить договор с исследовательским отделом, по которому вы получите в аренду снаряжение и будете обязаны не только вернуть все в целости и

[38] Пожалуйста *(порт.)*.

[39] Спокойствие *(порт.)*.

сохранности, но и подробно доложить, как оно использовалось. Согласны?

Грахам и Варнипаз кивнули.

— Хорошо,— резюмировал Васконселлос.— Гил, проводи наших гостей к генерал-коменданту и позаботься, чтобы какой-нибудь грамотный офицер помог им выбрать снаряжение. Потом подготовь текст договора и отнеси его в исследовательский отдел. Никто из этого здания вечером не уйдет, пока последняя бумага не будет подписана. Это приказ. И позвони капитану Дантасу по поводу навигационного полета. Я хочу, чтобы эти люди попали на остров до завтрашнего утра...

Глава 8

Лейтенант Мануэль Гил посмотрел через инфракрасный прицел автомата и спросил:

— Вы, джентльмены, когда-нибудь прыгали с парашютом?

— Н-нет,— ответил Грахам и решил не добавлять, что не хотел бы прыгать в будущем. Хотя он считал себя хорошо физически подготовленным, прыжок из летящего в небесах самолета никогда его не привлекал.

Все было подготовлено к сроку. Временами, однако, он в душе жалел, что самолет не сломался или что какие-то чиновники не запретили экспедицию вовсе. В то же время он горел желанием спасти Джеру-Бхетиру, а столкновение этих противоположных эмоций делало его несчастным. И скоро он сидел в арендованных у бразильской Федеральной полиции сапогах, рубахе и штанах, скрючившись в полутемном фюзеляже самолета, слушая монотонный гул двигателей и глядя, как Гил проверяет остальное арендованное снаряжение.

— А теперь,— зловещим голосом промолвил Гил,— лучше вам идти первыми. Мне надо быть уверенным, что вы прыгнули.

Скляр посмотрел на часы. Грахаму показалось, что лицо Скляра, еле видное в полумраке, было таким же бледным, как и его собственное.

— Когда надо быть готовыми? — спросил Скляр.

— В любой момент,— отозвался Гил.— Помните, мы все должны прыгать быстро, или нас раскидает по всему острову и мы никогда друг друга не найдем. Все изучили карты?

Грахам еще раз посмотрел на свою. Джорджтаун находился на северо-западном берегу, чуть к югу от северной оконечности крупного полуострова. На востоке полуострова точкой была отмечена черепашья ферма Теофило Марча. Им

надо было выпрыгнуть над восточным берегом, примерно в километре к югу от этой точки.

Грахам уточнил:

— Насколько я понял, ты собираешься спрятать плот у восточного берега. Но это наветренная сторона, она находится н-на пути юго-восточных пассатов. Не лучше ли нам попробовать зайти с подветренной стороны?

Гил отрицательно покачал головой:

— Нет. На западной стороне острова Вознесения было что-то вроде формирования океанского дна, поэтому там такие страшные камни, каких ты никогда не видел. По три-четыре метра высотой. Нужна хорошая десантная команда, чтобы через них пробраться.

— Тогда почему Британия заложила свой Джорджтаун с той стороны?

Гил пожал плечами:

— Думаю, только там нашлась поблизости пресная вода и хорошее место для высадки. На Скале мало удобных причалов: повсюду острые обломки лавы и узкие каменистые берега, с которых надо карабкаться вверх по скалам, чтобы пройти вглубь острова. По-моему, вообще лучше бы его отдать обратно крачкам и черепахам.

Динамики что-то проквакали по-португальски, и Гил перевел:

— Скала уже видна впереди. Будьте готовы.

Все встали и проверили снаряжение. У каждого из четверых был пистолет и парашют. Вдобавок у Гила был автомат со снайперским прицелом, у Скляра — шокер, у Грахама подзорная труба и кое-какая амуниция для Гила, а у Варнипаза сумка с взрывчаткой и запалами. Неуклюже двигаясь под своей ношей, они подтащили к дверям большую сумку со спасательным плотом.

— Осталось две минуты,— сказал Гил.— Арраез сделает круг перед выброской.

Грахам наклонился к ближайшему иллюминатору и прикрыл глаза руками от отблесков света в самолете. Впереди, на северо-востоке, светлая дорожка от недавно взошедшей луны упиралась в темную гору. Когда его глаза привыкли к темноте, Грахам увидел, что остров Вознесения намного

больше, чем он думал, судя по прозвищу «Скала», хотя с самолета определить размер точно невозможно, если не сравнивать с чем-то известным. Он вспомнил по своей работе над проектом Гамановия, что ширина острова километров десять, а длина — пятнадцать.

Когда они подлетели к северной оконечности острова, рокот двигателей стал глуше. Грахаму показалось, что он видит огоньки справа по борту. Это должен был быть Джорджтаун. Предстояло решить непростую задачу: как предупредить о цунами связистов, которые там живут. Если воспользоваться обычной радиосвязью, то бандиты тоже могут поднять тревогу. Грахам подумал, не послать ли сообщение по телеграфному кабелю, с предупреждением ничего не рассказывать обитателям черепашьей фермы. Джорджтаунцам следовало перебраться со всеми пожитками из своих домов в места повыше.

Где-то там, подумал Грахам, должна быть и черепашья ферма Марча. Когда самолет стал снижаться, Зеленая гора справа по борту закрыла звезды, а когда они повернули к югу, она оказалась у них впереди по курсу.

— Приготовиться! — скомандовал Гил.— Помните, что хотя я сейчас вам приказываю, как только мы окажемся на земле, командование переходит к Скляру.

Один из членов экипажа встал у дверцы, взявшись за ручку. Гил внимательно смотрел на свои часы. Из динамика раздался резкий свист, и дверца открылась. Самолет сразу наполнился потоками воздуха и гулом.

Гил сунул Грахаму ручку сумки с плотом. Он и лейтенант стояли у дверцы с тюком в руках, держась друг за друга.

Динамики свистнули во второй раз.

— Прыгаем! — скомандовал Гил, и они шагнули к выходу.

Сначала вниз полетел плот. Грахам почти выпал из дверцы и инстинктивно схватился за ее край, чтобы задержаться, но тут же был выброшен наружу сильным толчком пониже спины. Падая в темноту и несущиеся навстречу потоки воздуха, он успел услышать далеко вверху голос Гила: «Ты следующий...»

В первые секунды сердце у него едва не остановилось от страха, а все мускулы словно свело судорогой. Мир вокруг

бешено вращался. Потом Грахам вспомнил, что надо выдернуть кольцо. Купол парашюта раскинулся над ним подобно лепесткам цветка, и мир вокруг перестал вращаться. Сумасшедший ветер снизу стих, а рев в ушах сменился тихим шелестом купола над головой. Снизу и сбоку от него луна освещала огромный купол парашюта со спасательным плотом.

Он посмотрел на самолет, уже почти неразличимый, если бы не быстро удалявшиеся бортовые огни. Однако он услышал, как снова взревели двигатели. Кто-то мигнул фонариком в воздухе выше него. Кто-то прокричал:

— Эй, Варнипаз? Ты там, Грахам? Все в порядке?

Они перекликались, пока не определили, кто под каким парашютом спускается. Взгляд вниз едва снова не поверг Грахама в шок. Ему показалось, что они падают в Атлантический океан.

— Эй, Гил! — воскликнул он.— Мы спускаемся в море!

Добраться до берега в такой амуниции было бы не просто. Грахам хорошо плавал, но все-таки он не дельфин.

— Ветер отнесет нас к острову,— успокоил его Гил.— Надеюсь только, что Арраез сделал правильную поправку на ветер, или нам придется тащиться на переполненном плоту до берега. Помните, что я вам говорил о приземлении: скорее, чем на Скале, ноги нигде не сломаешь.

Их несло ветром к острову, и берег с мерцающими бурунами все приближался. Грахам понял, что приземлится на камни. Он приготовил свой фонарик. Шум прибоя становился все громче.

Берег скользил под ногами, и из темноты внизу донесся стук от удара тюка с плотом о склон. Грахам включил фонарик и направил луч вниз. Навстречу ему летел остров — холмы из застывшей лавы. Скоро стали видны отдельные валуны и мелкие камни. Он согнул ноги перед приземлением, ощутил сильный удар и упал на спину. Купол парашюта опустился на скалы.

— О-ох! — пробормотал он.

Острый камень расцарапал ему левую руку, но в остальном все было в порядке. Гордон освободился от парашюта и встал.

В этот момент рядом с таким же стуком приземлились остальные трое. Грахам услышал, как они возятся в темноте, в сопро-

вождении целой симфонии ругательств: Гил по-португальски, Варнипаз по-сотаспийски, и Скляр не то по-чешски, не то еще на каком-то славянском языке.

Скляр перешел на английский:

— Я приземлился на кактус, будь он проклят! Идите все за мной к берегу. Разговоры прекратить.

Грахам почувствовал теплый влажный ветер, незаметный, пока они опускались со скоростью окружающих воздушных потоков, а теперь оказавшийся достаточно сильным, чтобы ворошить его волосы и одежду. Но, по крайней мере, шум ветра и волн помогал им оставаться незамеченными. В воздухе пахло гнездами крачек.

Освещая себе дорогу фонариками, они кое-как собрались вместе и начали спускаться к воде, придерживаясь небольшой лощины, которая выходила на берег. Идти было тяжело, местами приходилось огибать валуны, карабкаться по камням и помогать себе руками.

Плот лежал у подножья небольшой скалы. Скляр и Гил вытащили его из тюка, и, после коротких переговоров, лейтенант открыл клапан для заполнения плота газом. Сжатый газ начал со свистом выходить из баллона, и плот, как живой, стал раздуваться, а его складки, заполняясь, с шелестом развертывались.

— Не хотелось мне делать это заранее,— пробормотал Скляр,— но, когда будем возвращаться, надувать его может оказаться некогда. Прикрепите плот как следует, чтобы его не унесло приливом в море.

Когда носовой фалинь был крепко привязан к ближайшему камню подходящего размера, они вытащили подвесной мотор из специального отсека.

— Лучше его тоже присоединить,— решил Скляр.— Потом не до того будет.

Гил установил мотор на место, и его киль с винтом повис с кормы плота причудливым хвостом. Между тем Скляр ехидно поинтересовался:

— Вы двое, как насчет того, чтобы снять с моих штанов эти колючки? Что-то мне не хочется спасать прекрасных дам с задницей, полной иголок.

Грахам и Варнипаз выполнили его просьбу, светя себе фонариками. Варнипаз задумчиво промолвил:

— Надо было мне получше выяснить, что представляет собой наш статус. Понимаю, что ты, Скляр и я, по земным законам, вправе производить аресты, но мне неясно, почему можно обойтись без ордеров. А что касается Гила...

— О-ох! — простонал Скляр.— Полегче там. Оставь свои лекции на потом.

— Мотор на месте,— доложил Гил.

— Тогда вперед,— приказал Скляр, и они пошли по берегу. Сначала идти было легко, но потом опять пошли валуны, через которые перелезали, кто как мог. Скала слева от них, вначале нависавшая над головами, опустилась до уровня глаз, потом снова поднялась и круто ушла в воду.

— Эй, берега дальше нет,— отметил Скляр.— Можем пойти вброд?

— Не знаю,— усомнился Гил.— Подержите-ка мой автомат.— И бразилец осторожно пошел вперед по мелководью, прижимаясь к скале. Однако через несколько шагов он погрузился почти по пояс в воду. Большая волна захлестнула его с головой. Он повернул лицо на свет фонариков:

— Здесь не пройти. Надо вернуться назад и искать дорогу через остров.

У Грахама неотвязно вертелась в голове мысль, что в любой момент вода может вздыбиться на несколько метров, а то и еще выше — намного выше своего обычного уровня. Единственным безопасным местом в такой ситуации оставалась возвышенность на острове. Можно еще выйти подальше в море, где валы цунами всегда слабее. Так как вода перед приходом цунами сначала опускается, то до ее подъема у них будет по крайней мере несколько минут, может даже полчаса, чтобы укрыться. Если они выйдут в море, как только начнется этот отлив, то успеют отойти на безопасное расстояние от берега, прежде чем накатит большая волна.

Держа эту мысль в голове, Грахам сказал:

— А почему бы нам не взять плот? Можем высадиться на берег как раз у черепашьей фермы?

— Нет,— возразил Скляр.— Никакого прикрытия. Может, и сработает, но если нас заметят с берега, то перестреляют, как куропаток.

Они вернулись, карабкаясь по валунам, назад, нашли другую расщелину в скалах и пошли по ней. Кое-где встречались редкие растения, но в целом камни были голыми и безжизненными.

Когда они огибали большой валун, впереди, на границе луча фонарика, мелькнуло что-то белое. У Грахама душа ушла в пятки, а Гил, с коротким нервным смешком, сказал:

— Коза. Бегают здесь дикими на свободе.

Они поднимались вверх по расщелине, вспотев от напряжения, пока не вышли на относительно плоскую равнину. После короткого отдыха снова двинулись в путь, уточнив направление по карте и звездам. Грахам шел за Скляром, и его тихо, но непрерывно обдувал ветерок.

Серп луны висел высоко в небе, и Грахаму показалось, что они прошли уже несколько километров, когда Скляр сказал:

— Выключите фонарики, мы приближаемся.

Грахам споткнулся о потек лавы. Поверхность острова здесь медленно шла под уклон к берегу справа, а не обрывалась внезапно в море, как в других местах. Когда они спустились ниже, Грахам увидел в лунном свете на земле что-то вроде следов, идущих от берега. Он услышал, как Гил за ним споткнулся и упал, шепча проклятия.

— Тихо,— негромко скомандовал Скляр.— Рассредоточьтесь.

Он вел группу по склону вниз, к берегу. Когда они подошли поближе, Грахам стал различать контуры черепашьей фермы: стоящие неподалеку от берега строения и дюжина чанов у воды, в которых Марч выращивал своих питомцев. Грахам бросил взгляд на море. По-прежнему никаких признаков цунами, этой ужасной водяной горы, не наблюдалось...

— Надо посмотреть в подзорную трубу,— распорядился Скляр.

Грахам протянул ее констеблю.

Пока Скляр осматривал местность через трубу, Гил делал то же самое с помощью оптического прицела на автомате. Спустя несколько секунд Скляр протянул подзорную трубу обратно Грахаму, который тоже через нее посмотрел. Гил предложил свой автомат Варнипазу, но он прошептал:

— Нет, спасибо. Сетчатая оболочка моих глаз чувствительнее к инфракрасному излучению, чем ваша, поэтому я хорошо все вижу.

— Похоже, они все спят,— заключил Скляр,— но если я не ошибаюсь, они наверняка держат мисс Джеру под замком, и кто-то за ней присматривает. О том, что сталось с Веном, они еще не знают, поэтому, может быть, незваных гостей здесь не ждут. Варни, пойдешь со мной слева от чанов, а вы двое обойдите справа и попытайтесь найти охранника. Идите осторожно и держите головы пониже.

Он пригнулся, и остальные тоже. Грахам шел за Гилом, который через каждые несколько шагов поднимал голову над чанами и обозревал окружающую обстановку через свой прицел. Из чанов слышались слабые звуки, наверное, там двигались черепашки.

Они дошли до конца ряда чанов и едва успели повернуть влево, как услышали резкое: «Тс-с!». Они поспешили вперед, к Скляру и Варнипазу. Кришнанец прошептал:

— Мы нашли его! Перед небольшим домиком в южном конце фермы!

— Бетонный домик с маленькими окнами у крыши? — уточнил Гил.

— Совершенно верно.

— Скорее всего, это опреснительная установка.

Скляр распорядился:

— Нельзя взрывать эти дома, пока не узнаем, в каком из них находится девушка. Но можно произвести разведку. Варни, иди со своим снаряжением к северному концу фермы и приготовь там все для хорошего взрыва, и чтобы было побольше огня. Но ничего не взрывай, пока не услышишь с нашей стороны стрельбы. А потом возвращайся побыстрее к нам.

— Пусть лучше это сделает Гил,— предложил Варнипаз.— У меня нет опыта подрывника.

После этих его слов Гил взял сумку и скрылся в темноте. Остальные начали подкрадываться к охраннику у опреснительной установки.

— Он за углом,— выдохнул Скляр, протягивая подзорную трубу Грахаму. Констебль достал свой шокер, поднял его и протянул за угол здания, за которым они укрывались.

Послышался прерывистый треск.

Невидимый охранник вскрикнул, согнулся пополам, и пистолет из его руки со стуком упал на землю.

Трое разведчиков выскочили из-за угла, за которым укрывались, и увидели освещенного лунным светом человека, лежащего на земле, рядом со своим пистолетом. Глаза охранника были открыты, и он слегка шевелился — очевидно было, что разряд шокера он пережил. Это был Хэнк, служитель пляжа в Бей-Хеде.

Грахам осмотрел домик. Как и говорил Гил, это было бетонное строение, без настоящих окон, только с маленькими отверстиями наверху каждой стены, которые служили скорее для вентиляции, чем для чего-то еще.

Деревянная дверь оказалась очень прочной и была закрыта на замок.

Скляр пошарил по карманам охранника:

— Ключа нет. Этот Тейерхия не дурак. Позови, может, она ответит.

Грахам приложил губы к двери и проговорил:

— Бетти! Бетти!

Через полминуты таких окликов он услышал шепот:

— Это ты, Городон?

— Да. Держись, мы пришли тебя оттуда вытащить.

— А ну с дороги, сынок,— скомандовал Скляр и попробовал открыть замок своей отмычкой. После нескольких неудачных попыток он сокрушенно признался: — Не получается. Придется взрывать замок. Грахам, возьми подзорную трубу и найди Гила. Передай ему, чтобы устроил небольшой взрыв и возвращался к нам.

Грахам взял подзорную трубу и направил ее на дальний конец фермы. Он увидел, что Гил лежит у стены дальнего дома и готовит взрыв.

Гордон поспешил к нему и передал приказание Скляра. Бразилец задумчиво сказал:

— Надо взять с собой немного взрывчатки. На обратном пути она нам пригодится. Можно будет взорвать ту проклятую скалу.

Он закончил все приготовления, чиркнул зажигалкой и поднес огонек к концу бикфордова шнура. Когда пламя

с шипением побежало по шнуру, они бросились к другому концу фермы.

Грахам у опреснительной установки спросил:

— Что будем делать? Взрывы подготовлены.

Скляр ответил:

— Когда они выскочат, хочу попробовать сбить замок вот этим.— Он похлопал рукой по автомату.

— А выстрелы не пробьют дверь? Не ранят Бетти?

— Я сказал ей, чтобы встала за охлаждающим змеевиком, так что она будет в безопасности.

Бба-ам!

В небо взметнулся сноп пламени, и через мгновение до них докатилась ударная волна. За основным взрывом последовало несколько маленьких, а по стенам дома заплясали отблески розового пламени.

Ночную тишину разорвали громкие голоса, но их заглушили новые взрывы. Захлопали двери, послышался топот ног.

— Идите сюда,— велел Скляр.— За угол, чтобы вас не задело рикошетом.

Констебль лег спиной на землю, ногами к опреснителю, и открыл огонь по замку деревянной двери. Грохот стрельбы поглотил остальные звуки.

— Сезам, откройся!— изрек Скляр, и трое членов его команды вышли из-за угла дома, где содержалась заложница. На месте замка зияла темная дыра. Дверь немного потрясли, и она распахнулась.

— Бетти! — позвал Грахам.

— Иду,— отозвалась она и вышла из-за змеевиков.

— Скорее,— поторопил ее Скляр.

Джеру-Бхетиру вышла из дома, и Грахам увидел, что весь ее наряд составляют огромные мужские штаны и пара легких босоножек.

— Эй! — послышался оклик, и к ним от дальних строений двинулся человек.

Скляр, не выпускавший из рук автомата, поднял его к плечу и дал очередь.

Человек упал. Тут же автомат клацнул в последний раз и затих. Его обойма была пуста.

— Перезаряди,— распорядился Скляр и кинул автомат Гилу, который снял с пояса запасную обойму и вставил на место.

Они побежали к югу тем же путем, каким пришли на ферму. Свет от пожара освещал дорогу, и фонарики пока не требовались. Словно в ответ на зарево пожара, горизонт на востоке начал светлеть перед восходом солнца.

Где-то сзади них прозвучали выстрелы. Потом снова. И еще раз. Пуля ударила в камень и вжикнула в сторону.

Скоро пламя пожара перестало их освещать, и они сбавили шаг. Гил сказал:

— Вы идите вперед, а я вас прикрою.

Он присел за камнем на одно колено и прицелился в темные фигурки, двигавшиеся со стороны фермы и выделявшиеся четкими силуэтами на фоне пожара.

Грахам понемногу успокоился. Его прежний страх прошел, и ему захотелось тоже пострелять. Он поставил рукоятку пистолета на ближайший камень и стал целиться. Автомат Гила продолжал стрелять, и фигурки вдали рыскали в стороны и пригибались. Грахам нажал на спусковой крючок. Его рука почувствовала отдачу, но расстояние до цели оказалось слишком большим для стрельбы из пистолета. Он даже не знал, попал ли в кого-нибудь. Противников было вообще не видно, только среди камней мелькали вспышки выстрелов и слышались хлопки.

— Пошли,— поторопил его Гил.— Надо стрелять по очереди, а не обоим вместе.

Грахам неохотно подчинился и скоро благодаря своим длинным ногам догнал остальных. Они быстро шли вперед, не включая фонарики, которые могли стать мишенью для выстрелов преследователей. Неожиданно к нему подошел Гил и предложил:

— Мистер Гордон, если хотите в свою очередь открыть огонь, вот вам.— И он протянул свой автомат.— Смотри не задерживайся, только останови их, чтобы они залегли.

Грахам выбрал местечко у двух валунов с удобной впадиной между ними. Он подождал, пока шаги его товарищей стихли вдали. Как жаль, подумал он, что шокер Скляра действует на такой короткой дистанции...

Скоро вдали показался свет. Кто-то медленно приближался, освещая себе дорогу мощным фонарем. Грахам прицелился на свет и нажал на спусковой крючок.

Свет погас. Послышались крики, топот бегущих и спотыкающихся людей. Грахам решил, что они могут открыть огонь по вспышкам его автомата, и нырнул за больший из двух валунов. И вовремя, потому что тут же прогремели выстрелы, и пули с омерзительным звуком зачиркали по камням. Потом раздался резкий треск, и издали протянулась голубая светящаяся лента, упиравшаяся в скалы справа от Грахама. Скорее всего, это был след от осирианского шокового пистолета.

Кр-рак!

Снова протянулась голубая лента, и так близко к Грахаму, что его слегка дернуло током.

Грахам обогнул валун, тщательно прицелился, пока не удостоверился, что держит на мушке вспышки пистолета одного из преследователей, и дал очередь. Потом, не тратя ни секунды, чтобы посмотреть на результат своей стрельбы, он нырнул за валун и начал карабкаться прочь. Бандитам понадобится время, чтобы понять, что он ушел.

Теперь он мог двигаться немного быстрее, потому что благодаря свету с востока стали видны контуры камней под ногами, хотя их цвет было еще не разобрать. Он догнал своих товарищей как раз тогда, когда они приблизились к расщелине, по которой несколькими часами раньше вышли к берегу и которая теперь походила на мрачную дыру в темной отвесной скале.

— Сюда,— позвал Гил, подтягиваясь на руках и наполовину заползши в расщелину. Грахам протянул ему свой автомат.

В этот момент внизу посыпались камни, и из темноты раздался стон.

— Что случилось? — спросил Грахам, в свою очередь залезая в расщелину.

— Я подвернул ногу,— ответил Варнипаз, потом добавил: — Все в порядке, идти могу.

Грахам, карабкаясь, словно обезьяна, пополз вслед за своими товарищами. К немалому своему удивлению, он обнаружил,

что, как бы ни отличались внутри кришнанцы и земляне, вывихи и растяжения им были свойственны примерно те же.

Где-то сзади снова прозвучала автоматная очередь. Потом грохот осыпающихся камней перекрыл шум прибоя, и тогда Гил остановился, преградив дорогу Грахаму.

— Погоди-ка минутку! — попросил бразилец шедшего впереди Варнипаза.— Прежде чем идти дальше, дай мне пару динамитных шашек.

Кришнанец остановился и вытащил из своего ранца взрывчатку. Гил и Грахам прикрепили к ним бикфордовы шнуры, подожгли и бросили их как можно дальше вверх по расщелине.

После этого они побежали. Скляр и Джеру-Бхетиру уже были далеко впереди. Грахам обогнал Варнипаза, который прихрамывал на одну ногу. Теперь надо было спешить. До этого момента сама природа была на их стороне. Валуны помогали держать оборону, дорога под ногами была хорошо видна в предрассветных сумерках, которые все же мешали стрельбе их преследователей. Но скоро беглецы будут видны как на ладони в лучах солнца.

Подойдя к тому месту на берегу, где они оставили спасательный плот, Грахам увидел, что Скляр уже отвязал фалинь и положил на суденышко свой шокер.

— Ты и Варни,— распорядился он,— берите за корму, потому что она тяжелее. Я понесу за нос. Смотрите, чтобы винт не ударился о камни.

Они подняли плот, а Гил в это время устроился у основания скалы и нацелился из автомата туда, где расщелина выходила на берег.

Когда они подошли к тому месту, где должно было быть море, Грахам с ужасом увидел, что воды там нет. Начался отлив, и пока они приближались к воде, она все быстрее отступала.

— Цунами! — воскликнул Грахам.— Надо догнать воду и скорее выходить в море!— Он оглянулся назад: — Гил, давай сюда! Приближается волна!

Раздалась короткая очередь, и Гил бросился к ним. Со стороны ущелья послышалось глухое «бу-ум», и Грахам краем глаза

увидел взметнувшиеся в воздух пыль и камни. Он не мог сказать, причинили ли взрывы вред их врагам. Гил бежал к ним со всех ног. Беглецы тащили плот по пологому склону, по щиколотку в тине, обходя холмики застывшей лавы. На обнажившемся морском дне лежали водоросли и били хвостами рыбы.

Резкий хлопок и светящийся электрический луч заставили Грахама обернуться. В зыбком утреннем свете он увидел неясные контуры на вершине скалы и другие, спускающиеся на берег. Ему показалось, что среди них была высокая коренастая рептилия — Тейерхия. Раздались выстрелы, и вокруг угрожающе засвистели пули.

Гил повернулся, скакнул за камень, прицелился из автомата — и вдруг скорчился и выронил его.

— Подержите! — крикнул Грахам, отпуская свой край плота.

Он вернулся на несколько шагов. Одного взгляда на Гила оказалось достаточно, чтобы понять — молодой человек был мертв, так как ему снесло изрядную часть головы.

Грахам поднял автомат и выстрелил в движущиеся фигурки. После короткой очереди оружие дало осечку. Грязь попала, подумал Грахам и несколько раз передернул затвор, пока он не стал двигаться свободно. Потом выстрелил еще несколько раз. Преследователи укрылись за камнями или бросились плашмя на землю.

Пули и электростатические дуги свистели за спиной Грахама. Он почувствовал резкий толчок в правую руку, казалось, ее чуть не оторвало ударом, а затем сильную боль. Он посмотрел вниз: пуля пробила рукав его рубахи и слегка задела предплечье. К счастью, это была лишь небольшая рана, хотя ужасная современная разрывная пуля могла оторвать руку напрочь. Он дал еще одну очередь. Ну почему враги всегда кажутся такими маленькими в прорези прицела, гораздо меньше, чем когда просто на них смотришь? Затвор еще раз клацнул, и раскалившийся автомат снова замолчал. Патроны кончились.

Грахам встал и побежал за своими товарищами. Уже совсем рассвело, и морское дно под ногами было хорошо видно. Он обогнул большой валун и перескочил через маленький.

Варнипаз все еще хромал, и Джеру-Бхетиру подхватила край плота, который выпустил Грахам.

— Гил? — коротко спросил Варнипаз.

— Ему конец,— ответил Грахам.

Они почти догнали уходящую воду. Скоро Скляр шагнул в прибой и бросил передний край плота. Остальные тоже отпустили его и забрались через борта внутрь. Грахам швырнул автомат на дно утлого суденышка и следом вскочил сам. Он осмотрел двигатель и нашел кнопку запуска. Мотор взревел, из-под быстро вращающегося винта побежали назад буруны воды. Плот разогнался, а быстро уходящая от острова Вознесения вода добавила ему скорости. Казалось, что они летят на самолете.

Позади все еще слышались выстрелы. Грахам сменил пустую обойму на запасную и открыл ответный огонь по берегу, хотя преследователи были теперь так далеко от раскачивающегося плота, что он мог лишь посылать пули веером в сторону острова в надежде ослабить ответную стрельбу. Скляр и Варнипаз добавили к его заградительному огню несколько выстрелов из своих пистолетов.

— Э-эй! — крикнул Скляр с носа.— Приближается твоя волна. Кто-нибудь умеет молиться?

Грахам поставил автомат на предохранитель и посмотрел вперед. Он привык обсуждать такие явления, когда изучал цунами, но ему вовсе не хотелось сталкиваться с ними в реальной жизни. Однако теперь, похоже, такая встреча была неизбежной, хотел он этого или нет.

Вызванный землетрясением вал двигался отнюдь не в виде волны прибоя, пусть и размером со скалу. Вместо этого, казалось, весь горизонт приблизился к ним на расстояние вытянутой руки и постепенно поднимался к небу. По мере подъема плот замедлял движение. Обнажившееся морское дно и берег за их спинами, наоборот, опускались ниже и ниже. А впереди водяной склон расширялся во все стороны подобно большой горе.

— Смотрите! — крикнула Джеру-Бхетиру, показывая на берег.

Они уже были на высоте небольшой скалы и поднимались все выше. Вода перестала отступать и двигалась к острову. Далеко позади и внизу пенящаяся волна катилась к берегу по обнаженному морскому дну. Они продолжали

подниматься и скоро оказались на уровне самой высокой точки северной оконечности острова, откуда хорошо просматривалась поверхность океана вокруг. Справа Грахам видел ферму Марча, пока ее не накрыла волна, освободив тысячи черепашек. Теперь плот на вершине огромного водяного холма быстро двигался к острову.

На берегу маленькие фигурки, казавшиеся с такого расстояния крошечными пятнышками, отчаянно взбирались на уступ. Вода с ревом ударила в скалы и через мгновение полностью их поглотила. Затем склон водяной горы накрыл всю сушу впереди. Плот двигался все быстрее к северу и в сторону берега, и его начало крутить как волчок. Мощное течение огибало северную оконечность острова Вознесения, поднимаясь все выше, пока все вокруг не превратилось в один бушующий поток несущейся воды. Грахам крепко схватился за фальшборт и надеялся, что их не перевернет. Отовсюду слышался рев воды.

Плот швыряло как щепку. Вокруг кипели буруны, разбрасывая в воздухе фонтаны брызг. Вода уже поглотила северную оконечность острова Вознесения, мимо которой их сейчас проносило. Одна струя обходила остров с северной стороны, а другая — с южной, и они встречались, поднимая многометровые волны.

Грахам во всю силу легких крикнул: «Держитесь!», но сам не услышал своего голоса.

Вся северная часть острова была под водой, кроме нескольких самых высоких скал, вокруг которых она бешено вращалась. Плот начал скользить вниз по склону к водовороту на подветренной стороне, который, хоть и уменьшался, но продолжал кипеть бурунами.

Потом они попали в водоворот. Грахам вдохнул поглубже и задержал воздух в легких. Казалось, их несет по стене воды, и через несколько секунд вокруг не было ничего, кроме зеленобелой пены. Потом, когда уже казалось, будто легкие вот-вот взорвутся, Грахам обнаружил, что может дышать свободно. Плот вынесло на поверхность, и их вместе с ним, кашляющих, насквозь мокрых и отчаянно сжимающих свои веревки. Плот все еще был во власти волн, и вода плескалась у ног его пассажиров, но, по крайней мере, они могли дышать. Однако

автомат и другое снаряжение утонули, а двигатель замолк.

Когда они выкашляли воду из легких и вытерли глаза, Грахам увидел, что их несет к острову. Воздух был наполнен криками тысяч крачек, гнезда которых поглотила вода. Взошедшее солнце освещало красно-коричневые контуры острова Вознесения и его сорока вулканов, самым высоким из которых была Зеленая гора.

Северный полуостров начал появляться из-под воды — сперва вершины холмов тут и там, потом гребни и, наконец, более мелкие скалы с камнями вокруг них.

Между тем обратный поток первой волны потянул их мимо конца полуострова. Через несколько минут он полностью показался из воды, которая стекала с него, вздымая фонтаны брызг. Скоро уровень моря понизился до обычного, потом новая волна снова пронесла их мимо острова, и это еще раз повторилось. Однако эта и следующая волны уже почти не поглощали полуостров, а накатывали на него, подобно приливу и отливу.

Четверо на плоту — двое землян и двое инопланетян — смотрели на мрачный, пустой остров. Грахам взял привязанное веревкой ведро и начал вычерпывать воду.

— Что это? — спросил, кашляя, Варнипаз.

— Где? — переспросил Скляр.

— Похоже на крики, словно кто-то зовет на помощь. Где-то там.— Варнипаз показал направление.

— Не думаю, что кто-то после всего этого мог выжить,— усомнился Скляр.— Может, одна из этих морских чаек.

Грахам возился с двигателем, который никак не хотел запускаться. Наконец он взялся за весла.

— Если вы немного подвинетесь, я попробую погрести,— предложил он.— Мистер Скляр, возьмите рулевое весло на корме.

— Ты умеешь грести? — вскинул брови Скляр.

— Я... э-э... у меня есть небольшой опыт.

— Туды-растуды, тогда будешь капитаном.

Солнечный диск к этому времени наполовину поднялся над горизонтом. Грахам посмотрел на Джеру-Бхетиру, которую ее неприкрытая полунагота делала самым желанным для него существом на Земле. Он осведомился:

— Бетти, кто все это на тебя надел?

Она объяснила:

— Когда в Рио меня сажали в самолет, я попыталась сбежать. Они поймали меня, но моя одежда была настолько изодрана, что вместо нее мне дали это. Но что это с твоей рукой? Ты ранен?

— Всего лишь царапина,— бросил он, но дал ей перевязать руку.

Крики повторились, теперь уже все могли их расслышать. Скляр повернул плот. Когда волна подняла его, они увидели две темные точки между ними и берегом. Грахам нажал на весла, и скоро они подплыли к утопающим. Один оказался толстым лысым Варшауэром, а другой лемуроподобным инопланетянином — Адзиком с Тота.

— Ну,— усмехнулся Гордон Грахам,— чрезвычайно рады вас здесь видеть. Н-не бойтесь, вы среди д-друзей.

Он потянулся за пистолетом, но Скляр остановил его:

— Эй! — Он кашлянул.— Не стреляй из такого мокрого пистолета. Его разорвет.

После этого Грахам порылся в отсеках плота, пока не нашел складной гарпун из трех секций. Когда плот приблизился к Варшауэру, который отчаянно бил по воде руками и цеплялся за фальшборт, Грахам взял наизготовку гарпун. Он обратился к толстяку:

— Отлично, а теперь говори, что все это значило?

— Я не буду ничего говорить, пока не встречусь со своим адвокатом,— заявил Варшауэр.

— Да? — Грахам направил гарпун ему в лицо.— Хочешь, чтобы я воткнул острие тебе в живот и повернул его несколько раз?

— Ты не сделаешь этого!

— Скоро увидишь. И к тебе относится то же самое,— сказал он Адзику, который подплыл вместе с Варшауэром и тоже держался за фальшборт.

Варшауэр выкашлял немного морской воды и буркнул:

— Ладно, твоя взяла. Особенно если учесть, что банда Адзика нас кинула. Адзик,— он откашлялся,— возглавлял этот синдикат на Земле, а Тейерхию просто наняли как гипнотизера для нас. Меня он тоже взял под свой контроль, поэтому я ничего не мог сказать, пока почти не утонул, и это, похоже,

освободило меня от клятвы.

— Какая ставилась цель?

— Заселить Гамановию тотианцами, дубина.

— Как?

— Адзик — член тайного синдиката, большинство его членов тоже входят в правительство. Они обо всем договорились на Тоте. Они хотели сделать так, чтобы Гамановия поднялась из воды до начала действия договора в Марчем, тогда он стал бы владельцем всего континента. Или Аурелио, который купил Скалу у Марча.

— И что потом?

— Джо подписал соглашение о продаже континента синдикату, который, в свою очередь, с фантастической выгодой продал его тотианскому правительству. До того как на Земле разобрались бы во всей этой каше, на континенте уже жило бы множество тотианцев, прилетевших на космических кораблях.

— Это им даром не пройдет!

— Ты так думаешь? А вспомни судебную тяжбу Земли с Тором? Тогда земляне так же захапали целый континент, а потом говорили, что это старая ошибка и теперь они свою собственность не отдадут.

— Это не совсем то же самое...

— С точки зрения закона — одно и то же. В тот раз суд установил прецедент, что легальных иммигрантов нельзя выселить, если только кто-то из них не совершил преступления.

— Но, во-первых, Всемирная Федерация не пускала сюда этих иммигрантов!

— А как они могли их остановить? По нашей конституции право ограничивать иммиграцию принадлежит национальным правительствам — а Всемирный Суд постановил, что это относится и к иммигрантам с других планет.

— Но здесь же все основано на мошенничестве! Похищение людей, гипнотизирование ученых, работающих над проектом...

— Конечно, но землянам потребовалась бы уйма времени, чтобы что-то доказать после начала переселения.

— Выходит, Всемирная Федерация потратила миллиарды долларов только для того, чтобы эти крысоподобные обезьяны обрели здесь свой дом! Так, Адзик? — Грахам направил гар-

пун на тотианца.

— Да,— проквакал Адзик.— Но я заявляю протест в связи с употреблением вами слов «крысоподобная обезьяна»! Можно нам наконец забраться на плот? Я устал плавать.

— О'кей, но одно лишнее движение — и вы отправитесь обратно в воду. А где остальные?

Варшауэр хмыкнул:

— А ты что думаешь? Утонули. Лундквист получил пулю еще до прихода волны. Тейерхия плавает как топор, а мы остались живы только потому, что я слишком толстый, чтобы утонуть, а Адзик чувствует себя в воде как тюлень. Что это, черт возьми, было? Землетрясение?

— Узнаете все в тюремной камере,— отрезал Скляр.— Слушайте, нас не относит?

Действительно, легкий ветерок отогнал плот на несколько километров к северо-западу. Грахам сделал еще одну тщетную попытку завести двигатель, потом достал инструкцию по мореплаванию и выживанию.

Через полчаса они установили парус — простой треугольный кусок материи, прикрепленный к невысокой мачте. Грахам, который по крайней мере в теории знал основы мореплавания, хотя и не имел практики, решил, что сможет повести плот обратно к острову Вознесения. Однако скоро он обнаружил, что, несмотря на все его манипуляции с рулем, мелко сидящее в воде суденышко относило ветром все дальше от острова.

— Надо грести,— велел он.— Мистер Скляр, возьмите гарпун и держите его наготове рядом с этими двумя. Варшауэр, бери одно весло, а я возьму другое. Бетти, садись за руль. Мистер Скляр, хлопайте его каждый раз, когда он начнет ловить крабов.

— Как это я могу здесь ловить крабов? — непонимающе пробормотал Варшауэр.

Скляр, оставив тщетные попытки закурить промокшую сигарету, спросил:

— Как долго мы продержимся на этой лодке?

— У нас в отсеках есть еда и вода на несколько дней. А если запасы кончатся, останутся наши друзья.— Грахам кивнул в сторону Варшауэра и Адзика.

— Я читал в земном законодательстве статьи о каннибализме,— сказал Варнипаз.— Убить человека с целью употребления в пищу — нарушение закона, но съесть его, если он умер по другим причинам, можно. Так что если мистер Варшауэр заставит нас своим буйным поведением убить его...

Судя по выражению лица Варшауэра, он расценил эти слова как не совсем удачную шутку.

Благодаря веслам плот понемногу приближался к острову. Они все еще были примерно в километре от берега, когда громкий звук вверху заставил их поднять головы — словно шипела большая паяльная лампа. Грахам узнал шум двигателей космического корабля.

— Вон он! — показал Скляр.

К ним приближался космический корабль. Из точки он превратился в пятнышко, а потом в ракету, движущуюся хвостом вниз. Он опускался на северную оконечность острова Вознесения. Грахам заметил, что он не похож ни на обычный корабль компании «Вигенс Интерпланетарис», ни на осирианский...

— Это они! — прокваkал Адзик.— Мы спасены! Варшауэр, все-таки мы этого добились! Договор лежит в сейфе Марча, то есть все еще в его доме, хотя, наверное, и промок!

— Эй! — Скляр взял наизготовку гарпун.

Космический корабль подлетел к острову, замедлил ход, и пилот, видимо, стал выбирать ровную площадку для посадки. Затем он приземлился, взметнув вихри пара и пыли. Двигатели в последний раз взревели и замолкли.

Тотианец завопил:

— Если мы доберемся до моих друзей и они уничтожат этих людей, больше свидетелей не останется! Только они все знают! Прыгай за мной!

Адзик сиганул за борт, и его не успели схватить. Плот качнулся еще раз — это Варшауэр метнулся вслед за тотианцем.

— Бросай гарпун! — заорал Варнипаз.

Скляр замешкался, сомневаясь, что сможет попасть в беглецов незнакомым ему оружием. Варшауэр схватился за хвост хорошо плававшего тотианца.

— Держи второе весло! — крикнул Грахам Варнипазу.

Они начали яростно грести, но скоро стало ясно, что встречный ветер делает их усилия напрасными.

Джеру-Бхетиру сообщила:

— Из корабля выходят маленькие существа вроде Адзика.

— Точно, тотианцы,— подтвердил Скляр.— Смотрите!

Наверху показались еще шесть кораблей, движущихся по кругу и маневрирующих двигателями.

— Остальные тотианские колонисты,— констатировал Скляр.

Грахам, перемежая слова гребками, промолвил:

— Они не смогут... приземлиться пока... первый корабль... не разметит для... них посадочные площадки, а это... займет на Вознесении... какое-то время.

Джеру-Бхетиру тем временем описывала происходящее на острове:

— Варшауэр и Адзик уже доплыли до берега. Выходят. Большая волна сбила Варшауэра с ног, но он встает... Тотианцы из корабля бегут к берегу... Они разговаривают...

Скляр сказал:

— Лучше нам снова уходить подальше в море. Они готовят какое-то оружие.

Плот развернулся, и они поплыли на северо-запад, куда быстрее, чем перед этим к острову, потому что парус теперь им помогал. Остров Вознесения снова стал уменьшаться, а тотианцы скоро превратились в маленькие точки. Посмотрев на берег, Грахам действительно увидел, что они готовят какое-то оружие, хотя было уже слишком далеко, чтобы разглядеть детали. Оставалось только надеяться, что корабль, полный колонистов, не мог взять с собой никакого тяжелого груза.

Раздался свист, а потом громкий плеск. Рядом с плотом взметнулся вверх столб воды.

Снова свист и плеск! Еще раз, ближе.

— Взяли на прицел — пристреливаются,— пропыхтел Грахам.— Следующий будет наш...

Свист — плеск. Но на этот раз дальше, а не ближе.

— Боже мой! — крикнул Скляр.— Смотрите!

Над поверхностью Атлантики поднялся серый корпус, вода ручьями стекала по нему вниз, он двигался все стремительнее. Благодаря атомным двигателям подводная лодка развила скорость шестьдесят узлов и двигалась по направлению к острову

Вознесения, разрезая волны своим заостренным носом. Фонтан от последнего взрыва после выстрела с острова поднялся в кильватере лодки.

На ее палубе распахнулся купол, и из него поднялась большая труба. С громким свистом к острову Вознесения понеслась ракета. Она быстро набрала огромную скорость, а механизм наведения на цель вел ее зигзагами к космическому кораблю.

— Закройте глаза! — предупредил Грахам.

Яркую вспышку на острове не помешали увидеть даже опущенные веки. За ней последовал оглушительный рев и взрывная волна, которая пронеслась над морем и едва не перевернула плот. Когда они открыли глаза, над островом поднимался столб дыма и пыли. Космического корабля не было видно.

Они сидели полуоглушенные, в то время как шесть космических кораблей в небе над ними взяли курс на запад и быстро скрылись из виду. Подводная лодка двигалась теперь в сторону плота.

Джеру-Бхетиру взволнованно спросила:

— Это не означает войны между нашими планетами?

Скляр покачал головой:

— Война между планетами в принципе невозможна, юная леди. Кроме того, тотианское правительство обязательно заявит, что это была частная инициатива, и планета в целом не несет за нее никакой ответственности. А может, на Тоте скоро будет другое правительство.

Подводная лодка подошла ближе, на флагштоке над ней развевался клетчатый флаг Всемирной Федерации. На рубке виднелась надпись «Нигерия», а на палубе появилась команда с блестящими черными лицами. Струя масла выровняла поверхность моря, и моряки помогли им подняться на лодку.

Офицер-африканец с нашивками майора произнес:

— Я капитан, и меня зовут Нвафор. Это вы — Рейнольд Скляр?

Скляр представил себя и своих товарищей. Майор Нвафор пояснил:

— Мы шли обычным рейсом из Фритауна, когда получили радиограмму от генерала Васконселлоса из бразильской

Федеральной полиции. Он передал, что предполагает кое-какие проблемы в районе острова Вознесения, и попросил нас сделать здесь остановку. Мы приказали этим ребятам прекратить стрельбу, а когда они открыли огонь по нам, вынуждены были защитить себя.

Скляр посмотрел наверх:

— А куда улетели остальные тотианские корабли?

— Я велел им направляться в Бахию, чтобы их там арестовали и разоружили. А теперь, пожалуйста, спускайтесь вниз. Когда обсохнете, надо будет выслушать ваш рассказ.

Звук реактивных двигателей заставил их поднять головы. С запада к ним приближался самолет с опознавательными знаками Соединенных Штатов Бразилии.

— Как всегда, поздно,— пробурчал Скляр и повел их вниз.

Глава 9

На борту самолета, следующего в Нью-Йорк, Джеру-Бхетиру сидела лицом к Грахаму и Варнипазу. На ней был земной наряд, купленный в Рио, и выглядела она в нем весьма привлекательно, хотя ее грудь и не была так открыта, как в прежнем платье. Волосы остальных начали понемногу отрастать, после того как они сняли защитные шлемы и парики.

— Мне так жаль бедного мистера Гила! Не стоило меня спасать, если ему суждено было при этом погибнуть.

— Он говорил, что хочет побывать в настоящем деле, прежде чем умрет.— Кришнанец повернулся к Гордону Грахаму: — Я должен тебе больше, чем в силах заплатить, Гордон. Если окажешься на моей родной планете, где я пользуюсь кое-каким влиянием, то получишь все, что хочешь, если я смогу это устроить. Назови свою цену.

Грахам оторвал глаза от технического доклада, который он готовил для Бразильской федеральной полиции, и обменялся взглядами с Джеру-Бхетиру. Кришнанец оказался именно таким хорошим парнем, каким он представлялся с самого начала, и невозможно было прямо ему сказать, что Грахам хочет его девушку.

— Ну, давай,— подбодрил Варнипаз.— Все, что хочешь.

— Хорошо... ну... — протянул Грахам.

— Будь откровенным.

Грахам глубоко вздохнул и решился:

— Если ты и правда хочешь знать, я люблю твою невесту.

Варнипаз слегка поднял свои брови-антенны:

— Интересно. Однако это ей решать. Что скажешь, Джеру-Бхетиру?

— Я тоже люблю Городона,— ответила она.— Безумно. Но, конечно, я выйду замуж за тебя, Варнипаз, как обещала.

— Что? — воскликнул Грахам.— Как ты это себе представляешь?

Она вежливо объяснила:

— В моей стране то, что вы называете любовью, ни имеет никакого отношения к браку. Мы считаем, что в брак должны вступать те, кто связан общими интересами и планами на будущее, а не те, кто испытывает временное сексуальное влечение. Но если все же такое случается, то жертвы подобной «любви» только вызывают жалость. Романтические идеи земного Запада не имеют для нас никакого смысла. А помолвка между Варнипазом и мной — крайне важное государственное дело, наш брак укрепит связи между Катай-Ихогораи, самой культурной страной Кришны, и Сотаспе, самой технически развитой. Мы нравимся друг другу, нам будет хорошо вместе и, конечно, мы не разрушим этот блестящий план из-за временной короткой страсти, особенно к землянину. Ведь у нас с тобой, Городон, даже не может быть детей.

— Мы м-могли бы усыновить... — начал мямлить Грахам, но кришнанка остановила его:

— Усыновить — кого? Осирианца с его чешуей или вишнанца с шестью конечностями? Нет, дорогой Городон, ты и сам прекрасно знаешь, что это совсем не то, что...

Скоро они прилетели в нью-йоркский аэропорт. Варнипаз пожал руку Граханму, а Джеру-Бхетиру горячо его поцеловала, и они ушли — кришнанка вместе с ее женихом.

Грахам повернулся к Скляру:

— Как насчет пропустить рюмашку?

— Нет возражений,— отозвался констебль, и они направились к бару.— Не вешай нос, приятель. Ты — настоящий герой.

— Да я и не думаю опускать руки. Конечно, приятно, когда тебе жмет руку президент Бразилии, а Соуза предлагает постоянную работу над Проектом, и тому подобное. Но я надеялся...

— Кое-что устроить с этой маленькой осьминожкой, да? Сам когда-нибудь поймешь, что все хорошо кончилось. Когда пробудешь в браке столько, сколько я, начнешь смотреть на эти вещи проще. Ты спас целый континент для Всемирной Федерации, разве не так? Чего ты хочешь? «Подводную лодку»?

— Думаю, что да.

— Фокус-покус.— Рейнольд Скляр повернулся к бармену: — Марсианское специальное мне, и кружку легкого пива для моего друга. И опусти туда аккуратно рюмку кюрасао.

РАССКАЗЫ

ЗУБЫ ИНСПЕКТОРА ФИСЕСАКИ
ЛЕТНИЕ ОДЕЖДЫ
ВСЕ ХОРОШО, ЧТО ХОРОШО КОНЧАЕТСЯ
ГАЛТОНСКИЙ СВИСТОК
МАГИЧЕСКИЕ КРЕКЕРЫ
А НУ, ВПЕРЕД, ТЕЛЯТКИ!
ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ

Зубы инспектора Фисесаки

«The Inspector's Teeth», журнал «Astounding Science Fiction» №4, 1950

Осирианского посла ждали с минуты на минуту.

Председатель Правительства Земли Чагас сидел с подобающей случаю застывшей улыбкой на лице, усилием воли сдерживая дрожь в руках. По другую сторону огромного стола, весь в клубах табачного дыма, расположился Ву, первый помощник Чагаса, а рядом с ним — министр внешних сношений Эванс. Чтобы скоротать время, он подтачивал ногти маникюрной пилкой, и ее тихий скрежет слегка нервировал председателя.

Однако Чагас никак не обнаруживал своего раздражения. Невозмутимость была одним из тех его достоинств, за которые он и получал свою отнюдь не скромную зарплату. На гладко выбритые черепа этой троицы были надеты серебристые шлемы, поблескивавшие в льющемся откуда-то сверху свете.

— До чего же надоело ходить с бритой черепушкой! — вздохнул Чагас. — Не терпится снова начать отращивать волосы, как все нормальные люди.

— Толку-то, дорогуша? — усмехнулся Ву. — С вашей шевелюрой... Как говорят в таких случаях: «Те же яйца, только вид сбоку»!

Эванс отложил свою пилку и изрек:

— Джентльмены, когда сто лет назад я был совсем юн, то нередко задумывался: каково это — быть участником великих исторических событий? Одно из них вот-вот произойдет, и мне немного странно осознавать, что я всего лишь Джефферсон Эванс, а не Наполеон или Цезарь. — Он бросил взгляд на свои ногти. — Как жаль, что мы не очень-то хорошо знаем психологию осирианцев!..

— Да будут тебе нести свою обычную ерунду! Тоже мне, неопаретанин[40] нашелся! — прервал его Ву. — Словно для них и впрямь имеют значение какие-то сантименты. Нужно лишь раскусить того, кто предстанет перед нами, — как кнопочку нажать. Главное для них — практическая польза, а иначе бы они не научились независимо от нас летать в космос. Их интересует только экономическая выгода, и ничего больше.

— Неомарксистское словоблудие! — взорвался Эванс.— Без сомнения, они практичны. Но и — подвержены эмоциям, даже капризны, как и мы. Здесь нет никакого противоречия.

— Как раз есть! — завелся в ответ Ву. Бытие определяет сознание, а не наоборот...

— Умоляю, прекратите! — вмешался Чагас.— Обязательно вам надо углубиться в отвлеченные рассуждения. Если вас вовремя не остановить, вы можете дойти до драки из-за какой-то ерунды! Слава Богу, я человек простой, стараюсь исполнять свои обязанности и не забиваю себе голову всякой социологией. Если он примет наши предложения, парламент тут же ратифицирует договор, и у нас будет Межпланетный совет для поддержания мира. Если он займет жесткую позицию — а есть мнение, что за этим его сюда и послали, — ратификации нам не видеть как своих ушей. Тогда у нас и у них останется своя верховная власть, а история бедной старушки-Земли снова покатится по тому же кругу.

— Накликаете беду, шеф, — сказал Ву.— Никаких серьезных разногласий между нашей Солнечной системой и их Процион[41] нет. Да если бы и были — вести войну на таком расстоянии друг от друга просто невыгодно экономически. Пусть у осирианцев и рыночная экономика, как на родине Эванса...

[40] От имени Вильфредо Парето (1848—1923), итальянского социолога и психолога, у которого в свое время было много последователей. Он рассматривал общество как пирамиду, наверху которой находятся немногие высокоодаренные люди, составляющие элиту. История, по Парето, — арена постоянной борьбы элит за власть, в ходе которой осуществляется их смена («циркуляция элит»). Парето также придавал большое значение миру чувствований человека.

[41] Процион — звезда в созвездии Малого Пса, восьмая по яркости на небе, расстояние — 11,5 св. лет от Солнца.

— А кто сказал, что войны всегда приносят экономическую выгоду? — возразил Эванс.— Ничего не слышал о крестовых походах? Или о войне за одну несчастную свинью[42]?

— Ты имеешь в виду войну, которую некоторые слезливые историки, которые слыхом не слыхивали ни о каких социальных и экономических факторах, называют «войной за свинью»?

— Довольно! — воскликнул Чагас.

— О'кей,— согласился Эванс.— Но я готов держать пари, Ву, что осирианец примет наше предложение без всяких оговорок.

— А вот и он! — воскликнул Ву.

Прозвучал звонок, подняв на ноги всех троих.

Когда осирианец вошел, они, согласно этикету, двинулись ему навстречу с вытянутыми вперед руками. Осирианец поставил свой пухлый портфель и пожал им руки. Он был на голову выше их и смахивал на небольшого динозавра — этакий малыш, бегающий на задних лапах и помахивающий хвостом для равновесия. Красно-золотые блестки его чешуи складывались в красивый сложный узор.

Осирианец сел в кресло без спинки, которое ему было предложено.

— Ошен карашо, тшентельмены,— проговорил он с таким чудовищным акцентом, что его едва поняли. И неудивительно — с учетом разницы между их голосовыми органами.— Я половину изушить ваше предлошение о Мировой фетерация и принять мое решение.

Чагас одарил посла ничего не значащей дипломатической улыбкой:

— Слушаем вас, сэр.

Лицо осирианца изначально было не предназначено для улыбок, и он лишь подвигал туда-сюда своим раздвоенным

[42] Свинская война едва не началась 15 июня 1859 года на острове Сан-Хуан в Тихом океане, когда поселенец-американец убил свинью англичанина, которая лакомилась его картофелем. Были приведены в состояние боевой готовности войска обеих сторон, в том числе военные корабли, однако прямого столкновения и жертв удалось избежать. Тем не менее споры вокруг острова продолжались до 1872 года, когда было решено прибегнуть к помощи третьей стороны, и по предложению кайзера Германии Вильгельма было установлено, что территории севернее 49-й широты будут принадлежать Канаде, т. е. тогда фактически Великобритании, а южнее — США.

языком. Потом с раздражающей неторопливостью принялся излагать свою позицию:

— С одной стороны, я знать политишеские условия в ваша Солнетшная система и Земля в тшастности. Поэтому я понимать, потшему вы просить меня эти вещи. С другой стороны, мой народ не будет любить некоторые из них. Они решать не принимать многие ваши требования. Я мог бы говорить наши возрашения один за другой. Отнако раз вы уше знать эти возрашения, я могу сделать лутше и рассказать вам одна маленькая история.

Ву и Эванс обменялись быстрыми взглядами.

Раздвоенный язык снова высунулся наружу:

— Это правдивая история о старые дни, когда сверхсветовой двигатель первый раз дал вам возмошность лететь другие звезды и войти в контакт с нами. До разговор о галактишеское правительство, до того как вы узнать защиту против наша маленькая гипнотическая сила с помощью эти хорошенькие серебряные шлемы. Когда молодой ша-акфа, или, как вы говорить, осирианетс, пришел ваша Земля искать мудрость...

Когда второкурсник Герберт Ленгиел узнал, что осириан-ца Хитафию, первокурсника, не примут в их братство, он поставил на уши весь совет Йота-Гамма-Омикрон. Герб кричал, посверкивая очками:

— Что вам еще надо? У него есть деньги, он проникся студенческим духом, и вообще свой в доску. Вы только посмотрите — не успел он пробыть здесь и пары недель, как стал настоящим лидером. Конечно, все дело в его внешности: он слегка смахивает на сбежавшую из зоопарка рептилию, поэтому вы и катите на него бочку. Но мы же цивилизованные люди и во главу угла должны ставить качества самой личности, а не...

— Минуточку! — Джон Фицджеральд, старшекурсник, кичившийся своим благородным происхождением, пользовался в их братстве большим влиянием. — В нашем сообществе и так много подозрительных типчиков.

Он смерил тяжелым взглядом тихоню Ленгиела. Герберту в этот момент очень хотелось заехать по его самоуверенной физиономии, хотя на самом деле он и был вполне здравомыслящим человеком и серьезным студентом, а никаким не бузотером.

Фицджеральд продолжил:

— В нашем университетском городке и так всяких уродов — по самое некуда. Кому это нужно? Дождешься, что в один прекрасный день на твоем кресле рассядется паучище в два метра шириной, и тебе скажут, что это новый студизус, прибывший с Марса...

— Не смеши! — оборвал его Ленгиел.— Марсиане не способны выдерживать земную гравитацию и влажность в течение длительного...

— Не в этом дело. Я говорю в общем смысле. И в сравнении с моими деньгами от жалких грошей этого динозавра не больше пользы, чем от марсианских...

— И еще одно, — не отступался Ленгиел.— В нашей хартии есть статья о недопустимости всякой дискриминации. А значит, мы не вправе исключать этого человека, то есть студента, я хотел сказать...

— Да всё мы вправе.— Фицджеральд подавил зевок.— В этой статье сказано о человеческих расах, а к инопланетянам она никакого отношения не имеет. У нас клуб джентльменов — слышишь! — а слово «джентльмен» означает «порядочный человек». Хитафия же, насколько могу судить, никакой не человек.

— Но принцип-то один и тот же! Почему, как ты думаешь, Атлантический Университет остается одним из немногих, где сохранились братства, подобные нашему? Потому что их члены чтят демократические традиции, им чужды снобизм и дискриминация. И сейчас...

— Чушь собачья! Никакой дискриминации не будет, если наступить на хвост неким народцам, которые, по-твоему, равны по разуму человечеству. Ты бы лучше предложил нам взять кого-нибудь из выходцев с Кришны — раз он более-менее походит на человека...

— Никаких кришнанцев нынче в Атлантический не поступало,— пробормотал Ленгиел.

— ...но нет, тебе непременно надо всучить нам эту мерзкую чешуйчатую рептилию...

— У Джона просто фобия к змеям,— заметил Ленгиел.

— Как и у всякого нормального человека...

— Сам ты чушь городишь, брат Фицджеральд. У тебя всего лишь невроз, тебе нашептали...

— Вы оба уходите от сути дела,— вмешался Браун, возглавлявший их братство.

Они продолжали пикироваться еще некоторое время, пока вопрос не был поставлен на голосование. Кандидатуру Хитафии зарубил Фицджеральд, а Ленгиел завернул его младшего брата.

— Послушай-ка! — воскликнул Джон.— Нельзя так поступать!

— От кого я это слышу? Мне просто не нравится этот несмышленыш.

После непродолжительных дебатов каждый взял назад свое вето относительно протеже другого.

На выходе Фицджеральд ткнул Ленгиела в солнечное сплетение большим пальцем размером с ручку обувной щетки и сказал:

— С тебя причитается. Завтра возьмешь с собой на соревнования Алису, понял? И вернешь ее в целости и сохранности. Уловил?

— О'кей, урод.

И Ленгиел отправился заниматься. Хотя они с Фицджеральдом и недолюбливали друг друга, но старались ладить. Герберт втайне восхищался идеей Джона снять фильм о студентах их университета, а Фицджеральд в душе завидовал дару Ленгиела все схватывать на лету. Забавы ради Фицджеральд препоручил свою сокурсницу заботам не способного ни на какую подлянку Ленгиела, которому никогда и в голову не придет самому положить на нее глаз.

На следующий день, в субботу, заканчивался сезон американского футбола. Атлантический университет принимал команду Йельского на своем поле. Ленгиел проводил Алису

Холм на трибуну. Как обычно, когда он оказывался рядом с ней, у него сразу словно язык отнялся. Поэтому Герб погрузился в изучение розовой карточки, которую кто-то заботливо прикрепил кнопками к спинке сидения впереди. На ней было перечислено, под номерами, как он предположительно должен держать огромный лист картона — оранжевый с одной стороны и черный с другой. В этот момент лидер их группы подал команду — для того чтобы его подопечные, поворачивая свои поднятые картонки, составили для зрителей противоположной трибуны какую-то букву, цифру или картинку.

Наконец Герберт пролепетал:

— Я ведь тебе рассказывал, как мы чуть не отказали в приеме Хитафии? Только никому ничего не говори, это все конфиденциально.

— Не скажу,— заверила Алиса, очаровательная блондинка.— Что же теперь: если я с Джоном пойду на вашу собирушку – Хитафия пригласит меня на танец?

— Не пригласит, если ты не захочешь. Не знаю даже, танцует ли он вообще.

— Постараюсь в случае чего хоть не задрожать. А ты уверен, что тут не обошлось без их таинственного гипнотического воздействия на человека? Может, Хитафия так перетянул тебя на свою сторону?

— Да брось ты! Профессор Кантор с психиатрии говорит, что все эти разговоры о гипнотических способностях осирианцев — чистой воды выдумка. Если человек от рождения легко подвержен гипнозу — они имеют над ним власть, а в противном случае ему ничего не угрожает. И никакими неведомыми лучами осирианцы из глаз не выстреливают.

— Ну а профессор Петерсон придерживается другого мнения. Он полагает, что нет дыма без огня, хотя никто и не может точно определить, в чем тут дело. О, вот и они! Хитафия — превосходный лидер, не так ли?

Возможно, с этим эпитетом Алиса чуток хватила через край, но зрелище и впрямь было незабываемое: Хитафия — и с каждого боку у него по три очаровательные сокурсницы — так и гарцевал на месте, размахивая мегафоном. Еще более впечатляющей картину делали оранжевый свитер с большой черной

буквой «А» на груди и шапочка первокурсника на голове. Голос, наподобие тепловозного гудка, перекрывал шум трибун:

— Атлантик! А-т-л-а-н-т-и-к!

После каждого возгласа Хитафия выбрасывал вверх руки-лапы с растопыренными когтями и, оттолкнувшись от пола своими птичьими нижними конечностями, подскакивал в воздух метра на три. Такое его дирижирование заводило трибуны почище собственно футбола. Сам Хитафия до поры лелеял надежду поучаствовать в студенческих соревнованиях, прежде всего по легкой атлетике. Тренер университетской команды едва сумел ему объяснить, как мог вежливо, что никто не станет состязаться с соперником, который способен скакать вперед прыжками по двенадцать метров, не сбивая себе дыхания.

Обе футбольные команды выступали в этом сезоне удачно, и счет после первого тайма оставался 0:0. После перерыва йельцы бросили в прорыв своего нападающего, и казалось, что он вот-вот завершит проход через свободную зону, но его остановил Фицджеральд, самый мощный из блокирующих полузащитников «Атлантика».

Хитафия завопил:

— Фиттшеральт! Давай, давай, давай, Фиттшеральт!

Подвыпивший йельский старшекурсник, возвращавшийся на свое место после похода по нужде в подтрибунные «комнаты для мужчин», обошел вокруг поля и демонстративно остановился на полоске травы перед местами, где сидели болельщики «Атлантика». Потоптавшись немного на месте, он ринулся в гущу зрителей, повалился на сиденья «атлантиков». Вокруг него тут же образовалась целая куча-мала.

Хитафию происходящее не оставило равнодушным. Он решил, что люди приходят на стадион прежде всего ради футбола, и вознамерился навести порядок. Осирианец схватил бузотера за плечо, приподнял и развернул лицом к себе. Йелец посмотрел на Хитафию, завопил: «Я их сделал! Я их сделал!», и попытался вырваться.

Но не тут-то было. Первокурсник ша-акфа крепко держал его за плечи, несколько секунд что-то шипел и лишь потом отпустил. Вместо того чтобы броситься прочь, йелец сорвал с головы шляпу с голубым перышком, потом снял

пальто с меховым воротником, пиджак, жилет и брюки. Невзирая на холод, он в одном нижнем белье выбежал на поле, зажав одной рукой бутылку, словно это был мяч для регби.

Когда его окончательно выпроводили, судья уже успел назначить штрафной в пользу «Атлантика» за присутствие у йельцев лишнего игрока на поле. К счастью, фанаты йельцев были далеко и толком ничего не поняли, иначе было бы не избежать хорошей потасовки. Тем сильнее было их негодование позже, когда они разобрались, каким именно способом их соперник заработал дополнительное очко. Тем более что окончательный счет был 21:20 в пользу «Атлантика».

После игры Хитафия зашел в административный корпус, посмотреть свой почтовый ящик. В коридоре кишмя кишели другие первокурсники, жаждавшие получить весточку из дома, потому что поступившую корреспонденцию раскладывали по ящикам именно в этот день. Когда Хитафия негромко просвистел: «Простите меня, пошалуста», вокруг него тотчас же образовалось свободное пространство.

Он достал из почтового ящика три небольших белых конверта и помчался в общежитие для первокурсников. Распахнув дверь, он увидел своего соседа по комнате, Фрэнка Ходиака, читавшего единственное полученное им письмо. Хитафия сел на кровать, и его хвост загнулся вверх вдоль стены. Он открыл конверт острым когтем.

— Фрэнк! — послышался возглас.— Они меня берут!

— Эй! — отозвался Ходиак.— Да что с тобой стряслось? Слюни текут ручьем. Не заболел случаем?

— Нет, я просто платшу.

— Как это?

— Именно так платшут ша-акфи.

— И с чего тебя так развезло?

— Оттого, што я штастлив. Я переполнен эмотсиями.

— Тогда, ради Бога, — невозмутимо произнес Ходиак, — иди поплачь на кухне. У тебя вроде три конверта. Куда самто нацелился?

— Думаю, в Йота-Гамма-Омикрон.

— Почему? Есть группировки попрестижнее.

— Мне это нет заботы. Я выбирать их в любой слутшай, по сентиментальные притшины.

— Слушай, не заговаривай мне зубы! Будто у холоднокровных рептилий вроде тебя есть какие-то сентиментальные чувства!

— Конетшно, есть. Мы, ша-акфи, все такие. Вы этого не знать, потому што мы не показывать наши тшувства на наших литсах.

— Ну ладно,— не отступался Ходиак,— что же за причины, хе-хе?

— Первая,— Хитафия начал загибать свои пальцы-когти,— потому што Герберт Ленгиел там есть. Снатшала только он во весь наш городок относился ко мне как к товарисш. Вторая — потому што великий де Камара был в Йота, когда поступать в «Атлантик» много лет назад.

— Кто такой этот Камара?

— Ты нитшего о нем не слышать? О, как кое-кто из утшеных земельных шителей игнорировать своя история! Он был один из великих космитшеских пионеров, основать «Вигенс-Интерпланетарис» и первый земельный житель поставить своя нога на Осирис.

— Ну-ну. Еще один бразилец, который стал для вас своим в доску.

— Да. Именно де Камара доставить вставные зубы Главного инспектора Фисесака с Осириса обратно на Землю и передать его в «Атлантик», и они давать ему потшетная степень. Этих сентиментальных ассотсиатсий вдохновлять меня. Я отшень сентиментальный по поводу господин де Камара, хотя некоторые из наш народ говорить, он украсть эти зубы и другие вещи, когда оставлять наша планета.

На церемонии приема в братство Хитафия смирно сидел, как бы на корточках, среди таких же новичков. Они поглядывали на него кто с опаской, кто с отвращением. Когда им объяснили возможные будущие обязанности, Фицджеральд

и еще двое членов братства решили устроить небольшое веселое представление садистского толка — из разряда тех, что обычно сопутствуют таким обрядам. Как по мановению волшебной палочки откуда-то появились две деревянные лопатки, наподобие ракеток для настольного тенниса, только поувесистее. На новичков обрушился град вопросов, один другого бестолковее. За нерасторопность провинившийся получал удар лопаткой, в случае же своевременного ответа салаг наказывали лишь за то, что они салаги. Только Хитафия не переставал удивляться:

— А меня никто не ударять?

— И тебе не терпится получить на орехи, чудище? — спросил Фицджеральд.

— Конетшно. Это часть приема в братцы. Мое сердце рваться пополам, если я не полутшить удар, как все.

Члены братства явно были сбиты с толку и недоуменно посматривали друг на друга. Ближе к хвосту тело Хитафии приобретало обтекаемую форму, и ничего, что можно было бы обозначить словом «задница», там не имелось.

Наконец Браун спросил:

— Как же это, черт возьми, исполнить? Где у него это самое... то есть куда его ударять?

— О, везде! — заверил Хитафия.

Браун, судя по виду, недовольный развитием событий, взмахнул своей лопаткой и хорошенько приложился по ляжке осирианца. Удары сыпались один за другим, пока Хитафия не изрек:

— Я даже нитшего не тшувствовать. Вы есть уверены, што не наротшно бить меня так легко? Это бы сильно ранить мои тшувства.

Браун сокрушенно покачал головой:

— Ему все как слону дробина. Давай теперь ты, Джон.

Фицджеральд как следует размахнулся и ударил по боку Хитафии лопаткой так, что она развалилась пополам. Сам Джон сжал от боли руку, оглядел товарищей по братству и сказал:

— Полагаю, следует считать, что ты свое получил, Хитафия. Перейдем лучше к делу.

Остальные новички лишь усмехнулись, явно довольные тем, что для них экзекуция закончилась. Однако они рано

радовались. Одураченные старожилы братства не собирались оставаться в долгу. Новичкам было велено явиться следующим вечером туда же для так называемого благодарственного танца и кое-какой работенки по прислуживанию гостям. Вдобавок им было строго-настрого наказано через неделю прийти для продолжения посвящения и каждому принести с собой трех кошек.

Хитафия счел своим долгом прибыть на танцы за час до начала. Пуще того, чешуйчатую шею осирианца украшал черный галстук-бабочка. Джон Фицджеральд, конечно же, пришел с Алисой Холм. Герберта Ленгиела это задело, он не знал, куда себя деть, и старался под маской усталости скрыть досаду от того, что Алиса пришла не с ним.

Когда с подносом, уставленным напитками, проследовал Хитафия, некоторые девушки, никогда прежде осирианца не видевшие, завизжали. Алисе тоже хотелось вскрикнуть, но она взяла себя в руки и сказала:

— Ты танцуешь, Хитафия?

— Увы, мисс Холм, не имею возмошность.

— О, держу пари, что ты должен танцевать божественно!

— Не есть так. Дома, на Осирисе, я исполнял танцы ухаживания лутше всех. Бросайте взгляд на мой хвост! Боюсь, што для меня будет надо весь пол. Вы не представлять, как тяжело иметь хвост в мире, где у все нормальные существа хвост нет. Каждый раз, когда я проходить тшерез вращательная дверь...

— Пойдем потанцуем, Алиса,— вмешался Фицджеральд. А ты, чудище, займись своим делом как официант.

— Ну что ты, Джон! — взмолилась Алиса.— Похоже, ты ревнуешь меня к бедняге Хитафии. А я нахожу его очаровательным.

— Я ревную к скользкой рептилии?! Ха-ха! — усмехнулся Фицджеральд, и они закрутились в танце, напоминающем зулусские пляски.

На следующем собрании по приему новых членов братства стоял невообразимый вой — каждый из кандидатов

принес с собой по три кошки, прошествовав с ними по дорожкам университетского городка мимо домов и окон своих друзей.

Браун спросил:

— А где же Хитафия? Чудище обычно не опаздывает.

В этот момент в дверь позвонили. Один из новичком открыл ее и тут же отпрянул, а потом скакнул назад, как испуганный олененок, только не с такой грациозностью, а из горла его выбулькнулось что-то вроде лягушачьего кваканья.

В дверном проеме нарисовался Хитафия, с взрослой львицей на поводке. Кошки сыпанули в разные стороны и полезли на занавески, стеллажи и прочие возвышенности. Братьям-йотянам тоже нестерпимо захотелось спрятаться куда подальше, и они остались сидеть на своих местах лишь потому, что не хотели ударить лицом в грязь перед новичками.

— Добрый ветшер! — поздоровался Хитафия.— Это — Тутси. Я взял ее напрокат. Подумал, што если приведу одна достатошно большая кошка, это будет если принес трех, как мне приказали. Вам она нравится, я надеяться?

— Ну и характер! — воскликнул Фицджеральд.— Не просто чудище, а с норовом.

— Теперь меня наказывать лопатками? — В голосе Хитафии звучала надежда.

— Тебя ими бить — что динозавра хлестать одуванчиками.— И Фицджеральд решил недополученные осирианцем удары переадресовать другие кандидатам.

Когда все связанное с приемом новых членов на этот раз было закончено, братья-йотяне устроили небольшое совещание. Бродерик сказал:

— Надо будет им на следующий раз придумать задание позаковыристее. В первую очередь Хитафии. Велим ему, например, принести... э-э... как насчет вставных зубов того парня — он не то императором был на Осирисе, не то еще кем? Из музея то есть?

Хитафия спросил:

— Вы говорить о зубы великого Главного инспектора — Фиссесаки?

— Да, инспектора Рыбы — ну, вы произносите это по-своему, но я имел в виду именно его.

— Это будет отшень большая тшесть. Пока мы не идти, могу я просить мистера Фиттшеральта говорить со мной об один момент?

Джон нахмурился и сказал:

— О'кей, монстр, только поживее. А то у меня свидание.

Они вышли, а остальные братья-йотяне услышали, как Хитафия что-то просвистел Джону в коридоре.

Затем осирианец выглянул из-за двери и сказал:

— Мистер Ленгиел, могу я и с вами поговорить? — И они тоже о чем-то пошептались-посвистелись в коридоре.

Остальные члены братства этого диалога не слышали, потому что их глазам предстало нечто несравненно более интересное. Джон Фицджеральд, в костюме с иголочки, вознамерился их покинуть, а заскучавшая львица в этот момент решила с ним немного поиграть: кто кого поборет? И чем сильнее он пытался вырваться — тем сильнее она на него наседала. Наконец он сдался и лег на спину, а Тутси села рядом и начала усердно лизать ему лицо языком, напоминающим крупный наждак. Терпение Фицджеральда было на исходе, когда вошел Хитафия и оттащил свою «киску» прочь.

— Мне отшен жаль,— промолвил осирианец.— Она такая игривая.

Вечером накануне следующей встречи братства йотян через кусты у местного музея двигались какие-то тени. Дверь открылась, и из нее выскользнула другая тень — судя по контурам, это был высокий широкоплечий мужчина. Он осмотрелся, потом глянул в темноту, из которой только что вышел. Сделав несколько осторожных шагов вниз по ступенькам, человек прошептал:

— Сюда!

Из кустов вышла другая тень — не человека, а чего-то мезозойского. Тень человека бросила тени рептилии какой-то пакет, а в этот момент из дверей вышел сторож и крикнул:

— Эй, вы там!

Тень-человек пустилась наутек, а тень-рептилия нырнула в кусты. Сторож еще раз крикнул, дунул в полицейский свисток

и бросился за человеком, но скоро остановился, тяжело дыша. Преследуемый скрылся из виду.

— Будьте вы прокляты! — выругался сторож.— От полицейских все равно далеко не уйдете. Кто же у нас был сегодня после обеда, перед закрытием? Одна пигалица, похожая на итальянку, этот рыжий препод и один амбал, навроде футболера...

Фрэнк Ходиак увидел, что его сосед по комнате собирает свои нехитрые пожитки, и спросил:

— Куда это ты?

— Я хотеть уезжать на рождественские каникулы,— ответил Хитафия.— Мен отпускать на несколько дней.— Он со щелчком закрыл свой чемоданчик.— До свидания, Фрэнк. Мне было приятен знакомиться с тобой.

— «До свидания»? Ты уезжаешь прямо сейчас?

— Да.

— Судя по твоему голосу, ты и возвращаться сюда не то будешь не то нет.

— Возмошно всякое. Когда-то. Сахаси-штаси, как говорят на Осирисе.

— А что это за забавный пакет ты держишь?.. — Но не успел Ходиак закончить фразу, как Хитафии и след простыл...

На следующем собрании братства Хитафия, до того самый старательный из кандидатов, отсутствовал. Йотяне позвонили в общежитие, и Фрэнк Ходиак сказал, что осирианец уехал несколькими часами ранее.

Всех удивило также перебинтованное запястье Джона Фицджеральда. На вопросы братьев-йотян он ответил:

— Будь я проклят, если сам что-то знаю. Помню только, в какой-то момент обнаружил, что сижу у себя в комнате, а рука у меня порезана.

Собрание шло своим чередом, и удары лопатками наносились без передышки, как вдруг в дверь позвонили. Вошли два полицейских: свой, из университетского городка, и муниципальный, который тут же спросил:

— Джон Фицджеральд здесь?

— Да,— ответил Фицджеральд.— Я это.

— Возьмите свою шляпу и пальто и пройдемте с нами.

— Чего ради?

— Хотим задать вам парочку вопросов по поводу исчезновения одного экспоната из нашего музея.

— Ничего об этом не знаю. Валите отсюда и без всех нужных бумаг не приезжайте.

Джон немного перегнул палку, потому что у муниципального полицейского был с собой листок с напечатанным текстом, и он сказал:

— О'кей, вот тебе ордер. Ты арестован. Пошли... — И он взял Фицджеральда за запястье.

Джон вырвал руку, сделал круговое движение, которое закончилось ударом по лицу полицейского. Тот упал на спину и остался лежать, чуть-чуть подергиваясь и постанывая. Другие братья-йотяне тоже не остались сидеть сложа руки. Они схватили полицейских и спустили вниз по каменной лестнице. После этого прием новых членов братства продолжился.

Через пять минут к подъезду подлетели три вызванные по рации патрульные машины. Из них выскочили двенадцать полицейских и ворвались в дом.

Как только братья-йотяне увидели дубинки, вся их бравада тут же растаяла как дым. Копы в голубой униформе двинулись к Фицджеральду и уже стали протягивать к нему руки. Он ударил одного из них, но на него навалились и в два счета скрутили. Джон продолжал вырываться, но скоро затих, когда один из полицейских припечатал его дубинкой по голове.

Потом его вывели и посадили в машину. По дороге к участку он спросил:

— Какого дьявола все это значит? Говорю вам: в жизни ни разу ничего ни в каком музее не брал.

— Брал, брал,— сказал полицейский.— Вставные зубы одного из этих субчиков с другой планеты. О'Райли вроде? Они его так называют. Тебя видели в музее перед закрытием, и ты оставил отпечатки на стеклянном ящике, когда в него лазил. На этот раз, парень, ты здорово влип. Студиозусы проклятые, а мы еще думали, что вы лучше других...

На следующий день Герберт Ленгиел получил письмо:

Здравствуй, Герберт!

Когда ты начнешь читать эти строки, я буду уже на пути к Осирису, с зубами Главного инспектора Фисесаки — одного из величайших наших героев. Мне удалось получить место на космическом корабле до Плутона, откуда я доберусь до моего родного Осириса на межзвездном лайнере.

Когда, по предложению Фицджеральда, первоначально похищенные де Камара зубы оказались у меня, искушение было слишком сильным, чтобы ему можно было сопротивляться.

На самом деле, не будучи опытным взломщиком, я загипнотизировал Фицджеральда, чтобы он сделал это за меня. Тем самым я одним выстрелом убил трех зайцев. Кажется, именно так говорят у вас на Земле. Я получил эти зубы. Я отомстил Фицджеральду за его оскорбления. И я отправил его за решетку, а ты благодаря этому получил освободившееся место рядом с мисс Холм. Теперь ты все знаешь и можешь спасти его от исключения из университета, потому что, по-моему, такого жестокого наказания он не заслуживает.

Я и тебя чуть-чуть загипнотизировал по-осириански, чтобы ты немного раскрепостился. Поэтому теперь ты вполне можешь завершить это дело, как сочтешь нужным.

Жаль, что мне не удалось окончить Атлантический университет и стать полноправным членом братства Йота-Гамма-Омикрон. Однако мой народ воздаст мне должное за это деяние, так как высокие порывы на Осирисе чрезвычайно ценят.

С братским приветом, Хитафия.

Ленгиел положил письмо и посмотрел на себя в зеркало. Последние часы он чувствовал себя очень хорошо! Совсем не так, как раньше. Но теперь причина этой бодрости, легкости, уверенности в себе была ясна.

Он усмехнулся, зачесал назад волосы и вышел, чтобы позвонить Алисе.

— Итак, тшентельмены,— сказал Хитафия,— теперь вы понимаете, потшему я решил подписать данное соглашение. Возможно, меня подвернут критике за то, што я пошел вам навстретшу так легко. Но вы понимаете, какая теплота в моем сердце к вашей Земле. Я бывал на многих планетах, но нигде не тшувствовал себя так дома, как много лет назад в братстве Йота-Гамма-Омикрон.

Посол начал собирать свои бумаги и продолжил:

— Есть у вас текст меморандума о нашей встрече, тштобы я его подписал? Ошен хорошо.— Хитафия поставил свою подпись, воспользовавшись когтем вместо ручки.— А на следующей неделе будет оффитсиальное подписание, да? С телекамерами и длинными ретши? Если в один день вы захотите воздвигнуть монумент в тшесть основателей Межпланетного совета, вы мошете поставить памятник мистеру Герберту Ленгиелу.

— Сэр, мне говорили, что осирианцы, как и наши земляне, любят пропустить рюмашку-другую. Как вы насчет того, чтобы спуститься в наш бар...

— Весьма сожалею, но не сегодня. В следующий раз — пошалуста. Сейчас мне надо успеть на самолет до Балтимора, США.

— Что вы собираетесь там делать? — спросил Чагас.

— Прежде всего, Атлантишеский университет решил сделать меня пошетным профессором. Как мне удержать на своем гребне эту смешную шапотшку с кистями — ума не приложу. Но это еще одна притшина, потшему я принял ваши предложения. Вы знаете, што мы, осирианцы, отшень сентиментальны. А што слутшилось с мистером Ву. Он не заболел?

Ответил Чагас:

— Прямо у него на глазах только что разлетелась вдребезги вся его долгие годы вынашиваемая философия. Пойдемте, мы посадим вас в самолет.

Ву с трудом оторвался от кресла и заставил себя пойти вместе со всеми. Эванс, глядя на него, усмехнулся:

— После того как мы проводим господина посла, думаю, можно будет поднять по бокалу хорошего шампанского!

Летние одежды

«Summer Wear», журнал «Starting Stories» №5, 1950

Като Чапман и Силья Зорн, манекенщица, ждали в космопорте «Мохаве» лунный лайнер. Чапман, кипевший энергией молодой человек, порой напоминавший инопланетян-бурундучков, сказал своему юному кузену Махони:

— Если выберешь время и оторвешься ненадолго от своих распрекрасных художеств, окружи вниманием мисс Нетти. А то вернемся через двадцать два года и обнаружим, что она позабыла о нас.

— Ладно-ладно. Мне нравятся дамы в возрасте. Она покупает наши работы. Правда, цену держит жестко.

— Я бы сказала «чудовищно»,— добавила Силья Зорн.— Но заметьте: какой бы сумасбродный замысел не втемяшился ей в голову, она в прогаре не остается.

— Как, например, было с продажей летней одежды существам, которым эти тряпки нужны как собаке пятая нога, потому что они вообще ничего не носят? — спросил Махони.— Если уж ей удается умаслить любых дикарей вроде...

Чапман дружески похлопал своего кузена по плечу:

— Все не так просто, Эд. Осирианцы — натуры увлекающиеся и за модой следят. Вдобавок у них единственных среди инопланетян настоящая рыночная экономика, даже меньше социализированная, чем в Штатах.

— Ну а что мне делать, если у этой мисс Нетти совсем поедет крыша? — спросил Махони.

— Не знаю,— сказал Чапман,— но мне бы ужасно не хотелось вернуться и обнаружить, что никого из компании «Гринфарб — Голливуд»...

— Внимание пассажирам! Todos passageiros!— прогремели громкоговорители сначала по-английски, а потом по-португальски.

Чапман и мисс Зорн, перед тем как подняться по трапу, пожали руки Махони. Он крикнул им вслед:

— Ведите себя хорошо! Или вы не сможете...

Чапман подумал, что если ему что-то такое и втемяшится в голову, все равно затащить в койку девицу на два дюйма выше его ростом не удастся. Сказать это вслух он не решился, потому что намеревался поддерживать с Сильей хорошие отношения, даже несмотря на то, что она и не думала строить ему глазки.

Через семь часов они высадились на Тихо, чтобы пройти через обычную бюрократическую волокиту перед посадкой на корабль «Комоэс» до Осириса или, другими словами, — Проциона XIV.

Таможенник спросил:

— Судя по всему, для вашего багажа зарезервировано спальное место, синьор?

— Совершенно верно,— ответил Чапман.

— Не совсем понимаю. Ваш багаж содержит живое существо?

— Ничего подобного. Это мои образцы.

— Образцы — чего?

— Одежды. Я торговый агент компании «Гринфарб — Голливуд», выпускающей летнюю одежду. И мисс Гринфарб настаивает, чтобы я спал рядом с этим чемоданом, пока не закончу все дела.

Таможенник пожал плечами:

— Раз ваша нанимательница хочет заплатить лишних две тысячи долларов — это ее дело. На «Комоэс» есть еще один пассажир с багажом, в котором образцы, похожие на ваши, — тоже одежда. Извините меня, пожалуйста.

Увидев, что стоящий за ним в очереди человек начинает проявлять беспокойство, Чапман отошел в сторонку, проверяя свои билеты и паспорт.

— У тебя все о'кей? — спросил он у Сильи.

— Да. Разве этот контролер не божественен, Като? Мне безумно нравятся такие высокие смуглые латинос.

— Побольше о деле думай,— рыкнул Чапман. Сам он был невысоким и рыженьким, и ее слова больно задели его самолюбие. Больше того, вслед за таким ходом мысли от нее

можно было ждать любого закидона. Он добавил: — Похоже, на борту у нас будет соперник.

— Что? Полный ужас! Кто же это?

— А я откуда знаю? Но таможня сказала, что какой-то парень везет с собой чемодан, полный тряпок, как и мы.

— О-о! — Лицо Сильи приобрело хорошо всем известное скорбное выражение.— Один из известных парижских кутюрье...

— Тс-с-с! Рано или поздно все выясним. В любом случае это не ОН.

Чапман кивнул головой в сторону осирианца, который топал на своих птичьих ногах и нес чемодан. Осирианец (или ша-акфа, как они сами себя называли) походил на динозаврика семи футов ростом, бегающего на задних лапах и помахивающего хвостом для равновесия. Чешуйчатая шкура этого существа была искусно разукрашена в разные цвета.

— Извините меня, пошалуста, — промолвила эта тварь с таким сильным акцентом, что ее едва можно было понять,— мне хотеть знать, какой сейтшас настоящий лунный время?

Чапман ответил осирианцу, который, судя по петушиной бородке, был самцом. Тот установил правильное время на своих наручных часах и спросил:

— Вы тоже есть лететь на «Комоэс»?

— Да.

— И я тоже. Давайте познакомиться. Я есть бизнесмен второго ранга Фиассаки.

Чапман представил себя и свою спутницу, а потом спросил:

— Немного удивительно, почему вы не ждете осирианского корабля, мистер Фиассаки?

— Я его ждал, но получил из дома важное сообщение... Вы знаете, я прибыть сюда с важная культурная миссия, то есть подготовить потшва для экспорт работ, выполненных нашими дизайнерами и мастерами...

— Могу предположить, каким ужасно неудобным показался вам один из наших кораблей.

— О, есть именно так! Я так тшасто ударяться о верхний потолок и тсепляться хвостом в двери! Как здесь только можно двигаться... — И существо сделало попытку пожать практически отсутствующими у него плечами.

Стюард показал Чапману его каюту и спросил:

— Куда положить этот чемодан, на который у вас есть пассажирский билет, синьор?

— На среднюю койку,— ответил Чапман, поднимая листок со списком пассажиров с небольшого буфета.

Он прочитал:

Баррос, М. К., Рио-де-Жанейро.
Бергерат, Дж.-Дж., Париж.
Чапман, К. Х., Голливуд.
Чисхолм, У. Дж., Миннеаполис.
Фиассаки, З, Сереф, Акх, Осирис.*
Камимура, А., Кобе.
Кичик, Джиджига, Тот.*
Мпанде, С., Молопололи, Бечуаналенд.
Попович, И. И., София.
Савинкова, А. П., Париж.
Сэ, Т.-Е., Тяньцзинь.
Варга, М., Шолнок, Венгрия.
Зорн, С. Е., Голливуд.

Сноска внизу говорила о том, что фамилии, помеченные звездочками, относились к внеземным существам...

— Като! — послышался из коридора голос Сильи.

— Да, Си!

Высокая смуглая девушка вошла в каюту.

— Я познакомилась с синьорой Баррос и Аней Савинковой. Аня работает манекенщицей у Томазелли в Париже!

— Ого! А она сказала, кто здесь ее шеф?

— Нет. Я успела только познакомиться с ней. Она такая рыженькая.

— Хм. Должно быть, наш соперник — этот Бергерат. Вроде я его где-то видел: три года назад он был представителем Томазелли на выставке в Нью-Йорке. Высокий брюнет — ты как раз от таких тащишься...

— Ни от кого я не тащусь! У тебя просто нервишки пошаливают...

— О'кей. Будем считать, что я ничего не говорил. Он ловкач еще тот, насколько я помню: не успели мы и глазом

моргнуть, как пристроил их новые вещички в нью-йоркские магазины.

Силья посмотрела на список пассажиров:

— Фиассаки мы знаем. Этот Кичик, наверное, коренной обитатель Тота. На кого хоть они похожи?

— Их иногда называют крысоподобными обезьянами. Около метра ростом, семь пальцев на каждой руке.

— Какая мерзость!

Дверь снова открылась, и в сопровождении стюарда вошел негр, который оказался С. Мпанде. После процедуры знакомства Чапман сказал:

— Как насчет того, чтобы я занял верхнюю полку, мистер Мпанде? По-моему, мне будет легче туда забраться?

Мпанде похлопал себя по брюшку и прокхекал:

— Лады, старина.

— До встречи, Си,— попрощался с Сильей Чапман.

Первые несколько часов после взлета, с их перегрузками, Чапман провел на койке. Потом он решил прогуляться по кораблю. В дальнем конце узкого коридора, огибающего кольцом нос корабля, согласно табличке на бразильско-португальском языке, хранился крупный багаж пассажиров. Дверь была закрыта на обычный вставной замок.

Пройдя по коридору в другую сторону, Чапман нашел небольшой салон с двумя маленькими столиками. За одним из них уже началась игра между тремя людьми и тотианцем, чьи многочисленные пальца ловко перебирали карты.

Высокий молодой брюнет слегка повернулся и приподнялся, чтобы протянуть руку, украшенную большим безвкусным кольцом:

— Пгивет, мистер Чапман! Мы ведь встречались на выставке в Нью-Йорке?

— Здорово, Жан-Жак. Собрался на Осирис — проворачивать свои делишки?

— Может, что и получится. Подозреваю, что мы летим туда за одним и тем же.

— Везешь коллекцию летней одежды?

— Для занятий спортом, если точнее. Забавно, да? Что за блажь тебе в голову взбрела — держать чемодан с образцами у себя в каюте?

— Подумал, что на борту могут оказаться прыткие ребята вроде тебя...— усмехнулся Чапман.

— То-то я и вижу, ха-ха! По-моему же, замки капитана Альмейды у нас на корабле достаточно надежны, чтобы никто не мог приникнуть, куда его не просят. У меня интересных вещичек, которые следовало бы держать у себя в каюте, столько, что одним чемоданом не обойтись.

— Не сомневаюсь. Но судя по тому, что у нас на борту только три женщины...

— Совершеннейшая верность! Правда, есть небольшая неувязочка, забавная такая. Ты назвал такую точную цифру. Но ведь не считал Кичика, который и не мужчина, и не женщина.

— И то и другое,— проклекотал тотианец.— Вы мне не завидуете? Тройка пик.

Из-за тесноты на корабле оградить Силью от общения было невозможно. Она познакомилась с пассажирами, включая рыженькую красотку-манекенщицу Бергерата, которая оказалась весьма приятной и простой в общении девицей. По крайней мере, она не возвышалась над своим шефом, как высокая Силья.

Мпанде был сам не свой до игры в карты, и Чапман улучил момент, чтобы спокойно поговорить в каюте с манекенщицей.

— Я хочу посмотреть, что находится в чемодане Бергерата.

— Как, ведь он на замке?

— А ты не знала, что я когда-то работал механиком по замкам?

— Слушай, Като, не надо снова что-то такое начинать. Вспомни, что с тобой было в случае с тем аргентинским игроком в поло...

— Не лезь не в свое дело! Я же не сказал, что собираюсь что-то сделать с содержимым чемодана? Разве не так?

— Не сказал, но я думаю...

— И я знаю Жан-Жака: он человеческого обращения не понимает, только язык кулаков.

— По-моему, он такой милый!

— Ха-ха! Ты его еще не знаешь.

Чапман прошел по коридору и стал изучать дверь багажного отсека. После этого он начал со скучающим видом шататься по кораблю, пока не встретил Зулоагу, главного инженера «Комоэс».

— Можно мне здесь все осмотреть? — спросил он, представившись.

— Весьма сожалею, правила «Вигенс Интерпланетарис» строжайше запрещают пассажирам заходить в двигательные отсеки.

— А как тогда насчет ремонтных служб? Там я ничего повредить не смогу.

Зулоага погрозил ему пальцем и сказал, мешая английские слова с португальскими:

— Вы, Americanos do Norte, всегда сразу начинаете везде совать свой нос, едва попадете на корабль. Похоже, от этого вы чувствуете себя смелыми. Ну ладно, пойдем посмотрим нашу маленькую мастерскую.

В ремонтном отсеке Чапман познакомился с главным механиком Густафсоном. Зулоага ушел, оставив их осматривать приборы и инструменты. Когда Чапман через полчаса уходил, у него был кусок воска и моток толстой проволоки, который он незаметно сунул себе в карман.

Убедившись, что в коридоре никого нет, Чапман стал разбираться с замком, пытаясь понять, что у него внутри. Для начала он сунул проволоку в замочную скважину, чтобы определить, насколько она глубока.

Время на корабле тянулось медленно, и некоторые пассажиры дремали, выпив снотворное, а другие продолжали играть в карты. Фиассаки, когти которого были слишком острыми, чтобы держать карты, сидел, согнувшись, в углу салона, с хвостом, вытянувшимся вверх вдоль стены, листая сентиментальные земные романы, которые прихватил с собой в дорогу.

Чапман, выдержав необходимое время, нашел повод, чтобы снова заглянуть в ремонтный отсек. Там он выпросил у Густафсона два титановых прутка и начал стучать по ним молотком и изгибать, чтобы придать им нужную форму. Густафсон, похоже, поверил в неправдоподобную историю, что это было нужно для небольшого радиоприемника Чапмана.

Скоро два металлических прутка приобрели форму очень тонких и длинных ключей — один без обычного зубчатого наконечника, а другой всего лишь с одним отходящим вбок отростком. С противоположной стороны ключи загибались кольцами, чтобы их было удобнее держать.

— Это для настройки германиевых кристаллов,— сказал Чапман.

— Как-нибудь покажешь мне, как это делается,— сказал Густафсон.

— Конечно,— согласился Чапман и добавил по-португальски: — Obrigado .

После этого Чапман прошел в столовую и сунул там в карман баночку с перцем. Когда Мпанде в каюте не было, он высыпал этот перец в обычный конверт и положил его себе в кар-ман.

Он дождался, пока почти все пассажиры заснули, а Мпанде играл в карты в салоне — на космическом корабле всегда найдутся чудаки, которые живут по своему графику сна и бодрствования, не как все нормальные люди. Чапман выскользнул из своей каюты с отмычками в карманах и прошел к багажному отсеку. Нервно оглядевшись по сторонам, он просунул прямой металлический стержень в замочную скважину и стал им там энергично вертеть. Потом он сунул туда же отмычку с боковым отростком и стал поворачивать ее в разные стороны, пока маленькие зубчики внутри не сдвинулись в положение открытого замка. Щелчок! И Чапман распахнул дверь.

Прежде всего убедившись, что не окажется в ловушке и сможет выйти, Чапман закрыл за собой дверь. Он оказался в почти полной темноте, свет давал только небольшой карманный фонарик. В отсеке оказалось так много багажа, что трудно было двигаться. Однако Чапман усмехнулся, когда луч фонарика осветил большой чемодан Бергерата с образцами изделий. На нем была прикреплена табличка: «Ж.-Ж. М. Б. — Томазелли, Париж». Чтобы добраться до цели, Чапману пришлось передвинуть всего одну большую сумку.

Он зло усмехнулся, подумав, что мосье Томазелли, известный своим скупердяйством, пожалел двух тысяч, чтобы купить лишний билет и положить чемодан с образцами на койку в ка-

юте! Ну и замечательно! Но что же теперь? Чемодан был с кодовым замком Клейнвассера, и открыть или закрыть его можно было, только установив правильную комбинацию цифр. По идее, один вид такого замка должен был отбить у похитителя всякую охоту открыть чемодан.

Чапману, со всем его опытом, не оставалось ничего другого, как пытаться подобрать комбинацию цифр. Конечно, вернее было бы прибегнуть к другому методу — то есть сверления, взлома или взрыва. Но даже туповатый Густафсон наверняка бы что-то заподозрил, начни он выпрашивать фомку или дрель, не говоря уже о взрывчатке. Что же делать? К несчастью, Чапман не обладал телепатическими способностями, чтобы узнать у Бергерата нужную комбинацию цифр.

Что еще можно придумать? Рыженькую милашку Аню, судя по всему, можно было обработать. Конечно, ему и в голову не приходило заняться ею всерьез. Хотя он знал, что, когда вернется в Голливуд, тамошние красавицы уже повыходят замуж и нарожают детей. Именно поэтому только люди вроде него и Сильи, не связанные ни с кем тесными семейными узами, отправлялись в подобные путешествия. Полет будет для них продолжаться пять месяцев, а на Земле за это время пройдет целых пять лет...

Услышав какой-то звук, он спешно выключил фонарик. Кто-то подошел и сопел в коридоре снаружи. Потом дверь приоткрылась, в щель просунулась рука и начала ощупывать стену в поисках выключателя.

Чапман видел только силуэт плеча и части головы на фоне освещенного коридора, но узнал Жан-Жака Бергерата. Через секунды загорится свет, а чемоданы лежали слишком плотной стопкой, чтобы среди них можно было спрятаться.

Чапман сунул одну руку в карман куртки и достал щепотку перца. Другую руку, сначала убрав фонарик, он согнул в запястье. Затем он бросил перец в лицо Бергерату и сильно дернул его внутрь багажного отсека. Чапман посторонился и дал своей жертве проскользнуть мимо него в дверь, которую он закрыл за собой, как только внутри раздалось судорожное чихание.

Полчаса спустя в дверь каюты Чапмана заколотили кулаком:

— Впусти меня, Като! Со мной случилось нечто из ряда вон!

Чапман осмотрелся и вынул графин с водой из держателя на стене.

Бергерат, однако, выглядел вполне дружелюбно, хотя у него было красное лицо и налитые кровью глаза.

— Дружище! Это что-то невообразимое! Я прогуливался по коридору и услышал какой-то шум из багажного отсека. Ага, сказал я себе, что бы это могло означать? Не за моими ли прекрасными образцами кто-то туда наведался? Я толкнул дверь. И надо же! Она открылась, хотя всегда была заперта на замок, если только в отсек не входили стюард или член экипажа. Я просунул руку внутрь, чтобы включить свет. И что же дальше? Меня схватили и втянули внутрь и сыпанули мне в лицо перцем. Проникший в отсек человек проскользнул мимо меня наружу. К счастью, дверь можно открыть изнутри, а то бы я до сих пор там сидел. Представляешь?!

— Кто же это был? — спросил Чапман.

— Не знаю, так быстро этот fripon[43] выскользнул. Сперва я подумал на тебя. Но это абсурд: чтобы представитель одного великого кутюрье играл в такие игры с другим. Потом я решил, что, возможно, нашему другу Фиассаки взбрело в голову, что в обычае носить одежду есть что-то неприличное, и он вознамерился воспрепятствовать этому на его планете. Хотя меня схватила именно человеческая рука, а не осирианская. Тебе ничего не приходит в голову?

Чапман невозмутимым голосом промолвил:

— А твоей манекенщице, Савинковой, можно доверять?

— Этой малышке? Думаю, да. У меня тут есть неплохое средство для залечивания ран и воспоминаний о превратностях судьбы.— Бергерат достал серебристую бутылку с двумя прикрепленными к ней рюмочками.— Отличный коньяк.

Чапман принюхался к своему бренди, задержал рюмку в руке и выпил только после француза.

— Давай-ка посмотрим список пассажиров,— сказал Бергерат.— Эта мадам Баррос летит к своему муженьку, так что с ней, думаю, все в порядке. Мистер Уильям Чисхолм — ты знаешь о нем что-нибудь?

[43] Мошенник *(франц.)*.

— Только то, что он сам нам рассказал. Что-то вроде профессора...— Чапман, сидя на краешке койки Мпанде, покачнулся. Потом, не успев ничего осознать, потерял сознание.

Когда Като Чапман очнулся, у него раскалывалась голова и было гадкое ощущение во рту. Он шевельнулся для пробы, застонал и сел, держа голову руками.

— Слушай, с тобой все в порядке, старина? — спросил Мпанде, выглядывая со своей нижней койки.— Я вошел несколько часов назад и увидел, что ты одетым лежишь на своей койке.

— Слава Богу, вроде жив,— пробормотал Чапман. Его часы показывали время завтрака.

Он слез вниз и побрился. Потом, когда Мпанде вышел, бросился к своему чемодану. Замок был закрыт, и оставалась надежда, что содержимое не пострадало. Но когда он открыл чемодан, то некогда нарядные одеяния внутри представляли собой сплошное месиво, некоторые образцы были разорваны на мелкие части, другие остались целыми, но потеряли цвет.

Чапман собрался с силами и нажал на кнопку внутренней связи:

— Мисс Зорн, пожалуйста... Силья, это Като. Подойди в мою каюту, и побыстрее.

Увидев, во что превратились их образцы, она обхватила голову и простонала:

— Като! Это совершенно ужасно! Как такое могло случиться?

Чапман порылся в тряпках и нашел два осколка тонкого стекла.

— Видишь разрез снаружи?— Он показал на полукруглую дыру, которая была вырезана или выжжена в металле чемодана, а кусок обшивки свободно болтался туда-сюда.— Конечно, это Бергерат. Думаю, то его кольцо слишком большое, чтобы быть просто украшением. Это энергетический резак. Мерзавец привел меня в бессознательное состояние своим

напитком — Бог знает как, — разрезал крышку чемодана и бросил туда кислотную бомбу. Это такие изящные маленькие штучки, которые используются в конкурентной борьбе. Пластмассовая оболочка размером примерно с куриное яйцо, а внутри тонкий стеклянный контейнер с кислотой и болтающимся в ней острым грузиком. Если сильно ударить таким яйцом обо что-нибудь твердое, грузик разбивает стекло и кислота начинает разъедать пластмассу.

Пока они обследовали остатки образцов одежды, Чапман рассказал Силье о своем первом столкновении с Бергератом в багажном отсеке.

— Он понял, что это был ты, и решил свести счеты,— сказала Силья.

— За что? Я не причинил никакого вреда его проклятому чемодану...

— Ты хочешь сказать, что пока не причинил. Зато засыпал ему всю физиономию перцем. У тебя что, не хватило здравого смысла сидеть тихо-смирно? Пусть бы все шло своим чередом. Ты же, как мальчишка, полез устраивать эту нелепую кражу со взломом.

— Что ты имеешь в виду под «здравым смыслом»? Проклятье, куриные твои мозги! Здесь я за все отвечаю и не позволю, чтобы на меня кричали...

— Кто на кого кричит?

— Ты кричишь!

— Я! Не! Кричу!

— Нет! Кричишь! — Чапман напряг всю свою волю и рассмеялся.— Да и я тоже. Давай не будем ссориться, по крайней мере друг с другом.

— Но что же нам делать? Тут ничего целого не осталось, кроме этого купального костюма, а с ним никакого шоу не получится.

— Мы могли бы устроить сногсшибательный показ, но теперь осирианцам не суждено оценить его по достоинству.

— Раз все равно упущенного не вернуть, не можем ли мы пересесть на другой корабль?

— Конечно, нет. У нас еще достаточно энергии, да и летим мы с такой скоростью к... к...

Они оба схватились руками за головы. Силья Зорн наконец промолвила:

— Я с самого начала поняла, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет, еще только когда ты и мисс Нетти уговаривали меня на эту сумасшедшую командировку. Если мы и доживем до возвращения назад, наша старая ведьма-кошка сживет нас со свету.

Чапман посмотрел в потолок:

— У нас остался только один шанс.— Он взял свой бумажник и сунул его себе в рукав.

— Като! Что тебе еще взбрело в голову? Опять какую-то авантюру задумал?

— Скоро увидишь. Терять ведь нам все равно нечего?

В салуне как раз заканчивала завтракать первая смена и готовилась уступить место второй. Чапман протолкался к Бергерату, сказал: «Слушай, ты...», добавил несколько непечатных выражений и ударил его в нос.

Тотчас же салун наполнился криками, летящей посудой, и вообще поднялась невообразимая суматоха. Бергерат успел дать Чапману по зубам, прежде чем они сцепились, повалились на пол и начали молотить друг друга кулаками в небольшом промежутке между двумя столиками.

— Немедленно прекратите! — властно крикнул кто-то на бразильском диалекте португальского. Чапман почувствовал, что его оттаскивают от врага. Над ним орал капитан Альмейда: — Вы что, с ума сошли? Что значит это насилие?

— Этот хам,— сказал Чапман, вытирая текущую по подбородку кровь,— напоил меня каким-то зельем, так что я потерял сознание, потом обшарил мои карманы и бросил в чемодан кислотную бомбу, чтобы привести в негодность образцы товаров и мои вещи, а вы называете насилием, когда я за все это его разок ударил?

— Ложь! — воскликнул Бергерат.— Я дал ему всего лишь глоток коньяку, и он вырубился. Разве я виноват, если ему одной рюмки достаточно, чтобы опьянеть? А о его чемодане вообще ничего не знаю, и к карманам его не прикасался. Все это из пальца высосано...

— Посмотрите, что у него в карманах,— сказал Чапман.

Зулоага пробежался руками вдоль тела Бергерата и обнаружил бумажник.

— Вот видите! — сказал Чапман.

— Но... но я не имею представления, откуда он взялся,— залепетал Бергерат.— Должно быть, его мне подкинули, когда мы боролись...

Однако с этого момента симпатии экипажа перешли на сторону Чапмана.

— Позвольте мне показать вам мой чемодан,— сказал он.

Они осмотрели остатки образцов одежды. Бергерат свою вину полностью отрицал. Чапман внутренне усмехнулся и подумал, что никогда бы не доказал, что Бергерат пошел на преступление, которое он совершил, если бы сначала не убедил командование корабля, что француз сделал то, что он в действительности не делал.

Бергерат сказал:

— Я зашел поговорить с мистером Чапманом потому, что у нас с ним уже была стычка в багажном отсеке.— И он рассказал о том, как ему бросили в лицо перцу.

— Все это чистой воды выдумки,— заявил Чапман.— Надо же ему что-то сказать. Давайте проверим и его багаж. Может, в нем полно украденных вещей.

Они прошли по коридору, и капитан открыл своим ключом дверь багажного отсека. Чапман на какой-то момент весь внутренне сжался, представив, как кто-то спросит Густафсона, что делал мистер Чапман в ремонтном помещении. Но никто лишних вопросов не задавал, и у Чапмана отлегло от сердца.

— Откройте чемодан,— распорядился капитан.

Бергерат подчинился. Внутри лежала аккуратно сложенная летняя одежда, преимущественно женская: купальные костюмы, тенниски и тому подобное. Никто из пассажиров не обнаружил среди них ничего украденного.

— Вот видите,— сказал Чапман.— Никто в его чемодан не лазал.

— Вижу,— согласился капитан Альмейда. Он захлопнул крышку, повернул кодовое кольцо-замок и сказал Бергерату: — Ты, амиго, арестован за насилие, кражу со взломом и тому подобное, о чем я еще подумаю. Ты останешься в

отсеке К до конца пути, когда будет проведено формальное расследование. Уведите его.

Аня Савинкова запротестовала:

— Но... но все это неправда... по крайней мере, вы должны посадить в камеру их обоих. А что будет со мной? Я осталась в одиночестве...

Чапман похлопал ее по плечу:

— Все будет в порядке, детка. Я о тебе позабочусь.

— Что я слышу? — сказала Силья Зорн.— Будь с ним поосторожнее, Аня, когда он начинает так говорить...

Чапман громко рассмеялся им обеим, вернулся к себе в каюту и как следует вымыл внутри свой чемодан, предварительно все из него вытащив. Следующей, условно говоря, ночью, когда он уверился, что Мпанде завис в салуне, за игрой в карты, Чапман достал из укромного местечка свои отмычки и снова проник в багажный отсек. Капитан Альмейда, ничего не зная об особенностях замка Клейнвассера, просто немного повернул кодовое кольцо, так что теперь открыть чемодан Бергерата не составляло труда.

Полчаса спустя все приведенные в негодность летние наряды мисс Гринфарб оказались в чемодане Бергерата, а похожие творения мосье Томазелли удобно разместились в чемодане Чапмана в его каюте.

После этого Като позволил себе немного расслабиться в салуне, оторвав Фиассаки от его сентиментальных романов, чтобы сыграть с ним партийку-другую в шашки.

После того как «Комоэс» совершил посадку и все пассажиры прошли паспортный, эпидемиологический и таможенный контроль, Чапман сказал:

— Вперед, девочки. Думаю, эти птички в зале ожидания и есть наши осирианские предприниматели.

— И что нам с этого пользы? — уныло протянула Силья.— У нас ничего нет, и мы не в силах что-то...

— Положитесь в этом на меня,— сказал Чапман.— О, Фиассаки!

— Да?

— Я так и не выучил как следует ваш язык. Вы не поможете мне несколько минут как переводчик?

— Окхотно.

Они подошли к небольшой стайке динозавров, и Чапман сказал Фиассаки:

— Спросите, нет ли среди них Тафахии, занимающегося изготовлением штор.

После непродолжительного свистения-щебетания на языке ша-акфи Фиассаки доложил:

— Этот большой есть он.— И показал на высокого осирианца, чешуйки которого были украшены ярко расцвеченными золотисто-голубыми блестками.— Сказал, что у тебя письмо от мисс Гринфарб. Он думать, это хорошая идея. Вы продадите им образцы, а они будут делать одежду. Конетшно, их ответ не будут полутшать на Земле много лет. Вы не пройти в их офис, тштобы организовать показывание?

— Пошли, девочки,— сказал Чапман, собираясь последовать за своими новыми компаньонами. Через стеклянные двери он увидел осирианский автомобиль — платформу на колесах, с перилами, но без сидений. С их хвостами от земного седана было бы мало толку...

— Синьор Чапман? — окликнул его один из сотрудников компании «Вигенс».— Можно вас на минутку?— И извинился по-португальски.

— В чем дело? — слегка забеспокоился Чапман.

Вам надлежит подписать заявление против синьора Бергерата. В противном случае мы не сможет начать расследование.

— Не надо настаивать на этом обвинении.— Чапман ощутил, что его одолевают великодушные чувства.— Четыре месяца в изолированном отсеке — вполне достаточное наказание.

— Но в таком случае мы будем вынуждены его отпустить!

— О'кей, позвольте ему выйти.

Когда Силья и Аня демонстрировали один за другим наряды, осирианцы шипели как прохудившийся паровой котел. Чапман, чей язык ша-акфи все еще оставлял желать лучшего, читал по буквам шпаргалку:

— ...это, леди и джентльмены, наряд для похода за покупками по центральным улицам. Обратите внимание на расклешенную юбку...— Он знал, что его акцент ужасен, потому что некоторые звуки человеческие голосовые органы просто отказывались произносить, и наоборот. Естественно, он не говорил им, что показывает коллекцию Томазелли из Парижа.

Одна осирианка, на которую ему было приятно смотреть, стала уговаривать своих мужчин купить все на корню. Когда показ закончился, осирианцы-мужчины вытащили чеки и подписали их, используя свои острые когти как ручки, едва Чапман успел назвать цены. Хотя это были фантастически большие деньги, но все же затраты на доставку образцов на Осирис они не покрывали, однако по крайней мере ничто не было отвергнуто и не придется тратить еще тысячи долларов, чтобы доставить их обратно на Землю.

Когда все образцы были проданы, осирианка возымела желание приобрести и всю одежду девочек-манекенщиц — все, что на них было. Чапману стоило большого труда уговорить ее отказаться от этой затеи.

— Фи-и-и! — присвистнул он, когда последняя осирианская красотка протопала прочь, с беретом на хохолке и недоуздком вокруг безгрудого торса... — Ну как вам... э-э... показ, Тафахия?

— Бесподобно! — воскликнул осирианец.— Мы немедленно подпишем договор. Как жаль, что с нашим температурным контролем тела мы никогда не ощущали нужды в обычае носить такие очаровательные наряды! Пойдемте, я передам вам договор и наш первый платеж. Когда можно ждать первое портфолио с нашими образцами?

— Они... они уже в пути,— пробормотал Чапман на своем спотыкающемся ша-акфи.— Все уже послано на корабле, будет храниться в компании «Вигенс» и передано вам по заключении договора. Давайте поторопимся, потому что мы не хотели бы опоздать на обратный рейс «Комоэса».

— Ничего страшного: один из наших собственных кораблей отбывает к вашей звезде через несколько дней...

Чапман все равно спешил. Осирианцы спят на полу, не пользуются креслами и питаются мясом других рептилий, которых они приручили. Хотя он и слышал, что на их кораблях есть специальный провиант для пассажиров-людей, как в компании «Вигенс» для осирианцев, ему вовсе не хотелось самому испробовать их спальные приспособления и познакомиться с непривычной кухней.

После того как копия договора между компанией «Гринфарб» и синдикатом Тафахии была положена в надежное место — сейф капитана Альмейды, — Като Чапман сказал:

— Все, девочки, мы себе будущее обеспечили.— После этого он ойкнул, увидев фамилию Бергерата в списке пассажиров.

— Ну а что, по-твоему, этому бедняге оставалось делать?

— Это может создать для нас проблемы.

Однако обошлось без серьезных неприятностей. Бергерат усмехнулся ему и сказал:

— Где мы можем поговорить, старина? У меня есть одно предложение, которое надо обсудить.

Позже он продолжил:

— Слушай, мне нельзя возвращаться к Томазелли. Он тут же меня выгонит взашей, да еще с волчьим билетом, чтобы я в Париже никуда не мог устроиться. Он очень мстительный, этот малыш Томазелли. Ты и я вели поединок голыми кулаками — или и металлическими стержнями? — и ты взял верх. Bien[44]. Поздравляю тебя. Но почему бы мне не вернуться с тобой в Голливуд? Это второй всемирный центр моды. Может, замолвишь за меня словечко перед мисс Гринфарб?

— Хм,— задумался Чапман.— Это идея. Не могу чего-нибудь обещать. Нетти может подумать, что Томазелли пытается заслать к ней своего шпиона. Ты сам-то уверен, что это не так? — Чапман грозно посмотрел на своего друга-врага.

— Нет, нет! Это легко доказать. И тут есть еще один мотив.

[44] Хорошо, ладно *(Франц.)*.

— Что еще?

— Сентиментальный мотив. Твоя мисс Зорн... хм-м... э-э...

— О! Ладно, сделаю что смогу. Между прочим, что это ты мне тогда намешал с коньяком? Я внимательно смотрел, чтобы ты выпил то же самое.

— Все очень просто. Я использовал барбитурат, который разлагается кофеином, а сам перед тем как идти к тебе в каюту напился кофе. Но мы ведь закончили играть в эти игры, не правда ли?

Через пять месяцев, по субъективному ощущению времени, ракета-шаттл с Плутона совершила посадку в космопорте «Мохаве». Чапман, с повисшей на его руке Аней, спустился по трапу.

За двадцать два года здесь должны были произойти изменения. К счастью, благодаря большому увеличению продолжительности человеческой жизни в последнем столетии, большинство из старых знакомых должны были быть живы. Включая мисс Нетти.

Чапман яростно пыхал своей трубкой, впервые закурив после того, как поднялся на борт «Комоэс». За ним следовали Бергерат и Силья. Когда они прошли все проверки и оказались в зале ожидания, Чапман остановился как вкопанный. Его трубка упала на пол.

За исключением тех, кто прилетел на их корабле, люди, толпившиеся в зале ожидания, были обнажены, только на ногах у них были сандалеты. Больше того, их кожу украшали фантастические разноцветные орнаменты, которыми покрывали себя обитатели Осириса.

Пока они стояли и таращили глаза на это зрелище, к ним подошел человек:

— Като Чапман?

— Д-да. Кто вы?

— Вы меня не узнаете?

— О Господи, мой кузен Эд Махони! А это моя жена Аня, это мистер и миссис Бергерат. Помнишь Силью? Она всегда

мечтала о высоком брюнете. Капитан оформил наши браки по пути с Осириса.

Махони кивнул:

— Я думал, что без чего-то подобного не обойдется.

— Но... но, черт возьми, где же ваша одежда? И почему все вокруг выглядят, как татуированные циркачки?

— А, это... Новый осирианский стиль, появился не так давно. Больше мы в жаркую погоду ничего не носим.

— Ик... — вырвалось у Чапмана.— Откуда появился?

— Кажется, благодаря нескольким ловким осирианцам, которые прибыли к нам с так называемой культурной миссией года несколько лет назад и начали с организации синдиката по рекламе на Земле своего нательного дизайна. Так что, судя по всему, вы теперь без работы.

— Как?!

— Именно так. Нетти Гринфарб разорилась, и вся ее торговля летней одеждой закончилась. Последнее, что я о ней слышал, — будто она работает кем-то в правительстве. Но, может, вы попробуете свои силы в нательном бизнесе? Это настолько модно, насколько вы можете себе вообще вообразить, и я могу постараться найти местечки для тебя и твоих друзей. Вы летите со мной в Лос-Анджелес?

Они безропотно последовали за ним.

Все хорошо, что хорошо кончается

«Finished», журнал «Astounding Science Fiction» №411, 1949

— Не видать им этого как своих ушей! — мрачно изрек Абреу.— Установить технологическую блокаду — и в то же время разрешить сообщение кришнанцев с существами с других планет? Ха-ха! Проклятый Межпланетный совет! Пусть попросят у нас чего полегче. Например, поджечь спичкой море Садабао.

Команданте Силва, прибывший со своей планеты на переговоры, выглядел смущенным:

— На Вишну у нас все в порядке, больше того, мы без всяких проволочек оборудовали там станцию. Ваши подопечные, синьор Кристовао, пользуются дурной славой.

Абреу покрылся румянцем и заерзал в своем кресле:

— Вам легко критиковать, синьор Аугусто. Как вы знаете, Бембом — это небольшая станция, не чета Новоресифе, а ваши вишнанцы рядом с кришнанцами — простые и наивные, как дети.

— Я только хотел сказать, что всем известно о ваших бюрократических проволочках, которые...

— Говорю вам...

— ...которые являются...

— Queira, senhores [45],— остановил их Кеннеди. Комендант Новоресифе был очень важной персоной, и его послушались.— Оставим пререкания. Нам надлежит сделать все возможное при существующих обстоятельствах.

— И все равно дело дохлое,— не переставал брюзжать Абреу.— Рано или поздно они придумают что-нибудь сногсшибательное, и тогда мы узнаем, зря или не зря Межпланетный совет опасался, что эти отсталые кришнанцы начнут

[45] Довольно, господа *(порт.)*.

воевать с другими мирами, как только у них произойдет научно-техническая революция.

— В этом я с вами солидарен. Межпланетный совет — всего лишь группа людей. А значит, любой из них — и все вместе — может быть ограниченным, даже дубоватым. Я целый год бомбардировал их письмами по поводу вишнанцев, чтобы...

В этот момент раздался стук в дверь.

— Да! — сказал Абреу. Вошел Горчаков, начальник таможенной службы.

— Думаю, вам лучше быть в курсе этого дела, chefe[46],— сказал он.— Помните того землянина, которого мы пропустили для путешествия несколько десятков ночей назад? Акелави? Ахмад Акелави?

— Тот высокий алжирский инженер? Sim[47]. Что там с ним?

— Он пытался пронести через таможню мумию.

— Прошу прощения, синьоры,— извинился Абреу.— Мне необходимо разобраться с этим делом.— И глава службы безопасности Новоресифе — настоящая туша — поднялся с кресла и, тяжело ступая, пошел за Горчаковым.

— Что за мумия? — спросил он.

— Какой-то их царек. Утверждает, что все абсолютно законно и у него есть чек об оплате покупки.

Едва увидев Акелави, Абреу словно ощетинился внутри. Сам толстенький коротышка, он подозревал всех мужчин выше него в дьявольских кознях, а алжирец, возможно, был самым высоким человеком, нога которого переступала порог этого дальнего представительства «Вигенс Интерпланетарис».

Акелави все еще выглядел по-кришнански: всклокоченные зеленые волосы и нарисованные стрелки по направлению к ушам. Он холодно посмотрел сверху вниз своими большими темными глазами на чиновника.

Абреу взял с места в карьер:

— Что все это значит, синьор Ахмад?

Акелави вздохнул:

— Я уже объяснил сотруднику таможни, а потом начальнику всей службы, а теперь говорю вам, затем, судя по всему, очередь дойдет до команданте Кеннеди...

[46] Босс *(порт.)*..

[47] Да *(порт.)*.

— Об этом вам нечего беспокоиться. Просто отвечайте на мои вопросы.

— Весьма охотно. Повторяю еще раз: я купил эту мумию у принца Ферриана Сотаспийского. Вот чек в подтверждение этой сделки, с собственноручной подписью князя.

— А с какой целью вы ее приобрели?

— Отвезти на Землю в качестве музейного экспоната. Даже при нынешних тарифах на перевозки она компенсирует мне затраты на поездку.

— А чья это мумия? — спросил Абреу, осматривая ее.— Mãe do Deus[48], какая она ужасная!

— Считается, что это останки Манзарии, первого и единственного короля Сотаспе,— заметил Акелави.

— Как это? У них была республика? Или еще что-то?

— Не совсем так. У них была только видимость, юридическая фикция, благодаря которой король Манзария все еще является законным правителем, а у царствующего монарха — принца — только статус регента. Тут все юридически очень запутано...

— Тогда нечего и забивать всем этим голову. Вы просветили ее рентгеновскими лучами, amigo?

— Пока нет,— ответил Горчаков.— Думал, вы захотите присутствовать...

[48] Матерь Божья *(порт.)*.

Через полчаса со всеми проверками было покончено.

— Не вижу причин препятствовать ее вывозу,— сказал Абреу.— Но объясните мне: почему принц Ферриан решился продать столь священную реликвию?

Акелави пожал своими костлявыми плечами:

— Он не сказал. Возможно, хочет называться королем, а не только быть монархом по сути дела.

— Понимаю. А что это у вас за медаль?

— За победу на чемпионате по планерному спорту в Микарданде. Если вы позволите мне начать подписывать бумаги из этой горы, я могу успеть на свой корабль.— И, заполнив все необходимые документы, он удалился с мумией в руках.

Не прошло и трех дней после отбытия Акелави на корабле «Лорето», как в Новоресифе разыгралась настоящая буря. И поднял ее молодой худой кришнанец. На нем был наряд богатого островитянина с моря Садабао, а его португальский был если не ломаным, то сильно искривленным.

— Я — принц Ферриан Сотаспийский! — сверкая глазами кричал он на Абреу.— Грязные твари! Что вы сделали с нашим великим королем?!

— Вы имеете в виду ту мумию, которую взял с собой Акелави? — пробормотал смущенный Абреу.

— Это для тебя она мумия, а для нас — священная реликвия нашего государства, которое было, есть и будет вовеки веков! Где она?

Абреу объяснил.

— Ты хочешь сказать, что символ славы наших предков теперь за миллионы миль отсюда? Что этот вор, да соберется в его утробе вся зараза и гниль Кришны, что он...

— Минуточку, ваша милость. Так вы утверждаете, что этот Акелави похитил мумию, а не купил ее, как он сказал?

— Конечно, похитил! Ты что же, полагаешь, будто мы столь бедны, что продали нашего единственного короля?

Абреу повернулся к своему секретарю:

— Найди-ка фотокопию чека, который предъявлял Акелави. Если произошла ошибка, господин Ферриан, мы ее исправим... А вот и чек. Разве это не ваша подпись?

— Выглядит похоже, но я никогда подобных бумаг не подписывал. Он мог получить их хитростью. Когда отбывает на землю следующий корабль?

— Через девять или десять дней. Но, мой друг, кришнанцам бывает весьма затруднительно получить разрешение для полета на кораблях компании «Вигенс»...

— Как будто мы не являемся старейшей и достойнейшей цивилизацией во Вселенной! — горячо воскликнул Ферриан.— Да будет вам известно, синьор, что скоро настанет день, когда с этой дискриминацией будет покончено раз и навсегда!

— Что вы, что вы! Мы вовсе не считаем себя чем-то выше кришнанцев. Весь вопрос в том, как ваша цивилизация воспримет и использует достижения науки и техники. Когда вы примете на вооружение современные идеи государственного устройства и законности...

Ферриан сказал Абреу, на своем гортанном гозаштанду, что он думает и чего стоит вся эта законность.

Абреу, не отличавшийся миролюбивым нравом, с трудом себя сдерживая, ответил:

— Почему бы вам не положиться в этом вопросе на нас? Служба безопасности компании «Вигенс» может послать на Землю со следующим кораблем донесение. Как только это сообще-ние будет получено, вся мощная полицейская машина Земли будет приведена в действие, и вашего короля незамедлительно вернут назад.

— Что значит «незамедлительно»?

— О, по кришнанскому времени, примерно через двадцать пять лет. Именно столько понадобится для доставки на Землю сообщения и возвращения короля.

— Нет! Ждать нельзя! Я сам полечу! Думаете, я позволю, чтобы моего бедного предка волокли через всю Вселенную без эскорта, одинокого, беззащитного? Вы, земляне, понятия не имеете о почестях, которые следует оказывать помазаннику божьему.

— Очень хорошо. Заполните заявку по этому образцу.

Так и получилось, что на следующем космическом корабле к Солнечной системе оказался Ферриан бад-Арджанак, принц-регент Сотаспе. С одной стороны, этот космический путешественник был важной персоной, а с другой — жителем отсталой планеты, воинственному народу которой был закрыт доступ к технической информации. Поэтому Абреу послал с ним в качестве сопровождающего сотрудника своей службы безопасности, Геркулеса Костанхосо.

Когда они уходили, то, как заметил Абреу, горячо спорили об эффекте Фицджеральда. Ферриан отказывался верить, что, если его путешествие к Земле займет для него примерно сто шестьдесят дней, то на Кришне за это время пройдет три тысячи дней.

— У нас есть одна легенда, — бросил он пренебрежительно, — о шахтере Галаю, который попал в сказочную страну и провел там три дня, а когда вернулся обратно, все его друзья стали стариками. Но я-то взрослый и образованный человек! И ты хочешь, чтобы я поверил во всю эту чушь?!

Прошли годы.

На таможне возник скандал в связи с установившимся в здешних местах обычаем целоваться при встречах и прощаниях. В результате кадровых перестановок Абреу перевели на Ганешу, хотя никакой его вины в случившемся не было. Его последователю тоже пришлось несладко. Он был уличен в том, что попустительствовал прохождению через таможню привычки курить табак. Как следствие, Абреу вернулся на прежнее место, а благодаря усилиям земных врачей-геронтологов не стал выглядеть намного старше.

И вот однажды на посадочную площадку Новоресифе опустился новый корабль «Маранхао», и по трапу сошли Костанхосо и принц Ферриан. Абреу принялся яростно трясти руку монарху:

— Отлично! Я так и думал, что вы вот-вот вернетесь. Забрали свою мумию?

— Да.— Португальский Ферриана заметно улучшился.— Это было самое интересное путешествие, какое только можно

представить, хотя твой человек не спускал с меня глаз ни на минуту, словно я дикий зверь в клетке. Он даже читать мне ничего не давал, кроме старых законодательных актов, которые все время откуда-то доставал.

— Ему так приказали,— сказал Абреу.— Когда на Кришне установятся обычные для остальной Вселенной стандарты законности, этики и государственного устройства, тогда, может быть, вам будет предоставлен доступ и...

Ферриан сделал нетерпеливое движение:

— Хватит читать лекции, дружище. Сейчас мне гораздо интереснее решить вопрос с транспортировкой моей мумии на Маджбур. Да и самому надо туда попасть поскорее. Для меня путешествие заняло немного времени, а вот мои бедные женушки наверняка по мне стосковались. Я должен их снова увидеть.

Таможенник был под каблуком у своей супружницы и поэтому завидовал умению принца держать в руках даже не одну жену, а целый взвод. Однако, будучи мудрым чиновником, он не подал виду, какие чувства его обуревают. Когда Ферриан отошел подальше, так что их не было слышно, он спросил Костанхосо:

— Как ты с ним справился, Геркулес?

— Без особого труда. Он подчинялся всем приказам, беда лишь в том, что он слишком хорошо соображает.

— Как это?

— Он способен делать правильные умозаключения, даже получая самые незначительные сведения. А когда ему надо, делается таким очаровашкой, что может выудить из человека все, что ему нужно. В конце концов я дал ему свод законов, чтобы он немного успокоился. К тому же на Кришне не лишне будет установить кое-какие современные законы.

— Ты все сделал правильно. Еще не знаешь о своем повышении по службе?

— О... а... благодарю, но нет ли здесь ошибки? Меня только что повысили...

— Ты забыл, мой мальчик, что это было недавно только по твоим субъективным ощущениям, а что касается выплаты жалованья и повышения в должности, то здесь ведется объективный отсчет времени...

Абреу посмотрел, как принц и его мумия отплыли на двадцатидвухвесельном баркасе вниз по течению реки Пичиде, а потом опять зарылся в свои бумаги и выкинул этого королька из головы. Но только до тех пор, пока не получил письмо от Горбоваста, полномочного представителя короля Экрара Гозаштандского в свободном городе Маджбуре. Горбоваст, вдобавок к представлению интересов короля Экрара, вел двойную игру и немного шпионил для Абреу. Он писал:

От автора записки намеченному адресату, с приветствием.

Уважаемый господин, довожу до вашего сведения попавшие в поле моего зрения любопытные факты. Как вам известно, принц Сотаспе, вместе с мумией короля Манзарии прожил здесь десять ночей или больше. Сегодня у нас пришвартовался корабль с флагом Сотаспе. На нем прибыл премьер-министр, сэр Карао бад-Аве. Говорят, что какой-то прирученный биджар доставил в Сотаспе записку, чтобы прибыл этот корабль и забрал принца.

Но более интересен, однако, сам этот корабль — «Керукчи». Он приводится в движение не только веслами и парусами, но и механическим устройством. К каждому борту прикреплено большое колесо с деревянными лопатками, вставленными в ось, так что они погружаются в воду при его вращении. Колеса приводятся в действие машиной внутри корпуса, об устройстве которой я ничего не могу сказать, потому что сотаспийцы никого на борт не пускают. Говорят, однако, что эта машина приводится в действие кипящей водой, а дым выходит через большую трубу, установленную посередине судна.

Так как «Керукчи», скорее всего, в ближайшее время уйдет, когда его машина будет готова к путешествию, вам надо поспешить, чтобы увидеть это устройство.

Наилучшие пожелания вам и вашим близким».

Перечитав письмо, Абреу набросился на Костанхосо:

— Геркулес!— закричал он.— Вызови парикмахера для нас обоих! Мы уезжаем! Зеленые волосы и все остальное!

Между тем в Маджбуре принц Ферриан в это время делал выволочку своему премьер-министру:

— Ты законченный, полный идиот! — кричал он.— Что, в Сотаспе не нашлось ни одного подходящего корабля и тебе пришлось прибыть сюда на «Керукчи», а теперь слухи о его существовании достигли ушей землян в Новоресифе? Получай, болван! — И он полоснул министра плеткой.

Сэр Карао согнулся, повалился вниз и ударился головой о пол:

— Смилуйтесь, ваше величество! — взмолился он.— Вы знаете, что я никогда не мог сладить с вашим гаремом!

— А причем тут мой гарем?

— Эта злосчастная авантюра была предпринята по настоянию вашей жены леди Танзи, которая сказала, что хочет оказать вам достойную вашего величества честь, послав за вами гордость нашего флота!

«Гордость»! «Честь!». Чушь собачья! Моя жена леди Танзи захотела утереть нос моей жене леди Курахи, разве нет? А почему ты не посоветовался с моей женой леди Джаали?

— Я хотел, но она болела и отослала меня к вашей жене леди Роврай, которая взяла сторону леди Танзи...

— Все ясно,— проворчал Ферриан.— Полная неразбериха и путаница. Ладно, но по крайней мере эта ошибка больше не повторится, потому что, когда я вернусь в Сотаспе, будет установлен новый закон. Прочитал свод законов, который мне старательно подсовывали земляне.

— Что же за закон?— Карао приподнял голову от пола.

— Принудительная моногамия, как в Гозаштанде.

— О, ваше величество! Но что же вы сделаете с вашими достопочтенными женами?

— «Достопочтенными», ха-ха! За эти годы я насмотрелся, какие они достопочтенные... Что касается твоего вопроса, то я разведусь со всеми, кроме одной, и назначу им пенсии. Если найдут себе других мужей — и на здоровье. Ничего с ними не сделается, потому что они богаты и пользуются престижем, а у нас полным-полно свободных мужчин.

— А на ком же вы остановите свой выбор, богоподобный сэр?

— Пока не решил. Леди Джаали самая чувственная, но она старовата; леди Дунбени самая симпатичная, но холодновата; леди Танзи самая обольстительная, но ей не хватает мудрости, которую боги дают...

Двумя днями позже Абреу и его помощник стояли перед Горбовастом в Маджбуре. Обычной униформы службы безопасности «Вигенс» на них не было, а ее заменяли дешевенькие кришнанские юбки, вязаные шапочки и ножи в ножнах.

— Премного сожалею, джентльмены,— сказал представитель короля Экрара.— «Керукчи» отчалил на рассвете, о чем я вас предупреждал, а на нем отбыл принц Ферриан и его закутанная в тряпки мумия.

— Ничего не поделаешь,— проговорил Абреу на своем беглом, с сильным акцентом гозаштандском.— Все, что мне нужно, это быстроходное судно, чтобы их догнать.

— В гавани стоит несколько торговых кораблей...

— Корыта! Слишком тихоходны для погони, когда «Керукчи» ушел так далеко вперед.

— Так вы планируете...

— Не твоего ума дела, что мы планируем! Что бы с нами ни случилось, это произойдет в море, где каждый заботится о себе сам. Если мы и нарушим какой-то закон, то только сотаспийский, а я не собираюсь попадать под его юрисдикцию. Где мне раздобыть галеру?

Горбоваст поднял свою прическу-антенну:

— В Маджбуре вам вряд ли позволят арендовать какой-то свой корабль.

— А как насчет короля Замбы?

— Нет. Он с Сотаспе ссориться не захочет.

— В любом случае у нас нет ни минуты лишнего времени. Давай, пошевели мозгами!

— Я и думаю,— сказал Горбоваст.— Вот! Как вам капитан Зардеку и его «Алаштир»?

— Что это?

— Трехмачтовая галера с двумя рядами весел, которую Зардеку купил в прошлом году у Арисанга и переоборудовал

в быстроходное торговое судно. На нем восемьдесят сильных гребцов и сорок весел, хорошо обученный экипаж, и оно способно обогнать даже королевский фрегат Маджбура «Джунсар».

— Как это на Кришне можно получить какую-то прибыль, если надо кормить восемьдесят гребцов? Она же лопают как звери. Да и места для груза там должно быть маловато.

— О, но это судно предназначено для особых целей! Благодаря «Алаштиру» он ведет торговлю в море Ваандао, бросая вызов монополии, о которой заявил Дур. Любого другого торговца, который решится ходить в тех водах, дурумцы сразу поймают и отправят на дно кормить рыб. Зардеку, однако, делают рейсы туда и обратно, да еще посмеивается над ними, потому что ловить его им — все равно что королю Гедику пытаться поймать в свои сети бога дождей. Между прочим, некоторые товары, которые он доставляет в Маджбур, добыты обычным пиратством, хотя это и нельзя доказать. Вдобавок ко всему, вчера на заре он был здесь: почему бы вам его не отыскать?

Капитан Зардеку оказался высоким крупным кришнанцем. Он развалился на скамье в портовом кабаке и выглядел сонным и добродушным. Казалось, кто-то однажды припечатал его и так плоский кришнанский нос каким-то тупым предметом.

— Что касается условий, о которых вы упомянули, джентльмены. Мне придется отправиться на «Алаштире» на самый край света, где, по легенде, море Садабао кончается и вода переливается за его край. Когда же, по-вашему, нам надо отбывать?

— Может, сегодня в полдень? — спросил Абреу.

— Нет, не так быстро. Мне до завтра только успеть собрать моих крепышей из всех этих подвальчиков на берегу, да еще надо провизией запастись. Хотя, если вам так надо, я отдам швартовы завтра за час до рассвета.

— Согласны,— сказал Абреу.— Надеюсь, ваши люди способны проводить ночи в море.

— Они сделают то, что я им скажу. Когда галеры Дурарыскают по нашим следам, как жуки по плоскому камню, матросы спят на скамьях вроде этой. А для такой погони, как ваша, я найму дополнительных гребцов.

Капитан Зардеку почти сдержал свое слово, и они отчалили за полчаса до рассвета. Восемьдесят гребцов работали сорока веслами, оглушительно гремевшими в уключинах, а гос-подствующий западный ветер нес корабль вниз по течению к устью реки и дальше в море Садабао. С запада, со стороны суши, плыли по зеленоватому небу большие кучевые облака, но, достигнув кромки берега, бесследно исчезали, и поэтому большая часть неба над морем была чистой.

Ветер надувал три треугольных паруса.

— Это новая для здешних мест оснастка,— сказал Зардеку.— Для быстрых маневров, чтобы опередить двухмачтовый корабль, они поднимаются все и помогают идти точно по ветру, а курс можно держать, управляя малыми парусами. Однако похоже, что наша погоня пройдет хорошо, если ветер не изменится. Не зайти ли нам в Замбу?

Абреу отрицательно покачал головой:

— Вряд ли они там остановятся, когда еще так мало прошли от Маджбура. Если только что-то сломается. Надо бы нам добраться до гавани Решра и убедиться, что их там нет, а дальше идти в Джеруд.

— Лево на борт! — скомандовал Зардеку и продолжил рассказывать о пиратах, навигации и оснастке судов: как корабельные мастера, пока не догадались сажать двух или больше гребцов за одно весло, устраивали их в несколько рядов, как придумывали разные хитрости, чтобы гребцы не стукались головами друг о друга...

В гавани Решра никаких признаков «Керукчи» не было. Тем не менее капитан порта сказал им:

— Да, мы видели, как это судно проходило, оставляя за собой длинную струю дыма. Подумали, что у них пожар, и послали галеру на помощь. Ха-ха! Ну и дураками же мы себя почувствовали! Этот горящий корабль просигналил, что у них все в порядке.

Капитан Зардеку пополнил запасы продовольствия и воды для ненасытных глоток его команды, и их судно снова стало разрезать изумрудные воды моря. Они останавливались в гавани За, где у местных жителей были хвосты, как у обитателей Колофтского болота, потом у Ульванага, где увешанные золотом пираты Дезфула властвовали в преддверии своего необычного

конца, затем у Варзени-Гандерана — острова женщин, которые допускали до себя мужчин с проходящих кораблей, но не давали своим детям-мальчикам становиться взрослыми.

Дамы с Варзени-Гандерана видели огненный корабль на горизонте, но он не остановился. Это тоже было необычно.

— Маленький экипаж, или они чертовски спешат,— предположил Абреу и повернулся к Зардеку: — Скоро мы их настигнем. Думаю, им придется остановиться. Должны же они пополнить запасы топлива для своей машины?

Большая часть ночи на Варзени-Гандеране оказалась потерянной, потому что команда «Керукчее» позволяла себе развлекаться только там, где ей разрешалось, и потому отставание увеличилось на несколько часов. Наконец, на четвертый день они увидели «Алаштир» в Дарье, где местные жители носили промасленные шкуры вместо одежды. Остров узнали по двум каменным грядам, которые тянулись вперед сколько хватало взгляда. Впередсмотрящий крикнул:

— Дым в гавани, но я не вижу, что это значит.

— Капитан,— сказал Абареу,— думаю, наш принц остановился здесь для пополнения запасов дров и почти готов к отплытию. Не лучше ли приготовить вашу катапульту? Пусть гребцы немного отдохнут.

— Да-да. Вы, там! — Зардеку начал отдавать распоряжения свойственным ему тихим голосом, чуть громче, чем в обычном разговоре. Абреу, однако, заметил, что матросы быстро выполняли все приказы.

Пока гребцы отдыхали, а корабль скользил по направлению к гавани на парусах, матросы подняли наверх кучу деревянных брусьев и канат, из которых соорудили на палубе катапульту. Рядом с ней уложили метательные снаряды, которые можно было назвать или оперенными дротиками, или сверхбольшими стрелами.

— Что теперь? — спросил Зардеку.

— Надо подождать; мы не может зайти за ними в гавань.

Зардеку развернул нос корабля против ветра, так что главный парус только слегка похлопывал, а носовой и бизань были сколько возможно подняты, чтобы «Алаштир» не сносило к берегу. В нос сбоку били волны, и судно сильно качалось с боку на бок.

Абреу в подзорную трубу видел колесный пароход, трубы которого нещадно дымили. Надо будет им хорошо запастись топливом, подумал он. Так как «Алаштир» медленно двигался по гавани, рассмотреть преследуемое судно можно было с разных углов. Очевидно, его переделали из галеры, Абреу видел гнезда для весел.

— Мы не слишком удалились к северу? — спросил он Зардеку.— Вдруг им нужно на юг? В этом случае, когда они снимутся с якоря, нам будет трудно их догнать.

— Ты прав,— согласился Зардеку.— Повернуть главный парус! Спустить его вниз!

Когда корабль стал набирать скорость, Абреу спросил:

— Капитан, почему мы идем прямо от гавани?

— У нас в море должно быть пространство, чтобы развернуться и пойти по ветру.

— Но почему бы нам просто не повернуть налево?

— Дать лево руля, чтобы нас понесло ветром назад? Думаешь, я сумасшедший? Чтобы нас на скалы выбросило?

Абреу понял, что он не моряк, и решил оставить решение всех технических вопросов на Зардеку.

— Огненный корабль выходит из гавани! — крикнул впередсмотрящий.

— Теперь мешкать нельзя,— сказал Абреу.

Зардеку отдал еще несколько распоряжений. Гребцы заработали веслами. Рулевой начал разворачивать корабль направо, пока его нос не стал смотреть на берег, а матросы спустили все три паруса. Гребцы сработали веслами назад, и корабль остановился, а в корму заколотили волны.

— Надо посмотреть, куда они пойдут,— сказал Зардеку. Через минуту он добавил: — Направляются на юг. Отпустить переднюю рею, подтянуть заднюю! Поднять паруса, право руля!

Верхние концы рей опустились, а нижние поднялись. После того как все команды были выполнены, шкоты выбраны, корабль развернулся и лег на другой курс, по направлению к «Керукчи», который выходил из гавани против ветра только движением колес и без парусов. Гребцы «Алаштира» заворчали и налегли на весла.

Два корабля шли пересекающимися курсами, пока Костанхосо не сказал:

— Похоже, там вывесили флажки. Что они хотят сказать?

Зардеку взял подзорную трубу:

— Спрашивают. Другими словами, хотят узнать, есть ли у нас к ним какое-то дело. Корве, подними сигнал «лечь в дрейф». Хайн, заряжай катапульту.

«Керукчи», вместо того чтобы остановиться, продолжал двигаться, подняв еще несколько флажков. Абреу предположил, что гордый принц сообщает им, что о них думает.

— У них тоже есть катапульта,— заметил Зардеку.— На корме.

Ветер свистел в такелаже. Наконец со стороны «Керукчи» послышался звук глухого удара, и от его кормы поднялся и по дуге полетел к «Алаштиру» град камней. Они упали в воду, не достигнув цели.

— Ядра,— бросил Зардеку.— Хорошего мало, мои гребцы могут пострадать.— Он приложил свой рупор к губам и прогремел: — Остановись, жалкий трус! Надо поговорить!

— Чего тебе нужно? — донесся до них ответ.

— Скажи, что его корабль,— сказал Абреу.

— Твой корабль!

— Иди к Хишкаку! — пронеслось над волнами, и послышался еще один глухой удар. На этот раз по деревянной палубе «Алаштира» застучал град свинцовых шаров по килограмму весом каждый. Послышались крики, и Абреу увидел, как один из гребцов скрючился на палубе с залитой кровью головой. Двое свободных гребцов потащили его прочь, а один занял его место. Другой стал раскладывать рядом со скамьями оружие.

Потом хлопнула катапульта самого «Алаштира», послав пучок дротиков к корме «Керукчи». Катапультисты парохода попрятались, но их вернул на места командир.

Абреу сказал:

— Капитан, если мы пойдем дальше вперед, они не смогут нас достать, потому что им помешает собственный такелаж.

— Зато они могут взять нас на таран,— ответил Зардеку.— А у нас тарана нет, убрал его, когда переоснащал корабль.— Через несколько секунд он добавил: — Кроме того, похоже, они настроены по-боевому.

Зардеку подбодрял своих гребцов, которые отвечали ворчанием и налегали на весла так, что те гнулись, а трубы «Керукчи»

продолжали яростно дымить. Вращающиеся колеса поднимали тучи брызг, за которыми скрывалась большая часть кормы судна, начинавшей дюйм за дюймом удаляться от «Алаштира». Бу-ум! Вверх взлетели свинцовые шары, проделав в парусах несколько дыр. Банг! Дротик воткнулся в корпус «Керукчи».

— Если мы сможем повредить одно из этих колес,— сказал Абреу,— как я вам говорил...

Зз-з-з-з! Абреу пригнулся, а над его головой просвистела пара изогнутых металлических прутьев. Один из матросов распластался на палубе, а его товарищи вели ответную стрельбу.

Зардеку пошел вперед по узкому мостику над головами гребцов, чтобы самому заняться катапультой. «Керукчи» продолжал удаляться.

Бам! Дротик пролетел между лопаток ближнего колеса «Керукчи» и воткнулся острием в обшивку. Колесо со скрипом остановилось, дернулось назад, но ствол дротика, торчавший под углом, ему мешал. «Алаштир» словно рванулся вперед, а «Керукчи» замедлил ход, и его матросы ничего не могли поделать с застывшим колесом.

— Сдавайтесь! — прокричал Зардеку в рупор.

Голос с «Керукчи» ответил, что ему самому нужно с собой сделать.

Зардеку продолжал настаивать:

— Мы возьмем вас на абордаж! Сдавайтесь, и тогда мы никого убивать не станем!

Еще ругательства.

— Все к борту!— приказал Зардеку.— Взять абордажные крючья! Штурмовая команда, приготовиться!

— Давай, Геркулес.— Абреу взял абордажную саблю.— Выбери и ты себе. Ты знаешь, нам тоже надо исполнить свой долг.

— Ик...— ответил маленький Костанхосо, походивший на кого угодно, только не на древнего Геркулеса.

Тем не менее он трясущимися руками надел свой шлем и присоединился к штурмовой команде на носу. Все гребцы, сидящие дальше от борта, вооружились и присоединились к ним, оставив своих товарищей управляться с веслами. Абордажники пригнулись под защитой планширa, а над

их головами свистели стрелы и дротики. Корпуса кораблей метр за метром сближались.

— Приготовить трапы! — приказал Зардеку.

Матросы вытащили несколько трапов с острыми шипами на дальних концах, чтобы прочно зацепиться за деревянные части на корабле противника.

— На штурм! — крикнул Зардеку.

Абреу, хотя он и полагал себя староватым для таких смертельных игр, счел, что должен показать пример своим подчиненным. С необыкновенной живостью он подпрыгнул и побежал по ближайшему трапу. Топот ног за его спиной сказал ему, что остальные матросы бросились за ним.

У другого конца трапа матрос пытался вырвать шипы из досок. Абреу нанес ему удар и рванулся дальше, не смотря на результаты. Повсюду слышались крики, топот, звенела сталь.

Абреу оказался лицом к лицу с худенькой элегантной фигуркой в легких окислившихся до черноты доспехах, покрытых как мозаикой золотом. Его противник сжимал подобно завзятому дуэлянту небольшой меч. Под наносником шлема Абреу узнал принца Ферриана.

— Сдаетесь? — спросил он.

— Никогда! — Принц пританцовывал перед ним и делал причудливые выпады.

Абреу отразил своим щитом острие меча и нанес ответный удар. Фехтовальщиком он не был, да и в любом случае времени для таких игр не оставалось. На Ферриана наседали со всех сторон. Принц, с залитым кровью лицом, яростно отбивался, его меч сверкал точно молния, но противников было слишком много. Внезапно меч у него в руке оказался сломанным. Когда он бросил его и отступил к борту, нащупывая у себя на поясе другое оружие, копье ударило его в грудь, он повалился на бок и со шлепком упал на палубу.

— Все кончено.— Зардеку убрал меч в ножны.

Оставшиеся в живых сотаспийцы уже упали на колени и ждали, что с ними теперь станется. Костанхосо, очевидно, был полон гордости за кровь на лезвие своего меча и одновременно сострадал сдавшемуся матросу, чью руку он поранил.

— Кто тут главный? — спросил Абреу.— Ты?

— Если вам будет так угодно, господин пират,— сказал Карао.— Что все это значит?

— Где мумия?

— В каюте, сэр. Разрешите вам показать...

— Веди.— Абреу прошел вместе с министром в каюту на корме.— О!

Бренные останки короля Манзарии остались такими же малоприятными, какими были и раньше.

— Что вы делаете? — с внезапной мукой вскрикнул Карао.— Это кощунство!

— Чушь! — рявкнул Абреу, разрывая вдоль бока плотную обертку мумии своим абордажным крюком.— Смотри сюда!

— Кто ты? — вскрикнул Карао.— Человек Дура, или замаскированный землянин, или еще кто-то?

Проигнорировав вопрос, начальник службы безопасности продолжал тормошить мумию и скоро обнаружил несколько маленьких книжек.

— Смотри, Геркулес,— сказал он.— Химия, физика, энергетика, электроника, математика, сопротивление материалов, аэронавтика... Принц хорошо поработал. Ну а ты!— Он повернулся к съежившемуся Карао.— Будешь отвечать на вопросы? Или отправишься за своим несчастным повелителем на дно.

— Я... я буду отвечать, м-мой господин.

— Хорошо. Кто построил этот корабль? То есть кто переделал его в пароход?

— Ахмад Акелави, сэр.

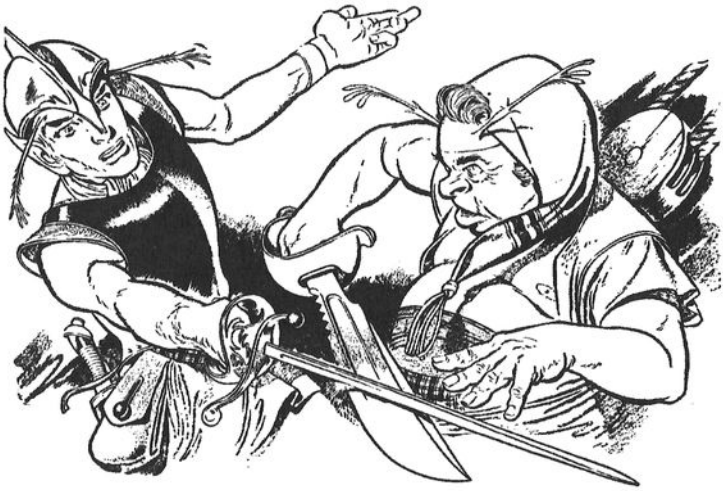
— А вы с Феррианом разработали план — отвезти эту мумию на Землю, где полно технической литературы, а потом вернуть ее обратно на Кришну? Так?

— Да, сэр.

— А что получил за это Акелави?

— О, его величество разработал сложную схему по конвертации некоторых из унаследованных им сокровищ в земные доллары. Он также хотел сделать Акелави своим министром науки, если он когда-нибудь вернется на Сотаспе.

— Понятно. Ваш принц был парень не промах, жаль, что он пошел ко дну.



— Мы его арестуем? — спросил Костанхосо по-португальски, кивнув на Карао.— А мумию можно взять с собой в качестве доказательства.

— Хм,— пробормотал Абреу.— Мне кажется, что мы допустили большую ошибку, когда позволили этой мумии попасть обратно на Кришну, не проверив ее тщательно. Как по-твоему?

— Pois sim [49].

Абреу продолжал размышлять вслух:

— А если мы его арестуем и так далее, все это выплывет наружу. Результаты могут ока-заться для таможни плачевными, не говоря уже о нас самих.

— Да-ср.

— Если мы отвезем Карао в Новоресифи по обвинению в тайном сговоре в соответствии с Кодексом законов Межпланетного совета, раздел 4, статья 26-я, кришнанцы могут поднять страшный хай по поводу незаконного ареста, а нас назовут убийцами, империалистами и тому подобное. А если мы отпустим его со всеми людьми, хорошенько предварительно вздрючив, и сожжем корабль, дело будет закончено ко всеобщему удовлетворению. А так как принц все равно теперь кормит рыб

[49] Совершенно верно *(порт.)*.

и за Акелави мы установим наблюдение, никаких нарушений технологической блокады такого рода больше не будет.

— Правильно,— согласился Костанхосо.— Но мне ужасно не хочется сжигать этот корабль. Это все равно что уничтожить сами знания.

— Знаю-знаю,— взревел Абреу,— но нам надо следовать определенной политике. Мир во Вселенной важнее, чем...— Он повернулся к Карао и сказал на гозаштандонском: — Мы решили, что эта тайная деятельность проводилась не по твоей вине, ты просто выполнял приказы своего повелителя. Следовательно, после того как мы со всем здесь покончим и сожжем корабль...

— Ийа! Великий господин, молю вас не сжигать гордость флота Сотаспе...— И из глаз Карао покатились крупные слезы.

— Очень жаль, мой хороший, но этого не избежать. Зардеку, собери своих людей...

Тем временем Ферриан бад-Арджанак, принц Сотаспе, вцепился в нижнюю лопатку пароходного колеса, а из воды торчала только его голова. Другие лопатки и все колесо мешали людям с палубы «Керукчи» его увидеть. Он сбросил свои доспехи и теперь пытался освободиться от плаща. С большими усилиями удалось избавиться и от него. После этого принц по крайней мере мог плавать.

Хотя он слышал голоса с палубы, но слов из-за шума ветра и волн разобрать не мог, особенно когда его время от времени топила большая волна. Пара громких всплесков сказала ему, что несчастные жертвы схватки были сброшены за борт. Снова послышались тяжелые шаги и громкие голоса, на палубе что-то двигали и разбивали.

Потом раздался треск, природу которого он сначала не смог распознать. Ему потребовалось несколько минут, чтобы понять природу дыма, который и всегда обволакивал «Крукчи». На этот раз клубы были слишком густыми, чтобы выходить из паровой машины. Потом он осознал, что дорогой его сердцу корабль на самом деле горит, громко выругался в адрес всех богов своего пантеона и добавил пару горьких слез в воды моря Садабао.

Что же, все равно он не мог держаться за эту лопатку целый день. Скорее всего, другой корабль отошел от борта «Керукчи» на безопасное расстояние с подветренной стороны, пока его добыча не сгорит полностью. Или «Керукчи» просто догорит до уровня моря, а потом его заполнит вода и он пойдет ко дну, как большинство кораблей. Тяжесть машин утянет его на дно.

Принц Ферриан выскользнул из оставшихся одежд и поплыл к берегу, стараясь, чтобы горящий «Керукчи» оставался между ним и «Алаштиром». Свежий дневной ветер проносил над ним струи дыма, заставляя его кашлять и глотать воду, но и помогая оставаться незамеченным. Таможенники Дарьи, как и все их соплеменники, ходили в чем мать родила, поэтому он мог не опасаться за появление на берегу в непристойном виде.

Через десять ночей торговое судно «Звезда Джазмуриана» пришвартовалось в порту Сотаспе, и принц Ферриан, сопровождаемый двумя носильщиками с большой коробкой, сошел на берег. Те, кто его увидел, едва не попадали на землю от удивления.

— Ваше величество!— пробормотал один из сотаспийцев.— Мы все думали, что вы мертвы! Ваш кузен принц Саварун едва не объявил вашего старшего сына, принца-регента...

— Скоро мы со всем этим разберемся, дружище,— сказал Ферриан.— Дайте мне айю. Я направляюсь во дворец.

Когда волнение улеглось, принц Ферриан произнес речь.

— Во-первых,— сказал он,— благодарю моих верноподданных, которые честно исполняли свой долг в мое отсутствие. Многие ли правители, удалившись из родных мест на несколько лет, находят, что их троны не заняты?

Во-вторых, вы знаете, что мы понесли тяжелую утрату. Нашей священной реликвии, нашего короля больше нет. Однако в Дарье мне сделали его деревянную копию, которая будет заменять нам настоящего короля. Эта идея пришла мне в голову после прочтения свода законов, принятых среди землян.

В-третьих, с этого дня отменяется полигамия. Несмотря на то что я очень ценю преданность и заботу, которыми меня

окружали долгие годы мои жены, есть веские причины для отмены этого обычая. Могу упомянуть хотя бы о мелкой ревности среди моих жен, из-за которой рухнул мой величественный замысел. (Нет, нет, Танзи, не надо плакать. О тебе позаботятся.)

В-четвертых, так как мой план индустриализации Сотаспе не увенчался успехом, я искал и нашел ему замену. Почему, подумал я, мы должны напрягать все свои нервы, чтобы похитить секреты у земной науки? Почему нам не открыть это самим? Читая историю Земли, я узнал о системе, благодаря которой земляне обогатились таким количеством изобретений и знаний. Это называется патентование, и как только Тайный Совет уточнит детали, в Сотаспе тоже будет такая система...

Абреу, одетый слегка щеголевато, как и всегда, когда ему сопутствовал успех, докладывал команданте Кеннеди об итогах своего вторжения в море Садабао. В конце он сказал:

— Не примите за самонадеянность, синьор Уильям, но благодаря усилиям молодчаги Геркулеса и моим собственным большинства многолетних угроз технологической блокаде больше не существует!

А несколько десятков ночей спустя принц Ферриан, который любил произносить речи и вообще покрасоваться, стоял на верхней ступеньке мраморной лестницы в коронационном зале. Перед ним склонился на колени невзрачный маленький сотаспиец с рукой на перевязи. Ферриан зычным голосом провозглашал:

— ...наш подданный, Лайджан, мастер-каретник, соединил вместе планер, на котором наши отечественные спортсмены развлекаются, паря в воздухе, с ракетами, запуском которых мы празднуем астрологические совпадения, и тем самым создал новое и полезное устройство. Для сведения: движимый ракетой летательный аппарат, с помощью которого можно летать, куда душа пожелает. Хотя пока таких аппаратов немного и

управление ими несовершенно — как вы видите по сломанной руке мастера Лайджана, — со временем эти трудности будут преодолены.

Настоящим я, Ферриан бад-Арджанак, правитель государства, в знак признания за твое выдающееся изобретение, жалую тебе, Лайджан бад-Загх, патент номер тридцать семь патентной системы Сатаспео вместе с титулом рыцаря.

Он коснулся стоящего на коленях изобретателя скипетром.

— Поднимитесь, сэр Лайджан.— Принц повесил на шею маленькому сотаспийцу медаль.— А теперь,— подытожил он,— начинается всеобщее празднование со званными обедами и фейерверками. Отныне это будет День Освобождения, потому что именно в этот день раз и навсегда рухнули стены невежества, за которыми держали нас деспотические земляне!

Галтонский свисток

Сборник «The Continent Makers and Other Tales of the Viagens», 1953

Адриан Фром пришел в сознание от громких голосов — туземцы-дзлиери вопили на своем полном согласных языке. Попытавшись двинуться, он обнаружил, что привязан к дереву лианами. Вишнуванские кентавры прыгали вокруг него, размахивая оружием и злорадствуя.

— Думаю,— сказал один из них,— что если мы осторожно снимем с него шкуру и вываляем в соли...

Другой добавил:

— Давайте лучше вспорем ему живот и начнем потихоньку вытягивать кишки. Снимать шкуру — ненадежно, земляне часто умирают посередине.

Фром увидел, что его товарищей-геодезистов и правда рядом нет. Остались только тела двух мертвых зебр — из шести, которые были у них сначала, — и несколько разбитых приборов. Голова у него раскалывалась от боли. Во время последней схватки Хаятака был без сознания, и Квинлан, похоже, защищал его сзади, а потом свалил, прихватив с собой шефа, но оставив Фрома.

Дзлиери еще некоторое время препирались, а потом один из них сказал:

— Чтоб вам всем сдохнуть от гнилой сыпи! Давайте отойдем и расстреляем его. Тем самым мы избавимся от него и заодно научимся лучше целиться. Арчерс первый. Как вам это?

Последнее предложение было принято. Они разошлись, насколько позволяла густая растительность.

Дзлиери не были точь-в-точь такими кентаврами, как те, что воплощены в прекрасных древнегреческих статуях. Попробуйте вообразить переднюю часть, взятую у обезьяны, а заднюю — у тапира, и вы получите представление о том, как они выглядели. У них были большие подвижные уши, окари-

катуренные человеческие лица, покрытые рыжей шерстью, четырехпалые руки и хвост пучком, как у лошади. У них было по две руки и четыре ноги, и это подвигло людей, которые не могли выговорить их собственные названия, именовать их кентаврами, хотя и Пракситель, и Фидий сильно бы напугались, увидев дзлиери перед собой.

— Готовы? — спросил энтузиаст стрельбы из лука.— Цельтесь ниже — его голова станет хорошим пополнением нашей коллекции, если только ее не повредить.

— Подождите,— сказал другой кентавр.— Я лучше придумал. Один из этих миссионеров рассказал мне их легенду о некоем человеке. Его повелитель приказал ему положить яблоко на голову сына и потом в него стрелять. Вот и мы...

— Нет! Так вы точно повредите ему голову!— И все они опять хором завопили во весь голос.

«Господи, ну и обсуждение мне привелось услышать!»— подумал Фром. Он проверил на прочность свои путы, но кто-то хорошо поработал, привязывая его к дереву. Несмотря на сильный испуг, он собрался с силами и твердым голосом спросил:

— Слушайте, ребята, что вы собрались делать?

Они не обращали на него никакого внимания, пока партия Вильгельма Телля не взяла верх и один из них, с украденной у торговцев винтовкой через плечо, не подошел к пленнику с каким-то фруктом размером с небольшую тыкву.

— Твоя пушка правда стреляет? — спросил Фром.

— Да,— ответил дзлиери — И заряды подходящие тоже есть!

Не очень ему поверив, Фром все же спросил:

— А почему бы нам не устроить настоящие спортивные соревнования? Пусть каждый из нас положит себе на голову по фрукту, и начнем стрелять?

Дзлиери издал гортанный звук, что должно было означать смех:

— И чтобы ты нас застрелил, да? Думаешь, мы такие глупые?

Фром счел за благо не отвечать на вопрос, но не оставлял отчаянных попыток изменить ситуацию в свою пользу:

— На самом деле, если вы меня убьете, то только добавите себе хлопот, а если отпустите...

— Мы никаких хлопот не боимся,— прорычал дзлиери, устанавливая свой фрукт на макушке Фрома.— Сам подумай: разве мы можем упустить такую хорошую голову? Ведь прежде никогда не видели землянина с такими желтыми волосами на голове и на лице.

Фром выругался хотя прежде всегда гордился своей рыжей шевелюрой. Надо было срочно еще что-то придумать, какие-то аргументы. Но вокруг был такой шум и суматоха, что собраться с мыслями было очень трудно.

Якобы-тыква со стуком упала на землю. Дзлиери взревел, снова водрузил ее на голову пленника и вмазал ему рукой по лицу:

— Это научит тебя правильно работать головой!— Он крепко привязал импровизированное яблоко лианой к макушке Фрома, затянув ее петлей через подбородок человека.

Три дзлиери начали обсуждать, кому стрелять первым.

— Послушайте, друзья,— сказал Фром,— вы знаете, что может сделать землянин, если ему...

Би-имс!

Отпущенная тетива выбросила стрелы, и они со свистом понеслись вперед. Фром услышал двойной удар. Тыква вздрогнула, а его ухо пронзила острая боль. Что-то липкое закапало ему на обнаженное плечо.

Дзлиери крикнул:

— Этснотен выиграл в первом туре! Разве это не находка — пришпилить его ухо к дереву?! Чья теперь очередь стрелять?

Тут послышался топот копыт, и показались еще несколько дзлиери.

— Хой! — поздоровался один из них с украшенным гребнем латунным шлемом на голове.— Что это тут у вас?

Перебивая друг друга, дзлиери-лучники все ему рассказали.

— Так-так,— сказал тот, что в шлеме, которого остальные называли Мишинатвен. Фром догадался, что это мог быть вождь бунтовщиков, которые вышли из старого союза Камматобдена. Слухи о войне ходили давно. — Выходит, другой землянин его здесь скрутил и оставил нам, да? Сначала лишив жизни наших ребят — тех, что там в кустах? — Он по-

казал на тела двух дзлиери, срезанных автоматной очередью во время предыдущей схватки.

После этого Мишинатвен обратился к Фрому на принятом во Вселенной бразильском диалекте португальского, но ломая фразы:

— Кто — ты? Как — имя?

— Я говорю на языке дзлиери,— сказал человек.— Я — Фром, член экспедиции из Бембома. Сегодня утром мы собрались уходить со стоянки, а ваши соплеменники атаковали нас без всякого повода и ранили нашего начальника.

— Ага. Один из тех, кто меряет нашу землю и ставит на ней метки, чтобы потом ее у нас отобрать?

— Ничего подобного! Мы только хотели...

— Все ясно. Думаю, я отправлю тебя к Всемогущему. Может, ты кое-что добавишь к нашим запасам, где содержатся магические знания землян. Например, что это такое? — Он показал на обломки, оставленные Квинланом.

— В двух словах не объяснишь. Но боюсь, что поломка серьезная. И это устройство для указания направления тоже сломано. А это... — Мишинатвен указал на радар, алюминиевый прибор, напоминавший внешним видом не то воздушного змея, не то дорожный знак. — ... это... э-э... опознавательный знак, который мы хотели установить на вершине горы Эртма.

— Почему? Это моя территория.

— Чтобы видеть его из Бембома с помощью радара — ты знаешь, что такое радар?

— Конечно, волшебные глаза, чтобы видеть сквозь туман. Продолжай.

— Значит, ты понимаешь, старина, что, смотря на этот предмет из Бембома с помощью радара, мы могли бы установить, как далеко и в каком направлении находится гора Эртма, и использовать эту информацию для наших карт.

Мишинатвен помолчал, потом сказал:

— Это для меня слишком сложно. Надо учесть, что погибли двое наших близких, а с другой стороны, они охотились за головами, что Всемогущий запрещает. И только Всемогущий может ответить на этот вопрос.— Он повернулся к остальным дзлиери. — Соберите здесь все и отнесите в Амнайрад

для ремонта.— Он вытащил стрелу, которая пронзила ухо Фрома, и разрезал путы своим коротким мечом наподобие большого ножа для резки линолеума.— Забирайся мне на спину и держись покрепче.

Фрому довелось немало поскакать по этой малообжитой стране на зебрах. Особый вид этих животных на планете нашла компания «Вигенс Интерпланетарис». У этих зебр Гревиса, довольно крупных, были узкие полосы на туловище, и они как нельзя лучше подходили для передвижения по Вишну, где еще не установилась традиция пользоваться для этих целей какими-то механическими средствами. Тем не менее у Фрома не было никакого опыта диких скачек без седла. Но по крайней мере он все еще был жив и надеялся узнать, кто у них тут «Всемогущий». Хотя Мишинатвен и упоминал гимоабртскуна — высшего духа, однако религию у дзлиери заменяли демонология и магия самого примитивного свойства, даже без верховного бога-создателя, возглавлявшего весь их пантеон. А может, невесело подумал Фром, «отправлю тебя к Всемогущему» означает просто убить его каким-то принятым у них сложным способом?

Ладно, даже если их экспедиция накрылась медным тазом, он хотя бы кое-что узнал о пропавших миссионере и торговце. Он отправился в путь с Хаятакой, старшим геодезистом, и Квинланом, человеком с темным прошлым и далеко не великосветскими манерами. Они с Квинланом сразу не понравились друг другу, хотя Фром и старался держаться с ним ровно. Хаятака же, несмотря на высокий профессионализм и опыт, был по жизни тихим и покладистым человеком, и держать в рамках такого отморозка, как Квинлан, ему было не под силу.

Едва они вышли, проводник-дзлиери сделал от них ноги, а Квинлан начал ворчать, что лучше вернуться. Хаятака и Фром, однако, решили добраться хотя бы до горы Эртма. Для этой цели они использовали вездеход на магнитной подушке, хотя путешествовать на нем по этой планете с ее непроходимыми джунглями и проливными дождями было не удобнее, чем на древнем пыхтящем паровозе.

Они услышали о пропавших землянах, когда Квинлан установил связь с командантe Силвой: «...и когда вы доберетесь до

страны дзлиери, попытайтесь отыскать следы Сирата Монгкута и Елены Миллан. Сират Монкгут — бизнесмен, вел с дзлиери переговоры о поставках металлолома. О нем не слышно уже на протяжении вишнуванского года. Елена Миллан — миссионер-космотеист, пропала около шести недель назад. Если они попали в беду, постарайтесь им помочь и сообщите нам...».

После сеанса связи Квинлан сказал:

— Совсем чертовщина какая-то, а? Не хватало нам здешнего климата, всяких пауков и туземцев, так еще надо искать каких-то придурков. Как его там зовут, этого парня? Что-то непохоже на землянина. Я лично таких имен на Земле не слышал.

— Сират Монкгут,— сказал Хаятака.— Он — таец, или, если хотите, сиамец.

Квинлан расхохотался:

— Ты имеешь в виду этих близнецов, соединенных вместе?

Этим же днем на них напала группа дзлиери, занимавшаяся древней, хотя и запрещенной охотой за головами. Дротик пробил обе ноги Хаятаки, а обе зебры были смертельно ранены до того, как Фром положил двоих и рассеял очередью из легкого автомата остальных туземцев.

Квинлан, однако, потерял голову от страха и убежал. Фром, здраво рассудив, не стал его сильно обвинять, потому что сам когда-то в такой ситуации запаниковал. Но когда Квинлан крадучись вернулся обратно, обещал ему все это включить в свой рапорт. Потом они перевязали раны Хаятаки и дали своему шефу хорошую дозу наркотика, чтобы он спал, пока они не будут готовы к возвращению в Бембом. Должно быть, Квинлан забеспокоился о своей повисшей на волоске карьере, лениво размышлял Фром, и подставил его, когда он тащил на горбу бесчувственного Хаятаку, а рядом показались дзлиери.

Через пару часов бешеной скачки по джунглям на пути к Амнайраду они оказались на некоем подобии дороги. На полянах, которые они пересекали, дзлиери собирали похожие на

салат растения размером с пушбольный мяч и ели их. Потом она оказались в так называемом городе, который на взгляд человека представлял собой ряд загонов с конюшнями. Это и был Амнайрад. Вдали неясно виднелась Эртма, ее вершину скрывали облака. К удивлению Фрома, в одном из загонов паслись зебры — это говорило о присутствии здесь людей.

Скоро они приблизились к группе не то лачуг, не то сараев — ветхих сооружений из жердей с наброшенными на них тряпками. У самой большой из лачуг их кавалькада остановилась. Дорогу им преградили два дзлиери в шлемах, с копьями и щитами.

— Передайте Всемогущему, что у нас кое-что для него есть,— сказал Мишинатвен.

Один из стражей зашел в сарай-лачугу и тут же вернулся обратно.

— Войдите,— сказал он.— Только ты и двое твоих людей, Мишинатвен. И землянин.

Пока они шли по лабиринту коридоров, Фром слышал, как по крыше над его головой колотили капли дождя. Он обратил внимание, что обстановка здесь цивилизованнее, чем можно было ждать от дзлиери. Туземцы хоть и обладали кое-каким умишком, но характеры у них были донельзя вздорные, и они сами не знали, что сделают в следующую минуту. Наконец Фром и его сопровождающие оказались в большой комнате, стены которой была закрыты чем-то наподобие местных ковров с прикрепленными к ним перекрещенными луками, копьями и другим оружием.

— Знакомьтесь,— сказал Мишинатвен.— Всемогущий, это землянин по имени Фром. Мы его нашли в лесу. Фром, это Всемогущий. — Мишинатвен, судя по всему, подыскивал местечко на глиняном полу, где бы ему удобно упасть ниц. Он боялся и смотреть на свое божество. Повернувшись, Фром увидел крепыша с монголоидным лицом и пистолетом в руке, сидящего в старом кожаном кресле, совершенно таком, какие бывают на Земле.

Фром кивнул и сказал:

— Рад с вами познакомиться, старина Всемогущий. А не было ли вашим именем до... э-э... обожествления Сират Монгкут?

Человек слегка улыбнулся, кивнул и переключил внимание на трех дзлиери, которые, перекрикивая друг друга, старались рассказать о поимке Фрома.

Сират Монгкут приподнялся и достал из кармана небольшой предмет, привязанный шнурком к его шее. Это была медная трубка, размером с сигарету. Он приложил ее одним концом к губам и дунул так, что его лицо покраснело от натуги. Хотя Фром ничего не услышал, дзлиери разом замолчали. Сират положил свисток обратно в карман, так что шнурок остался на виду, и сказал по-португальски:

— Расскажите нам, как вы оказались в таком исключительно затруднительном положении, синьор Фром.

Выдумывать что-то ни сил ни времени не было, и Адриан счел за благо рассказать Сирату правду о ссоре с Квинланом и ее последствиях.

— Дорогуша моя,— сказал Сират,— можно подумать, что вы — два моих дзлиери. Хотя я знаю, что земляне не могут обойтись без базара, когда на долгое время остаются вместе. Ну и куда ты двинешь, если я тебя освобожу?

— Наверное, попытаюсь пробраться обратно в Бембом. Если вы одолжите мне транспорт и немного продуктов...

Сират сокрушенно покачал головой, не переставая улыбаться, как чеширский кот:

— Боюсь, тут такое не принято. Но зачем тебе обратно? Куда спешить-то? После конфликта, о котором ты мне поведал, тебя вряд ли встретят с распростертыми объятиями. Твой сослуживец наверняка наплел про тебя всякого по самое некуда.

— Ну и что же тогда? — спросил Фром, подумав, что этот бизнесмен, учась в школе, явно звезд с неба не хватал, особенно по языковым дисциплинам. Он предположил, что Сират хочет во что бы то ни стало его задержать и как-то здесь использовать. А раз так, можно было немного его подурачить, тем более что становиться изменником Фром не собирался. Да и надо было разобраться, что тут вообще происходит.

Сират спросил:

— Ты учился на инженера? Диплом есть?

— Да, я окончил Лондонский университет. Специальность — гражданское строительство.

— А в технике разбираешься?

— Специалистом назвать себя не могу, но кое-что знаю. А вы хотите взять меня на работу?

— Я здесь уже привык, что вы словно мысли мои читаете. Грубо говоря, есть тут одна мыслишка. Мои дзлиери ловко управляются с разными простыми железяками, но механики никудышные. Больше того, я обнаружил, что им ничего и не втолкуешь. Понимаешь, они же существа домашинной эпохи, и мозги у них соответственные. Ну и ты, синьор, немножко не вовремя сюда заявился. Я кой-чего замышляю и не хочу, чтобы о моих задумках трепали языками по всему свету. Уловил?

Фрома осенило. Сират нарушал подпункт 15 пункта 26 раздела 4 статьи 368 Свода законов Межпланетного совета. В нем недвусмысленно запрещалось передавать техническую информацию разумным, но отсталым и воинственным существам вроде дзлиери без специального на то разрешения. И он не мог этого не знать. Но вслух Фром сказал только:

— Я подумаю, что могу сделать.

— Лады.— Сират встал.— Сейчас мы постави заплатку тебе на ухо, а потом я сам свожу тебя в мастерскую. Проводи нас, Мишинатвен.

Сиамец провел их через лабиринт коридоров с хлипкими стенами. Так называемый дворец соединялся крытым проходом с группой строений, в которых стучали молоты, скрежетали пи-лы и хлопали, выпуская воздух, кузнечные мехи.

В большом помещении несколько дзлиери возились с металлическими заготовками. Туземцы пользовались нехитрыми приспособлениями: токарный и сверлильный станки были снабжены ручным приводом. В углу высилась куча поврежденного местного оружия и инструментов. Оглядевшись, Фром заметил стойку с дюжиной двустволок. Одну из них Сират передал Фрому:

— Калибр два сантиметра, простые гладкоствольные ружья. С разными автоматами у моих дзлиери не очень

получается управляться, не говоря уже о шоковых, парализующих и тому подобных сложных устройствах. Поэтому если они и отберут что-то у торговцев, то проку мало — все скоро приходит в негодность. Чистить оружие они не хотят и не могут взять в толк, что для каждого ствола нужны особые боеприпасы. А если что-то сломается — а это случается сплошь и рядом,— отремонтировать они ничего не могут. Но с учетом того, что нарезку в стволах мы не делаем, а видимость в джунглях небольшая, эта восьмимиллиметровая картечь оказывается эффективнее, чем самая современная винтовка.

— А теперь,— продолжил Сират,— я хочу сделать тебя начальником моих мастерских. Сначала несколько дней посмотришь, что и как, поработаешь в разных службах. Думаю, ты в здравом уме и не попытаешься что-нибудь такое выкинуть — тем более что убежать из этой дыры сложновато. Для начала сегодня поработай здесь на разборке металлолома, а когда выполнишь свою норму, Мишинатвен покажет тебе твое жилье. У моих дзлиери еще нет денежной экономики, поэтому с тобой будут рассчитываться медными слитками. Ну и наконец, я надеюсь, что ты в благодарность за доверие не откажешься провести со мной вечер и поболтать о том о сем.

В сарае для разборки металлолома было полно всякого металлического хлама — как земного, так и местного происхождения. Дзлиери Идзнамен, сортировщик, взялся обстоятельно обучать премудростям своей профессии, то есть как отличать медь от железа. Фрому это быстро наскучило, и он сказал, что все понял. Но Идзнамена это не остановило, и он сердито продолжил свои поучения. Фрома скоро начало тошнить от его наставлений. Будучи по натуре добродушным человеком, он тем не менее обладал чувством собственного достоинства и слегка переживал оттого, что его — сотрудника могущественной компании «Вигенс» — силой заставил себе служить какой-то изменник и преступник.

Во время своего обучения Фром рассматривал собранный в сарае металлолом. Он узнал обшивку двигателя, которая

недавно пропала в Бембоме, а потом нашел большой медный чайник с отверстием внизу. Наконец он нашел остатки экспедиционного снаряжения, включая маячок для радара.

К концу дня он с ног валился от усталости. Когда работа была закончена, Мишинатвен отвел его в небольшую комнатку в том же здании. Там стоял простой умывальник. Фром решил, что в честь ужина с самим Всемогущим неплохо бы сбрить выросшую у него за последние дни рыжую щетину, но Мишинатвен не знал, что такое бритва. Дзлиери все время крутился рядом и не спускал с Фрома глаз. Очевидно, Сират решил не оставить своему новому компаньону ни единого шанса убежать.

В назначенное время Мишинатвен проводил Фрома втак называемый дворец и там в более-менее элегантно обставленный обеденный зал. Кроме двух охраников-дзлиери, там уже сидели два человека: Сират Монгкут и невысокая очень симпатичная смуглая девушка. Ее земной наряд был весьма незатейливым, но вообще одежды на ней было многовато для этих жарких мест.

Сират сказал:

— Дорогая, позволь представить тебе синьора Адриана Фрома; синьор, мне доставляет большую радость представить вам синьору Елену Миллан. Выпьете что-нибудь? — добавил он, предлагая стакан мойкхады — местного слабоалкогольного пойла.

— Пожалуй,— сказал Фром, заметив, что Сират уже держит в руке стакан, а мисс Миллан — нет.

— Это противоречит ее убеждениям,— сказал Сират.— Надеюсь в свое время избавить ее от такой твердокаменности. А теперь расскажи нам еще раз о своих недавних приключениях.

Фром так и сделал.

— Как интересно! — воскликнула Елена Миллан.— Значит, вы, с вашей такой симпатичной североевропейской внешностью, едва не погибли! Вам, северянам, лучше осваивать холодные планеты, вроде Ганеши. Хотя я вовсе не считаю правильной эту высосанную из пальца теорию Джанкеройса о превосходстве средиземноморской расы.

— Судя по тому, как складываются дела на Вишну, он говорил дело,— сказал Фром.— Определенно, жители тропических

стран вроде Мехталала переносят здешний климат гораздо лучше, чем Ван дер Грахт или я. Но, возможно, я лучше покрашу волосы в черный цвет, чем дам этим ребятам сделать мою голову экспонатом их коллекции.

— Право, я очень сожалею об этом инциденте,— посетовал Сират.— Однако нет худа без добра. Не так ли говорят на Земле? Ведь теперь, насколько можно судить, я обзавелся хорошим механиком и еще одним человеком, с которым можно поговорить. Ты не представляешь, как тоскливо здесь общаться с одними туземцами.

Фром внимательно на них посмотрел. Выходит, это была пропавшая миссионерка! По крайней мере она хоть мило улыбалась, и у нее был приятный грудной голос. Решив взять быка за рога, он спросил:

— А как сюда попала мисс Миллан?

Ответила сама Елена:

— Я путешествовала по землям Мишинатвена с несколькими дзлиери, когда на нас напало чудовище и съело одного из них. Меня ждала та же участь, если бы не мистер Сират. Он убил этого монстра. А теперь...

Она посмотрела на Сирата, который промолвил со своей обычной улыбкой:

— А теперь ей никак не привыкнуть к тому, что ей суждено стать основательницей династии.

— Что? — спросил Фром.

— О, разве я тебе не сказал? Я полон больших амбиций — лучше сказать, величественных замыслов. В Бембоме мне делать нечего, однако я надеюсь, что в ближайшие годы под моим суверенитетом окажутся многие окрестные земли. Я уже управляю народом Мишинатвена, и они делают все, что мне нужно. В ближайшие недели земли Каматобдена тоже будут аннексированы. Потом настанет черед племен ромели близ Бембома... — Он упомянул других разумных существ этой планеты, шестируких обезьяноподобных, которые все время враждовали с дзлиери.

— Видишь себя императором планеты? — спросил Фром. Обо всем этом надо было немедленно сообщить руководству компании в Бембоме!

Сират сделал протестующее движение:

— Я бы не стал употреблять столь экстравагантного термина — во всяком случае пока. На этой планете много земель. Однако суть вопроса ты уловил. Под моим объединяющим началом дзлиери и ромели приобретут настоящую культуру, которой у них никогда не будет при нынешней раздробленности и вражде.— Он кашлянул.— Один психоаналитик сказал, что из-за невысокого роста у меня развилась мания величия. Возможно, так и есть, но что мешает использовать ее на доброе дело?

— Но какова во всем этом роль мисс Миллан?

— Мой дорогой Фром! Эти дикари могут постичь династический принцип правления, но они слишком отсталые, чтобы воспринять демократические идеалы. А о представительных органах власти с ними и говорить бесполезно. Следовательно, не остается ничего другого, кроме династии, и основать ее мне поможет мисс Миллан, которую я выбрал для этой цели.

Тут Елена резко сменила тон:

— Этому не бывать! — холодно промолвила она.— Если я когда-то и выйду замуж, то только потому, что Космос возбудит чувства моей души лучами своей божественной любви.

Фром поперхнулся своей выпивкой, услышав подобную ахинею из уст столь симпатичной девушки.

Сират улыбнулся:

— Она изменит свое мнение. Бедная девочка просто не понимает, какое блестящее будущее ее ждет.

Елена сказала:

— Он бродит во тьме накопленной в течение многих жизней кармы, мистер Фром, и не способен понять истинной духовной правды.

Сират широко улыбнулся:

— Я всего лишь окутанный темнотой ночи старый неуч. Полагаю, моя любовь, наш дорогой гость лучше воспримет твои спиритические увещевания?

— Судя по цвету его ауры — да! — Фром при этих ее словах нервно огляделся. — Если его сердце наполнено любовью Космоса, я помогу ему пойти по пути Седьмой паствы, ведущему к единению с Вечностью.

Фром хотел было заметить, что он пока к таким подвигам не готов и не собирается спокойно смотреть, как на нее,

женщину с Земли, оказывают давление, — во всяком случае пока у него есть силы этому воспрепятствовать. Но, подумав, решил промолчать. Такая его вспышка могла принести больше вреда, чем пользы. Тем не менее мысленно Адриан Фром решил при случае помочь Елене. Прежде он относился к женщинам жестковато, но на самом деле он был довольно сентиментален и проникся сочувствием к попавшей в неволю бедняжке.

— Давайте поговорим о более важных вещах. Как обстоят дела в Бембоме, мистер Фром? Сведения, которые я получаю с дзлиери, часто сильно искажены.

После этого разговор потек в другом русле, без перепалок. Сират Монгкут, несмотря на его властолюбивые разглагольствования, оказался довольно приятным собеседником, хотя явно не потерпел бы того, кто встал у него на пути. Елена же Фрома совершенно очаровала. Казалось, в ней уживаются два человека — обыкновенная симпатичная девушка, которую он находил очень привлекательной, и святоша-оккультистка, которая его пугала.

Когда Сират отпустил гостей, они в сопровождении дзлиери прошли в свои комнаты. Мишинатвен не уходил, пока не убедился, что его подопечный хорошо устроился на своей кровати, — Фрому пришлось несколько раз передвигать ее с места на место, чтобы на него не капало с потолка. Что касается самого Адриана Фрома, то он так вымотался, что ему было все равно, наблюдают за ним охранники или нет.

В следующие дни Фром осваивался в мастерской и восстанавливал свои навыки слесарных работ. Мишинатвен или другой дзлиери по-прежнему ходили за ним по пятам. Судя по всему, они считали, что он замышляет побег, а он чувствовал себя виноватым, потому что не мог придумать ничего стоящего. Рядом с Сиратом все время находился кто-нибудь из его личной охраны, а Фром оставался под постоянным присмотром.

Но если предположить, что бдительность стражей удастся усыпить, — что дальше? Даже если дзлиери сразу

не поймают его во время побега — что вообще-то вряд ли, — и если его не сожрет один из хищников в джунглях, он, без компаса, наверняка заблудится, не пройдя и километра, и точно умрет от желудочных заболеваний, которые всегда сводили в могилу землян, начинавших питаться исключительно вишнуванской пищей.

Между тем работа в мастерской доставляла ему все больше радости. Фрому нравилось, что металл в его руках становится все послушнее, а Сират и Елена тоже это видят.

Однажды вечером Монгкут сказал:

— Адриан, я бы хотел завтра взять тебя с собой, чтобы ты посмотрел на кое-какие упражнения, которые я запланировал.

— Буду рад. Вы тоже идете, Елена?

— Я предпочитаю не быть свидетельницей подготовки будущих преступлений.

Сират рассмеялся:

— Она все еще думает, что может сделать дзлиери миролюбивыми. С таким же успехом можно учить лошадь играть на скрипке. Она уже пыталась так воздействовать на правителя Каматобдена, и он решил, что она просто сошла с ума.

— Все равно я буду стараться пролить свет на эти заблудшие души,— твердо сказала она.

Местом для так называемых упражнения была большая поляна неподалеку от Амнайрада. Сират сидел в седле на зебре и наблюдал за головокружительными скачками нескольких эскадронов дзлиери: одного — с местным оружием, а другого — с новыми ружьями. Сначала пошла в атаку группа улан, ее сменил взвод мушкетеров, которые припадали на колени и изображали стрельбу, а потом вскакивали и рассыпались по окружающим джунглям, чтобы собраться вместе в другом месте. Стрельбы по цели было немного, и беспорядочный огонь не велся — Сират берег боеприпасы для новых ружей и использовал их только в крайних случаях.

Фром решил, что атаковать Бембом Сират не готов — всяком случае пока. Но он вполне мог покорить соседние

вишнуванские племена, чьи воинства по сравнению с его армией были просто крикливыми толпами. А после этого... Надо обязательно рассказать обо всем этом Силве.

Казалось, что Сират как-то руководит происходящим на поляне, хотя он ничего не говорил и не делал никаких жестов. Фром подошел поближе к этому изменнику и увидел, что он держит во рту небольшую медную трубку и иногда в нее дует. Фром вспомнил: галтонский свисток, конечно! Он издает ультразвуковой свист, который человеческое ухо не воспринимает. Такими свистками на Земле люди иногда подзывают к себе собак. А дзлиери, должно быть, способны слышать звуки с частотой выше двадцати тысяч герц.

Во время ужина Фром полюбопытствовал, что за сигналы подаются для управления дзлиери.

Сират ответил:

— Так и знал, что ты догадаешься. Я разработал систему сигналов наподобие азбуки Морзе. Использовать их против агрессии со стороны дзлиери толку мало, потому что нападающие тоже услышат сигнал. А вот что касается людей или ромели... Представь, что у какого-то человека с Земли поедет крыша и он нападет на меня в моем штабе, когда охранников на месте не будет. Тогда сильный свист поднимет на ноги верных мне дзлиери, и они прибегут сюда, а негодяй даже не поймет, что я их вызвал. Кстати,— продолжил этот искатель приключений,— надо будет тебе завтра сделать пару десятков этих свистков для моих подчиненных офицеров. Их я тоже решил научить подавать сигналы. И надо будет поторопиться, потому что в ближайшее время нас ждут серьезные дела.

— Поход на земли Каматобдена, да? — спросил Фром.

— Можешь так думать, если тебе хочется. Не смотри на меня так испуганно, Елена. Я сумею о себе как следует позаботиться. Твой солдат вернется целым и невредимым.

«Может,— подумал Фром,— этого-то она как раз больше всего и боится».

Фром внимательно изучил галтонский свисток, который оставил ему Фром. В мастерской он уже вполне освоился и знал, где лежат длинные медные трубки — возможно, от топливопровода вертолета,— из которых можно сделать второй свисток.

С помощью одного туземца он к исходу дня сделал то, о чем его просил Сират, плюс у него был еще один свисток, который как бы испортил подмастерье-дзлиери. Сират пришел из своего дворца и сказал:

— Замечательно, мой дорогой Адриан. Вместе с тобой мы таких дел наделаем... Но ты должен извинить меня, что я не пригласил тебя вчера поужинать вместе. Надо было кое о чем потолковать с моими офицерами. Как насчет того, чтобы вы с мисс Миллан сегодня пообедали в моей столовой, когда меня не будет?

— Нет вопросов, док Сират. Буду рад.

Сират погрозил Фрому пальцем:

— Но смотри у меня! Не вздумай обхаживать мою протеже. Такая неопытная девочка, как она, может найти привлекательным молодого высокого англичанина, и это будет иметь для тебя самые плачевные последствия.

И вот Фром занял свое место за обеденным столом напротив Елены Миллан.

Она сказала:

— Давай говорить по-английски, раз наши друзья рядом с нами, — она кивнула в сторону не спускавших с них глаз охранников-дзлиери,— немного понимают по-португальски. О, Адриан, я так боюсь!

— Кого? Сирата? Какие-то новости?

— Он намекнул, что, если я не поддержу его династические планы, он заставит меня силой. Ты понимаешь, что это значит.

— Да. И ты хочешь, чтобы я тебя освободил?

— Я... Я была бы бесконечно тебе благодарна, если бы ты смог это сделать. Если все будет идти как идет, а мы будем безропотно подчиняться нашей несчастной судьбе, я скоро не смогу это больше выносить. Я убью себя.

Фром задумался:

— А когда он собирается выступать в поход?

— Скорее всего, послезавтра. Потому что завтра вечером у дзлиери будет праздник.

Это означало большую оргию, и Сират мог воспользоваться случаем, чтобы заняться воспроизведением себе подобных. С другой стороны, суматоха давала шанс для бегства.

— Попробую что-нибудь придумать,— сказал Фром Елене.

На следующий день его подчиненные были непослушнее и бестолковее, чем обычно. Около полудня они собрались идти обедать.

— У нас сегодня праздник! — прокричали они.— К черту работу!

Мишинатвен тоже куда-то исчез. Фром остался один и задумался. Потом он прошелся по мастерской, высматривая, что бы могло ему пригодиться. Он заметил испорченный галтонский свисток, лежащий там, куда он его бросил накануне; нашел остатки медных трубок, из которых делались свистки, и большой медный чайник, который он никогда не трогал и не пытался залатать. Постепенно его замысел стал приобретать реальные очертания.

Он прошел в кузницу и стал раздувать горн. Когда пламя стало достаточно жарким, он наложил толстую заплатку на отверстие в чайнике — изнутри, где давление должно было быть сильнее. Потом он проверил свою работу — течи не было. Потом он взял кусок медной трубки и сделал еще один галтонский свисток, используя испорченный накануне как образец.

На складе металлолома он нашел кусок пластмассы, из которой сделал прокладку или сальник для уплотнения соединения между чайником и его крышкой. Он отломил ручку чайника, а потом изогнул толстую проволоку и закрепил ее так, чтобы она плотно прижимала крышку к прокладке чайника. Наконец из листовой меди он свернул небольшой переходник, прикрепил его к носику чайника и припаял к нему свисток. В итоге получился герметичный чайник со свистком у носика.

Между тем настало время ужина.

У Сирата было игривое настроение, и он выпил мойкхады больше, чем обычно.

— Завтра,— сказал он,— завтра жребий будет брошен. Как звали того древнего европейского генерала, который

сказал о брошенном жребии, когда форсировал реку? Наполеон? В любом случае, давайте выпьем за завтра! — Он театральным жестом поднял свой бокал.— Давай, Елена, ничего с тобой не сделается! Ты даже не представляешь, что теряешь. А теперь навалимся на еду, пока мой повар не присоединился к остальным гулякам.

Снаружи доносились голоса пьяных дзлиери, поющих песни, и звуки драки. По дворцу разнесся истошный крик женщины-дзлиери, за ним последовал топот копыт и довольный смех догнавшего ее самца.

Все эти звуки сильно мешали беседе за ужином. Когда с едой было покончено, Сират сказал:

— Адриан, должен перед тобой извиниться. Мне предстоит одно очень важное дело. Пожалуйста, возвращайся в свою комнату. А тебя, Елена, нижайше прошу остаться.

Фром посмотрел на них, потом на охранников и вышел. Во дворе он увидел группу дзлиери, танцующих вокруг костра. В самом дворце почти никого не осталось.

Вместо того чтобы идти к себе, Фром направился в мастерскую. Он зажег факел, чтобы было лучше видно, прошел с большим медным чайником к насосу и наполовину заполнил его водой. Потом он вернулся в мастерскую и поставил чайник на кузнечный горн. Он закрыл крышку, плотно прижал ее ручкой из проволоки и раздул кузнечными мехами огонь.

После этого он прошелся по мастерской, где лежало отремонтированное оружие, и выбрал для себя трехметровое копье с широким полуметровым наконечником. С ним он вернулся к горну.

Через некоторое время рядом с носиком чайника появился небольшой завиток. Скоро он превратился в длинную струю, показывающую, что пар с силой выходит из чайника. Фром ничего не слышал, но, прикоснувшись металлической пластинкой к свистку, он почувствовал вибрацию нужной частоты.

Вспомнив, что ультразвук распространяется по прямой, Фром стал пробивать наконечником копья дыры в стенах. Скоро мастерская была открыта на все направления. После этого он вернулся во дворец.

Расположение помещений теперь было ему хорошо известно. Ближе к центру располагались личные покои Сирата: гостиная, спальня и ванная. Пройти туда можно было только через единственную дверь, всегда охраняемую стражниками.

Фром прошел по коридору, который вел к покоям Сирата и делал поворот у гостиной. Он прислушался, приложив ухо к стене. Из-за суматохи вокруг слышно было неважно, ему показалось, что внутри идет какая-то борьба. А где-то впереди громко разговаривали дзлиери.

Фром прошел немного вперед и услышал:

— ...словно какой-то демон посылает эти звуки, чтобы вывести нас из себя. По правде говоря, у меня голова раскалывается!

— Похоже на свисток Всемогущего,— сказал другой голос,— но он раздается не из его комнаты и не стихает. Попробуй заткнуть уши этой тряпкой.

Первый голос — очевидно, принадлежавший одному из двух стражников — сказал:

— Помогает мало. Постой-ка здесь, пока я схожу поищу лекаря.

— Ладно, постою, только ты сразу пришли кого-нибудь вместо себя, а то Всемогущему сильно не понравится, если он увидит, что здесь один стражник вместо двух. Да поскорее, а то этот свист сводит меня с ума!

Послышался удаляющий топот копыт дзлиери. Фром улыбнулся под своей бородкой. Ему представился шанс атаковать оставшегося стражника, но если уши дзлиери были заткнуты, можно было придумать и кое-что получше. Сират отделял спальню от гостиной деревянными жалюзи, которые выполняли роль двери.

Фром пошел вернулся назад и скоро оказался напротив спальни. Потом он поднял копье и пробил им в стене дыру размером с баскетбольный мяч.

Сират Монкгут вскинул голову и оторвался от того, чем он занимался. Елена уже была привязана за руки к стойкам у головной части кровати и лежала на спине. Несмотря на ее со-противление, одна из ее лодыжек тоже была уже привязана к стойке у ее ног. Сират собирался заняться основанием династии со всеми удобствами.

— Адриан! — воскликнула Елена.

Ладонь Сирата скользнула к бедру, но осталась пустой. Фром играл с огнем, но его риск оправдался — он предполагал, что именно в этот момент пистолета у Сирата не будет. В противном же случае он планировал бросить в него копье, теперь же можно было действовать более надежным способом.

Фром сжал копье обеими руками, как винтовку со штыком, и двинулся к Сирату. Приземистая фигурка прижалась к кровати, а потом перекатилась на пол по другую ее сторону, сжимая в руке свисток. Фром вскочил на кровать, но зацепился за привязанную лодыжку Елены и упал головой вперед. Очнувшись, он увидел, что лежит посреди спальни. Сират, не обращая внимания на Фрома, поднес свисток ко рту и начал дуть в него с такой силой, что его щеки округлились.

Фром приготовился к новому броску. Сират продолжал свистеть, но уверенность на его лице постепенно сменилась тревогой. Фром понимал, что ни один дзлиери поблизости не услышит этого свиста, пока стоящий на огне чайник издает раздирающий их уши вой. Но Сират, который не воспринимал ультразвука, не знал, что его сигналы подавляются.

Когда Фром шагнул к нему, Сират бросил в него стул. Он полетел вперед со страшной силой, одним концом ударил Фрома по костяшкам пальцев, а другим по лбу, отбросив его назад. Сират бросился на своих коротеньких ножках к стене, украшенной образцами местного оружия.

Там висели, спускаясь сверху вниз, пара перекрещенных мечей, сабля и медный щит. Тем временем Фром пришел в себя после удара стулом и поднялся с пола. Сират вооружился щитком и одним из мечей. Он поднял щит как раз вовремя, чтобы отразить удар копьем. После этого он скакнул вперед и полоснул мечом воздух, потому что Фром увидел момент удара и отскочил назад.

Сират двинулся за ним, делая новые выпады. Фром отступал, не решаясь отражать удары копьем, потому что оно могло сломаться, но стараясь ткнуть Сирата в голову, ноги или незащищенные части рук. Они продолжали кружить, острие копья стучало по щиту. Фром понял, что может держать Сирата на

расстоянии, но щит ему не пробить. «Кланк! Кланк!» — звенело копье, ударяясь о щит.

Сират замешкался, и Фром ткнул его копьем в правую ногу, выше колена... Но удар пришелся вскользь, только слегка ранив Сирата и порвав его штаны. Сират сделал выпад, взмахнул мечом и почти прижал Фрома к стене, но тот остановил его ударом копья.

Они продолжили кружить по спальне. В какой-то момент Сират оказался между Фромом и дверью в гостиную. Он быстро бросил в Фрома свой меч и бросился к занавешенной двери с криком «Помогите!»

Фром увернулся от меча, который,, тем не менее задел его плечо. Придя в себя, он увидел, что Сират убегает, отодвигая занавес двери. Догнать сиамца до того, как он выбежит в гостиную и позовет на помощь зазевавшихся стражников, уже не было возможности.

Фром бросил свое копье как дротик. Древко описало дугу, наконечник воткнулся в широкую спину Сирата и вошел внутрь так, что половина его оказалась в теле сиамца.

Сират упал вперед лицом вниз, хватая руками ковер и хрипя. Изо рта у него полилась кровь.

Фром подошел к несостоявшемуся императору и вытащил копье из его тела, держал его в руке, готовый в любой момент воткнуть обратно, пока Сират не затих. Фрому было почти жалко сиамца, но времени для гамлетовских переживаний не оставалось. Он вытер острие копья об одежду Сирата, вернулся к кровати и разрезал путы, которыми была привязана Елена. Не теряя времени на объяснения, он сказал:

— Если мы поспешим, то сможем убежать, пока они не сообразили что к чему. Хорошо, если стражники не слышали шума.

— Они подумают, что это я и он,— ответила Елена.— Перед тем как затащить меня сюда, он велел им не входить,, что бы они ни услышали, если только он им не свистнет.

— Правильно он им сказал. Пойду во двор, попробую найти его зебр. Где тут его проклятый пистолет?

— Здесь.— Она показала на небольшой сундучок.— Он закрыл его, видно боясь, что я достану пистолет и его застрелю, — как будто я способна убить чувствующее существо.

— А как мы его откроем...— начал было Фром и замолчал, увидев, что на сундучке кодовый замок.— Похоже, ничего не получится. Есть у него взрывчатка в кладовой?

— Там тоже кодовый замок.

— Чтоб ему провалиться! Получается, что мы отправимся в путь без оружия. Пока я хожу, постарайся собрать припасы на кухне и все, что может понадобиться.— И он вышел через разрез в стене.

Фром прошел по двору неспешной походкой, словно по делам. Дзлиери дали волю своим инстинктам, которые в последнее время вынуждены были сдерживать, и так увлеклись, что почти не обращали на него внимания, только один или двое прорычали приветствия.

Поймать зебр, однако, оказалось непросто. Они скакали по загону, и ему никак не удавалось схватить хотя бы одну из них за уздечку. Наконец Фром был вынужден позвать на помощь одного знакомого дзлиери:

— Мзумелитсен, не поможешь мне? Всемогущий хочет покататься.

— Подожди, пока я закончу со своими делами,— сказал дзлиери.

Фром подождал, пока Мзумелитсен все доделал и помог ему поймать трех зебр. Они послушно пошли за ним ко дворцу. Фром привязал их к ограде во дворе, а сам пошел в мастерскую. Там он нашел мачете и топорик. Он взял с собой и радарный маячок, в батарейке которого, казалось, еще остался небольшой заряд.

Вернувшись во дворец, он увидел, что Елена собрала сумку с продуктами, положила в нее спички и еще кое-что. Все это они погрузили на одну из зебр, а на двух других сели сами.

Когда они выезжали из Амнайрада, празднество дзлиери было в самом разгаре.

На следующий день, когда они начали подниматься по склону Эртмы, Фром поднял руку и сказал:

— Слушай!

Сквозь шум вишнанских джунглей доносились громкие голоса дзлиери. Затем до них донесся шум продиравшихся через заросли тел.

Фром и Елена обменялись быстрыми взглядами и взяли зебр в галоп.

Однако преследователи, судя по всему, быстро приближались, потому что звуки становились все громче и громче. Фром увидел у себя за спиной блеск металла. Вопли дали им знать, что дзлиери их тоже заметили.

Фром сказал Елене:

— Двигайся дальше. Я уведу их в сторону, и потом я от них оторвусь и тебя догоню.

— Нет, ни за что! Я тебя не оставлю!

— Делай что тебе велено!

— Но...

— Давай вперед! — крикнул он так яростно, что она подчинилась.

Сам он стал ждать преследователей и скоро увидел их, с копьями наперевес. У него не было иллюзий, что он сможет «оторваться» от дзлиери в родных для них джунглях.

Туземцы с торжествующими криками скакали к нему по тропе. Если бы только у него было оружие... По крайней мере похоже, что и у них его не было. У них в Амнайраде было лишь несколько дробовиков, годных для стрельбы (не считая ружей, которые оставались под замком), и эти дробовики они разделили между разными группами, отправившимися в погоню в разные стороны.

Фром повернул голову зебры в джунгли. Слава Богу, растительность была здесь не такой густой, как внизу, где джунгли были почти совсем непроходимыми.

Он пинками подгонял свою кобылку и тщетно пытался закрыть лицо от веток. Колючки впивались ему в кожу, толстый ствол дерева сильно ударил по правой ноге. Дзлиери шли за ним по следу, а он старался описать на своей зебре полукруг, чтобы пересечь свой собственный след за их спиной.

Когда он снова выбрался на тропу и смог держать глаза открытыми, то увидел, что за ним гонится и приближается целая толпа, ведомая Мишинатвеном. Когда след начал поворачивать, бывший лейтенант Сирата свернул в сторону и

скоро оказался на тропе рядом с землянином. Фром нащупал мачете, который был прикреплен у его левой ноги. Дзлиери бросился на него справа с поднятым дротиком.

— Обманщик! Убийца Всемогущего! — крикнул Мишинатвен и нанес удар. Фром отбил древко в сторону. Они скакали галопом рядом друг с другом, острие царапнуло Фрома по руке и упало на землю.

Мишинатвен взмахнул оставшимся древком и ударил Фрома по плечу. Фром нанес ответный удар и услышал звон медного щита, который достал дзлиери. Мишинатвен бросил дротик и вытащил свой короткий меч. Фром парировал первый удар и, когда дзлиери изготовился для второго, полоснул по державшей меч руке ножом-мачете и почувствовал, что задел кость. Меч упал на землю.

Фром схватил левой рукой край щита, дернул его вниз, потом вверх, пока не вырвал его из рук своего врага.

Другие дзлиери продолжали приближаться. Оглянувшись назад, Фром увидел, что они остановились рядом со своим лежащим вожаком.

Фром схватился за уздцы. Лучшей защитой была решительная атака. Если он нападет на них сейчас... Он бросил вперед свою зебру и поскакал к дзлиери, крича и размахивая окровавленным мачете.

Не успел он к ним приблизиться, как они с испуганным и криками бросились в заросли. Он пронесся мимо того места, где они только что находились, и скакал вперед, пока они не остались далеко позади, а его зебра так устала, что перешла на шаг.

Когда он наконец догнал Елену, она посмотрела на него с ужасом. Сначала он не сообразил почему, но потом понял, что весь в крови и являет собой впечатляющее зрелище.

Последние несколько километров они прошли шагом, ведя зебр зигзагами между валунами, подстегивая их, чтобы они шли вперед по крутому склону. Поднявшись на вершину, они привязали зебр к кустам и без сил повалились на землю.

Елена сказала:

— Спасибо Космосу, что все закончилось! У меня не осталось сил, чтобы идти дальше.

— Мы еще не все сделали,— сказал Фром.— Когда немного отдышимся, надо будет установить маячок.

— А здесь мы в безопасности?

— Вне всяких сомнений. Те дзлиери вернутся в Амнайрад за остальными своими соплеменниками, и они окружат гору, чтобы мы не могли бежать. Нам остается только надеяться, что благодаря маячку помощь подоспеет вовремя.

Скоро он заставил себя подняться и взяться за работу. Через полчаса маячок был поднят на треноге и надежно закреплен от порывов ветра.

После этого Адриан Фром снова упал на землю. Елена сказала:

— Бедненький! Ты весь в синяках.

— Думаешь, я этого не знаю? Но, может, так еще страшнее выгляжу.

— Позволь мне хотя бы промыть эти раны, чтобы в них не попала инфекция.

— Да все в порядке. Вишнуванские микробы землянам не страшны. Ну ладно, если ты так настаиваешь...— И с этими словами он провалился в сон.

Через несколько часов, пробудившись, он увидел, что Елена, несмотря на мелкий дождик, развела костер и готовит обед.

— Провалиться мне на этом месте, что я вижу? — воскликнул он.— То есть я хочу сказать, что с тобой можно ходить в экспедиции.

— Ничего особенного. Это ты был великолепен. А если вспомнить, то я всегда с предубеждением относилась к светловолосым мужчинам, потому что в испанских романах именно такими были все злодеи!

Сердце Фрома, которому он дотоле никогда не давал слабины, переполнилось чувствами.

— Может, сейчас не время об этом говорить, да и я не большой мастер для чувствительных речей, но знай — я тебя люблю

— Я тоже тебя люблю. Космос посылает лучи любви...

— О-о!— Это было неприятным напоминанием о другой Елене.— Хватит об этом, моя двочка. Иди ко мне.

И она шагнула к нему.

Когда Петер Квинлан вернулся в Бембом вместе с поправляющимся Хаятакой, команданте Силва, внимательно слушал его рассказ до того момента, когда он покинул территорию Мишинатвена.

— ...едва мы двинулись,— говорил Квинлан,— пока Хаятака был без сознания, они атаковали нас снова. Я застрелил троих, но уже после того, как они убили дротиком Фрома. После того как мы отогнали их, я похоронил...

— Подожди! Ты говоришь, что Фром был убит?

— Совершенно верно,— ответил Квинлан по-португальски.

— И ты вернулся сюда, не заходя на Эртму?

— Естественно. А что же мне еще было делать?

— А кто же тогда установил маячок для радара на вершине?

— Что?

— А вот так. Вчера мы проверили радаром его зону до самой границы досягаемости, и маячок ответил на наши сигналы.

— Ничего не понимаю,— сказал Квинлан.

— Как и я, но скоро все выяснится. Амиго! — позвал он сержанта Мартинса.— Передай авиагруппе, чтобы они немедленно послали вертолет к Эртме.

Когда пилот взял курс на радиомаячок и спустился ниже кромки облаков, он увидел тускло поблескивающий алюминиевый контур на самой вершине горы Эртма. Рядом сидели на камнях два человека, а поблизости щипали травку три зебры.

Люди вскочили на ноги и принялись энергично махать руками. Пилот направил вертолет к ним, с трудом маневрируя в струях дождя, которые грозили бросить машину на камни.

Потом он выбросил из дверцы веревочный трап, который, разматываясь, полетел вниз. Человек подпрыгнул, словно выскакивающая из воды рыба, и ухватился за конец пролетавшего мимо него трапа.

В этот момент из-за деревьев показалась группа дзлиери. Громко перекликаясь и размахивая дротиками, они бросились к людям.

Фигурка человека пониже ростом забралась по трапу на несколько ступенек дальше, чем та, что повыше и только начинала подъем, и воскликнула, стараясь перекричать шум вращающихся лопастей и рев ветра:

— Поднимайся! Быстрее!

Дзлиери становилось все больше, и у некоторых были в руках ружья. Пилот (довольный, что ему удалось не раскачать сильно вертолет) прибавил оборотов двигателю, поднялся к облакам и скрылся в них.

Люди наконец забрались в кабину, тяжело дыша после подъема. Это были хрупкая смуглая женщина и высокий мужчина с сантиметровой рыжеватой бородкой, покрытой струпьями засохшей крови. Оба были почти обнажены, и их тела слегка прикрывали рваные тряпки, а на ногах у них были изодранные в клочья матерчатые туфли. Пилот узнал Адриана Фрома, геодезиста.

— Домой, Джейми,— сказал Фром.

Через день помывшийся и побрившийся Фром приобрел вполне нормальный вид, за исключением раны на левом ухе. Они сидел за столом напротив Силвы, который говорил:

— Не могу понять, почему ты просишь навсегда перевести тебя на Ганешу. Ты же герой Бембома. Я могу назначить тебя на должность П-5, даже П-6. Квинлана отправят на Кришну для предания суду. Хаятака уходит на пенсию, а мне позарез нужны геодезисты. Так зачем тебе уезжать?

Фром застенчиво улыбнулся:

— Все у вас устроится, шеф. Остается Ван дер Грахт и Мехталал тоже — оба хорошие ребята. Когда я и Елена оказались на той вершине, мы были во взвинченном состоянии, да и все тогда на нас навалилось, а я не видел женщины уже несколько недель — дзлиери, естественно, не в счет. Я предложил ей выйти за меня замуж, и она согласилась.

Силва вскинул брови:

— На самом деле! Мои сердечнейшие поздравления! Но чем это мешает...

— Выслушайте меня до конца. Сначала все было ясно как божий день. Она заявила, что ее поцеловали в первый раз, но, судя по всему, кое-какой опыт у нее был. Однако вскоре она начала рассказывать мне о своих идеях. На первых порах у нас должен быть чисто духовный брак, с целью наставить меня на путь истинный, чтобы я в своей новой жизни стал чем-то большим, чем простой гражданский инженер, — миссионером-космотеистом, например. Каково?!

Ладно, сначала я думал, что все это пустая болтовня, которая скоро закончится. Кроме всего прочего, у нас не принято распускать наших женщин, как в Америке. Но потом она начала читать мне космотеистические проповеди. И так продолжалось все два с половиной дня, пока мы были там. Клянусь, она не умолкала ни на минуту, разве что когда я спал. Никогда не слышал такой чуши — про лучи и космическую любовь, вибрацию и астральные плоскости, и тому подобное. Я никогда в своей жизни так не уставал.

— Понимаю,— сказал Силва. Он тоже начал уставать.

— Итак,— подытожил Фром,— сейчас я чувствую, что с удовольствием отправил бы ее обратно к Сирату Монгкуту. Я даже жалею, что убил этого дуралея. Хотя он бесконечно доставлял нам всякие хлопоты, но. по сути, был мелким хулиганом. Так что теперь я нахожусь рядом со своей нежеланной невестой и не могу объяснить ей свое видение жизни. Она однажды как бы пошутила, что лучше бы мне отправиться на Ганешу, и будь я проклят, если она не была права. И теперь, если вы только подпишите этот рапорт... О, muito obrigado [50], синьор Аугусто! Если я поспешу, то еще успею на корабль до Кришны. Спасибо!

[50] Большое спасибо *(порт.)*.

Магические крекеры

«The Animal-Cracker Plot», журнал «Astounding Science Fiction» №7, 1949

Шеф-пилот космического корабля, только что совершившего посадку в Бембоме на Вишну, протянул Лютеру Беку грузовую ведомость, баланс расхода топлива, полетный лист, список пассажиров, распечатку радиопереговоров. Он сказал:

— На этот раз только один пассажир, Лютер.

— Кто? — спросил Бек, перебирая бумаги толстенькими пальцами.

— Дариус Коши.

— ЧТО!

— Да, именно он. Ты же знаешь этого парня, не так ли?.. Э, куда ты?

Бек, не останавливаясь для ответа, пробежал по коридору и без стука влетел в кабинет команданте.

— Шеф! — крикнул он.— Коши вернулся!

— Realmenté[51]? — Силва вскинул тронутые сединой брови.— Теперь наша жизнь осложнится, хотя я и не стал бы кричать об этом так громко, чтобы синьор Дариус нас отсюда услышал. Ну и что он привез на этот раз?

— Еще не успел проверить...

— Тогда надо поскорее это сделать. Тогда легче будет понять, что он на этот раз задумал.

Бек пожал плечами:

— Конечно. Я именно так и подумал, что вы захотите все узнать imediatamente[52].

— Obrigado[53], именно так. Убедись, что все тщательно проверил. С микроскопом.

Коренастый таможенник «Вигенс Интерпланетарис» увидел, что Дариус Коши ждет его у стойки для проверки. Это

[51] На самом деле, действительно *(порт.)*.

[52] Немедленно *(порт.)*.

[53] Спасибо *(порт.)*.

был худой смуглый бизнесмен, выглядевший как голливудская звезда, снизошедшая до беседы со своими поклонницами. Он только что сменил земной костюм на вишнанский и потел, как скаковая лошадь после забега.

— Хорошо, синьор Лютер,— сказал Коши.— Как видите, у меня в рукавах ничего не спрятано. А если вы включите свой аппарат, то убедитесь, что я ничего не проглотил.

Бек, проверявший багаж Коши с помощью рентгеновского излучения, спросил:

— А это что за хлам?

— Por favor[54], уважаемый, не называйте мою фабрику хламом!

— Похоже на старые противни. Фабрика — для выпуска чего?

— Крекеров.

— Крекеров?

— Крекеров.

— Ты что, сбрендил?

— Ничуть. В прошлый раз я узнал, что и ромели, и дзлиери сами не свои до сладких крекеров. Импортировать их с дальних планет, отстоящих на несколько световых лет, невыгодно, и я решил организовать их производство.

— Где? — Бек перебирал кухонное оборудование.

— На маленьком участке, который я арендовал у старого Каматобдена. Условия неплохие, хотя в последний раз... э-э...мне неожиданно пришлось потратить немного больше, чем я ожидал.

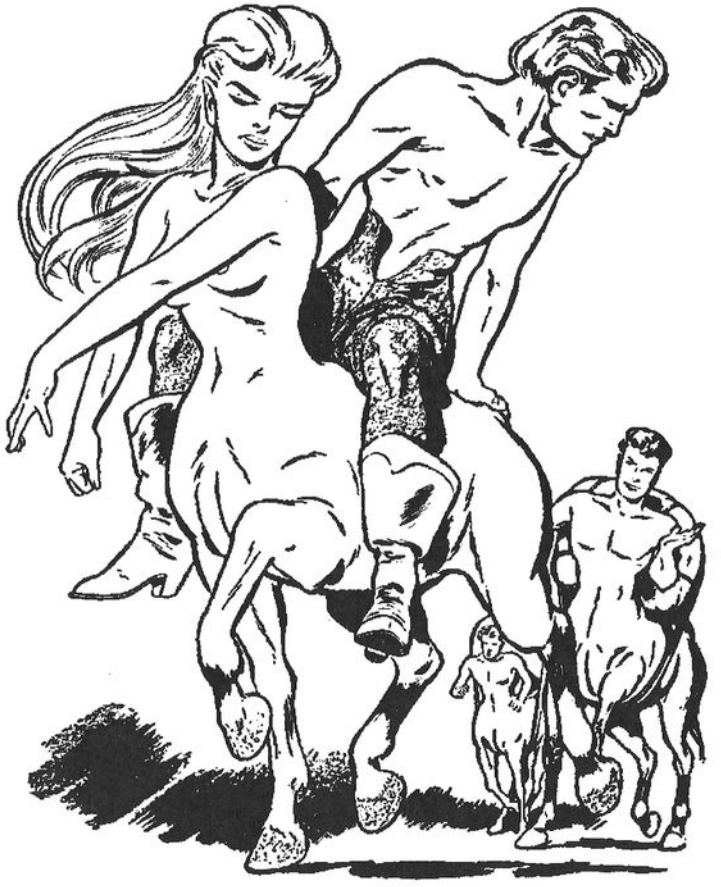
— А из чего ты их будешь делать?

— Нет ничего проще. Муку сделаю из вашнуванской пшеницы, куплю соль, сахар и приправы у местных, а сироп, жир для рассыпчатости и сухое молоко привезу из Новоресифе.

Тут какая-то хитрость, подумал Бек. Или так, или Дариус Коши стал другим человеком, во что поверить трудно. Эти противни и духовки выглядят безобидно — контрабандного оружия или наркотиков в них не спрячешь. Прикинув в уме, сколько могло весить это оборудование, Бек спросил:

— Ты что, все с Земли привез? Сумасшедшие деньги стоит оттуда все доставить.

[54] Пожалуйста *(порт.)*.



— Нет, все необходимое я взял на Новоресифе, и сам привел в порядок.

— Все равно, чтобы оправдать расходы, тебе придется оценивать свои крекеры на вес золота или продавать их за бриллианты.

— Естественно, я надеюсь хорошо заработать, да и надоело сидеть на чае и соленых таблетках. У меня и так уже почки так пропитались танином, что из них можно делать

кожу для обуви. Когда закончишь шарить в моем багаже — вот тебе все разрешения, виза и другие бумаги.

Шарить Лютеру Беку заканчивать не хотелось, так как он отнюдь не уверился, что все в порядке. Однако оборудование представляло собой обычные листы металла, самым простым образом скрепленные между собой. Лютер даже специально проверил особо тщательно два противня рентгеновским аппаратом, но ничто не подтвердило его подозрения.

Наконец он закончил и перешел к личным вещам Коши. Торговец, казалось, воспринимал все это как медленную пытку и наконец сказал:

— Правда, инспектор, все в порядке. После посещения Гвена я со всем этим завязал.

— А как ты собираешься провезти свое оборудование через джунгли?

— Найму пару послушных дзлиери — как вьючных лошадей. Сейчас в Бемборе никого из них нет?

— Сезон спаривания у них закончился, так что будут здесь тусоваться.

— Все пытаешься закинуть удочку насчет тех занятий, мой ученый друг?

— Ох-хо-хо.

— Ты знаешь,— Коши выпустил кольцо табачного дыма,— что я легко мог бы получить какую-нибудь работу для умников безо всякой учебы. О внеземной жизни мне известно больше любого профессионального ксенолога. Но я на дух не переношу всю эту бюрократическую волокиту, без которой гражданские чинуши вроде тебя жить не могут.

Всегда везучий Коши и на этот раз без проблем нанял нескольких дзлиери. Они пришли из своих лесов в поисках работы по перевозке. Коши попросил дзлиери привести какую-то знакомую им женскую особь, чтобы она везла его самого. Бек подумал, что и здесь он не может обойтись без каких-то выдумок, и самые фантастические россказни о нем по большей части оказывались сущей правдой. Бек увидел, как Коши нахально взгромоздился на спину самки-дзлиери и скрылся в пелене дождя, а два жеребца, взмахивая руками и что-то бормоча, потопали за ними, сгибаясь от тяжелой ноши.

После того как космический корабль улетел в Новоресифе на Кришне, жизнь в Бемборе вошла в нормальное русло. Бек с головой окунулся в работу, проверяя прибывшие грузы. Один торговец появился из джунглей, оставил на складе свои товары, запасся необходимым и снова исчез в лесу. Один из служащих компании «Вигенс» заболел какой-то странной болезнью и умер, и все, затаив дыхание ждали, не разразится ли эпидемия. Спаркс из-за проститутки поссорился со Слопсом, но с ними обоими провел воспитательную беседу Собонис, и они помирились...

Однажды днем на станцию пришел избитый ромели и попросил оказать ему первую медицинскую помощь. Первым его увидел Стампс и позвал Собониса, который наложил пластырь на землистую кожу туземца и заверил, что его средний глаз серьезно не поврежден. Между тем Стампс доложил обо всем команданте, и тот позвал на помощь сержанта и Бека для беседы с пострадавшим. Услуги сержанта Мартинса понадобились потому, что он больше всех поднаторел в улаживания всяких дел с вишнанцами, а Бек был офицером высокого ранга, в чьи обязанности входило содействовать мирной жизни на планете.

Разговор шел ни шатко ни валко, потому что ромели знал всего несколько слов по-португальски, а из трех человек только сержант бегло говорил на языке ромели. Туземец лежал на спине, болтая в воздухе своими двадцатью четырьмя пальцами на руках и ногах, а sargento[55] переводил.

Комендант спросил:

— Из-за чего возникла драка?

Ромели ответил через переводчика:

— Я не соглашался с их новым военным планом, и они меня выгнали.

— Что за военный план?

— Могзаурма собирается напасть на дзлиери. (Бек знал Могзаурму из соседнего племени ромели как высокопоставленного жреца и ловкого торговца.)

— И в чем состоит план? — продолжил Силва.

— План Могзаурмы...

— Понятно, а в чем его суть?

[55] Сержант *(порт.)*.

— Магия.

— Что за магия?

— Великий синьор Аугусто знает, что такое магия.

Силва получал свое жалованье благодаря тому, что всегда оставался вежливым и корректным, какое бы раздражение ни вызывали у него вишнанцы. Он невозмутимо спросил:

— Я частенько с тоской вспоминаю старую добрую Землю, и сейчас как раз такой случай. Расспроси его об этом заклинании.

— Заклинание истребит дзлиери,— сказал ромели.

— Хорошо, но КАК?

Ромели почесал свой пластырь правой средней конечностью:

— Я плохо знаю магию. Это дело жрецов.

— А что ты знаешь об этом именно заклинании?

— Я... я думаю, что-то о том, чтобы уничтожать изображения дзлиери.

— Какие изображения?

— Больше мне ничего не известно.

— Если ромели и дзлиери будут насылать друг на друга свои глупые заклинания, это нас не касается. Они раньше враждовали и, полагаю, и дальше будут. Так всегда происходит, когда на одной планете живут два вида разумных существ. А другой такой планеты я не знаю. Скажи ему...

— Подождите, шеф,— прервал его Бек.— Меня не оставляет ощущение, что в этом как-то замешан Коши. Позвольте я его расспрошу. Может, удастся что-то выяснить. Мтели, а как будут уничтожаться эти изображения?

— Уже сказал вам, что не знаю,— пробурчал Мтели.

— Они не будут... съедены?

— Кажется, вы все об этом знаете, тогда зачем спрашиваете?

— Ну так все же?

— Вас не касается, как мы обращаемся с нашими врагами.

— Касается, если вы обращаетесь к нам за помощью. Как тебе понравится, если мы снимем с тебя этот пластырь и выгоним из Бембома? А?

— Вы этого не сделаете. Считается, что вы добры к нам. Я тоже хорошо знаю политику «Вигенс».

— Все правильно. Но мы не должны никому оказывать приоритет. Давай начнем сначала. Ты не ответишь на мой вопрос, приятель? Они должны быть съедены?

— Хм-м, да.

— Уже лучше. А это не такие маленькие печеньица?

— Да, такие.

— А что побудило тебя не согласиться с этим планом?

— Я подумал, что такие печенья слишком опасно распространять в племени. Мы можем начать использовать их друг против друга. Даатскхуна уже опасается вспышки колдовства среди нас.

— Вы собирались покупать это печенье у Дариуса Коши?

— Мне не следует об этом говорить...

— Мы так или иначе все выясним. Ты знаешь, что у нас есть для этого кое-какие свои секретные способы.

— Думаю, что есть. Ладно, у него собирались купить.

— Все ясно,— подытожил Бек.— Я так и думал, что он неспроста все это затеял. Коши будет печь замечательные крекеры — в форме дзлиери. Ромели смогут поедать своих врагов, и это будет очень вкусная магия. А как вы собираетесь ему платить, Мтели?

Ромели ответил:

— Он рассказал, что у людей на Земле есть магический обряд, который они называют танцами, исполняемыми под музыку. Он сказал, что они безумно любят танцевать, слушая наши песни и заплатят ему за них горы денег. Поэтому по договору он передает нам крекеры, а мы позволяем ему записывать наши песни, с небольшими пометками на нотах.

— Теперь мне все понятно,— сказал Силва.— Я услышал об остроумнейших способах избежать платы за провоз на Землю, но на этот раз речь идет о bolo[56]. Когда последний раз был дома, то понял, что жители Рио на самом деле помешаны на этих мелодиях ромели, которые привезли ксенологи. Однако я до сих пор не могу понять, следует ли нам вмешиваться.

— Команданте,— сказал сержант,— мы не можем допустить больших беспорядков среди этих проклятых вишнанцев как раз тогда, когда на торговых путях стало все спокойно. К тому

[56] Печенье *(порт.)*.

же, придя в сильное возбуждение, они начнут убивать наших представителей.

— А будут ли беспорядки? — спросил Силва.— Может, они будут тихо-смирно сидеть дома и есть свои крекеры?

— Сейчас спрошу,— сказал сержант и повернулся к ромели: — Мтели, собираются твои соплеменники напасть на дзлиери в прямом смысле слова, когда уничтожат их посредством магии?

— Естественно. А как же еще мы можем завладеть их собственностью?

— И все равно я не могу понять,— осторожно промолвил Силва,— какой закон нарушил Коши.

— Он продал вооружение вишнанцам,— сказал Бек.

— Как вы можете назвать печенья в виде фигурок животных вооружением? Послушайте, синьор инспектор, вы же не суеверный человек и не верите, что от этих маленьких крекеров Коши будет какой-то толк, что бы ни думали о них эти несчастные существа!

— От них будет толк! — воскликнул ромели, который, казалось, уловил смысл реплики Силвы.— И мы не несчастные существа. Я видел, как действует эта магия. Могзаурма привел пленного дзлиери, и он сразу после заклинания умер.

— Может, он уже был болен или ранен,— сказал Силва.

— Нет! Нет!

— Может, он был напуган до смерти,— сказал сержант.— Вы знаете этих туземцев.

— Не называйте меня туземцем! — Мтели вскочил с места.

— А разве ты не туземец? — спросил сержант.

— Пожалуйста, calma [57],— сказал Силва.— Сержант Мартинс не хотел тебя оскорбить, дружище. Я слышал о некоторых народностях на Земле, представители которых умирали, когда жрец-знахарь творил над ними свое колдовство. Но мы тоже не всесильны, и я ничем не смогу им помочь, если они станут приходить в ужас без особой на то причины.

Бек покачал головой:

— Если я напугаю вас до смерти угрозой убить, это будет все равно что я вас оглушил ударом по голове. И как говорит сержант, мы не можем позволить нападать на наших людей,

[57] Спокойно *(порт.)*.

потому что они земляне, хотя и занимаются своим личными делами. Я положу этому конец.

— Как?

— Найду Коши и арестую его.

— Ты с ума сошел, мой юный друг,— сказал Силва.

— Просто землю роет,— сказал сержант.— Сынок, а ты знаешь, как легко навсегда сгинуть в этом навозе?

— Мне все прекрасно известно,— сказал Бек.— Я здесь все объехал, и со мной ни разу ничего не случилось. Если вовремя поставить заслон перед этим Коши, никаких беспорядков не возникнет — просто повода для них не будет.

Силва объяснил, в чем тут дело:

— Синьор Лютер мечтает выучиться на ксенолога и считает, что несколько таких вояжей будут ему как нельзя кстати.

— А почему бы и нет? — сказал Бек.— Если я на вступительных экзаменах расскажу, как общался с обитателями этой планеты...

— Для того чтобы это сделать, есть только один надежный способ.— Сержант выразительно похлопал по своей кобуре.— Надо прежде всего провести разведку и постараться привить им страх перед Богом. И никакие школяры...

— Кого это ты называешь школяром? — взорвался Бек.— Ты вот-вот спровоцируешь войну всех вишнанцев против Бембома, и имей в виду...

— Прошу вас, успокойтесь, мои дорогие! — воскликнул Силва.— Мы же цивилизованные люди. Устраиваете ссору на ровном месте. Моя идея состоит в том, чтобы организовать встречу Каматобдена и Даатскхуны. Пусть спокойно обсудят все проблемы.

— Одна попытка уже была! — возразил Бек.— Они чуть не убили друг друга, как только встретились.

Перепалка продолжалась еще с полчаса, и в итоге победу, благодаря луженой глотке и хорошо подвешенному языку, одержал Лютер Бек. Порешили, что сначала он попробует осуществить свой план, а если из этой затеи ничего не выйдет, останется достаточно времени, чтобы придумать что-то еще. В любом случае, если Бека постигнет неудача, он вряд после этого ли будет возражать, если кто-то еще из них попытается что-то сделать.

— От этих карт никакого толку,— посетовал пилот,— так быстро здесь все зарастает... Похоже, это где-то здесь.

Он показал на точку на экране радара, которая соответствовала дому Коши на карте. Вертолет начал медленно снижаться, пока из тумана в нескольких метрах под ними не выглянула поляна рядом с домом. Когда до земли оставалось меньше двух метров, Бек вылез из кабины и спустился вниз по веревочному трапу. Он сказал пилоту:

— Жди меня и внимательно смотри по сторонам.

После этого Бек подошел к дому и нажал на кнопку звонка. Вокруг него вихрем завивался туман и разлетался в стороны от вращающихся лопастей вертолета.

Подождав безрезультатно несколько минут, Бек достал ключ и открыл дверь. Держа пистолет наготове, он вошел внутрь. В последний раз, когда Коши начал создавать им проблемы, он сделал копию ключа, ничего не сказал его владельцу. Строго говоря, это было противозаконно, но офицеру по поддержанию мира на планете было не обойтись без кое-каких хитростей.

Дариуса Коши в доме не было. Судя по порядку в комнатах, он ушел куда-то по своим делам. Бек зашел на кухню, где делались крекеры. Там он нашел две формочки для выпечки: одну в виде дзлиери и другую — в виде ромели.

«Натравливает их друг на друга в своих интересах»,— подумал Бек. На полке стояли две коробки, наполовину заполненные крекерами. В одной были фигурки ромели, в другой — дзлиери. Бек попробовал крекер, и он оказался довольно вкусным. Атмосфера на планете была как в турецкой бане, и скоро ему захотелось пить. Он растворил в воде две соляные таблетки и подумал: «Был бы я турком — точно знал бы, что делать с этой любовью Коши к планете Вишну».

Бек вышел из дома и осмотрелся. В грязи было много следов. Некоторые были совсем свежими, другие вели к дому или расходились в разные стороны. Многие были оставлены трехпалыми лапами и принадлежали дзлиери. Внимательно присмотревшись, Бек нашел следы человека, уходящие в сторону от дома. Однако через несколько шагов они кончались. Было видно, что человек, оставивший их, повернул направо и затем подпрыгнул на одной ноге. Скорее всего,

Коши сел на одного из своих кентавроподобных гостей и отбыл на нем восвояси.

Бек крикнул пилоту:

— Выбрось мои вещи. Я хочу выследить этого парня и, возможно, останусь здесь на ночь.

— С ума сошел? — ответил пилот, но, тем не менее, бросил вниз рюкзак, флягу с водой и трость.

Бек поймал их, надел рюкзак, прикрепил к поясу флягу и крепко сжал трость. Потом он сказал пилоту:

— Прилетай сюда каждый день в это время, ладно? Até logo[58]! — попрощался он и пошел по следу. Пилоту оставалось только улететь, что он и сделал.

На ногах у Бека были матерчатые ботинки. По замыслу, они должны были облегчать ходьбу. Но черная болотная

[58] До скорого *(порт.)*.

грязь засасывала их, и каждый шаг сопровождался громким хлюпаньем. Там, где тропа была залита водой, Бек тростью проверял впереди, есть ли твердая опора для ног. Пот лил с него ручьем, и он иногда удивлялся самому себе, что еще находит силы двигаться. В таком климате любой другой уже давно был бы как выжатый лимон.

Если его неожиданно обдавало брызгами с веток, одежда Бека от этого не делалась более мокрой, чем была. Какая-то болотная рептилия нацелилась на него своей зубастой пастью, но сильный пинок по голове заставил ее уползти прочь. Стрелять, к счастью, не пришлось, а выстрел мог встревожить дзлиери.

Бек обрадовался еще сильнее, когда по некоторым признакам понял, что приближается к главному стойбищу дзлиери. Тропа поднималась вверх, растительности становилось все меньше, и вода перестала хлюпать под ногами.

Топот копыт заставил Бека нырнуть в кусты. Он пригнулся, лелея надежду, что рядом с ним не затаилась какая-нибудь ядовитая гадина. Мимо проскакала дюжина дзлиери. Четверо были воинами, на головах у них были медные шлемы, в руках щиты, а с правого боку висели большие связки дротиков. Судя по всему, они готовились к грядущим боям.

Бек продолжил движение, на этот раз предельно осторожно. Он перебегал от куста к кусту, не выпуская из виду стойбище, и скоро нашел хорошее место для наблюдения. Бинокли в здешней атмосфере с ее стелющимися в нескольких метрах над головой туманами были бесполезными.

На поляне впереди толпились и громко, на самых высоких тонах, перекликались дзлиери. Слов было не разобрать, Бек слышал только гул голосов. Он ясно увидел, что на спине Каматобдена сидит Коши.

У двух туземцев на спинах были винтовки, у остальных — оружие попроще. Наверняка сперли у торговцев, подумал Бек. Скорее всего, и патронов у них нет, только ржаветь будут ружья без толку. Впрочем, с металлом они обращались ловко и рано или поздно должны были выучиться делать все сами, как когда-то отсталые народы на Земле. Уже ходили слухи... И что тогда будет с Бембомом? Силва, конечно, хороший дипломат и сам по себе

обаятельный человек, но хватит ли ему решимости начать серьезную войну? Команданте всегда норовил потянуть резину, лишь бы все осталось шито-крыто. Вторым в иерархии был простодушный, а иногда просто грубый сержант, которому явно не хватало воображения. Что касается самого Лютера, то он был слишком импульсивным...

Посередине поляны стоял большой, метров шесть в диаметре, деревянный котел. В него дзлиери бросали разные листья и траву. Один из туземцев поливал все это какой-то жидкостью из кожаной бутыли, другой горстями бросал в него какую-то крупу, а еще двое яростно мешали кашу своими копьями. Другие в это время замешивали еще какой-то коктейль в чане в чане поменьше, диаметром около метра.

Кто-то свистнул, и шум стих. На авансцену вышел старый дзлиери, в котором Бек узнал Дастанкмдена, знахаря. В руке у него была не то земная пивная бутылка, не то что-то на нее похожее. Он что-то прокричал. Бек разобрал только: «Да пошлют нам боги...». Потом Дастанкмден опорожнил бутылку в чан что поменьше. До кустов, где сидел скрючившись Бек, донесся слабый, но острый запах. Скорее всего, это была секретная горькая настойка дзлиери, которую продавали на Земле за сумасшедшие деньги. Ее разводили в пропорции один к тысяче, чтобы человеческое горло могло ее выдерживать. Коши вполне мог — да и наверняка получал от туземцев за свои крекеры плату именно такой настойкой.

Дзлиери выстроились в очередь и один за другим подходили по грязи к чану и черпали себе настойки. Потом они парами церемонно отходили прочь и, держась за руки, выпивали свои порции. Одну из пар составляли Коши и Камато-бден. (В этот момент по спине Бека поползло что-то многоногое.)

Через некоторое время вожак ударил по краю чана. Наступила тишина, и он сказал:

— Все вы знаете нашего дорогого друга Дариуса, благодаря щедрости которого мы наконец одолеем своих заклятых врагов. На нашей планете больше не останется подлых ромели, даже если они живут за дальними морями.

— А теперь за дело! — воскликнул он.— Вот они, эти магические образы, созданные неодолимой магией землян и

тайно доставленные сюда за многие миллионы миль через ужасную пустоту пространства. Наш достойнейший друг подвергал себя смертельной опасности и заплатил за них гигантскую цену. («Умеет лапшу на уши вешать»,— подумал Бек.) А сейчас почтенный Дастанкмден объяснит вам, что делать.

Жрец сказал:

— Сначала я повторю заклинание, чтобы вы произносили его без запинки. Потом каждый возьмет крекер, поднимет его и повторит каждую фразу заклинания за мной. Все это время старайтесь думать о ромели, словно они перед вашими глазами. После каждой фразы откусите немного от крекера, прожуйте и проглотите. Да только по небольшому кусочку, потому что крекера должно хватить на все заклинание. Готовы? Тогда начали.

— Когда этот крекер будет съеден,— начал он,— пусть и твоя жизненная сила... Эй, Дзалгонитен! Я сказал, что это только проба! Тебе никто не говорил, что надо начинать есть крекер! Возьми другой и слушай внимательно.

Жрец продолжил свой речитатив:

— Когда этот крекер будет съеден, пусть и ваша жизненная сила будет съедена...

— Когда этот крекер будет разжеван, пусть и ваши надежды разлетятся в прах...

— Когда этот крекер будет проглочен...

Но закончить заклинание жрецу помешал громкий вскрик:

— Вау!

Вопль раздался за спиной Бека. Он вскочил на ноги, резко повернулся и потянулся за пистолетом. Но дзлиери, который подкрался сзади, уже бросил свое лассо. Не успел Бек отпрянуть, как веревка оказалась на его горле. Дзлиери затянул ее рывком, обмотал вокруг тела землянина, так что тот не мог двинуть рукой, и взвалил его себе на спину.

— Еу- еу! — визжал дзлиери, топоча копытами по корням через кусты по направлению к поляне.— Смотрите, что у меня есть!

Сильные руки поставили на ноги Бека, который все еще был в полубессознательном состоянии. Потом его развязали.

— Кто-нибудь знает этого землянина? — спросил Каматобден.— Кого-то он мне напоминает, хотя они все друг на друга похожи.

— Это таможенник из Бембома,— сказал Коши.

— Теперь и я его узнал,— сказал вожак.— Чем он здесь занимается?

— А я откуда знаю?

— Что будем с ним делать?

— Это ваше дело,— пожал плечами Коши.

— Ладно.— Каматобден возвысил свой и так зычный голос: — У нас есть только два пути. Или убить его на месте, или подождать конца нашей церемонии и потом казнить его со всей надлежащей изощренностью. Все свидетельствует в пользу первого варианта...

Однако большинство проголосовало за отложенную, но растянутую казнь. Бека, подгоняя пинками, отвели в дальний конец стойбища и посадили в крепкую деревянную клетку с прутьями толщиной с руку и промежутками не шире ладони. Дверца с треском закрылась, и дзлиери закрыл замок огромным ключом.

Единственным плюсом было то, что до клетки почти не доносились резкие запахи от варева дикарей. В середине стойбища от них было не продохнуть. Дзлиери, который закрыл на ключ дверцу, видимо, был назначен присматривать за человеком, потому что он перекинул пояс Бека через плечо, выразительно похлопал по кобуре и плотоядно сказал:

— Я знаю, как стрелять из этих штуковин, так что без шуток.

Бек усомнился, что туземец умеет стрелять, потому что благодаря строжайшему контролю компании «Вигенс» редкому вишнанцу удавалось хоть раз в жизни нажать на курок. Но кое-какие выводы он сделал: лезть на рожон, не имея никаких шансов, ему не следует.

Остальные дзлиери вернулись к своему вареву. Знахарь продолжил свои наставления. Ко-гда он закончил, дзлиери снова выстроились в очередь со своими плошками, и туземцу у котла пришлось изрядно потрудиться, чтобы всех их обслужить. Шуму и криков становилось все

больше, а некоторые дикари на деле показывали, что сезон спаривания у них еще не закончен.

Коши, с кружкой в руке, подошел к клетке. Вид у него был несколько расстроенный.

— Болван проклятый,— сказал он,— чего тебя сюда понесло? Что ты здесь вынюхивал? А теперь я ничем не могу тебе помочь.

— А ты и не пытался,— сказал Бек, удивляясь, как торговец может пить варево дзлиери.

— А зачем мне пытаться? Я их прекрасно знаю. Убьют тебя, что бы я ни говорил. А если вмешаюсь, только мне хуже будет.

— Мог бы попробовать украсть ключ от клетки и бросить мне.

— Когда часовой стоит в двух метрах и смотрит на нас? А потом ты сбежишь и весь мой бизнес испортишь? Я так похож на дурака?

— Но...

— Получишь по заслугам за то, что суешь свой нос куда не следует. Хотя я бы тебя так жестоко не наказывал. Adeus[59]!

Коши побрел прочь, а Беку оставалось только извергать ругательства ему вслед. Два дзлиери вдруг начали драться и махали кулаками, пока их не растащили в разные стороны.

Бек отчаянно пытался что-то придумать. Он окликнул своего охранника и сказал на ломаном местном языке:

— Вы — вы делаете большую ошибку. Этот Коши, он продает магические крекеры и вашим врагам. Так что вы будете убивать друг друга, а он станет в это время богатеть...

— Заткнись! — рявкнул дзлиери. Ему принесли выпить, он осушил свою плошку и вопил, пока не получил еще порцию.

Другой дзлиери подошел к клетке с охапкой веток и просунул их внутрь, сказав:

— Мы не можем придумать для тебя по-настоящему мучительную казнь. Это тебе, чтобы не умер с голоду.

Когда он ускакал, Бек вспомнил, что система пищеварения у туземцев работала очень быстро. Наверняка они думали, что и люди устроены так же и им все время надо что-то

[59] До свидания *(порт.)*.

есть, чтобы не погибнуть от истощения. Сами дзлиери почти две трети своей жизни проводили за едой. Бек попробовал на вкус одну из веток. Она оказалась сладкой. Что ж, по крайней мере он умрет с полным желудком.

Празднество подошло к концу, когда туман над головой начал темнеть. Стойбище было заполнено лежащими в самых невообразимых позах дзлиери, словно сраженных автоматными очередями, с высунутыми языками и остатками салата вокруг. Всеобщий храп напоминал звуки работающей пилорамы. Коши давно куда-то исчез, и даже охранник Бека вырубился, как и все остальные дикари.

Бек задумался, как использовать сложившуюся ситуацию с пользой для себя. Ключ от клетки просто свисал с амуниции охранника, а пояс с кобурой и патронами болтался на шее туземца. Однако дзлиери предусмотрительно завалился на достаточном расстоянии, чтобы пленник не мог его достать.

Бек осмотрел клетку. Если что-то и могло ему помочь, то только сладкие съедобные ветки. Он попробовал их руками на прочность и выбрал одну.

Но она оказалась слишком короткой.

Дело худо, подумал Бек. Но какой-то выход должен был быть. Скоро дзлиери придут и начнут заживо сдирать с него кожу. Не тогда же думать над решением этой маленькой загадки?

Вдруг он вспомнил, как готовился к вступительному экзамену по биологии (как давно это было, увы, кажется, целую вечность назад!) и читал о больших земных обезьянах. Кажется, какой-то шимпанзе по имени Султан однажды достал яблоко, сидя в клетке, с помощью двух палок, которые он воткнул одну в другую для увеличения их длины.

А ну, вперед, телятки!

«Git Along! », журнал «Astounding Science Fiction» №8, 1950

Дариус Мехмед Коши посмотрел на сидевшего напротив толстяка — круглого, как висевшие на стене над его головой часы, которые, впрочем, были заметно симпатичнее этого борова. До прибытия в космопорт Урана корабля с Земли оставалось три часа. А с ним — девять шансов из десяти — следовало ждать и ордера на арест Дариуса Коши.

Три часа — и за это время надо было как-то обработать толстяка, чтобы самому покинуть Солнечную систему. То есть просто убежать — туда, где Дариусу не будут вставлять палки в колеса, а его таланты окажутся востребованы. А самое главное — чтобы туда не присылали то и дело прокурорские повестки, как на Земле, — по крайней мере за такие незначительные нарушения закона, как получение кредитов для новой компании, которая будет разводить на Марсе ганешанских птиц.

Стрелки часов глаз не радовали, и Морис Глоппенхеймер — тоже. Толстый, как боров, он к тому же самозабвенно нес всякую чушь. Слово «жлоб» именно для таких придумали. Под ногтями у него скопилась грязь — Коши мельком взглянул на свои тщательно ухоженные пальцы, а дыхание было тяжелым и несвежим.

Но досаднее всего, что этот боров отмахнулся от планов Коши. Дариус даже пожалел, что завел об этом речь, и подумал, что толстяк наверняка бы заинтересовался, если бы хоть иногда пользовался мозгами. Что же, зато можно было с чистой совестью считать себя единственным автором этой авантюры.

— Давай дальше,— протянул Коши с завораживающей улыбкой. Именно такая улыбка подвигла героиню известной сказки воскликнуть: «Какие у тебя большие зубы, бабушка!»

Но Глоппенхеймер не нуждался в поощрении — он и без того ни на секунду рта не закрывал. Его словно прорвало — точь-в-точь водопроводный кран с сорванной резьбой:

— ...ну вот, когда я увидел это рекламное объявление о ранчо в баварских Альпах, навроде американских, чисто для забавы, то сказал себе: а у тебя, приятель, есть голова на плечах? А ты так не можешь? Сколько за свою жизнь просидел в киношке, смотря американские вестерны? А если поторчать месячишко на таком ранчо, да разузнать там все? Все ихние хитрости? А потом быстренько оттуда свалить?

— А куда? — спросил Коши. Он заинтересовался, но старался вытянуть информацию исподтишка, не вызывая подозрений.

— Типа не далеко не близко, на некислую планетку с людьми-человеками. И чтобы им никто в карман не заглядывал, если они делают дела по местным законам. Так что я решил вложить свои бабки в это дело. Только сначала вышел мне обломчик. На Марс и Венеру нечего и соваться. На Марсе мало воздуху, да и тамошние обитатели въедливые, как комары. А на Венере жара несусветная, да и шевелить мозгами там вовсе некому. Поэтому я обратил свои взоры на Осирис в системе Проциона. Там живут рептилии, но высокоцивилизованные, дружелюбные. У них самая что ни на есть рыночная экономика, да и побаловать они себя любят, за модой следят. Так что на Осирис и пошлепаю, как только соберу все материалы.

— Что за материалы? — Коши закурил сигарету.

— А? Ковбойские костюмы — старые американские. Знаю, что вся эта костюмерия — чушь собачья. Никогда никакие ковбои своих коров такими выряженными не пасли. Однажды довелось побывать на ранчо в Техасе. Так они там чуть не в белых костюмах расхаживают по стойлам со всякими приборчиками да термометрами, чтобы своей живности температуру мерить. Но бизнес есть бизнес. Я же бабки хочу вкладывать в ранчоразвлекаловку. Мне рассказывали, что это даже в Японии проходило. Устраивали там какие-то дзу-дзу ранчо.

Но вернемся к материалам. Лассо, например. Древний однозарядный револьвер — вроде тех, что в музеях лежат. Учебные пособия насчет жизни на Диком Западе. Книжечки-романчики душещипательные. Гитара, банджо или чего там у них было,

чтобы петь ночью у костерка. Короче, поехал на ранчо, купил материалы...

— А как в системе Проциона с обменом валюты? То есть наших денег на местные? — поинтересовался Коши.

Глоппенхеймер громко рыгнул.

— Меняй сколько влезет. Одна их деньга на один доллар Всемирной Федерации. Только надо найти местного жучка-спонсора. Чтобы типа он все делал, а как бы за его спиной. Так на этих планетах принято. А то начнут вопить: «Землянин эксплуатирует нас, разорвем это чудовище на куски!»

— И у тебя все с собой, материалы то есть?

— А то как? Эй, официант! — рявкнул Глоппенхеймер.— Повторить! И одна нога здесь — другая там. Уловил?

Коши улыбнулся и промолвил:

— Запишите на мой счет.— Его план начал обретать реальные очертания. А если все пойдет хорошо, то все расходы на этого дуралея оправдаются сторицей.

После еще трех стаканов голова Глоппенхеймера начала падать набок, а глаза закрываться. Коши сказал:

— Позвольте мне проводить вас до комнаты, герр Глоппенхеймер.

— Ка-арошо,— пробубнил Глоппенхеймер.— Ты настоящий друг. Напомни мне, чтобы настроил свои часы на звонок. Мой корабль скоро улетает. Ja [60], не надо было столько пить. Моя третья жена всегда говорила... — И толстяк начал всхлипывать, скорее всего вспомнив о своей третьей жене.

Они зигзагами прошли между пассажирами, отскакивая от одной стенки к другой подобно живым бильярдным шарам, пока наконец не добрались до каюты Глоппенхеймера. Она находилась через одну каюту от той, что занимал Коши в этом подземном кроличьем загончике для транзитных пассажиров. На Нептуне и Плутоне были похожие космопорты; Уран служил пересадочным узлом для полетов к системам Проциона и Сириуса, потому что только он находился в нужной стороне Солнечной системы.

[60] Да *(нем.)*.

Глоппенхеймер упал на свою койку и захрапел, как работающая пилорама, едва его голова коснулась подушки.

С удовлетворением убедившись, что толстяк не реагирует ни на какие толчки, Коши осмотрел его документы и бумажник. Потом вытащил из кармана спящего ключи и открыл стоящий у двери шкаф. В нем висели ковбойские шмотки и прочие причиндалы. Деловой костюм Глоппенхеймера лежал в чемодане, и размерами и внешним видом как две капли воды похожем на чемодан самого Коши. Вот удача! Аллах и правда решил его вознаградить за ежедневные молитвы!

Коши несколько минут внимательно осматривал паспорт Глоппенхеймера.

Наконец он тихонько вышел и вернулся к себе в каюту, взял свой чемодан и осторожно выглянул за дверь. Каюту между ним и Глоппенхеймером занимал восьминогий обитатель Изиды. Словно кому-то в голову взбрело скрестить слона и таксу, а в результате появилось на свет это чудище. Обычно изидяне держали двери своих кают закрытыми, чтобы насладиться повышенным давлением их родной планеты. И неожиданное появление его в коридоре было маловероятным. Но все равно надо было соблюдать осторожность.

Коши прислушался. Из каюты изидянина, приглушенное дверью, доносилось тихое позвякивание. Звуки издавало какое-то воспроизводящее устройство в каюте — ее обитатель был меломаном. Инструментами для такой музыки были маленькие молоточки. Изидяне держали их в своих хоботках и ударяли ими по кусочкам дерева разного размера и формы. Получались какие-то ультракубинские ритмы, а слышный и в коридоре храп Глоппенхеймера не добавлял им благозвучия.

Коши быстренько отнес свой чемодан в каюту Глоппенхеймера и, убедившись, что толстяк по-прежнему спит как убитый, открыл его. Он достал из потайного отделения в двойном дне набор ручек, чернильниц, штемпелей, гравировального инструмента и кое-что еще, обычно не входящее в багаж законопослушного пассажира. На стол легли также несколько паспортов с отпечатками пальцев и фото Коши, но без каких-либо записей в них.

Коши напечатал по буквам в нужном месте «Морис Вольфганг Глоппенхеймер» так, чтобы строка выглядела

как машинописная. Потом он несколько раз для пробы расписался за Глоппенхеймера на клочке бумаги и поставил подпись в паспорте.

Он снова посмотрел на паспорт Глоппенхеймера. Если еще самого толстяка снабдить документом на имя Дариуса Мехмеда Коши, чтобы толстяк им пользовался! Но такой трюк был ему не по силам. Правда, он все-таки сделал кое-что получше.. Напечатал для Глоппенхеймера, на свое собственное имя, идентификационную карточку, на бразильско-португальском космоязыке:

Временное удостоверение.
Выдано взамен утерянного паспорта.
Подлежит замене на новый паспорт.

Потом он взял небольшую полоску ткани наподобие той, которой был покрыт его чемодан, и пробежался по ней своими штемпелями. В результате на полоске появились золотистые буквы «М. В. Г.». Потом он продавил на обивке вокруг собственных инициалов контур такой же полоски, отодрал этот кусочек материи и приклеил на его место новые инициалы. Затем он заклеил полоской с буквами «Д. М. К.» инициалы на чемодане Глоппенхеймера, причем так аккуратно, что, даже присмотревшись повнимательнее, нельзя было обнаружить подмены.

После этого Коши тщательно обследовал всю одежду толстяка и убедился, что на ней нигде нет его инициалов или еще каких-то подобных пометок. Покончив со всем этим, он поменял свой и Глоппенхеймера бумажники, сначала просмотрев в обоих все документы, кредитные карточки, билеты и тому подобное. Свой паспорт и другие идентификационные документы на имя Дариуса Коши он оставил у себя и положил их в тайник под двойным дном в своем чемодане. Особенно его обрадовал билет до Осириса, потому что у самого у него денег оставалось совсем мало.

Забирая у немца все бумаги, Коши почувствовал угрызения совести, потому обычно считал своим долгом не опускаться до обычного воровства. Чтобы немного успокоить себя, он решил во что бы то ни стало в свое время

рассчитаться с Глоппенхеймером — когда это не будет для него опасным или неудобным. Решил он это, когда попал в чрезвычайные обстоятельства и ему пришлось изменить своим и так не слишком твердым нравственным принципам. Тем не менее этим благим намерениям не было суждено хоть когда-либо осуществиться.

Но в любом случае — человек ведь должен как-то бороться за свои права?

Агент по пассажирским перевозкам компании «Вигенс Интерпланетарис» поднял взгляд на стоявшего перед ним человека — одного из последних, прибывших с Земли на корабле «Антигонос».

— Que quer você, senhor[61]? — спросил чиновник.

— Прошу прощения,— сказал человек на безукоризненном португальском,— но я — Морис Глоппенхеймер, направляюсь с Земли на Осирис, и у меня каюта номер девять в отделении для транзитных пассажиров.

Чиновник слегка призадумался. Ну и дела! Глоппенхеймер совсем недавно подходил к нему. И это был громкоголосый толстяк-блондин, говоривший с сильным немецким акцентом, а сейчас перед ним стоял стройный элегантный брюнет, к тому же молодой. Похоже, он все-таки перепутал их фамилии.

— Один из моих попутчиков,— продолжил Коши,— потерял сознание прямо напротив моей двери. В не займетесь этим беднягой?

— А вы не знаете, кто это? — Чиновник поднялся со своего стула.

— Сам он называл себя Дариус Коши. Мы с ним сидели и выпивали в баре, и он почувствовал себя неважно, извинился и ушел. А потом я обнаружил его у своей двери.

В этот момент дверь за спиной чиновника открылась, и на пороге появился начальник службы безопасности космопорта. Он прошептал что-то на ухо своему подчиненному. Потом оба они внимательно посмотрели на Коши. Чиновник рангом пониже сказал:

[61] Кто вы, синьор? *(порт.)*.

— Тысяча благодарностей вам, синьор. Мы получили сообщение, что этого человека очень хотят видеть на Земле. С «Кеплером» нам прислали ордер на его арест. Если бы не вы, он мог улететь на «Качоейре» до того, как мы бы приняли меря к его задержанию.

— Хорошо, что напомнили! — воскликнул Коши.— Через пятнадцать минут мне надо быть на «Качоейре»! Até à vista[62]!

Еще через несколько минут в коридоре прошли мимо друг друга две небольшие процессии. Одна состояла из носильщика, который вез на тележке с электродвигателем багаж Глоппенхеймера и чемодан Коши, шедшего рядом. Другая включала трех полицейских компании «Вигенс» и спотыкающегося Глоппенхеймера. Он был еще совсем не в себе, ругался и то и дело повторял:

— Aber, ich bin doch nicht dieser Koshay! Ich habe von dem Kerl niemals gehört![63]

Служащие компании «Вигенс» по-немецки не понимали и не обращали внимания на его бормотание никакого внимания. Коши благословил судьбу, что удержался и не сказал Глоппенхеймеру своего имени. Кто знает, к чему бы это привело... А так — на нет и суда нет.

Шесть месяцев спустя — как он сам чувствовал время — Дариус Коши, все еще называвший себя Морисом В. Глоппенхеймером, сидел, или лучше сказать примостился, на встрече с тремя важными чиновниками Сереф Акха на Осирисе. Сами осирианцы объяснили, что боятся собственной импульсивности и поэтому всегда организуют для решения сколь-нибудь важных вопросов комитеты. Чиновники походили на маленьких двуногих динозавров, и были на голову выше человека.

— Нет,— твердо заявил Коши на языке ша-акфи — настолько беглом, насколько он мог быть таковым у землянина, с его голосовыми связками.— Я не буду оформлять сотрудничество со всеми вами. А создам акционерное общество только с тем, кто предложит мне лучшие условия. Что вы можете предложить?

[62] До свидания *(порт.)*.

[63] Но я же не этот Коши! Я никогда не слышал об этом типе! *(нем.)*.

Три ша-акфи недобро, как шекспировские ведьмы, посмотрели на Коши, а потом друг на друга. Они возбужденно заклекотали, их раздвоенные язычки так и мелькали. Один, по имени Шиширхе, с серебристо переливающейся чешуей, сказал:

— Вы хотите сказать, это будет тот, кто оставит вам большую долю акций?

— Совершенно верно.

Ша-акфи прекрасно знали всю финансовую кухню. Гостям их экономика напоминала дикий капитализм конца XIX века на Земле.

Ятасия, с раскрашенной в черно-красные цвета чешуей, подпрыгнул и стал расхаживать взад-вперед на своих птичьих ногах:

— Какой неожиданный поворот! Когда я представлял вас этому достопочтенному комитету, мне все виделось по-другому. Я думал, что каждый из нас получит четверть акций, как принято в таких случаях.

— Прошу прощения, если меня неправильно поняли, но мои условия именно таковы. Если они вас не устраивают, я найду других достойных господ, которые могли бы стать моими компаньонами.

— Нечестная игра! — воскликнул Ятасия.— Этот монстр пытается нас поссорить. Мы все должны отказаться от сотрудничества с ним!

— Ну? — спросил Коши, глядя ну двух других осирианцев.

Шиширхе, немного помявшись, сказал:

— Предлагаю тридцать процентов.

— Что? — вскричал Ятасия.— Уважаемый коллега, вы меня поражаете. До сего дня ваша порядочность не вызывала у меня сомнений. Но я не позволю вам вывести меня из игры. Сорок процентов!

Коши посмотрел на третьего осирианца, Фессахена, с оранжево-зелено-голубой чешуей. Тот отрицательно помотал в воздухе своими когтистыми лапами:

— Я в этом не участвую. У меня и других дел хватает. А ты, Шиширхе?

— Сорок пять,— сказал Шиширхе.

— Сорок девять,— прошипел Ятасия.

— Пятьдесят,— сказал Шиширхе.

— Пятьдесят два,— яростно взвизгнул Ятасия.

Фессахен попытался вмешаться:

— Ты с ума сошел, Ятасия. Так землянин получит контроль над акционерным обществом!

— Знаю. Но наши законы будут защищать мои интересы, а он в любом случае лучше знает, как вести бизнес.

— Пятьдесят пять,— сказал Шиширхе.

Коши все это время был на грани отчаяния. Перевести цифры из восьмеричной осирианской в земную десятеричную систему счисления было ох как непросто. Земным ста процентам соответствовали шестьдесят четыре местных. Ша-акфи тоже старались приноровиться к землянину, и когда Шиширхе говорил «пятьдесят» процентов, это значило «тридцать два» осирианских.

Ятасия поерзал, схватил свой портфель и выбросил его в окно.

Трах!

— Меня предали! Оскорбили! — он подпрыгнул от ярости и взвизгнул, словно расстроенная каллиопа.— Я никогда не буду вести бизнес с таким расчетливым дельцом, как вы, мистер Глоппенхеймер! Вы не только бездушны, но хуже того, это нисколько не стыдитесь этого обстоятельства. И вас двоих я стыжусь за то, что вы меня не остановили! Вы ничем не лучше его! Всего хорошего, уважаемые господа!

Фессахен сказал:

— Прошу прощения за моего коллегу, мистер Глоппенхеймер. Он такой вспыльчивый. И не могу сказать, что вы дали ему достаточный повод для такой вспышки. Прошу меня извинить, я оставляю вас, чтобы вы обсудили все детали вашей сделки. Мне предстоит провести ревизию на нашем новом мусороперерабатывающем заводе.

— Прошу сюда,— сказал Шиширхе Коши, отодвигая в сторону тяжелую кожаную занавеску в чем-то вроде дверного проема. Это был выход из помещения для переговоров. Самих дверей осирианцы не делали, опасаясь прищемить хвосты, которыми они поддерживали равновесие.

Коши устал от перепалки и был рад усесться на подобие подушки в кабинете Шиширхе.

— Во-первых,— сказал он,— мне нужен подходящий участок земли.

— Это можно устроить,— сказал Шиширхе.— У меня есть большая территория в нескольких сфисфи от Сереф Акха. Что еще?

— Я хочу познакомиться с несколькими производителями текстиля, которые могут выпускать ковбойскую одежду по моим образцам. Конечно, с необходимыми модификациями, чтобы ее могли носить ша-акфи.

— Думаю, и это можно будет сделать, хотя мы и никогда не прикрываем свои тела матери-ей, как земляне. Но у нас есть хорошие специалисты.

— И наконец, существует ли у вас законы, для обеспечения монополии тому, кто что-то изобрел или реализует плодотворную идею? То, что у нас на Земле называется патентованием?

— Понимаю, что вы имеете в виду. На все виды нового бизнеса у нас выдается сроком на год эксклюзивная лицензия.

Эта цифра сперва несколько разочаровала Коши. Но потом он вспомнил, что один осирианский год равняется шести земным.

Через год, по земному времени, Коши сидел в доме у себя на ранчо и ждал возвращения своих клиентов-пижонов. Они три дня были в походе и осматривали водопад Фиасениц. Дариус немного беспокоился: он впервые остался во время такого путешествия один дома и надеялся, что его помощник Хаххисе все сделает как следует. Конечно, он бы непременно с ними пошел, если бы не поранился днем раньше в плавательном бассейне. Приятель одного из его клиентов привел своего сына и настоял, чтобы Коши дал этому подростку урок плавания, о чем на этой почти сухой планете никто не слышал. Динозаврик-осирианец испугался и исцарапал своего наставника острыми когтями.

Этот случай напомнил Коши ужасную историю, когда недоделанный ковбой Сифирхаш пытался соблазнить дочку некоего профессора астрономии. Или не самого профессора, а одного из группы мужей этой семьи. (Традиции ша-акфи в

этом смысле сильно отличались от земных. В семье было несколько мужей, и никого не интересовало, кто был на самом деле биологическим родителем ребенка. Но в то же время ша-акфи, по крайней мере в провинции, были в чем-то ревнивее землян.) Одно утешало Коши: ему лично в связи с этим никакие наскоки со стороны доброжелательных, но вспыльчивых рептилий не угрожали.

Или все-таки угрожали? У одного из местных чинуш была подружка, Афасия. С ней Коши познакомил Шиширхе. Дочку таких высокопоставленных родителей ему волей-неволей приходилось всячески обхаживать. Поэтому она почти безвылазно торчала на ранчо. И тем охотнее Коши отказался участвовать в походе сам — чтобы наконец избавиться от своей подопечной.

Автомобильный гудок заставил его оторваться от своего виски с содовой и льдом. Небольшая платформа на колесах, с поручнями и перилами, остановилась у дверей дома. Ручной лхехе, бегавший на цепи перед входом в дом, свистнул в знак того, что это не чужие, и вошел партнер Коши Шиширхе.

— Здравствуйте, коллега,— сказал осирианец, сняв похожую на бочку шляпу и швырнув ее через всю комнату так, что она опустилась точно на один из рогов прибитого к стене черепа сассихиха. На шее Шиширхе красовался цветной платок, а на когтистых лапах у него была пара украшенных вышивкой ковбойских сапожек с большими шпорами — наподобие тех, что носили Коши и гостившие у него бездельники.

— Привет-привет,— ответил Коши.— Выпьешь? Как там наш банковский счет?

— Спасибо.— Шиширхе занялся приготовлением для себя коктейля в местном сосуде, напоминавшем бутыль для масла с длинным горлышком.— Со счетом все в порядке. Через несколько дней со всеми долгами рассчитаемся.

Коши весь просиял при мысли, что к ним наконец потекут денежки.

— Еще какие-нибудь проблемы с профессором?

— Ничего подобного. Как только этот наш ковбой женился на его дочке, профессор с помощью своих связей тут же устроил парня ассистентом на факультет физики. У нее и так уже было двое мужей, а в их семье еще одна жена, так что если

первая кладка яиц появится раньше срока, никаких пересудов не будет. Как ты тут справляешься с Афасией?

— Тоже хорошо, кроме кое-каких нюансов.— И Коши рассказал о беспокойстве, которое ему доставляет прилипчивая молодуха.

Шиширхе поболтал в воздухе своим языком, что по-осириански означало усмешку:

— Если сама по себе эта мысль не покажется сумасбродной, можно подумать, что она... Впрочем, в любом случае тебе следует завести себе жену из своих соплеменниц, Глоппенхеймер. Если вам, землянам, вообще свойственно трепетное отношение к священным узам брака.

— Вроде свойственно. Надо будет попробовать. У меня есть знакомые женщины среди поселенцев нашей земной колонии в Сереф Акхе.

— Между прочим, похоже, у нас тут скоро появится конкурент.

— Как это? — резко выпрямился Коши.

— Недавно прилетел один землянин и установил деловые контакты с моим коллегой Ятасией. Его зовут...— Ша-акфи напрягся, выговаривая труднопроизносимые звуки, — Дариус Коши.

— Что?!

Коши чуть не подскочил на стуле от негодования. Мерзкий самозванец! Как он посмел присвоить себе его имя?! Нет, это ему даром не пройдет! Ну а сам-то? Разве не сделал то же самое?

— Этот Коши такой толстый, со светлыми волосами? — спросил он.

— Именно так.

— А каким бизнесов он собирается заниматься?

— Хочет устроить что-то вроде охотничьего клуба. Не знаю деталей, хотя у нас патент немного другой.

Коши призадумался. Нет, за этим парнем нужен глаз да глаз! От него можно ждать чего угодно. Должно быть, вырвался из той ловушки, которую я ему приготовил, и помчался по моим следам, взяв мое имя.

Шиширхе сказал:

— Если позволишь, я пойду окунусь разок в бассейн.

— Что, наконец решил научиться плавать?

— Хочешь сказать, чтобы я зашел на глубину, где воды выше головы? О, ужас, ни за что! Такие смертоубийственные забавы для тех, кто помоложе. Между прочим, кое-кому в Сереф Акхе не нравится, что ты ввел у нас моду на такой странный спорт. Говорят, что вода смывает нашу краску и не вполне прилично появляться неокрашенными в общественных местах. Хотя, думаю, ничего серьезного... — Он влил в себя остатки коктейля и вышел.

Коши снова наполнил свой стакан и погрузился в тревожные размышления. Но скоро снаружи послышался топот — это туристы возвращались из похода, сидя верхом на своих ахеахи. Эти животные были чем-то средним между длинноногими ящерицами и небольшими бронтозаврами, и были для ша-акфи тем же, чем в свое время лошади для землян.

Коши держал ахеахи в качестве «лошадей», а «крупным рогатым скотом» у него были эфефаны — большие рогатые рептилии, вроде земных трицератопсов, трехрогих динозавров. На Осирисе мясо эфефанов использовали в пищу. Мало-помалу он устанавливал на своем ранчо земные порядки. Однако ша-акфи яростно возражали против клеймения — говорили, что это жестоко, и эфефанов продолжали помечать по-старому, раскрашивая по трафарету.

Туристы-фраера ввалились в дом и, шипя, рассказывали о своем восхитительном путешествии. Самая маленькая осирианка подскочила к Коши, хлопая своими ковбойскими гетрами. Это была Афасия. Она зашипела-затараторила:

— О, дорогой мистер Глоппенхеймер! — Она произнесла это как «Лхафенхеймен».— Мы так замечательно провели время, но нам было так скучно без вас! — Она сорвала свою шляпу, которая держалась у нее на гребешке только благодаря эластичной ленте.— Но я решили еще немного погостить у вас на ранчо! Мы потанцуем сегодня вечером еще раз во дворе? В последний раз это было восхитительно, хотя мы все и смешались в кучу и сильно толкались. Почему бы вам сегодня не оставить Хакхисе заниматься делами, пока вы будете танцевать с нами? Вы никогда еще не танцевали, а я уверена, что у вас хорошо получится. Вы не сочтете за невежливость и навязчивость, если я попрошу вас быть моим партнером?

Остальные осирианки лопнут от зависти! Кроме того, я единственная из них, кто не выше вас ростом. Бедные земляне! Вы та-кие хорошие! Но какое унижение вы, наверное, испытываете из-за вашего низкого роста и этой ужасной светло-розовой кожи. Ой, мне не следовало вам напоминать, какие вы маленькие, да? А после вы возьмете свою гитару и споете нам прекрасную песню «А ну, вперед, мои песики». Вы всегда так понукаете ахеахи, когда сидите в седле. Хотя я немножко запуталась. Если певец, предположительно, едет верхом, почему он говорит о «песиках», хотя я всегда думала, что это маленькие домашние животные, которых на вашей планете держат для развлечения, а не используют в пищу[64]?

Следующие несколько дней на ранчо ничего примечательного не произошло, только одного постояльца боднул рогом эфефан, которого тот, забавы ради, сладострастно и упрямо дразнил. Коши задумал устроить для своих клиентов развлекательную вылазку, чтобы продемонстрировать им ковбойскую выучку, — всего на один день, туда и обратно.

Он сначала подумывал, не инсценировать ли что-то вроде столкновения с индейцами, но отказался от этой затеи — слишком сложно. К тому же Хакуси в своей боевой шляпе с перьями и так выглядел впечатляюще.

Афасия все время вертелась рядом. Когда он попытался отправить ее покататься верхом на ахеахи, она сказала:

— О, но вы так восхитительны, дорогой мистер Глоппенхеймер! Расскажите мне побольше о Земле. О, скоро мой

[64] Афасия неправильно поняла Дариуса. Он понукает своих «лошадей»-ахеахи традиционным возгласом американских ковбоев: «А ну, вперед, телята» ("Git along little dogies"). "Dogies" — на ковбойском языке значит «телята», образовано от мексиканского диалектного "dogal", а не от созвучных ему "dog", "doggies" («собака», «песики»). Есть также очень известная народная ковбойская песенка «Git along little dogies», которую исполняли многие известные певцы, в частности, Никель Грик. Слова в разных вариациях сильно отличаются. В некоторых поется о телятах, которым скоро, в отличие от самого ковбоя, предстоит стать телятиной. Слова "git along", благодаря этой песенке, приобрели в американском английском особый шутливый смысл и употребляются в самых разных сочетаниях. В 1937 году был снят одноименный фильм-вестерн «Git along little dogies» с Жене Аутри в главной роли.

дядя устроит мне тур в Солнечную систему, как моей троюродной сестре Аххас в прошлом году! Как честный политик, он не мог позволить сразу...

Коши все сильнее снедали подозрения. Неужели это существо в него влюбилось? Тогда надо все распродавать и делать ноги отсюда. Но куда? Ордер на арест все еще ждал его в Солнечной системе. А без хотя бы короткой остановки на одной из ее планет невозможно добраться до системы Центавра, где у него были хорошие связи. С Осириса корабли местных компаний летали только в сторону Солнца, и даже у «Вигенс Интерпланетарис» не было прямых рейсов из группы Процион-Сириус к группе Центавра. Да и накладными были такие путешествия — он мог снова, как когда-то попав на Осирис, оказаться без гроша в кармане.

А как другие галактические направления? На Сириусе IX жили существа наподобие ша-акфи, но у них была организация жизни, как в муравейнике, настоящий социализм, и настоящему предпринимателю там было делать нечего.

— Ты завтра пойдешь в поход? — спросил Коши Афасию:

— А вы пойдете или нет?

— Да, пойду.

— Тогда и я, обязательно. Не могу же не посмотреть, как вы бросаете лассо и стреляете. Где вы всему этому научились?

— О, бросать лассо — на Вишну, среди дзлиери, а стрелять умел еще когда был мальчишкой на своей родной Земле. Но этот револьвер годится только на роль пугача, толку от него мало. В сравнении с современным оружием это такая безделушка, что с его помощью легче поразить рукояткой, чем выстрелом.

— А можно мне посмотреть, как он действует?

— Конечно. Оттягиваешь назад большим пальцем вот этот курок и смотришь через эту маленькую зарубку. Но осторожно, а то...

Ба-бах! Кольт подпрыгнул в руке ша-акфи как взбрыкнувшая ахеахи и выплюнул язычок желтого пламени. Коши мог поклясться, что почувствовал пролетевшую совсем рядом пулю. Он убрал револьвер обратно в кобуру.

— А теперь посмотри на эту дырку в крыше! Уважаемая юная леди, не играй так с техникой, в которой ничего не понимаешь. Так ты можешь убить одного из нас.

— Прошу прощения, мистер Глоппенхеймер, но я не знала, что он заряжен. Что я могу для вас сделать? Может, починить крышу? Или дайте мне ваши сапоги, я их начищу.

Коши с трудом сдержал усмешку:

— Самым полезным будет — если ты оставишь меня ненадолго в покое. Мне надо подготовить новую заявку для наших поставщиков.

Она тихонько удалилась.

Компания осирианцев-«ковбоев» отправилась в поход, разряженная в одежды в стиле «вестерн». Скоро большинство из туристов-бездельников спешились, а Коши, оставаясь в седле на своей ахеахи, раздавал команды. Афасия не отставала от него ни на шаг, и ветер колыхал поля ее шляпы. На своих голосистых рептилий Коши сердито покрикивал, но про себя сделал вывод, что гонять туда-сюда забавы ради эфефанов-коров нет никакого смысла. От таких походов они только теряют сотни килограммов живого веса.

Наконец стало сбилось в тесную кучу. Быки стали кругом, выставив наружу рога. Теперь надо было как-то заставить их двигаться в нужном направлении...

Внезапно над холмами пронесся странный звук — словно звук серебряного охотничьего рожка. Чешуйчатые пастухи завертели головами в разные стороны.

Потом из-за ближайшего возвышения выскочила какая-то рептилия и помчалась к ним. Как-бы-ковбои испуганно зашипели и бросились врассыпную. Это была тиасфа — дикая ящерица длиной около метра, с большими торчащими ушами.

Коши повернулся в седле на шум и услышал голос Афасии:

— Поймайте ее, мистер Глоппенхеймер!

Неплохая мысль, подумал Коши, запасшийся на такой случай хорошей веревкой. Он сделал петлю для лассо и развернул свою ахеахи. В ее бока вонзились большие колесики его шпор, и она галопом поскакала в сторону тиасфы. Коши подался вперед, размахивая своим арканом. Лассо взлетело вверх, развилось по дуге и упало на голову ящерицы. Коши осадил свою ахеахи, чтобы затянуть петлю и начал подтягивать веревку к себе.

Тиасфа царапалась лапами о землю и делала дикие прыжки, один раз пролетев под ногами ахеахи. Когда Коши смотал часть веревки, тиасфа оттолкнулась задними лапами от земли, скакнула вперед и впилась зубами в ногу ахеахи.

Раздался громкий рев. Ахеахи стала на дыбы, а Коши от неожиданности упал назад — прямо на спину тиасфы.

— Ой-ё-ёй! — вскрикнул Коши, распрямляясь. Он приземлился на мягкое место, и Тиасфа куснула его. Потом ящерица бросилась прочь, волоча за собой Коши, который крепко держал лассо. Он изо всех сил упирался в землю каблуками, чтобы ее остановить.

Потом он осознал, что слышит приближающиеся голоса — шипение нескольких лхехе, крики множества сидящих в седлах ша-акфи и человеческие возгласы: «Э-ге-гей! Гип-гип! Йокс! Йокс!»

Они двигались к нему — сначала лхехе, дюжина или больше. Затем ахеахи с восседавшей на ней тушей Мориса Вольфганга Глоппенхеймера, с охотничьим рогом в руке, в черных кожаных сапогах, белых бриджах, красном фраке и высокой черной блестящей шляпе. За Глоппенхеймером расположились несколько ша-акфи в таких же нарядах, за исключением разве что белых штанов — учитывая длину их хвостов, это было неудивительно. На этот раз «стадо» Коши разбежалось в разные

стороны, несмотря на крики его новоиспеченных ковбоев. Испуганная тиасфа бегала кругами вокруг Коши, так что веревка обмоталась вокруг его ног, он потерял равновесие и сел на землю. Лхехе приближались к тиасфе и пленившему ее человеку, свистя, как пробитая батарея отопления.

Коши выхватил свой старый револьвер и крикнул по-английски:

— Пошли прочь! Уберите их, не то буду стрелять!

— Отпусти нашу лису, Schweinhund[65]? — прорычал Глоппенхеймер.— Отрежь свою веревку! Отпусти ее, говорю тебе!

Коши некогда было вступать в дискуссию, потому что на него бросились две лхехе с оскаленными зубами. Они были уже едва не в метре от него, когда он нажал на курок: «Банг! Банг!» Когда грохнул третий выстрел, лхехе прижали уши и бросились наутек по холмам и ложбинам. Тиасфа перекусила веревку и тоже куда-то скоренько уползла.

Едва Коши встал и немного пришел в себя, как к нему подскакал Глоппенхеймер и завопил:

— Ты что, мою охоту испортить? Моих гончих распугать, а? Мой паспорт и багаж украсть, а? Получай!

Кнут в его руки свистнул и со щелчком полоснул по плечу Коши. Его ожгло болью, он отскочил назад, но второй задел его по лицу и сбил с него ковбойскую шляпу. Глоппенхеймер подтянул к себе и приготовился к третьему удару.

Банг!

Даже не осознавая, что он делает, Коши выстрелил в своего противника. Но прицелиться толком ему не удалось, да и кольт 45-го калибра был старым. Поэтому он не попал по Глоппенхеймеру, а угодил в бедро ахеахи. Она взревела, подскочила и подбросила вверх Глоппенхеймера.

Не успел Великий Охотник коснуться земли, как раздалось резкое «Кррак!», и мускулы Коши свело судорогой. В руке одного из одетых в красное охотников появился электрошоковый пистолет. В воздухе возникло слабое фиолетовое свечение и жужжание от ионизации, потом снова раздалось «Кррак!», и вспыхнул голубой разряд. Револьвер выпал из руки Коши, и свет перед его глазами померк.

[65] Ругательство, буквально — «свинская собака» (нем.).

Он очнулся, сидя спиной к дереву. Юная Афасия хлопотала рядом. Воздух был наполнен свистящими голосами ша-акфи. Рептилии, одни в ковбойских, другие в блестящих черных шляпах, стояли там и сям небольшими группами и оживленно обсуждали происходящее. Настоящий Глоппенхеймер упал прямо на так называемый чертов куст, который немилосердно хлестал его своими шишками, пока он не уполз в сторону. Немец поднялся на ноги и с тоской смотрел на свою безнадежно измятую шляпу.

— Что случилось? — спросил Коши Афасию.

— А ты не узнал двух важных чиновников среди охотников? Телохранитель Ятасии послал в тебя заряд, чтобы ты не застрелил мистера Коши. С тобой все будет в порядке.

— Хочется надеяться,— пробормотал Коши, пробуя шевельнуть правой рукой.

К ним приблизился один ша-акфи. Полы его накидки разошлись в стороны, и Коши узнал чешуйчатую окраску Фессахена, самого важного чиновника Сереф Акха.

— Пришел в себя? — спросил осирианец.— Мы в мэрии решили предать тебя суду по обвинению в убийстве.

— Но за что?

— За то, что ты лишил жизни своего соплеменника-землянина.

— Он же не умер! — воскликнул Коши. — Посмотрите на него!

— Это не имеет значения. По осирианским законам достаточно и намерения, и неважно, насколько удалось его осуществить. Наше законодательство, да будет тебе известно, предоставляет нам достаточно широкие полномочия в наказании существ с других планет. Чтобы быть совсем честными, мы изменили наше законодательство так, чтобы оно как можно больше соответствовало законам вашего мира. В данном случае, речь идет о Западе Соединенных Штатов.

— Они тут ни при чем! — прервал его Коши.— Я уроженец Стамбула, в Турции!

— Нет, если твой образ жизни и мышления соответствует Западу США — мы тебя и считаем его жителем. Ну и нам хорошо известны по книгам и земным фильмам его юридические традиции. Скорый полевой суд, без всяких

адвокатов, а когда приговор вынесен, виновного вешают на ближайшем дереве.

— Эй! Может, так и было столетия назад, но сейчас все по-другому! Запад США так же цивилизован, как и другие места. Мне это хорошо известно, собственными глазами видел! Там есть водопровод и канализация, библиотеки...

— Звучит неправдоподобно,— сказал Фессахен.— Мы прочитали много книг, просмотрели немало фильмов и пришли к однозначному выводу. Будь Запад так цивилизован, как ты говоришь, об этом бы непременно говорилось в земной литературе.

— Шиширхе! — воскликнул Коши.— Сделай что-нибудь!

Шиширхе выехал из группы как-бы-ковбоев и развел в стороны когтистые лапы:

— Я пытался возражать, но мои доводы отвергли голосованием.

— Если ты готов,— сказал Фессахен,— мы...

— Я не готов! — завопил Коши, с трудом поднимаясь на ноги.— Я обращусь к земному послу! А почему вы не предали суду другого человека? Это он все начал!

— Сначала твоя очередь. Когда мы закончим с твоим делом, то займемся мистером Коши. Конечно, если тебя к тому времени не будет, вряд ли он будет осужден. Ты будешь соблюдать этикет, или нам придется тебя связать и заткнуть рот? Высокий суд сейчас начнет заседание, и всем присутствующим приказано соблюдать порядок. Прошу всех освободить место. Мистер Коши,— он показал на Глоппенхеймера,— вы, как главный свидетель обвинения, сядете на корточках здесь.

Коши осмотрелся. Револьвер у него отобрали, он был окружен, и даже преданная Афасия куда-то делась. Другие шаакфи смотрели на него без враждебности или дружелюбия — только с любопытством. Хотя по бесстрастным чешуйчатым лицам трудно понять, что творится в головах у этих особ.

Суд продолжался два часа. Постепенно выяснились все обстоятельства присвоения Коши имени Глоппенхеймера.

Фессахен сказал:

— Заседание окончено. Достопочтенный Шиширхе, как вы голосуете?

— Не виновен,— сказал деловой партнер Коши.

— Достопочтенный Ятасия, что скажете?

— Виновен! — воскликнул компаньон Глоппенхеймера.

— По-моему, тоже виновен,— сказал Фессахен.— Этим существам следует преподать хороший урок. Пусть не думают, что могут устанавливать у нас законы своего Дикого Запада. Таким образом, Глоппенхеймер... То есть Коши... Я приговариваю тебя к подвешиванию за шею на ближайшей ветке кхаффасеха до тех пор, пока ты не умрешь. На Диком Западе в таких случаях обвиняемого обычно сажали на его собственную лошадь с веревкой вокруг шеи, и под-гоняли животное, чтобы, когда она сойдет с места, преступник был удавлен. Нам следует, руководствуясь самыми лучшими сентиментальными чувствами, поступить точно так же. К тому же обвиняемый благодаря этому сможет вспомнить в свои последние минуты родную Землю. Верхом же сентиментальности будет, если мы воспользуемся его собственной веревкой. — Все ша-акфи возбужденно защебетали. Коши попытался вырваться, но его тут же схватили и связали ему за спиной руки.

— Ха-ха! — сказал Глоппенхеймер.— Я громко смеюсь! Мне сразу стало ясно, что тебе суждено быть повешенным, ты мерзавец. А раз ты так хорошо позаботился о моем имени и на нем числится большая часть акций твоего ранчо, я постараюсь оформить на них свою собственность. Ха!

Коши попросил:

— Дайте мне немного времени — я хочу поговорить с этим типом, а?

— Нет,— сказал Фессахен, хотя некоторые ша-акфи по поводу этого предложения одобрительно засвистели. Они посадили Коши верхом на ахеахи, захлестнули шею веревкой, а другой ее конец перекинули через толстую ветку. Один из них наступил на него.

— Прощай, мой партнер,— сказал Шиширхе. — Мне очень жаль, что наше сотрудничество заканчивается именно так. Будь это в моих силах — непременно бы тебе помог.

— Твоя жалость даже не в половину моей,— сказал Коши.

Фессахен отдал приказание:

— Когда я скажу: «Вперед», стеганите его ахеахи. Вперед!

Щелкнул кнут, ахеахи скакнула, и веревка сдернула Коши с ее спины. Так как падение его не было достаточно длинным, а ша-акфи не успели поднатореть в казнях через повешение, ему было суждено умирать от медленного удушья, а не от моментального перелома шеи. Он стал вращаться, бешено суча ногами.

Толпа ша-акфи так увлеклась, что никто не заметил совершившего рядом посадку вертолета. Его лопасти еще вращались, когда из него вылезли два ша-акфи. На шее у каждого красовался отличительный знак полицейского, а по бокам висели электрошоковые пистолеты. Первым делом они бросились к дереву и перерезали веревку. Полубесчувственный Коши упал на землю. Шум в его ушах стал постепенно стихать, и он почувствовал, что шнур, стягивавший его запястья, тоже перерезан. Фессахен воскликнул:

— С каких это пор провинциальная префектура стала посылать своих сотрудников, чтобы они воспрепятствовали исполнению законных решений муниципального суда?

Одни из вновь прибывших ша-акфи сказал:

— Никакие это не законные решения, потому что Ятасия был деловым партнером потерпевшего, и у него есть своя заинтересованность в этом деле. Мне рассказали, так называемое правосудие здесь вершилось и с другими вопиющими ошибками. В любом случае дело будет передано в местный Апелляционный суд.

Толпа одобрительно зашумела. Даже прежний приговор вызвал меньше эмоций.

Шея у Коши жутко ныла. Превозмогая боль, он прохрипел своим спасителям:

— Как это вам удалось прибыть как раз вовремя?

Один из полицейских объяснил:

— Одна из ваших постоялиц, Афасия, поскакала на ранчо и позвонила оттуда своему дяде, инспектору Эяише. Он приказал нам остановить казня по тем основаниям, о которых я сказал раньше. Вы можете стоять, землянин?

— Думаю, да.

— Остановите их! — крикнул Фессахен, и полицейские бросились вперед. Глоппенхеймер взял большой камень и двинулся к Коши, который поднял с земли толстый сук и

ждал своего противника, и у обоих яростно сверкали глаза.

Коши посадили в тюрьму Сереф Акха. Афасия и Шиширхе навестили его в камере. Осирианка сказала:

— Они решили вас обоих депортировать, дорогой... дорогой мистер Глоппен... То есть я имела в виду, мистер Коши. Моя печень будет разбита от горя.

— Полагаю, ничего хуже не придумаешь. В любом случае спасибо за спасение моей жизни. Хоть она и гроша ломаного не стоит.

— Не за что. Если бы вашу душу перенести в тело ша-акфи, вместо нынешнего отвратительного чудовища! Хотя я несу полную чушь. Этого никогда не будет.— Она подалась вперед, высунула свой раздвоенный язычок и коснулась им в осирианском поцелуе щеки Коши.— Прощайте! Я ухожу, пока могу сдерживать эмоции и сохранять остатки женского достоинства!

Коши проводил ее взглядом. При этом на душе у него немного полегчало.

Шиширхе сказал:

— Бедная девочка! Как это сентиментально! Словно в земной сказке про красавицу и чудовище! Что касается вас, мой уважаемый партнер, вас завтра отправят рейсов номер 36 на Нептун.

— А как насчет денег за ранчо? Мне что-нибудь причитается?

— Весьма сожалею, но ваша доля будет конфискована в местную казну.

— Ладно. По крайней мере я никогда больше не увижу этого борова Глоппенхеймера — полагаю, он испытывает по отношению ко мне те же чувства. Худшее наказание — снова оказаться с ним в одной комнате...

— Ох-хо-хо,— вздохнул Шиширхе.— Как мне ни жаль об этом говорить, но именно так и будет. На корабле, следующем рейсом 36, только одна каюта для неосирианских пассажиров, и вам обоим придется провести в ней весь полет. Но не надо так расстраиваться. Придется потерпеть всего пол земного года. Позвольте пожелать вам приятного путешествия!

Вечный двигатель

«Perpetual Motion», журнал «Future» №10, 1950

— Синьор! Дорогой мой! — воскликнул Абреу.— Дьявол вас побери! Где вы только все это взяли?! Половину земных ломбардов обчистили? — Он наклонился поближе, чтобы хорошенько рассмотреть награды на груди Феликса Бореля.— Знак отличия Тевтонского ордена! Знак Чести Французского иностранного легиона! Медаль участника Третьей мировой войны! Североамериканская медаль «За заслуги перед обществом»! Орден 4-й степени Рыцарей Св. Стефана! Датский Орден Слона! Что-то такое-этакое из Японии. Первенство по баскетболу среди университетов. Соревнования по стрельбе в полиции Рио-де-Жанейро... Боже, ну и коллекция!

Борель снисходительно улыбнулся толстячку:

— Вы меня еще не знаете! Чуть не стал чемпионом по баскетболу!

— Ну и что вы собираетесь со всем этим делать? — не унимался сотрудник службы безопасности.— Втюхаете несчастным кришнанцам? Они в наших наградах разбираются, как свинья в апельсинах.

— Может, и втюхаю, если поистрачусь. Да и просто пыль в глаза пустить не мешает. Чтобы знали, с кем имеют дело. Тогда и будут как шелковые.

— Хм-м-м. Да уж, в такой-то униформе, и со всеми этими медальками-орденами... Точно, они придут в благоговейный ужас!

Абреу не мог скрыть досады, а Борель в душе порадовался, на него глядючи. Пусть чинуша-таможенник поломает голову, как задержать его в Новоресифе. Руки коротки! Слава Богу, в их галактике разные бюрократы еще не всю власть захапали. Всегда можно разок-другой обвести их вокруг пальца, если только у человека есть голова на плечах. Да и вообще, больно

эти бразильцы задирают нос! Подумаешь — их нация выбилась на первые роли среди всех земных... Сам-то Абреу в этом точно не виноват, но все же пусть знает свое место.

— Вы будете поражены,— усмехнулся Борель,— как всякие-разные побрякушки мне помогают. Эти лакеи в космопортах думают, будто я возглавляю администрацию Всемирной Федерации, не меньше. Только и слышу от них: «Не сочтите за труд пройти сюда, синьор», «Пожалуйста, к этой стойке, вас обслужат вне очереди». Как в цирке, не то слово.

— Что ж, не вижу причин вас задерживать.— Абреу вздохнул.— Хотя продолжаю считать, что вам следовало одеться в соответствии с кришнанскими обычаями. Больше было бы шансов остаться в живых.

— И носить эти зеленые парики? Всякие рожки да ножки искусственные ко лбу напридельывать? Нет уж, спасибочки.

— Вас хоронить будут, не меня. Однако не забывайте о 368 статье Свода законов Межпланетного Совета. Знаете, о чем там идет речь?

— Конечно. «Запрещается передавать любым местным жителям планеты Кришна любые устройства, приборы, механизмы, инструменты, оружие или патенты на изобретения, которые могли бы содействовать повышению уже имеющегося на данной планете уровня науки и техники...» Продолжить?

— Não[66], вижу, что вы ее знаете. Помните, что после выхода из Новоресифе вы останетесь один, но компания «Вигенс Интерпланетарис» продолжит наблюдение за вами. И любое нарушение вами этого закона будет немедленно пресечено. Даже если для этого придется лишить вас полагающихся вам доз эликсира долгожительства.

— Да ладно,— зевнул Борель.— Все ясно. Там какой-то ваш хмырь мой багаж рентгеном просвечивал. Закончил он? Тогда я отваливаю. Как сейчас лучше добираться до Миши?

— Если напрямую — то надо двигать через Колофтские болота. Только тамошние дикари иногда путешественников убивают с целью поживиться их товарами. Лучше найти плот и плыть на нем по Пичиде, до Кву. Дальше по дороге на юго-запад, к Миши.

[66] Нет *(порт.)*.

— Obrigado[67]. В республике Микарданд по-прежнему за все рассчитываются золотом?

— Pois sim[68].

— Ну и почем в Новоресифе золотишко? Сколько отвешивают за доллар Всемирной Федерации?

— O, Deus meu[69]! Тут без высшей математики не обойтись. Смотря какой объем сделки, какие берет проценты посредник, активный ли баланс внешней торговли...

— Хоть приблизительно, навскидку?

— Насколько я помню, за грамм просят немного меньше двух долларов.

Борель поднялся и характерным жестом зачесал назад свои рыжие волосы. Потом собрал документы и попрощался:

— Adeus[70], синьор Кристовао. Чрезвычайно полезную информацию от вас получил.

При этих словах он широко улыбнулся, потому что Абреу не столько помочь ему хотел, сколько из кожи вон лез, лишь бы воспрепятствовать вторжению Бореля на Кришну. Только на этот раз обломчик ему вышел!

На следующий день Борель уже спускался на деревянном плоту вниз по течению Пичиде. Высоко над головой по зеленоватому небу Кришны плыли облака. Рядом с землянином примостился его слуга из племени колофту, которого он нанял в Новоресифе,— высокий и страшноватый на вид туземец.

Брызнул короткий дождик. Борель встал и стряхнул со своего плаща капли воды. Большое желтое солнце уже слепило глаза. Слуга Йереватс тоже отряхнулся и пробубнил на ломаном гозаштандском:

— Если господин делать, как я сказал, если бы он надел одежду бедных людей, то можно было тянуть лодку веревкой вдоль берега ... Тогда если пришел дождь, могли бы сделать навес из парусины. Не были бы мокрые, не боялись бы разбойников.

---

[67] Спасибо *(порт.)*.

[68] Совершенно верно, именно так *(порт.)*.

[69] Мой Боже *(порт.)*.

[70] До свидания *(порт.)*.

— Твое дело сопливое, сиди и помалкивай,— отрезал Борель, еще раз отряхиваясь. Он по-смотрел направо, где за покрытыми камышом островками виднелись низкие берега Пичиде.— Что это?

— Колофтские болота,— объяснил Йереватс.

— Тут твои соплеменники обитаются?

— Нет, не у реки. Дальше от берега. А у реки — разбойники, уджеро.

Он назвал так на своем языке местных обитателей. Они походили на людей, и большинство землян именовали их просто кришнанцами, потому что эти существа заняли на планете господствующее положение.

Борель посмотрел на темную полоску камышей между небом и водой. Сердце его кольнула тревога. Может, и правда стоило прислушаться к одному из множества советов Йереватса и обзавестись хорошими латами? Или хотя бы нарядом привилегированных стражников, местного эквивалента земных особ дворянского сословия, — гармов? Сам слуга, судя по всему, давно лелеял надежду облачиться в прочный боевой костюм. Но Борель отверг эту идею на корню: дорого, да и тяжеловаты такие кольчуги. А если начнется заварушка, и кто-нибудь рухнет с плота в воду во всем этом дурацком железе? Нет, средневековые кришнанские доспехи никуда не годятся. Так все земляне считают, и правильно. Одной хорошей бомбочки хватит, чтобы стереть в порошок любой местный городишко. А с пистолетом в руках можно рассеять целую армию дикарей.

Рассуждая так, Борель подзабыл, что ни бомбы, ни пистолета ему в здешних местах взять неоткуда. А потому разные «можно бы» да «если бы» не имеют смысла.

Он проверил оружие, которое все-таки купил: себе — саблю — больше для понта, чем для реальной защиты, Йереватсу — дешевенькую булаву с деревянной рукояткой и пупырчатым железным набалдашником, и обоим — по простому кинжалу в ножнах. Наконец, арбалет. В глубине души Борель, сам отнюдь не задира, надеялся, что, случись какая-никакая заварушка, ему удастся уладить проблему, не доводя дело до рукопашной. Конечно, лучшим аргументом является пушка, но, как говорится, на безрыбье и рак — рыба.

В магазине снаряжения в Новоресифе был и хороший большой лук, но он оказался слишком непослушным в неумелых руках Бореля, а набираться опыта времени не оставалось.

Борель снял плащ, сложил его и сунул в ранец. Потом он решил еще раз обмозговать, что делать дальше. Ничего другого ему не оставалось, как только попытаться, после прибытия в Миши, как-то проникнуть в Орден Кварара. Будь у него друзья среди членов братства — обстряпал бы это дельце в два счета. Судя по всему, микардандцы были простофилями изрядными. Но с чего начать? Как сделать первый шаг? Наверное, не обойтись без импровизации. Ну да сначала надо хотя бы добраться до места.

Необходимо только любыми средствами преодолеть этот первый барьер, а дальше — дело за малым. Все-таки он дока в таких делах. Уж в вытягивании денег из простаков он поднаторел изрядно. А потом можно будет всласть посмеяться над старым Абреу. Пусть скрипит зубами от досады — все равно ничего с ним поделать не сможет. Борель вообще считал честность первым признаком глупости, а Абреу на дурака никак не походил. Значит, только прикидывается лопу-хом, а на самом деле — такой же хапуга и проныра, как все остальные чинуши, и все его высокие моральные принципы и красивые слова — показуха, лицемерие и пустозвонство.

Размышления Бореля прервал один из его гребцов:

— Охе-е!

Кришнанец показал на правый берег. Там из-за островов показалась лодка.

Йереватс вскочил как ужаленный и прикрыл волосатой рукой глаза от солнца.

— Разбойники! — закричал он.

— А ты откуда знаешь? Далеко ведь? — спросил Борель. Но от страха и у него екнуло сердце.

— Сейчас-сейчас. Сами видеть,— залепетал колофтунец, а его хвост беспокойно задрожал. Он с испугом и надеждой посмотрел на Бореля: — Смелый господин убить разбойников? Не даст им сделать нам больно?

— К-конечно,— пробормотал Борель. Он наполовину вытащил из ножен саблю, посмотрел на лезвие и сунул ее обратно,

да таким нервным движением, какого раньше за собой не замечал.

— Охе! — воскликнул один из гребцов.— Думать ты побеждать разбойников?

— Полагаю, что так,— изрек Борель.

— Нет, не драться с ними! Если мы не быть драться, они убить только ты, потому что мы простые бедняки.

— Разве так? — переспросил Борель. У него внутри все сжалось, но выброс адреналина в кровь словно подстегнул его, и он крикнул что есть мочи: — Вы что, думаете, я подставлю свою шею ради вас? Что покорно дам перерезать себе глотку, а вы останетесь целехоньки-невредимы? Багхана ползучая! Сейчас я тебе покажу! — Сабля со свистом вылетела из ножен, и от удара ею плашмя по голове гребец повалился на бок.— Будем драться, нравится вам или нет! Первому же предателю собственными руками кишки выпущу! — Борель прикрикнул на трех гребцов, которые испуганно жались друг к другу: — Тащите багаж сюда! Сделайте из него укрытие! — Он нависал над ними, со свистом рассекая воздух саблей, пока они не сложили багаж по краям плота, чтобы за ним можно было спрятаться от стрел и копий.

Только после этого Борель немного успокоился:

— А теперь беритесь за весла и без приказа не высовывайтесь. Ты тоже, Йереватс. Попробую отогнать их арбалетом. Если они все равно на нас полезут, по моему сигналу выпрыгивайте и бросайтесь на них. Поняли?

Лодка продолжала двигаться от берега к плоту. Борель выглянул из-за своего укрытия и посмотрел на разбойников. Один сидел на носу, другой на корме, а остальные гребли — всего их было примерно двадцать.

— Время есть стрелять из лука,— пробормотал Йереватс.

Остальные слуги беспокойно озирались, словно раздумывая, не лучше ли просто броситься в воду, чем участвовать в схватке.

— Не советую вам вплавь добираться до берега, — угадал их мысли Борель. — Сами знаете, какие тут в воде чудища водятся.

После этих слов вид у гребцов сделался еще более несчастным.

Борель прижал ногой изогнутую пружину арбалета, двумя руками натянул тетиву и, кряхтя, зацепил ее за спусковой крючок. Потом он открыл колчан, который купил вместе с арбалетом, и взял из него одну из стрел — железный стержень длиной девять-десять дюймов с небольшим оперением и острым, немного витым для вращения в воздухе наконечником. Он положил стрелу в желобок.

Лодка приближалась. Над водой разнесся крик стоящего на носу туземца:

— Сдавайтесь!

— Сидите и не рыпайтесь! — тихо приказал Борель своей команде. Он уже был настолько на взводе, что даже испытывал удовольствие, предвкушая стычку.

Туземец на лодке снова крикнул:

— Сдавайтесь, и вам ничего не будет! Все у вас заберем, и только!

И вновь с плота никакого ответа не последовало.

— Кому говорю, бросайте оружие, не то всех перебьем! Последний раз спрашиваю!

Борель навел арбалет на туземца. Проклятье, почему эти кретины не приделывают на свои штуковины хорошие прицелы? Накануне отплытия он немного попрактиковался в стрельбе. Мишенью был клочок бумаги, и попасть в него оказалось несложно. Теперь, однако, его цель словно съежилась до размеров комара, а плот ходил ходуном под ногами, мешая прицелиться.

У туземца на носу лодки появилось в руке что-то наподобие якоря с множеством лап, привязанного к концу веревки. Гребцы, громко кряхтя, налегали на весла, и лодка быстро приближалась к плоту. Наконец туземец поднял свой якорь над головой и стал им размахивать, готовясь к броску.

Борель закрыл глаза и нажал на спусковой крючок. Тетива громко хлопнула, а приклад больно ударил его по плечу. Один из слуг на плоту издал радостный вопль.

Когда Борель снова открыл глаза, туземец на носу лодки больше якорем не размахивал. Вместо этого он смотрел назад, на поверженного рулевого. Гребцы бросили свои весла и возбужденно переговаривались.

— Великий господин попал в капитана разбойников! — обрадовался Йереватс.— Снова заряжать лук надо.

Борель именно этим и собирался заняться. Очевидно, он промахнулся по туземцу на носу и вместо этого попал в рулевого. Но слуга свято верил в меткость своего господина. Так зачем его разубеждать?

На лодке заменили рулевого, и гребцы снова взялись за весла. Теперь на носу стояли два кришнанца: один с абордажным якорем, другой с большим луком.

— Пригните головы! — скомандовал Борель и выстрелил в лучника. Но на этот раз удача от него отвернулась — стрела пролетела высоко над головой туземца. Борель начал было перезаряжать арбалет, но сообразил, что являет собой прекрасную мишень. А нельзя ли натянуть эту несчастную тетиву сидя? Туземец снова поднял лук, и через мгновение его стрела с пугающим свистом пролетела у самого уха Бореля. Он сел и начал в таком положении неуклюже заряжать арбалет. Следующая стрела с лодки воткнулась в сундук на краю плота.

Борель сбросил свою высокую шляпу, в которую было слишком удобно целиться, и снова выстрелил по лодке. И опять промахнулся, а разбойники подплыли совсем близко. Лучник успевал сделать три выстрела в ответ на один с плота, хотя Борель догадывался, что туземец так сыпет стрелами, надеясь скорее напугать врагов, чем в кого-то попасть.

Борель снова спустил курок, и на этот раз его стрела со звоном воткнулась в корпус лодки. Туземец на носу опять начал размахивать якорем, и еще одна арбалетная стрела пролетела мимо цели.

— Эй ты,— окликнул Борель одного из своих слуг,— ты, с топором! Когда якорь зацепится за плот, прыгай и руби веревку. А вы двое, приготовьтесь отталкивать лодку веслами.

— Но они стреляют...— испуганно проблеял носитель топора.

— Я об этом позабочусь,— сказал Борель, но в его голосе было гораздо больше уверенности, чем он сам чувствовал.

Лучник приготовил еще одну стрелу, но не спешил отпускать тетиву. Как только лодка по-дошла достаточно близко, второй туземец размахнулся и бросил якорь. Он со стуком

упал на плот. Потом туземец стал быстро-быстро перебирать руками веревку, пока якорь не зацепился за какую-то деревяшку.

Надо было срочно найти на плоту что-то, что могло бы стать мишенью для лучника. Потому что иначе первого же поднявшегося из-за укрытия смельчака немедленно подстрелили бы как сидящую утку. Борель схватил свою шляпу и поднял ее над сундуками. Вжик! И еще одна стрела просвистела рядом.

— Руби веревку! — истошно крикнул Борель и прицелился в лучника. Его слуги застыли в нерешительности. Лучник потянулся за еще одной стрелой, а Борель, затаив дыхание, направил поточнее арбалет на фигуру туземца и выстрелил.

Лучник издал громкий животный крик, захрипел и согнулся пополам.

— А ну вылезайте! — снова заорал Борель и поднял арбалет, как бы для удара. Слуги пришли в себя и зашевелились. Один отрубил топориком веревку якоря, а двое других уперлись в лодку веслами.

Оставшийся на носу лодки туземец бросил веревку, что-то громко крикнул своим гребцам и нагнулся за багром. Борель выстрелил в него, но от волнения промахнулся, хотя дистанция была совсем небольшой. Туземец зацепил багром бревно плота и стал подтягивать к нему лодку, в то время как несколько гребцов бросили весла и сгрудились рядом со своим вожаком, в ожидании приказа сжимая в руках оружие.

Борель в отчаянии бросил арбалет, схватил крюк багра, вытащил его из бревна и сильно дернул на себя. Туземец на лодке не успел вовремя отпустить багор и рухнул в воду, все еще сжимая древко. Борель стал давить на багор от себя, чтобы не подпустить туземца ближе и за-толкать его поглубже в воду. Но кришнанец удержался на поверхности и уцепился за край плота с намерением на него забраться. В это время слуги Бореля снова начали отталкивать весла-ми лодку, а туземцы на ней, уже было приготовившиеся прыгать на плот, сочли за благо от этой идеи отказаться.

Бах!

Йереватс опустил свою булаву на голову туземца в воде, и копна зеленых волос скрылась в глубине. На плоту раздались

триумфальные крики. Однако один из туземцев на лодке поднял со дна лук и начал прилаживать стрелу. Борель зарядил арбалет, очень тщательно прицелился и выстрелил на мгновение раньше разбойника. Стрела стремительно полетела вперед, и лучник исчез, чтобы через мгновение с воплем подпрыгнуть, держась за пробитое плечо.

Борель уже с большей сноровкой перезарядил арбалет и прицелился в другого туземца на лодке. Однако на этот раз он не стал стрелять, а просто направлял стрелу то на одного, то на другого противника. И каждый из них при этом пригибался, стараясь спрятаться за бортом, так что грести стало невозможно.

— Ну что, довольно? — крикнул Борель.

Разбойники посовещались, и наконец один из них сказал:

— Ладно, не стреляйте, мы уходим.

Гребцы заработали веслами в обычном ритме, и лодка стала удаляться по направлению к берегу. Когда она отошла подальше, некоторые туземцы начали выкрикивать угрозы и оскорбления, но Борель на таком расстоянии уже не разбирал слов.

Слуги на плоту радостно хлопали друг друга по спинам и вопили:

— Мы взять верх!

— Что я говорил?! Мы и сто разбойников побить!

Йереватс, захлебываясь, кричал, какой у него замечательный господин.

Борель вдруг почувствовал тошноту, и у него стали подкашиваться ноги. Если бы в этот момент мышка, или то, что на Кришне примерно походит на мышь, забралась на борт плота и пискнула на него, он тут же от страха свалился бы в мутные воды Пичиде. Однако показывать свою слабость землянину не пристало. Дрожащими пальцами он вставил сигарету в длинный роскошно украшенный мундштук и закурил. Потом по-хозяйски проговорил:

— Йереватс, похоже, мои проклятые сапоги запачкались. Давай наведи на них блеск. Слышишь?

Вечером они пришвартовались в Кву с намерением там переночевать. Феликс Борель рассчитался с гребцами, которые, как он успел услышать до того как отправился на боковую, красочно расписали свои приключения хозяину гостиницы. Оказывается, они — с небольшой помощью землянина — отогнали сотню речных пиратов и многих из них лишили жизни. Утром он с гребцами попрощался, и те отправились вниз по течению Пичиде к Маджбуру, где собирались выгодно продать свои бревна и найти лодку для возвращения домой.

А теперь Борель уже четыре долгих кришнанских дня мерил шагами плоскую крышу гостиницы в Миши. Столица республики Микарданд оказалась гораздо больше, чем можно было ожидать. В середине высилась крутая, со столообразной вершиной гора, увенчанная большой крепостью Ордена Кварара. Эта цитадель хмуро взирала на Бореля сверху вниз, а он отвечал ей тем же, разрабатывая и тут же отвергая планы не столько попасть в саму крепость, сколько проникнуть в закрытую касту, которая всем там заправляет.

— Йереватс! — крикнул он.

— Да, господин.

— А как здесь насчет гармов Кварарума? Ходят по улицам стражники?

— По городу? Нет, сэр! Они далеко, по всей стране, защищают простых людей от врагов и друг от друга. Разве этого мало?

— Достаточно, наверное. Но меня не это интересует. А кто этих рыцарей содержит?

— Для этого с простых людей собирают налоги.

— Так и думал. А кто их собирает?

— Посланцы Ордена. Они работают у казначея Ордена.

— Что за казначей?

— Это самый уважаемый гарм Кубанан.

— А где мне найти этого уважаемого сэра Кубанана?

— Если он в крепости, то его никак не увидеть. А если в своем казначействе, то можно.

— Ну а казначейство где?

Йереватс неопределенно махнул рукой:

— Там. Господин хочет туда ехать?

— Именно так. Давай сюда нашу коляску.

Йереватс исчез, и скоро они со стуком ехали к казначейству в своей дребезжащей четырехколесной, запряженной одной айей коляске, которую Борель недавно купил в Кву. Борелю подумалось, что лучше бы ему прогарцевать по улицам в образе разодетого доблестного рыцаря, который пришпоривает своего взмыленного коня, чем спокойно ехать в повозке. Однако, подумав о том, как удобно восседать на мягком сиденье, и какой Йереватс неплохой кучер, он решил на этот раз никому пыль в глаза не пускать.

Казначейство располагалось в одном из больших неуклюжих зданий из грубого камня, какие Кварарум обычно использовал для своих чиновных заведений. По бокам от входных дверей вздыбились каменные йеки — самые сильные хищники этой части планеты, напоминавшие шестиногих норок размером с тигра. У Бореля мурашки по спине пробежали, когда он по пути от Кву услышал рев одной из этих кошечек.

Борель поправил саблю, вышел из коляски, принял надменный вид и спросил привратника:

— Как мне увидеть сборщика налогов, уважаемый?

Кришнанец объяснил что и как, и Борель прошел в зал, где за окошком в стене сидел клерк в неприметной одежонке простолюдинов Микарданда.

— Мне хотелось бы узнать, должен ли я платить какие-то налоги в казну республики Микарданд,— заявил Борель.— Хотя с вами я обсуждать этот вопрос не собираюсь, позовите своего начальника.

Клерк с обиженным и испуганным лицом скользнул прочь. Скоро в окошке показалось другое лицо и другая фигура — заметно более представительная. Одета она была в нарядный мундир Ордена Кварара, однако, судя по скромным эмблемам на груди, это был местный сквайр или еще кто-то рангом ниже настоящего гарма.

— О, мне нужны не вы,— возмутился Борель.— Где главный казначей?

Сквайр нахмурился, и усики-антенны его бровей пересеклись.

— Ну а кто вы, в любом случае? За получение налогов отвечаю я. Если вы хотите внести какую-то сумму...

— Дорогой мой, не сочтите за неуважение к вам, но как бывшему Великому Магистру Земного Ордена и члену многих других мне не к лицу что-то обсуждать с мелкими сошками. Поэтому возьмите на себя труд передать главе вашего учреждения, что с ним хочет побеседовать гарм Феликс Борель.

Кришнанец несколько секунд очумело смотрел на посетителя, потом убежал. Через минуту из коридора с протянутой вперед рукой выплыл другой чиновник, со знаками отличия настоящего рыцаря.

— Мой дорогой! — воскликнул он.— Позвольте пригласить вас в мой кабинет! Это есть такая необыкновенная радость — встретить настоящего земного рыцаря! Совершенно не ожидал вас увидеть: все земляне, гостившие в Микарданде, вели себя крайне неподобающим образом. Они все поголовно исповедуют гнусные теории демократии и всеобщего равенства, причем даже особы высокопоставленные, вроде сэра Эрика Коскелайнена. Но настоящего рыцаря, как вы, нельзя не узнать с первого взгляда!

— Благодарю вас. Я был уверен, что гарм Кварарума сразу почувствует нашу с ним духовную близость, хотя я и принадлежу к другой расе.

Кришнанец поклонился:

— Теперь что касается вашего желания заплатить налоги... Если честно, я сначала не поверил собственным ушам: история нашей Республики не знает случая, чтобы землянин сам по собственному желанию предложил заплатить налоги.

Борель улыбнулся:

— Я не говорил о том, что хочу заплатить налоги. Но я здесь недавно и хотел бы узнать свои права и обязанности. Вот и все. Ведь лучше с самого начала быть в курсе дела, не так ли?

— Да... но... не вы ли тот человек, который только что прибыл из Кву?

— Да, это я.

— Так это вы разогнали банду уширианцев-уджеро, этих речных пиратов, и убили их главаря в сражении на Пичиде?

Борель вальяжно взмахнул рукой:

— О, это такие пустяки. Этих мерзавцев нельзя отпускать безнаказанными, сами знаете. Большую часть я уничтожил,

но, к сожалению, некоторым удалось скрыться. Преследовать их на плоту не было никакой возможности.

Кварарец подскочил на месте:

— Тогда вас ждет награда!

— Награда?

— Как, разве вам ничего не известно? За голову главаря ушарианцев назначена награда в десять тысяч карда! Уже много лет! Мне необходимо только проверить ваши слова...

Борель, быстро оценив ситуацию, перебил:

— Не беспокойтесь. Никакая награда мне не нужна.

— Не нужна? — опешил кварарец.

— Нет. Я всего лишь исполнил свой долг джентльмена, и не нуждаюсь в вознаграждении.

— Но... но деньги находятся здесь... их можно получить сей же час...

— Дайте их тем, кто в них больше нуждается. В Миши есть благотворительные организации?

Кварарец наконец пришел в себя:

— Невероятно! Вы должны познакомиться с самим главным казначеем. Что касается налогов... Позвольте заметить, есть налог для проживающих здесь иноземцев, хотя с другой стороны, мы заключили договор с Гозаштандом и ряд других соглашений о взаимном освобождении от пошлин наших граждан. К вам они не относятся, но с учетом вашего отказа от награды, вопрос об уплате вами налогов наверняка будет решен самым благоприятным образом. Не подождете минутку?

— Конечно. Можно мне закурить?

— Разумеется. Могу предложить вот эти. — И рыцарь-кварарец достал из ящика своего стола коробку кришнанских сигар.

Через несколько минут чиновник вернулся и предложил Борелю пройти в другой кабинет, где представил землянина главному казначею Ордена. Сэр Кубанан отличался редким среди кришнанцев коренастым телосложением и слегка напоминал Санта-Клауса, только без бороды.

Беседа стала почти полным повторением диалога с его подчиненным, с той только разницей, что атмосфера напоминала встречу старых друзей, а главный казначей оказался

весьма говорливым. На него, судя по всему, ордена и медали Бореля произвели сильное впечатление.

— Эта? — спросил Борель, показывая на баскетбольную медаль.— О, это знак второй степени Секретного Ордена Призраков. Тайного и очень влиятельного. В него принимают только тех, кто был оправдан в деле по обвинению в убийстве.

— Великолепно! Изумительно! — наконец обрел дар речи Кубанан.— Сэр Феликс! Дорогой мой, мы непременно изыщем способ решить эту проблему с налогами, не извольте беспокоиться. И не думайте, что столь достойного джентльмена, как вы, обяжут платить налоги наравне с обычными простолюдинами, хотя Орден и испытывает крайнюю нужду в средствах.

Именно этой лазейки Борель и ждал. Он незамедлительно пошел в атаку:

— Ордену нужны дополнительные источники доходов?

— Как же, конечно. Все мы не вылезаем из нищеты и только и заняты поиском средств к существованию.— При этом он задумчиво посмотрел на свои унизанные сияющими кольцами пальцы.— Расходы на оборону ложатся на плечи всех нас тяжкой ношей. В равной степени страдают все, даже женщины и дети.

— А вы не думали о государственной лотерее?

— Что это такое?

Борель объяснил, причем о некоторых деталях говорил настолько бегло и поверхностно, насколько ему позволило владение местным языком.

— Замечательно! — воскликнул Кубанан.— Хотя боюсь, что не все сумел понять — вы говорите с сильным акцентом. Не могли бы вы изложить все это для нас письменно?

— Разумеется. Но можно придумать и кое-что получше.

— Что вы имеете в виду?

— Приведу один пример. Намного легче объяснить, как ездить на айе, чем на самом деле сесть в седло. Так?

— Да.

— Так и рассказать, как работает лотерея, довольно легко, но без практического опыта здесь ничего не получится.

— Но как же нам преодолеть этот барьер?

— Я могу организовать и провести первую лотерею.

— Сэр Феликс, у меня буквально перехватило дыхание. Не могли бы вы обозначить суммы, которые будут фигурировать в этом деле?

Борель указал, сколько приблизительно средств надо вложить, и какая в городе размера Миши ожидается прибыль. От внимания Кубанана не ускользнула одна деталь. Он нахмурился:

— А что это за десять процентов для директора-распорядителя?

— Премиальные. Если вы намереваетесь проводить лотереи на бизнес-основе после моего отъезда, дело нужно поставить правильно. А эти премиальные потом будет получать кто-то другой.— Борель выразительно посмотрел на казначея.— Естественно, в первый раз директором-распорядителем мог бы стать я.

— Понимаю. Резонно. Но членам Ордена не позволяется иметь какие-то личные средства, кроме небольших сумм на карманные расходы. Откуда же нам взять деньги для выплаты премиальных?

Борель деланно пожал плечами:

— Это уж вам решать. Можете и нанять для организации какого-нибудь местного жителя. Среди них ведь есть торговцы и ростовщики, не так ли?

— Да-да... Все это совершенно ошеломляюще. Нам надо обсудить детали. Вы позволите пригласить вас отужинать со мной сегодня вечером? Я покажу вам крепость.

Борель, с трудом скрывая торжествующую усмешку, проговорил:

— Я в свою очередь ошеломлен!

Птица удачи была в его руках!

В назначенный час Борель предъявил пропуск у ворот крепости, и в сопровождении охранника прошел внутрь. В стенах Миши стояли неказистые каменные дома, в которых жили, словно пчелы в улье, члены Ордена. Борель прошел мимо спортивных площадок и плацев, а в попадавшихся на

его пути зданиях узнавал жилые помещения, арсеналы, канцелярии и разные другие заведения. Он старался получше запоминать все детали на случай экстренного бегства. Однажды ему уже пришлось на шесть месяцев дольше, чем ему хотелось бы, провести во Французской Республике — и только потому, что он пренебрег этой предосторожностью. По дороге ему встретилось несколько сот увешанных оружием гармов обоих полов. Некоторые пронзали землянина взглядами, но никто не пытался его остановить.

Апартаменты главного казначея якобы изнывающего от нищеты ордена поражали роскошью. Кубанан сердечно представил Бореля молодой микардандке, при виде которой у землянина перехватило дыхание. Если не обращать внимания на зеленые волосы, перистые усики-антенны и плоское восточное лицо, то никого красивее Борель не видел, по крайней мере, со времени отлета с Земли, особенно с учетом ее так называемого вечернего платья, больше напоминавшего мини-юбку.

— Сэр Феликс, это моя личная секретарша, леди Зердай.— Кубанан конфиденциальным голосом добавил: — Думаю, она моя собственная дочь, хотя утверждать это определенно невозможно.

— Значит, родственные чувства свойственны рыцарям? — спросил Борель.

— Боюсь, что так. Постыдная слабость, но тем не менее очень приятная. Ох-хо-хо, иногда я завидую простолюдинам. А Зердай как-то дала взятку заведующей инкубатором, чтобы та показала ей ее собственное яйцо.

— Я была там сегодня,— сверкнула глазами Зердай,— и служительницы инкубатора сказали мне, что детеныш вылупится из яйца через пятнадцать дней!

— Гм! — хмыкнул Борель.— Не будет ли невежливым, если я спрошу, кто отец? Извините, если задел вас за живое, я еще не вполне ориентируюсь в здешних нравах.

Кубанан его успокоил:

— Ничего страшного. Это сэр Сарду, предшественник сэра Шургеза, не так ли, Зердай?

— Да,— подтвердила она.— Но галактическому путешественнику вроде сэра Феликса наше отношение к детям может

показаться странным. Расскажите нам о Земле! Я так мечтаю там побывать! Все на свете отдала бы, только чтобы собственными глазами увидеть нью-йоркскую биржу, Большой театр в Москве, шанхайские ночные клубы. А автомобили! Как замечательно было бы на них покататься! Поговорить с кем-нибудь на расстоянии в несколько миль! А все эти изумительные технические изобретения, птицефабрики...

Кубанан посуровел:

— Мне иногда кажется, что леди Зердай демонстрирует недостаточную гордость своим Орденом. Хотя она еще слишком молода... Вернемся к нашей лотерее. Видимо, все надлежащие документы необходимо напечатать?

— Вне всякого сомнения. У вас здесь есть типографское оборудование?

— Да, нам его передали земляне. Мы бы предпочли получить немного хорошего оружия, чтобы нанести удар по нашим врагам. Но нет, нам позволили взять лишь это устройство, которое только добавило нам головной боли. А что, если жители нашей страны научатся читать? Какие сумасбродные идеи могут они почерпнуть из книжек? Что способно породить их воспаленное воображение?

Борель старался произвести самое благоприятное впечатление, мысленно благодаря судьбу за то, что ужин состоит из самых лучших кришнанских блюд. Обычно на этой планете потчуют чем-нибудь вроде гигантских пауков.

После еды все трое закурили сигары и, потягивая ликер, продолжили беседу.

— Сэр Феликс,— сказал Кубанан,— вы человек опытный и знаете, что слова землян часто имеют двойной смысл. Они говорят совсем не то, что на самом деле думают. Ваши соплеменники объяснили мне, что не допускают нас к своим научным достижениям потому, что наша цивилизация недостаточно развита — они имели в виду бои гладиаторов, разрешение судебных споров путем боевой схватки, непримиримую вражду с соседями, социальное неравенство и тому подобное. Правда, нельзя утверждать, будто во всем этом нет доли истины, и я был бы только рад, если бы они никогда не передавали нам этого проклятого печатного станка. Но вот какой у меня вопрос:

каковы истинные причины такой политики по отношению к нам?

Борель наморщил лоб, пытаясь найти подходящий ответ. Он был искателем приключений, а отнюдь не интеллектуалом, и никогда не заморачивал себе голову отвлеченными вопросами. Наконец он выдвинул предположение:

— Возможно, земляне боятся воинственных традиций кришнанцев. Вдруг вы узнаете, как строить космические корабли и атакуете соседние планеты?

— Фантастика. Это всего лишь пустая болтовня, пока мы не знаем, обитаемы ли эти планеты. Церковь уверяет нас, что там живут одни боги, а тех, кто утверждает обратное, называет еретиками. Неудивительно, что первые увиденные нами существа с Земли и других планет вашей системы показались нам богами!

Борель пробормотал что-то вежливо-согласное, а про себя подумал: правильно члены первой земной экспедиции не разубеждали туземцев, что они боги. Значит, не совсем дураки были. Это потом сюда разных ретивых благодетелей понаехало, вот и результаты налицо...

Кубанан продолжил:

— Микарданду необходимо безотлагательно решить кое-какие проблемы. Мы окружены врагами. На другом берегу Пичиде лежит Гозаштанд, чей правитель, как и его предшественник, проводит по отношению к нам крайне враждебную политику, а в Маджбуре постоянно плетутся заговоры против нас. Будь у нас хоть один... э-э... револьвер, который наши мастера-кузнецы сразу бы скопировали, Орден бы не пожалел ничего для того, кто...

«Так вот почему этот старый хрен так стелется перед простым чужеземцем»,— догадался Борель. Он прервал излияния Кубанана:

— Ваше превосходительство, я все понял. Но вы понимаете, чем рискуете?

— Кто не рискует, тот не пьет магистерского ликера.

— Совершенно верно, но дело это непростое. Я дам вам знать, когда хорошо все обдумаю.

— Понимаю-понимаю.— Кубанан встал и неожиданно для Бореля произнес: — Я вас покидаю, а то Кури решит,

что я совсем о ней забыл. Вы ведь останетесь у нас переночевать?

— Я? О, благодарю вас, ваше превосходительство. Мне только надо послать записку моему слуге.

— Да-да. Я дам вам бумагу. А тем временем леди Зердай составит вам компанию, а если захотите почитать, на полках много книг. Располагайтесь во второй комнате слева по коридору.

Борель пробормотал слова благодарности, и казначей удалился, волоча по полу свою отделанную мехом мантию. Не испытывая интереса к книгам из библиотеки Кубанана, Борель расположился рядом с Зердай.

Взволнованно поблескивая глазками, она затараторила:

— О финансах мы говорить не будем, поэтому расскажите мне о Земле. Как там живут люди? То есть какие между ними личные отношения? Живут ли они семьями в домах, как простолюдины, или все вместе, как наши рыцари?

Борель все объяснил, и девица вздохнула. Мечтательно глядя вдаль, она промолвила:

— Как бы я хотела туда попасть! Не могу представить ничего более романтичного, чем быть домохозяйкой на Земле, жить в своем доме, с собственным мужем и детьми! И — телефон!

Борель подумал, что некоторые земные жены поют совсем другие песни. Но вслух он мягко спросил:

— А вы не могли бы покинуть Орден?

— Теоретически — да, но это вряд ли когда-либо случится. Это все равно что шагнуть в другой мир, и кому я в нем нужна? Не покажется ли простолюдинам, что я важничаю? А пренебрежительные лица рыцарей Ордена... Нет, вряд ли. Разве что... Будь у меня возможность вообще покинуть этот мир, перелетев на Землю...

— Может быть, и это удастся устроить,— многозначительно изрек Борель. Он был не прочь наобещать ей с три короба, а потом бросить за ненадобностью, а поэтому отнюдь не собирался сразу раскрывать перед ней все свои карты.

— Правда? — Она бросила на него пламенный взгляд.— Ничего бы не пожалела ...

Борель подумал, что все так говорят: ничего бы не пожалел или не пожалела, если бы он сделал то, что им нужно.

— Возможно, для одного моего дела здесь мне понадобится помощь. Вы готовы мне ее оказать?

— Всем моим сердцем!

— Хорошо. Я постараюсь, чтобы вы об этом не пожалели. У нас будет замечательная команда, как вам кажется? С вашей красотой и моим опытом мы сметем любые преграды. Представьте: мы вдвоем путешествуем по всей галактике и производим фурор!

Она наклонилась к нему и проникновенным голосом сказала:

— Вы великолепны!

— Ничуть,— улыбнулся он.— Это вы бесподобны.

— Нет, вы.

— Нет, вы. У вас есть красота, ум, выдержка... Впрочем, у меня еще будет много возможностей вам об этом сказать. Когда я организую эту лотерею.

— О! — Она словно опустилась с небес на землю своей Кришны. Зердай взглянула на свечу-часы, притушила свою сигару и добавила: — Великие звезды, и не думала, как уже поздно! Мне надо идти спать, сэр Феликс Золотой. Вы не проводите меня в опочивальню?

За завтраком сэр Кубанан сообщил:

— Слава звездам, Великий Совет собирается сегодня утром. Я доложу о вашей лотерее, и если это предложение будет одобрено, можно будет приступить к работе немедленно. Почему бы вам прямо сейчас не заняться подготовкой?

— Великолепная идея, ваше превосходительство,— согласился Борель и начал работать. После завтрака он занялся дизайном лотерейных билетов и рекламных объявлений. Зердай вертелась рядом, то и дело предлагала свою помощь, старалась как бы невзначай его коснуться и подталкивала руку с пером. Кришнанка смотрела на него с таким обожанием, что даже он, обычно невозмутимый, как носорог, под ее взглядами чувствовал себя не в своей тарелке.

Однако он решил извлечь пользу из этой ситуации — в деле, которое обещало ему, Феликсу Этьену Борелю, солидный куш.

Днем вернулся ликующий Кубанан:

— Они одобрили! Сначала Великий Магистр Джувайн возражал, но потом изменил свое мнение. Он не любит, когда кого-то не из членов Ордена посвящают в наши дела. Говорит: что это за секретный Орден, если его тайны всем известны? Он немного испугался, но мне удалось его переубедить. Как там наши дела?

Борель показал ему образцы билетов и рекламных объявлений.

Казначей пришел в восторг:

— Замечательно! Великолепно! Продолжайте, мой мальчик, и обращайтесь ко мне, если вам что-нибудь понадобится.

— Непременно. Сегодня я приготовлю все для печати. Затем нам понадобится киоск. Как насчет того, чтобы установить его в конце переулка у входа в крепость? И надо будет обучить двух кришнанцев, чтобы они продавали билеты, и еще нескольких для охраны денег.

— Все будет сделано. Дорогой мой, почему бы вам не перебраться сюда из ваших нынешних апартаментов? У меня есть хорошая комната, а вы сбережете время, и удобства вам добавится. Убьете одной стрелой двух анхасов.

— Переезжайте,— поддержала Зердай.

— О'кей. А где мне держать свою айю и куда поселить моего слугу?

Кубанан все объяснил.

После обеда Борель готовился к печатанию билетов. В Миши имелось только два печатных станка, оба с ручным прессом, и на всю работу требовалось по крайней мере двадцать дней.

За ужином Борель изложил эти соображения Кубанану и добавил:

— Вы не дадите мне полторы тысячи карда из казначейства Ордена на начальные расходы? — Это было больше половины стоимости упомянутых печатных станков, но Кубанан беспрекословно согласился. — А теперь,— продолжил Борель,— давайте обсудим еще кое-что. Так как Зердай — ваша личная секретарша, думаю, вы не будете возражать против ее присутствия.

— Ничуть. Вы что-то придумали в связи с технологической блокадой?

— И да, и нет. Могу вас заверить, нет никакого смысла мне ехать в Новоресифе и пытаться контрабандой привезти оттуда револьвер или его чертежи. Там на пропускном пункте есть специальные устройства, которые просвечивают человека насквозь, а пока этот контроль не пройдешь, выехать оттуда нельзя.

— А как же частная жизнь? Им что, на нее наплевать?

— В данной ситуации — да. Кроме того, даже если найти какую-то лазейку, они пошлют агента, чтобы вернуть нарушителя, живым или мертвым.

— Слышал я об этих агентах.— Кубанан слегка содрогнулся.

— Вдобавок я ничего не смыслю в технике — учился разве что торговле,— поэтому запомнить устройство револьвера и потом рассказать вашим мастерам не в силах. Это оружие слишком сложное.

— Что же тогда?

— Думаю, есть только один способ. Надо предложить им какую-то настолько ценную для них штуковину, чтобы они в обмен ослабили блокаду.

— Да, но что у нас есть? Ничего им от нас не нужно. Говорят, на Земле ценится золото, но оно тяжелое, и доставка за много миллиардов миль обойдется очень дорого. А почти все, что мы производим, делают и они, только быстрее и дешевле. Я уже обсуждал этот вопрос с представителями компании «Вигенс» в Новоресифе. Хоть я и рыцарь, мне приходится заниматься презренными коммерческими вопросами.

Борель достал сигару и заметил:

— Земляне очень изобретательны, и все время что-то выдумывают и будут выдумывать дальше.

Кубанан поежился:

— Ужасное, должно быть, место — ваша Земля. Никакой стабильности.

— Так-то оно так, но если у вас есть какое-то изобретение, которого у них нет, они возжелают узнать секрет. И с ними можно заключить выгодную сделку. Понимаете?

— Но что мы можем им предложить? У нас здесь никаких изобретений нет. Никто техникой не интересуется, должно быть, нашим гражданам недостает на это мозгов.

Борель улыбнулся:

— Предположим, что такой секрет есть у меня?

— Это меняет дело. А что за секрет?

— Его мне поведал один старик перед смертью. Земляне осыпáли этого человека насмешками и говорили, что его устройство противоречит природе вещей. Тем не менее оно действует. Говорю с уверенностью, потому что он показал мне модель...

— Но что это? — воскликнул Кубанан.

— ...Не только земляне дадут за него высокую цену, но и весь Микарданд благодаря нему возвысится над другими народами Кришны.

— Перестаньте нас мучить, сэр Феликс,— взмолилась Зердай.

— Это — вечный двигатель.

— Что за двигатель? — переспросил Кубанан.

— Машина, которая работает вечно. Во всяком случае, пока не износятся ее детали.

Кубанан нахмурился и задвигал своими усиками-антеннами:

— Не могу сказать, что вполне вас понял. У нас есть водяные колеса для мельниц, которые тоже работают, пока не износятся.

— Не совсем одно и то же.— Борель сосредоточился, пытаясь облечь в слова техническую концепцию. Но далось это ему с трудом, потому что он в суть вопроса никогда не вникал и не собирался это делать.— Я хочу сказать, что этот двигатель будет давать больше энергии, чем он потребляет.

— Ну а в чем же здесь выгода?

— Как в чем? Земляне ценят энергию превыше всего. Она движет космические корабли и моторные коляски, на ней работают их средства связи и заводы. Энергия освещает их дома и насыщает их коров... О, я забыл, что вы не имеет представления о коровах. А где на Земле берут эту самую энергию? Из каменного угля, урана и тому подобных полезных ископаемых. Из минералов. Часть энергии дают Солнце и морские приливы, но недостаточно, поэтому есть опасение, что запасы всех ресурсов скоро истощатся. А мой двигатель берет энергию из гравитации, которая является

фундаментальным свойством материи.— Он настолько воодушевился, что не мог усидеть на месте и начал расхаживать туда-сюда по комнате.— Рано или поздно Кришну ждет научно-техническая революция наподобие земной. Ни вы, ни «Вигенс Интерпланетарис» не смогут ей воспрепятствовать. И когда...

— Надеюсь, мне не суждено ее увидеть,— бросил Кубанан.

— ...Когда она произойдет, Микарданд станет лидером на планете. Разве вы этого не хотите? Конечно, хотите! И вам не понадобится менять вашу общественную систему. Право, если мы все сделаем как следует, это не только позволит сохранить власть Ордена, но и поможет распространить его влияние на всю Кришну!

Кубанан начал понемногу заражаться воодушевлением Бореля:

— А как вы предлагаете все это сделать?

— Слышали когда-нибудь о корпорациях?

— Дайте подумать... это не какая-то принятая на Земле простейшая форма торговли и производства?

— Примерно так, но не такая уж она простейшая. Благодаря корпорации для любой вашей деятельности открывается безграничный простор. Корпорацией является компания «Вигенс», хотя всеми ее акциями владеет правительство...— Борель рассказал о финансовой организации корпорации, не преминув заметить: — Конечно, промоутер корпорации получает пятьдесят один процент акций за свои услуги.

— А кто будет промоутером в нашем случае?

— Естественно, я. Нам следует организовать корпорацию для обеспечения работ по этому двигателю. Первоначально финансировать их может сам Орден, а позже ее участники могут оставить у себя акции, или...

— Погодите-погодите. Как участники могут покупать акции, если у них нет собственных денег?

— Уф-ф. В двух словах и не скажешь. Полагаю, заботу о приумножении капитала возьмет на себя казначейство. Можно будет получать прибыль от аренды наших машин или продавать акции с выгодой для себя...

— Сэр Феликс,— вздохнул Кубанан,— у меня от всего этого голова кругом идет. И как бы она вообще не разлетелась

надвое, словно дыня, которую ударили о колоду. Как бы все это заманчиво ни звучало, есть одно непреодолимое препятствие.

— Да?

— Великий Магистр и другие важные чины никогда не позволят — вы только не обижайтесь, — никогда не позволят чужеземцу вроде вас приобрести такую власть над Орденом. Я могу лишь довести до их сведения ваш план устройства лотереи, да и то это будет слишком, словно второй нос на лице.

— Хорошо, давайте пока остановимся на этом. А теперь ваша очередь. Расскажите мне, пожалуйста, об Ордене Кварара.

Кубанан принялся перечислять героические деяния Кварара, легендарного основателя Ордена, который положил в боях несметное количество разных великанов и чудовищ. Борель слушал и одновременно обдумывал создавшееся положение. Он сомневался, что Орден Кварара примет пришельца с другой планеты как равного, но даже если примет, ничего не получится из-за местных законов, запрещающих частную собственность.

— А как микардандцы становятся членами Ордена?— спросил Борель.— Потому что их родители... о-о... если они появляются на свет в официальном инкубаторе?

— Не всегда. Каждый ребенок из инкубатора несколько раз в детстве проверяется. Если он хоть одну проверку не выдерживает, его отдают в хорошую семью простых жителей города. С другой стороны, когда членов Ордена становится маловато, мы устраиваем проверку детям горожан и тех, кто показывает хорошие способности, берет под свою опеку Орден.

Казначей продолжал рассказывать об Ордене и его иерархии, пока у Бореля не начали слипаться глаза и он не испросил дозволения удалиться.

Через пару дней Борель спросил Зердай:

— Любишь меня?

— Ты знаешь, что люблю, мой повелитель!

— Тогда сделай для меня одну вещь.

— Все что угодно, дорогой мой господин.

— Я хочу получить почетное членство в Ордене.

— Но сэр Феликс, им удостаивают только самых важных аристократов, вроде короля Гозаштанда! Не представляю, что тут можно сделать...

— Предложи это Кубанану. Что тебе стоит? И не отставай от него, пока он не согласится. Тебе он доверяет.

— Постараюсь, драгоценный мой. И я надеюсь, что Шургез никогда не вернется.

Это странное замечание осталось без внимания поглощенного в свои думы Бореля, хотя в любом другом случае он непременно бы призадумался.— Еще один вопрос. Есть в Миши хорошие кузнецы? Которые умеют обращаться с металлом? Мне нужен мастер, который бы сделал действующую модель двигателя.

— Я найду его для тебя, мой рыцарь.

Зердай направила Бореля к некоему Хенджаре бад-Кавао, коротышке микардандцу, которого представительный землянин сначала ослепил блеском своих наград, а потом взял с него клятву под страхом смерти никому ничего не рассказывать.

Борель поведал мастеру о придуманном им колесе с чередой выступающих наружу спиц с грузиками на их концах, прикрепленных к ободу так, чтобы они могли свободно поворачиваться в плоскости вращения самого колеса. Когда спица, вместе с колесом, оказывалась в верхней позиции, она падала назад и становилась торчком к ободу. Поэтому казалось, что в любой момент времени грузики на спицах с одной стороны колеса находятся дальше от оси и сильнее тянут обод вниз, а поэтому он должен постоянно вращаться.

Борель достаточно разбирался в технике, чтобы понимать абсурдность этой идеи, хотя и не знал точно, почему колесо вращаться не будет. С другой стороны, здешние туземцы во всем этом понимали еще меньше него, а поэтому можно было втюхать им такую машину, ничего не опасаясь.

Вечером Кубанан заявил:

— Сэр Феликс, мне в голову пришла блестящая идея. Не согласитесь ли вы стать почетным членом нашего достопочтенного Ордена? Право, благодаря этому вы получите большие преимущества — причем не только живя в Микарданде, но и повсюду на нашей планете.

Борель изобразил крайнее удивление:

— Я? Премного благодарен, ваше превосходительство, но вправе ли чужеземец вроде меня рассчитывать на такую честь? — А про себя он при этом подумал: «Ну и умница эта Зердай! Если бы я только мог быть ее женихом...» На мгновение он даже заколебался — стоит ли ему от нее избавляться, когда она исполнит предназначенную ей роль.

— Чепуха, мой дорогой, конечно, вы вправе. Больше того, я предложил для вас полное членство, но Совет указал, что наша конституция разрешает получать его только родившимся в Микарданде нашим соплеменникам. В то же время звание почетного члена Ордена даст вам почти все привилегии, а обязанностей у вас будет несравненно меньше.

— Я вам так признателен! Просто переполнен чувствами!

— Конечно, будет небольшая процедура инициации.

— Что? — Борель постарался сохранить невозмутимый вид.

— Без нее никак не обойтись, исключение может быть сделано только для правителя страны. Но вам нечего опасаться: вас ждет всего лишь продолжительная церемония и ночное бдение. Я познакомлю вас с этим ритуалом. И вам надо будет обзавестись церемониальными одеждами, я дам вам их список.

Борель пожалел, что не запросил в полтора раза больше денег на печатание лотерейных билетов.

Инициация оказалась процедурой не только дорогой, но и чрезвычайно занудной. Братья в фантастических балахонах и причудливых масках то и дело бормотали какие-то мистические распевы. Борель стоял перед Великим Магистром Ордена, высоким кришнанцем с вытянутым лицом, которое казалось деревянным, какое бы выражение владелец ему ни

придавал. Борель отвечал на бесконечные вопросы, а так как обращались к нему на древнем диалекте гозаштандского языка, сам он большей частью не понимал, с чем соглашается. Ему поведали о славной истории Ордена, его могуществе и блестящем будущем. Землянина также обязали защищать Орден и верно служить его интересам. Буде же он нарушит свои клятвы, на его голову обрушатся все мыслимые и немыслимые кары.

— А теперь,— подытожил Великий Магистр,— ты готов для ночной службы. Посему повелеваю тебе: сними свои одежды!

Борель подчинился. Его снедала тревога: что же будет дальше?

— Следуй за мной! — распорядился Великий Магистр сэр Джувайн.

Бореля повели вниз по лестнице, которая с каждым ступенькой делалась все более узкой, темной и неприятной. Двое одетых в капюшоны братьев несли факелы, которые почти не помогали что-либо разглядеть. Бореля бил озноб, и он чувствовал себя все неуютнее. Он ступал по камням ногами в одних носках и думал, что они уже спустились ниже уровня земли в крепости. И только когда процессия спустилась, казалось, уже в самый центр планеты, они остановились. Великий Магистр изрек:

— Здесь тебе предстоит провести ночь, о соискатель. Множество опасностей угрожают тебе, и ты должен достойно их встретить.

Один из братьев взял длинную свечу и, отмерив определенную часть, отрезал солидный кусок, а остаток поставил в небольшую нишу, выдолбленную в каменной стене. Другой брат протянул Борелю охотничье копье с длинным широким наконечником.

И они ушли.

Борель решил, что больше ему делать нечего, так как все это дешевая инсценировка и выдумки. Ничего серьезного с ним произойти не может. Но когда шаги братьев стихли вдали, от его уверенности не осталось и следа. Проклятая свеча еле горела, и в паре метров от нее ничего не было видно. И впереди, и сзади в тоннеле стояла кромешная тьма.

Что-то зашуршало, и у Бореля волосы на голове встали дыбом. Он взял наизготовку копье, и издававшее шум существо, вроде крысы, скользнуло прочь. Борель начал ходить взад-вперед. Ох и остолоп же этот Абреу! Даже часов ему не оставил! Иначе можно было хотя бы следить за ходом времени. Ему казалось, что он уже провел в этой темнице не меньше половины ночи, но это было только иллюзией.

Борель почувствовал под своими одетыми в носки ногами что-то странное и нагнулся, чтобы ощупать пол пальцами. Действительно, он обнаружил два желобка в два-три сантиметра глубиной. Они тянулись по всему туннелю. Он прошел вдоль них в обоих направлениях несколько шагов, но вынужден был остановиться из-за темноты. Что же это за желобки на полу? Словно чьи-то следы...

Он ходил взад-вперед, пока ноги не заболели от усталости, а потом попытался сесть спиной к стене. Когда у него стали закрываться глаза, он вскочил, чтобы братья не нашли его утром спящим. Свеча медленно горела еще некоторое время, ее пламя стояло прямо, но через несколько минут начало слегка колебаться, словно от легкого дуновения ветра. Стояла тишина, и вокруг по-прежнему было темно.

Скоро свеча должна догореть. И что тогда? Они что, хотят, чтобы он сидел тут в кромешной тьме?

Какой-то звук заставил Бореля резко вскочить. Он не мог понять, что это такое: просто легкий шум откуда-то снизу тоннеля. Скоро звук повторился вновь.

Потом его волосы по-настоящему встали дыбом от низкого утробного звука, наподобие того, что издают хищники в зоопарке перед кормлением. Что-то вроде глухого мурлыканья огромной кошки, которым она предваряет рев атаки. Звук повторился снова и стал громче.

Свеча догорала, и Борель с ужасом увидел, как что-то быстро подкрадывается к нему по тоннелю. Это в полумраке приближалась с ужасающим ревом огромная йеки со сверкающими глазами и выпущенными когтями.

Примерно секунду — которая самому ему казалась часом — Феликс Борель, раскрыв рот, беспомощно сжимал копье. В эту секунду, однако, его сознание работало со скоростью захлопывающейся мышеловки. В движениях

йеки было что-то странное, а желобки в полу дали ответ: хищник был муляжом, который катился на тележке с колесиками.

Борель нагнулся и положил копье на пол, под косым углом к стене. Потом шагнул назад. Когда хитроумная тележка наскочила на копье, она с грохотом скользнула в сторону, опрокинулась, и муляж зверя ткнулся носом в стену.

Борель поднял копье и внимательно осмотрел сошедшую с рельсов йеки. Это было заслуженное чучело, со множеством швов на голове и шее на месте пробитых оружием дыр. Похоже, оно использовалось для обрядов инициации уже давно, и претенденты усердно тыкали в него копьями. Другие, несомненно, обращались в бегство и тем самым не выдерживали испытания.

Из тоннеля послышались шаги, и скачками приближался свет факелов. Свеча уже окончательно погасла. Великий Магистр и братья в капюшонах окружили Бореля, и в руке одного из них был рожок, с помощью которого он имитировал рев йеки. Они похлопали землянина по спине, сообщили ему, какой он смелый, и поднялись с ним по множеству лестничных пролетов в главный зал. Там ему позволили снова облачиться в церемониальные одежды. Великий Магистр надел ему на шею украшенную драгоценными каменьями эмблему и приветствовал его напыщенной речью в старом стиле:

— О сэр Феликс, с сего момента ты принят в члены самого достойного, самого древнего, самого честного, самого секретного, самого могущественного, самого праведного, самого рыцарственного и самого братского Ордена, и посему тебе дарованы все права, привилегии, чины, неприкосновенность, положение в обществе, обязанности и знаки отличия рыцаря этого самого достойного, самого древнего, самого честного...

Прошли уже две трети долгой кришнанской ночи, когда с пожиманием рук и тостами было закончено. Борель и Кубанан, обнимая друг друга за шеи и качаясь, поднялись в покои казначея, причем землянин в это время распевал песни родной планеты, которые смог вспомнить, — о короле Англии и королеве Испании, пока Кубанан его не остановил:

— Да будет тебе известно, что вся эта поэзия в Микарданде запрещена.

— А я и не знал. Почему?

— Орден решил, что она подрывает... ик... наш боевой дух. Кроме того, эти проклятые поэты слишком много врут. Какой там следующий куплет?

Утром сэр Феликс, немного придя в себя, решил поплотнее заняться своим вечным двигателем. Днем он получил возможность поговорить с Великим Магистром Джувайном и изложить ему суть дела. Сэр Джувайн, казалось, был всем этим несколько озадачен, и понадобилась помощь Кубанана.

Наконец Джувайн изрек:

— Отлично, брат Феликс. Скажете мне, когда все приготовления будут закончены, и я соберу у себя в резиденции всех членов Ордена, чтобы они утвердили ваше предложение.

Пока работающая модель вечного двигателя была не готова, Борелю в течение двух дней не оставалось ничего другого, как только дышать в затылок Хенджаре бад-Кавао и следить за возведением киоска по продаже билетов, которые к тому времени уже были напечатаны.

От нечего делать он попросил Йереватса научить его управлять коляской. После двух часов занятий ему уже удалось освоить трудное искусство подавать назад и разворачиваться на небольшой площадке.

— Пусть коляска после обеда будет наготове,— распорядился он.

— Господин куда-то собирается поехать?

— Да. Но ты мне не нужен. Я сам буду ей управлять.

— Ох-хо-хо. Это не есть хорошо. Господин попадет в беду.

— Не твоего ума дело.

— Поспорить могу, что господин перевернется. Плохо так кататься.

— Держи язык за зубами! — прикрикнул Борель и замахнулся на Йереватса, который пригнулся и заковылял прочь. Теперь, подумал Борель, Йереватс начнет выкобениваться, и целого дня не хватит, чтобы вернуть ему хорошее настроение,

а до того от него никакого толку не добьешься. Проклятье! Почему у них нет слуг-роботов, безо всяких там чувств, которые надо все время принимать во внимание? Впрочем, на Земле такого слугу пытались сделать, но он вышел из-под контроля и спутал своего хозяина с вязанкой дров...

Днем Борель катался в коляске по главной улице Миши, а Зердай сидела рядом с ним и смотрела на него с обожанием. А он никак не мог привыкнуть к странному перестуку шести копыт запряженной в коляску айи.

Борель осведомился:

— А кто получает преимущество на перекрестке, если к нему одновременно подъезжают две коляски?

— Конечно, ты, Феликс! Ты же член Ордена, хотя и не настоящий рыцарь!

— О! — Хотя у Бореля и было гражданской совести некое минимально возможное для мыслящего существа количество, он все же достаточно долго жил на Земле, с ее демократическими традициями, и такие социальные контрасты показались ему ужасными.— Выходит, если я теперь почетный рыцарь, то могу скакать по городу галопом с криками «оле-оп», и если кто-то попадется на моем пути, то ему же самому и будет хуже?

— Естественно. А что тебя беспокоит? О, я забыла, что ты из другого мира. И у тебя не только очаровательная и необычная инопланетная внешность, но ты еще и гораздо более чуток и добр, чем жители этой страны.

Борель в душе усмехнулся. Его по-всякому именовали: и вором, и мошенником, и мерзким двуличным мерзавцем, но никогда не называли чутким и добрым. Может, это и есть та самая теория относительности, о которой так любят рассуждать всякие патлатые ученые...

— Куда мы с тобой прокатимся? — спросил он.

— На Землю! — решительно заявила она и положила голову ему на плечо. На какое-то мгновение он расслабился и решил отказаться от своих планов расставания с ней. Но затем безграничное себялюбие, которое всегда помогает искателям приключений спастись, взяло верх, и он вспомнил о неминуемом экстренном бегстве. И тогда, чем меньше у него будет багажа, тем лучше. Поматросить и бросить. И в любом

случае, не лучше ли им расстаться, пока она еще не узнала его истинную сущность?

— Давай-ка посмотрим на поединок за северными воротами,— добавила она.— Сегодня будут биться сэр Вольхай и сэр Шусп.

— Что за поединок? Ничего об этом не слышал.

— Сэр Шусп послал бросил вызов сэру Вольхаю — обычная ссора из-за дамы. Шусп уже убил трех рыцарей на таких поединках.

— Если у вас здесь все общее, как когда-то у коммуняк на Земле, непонятно, что может вызвать у рыцаря ревность. Разве не могли они оба пользоваться ее благосклонностью?

— Здесь так не принято. Дама должна расстаться с одним до того, как сойдется с другим. Иначе это считается дурным тоном.

Через северные ворота они выехали из города. Борель поинтересовался:

— А куда ведет эта дорога?

— Разве ты не знаешь? В Колофт и Новоресифе.

За последними домами, где начались возделанные поля, справа от дороги находилась площадка для дуэлей. Она напомнила Борелю североамериканские школьные футбольные поля: такие же небольшие деревянные трибуны и палатки на месте ворот, в которые забиваются голы. Посередине одной из трибун высилась крытая коробка для высокопоставленных персон Ордена. В толпе бродили торговцы, и один из них кричал:

— Цветы! Кому цветы?! Покупайте букеты цвета вашего рыцаря! Красные для Вольхая, белые для Шуспа. Цветы! Кому цветы?!

Трибуны уже почти заполнились, и, судя по цветам на шляпах, большая часть зрителей болела за Шуспа. Борель не внял предложению Зердай согнать одного из простолюдинов и занять его место и повел ее к краю поля, где собрались опоздавшие зрители. Он немножко досадовал на себя за то, что не прибыл вовремя и не сделал несколько ставок. Зрелище было поувлекательнее скачек на Земле, а если не зарываться и делать ставки на обоих противников, можно

было занять выгодную позицию и получить прибыль в случае победы любого из этих олухов.

Когда все заняли свои места, раздался сигнальный звук трубы. Рядом с собой Борель увидел всадника в доспехах мавританского стиля, в небольшой кольчужной юбочке, на голове его был остроконечный шлем с забралом. Он восседал на упитанной айе, также закрытой кое-где доспехами. Этот кварарец выехал из своей палатки на середину поля. По красной отделке сед-ла и снаряжения Борель узнал сэра Вольхая. Именно его вызвали на поединок, а потому ему стал симпатизировать Борель, несмотря на все свое природное отвращение к насилию. Разве не мог соперник этого рыцаря остаться простым приятелем для его подружки? Борель сам неоднократно сталкивался в жизни с такими типчиками, и никого хуже не мог себе представить.

С противоположного конца поля приблизился другой всадник, в точно таких же доспехах, только с белой отделкой. Двое дуэлянтов встретились в середине поля, потом направились к Великому Магистру и подскакали к нему вплотную. Великий Магистр Ордена Кварара произнес речь, которую Борель не расслышал, а всадники после этого разъехались на противоположные концы поля. Рядом с Борелем сквайры Вольхая, или его помощники, или кто-то еще передали ему пику и небольшой круглый щит.

Снова прозвучала труба, и соперники поскакали по направлению друг к другу. Когда они с треском встретились на середине поля, Борель закрыл глаза. А когда открыл их, то увидел, что красный дуэлянт выбит из седла и катится по траве. Его айя продолжала двигаться вперед без него, а белый рыцарь замедлил ход и повернул обратно.

Вольхай тем временем с трудом поднялся в своих железных латах и заковылял к тому месту, где лежала его пика. Он поднял ее, и когда к нему устремился Шусп, упер толстый конец древка в землю и выставил острие вперед на уровне груди айи, где не было доспехов. Борель не видел, как пика пронзила животное, но понял это по дикому реву. Всадник вылетел из седла, а раненая айя забилась в конвульсиях. Борель не переносил жестокости по отношению к животным и с негодованием решил, что надо

добиться решения межпланетного Общества защиты животных о запрещении таких зрелищ.

Толпа пришла в возбуждение, раздавались взволнованные крики, и Борелю пришлось ненадолго отвлечься от поединка, чтобы локтями освободить место для Зердай. Когда он снова посмотрел на поле, рыцари стояли на ногах и с громким звоном орудовали: Шусп большим двуручным мечом, а Вольхай щитом и мечом поменьше.

Они кружили друг вокруг друга, сходились и расходились, медленно приближаясь к тому концу поля, где стоял Борель, пока он не смог хорошо видеть выбоины на их доспехах и тоненькую струйку крови, стекавшую по подбородку сэра Вольхая. К этому моменту оба они настолько вымотались, что их схватка больше походила на соревнования по борьбе: после нескольких ударов они останавливались, чтобы отдышаться, и некоторое время просто сверлили друг друга глазами.

Затем в середине одного обмена ударами меч сэра Вольхая взлетел вверх, несколько раз перевернулся в воздухе и упал прямо к ногам его противника. Сэр Шусп немедленно наступил на него ногой и взмахами своего длинного меча вынудил сэра Вольхая отступить. Потом он поднял меч противника и отшвырнул его как можно дальше.

— Эй, разве так можно? — воскликнул Борель.

— Думаю, что нет,— сказала Зердай.— Хотя тут немного правил, но наверняка так делать нельзя.

Теперь Шусп быстро наступал на Вольхая, у которого остались только щит и кинжал. Рыцарь отступал, по мере сил отражая удары.

— Почему этот болван не бросит драться и не побежит? — подумал вслух Борель.

Зердай удивленно на него посмотрела:

— Разве ты не знаешь, что с рыцаря Ордена за малодушие заживо сдирают кожу?

Вольхай, отступая, приблизился к зрителям, которые начали нервно расступаться. Вольхай шатался, к разочарованию Бореля, который с отвращением смотрел на приближающийся конец его фаворита.

Повинуясь внезапному импульсу, Борель выдернул из ножен свой меч и крикнул:

— Эй, Вольхай, не оборачивайся, но тут кое-что для тебя есть!

С этими словами Борель бросил словно дротик свой меч, и он воткнулся острием в землю рядом с Вольхаем. Тот бросил свой кинжал, схватил меч и яростно ударил им Шуспа — откуда только силы взялись!

Шусп со звоном упал на землю. Вольхай встал над ним, нашел проем в доспехах на горле, вставил туда острие и обеими руками надавил на рукоятку...

Когда Борель снова открыл глаза, ноги Шуспа дернулись в последний раз. Раздались крики «Браво!», и начались расчеты по ставкам на победителя.

Вольхай приблизился к Борелю и сказал:

— Сэр Феликс Золотой, это вы меня спасли.

— Как вы узнали?

— По вашим пустым ножнам, дружище. Примите свой меч вместе с моей благодарностью. Не думаю, что судья сочтет ваш поступок противоправным, потому что главный обвинитель не сможет присутствовать на разбирательстве. Готов всегда прийти вам на помощь.

Он крепко пожал Борелю руку и усталой походкой ушел в свою палатку.

— Как вы смело поступили, сэр Феликс,— восхитилась Зердай, крепко сжимая локоть Бореля, когда они шли сквозь толпу к своей коляске.

— Не вижу в этом ничего особенного,— задумчиво промолвил Борель.

— Отчего же, если бы сэр Шусп победил, он бы вызвал вас на поединок!

— Бульк! — вырвалось у Бореля, который думал совсем о другом.

— В чем дело, мой дорогой?

— Что-то попало мне в горло. Поехали домой обедать, пока толпа не разошлась, а? Вперед, сэр Галахад !

Однако после обеда Зердай почувствовала сильную усталость и сказала, что не выйдет к ужину, — от волнения у нее разболелась голова.

Кубанан удивился:

— Что-то странное, потому что после отъезда сэра Шургеза и вашего прибытия у нее всегда было хорошее настроение.

— Вы хотите сказать, что она тосковала о своем дружке, пока не появился я и ее не развеселил? — Борель пожалел, что старине Кубанану во всей этой пьесе уготована роль козла отпущения. Но бизнес есть бизнес.

— Да. О, Феликс, как жаль, что вы существо другой расы, и она никогда не снесет вам яйцо! Потому что Ордену пригодились бы унаследованные вашими потомками качества. Даже я, старый сентиментальный дурак, частенько думаю, как хорошо было бы вам стать моим зятем, чтобы яйца Зердай были моими собственными внуками, а сам я был простолюдином с семьей.

— А что с этим Шургезом? — сменил тему Борель.— Что с ним случилось?

— Великий Магистр отправил его выполнить одно поручение.

— Что за поручение?

— Доставить нам бороду короля Балхиба.

— И зачем Ордену нужна борода короля? Вы собираетесь заняться драпировочными работами?

— Нет, конечно,— рассмеялся Кубанан.— Король Балхиба давно позволял себе насмешки над нами, а недавно сильно нас оскорбил. Надо преподать ему урок.

— А почему послали Шургеза?

— Потому что он недостойным образом убил сэра Замрана.

— А почему он убил Замрана?

— Ну, вы знаете эту историю... хотя я забыл, что вы здесь человек новый. Именно сэр Замран убил даму Шургеза.

— Я думал, что это Зердай его подруга.

— Да, но стала ею позже. Давайте я начну с самого начала. Когда-то сэр Замран и леди Февзи были любовниками, и все шло хорошо, в соответствии с обычаями Ордена. Потом по какой-то причине леди Февзи бросила Замрана, на что имела полное право, и остановила свой выбор на сэре Шургезе. Это привело сэра Замрана в ярость, и вместо того, чтобы отнестись к утрате философски, как и надлежит истинному

рыцарю, он подкрался к леди Февзи сзади на праздновании сближения планет Вишну и Ганеша и отсек ей голову мечом как раз в тот момент, когда она подносила приготовленный ею домашний пирог Великому Магистру!

— Вау! — воскликнул Борель и весь содрогнулся.

— Это и правда было не по-рыцарски, особенно прямо перед Великим Магистром, не говоря уже о том, как трудно было отмывать ковер. Если уж так необходимо было ее убить, то надо было хотя бы сначала вывести ее наружу. Великий Магистр вышел из себя и собирался жестоко наказать Замрана за такую неучтивость, но не успел он сказать и двух слов, как в поисках своей возлюбленной вошел Шургез, все увидел и пронзил Замрана кинжалом до того, как его успели остановить. После этого у нас на ковре образовалось уже два больших пятна, которые надо было отмыть, а Великий Магистр пришел в сильнейшую ярость. В конце концов он послал Шургеза с этим поручением, чтобы научить его облекать свое негодование в надлежащую форму и не втыкать ножи в ребра всем, кто вызывает его недовольство. Несомненно, Великий Магистр надеялся, что Шургез сам при этом погибнет, потому что короля Балхиба голыми руками не возьмешь.

После этого рассказа Борель решил, что его никакими коврижками не заманишь жить среди местных дикарей.

— А когда Шургез находил время для... э-э... дружбы с Зердай?

— Ну, он не мог отправиться в путь, пока звезды не заняли благоприятное положение. А ждать пришлось двадцать один день, и все это время он наслаждался обществом моей секретарши. Ее всегда привлекали дальние края, и думаю, она бы отправилась вместе с ним, если бы он мог ее взять.

— А что сейчас слышно о Шургезе?

— Отвечу одним словом: ничего. Если бы он тронулся в обратный путь, мои осведомители тут же мне об этом сообщили бы, еще до его прибытия сюда.

Борель осознал, что клацающий звук, который он все время слышал, был стуком его собственных зубов. Он решил на следующий день сделать выволочку Хенджаре бад-Кавао, чтобы тот поскорее закончил модель двигателя.

— Еще один вопрос,— сказал он.— А что стало с пирогом леди Февзи?

Однако на этот раз Кубанан оказался бессилен что-то рассказать.

Наконец, модель двигателя была закончена, и Борель попросил Великого Магистра устроить на следующий день смотрины. Он ждал, что рыцарей соберут вечером, после ужина, когда на сытый желудок у них будет благодушное настроение. Однако ввиду большой занятости Великого Магистра удобное время нашлось только утром.

— Конечно, брат Феликс,— предложил сэр Джувайн,— если хотите, можно перенести встречу на несколько дней.

— Нет, о самый великий и могущественный.— Борель подумал о возвращении Шургеза.— Чем раньше — тем лучше. И для вас, и для меня, и для Ордена.

Таким образом, общее собрание рыцарей было созвано на следующее утро, после завтрака. Феликс Борель стоял на возвышении, лицом к лицу с несколькими тысячами рыцарей Ордена Кварара. Рядом с ним, на небольшом столике, поблескивала медью новенькая модель вечного двигателя. Само колесо, незаметно для зала, было подсоединено к небольшой катушке, обмотанной тонкой, но очень прочной нитью из хвостового волоса шомала. Эта нить тянулась за кулисы, где спряталась Зердай. Борелю пришлось призвать на помощь все свое обаяние, чтобы уговорить ее сыграть эту роль.

Сначала он произнес речь:

— Какие цели и задачи у нашего достойного Ордена? Могущество! А на чем зиждется могущество? Во-первых, на силе нашего собственного оружия. Во-вторых, на богатстве Ордена, которое, в свою очередь, умножается благодаря поступлениям от простолюдинов. Поэтому все, что способствует их благополучию, увеличивает и наше могущество. Разве не так?

Позвольте привести один пример. Насколько мне известно, от Маджбура до Джазмуриана по побережью проложена железная дорога, и биштары толкают небольшие составы

вагончиков. А теперь представьте, что одно из моих колес будет установлено на тележку и подсоединено ремнем к колесам. И двигатель заработает. Тогда эта тележка сможет толкать гораздо больше вагонов, чем биштары, и к тому же она никогда не состарится и не умрет, как животные, никогда не закапризничает и не начнет крушить все вокруг, а если ее не использовать, она будет тихо-смирно стоять в сторонке, не нуждаясь в пище. Мы сможем построить железную дорогу от Миши до Маджбура и в другую сторону до Джазмуриана. И по этим дорогам наши товары будут доставляться быстрее, чем сейчас. Эти перевозки станут источником постоянного дохода, и Орден всегда будет получать свою долю.

Наша военная мощь тоже может сильно вырасти. Не могу посвятить вас во все детали, потому что это секретные сведения, но у меня есть достоверные данные, что за секрет этого двигателя некоторые люди готовы передать оружие, которое находится под контролем Межпланетного совета. Вы понимаете, что это значит. Подумайте как следует.

А пока вы думаете, я покажу вам, как этот двигатель работает. Модель, которую вы видите, не настоящее рабочее колесо, просто игрушка, имитация, благодаря которой вы получите представление о истинном колесе, которое будет намного больше. У этого же небольшого двигателя мощность недостаточна, чтобы он мог приносить реальную пользу. Почему? Все дело в трении. Великие ученые моей родной планеты еще много веков назад установили, что чем меньше машина, тем сильнее мешает ее работе трение. Поэтому то, что это небольшое колесо не может развить полезную мощность, только доказывает, что большое колесо такую мощность развить обязательно сможет. Однако и это небольшое колесо способно двигаться без посторонней помощи.

Смотрите внимательно, братья! Видите? Я отпускаю тормоз, который препятствовал вращению колеса. Задержите дыхание, господа! О, оно движется! Многие века люди бились над этим секретом, и вот он раскрыт, на ваших глазах!

Борель незаметно подал знак Зердай, которая начала потихоньку тянуть за нить, намотанную на катушку. Колесо

медленно поворачивалось, и медные ножки-лучи со стуком падали назад, когда оказывались в верхней позиции.

— Смотрите внимательно! — завопил Борель.— Оно движется! Орден получил несметное богатство и безграничное могущество!

После того как колесо повертелось минуту или около того, Борель заключил:

— Братья, что нам нужно сделать, чтобы довести работу над этим замечательным изобретением до конца? Прежде всего нужны средства, чтобы построить нужное количество больших колес, которые будут приводить в движение различные устройства: корабли и тележки на колесах, мельницы и станки в мастерских. Когда какая-то машина только создается, то сначала у нее могут быть недостатки, которые приходится устранять. Далее, нам нужна организация для эксплуатации колес: заключать договоры с другими странами и сдавать наши двигатели им в аренду, защищать наши исключительные права на использование колес в этих странах, вести переговоры с влиятельными землянами об обмене секрета этого колеса на... думаю, продолжать нет необходимости!

На Земле для таких целей создаются организации, которые называют корпорациями...— И он рассказал рыцарям то, что накануне поведал Кубанану и Джувайну.

— А сейчас,— развил свою мысль Борель,— что нам нужно для корпорации? Первые лица Ордена согласились со мной, что для начала казначейство выделит сумму в 245 тысяч карда, за которые Орден получит сорок девять процентов акций нашей компании. Оставшийся пятьдесят один процент, естественно, остается у промоутера и директора компании. Именно такая организация дела принята на Земле и приводит к успеху. Однако, до того как столь солидные средства будут вложены в это великое предприятие, мы должны, в соответствии с конституцией, проголосовать. Для начала я остановлю наше небольшое колесо, чтобы его шум вас не отвлекал.

Борель положил руку на обод, и щелчки прекратились. Зердай рывком сдернула нить с катушки, вытянула ее к себе и спрятала в укромное местечко.

Борель продолжил:

— А теперь я передаю бразды правления нашему другу и защитнику, вождю и благодетелю, Великому Магистру сэру Джувайну.

Великий Магистр провел голосование, и предложение было одобрено подавляющим большинством голосов. Раздались одобрительные возгласы, и Кубанан вывел на сцену вереницу пажей, сгибавшихся под тяжестью сумок с монетами, которые они сложили в кучу в центре помоста.

Борель с трудом добился тишины и провозгласил:

— Благодарю всех вас и каждого в отдельности. Если кто-то захочет осмотреть колесо лично, он может подойти и убедиться, что никакого обмана здесь нет.

Гармы Кварарума толпой полезли на помост, чтобы поздравить Бореля. Наш искатель приключений, стараясь не пожирать глазами деньги, говорил себе, что как только сделает ноги с этой добычей, немедленно обменяет ее на доллары Всемирной Федерации, вернется на Землю и вложит их куда понадежнее, чтобы до конца жизни о деньгах не беспокоиться. Конечно, такие обещания он всегда давал себе в подобных случаях, но потом деньги куда-то таинственным образом исчезали раньше, чем он успевал их во что-то инвестировать.

Тут к нему пробился через толпу сэр Вольхай и отвлек от приятных мыслей:

— Сэр Феликс, можно мне вас на два слова?

— Конечно. В чем дело?

— Как вы себя чувствуете?

— Отлично. Как никогда.

— Вот и хорошо, потому что в Миши, выполнив поручение, возвращается Шургез.

— Как? — воскликнул стоявший рядом Кубанан.— Шургез возвращается, а мои осведомители ничего мне не сообщили?

— Именно так, мой господин.

— Ай-яй-яй,— запричитал казначей.— Если он пошлет вам вызов, сэр Феликс, вам, как рыцарю, придется его немедленно принять. Каким оружием вы владеете, кроме меча?

— Ик! — вырвалось у Бореля.— Н-никаким. А разве получивший вызов не вправе выбирать оружие? — В голове

у него возникла смутная идея — что-то насчет боксерских перчаток.

— Согласно законам Ордена,— сказал сэр Вольхай,— каждый дуэлянт может использовать любое оружие по его усмотрению. Шургез наверняка вооружится всем чем только можно: пика, меч и булава, или топор в запасе, а также хорошие латы. Что касается вас, то мы с вами почти одного размера, и вы можете, не стесняясь, взять у меня на время все, что вам нужно.

Не успел Борель что-то ответить, как послышались удивленные голоса, и все головы повернулись в одну сторону. Толпа раздалась, и из нее вышел коренастый рыцарь, похожий лицом на монгола.

— Это вас зовут сэр Феликс Золотой? — осведомился вновь прибывший.

— Д-да,— пробормотал Борель, и внутри у него все заледенело от испуга.

— А я — сэр Шургез. Мне стало известно, что в мое отсутствие вы проводили время с леди Зердай. Поэтому я считаю вас мерзким предателем, жалким мошенником, подлым негодяем, ничтожным ремесленником и вонючим иноземцем. Сразу после обеда я жду вас на поле для поединков, чтобы доказать эти свои утверждения вашему уродливому, гнилому телу. Получай, ничтожество!

И сэр Шургез сорвал с руки перчатку и швырнул ее в лицо Борелю.

— Я тебя убью! — в неожиданном приступе ярости воскликнул Борель.— Багхана! — добавил он на гозаштандском.— Мерзавец!

Изрыгнув еще несколько ругательств, он швырнул перчатку обратно Шургезу, который поймал ее, коротко рассмеялся и повернулся к нему спиной.

— Ну и ладно,— промолвил Кубанан, когда Шургез вышел.— Ни капли не сомневаюсь, что такой доблестный и опытный рыцарь, как вы, сделает из этого хвастуна фарш для начинки пирога. Приказать ли мне пажам отнести это золото в ваши покои, пока мы обедаем?

— Не хочу я обедать,— брякнул Борель, но, немного подумав, он решил, что это ему невыгодно. Борель преодолел первоначальный испуг, парализовавший его сознание, и погрузился

в размышления. Прежде всего, ему было жалко самого себя. За что ему такое наказание? Зачем он связался с этим сборищем, где вместо того, чтобы вежливо надувать друг друга, как надлежит делать истинным джентльменам, члены Ордена утверждают свое превосходство жестокими и варварскими способами, дракой и насилием. Он виноват лишь в том, что поддерживал хорошее настроение Зердай в отсутствие этого недоумка...

Потом он взял себя в руки и попытался найти какой-то выход. Что, если просто отказаться от вызова? Но тогда с него заживо сдерут кожу. Вывихнуть себе лодыжку? Возможно, но сейчас, когда его со всех сторон окружают рыцари... Сэр Вольхай действовал из самых лучших побуждений, но почему было не сослаться в разговоре с ним на смертельную болезнь?

И как ему теперь уехать отсюда с золотом? На тележке его не увезешь. Понадобится не меньше двух колясок, запряженных айями, а сию минуту их никто ему не даст. И вообще, как сбежать до поединка? Когда он окружен этими проклятыми друзьями?

Бореля засыпали советами:

— Я знал рыцаря, который начал атаку, держа копье наперевес, а потом размахнулся им и ударил, как дубиной...

— Когда сэр Вардао убил того пришельца из Гозаштанда, он вообще бросил свое копье и ударил его булавой...

— Если сможешь зажать его голову одной рукой, ударь его в живот кинжалом...

На самом деле Борель нуждался лишь в одном совете: как выбраться из этого города и добраться до Новоресифе с одной третью всей казны Ордена. Проглотив последний кусок безвкусной пищи, он сказал:

— Господа, прошу меня извинить. Мне надо побыть наедине с моими близкими.

Зердай рыдала на своей кровати. Он поднял ее и прикоснулся к ней губами. Она ответила жарким поцелуем: кришнанцы охотно переняли этот земной обычай.

— Ну,— вымолвил он,— все не так уж плохо.

Она жадно к нему прильнула:

— Но я люблю только тебя! Не могу без тебя жить! Я так рассчитывала улететь с тобой на дальние планеты...

Остатки самообладания Бореля испарились, и в редком для него приступе откровенности он сказал:

— Слушай, Зердай, как бы ни закончился поединок, для тебя потеря будет невелика. Я вовсе не такой рыцарь без страха и упрека, каким тебе кажусь. На самом деле многие считают меня отъявленным мерзавцем...

— Нет! Нет! Ты добрый и хороший...

— ...и даже если я выберусь из всего этого живым, то могу покинуть Орден без тебя.

— Тогда я умру! Никогда больше не буду подругой этого грубияна Шургеза...

Борель подумал, не дать ли ей немного золота, потому что он так или иначе не надеялся забрать с собой все. Но при социалистических устоях здешнего рыцарства она не сможет им воспользоваться, и Орден в любом случае заберет все деньги себе. В конце концов он отцепил несколько своих самых ярких медалей и протянул ей со словами:

— Пусть хоть эти знаки останутся у тебя на память обо мне.— И она совсем обезумела от расстройства.

Борель нашел Йереватса в его комнате и заявил:

— Если вопрос с поединком решится не так, как мне нужно, забирай золота, сколько можешь увезти, бери коляску и побыстрее уезжай из города.

— О, мой замечательный господин выиграет бой!

— Это решать звездам. Надеемся на лучшее, но готовимся к худшему.

— Но господин, кто повезет коляску?

— Возьми мою айю. Вольхай одолжил мне одну громадину за ту помощь в его дуэли. И вот что еще: когда мы выедем на поле битвы, держи одну из этих сумок у себя под одеждой.

Через час Йереватс закрепил последнюю пряжку на доспехах, одолженных Борелю сэром Вольхаем. Ратный костюм был смесью разных деталей, скрепленных вместе

цепями и шарнирами пластин. Борель нашел, что в этих латах ему было не так неудобно, как он ожидал, особенно с учетом их тяжести, которую он почувствовал до того, как в них облачиться.

Он вышел из палатки на краю поля, где Вольхай держал свою большую айю, с подозрением посмотревшую на латника-дуэлянта из под своих рогов. На другом конце поля Шургез уже был в седле и готов к бою. Борель, внешне спокойный, ругал себя на чем свет стоит за разные упущения. Надо было ему намекнуть, что его оружием может быть пистолет. Надо было купить биштара и сидеть на его высокой слоновьей спине, где Шургез не мог бы его достать, а самому стрелять в противника из арбалета...

Йереватс хлопотал с седлом айи и закрепил рядом с ним сумку, которую взял с собой. Хотя он старался делать это скрытно, звон монет привлек внимание Вольхая. Рыцарь удивился:

— Сумка с золотом у седла? Зачем это, дружище?

— На удачу,— ответил Борель, взявшись за стремена. Его первая попытка закинуть ногу на спину айи закончилась неудачей из-за тяжелых лат, и ему помогли сесть в седло. Йереватс водрузил ему на голову остроконечный шлем и плотно его надвинул. Звуки снаружи сразу же превратились в неясный шум, приглушенный сталью и обивкой шлема. Борель затянул на подбородке ремень.

Послышался звук трубы. Борель видел накануне, как действуют рыцари на поединке, и теперь пришпорил айю и медленно выехал на поле битвы навстречу своему противнику, который двигался к нему. Слава Богу, на Земле он научился управлять лошадью! Но это умение нисколько не ослабляло той тряски, которая неизбежно ждала сидящего на айе всадника, стоило ей перейти на рысь, потому что седло располагалось как раз над средней парой ног.

Борель едва видел Шургеза сквозь забрало шлема и полагал, что его самого тоже почти не видно. Они безмолвно подъехали к краю поля, где в своей кабинке сидел Великий Магистр. Они сидели на своих айях бок о бок, пока сэр Джувайн излагал им правила поединка. Борель подумал, что говорится ужасно много слов, а никакой практической пользы от них нет.

Рядом с Великим Магистром расположился Кубанан. Лицо у казначея окаменело, и лишь на секунду оживилось, когда он подмигнул землянину. Поодаль на трибуне сидела Зердай. Поймав взгляд Бореля, она неистово замахала руками.

Наконец Великий Магистр закончил речь и взмахнул жезлом. Дуэлянты разъехались по разным концам поля к своим палаткам, и Вольхай протянул Борелю его копье и кинжал со словами:

— Держи наконечник на уровне его груди, посматривай за...

Но Борель, поглощенный своими мыслями, ничего не слышал.

— Ну, окрысился! — подбодрил его Вольхай, и трубач дал сигнал к бою.

Борель едва не падал от волнения и сумел только выдавить:

— Прощай, и спасибо.

Айя Шургеза уже колотила копытами по полю, когда Борель взял себя в руки и привел свою клячу в движение. Ему казалось, что он очень долго скачет навстречу маленькой фигурке в седле айи и совсем к ней не приближается. Но вдруг его соперник увеличился до настоящего своего размера и оказался прямо перед ним. Так как Шургез начал движение раньше и скакал быстрее, они встретились немного раньше центра поля. Когда его враг устремился к нему, Борель привстал в стременах, метнул в него свое копье и тут же схватился за поводья своей айи, чтобы взять немного вправо.

Шургез согнулся от удара копья, а острие его собственной пики из-за этого вильнуло и прошло мимо цели. Борель слышал, как его копье клацнуло о латы Шургеза. Потом он поскакал к палатке своего соперника в дальнем конце поля. Борель нагнулся и нещадно подгонял свою айю шпорами.

У конца поля он оглянулся. Шургез все еще разворачивал айю. Тогда Борель переключил свою внимание на палатку и стоявших рядом с ней зрителей, стараясь найти прореху в их рядах. Кришнанцы до последней минуты молча смотрели на него, а потом бросились врассыпную, когда айя поскакала прямо через толпу. Раздались громкие крики.

Борель направил свое шестиногое чудище на дорогу, которая вела к Новоресифе. Он привязал поводья к луке седла

и стал освобождаться от своего боевого снаряжения. Ярко разукрашенный шлем полетел в сторону первым и со звоном упал на дорогу. За ним последовали меч и боевой топорик. Немного повозиться пришлось с высокими латными рукавицами и кирасой с короткими рукавами из соединенных вместе колец. Железные штаны остались ждать более удобной минуты.

Айя скакала галопом, пока Миши не скрылся из глаз. Когда чудище устало зафыркало, Борель немного замедлил ход. Но скоро он оглянулся назад, и ему показалось, что вдали видны какие-то точки — а вдруг это его преследователи? Поэтому он снова шпорами послал айю в галоп. Когда точки исчезли, он опять замедлил скорость. Галоп — рысь — шаг — рысь — галоп. Так Борель и ехал, если только можно называть этим словом передвижение на шестиногой пародии на лошадь. О, если бы у него был его любимый блестящий «паккард»! Даже в такой пиковой ситуации лучше было оказаться на Земле, где он по крайней мере знал правила игры.

Он презрительно посмотрел на сумку с монетами, позвякивающую рядом с седлом. Именно из-за этого золотишка айя скакала медленнее, а самого его не отпускал страх. Не такой уж плохой улов за столь короткий срок, хватит ему и на жизнь, и на путешествия, чтобы облапошивать новых простаков. Конечно, эта добыча несравнима с той, которая ждала его, если бы не появился откуда ни возьмись этот Шургез. Тогда бы он мог скрыться и с деньгами, которые Орден вложил в дело, и с выручкой от продажи лотерейных билетов...

На следующее утро Борель все еще трясся в седле, пробираясь по топким дорожкам через Колофтские болота. Вокруг жужжали и кусали его насекомые, из темной жижи под ногами подымались и лопались воздушные пузыри. То и дело воду вокруг медленно бороздили какие-то обитатели болот, а иногда глухо хрюкали во время спаривания. Ночью во время дождя Борель промок до нитки, а во влажном воздухе болота его одежде не суждено было высохнуть.

Из кустов с дикими криками выскочили и бросились к Борелю колофтские туземцы: похожие ни Йереватса, с каменными ножами и копьями, волосатые, с хвостами, нагие и страшные на вид. Борель пришпорил айю и пустил ее рысью. Туземцы выскочили на тропу слишком поздно, чтобы его перехватить, а брошенное копье просвистело у него над головой.

Тут было не до свойственной Борелю жалости к животным, и он вонзил шпоры в бока айи. Туземцы бросились вдогонку — обернувшись, он увидел, что они мчатся именно за ним. Борель вздрогнул, а другое копье ударило в луку седла и отлетело в сторону. Оно упало на тропу, а на седло полетели каменные крошки. Следующее копье будет моим, мрачно подумал Борель.

В этот момент его осенило. Если открыть сумку с золотом и бросить пригоршню монет на тропу, дикари могут остановиться и начать их подбирать. Его пальцы потянули за узел завязанной Йереватсом тесемки.

Но двадцатикилограммовая сумка вырвалась из его руки. Хлоп! Золотые монеты брызнули из сумки и завертелись на утоптанной почве дороги. Хвостатые туземцы завопили, бросились их подбирать и забыли о погоне. В первый момент Борель почувствовал безмерную радость, что копья в него больше не летят, но потом задумался над слишком высокой ценой своего спасения. Однако вернуться назад и начать дискуссию о праве собственности на эти монеты было равносильно самоубийству, и поэтому он поскакал дальше.

Он въехал в Новоресифе около полуночи, и у самых ворот его окликнул человек в форме службы безопасности Абреу:

— Это синьор Феликс Борель?

— А? — Он настолько вымотался и привык даже думать на гозаштандском, что не сразу понял произнесенные на бразильско-португальском космоязыке слова.

— Я говорю: это синьор Феликс Борель?

— Да. Сэр Феликс Борель, чтобы быть совсем точными. Что...

— Меня не заботит, как синьор называет сам себя. Вы арестованы.

— За что?

— За нарушение статьи 368 Свода законов.

На предварительных слушаниях дела Борель потребовал адвоката, а так как у него не было денег, судья Кешавачандра назначил Мануэля Сандака. Абреу рассказал об обстоятельствах дела.

Борель спросил:

— Синьор Абреу, как вы, дьявол вас побери, так быстро успели все узнать о моем маленьком проекте?

— Обращайтесь, пожалуйста, к суду,— заметил Кешавачандра.— Естественно, у службы безопасности есть свои профессиональные секреты. Можете что-нибудь сказать по сути дела?

Борель пошептался с Сандаком, который встал и сказал:

— Защита настаивает на том, что предъявленные Службой безопасности обвинения prima facie[71] безосновательны, поскольку устройство, о котором идет речь, это колесо, якобы реализующее идею вечного двигателя, что в своей основе невозможно с учетом всем известного закона сохранения энергии. В статье 368 особо отмечено, что «запрещается передавать любым местным жителям планеты Кришна любые устройства, приборы, механизмы, инструменты, оружие или патенты на изобретения, которые могли бы содействовать повышению уже имеющегося на данной планете уровня науки и техники...». Но так как сие приспособление ни при каких вообразимых условиях работать не будет, ни о каком «улучшении» и речи быть не может.

— Вы хотите сказать,— пробормотал Абреу,— что все это мошенничество, обман?

— Конечно.— И Борель добродушно рассмеялся, глядя на сбитого с толку сотрудника службы безопасности.

Абреу заметил:

— По последним данным, вы действительно позавчера демонстрировали свой двигатель в зале собраний Ордена Кварара в Миши. Что вы на это скажете?

— Это был всего лишь ловкий трюк.— И Борель рассказал, как сидящая в укрытии Зердай с помощью нити приводила колесо в действие.

— Так почему же они подумали, что эта штуковина может работать? — недоумевал судья.

[71] По первому виду *(лат.)*.

Борель объяснил.

Кешавачандра воскликнул:

— Боже мой! Такие якобы вечные двигатели были распространены в Средние века в Европе! Помню, у меня было одно подобное дело, когда я был юристом-патентоведом в Индии.— Он повернулся к Абреу: — Это описание соответствует вашим данным?

— Да, ваше превосходительство.— Он посмотрел на Бореля: — Я знал, что вы жулик, но никогда не ожидал, что и хвастун...

— Не надо переходить на личности,— оборвал его судья Кешавачандра.— Излагайте факты в подтверждение вашего обвинения!

— Чинуша! — крикнул Борель в сторону Абреу.

— Боюсь, я не смогу привлечь его к ответственности,— сообщил судья.

— А как насчет обвинения в мошенничестве? — с надеждой в голосе спросил Абреу.

Сандак вскочил со своего места:

— Возражаю, ваша честь! Дело происходило в Микардандe, и этот суд не полномочен решать такие вопросы.

— А нельзя ли задержать его, пока власти республики не потребуют его выдачи? — предложил Абреу.

— И это невозможно,— парировал Сандак.— У нас нет с Микардандом соглашения об экстрадиции, потому что законодательство этой страны не отвечает минимальным требованиям Межпланетной юридической комиссии. Более того, суды поставлены в известность, что подозреваемый не может быть насильно возвращен под юрисдикцию страны, где он скорее всего будет казнен.

— Боюсь, синьор, что защитник снова прав,— подтвердил судья.— Однако нам предоставлена возможность высылать нежелательных лиц. Подайте мне прошение, и я его подпишу, не успеете вы и глазом моргнуть. Через несколько дней улетают сразу несколько кораблей, и мы может предоставить ему возможность выбора. Не годится наказывать его за то, что не входит в нашу юрисдикцию, но я не знаю, что тут еще можно сделать.— И он добавил с улыбкой: — А то снова возьмется за старое и будет болтаться здесь, как

ломаный грош в кармане, а полицейские будут за ним бегать. Сам он вечный двигатель!

Борель, сутулясь, вошел в бар Нова-Иорке и заказал двойной виски. Он вытащил из кармана оставшиеся деньги: четыре с половиной карда. Хватит на пропитание до отлета. Или можно разок хорошо кутнуть. Он выбрал последнее: если хорошенько напиться, долго будет не до еды.

Он мельком взглянул на свое отражение в зеркале: небритый, с глазами такими же красными, как его волосы, в некогда яркой, а теперь поблекшей под ударами ветров и дождей штатской одежде. От его недавней бравады не осталось и следа. В Новоресифе его за решетку не посадили, но все равно теперь повезут Бог знает куда, без гроша в кармане, чтобы начать новое дело. Предоставленная ему до отбытия свобода мало его радовала, потому что он знал, как тоскливо бывает на этих космических кораблях.

И Зердай была безвозвратно для него потеряна, хотя он тешил себя мыслью, что на самом деле собирался взять ее с собой, как обещал. Ему стало бесконечно жаль себя. Может, даже придется пойти работать, хотя одна эта мысль вызывала у него содрогание. Он всегда решал изменить свою жизнь, когда попадал в такие переделки. Но кто возьмет его на службу в Новоресифе, если он значится в черном списке Абреу? Возвращаться назад в Микарданд было глупо. Почему он только совсем недавно не догадался поступить немного по-другому...

Борель обратил внимание на коротавшего время за рюмкой виски человека средних лет. На вид он был добродушным увальнем.

— Недавно здесь, синьор? — завязал разговор Борель.

— Да. Только два дня назад прилетел с Земли.

— Добрая старая Земля...

— На доброй старой Земле все хорошо.

— Позвольте мне вас угостить,— предложил Борель.

— Лучше уж я вас угощу.

— Ладно, не буду настаивать. Надолго сюда прибыли?

— Пока не знаю.

— Что вы имеете в виду под «пока не знаю»?

— Сейчас объясню. Когда я прилетел, то хотел все посмотреть на этой планете. И теперь все дела закончил и осмотрел все в Новоресифе. Но съездить куда-то еще не могу, потому что не знаю местных языков. Хотел взять проводника, но, похоже, все здесь слишком заняты собственными делами.

Борель, внезапно забеспокоившись, уточнил:

— А какое путешествие вы планировали?

— О, через империю Гозаштанд, возможно, с заездом в свободный город Маджбур и Балхиб на обратном пути.

— Была бы отличная поездка, хотя и немного рискованная. Конечно, пришлось бы проехать по довольно дикой местности и передвигаться на айе. Никаких экипажей там нет.

— Все это ерунда. Я еще мальчишкой научился управляться с лошадью. А что касается риска, то мне уже около двухсот лет, и можно бы немного поразвлечься до наступления настоящей старости.

— Еще по одной? — намекнул Борель.— Знаете, можно этот вопрос обсудить. Я только что закончил одну работу. Между прочим, меня зовут Феликс Борель.

— А я — Семен Трофимов. Так вы и правда хотели бы стать проводником? Судя по вашему виду, вы что-то вроде чиновника...

Но у Бореля словно уши заложило. Семен Трофимов! Самый крутой деятель, который когда-либо ему встречался. Один из директоров «Вигенс Интерпланетарис», член всевозможных общественных советов и комиссий, учредитель и совладелец разных компаний на Земле... По крайней мере, рассчитается такой человек без проблем, да и быстро уломает этих чинуш, которые собрались отослать Бореля отсюда куда-то к черту на рога.

— Конечно, синьор Семен,— сказал Борель вслух.— Я могу устроить вам путешествие, какого не знал ни один землянин. В северном Рузе, например, есть знаменитый водопад, которого земляне почти не видели. А знаете ли вы, как устроена жизнь в королевстве Балхиб? Очень любопытно. На самом деле, я давно думал о том, чтобы пара людей с головой организовала здесь небольшую компанию, вполне легальную

и прибыльную. Позже объясню вам, в чем суть дела. Может, нам вместе и удастся запустить это предприятие. Есть у вас меч? А одежда для езды верхом? Я знаю одного честного колофтунца, которого можно взять слугой, если только сумею его найти. И у меня уже есть одна айя. А что касается компании в Балхибе, то это абсолютно надежное дело...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Безумный мир *(роман)*.....5

Никто, кроме Люцифера *(роман)*.....163

Королева оборванцев *(роман)*.....333

Создатели континента *(повесть)*.....531

Рассказы.....641

Зубы инспектора Фисесаки.....643

Летние одежды.....661

Все хорошо, что хорошо кончается.....681

Галтонский свисток.....704

Магические крекеры.....733

А ну, вперед, телятки!.....750

Вечный двигатель 773

В СЕРИИ *«ЗАБЫТАЯ КЛАССИКА»*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Северо-Запад» ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

Вышли:

Э. ГАМИЛЬТОН «Дверь в иной мир»

Л. СПРЭГ де КАМП «Безумный мир»

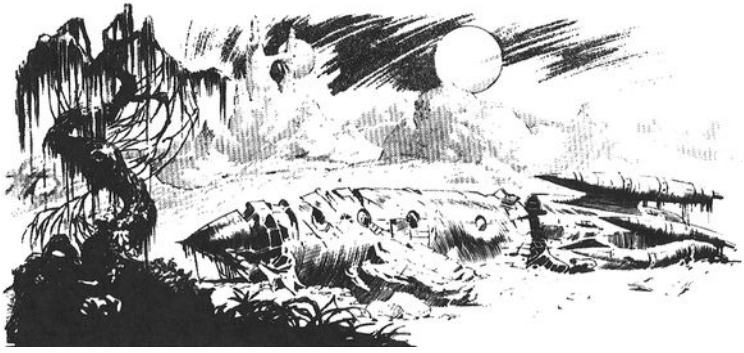
Готовятся к печати (следите за подпиской):

Р. М. ВИЛЬЯМС «Пропавший линкор»

Г. ФОКС «Сага о Кирыке»

Дж. КЭМПБЕЛЛ «Путь черной звезды»

А. МАРТИН-БАРНС «Огненный меч»



СПРЭГ

ДЕ КАМП

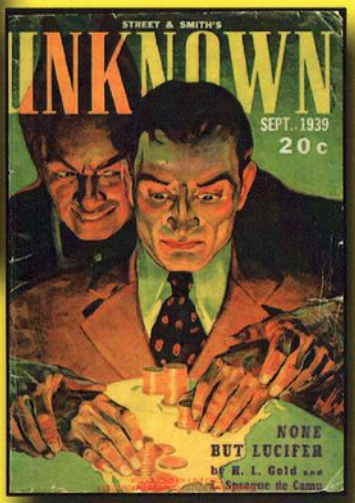
БЕЗУМНЫЙ МИР

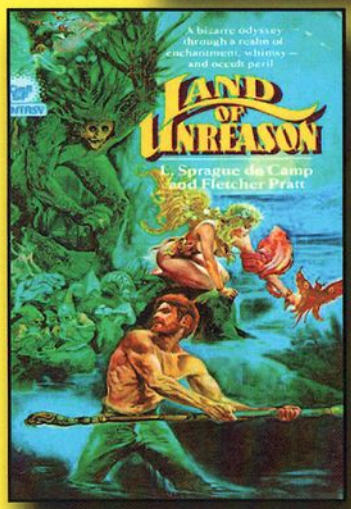
+ 16

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
КЛУБНОЕ ИЗДАНИЕ
Тираж 50 экземпляров

Составитель серии *А. Лидин*
Ответственный редактор *И. Кремнев*
Редактор *А. Лидин*, *С. Федотов*
Главный художник *Л. Соловьева*
Верстка *В. Кудрешов*
Корректор *И.Жигалова*

ЗАБЫТАЯ КЛАССИКА





ISNB 978-5-93835-572-9
9 785938 355729

•Северо-Запад•